Свт. Димитрий Ростовский

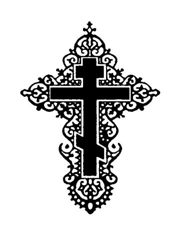
ЖИТИЯ СВЯТЫХ

IX

МАЙ

Святитель Димитрий, митрополит Ростовский.

XVIII в.



ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ,

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ

ИЗЛОЖЕННЫЯ ПО РУКОВОДСТВУ

ЧЕТЬИХЪ-МИНЕЙ св. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

КНИГА ДЕВЯТАЯ

МАЙ

«Ковчег»
Москва
2010

Разрешено к печати
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга девятая. Май. — М.: «Ковчег», 2010. — 784 с., ил.

Данное издание представляет собой новый набор дореволюционного текста, напечатанного в Московской синодальной типографии в 1904–1911 гг., в современном правописании с заново подобранными иллюстрациями. Цитаты из Священного Писания приведены, за исключением некоторых, на русском языке (Синодальный перевод). Приложен список старинных мер длины и денежных единиц.

ISBN 5-98317-158-5

Подписано в печать 24.03.10. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 49 п. л. Усл. печ. л. 63,21.
Гарнитура «Newton». Тираж 3000 экз.
Заказ № 1501.

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Б. Ордынка, 7

Оптовая и розничная книжная торговля
Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов
в ОАО «Дом печати – ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp.kirov.ru
e-mail: pto@gipp.kirov.ru

МИНЕИ-ЧЕТЬИ

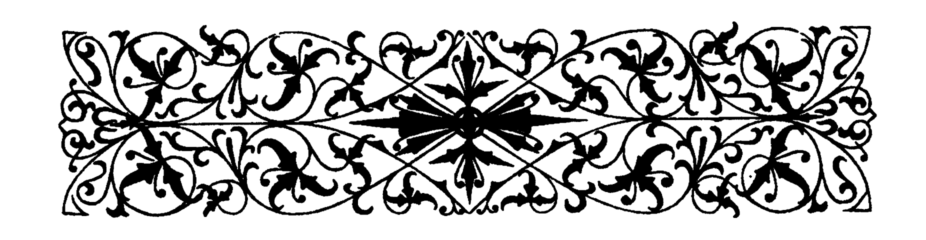
НА

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Молитва
(из предисловия к Житиям святых)

Скажи ми безвестная и тайная премудрости Твоея́, на Тя бо уповаю, Боже, да Ты ми просветиши ум и мысль светом разума Твоего не то́кмо чести́ написанная, но и творити я, да не в грех себе учения и жития святых прочитаю, но в обновление и просвещение и в спасение души моей и в провожение в вечную жизнь.



День первый

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО ПРОРОКА
ИЕРЕМИИ

Святой пророк Иеремия[1] родился в Анафофе, городе священническом[2], в пределах колена Вениаминова, недалеко от Иерусалима. Сын священника Хелкии, он был предызбран и предназначен к пророческому служению, подобно Самуилу (см.: 1 Цар. 2), еще прежде рождения своего, как сказал о том Сам Господь: *Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя* (Иер. 1, 4–5).

Святой Иеремия, священник по рождению своему, учитель же и пророк по званию от Бога, был, по свидетельству святого Игнатия Богоносца, девственником в продолжение всей жизни своей (см.: Иер. 16, 2). На пророческое служение он выступил в 630 году до Рождества Христова, — еще в нежном юношеском возрасте, как то видно из первой главы его книги, где повествуется, что на призыв от Господа к пророчеству он так выразил свое смущение:

— О Господи Боже! — я не умею говорить, ибо я еще молод — отрок.

Господь же ободрил его и, одаряя его разумом человека взрослого и совершенного, сказал:

---

[1] *Иеремия* — с еврейского «возвышенный Богом».

[2] Колено Левия при разделе земли обетованной не получило особого удела; оно рассеяно, расселено было среди других колен, где отведены были левитам, по жребию, города с их предместьями. *Город Анафоф* находился в пределах колена Вениаминова и принадлежал потомкам Аарона (Нав. 21, 18; 1 Пар. 6, 60).

— Не говори: «Я молод», ибо ко всем, к кому пошлю Я тебя, пойдешь, и все, что Я повелю тебе, скажешь. Не бойся их; ибо Я с тобою, чтобы избавить тебя.

Сказав это, Господь простер руку Свою и, коснувшись уст Иереминых, изрек ему:

— Вот, Я вложил слова Мои в уста твои. Смотри, Я поставил тебя в день этот над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать (греховную, беззаконную жизнь людскую) и на месте разрушенного и искорененного вновь созидать и насаждать (добрые нравы и богоугодную жизнь людей) (см.: Иер. 1, 7–10).

Это слово Господа, призвавшее Иеремию на пророческое служение, было во дни Иосии, царя Иудейского, в тринадцатом году его царствования[1]; святому же пророку тогда шел пятнадцатый год от рождения: в столь юном возрасте он сделался орудием действенной благодати Божией!

В те времена иудейский народ хотя наружно и хранил преданность вере отеческой, поклонялся Богу истинному, изведшему его некогда из Египта, но внутренне далек был от истинного служения Ему. Входя в близкие сношения с окрестными народами, иудеи нравственно были развращены; подчиняясь чужим обычаям, они в большинстве своем, особенно зажиточные и властные из них, служили языческим мерзостям. Не только в окрестностях Иерусалима, по холмам и долинам, но и в самом Иерусалиме, подле храма Господня, воздвигнутого Соломоном, были поставлены идолы, которым приносились жертвы так же, как истинному Богу. Это нравственное тление, глубоко проникавшее в народную жизнь, возбуждая справедливый гнев Божий, приготовляло Иудейской земле разорения и пагубу, что и предуказано было святому Иеремии в двух видениях: жезла орехового и кипящего котла.

И было слово Господне к Иеремии:

— Что видишь ты, Иеремия?

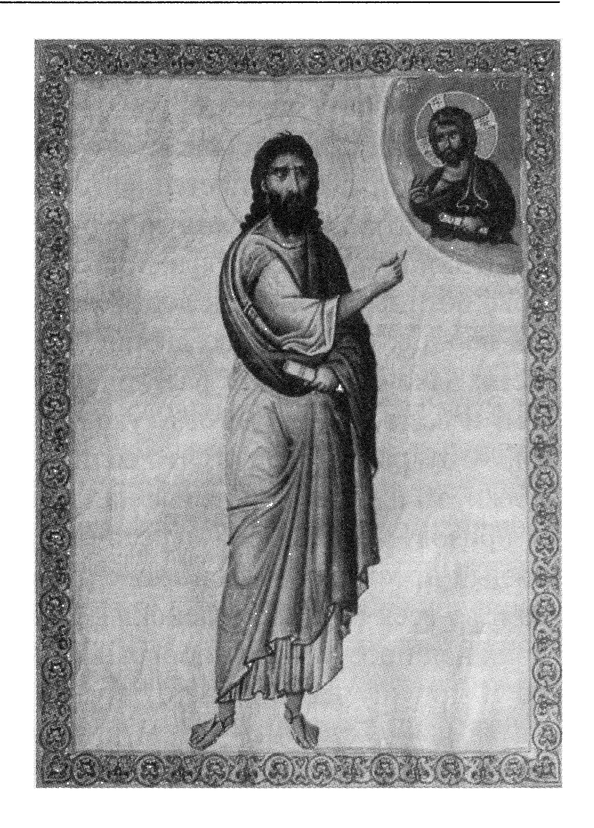
Он ответил:

— Вижу жезл миндального дерева.

Господь сказал ему:

---

[1] *Иосия* царствовал с 642 по 611 год до Рождества Христова.



— Ты верно видишь; ибо Я бодрствую[1] над словом Моим, чтобы оно скоро исполнилось.

И было слово Господне к нему в другой раз:

— Что видишь ты?

— Вижу, — отвечал Иеремия, — поддуваемый ветром кипящий котел[2], и он показывается с севера.

И сказал ему Господь:

— От севера польется бедствие на всех обитателей земли сей. А ты опояшь чресла твои, и встань, и скажи им все, что Я повелю тебе; не малодушествуй пред ними, чтобы Я не поразил тебя пред их глазами. Вот Я поставил тебя ныне укрепленным городом и железным столбом и медною стеною на всей этой земле, против царей Иуды, против князей его, против священников его и против народа земли сей. Они будут ратовать против тебя, но не превозмогут тебя, ибо Я с тобою, чтобы избавлять тебя (см.: Иер. 1, 17–19).

Исполняя повеление Божие, святой Иеремия начал обличать иудеев за отступление от истинного Бога и уклонение к языческому суеверию, угрожая грядущим на них гневом Вседержителя и увещевая, для избавления от страшных последствий гнева Господня, принести покаяние. Пророческое служение Иеремии продолжалось от

---

[1] *Миндальное дерево* ранее других дерев пробуждается после зимнего сна, — оно цветет в январе, а в марте уже приносит плоды; потому у евреев оно называлось *бодрствующим*.

[2] *Кипящий котел* был у народов Востока символом ожесточенной войны. Иеремия угрожал Иудее нашествием халдеев; Вавилон был на востоке от Иудеи, но халдеи вторглись в нее, чтобы миновать Аравийскую пустыню, обходом чрез Сирию, именно с севера.

дней, как уже сказано было, царя Иосии во дни сына его Иоахаза и Иоакима — брата Иоахаза, и во дни Иехонии, сына Иоакимова, и во дни Седекии, сына Иосии, брата Иоахаза и Иоакима[1].

Много страданий претерпел пророк Божий от своих соплеменников, утративших истинную веру в Бога и страх Божий! — Грозные прещения Господа Саваофа он возвещал без колебаний и смущений, слово истины он смело и дерзновенно возглашал и во дворе храма и при воротах города, и во дворце царском, и в темнице, и в окрестностях Иерусалима. Не раз приводим он бывал к царям и вельможам, и всем он прямо, без лукавства или малодушной застенчивости, — открыто говорил, что если они не покаются и не отвратятся от лжи, то их постигнут злые напасти. Ибо вот что говорит Господь: «Я призову все племена царств северных, и придут они и поставят каждый престол свой при входе в ворота Иерусалима, и вокруг стен его и во всех городах иудейских. И будут они исполнителями судеб Моих над преступным народом, казнителями беззаконников. И все это Я попущу на них за то, что они оставили Меня и воскурили фимиамы чужеземным богам и поклонились делам рук своих (см.: Иер. 1, 15–16). Выслушайте слово Господне, дом Иаковлев и все рабы дома Израилева! Так говорит Господь: какую неправду нашли во Мне отцы ваши, что удалились от Меня и осуетились и не сказали: где Господь, Который вывел нас из земли Египетской, вел нас по пустыне необитаемой, по земле сухой, по земле тени смертной, по которой никто не ходил и где не обитал человек? Я ввел вас в землю плодоносную, чтобы вы питались плодами ее и добром; а вы вошли и осквернили землю Мою, и достояние Мое сделали мерзостью. Я буду судиться с вами, и с сыновьями сыновей ваших буду судиться. Ибо пойдите на острова Хиттимские и посмотрите, и пошлите в Кедар и разведайте тщательно и рассмотрите: было ли там что-либо подобное сему? Переменял ли какой народ богов своих, хотя они и не боги? А Мой народ переменил славу свою на то, что не помогает. Подивитесь сему, небеса, и содрогнитесь и ужаснитесь основания земли: два зла сделали люди Мои, потеряв страх Мой: они оставили Меня, Господа Бога своего, — источник живой воды, и устроили, высекли себе водоемы негодные, которые не могут держать

[1] Его служение продолжалось сорок два года, с 627 по 585 год до Рождества Христова.

воды. Я насадил народ Мой как благородную лозу — на берегах Иордана, — самое чистое семя, а она превратилась в дикую отрасль чужой лозы. Израиль — раб Мой и домочадец, как резвая верблюдица, как дикая ослица, рыщущая в пустыне, в страсти души своей глотающая воздух, сказал: не надейся, нет! Ибо люблю я чужих и буду ходить путями их. Осрамил себя дом Израилев: люди его, и цари его, и князья его, и священники, и пророки его оборотились спиною ко Мне, а не лицом и сказали: «Мы сами себе господа; мы уже не придем к Тебе»; но вот во время бедствия своего будут говорить: «Встань и спаси нас!» — О род! Внемлите вы слову Господню: был ли Я пустынею или страною Израиля? — Забывает ли девица украшение свое и невеста — наряд свой? А народ Мой забыл Меня, нет числа дням забвения его! И по вероломству своему ты искусно направляешь, прикрывая срамоту свою одеждою благочестия, пути твои, чтобы снискать любовь! И для того даже к преступлениям приспособляешь ты пути твои, так что на краях одежды твоей находится кровь людей бедных, невинных... (см.: Иер. 2, 4–34). И вот за то, что они поступают по упорству злого сердца своего, Я приведу на них с севера бедствие и великую гибель. И будет в тот день, говорит Господь, замрет сердце у царя, и сердце у князей, и ужаснутся священники и изумятся пророки! (см.: Иер. 43, 17; 4, 6–9). Как источник извергает из себя воду, так Иерусалим источает из себя зло: в нем слышно насилие и грабительство, пред лицом Моим — всегда обиды и раны. Вразумись, Иерусалим, чтобы душа Моя не удалилась от тебя, чтобы я не сделал тебя пустынею, землею необитаемою» (см.: Иер. 6, 7–8).

С такими и подобными этим восторженно-пламенными речами святой Иеремия многократно обращался к своим современникам; они — подобные молоту, разбивающему скалы, изложены пространно в его пророческой книге. И все пророчески сказанное им сбывалось.

Политические невзгоды и бедствия для Иерусалима начались при царе Иосии так: в тридцать первом году его царствования (см.: 4 Цар. 22, 1; 2 Пар. 34, 1) египетский фараон Нехао предпринял военный поход против царя ассирийского на реку Евфрат. А так как путь ему лежал чрез пределы земли Иудейской, то Иосия, чтобы предохранить свое царство от нашествия египтян, собрал свое войско и решил противостать им. Фараон послал к нему послов сказать: «Что

мне и тебе, царь иудейский? Не против тебя теперь я иду, но туда, где у меня война. И Бог повелел мне поспешать; не противься же Богу, чтобы Он не погубил тебя».

Но Иосия не послушал этого предостережения Нехао и вышел против него с своим войском на Магиддонскую равнину, которая лежала на пути от прибережья Средиземного моря к Иордану, откуда ближайшим путем чрез Дамаск Нехао намеревался достигнуть берегов Евфрата.

Произошло сражение; иудейское войско, подавляемое численным превосходством неприятеля, было совершенно разбито; сам Иосия был смертельно ранен. Телохранители поспешно взяли своего любимого умирающего царя и отвезли в Иерусалим, где он и предал дух свой Богу. Иосия погребен был в гробнице своих отцов и был оплакан народом в Иерусалиме и во всей Иудее с великою скорбью, ибо он был лучший, достойнейший из царей по своей доброте и богобоязненности (см.: 2 Пар. 35, 20–24; Зах. 12, 11). Оплакал Иосию царя и Иеремия в песни плачевной (см.: 2 Пар. 35, 25).

Фараон Нехао продолжил после того свое воинское шествие в Ассирию, а в Иерусалиме на царство был помазан второй сын Иосии, Иоахаз[1], который царствовал, впрочем, только три месяца до возвращения Нехао из Ассирийского похода. Египетский царь, к которому после победы Мегиддонской перешло главенство над Иудейской землей и который в то время имел в виду главного и могущественного противника — Ассиро-Вавилонию, а слабое, царство Иудейское, оставил без внимания, на обратном пути овладел Иерусалимом и всей Иудеей и подчинил своей власти, — новоизбранного царя Иоахаза, когда тот явился к нему в военный лагерь, в Ривле, земле Емафской[2], для получения утверждения в своем царском достоинстве, он низложил и как пленника в оковах отправил в Египет, и царем в Иудее поставил старшего его брата Елиакима, переименовав его в Иоакима. В то же время Нехао наложил на Иудею дань в сто талантов серебра и талант золота[3], невыносимо тяжелую

---

[1] *Иоахаз* был второй сын Иосии и его любимой жены Хамутальи и именовался Саллум (4 Цар. 23, 31; ср.: 22, 11).

[2] *Емаф* находился у подошвы Антиливанских гор.

[3] *Талант золота* — сто двадцать пять тысяч рублей. Вся дань равнялась нашим трехстам тысячам рублей.

для маленького государства и тем более, что взыскивалась она с беспощадною строгостью (см.: 4 Цар. 23, 35).

Так семя Авраамово, народ свободный, славное некогда и могущественное царство, утратило свою самобытность, оказалось в порабощении. И это было неизбежным следствием беззакония иудеев, которым они прогневляли Всевышнего Бога, не принося искреннего покаяния по увещаниям пророческим, не устрояя своей нравственной жизни по закону Божию!

В начале царствования Иоакима, царя иудейского, было такое слово от Господа к святому Иеремии: «Стань на дворе дома Господня и скажи всем иудеям, приходящим на поклонение в дом Господень, все те слова, какие повелю тебе сказать, — не убавь ни слова. — Так говорит Господь: если вы не послушаетесь Меня в том, чтобы поступать по закону Моему, который Я дал вам, чтобы с покорностью внимать словам рабов Моих пророков, которых Я посылаю к вам с раннего утра и которых вы оставляете без внимания, то с домом сим, на котором наречено имя Мое и на который вы возлагаете свою надежду (ср.: Иер. 7, 14), Я сделаю то же, что сделал с Силомом[1], и город этот предам на проклятие всем народам земли» (см.: Иер. 26, 1–6).

Слыша такие грозные вещания пророка от лица Божия, мнимые ревнители общественного спокойствия и государственной безопасности — священники и лжепророки, исполненные гнева, схватили Иеремию и потребовали суда над ним, требовали, чтобы и от князей и от народа произнесен был ему смертный приговор. В доме Господнем собрались толпы возбужденного таким образом против Иеремии народа, пришли туда же князья иудейские и некоторые лица из дома царского и сели у входа при воротах в дом Господень. Составился таким образом формальный суд над пророком. Нечестивые священники и лжепророки, обратившись к собранию народа и князей иудейских, сказали:

— Смерть этому человеку, потому что он пророчествует против города этого, как вы слышали своими ушами.

Иеремия же в свое оправдание произнес:

---

[1] Здесь указывается на то обстоятельство, что когда при первосвященнике Илии евреи потерпели страшное поражение от филистимлян и ковчег завета был пленен, тогда отошла слава от Израиля (1 Цар. 4, 10–22).

— Господь послал меня пророчествовать против дома этого и против города этого все те слова, которые вы слышали. Итак, исправьте пути ваши и дела ваши и послушайтесь гласа Господа Бога вашего, и Господь отменит бедствие, которое изрек на вас. А что до меня, то вот я — в ваших руках; делайте со мною, что вам угодно и что в глазах ваших покажется лучшим и справедливым. Но только твердо знайте, что если вы умертвите меня, неповинную кровь возложите на себя и на город этот и на жителей его, ибо истинно Господь послал меня к вам сказать все те слова в уши ваши.

Тогда председательствовавшие в народном собрании князья иудейские и вельможи царские сказали неистовым священникам и лжепророкам:

— Этот человек не может быть приговорен к смерти, потому что он говорил нам именем Господа Бога нашего.

Встали на защиту Иеремии и некоторые из старейшин земли и обратились к народу с такими словами:

— Вспомните, Михей Морасфитянин пророчествовал во дни Езекии, царя иудейского, и сказал всему народу иудейскому: «Так говорит Господь Саваоф: Сион будет вспахан как поле, и Иерусалим сделается грудою развалин, и гора храма станет лесистым холмом». — Умертвили ли его за это Езекия-царь и народ иудейский? Не убоялись ли они Господа и не умоляли ли Его? И Господь отменил бедствие, которое изрек на них; а мы — мы хотим сделать великое зло душам нашим (см.: Иер. 26, 11–19). Итак, покаемся, отвратимся от зла и не будем искать смерти невинного человека. Ибо была ли хотя бы какая-либо польза и от недавно пролитой крови Урия, сына Шемаии из Кариафиарима, пророчествовавшего именем Господним против города этого и против земли этой точно такими же словами, как и Иеремия предсказывает? — Царь и вельможи его, слыша тогда речи этого Урия, возненавидели его и искали убить; а он, обреченный на смерть, от страха бежал в Египет; царь Иоаким и в Египет послал людей своих, которые и привели его оттуда: Урия был умерщвлен мечом; но что же произошло из того? — народное негодование против царя и князей иудейских: то же будет непременно, если вы предадите смерти и Иеремию.

После того произошло разделение в народном собрании: одни настаивали, чтобы убить святого пророка, другие же защищали его

невинность. И ненавистники Иеремии, конечно, одолели бы его защитников, если бы не взял его под свое покровительство один из влиятельных при царском дворе вельможей, именем Ахикам, сын Сафанов; он избавил Иеремию от рук людей злобных, готовых на убиение его (см.: Иер. 26, 20–24).

Между тем идолопоклонство, отравлявшее совесть народную в продолжение многих предшествующих лет и порождавшее крайнее растление нравственности, более и более усиливалось в Иудее. Находились среди иудеев и такие, которые на пророческий призыв — исправить путь своей жизни и следовать закону Божию — насмешливо говорили:

— Не надейся; мы будем жить по своим помыслам и будем поступать каждый по стремлению (злого) сердца своего (см.: Иер. 18, 12), — будем делать все то, что вышло из уст наших, будем кадить «богине неба» и возливать ей возлияния, как делали мы и отцы наши, цари и князья наши, в городах Иудеи и на улицах Иерусалима, потому что это давало нам сытость и счастье (см.: Иер. 24, 17).

Не стало истины у них, отнята она была от уст их; от малого до большего каждый из них предан был корысти, и от (лживого) пророка до священника — все действовали лживо и, делая мерзости, нисколько не стыдились и не краснели (см.: Иер. 6, 13–15). Неугодное в очах Господних творил и царь иудейский Иоаким, увлекаясь общим потоком нечестия (см.: 4 Цар. 23, 37; Пар. 36, 5).

И вот святой Иеремия опять получил от Господа приказание:

— Иди и войди в дом царя иудейского и произнеси там слово это и скажи: выслушай слово Господне, царь иудейский, сидящий на престоле Давидовом, ты и слуги твои, и народ твой, входящий этими воротами. Так говорит Господь: производите суд и правду и спасайте обижаемого от руки притеснителя, не обижайте и не тесните пришельца, вдовы и сироты, не проливайте крови неповинной на месте этом. Ибо если вы будете исполнять слово это, то будут входить воротами дома этого цари, сидящие на престоле Давидовом из рода его, ездящие на колеснице и на конях, — сами и слуги их и народ их. А если не послушаете слов сих, то Мною Самим клянусь (говорит Господь), что дом сделается пустым, города станут необитаемы и вся земля Иудина превратится в пустыню; ибо Я приготовлю истребителей с орудиями их, которые будут поражать людей

нераскаянных, как срубают деревья. И будут многие народы приходить чрез запустелый город этот и говорить друга другу: «За что Господь так поступил с этим великим городом?» И скажут в ответ: «За то, что они оставили завет Господа Бога своего и поклонились иным богам и служили им».

И о самом царе иудейском Иоакиме святой пророк именем Господним говорил, что так как глаза его и сердце его обращены к своекорыстию и пролитию невинной крови, к тому, чтобы делать притеснение и насилие, то после смерти не будут оплакивать его, выражая скорбь восклицаниями: «увы, государь!» и «увы, его величие!» — Ослиным погребением будет он погребен: вытащат его и бросят далеко за ворота Иерусалима (см.: Иер. 22, 1–19).

Такие дерзновенные слова пророка Божия, сказанные публично, пред народом, возбудили великий гнев царя и его приближенных: святого Иеремию тогда непременно предали бы смерти, если бы промышление Божие не сохранило его для будущих таинственных вещаний от лица Господня. Грубо он схвачен был и с бесчестием, в оковах, посажен в темницу.

В это время наступило исполнение суда Божия над преступным городом, оскверненным мерзостями языческими и обагренным кровью невинных. — Навуходоносор, сын Набопалласара, царя вавилонского, завоевателя ассирийской монархии, по поручению отца выступил против египетского царя Нехао и, при Кархемыше[1], поразив войско фараона, покушавшегося овладеть Ассириею, немедленно направил свои силы и против его данника — царя иудейского. Иерусалим после непродолжительной осады был взят Навуходоносором; царь иудейский Иоаким, на третьем году своего царствования был захвачен в плен и, вместе с избранными отроками из царского и княжеских знатных родов (в том числе — пророком Даниилом, еще юношей, и с тремя отроками Ананией, Мисаилом и Азарией) (см.: Дан. 1, 1–6), отведен был в Вавилон. Туда отведена была и значительная часть иерусалимских граждан и взята часть из сосудов дома Божия.

Спустя немного времени Навуходоносор, воцарившийся в Вавилоне после смерти своего отца, возвратил плененного Иоакима в Иерусалим, восстановив его в достоинстве царя иудейского, и только

---

[1] *Город Кархемыш* стоял при впадении Ховара в Евфрат.

сделал его своим данником. Так прошло три года: Иоаким платил дань царю Вавилонскому, как прежде до этого времени платил он дань фараону египетскому. Освободившись таким образом от тяготевшей над Иудеей зависимости от Египта и не прозревая будущей грозной опасности от Вавилона, монархии еще молодой, занятой тогда устройством своих внутренних дел, Иоаким и его вельможи, задумав самонадеянно свергнуть с себя иго халдейское, предались распутству и разным безумствам.

Но прежде чем Иоаким, царь иудейский, открыто отрекся от покорности Навуходоносору и явно провозгласил независимость своего царства от Вавилона, было слово Господне к Иеремии пророку, содержащемуся тогда в темнице, слово такое:

— Возьми себе книжный свиток и напиши в нем все слова, которые Я говорил тебе об Израиле и об Иуде и о всех народах с того дня, как Я начал говорить тебе — от дней Иосии до этого дня; может быть, дом Иудин, народ иудейский услышит о всех бедствиях, какие помышляю Я сделать им, чтобы они обратились каждый от злого пути своего, чтобы Я простил неправды их и грехи их.

Это повеление Божие Иеремия исполнил чрез своего ученика-писца Варуха, сына Нирии, который записал в книжный свиток все слова от уст пророка. После того Иеримия сказал Варуху:

— Я заключен, и меня стерегут, я не могу выйти отсюда и идти в дом Господень. Итак, иди ты и прочитай, написанные тобою с уст моих слова Господни вслух народа в доме Господнем, в день поста, также и вслух всех иудеев, пришедших из городов своих; прочитай им, и, быть может, они вознесут моление пред лицом Господним и обратятся каждый от злого пути своего, ибо велико негодование и гнев, которые объявил Господь на народ сей.

Варух прочитал пред народным собранием слова Господни, написанные в свитке. Это было в пятом году царствования Иоакима (см.: Иер. 36, 9).

Чтение свитка произвело потрясающее впечатление на всех; народное собрание было взволновано. О происшедшем сообщено было в царский дворец, где находились тогда все вельможные советники; последние потребовали Варуха к себе. Пророчество Иеремии, прочитанное Варухом, поразило и беспечно-распутных, растленных в совести вельможей. С ужасом посмотрели они друг на

друга и спросили у Варуха, как он написал это пророчество. Варух ответил: «Иеремия произносил мне устами слова сии, а я вписал их в этот свиток».

Сановники сказали: «Пророчества эти так важны, что содержание их непременно нужно пересказать царю» (см.: Иер. 36, 10–19).

Благорасположенные же из них к Варуху посоветовали ему скрыться на время, а так же и Иеремию-пророка они распорядились перевести в другое место заключения, чтобы никто не знал, где находятся провозвестники определений Божиих.

Когда довели до сведения царя о пророческом свитке, Иоаким приказал представить этот свиток к себе и прочитать в его присутствии вслух всех князей. Время тогда было холодное: был ноябрь месяц; царь сидел в своем доме пред жаровнею, наполненною горящими углями, а вельможи стояли вокруг него. С напряженным вниманием слушали слова Иеремии некоторые из вельмож[1], но на очерствелое сердце царя и раболепных его сановников чтение пророчества не производило должного впечатления. Мало того, по мере того, как чтец развертывал свиток и прочитывал три или четыре столбца, царь отрезывал их писцовым ножичком и бросал на огонь в жаровню; свиток сполна был прочитан и весь сожжен (см.: Иер. 36, 1–26). Иоаким после того дал повеление своим приспешникам взять Иеремию и Варуха и предать обоих смерти. Но промышлением Божиим они были скрыты в то время и избежали смерти; а вскоре настала такая пора для Иудейского царства, что врагам и ненавистникам пророков уже некогда было думать и приводить в исполнение свою месть.

Между тем по повелению Божию пророк Иеремия произнес новое слово в обличение нечестивого царя.

— Возьми себе другой свиток, — сказал ему Господь, — и напиши в нем все прежние слова, какие были в первом свитке, который сжег Иоаким, царь иудейский. Иоакиму же скажи: так говорит Господь — ты сжег свиток, так как в нем было написано, что непременно придет царь вавилонский и опустошит эту землю, истребит на ней людей и скот. За это вот что говорит Господь об Иоакиме: потомство его не будет сидеть на престоле Давидовом и тело

[1] *Елнафан, Делаия и Гемария*; царские слуги надеялись, по-видимому, что это чтение воздействует на царя и склонит его, подобно отцу его — Иосии, к нравственному улучшению (4 Цар. 22, 10–13.).

его по смерти будет брошено на зной дневной и на холод ночной (см.: Иер. 36, 27–30).

Это повеление Господне исполнено было святым пророком: с уст Иеремииных был написан рукою Варуха другой свиток, в котором многое было прибавлено к прежним пророческим речам.

В это время неожиданно для иудеев Иерусалим окружен был войском Навуходоносора, составленным из легких отрядов халдейских, сирийских, моавитских и аммонитских. Священный город, не приготовленный к обороне, без труда взят был нападавшими; царь Иоаким был схвачен и погиб бесславною смертью: труп его был выброшен за городские стены на съедение диким зверям и птицам. Сбылось, таким образом, пророческое слово святого Иеремии, что царь Иудин будет погребен ослиным погребением, — вытащат его и бросят далеко за ворота Иерусалима (см.: Иер. 22, 19), что мертвое тело его будет брошено на зной дневной и на холод ночной. Впрочем, оставшиеся кости его, объеденные зверями, были погребены иудеями в родовой царской усыпальнице (см.: 2 Пар. 36, 8).

После смерти Иоакима на престол иерусалимский вступил сын его, Иехония, и был не благочестивее своего отца. О нем святой Иеремия пророчествовал, что со всем домом своим он предан будет от Господа в руки царя вавилонского, — и уже не увидит своей земли! — что и сбылось вскоре. Иехония занимал престол Давида только сто дней. Воцарившись вместо отца, он в неразумном ослеплении предавался несбыточной мечте о возможности противостоять Навуходоносору и не хотел добровольно покориться ему, признать над собою его власть. Предаваясь безнравственным, идолопоклонническим мерзостям подобно своему отцу, Иехония думал найти безопасность за крепкими стенами Иерусалима, а в случае осады своей столицы рассчитывал на помощь со стороны Египта. Но захваченный врасплох быстрым нападением Навуходоносора, появившегося лично среди своих войск, окруживших Иерусалим, он должен был отдаться на волю победителя со всем семейством своим, со всем двором и евнухами. Весь царский дом, знатные вельможи, все лучшие люди Иудейской земли, цвет воинов и ремесленников, — всего до десяти тысяч отборного населения отведены были в Вавилон; туда же вместе с пленниками вывезены были золотые сосуды из храма Господнего и царские сокровища (см.: 4 Цар. 24, 8–16).

Так исполнилось пророческое Иеремиино слово: Иехония, царь иудейский, — этот перстень на правой руке Господа Бога, изведшего некогда евреев из Египта, сорван был со своего места и как презренное и отверженное создание, как сосуд непотребный, брошен был с матерью своею и племенем своим в страну чужую, которой они не знали, где они не родились, и там умерли, не возвратившись в землю родную, которой желала душа их (см.: Иер. 24, 24–29).

После захвата Иерусалима Навуходоносором и выселения в Вавилон наиболее уважаемых, лучших людей Иудейского царства в Иудее осталось почти только бедное, низшее население. Для управления этим останком Иуды на место Иехонии халдейским победителем поставлен был третий сын царя (благочестивого) Иосии Матфаний — дядя Иехонии, брат Иоахаза и Иоакима, — переименованный в Седекию.

Седекия, ставленник Навуходоносора, царствовал одиннадцать лет, и во все свое царствование делал почти только то, что должно было переполнить меру долготерпения Божия: нравственная испорченность была настолько сильна в нем, что, невзирая на самые тяжкие испытания, постигавшие его, он не мог побороть своих нечестивых склонностей, не мог с сердечною искренностью обратиться к Господу Богу Израилеву. Таковы же были и окружавшие его, близкие ему люди и священники. В Иудее все более и более умножались языческие мерзости; самый дом Божий, храм в Иерусалиме осквернялся гнусностями идольского служения (см.: Иез. 8; ср.: Иер. 23); речей Господних, вещаемых пророческими устами, не слушали, внимая более льстивым словам пророков ложных, поблажавших страстным вожделениям развращенных людей. Все это собирало гнев Господень, как грозную тучу, над Иерусалимом и над всею землею Иудейскою, пока не отвратил наконец Господь лица Своего от народа Своего и не предал на окончательное разорение и запустение святой град Иерусалим (см.: Иер. 52, 1–3).

Эта последняя напасть, разразившаяся над Иерусалимом, ужаснейшая всех предшествующих, совершилась так. Навуходоносор, выселивший в Вавилон сильных и воинственно против него настроенных иудеев и поставивший Седекию царем в Иерусалиме над слабым останком народа Божия, надеялся иметь в ослабленной Иудее опорный пункт против Египта, борьба с которым продолжала зани-

мать его. Халдейский властелин рассчитывал, что ставленник его, невоинственный Седекия, оставаясь его данником, будет искать для себя опоры в его могущественной силе и сохранит покорность ему. Так это и было около трех-четырех годов. Но потом, укрепившись, а лучше, точнее сказать, только обсидевшись на царском престоле, Седекия перестал довольствоваться своим скромным положением и захотел освободиться от ига царя вавилонского. К тому располагали его и окружавшие его царедворцы, охваченные безумным ослеплением; особенно же соблазнительны были для него советы окрестных царьков — идумейского, моавитского, аммонитского, тирского и сидонского, которые также с ненавистью несли зависимость от Халдеи. Последние составили союз против Навуходоносора и отправили посольство в Иерусалим с предложением Седекии присоединиться к их союзу, чтобы вместе встать против владычества царя вавилонского, свергнуть его ненавистное иго и не платить ему дани.

В это время было повеление от Господа пророку Иеремии: «Сделай себе узы и ярмо и возложи их себе на шею, пошли такие же и царям идумейскому, моавитскому, аммонитскому, тирскому и сидонскому чрез послов их, и накажи им сказать государям своим слово Господне» (см.: Иер. 27, 2–4).

Святой пророк так и сделал: возложив себе на шею узы и деревянное ярмо, он явился во дворец Седекии, когда там находились послы названных царей, и сказал:

— Так говорит Господь воинств, Бог Израилев, — так передайте и вы государям вашим: Я сотворил землю, человека и животных, которые на лице земли, великим могуществом Моим и отдал ее, кому Мне угодно было. И ныне Я отдаю все земли сии в руки Навуходоносора, царя вавилонского. И все народы будут служить ему, и сыну его, и сыну сына его, доколе не придет время и его земле, и ему самому. И если какой народ и царство не захочет служить ему, царю Вавилонскому, и не подклонит шеи своей под ярмо Навуходоносора, тот народ Я накажу мечом, голодом и моровою язвою, доколе не истреблю его рукою царя вавилонского. И не слушайте вы своих прорицателей и гадателей, своих сновидцев, и волшебников, и звездочетов, которые уверяют вас, что «не будете служить царю Вавилонскому»; ибо они предрекают вам ложь, чтобы удалить вас из земли вашей, чтобы Я изгнал вас и погубил. Не слушайте их, но служите

царю вавилонскому и живите; зачем доводить город этот и земли ваши до опустошения (см.: Иер. 27, 5–17).

Это было в четвертом году царствования Седекии, царя иудейского (см.: Иер. 28, 1).

С ярмом на шее зашел однажды пророк Божий в храм Господень, и здесь встретился ему один из ложных пророков именем Анания, который пред глазами священников и всего народа сказал:

— Так говорит Господь Бог Израилев: сокрушу ярмо царя вавилонского; чрез два года возвращу на место это все сосуды дома Господня, взятые в Вавилон, и Иехонию-царя, и всех иудеев возвращу сюда.

И взял Анания ярмо, лежавшее на шее Иеремии-пророка и сокрушил. Иеремия вышел из храма, но вскоре, получив откровение от Бога, возвратился в храм и сказал Анании:

— Послушай, Анания! Господь тебя не посылал, и ты обнадеживаешь народ этот ложно. Ты сокрушил ярмо деревянное; сделай же вместо него ярмо железное. Ибо железное ярмо наложит Бог на шею всех этих народов, чтобы они работали Навуходоносору, царю вавилонскому. А ты за то, что ложь говорил от имени Божия, в этом же году умрешь, сброшен будешь с лица земли, потому что говорил наперекор Господу.

И действительно, через месяц времени смерть постигла лжепророка.

Извещенный о том, Седекия пришел в смущение и не посмел в то время открыто отложиться от царя вавилонского. Впоследствии же, когда во главе союзных хананейских царьков стал фараон египетский, Псамметих II, сын Нехао, увлекшийся, после победы над эфиопами, смелым планом расширить свое владычество и на области Евфрата, Седекия примкнул к союзникам явно: отложился от Навуходоносора, объявил себя его противником, не слушая увещаний святого Иеремии, который всегда давал ему и всему народу полезные по времени советы.

Между тем в это же время пророк Иеремия тайно отправил послание[1] в Вавилон к иудеям, отведенным туда в плен. В своем послании он сообщал соплеменникам, что они, по определению Бо-

[1] Письмо Иеремии доставили туда царские послы, отправленные Седекией с подарками Навуходоносору (Иер. 29, 3).

жию, пробудут там семьдесят лет, и именем Божиим увещевал их «строить себе там дома и разводить виноградники, устроить супружества сыновей и дочерей своих, чтобы в плену не умалялся, а размножался народ избранный, а также заботиться о благоустройстве города, где они поселены, и молиться за него Богу, ибо при его благосостоянии и им будет хорошо, будут и они жить мирно и спокойно». Кроме того, именем же Божиим предостерегал пророк святой соплеменников от ложных пророков, мнимых патриотов, которые находились среди них и обещали им скорое освобождение из плена, ибо так говорит Господь: *Когда исполнится вам в Вавилоне семьдесят лет, тогда Я посещу вас и исполню доброе слово Мое о вас, чтобы возвратить вас в землю сию; только Я знаю намерения, какие имею о вас, намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду* (Иер. 29, 10–11).

Послание Иеремиино было внимательно прочитано и выслушано иудеями, отведенными в Вавилон; ознакомились с ним и мнимоистинные любители своего несчастного отечества, лживые пророки, но у последних оно возбудило гнев и желание отомстить пророку. Они написали от себя в Иерусалим к тамошним священникам, чтобы те запретили Иеремии пророчествовать и писать послания. Мало того, они требовали, чтобы Иеремия связанный подвержен был строгому надзору в заточении, чтобы не смущал он людей ни словами, ни письмами, устрашая продолжительным пленом. Впрочем, пророк Божий, невзирая на запрещения и оковы, кои возложены были на него, не переставал возвещать слово Господне и говорить, что переселенных в Вавилон Господь посетит Своею милостью, а остающихся в Иерусалиме, напротив, погубит Своим праведным гневом.

— Вот, Я, — говорит Господь о царе, сидящем на престоле Давидовом, и о всем народе, живущем в городе этом. — Я пошлю на них меч, голод и моровую язву и сделаю их такими, как негодные смоквы, которых нельзя есть по негодности их; и буду преследовать их и предам их на озлобление всем царствам земли, на проклятие и ужас, на посмеяние и поругание между всеми народами, куда Я изгоню их, за то, что они не послушали слов Моих (см.: Иер. 29).

Близ Иерусалима находилась долина сыновей Енномовых, называвшаяся Тофет, на которой устроены были высокие жертвенники; там нечестивые иудеи приносили жертвы Молоху, закалая и сжигая своих сыновей и дочерей; местность эта часто оглашалась неисто-

выми звуками труб и литавров, заглушавшими отчаянные вопли и крики закалаемых детей. Для обличения такого гнусного, бесчеловечного беззакония своих современников пророк Иеремия, по повелению Божию, купив у горшечника глиняный обожженный кувшин, пошел в долину Тофет, пригласив с собою старейшин из народа и старейшин священнических. Там он громким голосом возопил:

— Слушайте слово Господне, цари иудейские и жители Иерусалима! — Так говорит Бог Израилев: «Вот, Я наведу на место это бедствие, о котором кто услышит, у того зазвенит в ушах, за то, что люди Мои оставили Меня и чужим сделали место это и кадят на нем иным богам, которых не знали прежде ни отцы их, ни цари их; они наполнили место это кровью невинных, устроили высокие жертвенники и сжигают сыновей своих огнем во всесожжение Ваалу, чего Я не повелевал им и чтó на мысль не приходило Мне. За то вот приближаются дни — говорит Господь, — когда место это не будет более называться Тофет — долиною Еннома, а долиною смерти, заклания, потому что здесь будет убито множество иудеев мечом врагов их; и отдам трупы их в пищу птицам небесным и зверям земным. Я приведу город этот Иерусалим в разорение и сделаю его предметом ужаса и удивления для всех; каждый мимоходящий изумится и посвищет, смотря на все язвы его. И будут они кормиться плотью сыновей своих и плотью дочерей своих, каждый будет есть плоть своего ближнего, находясь в осаде и тесноте, когда окружат, сожмут их враги, ищущие души их» (см.: Иер. 19, 3–9).

Произнеся такие страшные слова от лица прогневанного Бога, святой Иеремия бросил на землю глиняный кувшин, бывший у него в руках, разбил его пред глазами всех и сказал:

— Так говорит Господь Саваоф: *так сокрушу Я народ сей и город сей, как сокрушен горшечников сосуд, который уже не может быть восстановлен* (Иер. 19, 11).; сделаю Иерусалим подобным Тофету, — дома иерусалимлян и дома царей иудейских будут, как место Тофет, нечистыми (см.: Иер. 19, 13).

Произнеся это грозное пророчество, Иеремия удалился с Тофета и возвратился в Иерусалим. И здесь, став на дворе дома Господня, он обратился к народу с такими словами:

— Так говорит Господь Бог Израилев: *Вот Я наведу на город сей и на все города его все то бедствие, которое изрек на него, потому что они жестоковыйны и не слушают слов Моих* (Иер. 19, 14–15).

Пророчески произнесенные слова весьма не понравились Пасхору, священнику, который был и надзирателем в доме Господнем. Он ударил Иеремию пророка и посадил его в колоду, которая была у верхних ворот Вениаминовых при доме Господнем. Но на другой день Пасхор выпустил Иеремию, причем Иеремия сказал ему:

— Не Пасхор (мир тебе) приличествует имя тебе, а Магор Миссавив (ужас вокруг); ибо так говорит Господь: «Вот, Я сделаю тебя ужасом для тебя самого и для всех друзей твоих; все вы падете от меча врагов своих: это увидишь ты своими глазами. И всего Иуду предам Я в руки царя Вавилонского, и отведет их в Вавилон и поразит их мечом. И предам все богатство этого города и все стяжание его, и все сокровища царей иудейских отдам в руки врагов их, и разграбят их и возьмут и отправят в Вавилон. И ты, Пасхор, и все живущие в доме твоем пойдете в плен; и придешь ты в Вавилон и там умрешь, там же и похоронен будешь ты и все друзья твои, которым пророчествовал ты ложно» (см.: Иер. 20, 1–6).

Вскоре и сбылось это пророчество святого Иеремии.

В девятом году своего царствования Седекия, царь иудейский, открыто отложился от царя Вавилонского, прервал свою зависимость от него; а в десятый день десятого месяца Навуходоносор подступил (см.: Иер. 52, 4) к Иерусалиму с многочисленным своим войском и обложил его со всех сторон; возвел вокруг стен его высокие насыпи, на которых поставил осадные башни. Для Иерусалима настал грозный час! В столице царства иудейского, защищаемой крепкими стенами и в довольной мере снабженной водой и всякими запасами, вследствие чрезвычайного скопления народа, укрывавшегося от халдейского нашествия (см.: Иер. 35, 11), вскоре обнаружилась большая нужда в самом необходимом — в городе недоставало хлеба (см.: Иер. 52, 6). Пророк Божий в это тяжелое время, по повелению Божию, являлся к царю Седекии и говорил ему и всем людям:

— Так говорит Господь: Вот, Я отдаю город сей в руки царя Вавилонского, — и он возьмет его и сожжет; и ты, царь, не избежишь от руки его, но непременно будешь взят и предан в руки его и будешь отведен в Вавилон (см.: Иер. 34, 2–3).

Впрочем, по желанию сохранить Иерусалим от окончательного разорения и царство Иудейское от гибели, Иеремия советовал Седекии добровольно сдаться Навуходоносору, полагаясь на его великодушие. Но ложные пророки и старейшие из священников всячески

противодействовали советам пророка Божия и, поощряемые нелепыми мечтаниями своекорыстных и честолюбивых вельмож, убеждали царя не слушаться «обезумевшего, как говорили они, Иеремии» (см.: Иер. 28).

Между тем неразумное увлечение Седекии и его советников, не допускавших добровольной покорности царю вавилонскому, получило, по-видимому, для себя оправдания, хотя то продолжалось и немного времени. Фараон египетский, на которого царь иудейский, вместе с другими, прежде упомянутыми, союзными царьками, возлагал свое упование, собрав свое войско, выступил на помощь Седекии, осажденному халдеями. Узнав о том, Навуходоносор быстро прекратил осаду Иерусалима и устремился со своими всеми силами против главного своего соперника (см.: Иер. 37, 5). В Иерусалиме началось тогда необычайное ликование. Когда ворота, почти целый год остававшиеся запертыми, были открыты, иерусалимляне бросились за город, чтобы насладиться чувством свободы и посмотреть, как обстояло в окрестных селениях и городах, что сталось с полями и виноградниками. Иудеи думали, что Навуходоносор поспешно снял осаду с их города и удалился по сознанию слабости своих сил и невозможности одолеть крепость их столицы. «Вот, — похвалялись самообольщенные ревнители своих мечтаний о могуществе своего отечества, — царь Вавилонский не осилил нас и позорно бежал». И ругались они, хульно понося пророчество Иеремиино, как несбывшееся. Однако святой Иеремия и в это время, не стесняясь, возвещал, что Иерусалим будет взят халдеями.

— Халдеи, — говорил он, — снова придут и будут воевать против города этого, и возьмут его, и сожгут его огнем. Не обманывайтесь! Если бы вы даже разбили все войско халдеев, воюющих против вас, и остались бы у них только раненые, то и те встали бы, каждый из палатки своей, и сожгли бы город этот огнем (см.: Иер. 37, 7–10).

После отступления халдеев от Иерусалима, наряду с другими иудеями, двинувшимися из осадного города, и Иеремия пророк Божий, оседлав осла, отправился в свой отечественный город Анафоф, в колене Вениаминовом, где имел свою собственность. Но едва он доехал до Вениаминовых городских ворот, его остановил начальник стражи при тех воротах, по имени Ирсия, внук лжепророка Анании (о коем упоминалось прежде), которому Иеремия предсказал ско-

рую смерть. Этот Ирсия, по ненависти к пророку за своего деда, задержал его, заподозрив в измене.

— Ты хочешь перебежать к халдеям, — сказал Ирсия.

На что Иеремия ответил:

— Лжешь ты, — я иду не к халдеям, а в свой город, в котором есть моя собственность.

Но, несмотря на уверения, стражник схватил раба Божия и с грубым насилием отвел его к князьям, а эти, обрадовавшись случаю осуществить свой давний злой замысел против досаждавшего им невинного человека, обошлись с ним как с подлинным шпионом, подвергли его побоям и заключили в подземную темницу в доме Ионафана — писца, человека жестокого и бессердечного, которому поручили и надзор за заключенным (см.: Иер. 37, 12–16). Возложить же руки на пророка, умертвить его, они не осмелились, опасаясь тем заслужить немилость своего царя Седекии, оказывавшего по временам, хотя и боязливо (см.: Иер. 37, 19), внимание святому Иеремии. По распоряжению Седекии пророк Божий вскоре был переведен из подвальной темницы в дворцовую тюрьму, где давался ему хлеб (см.: Иер. 37, 21) и откуда он мог передавать свои наставления народу.

Непродолжительно, однако, было радостное ликование в Иерусалиме. Навуходоносор, продержавший в осаде иудейскую столицу триста девяносто дней и снявший эту осаду, чтобы только отразить фараона египетского, шедшего на помощь Седекии, скоро обратил своего противника в бегство и возвратился опять к Иерусалиму и еще теснее прежнего обложил его. Поход халдеев против египтян продолжался немного более ста дней; последняя же осада Иерусалима — только сорок дней (см.: Иез. 4, 5–6).

Святой пророк Иеремия во все это время не переставал увещевать иудеев, чтобы они обратились с раскаянием к Богу, указывая им на свои, теперь явно исполняющиеся предсказания, на то, что уже настало определенной Богом за беззакония грешников, и давал полезный совет не противиться воле Божией и покориться халдеям.

— Так говорит Господь, — говорил Иеремия, — кто останется в этом городе, тот умрет от меча, голода и моровой язвы, а кто выйдет к халдеям, тот будет жив, тот сохранит по крайней мере свое главное сокровище — свою душу и останется жив. Город же этот непременно будет взят войском царя вавилонского (см.: Иер. 38, 2–3).

Слыша о таких внушениях пророка, князья иудейские и фанатики-патриоты, не имевшие понятия об истинной любви к отечеству, обратились к царю с требованием:

— Да будет этот человек предан смерти, потому что он ослабляет руки воинов и руки всего народа, говоря к ним такие слова; ибо этот человек не благоденствия желает народу своему, а разорения и позора.

Царь Седекия на это отвечал им в отчаянии:

— Он в ваших руках, — делайте с ним, что хотите; царь ничего не может делать вопреки вам (см.: Иер. 38, 4–5).

Святой Иеремия после того спущен был на веревках в глубокую яму на дворе придворной тюрьмы, в которой было много нечистой грязи. В этой яме и страдал невинно человек Божий, погруженный до шеи в тину; и умер бы он там от сырости и голода, если бы не спас его один богобоязненный иностранец. При царском дворе был евнух, по имени Авдемелех — эфиоплянин; он, слыша, что Иеремию посадили в яму, возмущен был таким недостойным обращением с уважаемым пророком, обратился к царю и сказал:

— Государь мой, царь! Худо ты сделал, что так поступил с Иеремиею пророком, подвергая его смертной опасности.

Царь дал приказание Авдемелеху, чтобы тот вытащил его из ямы. А потом Седекия призвал Иеремию к себе и наедине спрашивал у него:

— Верно ли все то, о чем он пророчествует?

Пророк ответил ему:

— Если я скажу тебе истину, не предашь ли ты меня смерти? И если дам совет, ты не послушаешь меня.

Царь клятвенно обещал Иеремии, что не предаст его смерти и не выдаст его в руки тех людей, которые ищут убить его. Тогда Иеремия сказал Седекии:

— Так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: если ты (добровольно покоришься и) выйдешь к князьям царя Вавилонского, то жива будет душа твоя и этот город не будет сожжен огнем, и ты будешь жив и дом твой; а если не выйдешь к воеводам царя вавилонского, то этот город будет предан в руки халдеев, и сожгут его огнем и ты не избежишь от рук их.

Царь, обольщенный мнимыми друзьями своими, не послушал пророка, не последовал его благому совету. Но, опасаясь вероломн-

ства со стороны этих же друзей своих не столько за Иеремию, сколько за себя, он сказал человеку Божию, что никто не должен знать их тайного разговора и что, в случае опроса о том князей, он должен отвечать: «Я повергнул пред лицо царя прошение мое, чтобы не возвращать меня в дом Ионафана, чтобы не умереть мне там».

И оставался пророк под надзором во дворе царской стражи во все время осады Иерусалима, до того самого дня, когда он взят был халдеями. Это совершилось в одиннадцатый год царствования Седекии (см.: Иер. 38).

Пробил, наконец, последний час для города, славного оплота Израиля — Иерусалима: число защитников его сократилось настолько, что они уже не могли оборонять городские стены; в городе не оказывалось хлеба, — ужас голодной смерти навис над иудейской столицей; объятые страхом иерусалимляне утрачивали последние останки человеческого чувства: уже не в переносном смысле они «поедали друг друга», — а буквально «кормились плотью сыновей своих и дочерей и ближних своих». Сбылось таким образом пророчество Иеремии! (см.: Иер. 19, 9 и др.).

В девятый день месяца Таммуза, в четвертый месяц, в девятый день одиннадцатого года царствования Седекии (см.: Иер. 39, 2) (в июне месяце 589 года до Рождества Христова), халдеи сделали широкий пролом в городской стене и вторглись в Иерусалим. Самого Навуходоносора при этом не было. Он в то время находился в Ривле, в Сирии. Его полководцы, ворвавшись в город, расположили свои палатки в средних воротах, которые находились между Сионом и нижним городом (см.: Иер. 39, 1–3). Суровые воины, ожесточенные продолжительностью осады, рассеявшись по городу, не давали пощады никому. Иудеи, истомленные голодом и ужасом — все, кто мог, предались бегству (см.: 4 Цар. 25, 2 и далее). Седекии царю с окружавшими его телохранителями удалось ночью пробраться чрез тайный проход, находившийся подле царского сада, в северо-восточной части города, и бежать из столицы. Он хотел скрыться в пустыне Галаадской. Но бегство его скоро было замечено халдеями, и за ним и его спутниками была послана погоня. Беглецы легко были настигнуты на Иерихонской равнине. Воины, бывшие с царем, или разбежались, или были перебиты. Седекия был взят в плен и отведен к Навуходоносору в Ривлу, город сирийский. Туда же отведены были и схваченные в городе первосвященник Сераия и храмовой начальник

Цефания, а также евнух, главный начальник войск и семь вельможей, предстоявших лицу царя, и шестьдесят знатных представителей из народа. Победитель произнес свой суд над побежденными: сыновья Седекии и все иерусалимляне, приведенные пред грозные очи восточного повелителя, были заколоты на глазах у несчастного иудейского царя, самому ему потом выкололи глаза, а после того его в медных оковах отправили в Вавилон и там посадили в темничное заключение, где он и умер (см.: Иер. 52; ср.: 39, 4–7).

Спустя месяц после захвата халдеями Иерусалима (см.: Иер. 52, 12) туда прибыл начальник телохранителей Навуходоносора Навузардан. Столица царства иудейского представляла тогда жилище мертвецов: все ворота ее опустели, пути к Сиону обезлюдели, священники изнывали, как в точиле истоптаны были юноши и девы Иуды (см.: Плач 1, 1–15). Но город, стольный город потомков Давида, до того времени чудный и преславный, еще оставался, сохранял свое величие и красоту. Военачальники, покорившие его, не имели полномочий распорядиться его судьбой. Сам владыка халдеев колебался: с одной стороны, он желал иметь в Иудейской земле опорный пункт для себя против враждебных поползновений египетского царя и Иерусалим с его крепостною стеной мог быть полезен, а с другой стороны — не мог он не подозревать и опасности для себя, что всегда коварные и мятежные иудеи воспользуются этим крепким оплотом в своих изменнических видах. Последнее соображение пересилило: Навуходоносор послал Навузардана с поручением разрушить Иерусалим до основания его. Это окончательное, полное разрушение Иерусалима трогательно изобразил святой Иеремия, излив свою великую скорбь в стихах своего «Плача». Гибель святого города глубоко потрясла сердца и Израиля, — начав свой искренний плач «на реках Вавилонских» (см.: Пс. 136), они продолжают его и до наших дней, проводя день, посвящаемый памяти этого события, в посте и без обуви на ногах, — без сапог и башмаков в знак печали.

Воевода Навузардан имел относительно святого пророка Иеремии особое повеление от своего властелина Навуходоносора — именно такое: взять его и наблюдать с нарочитым вниманием, чтобы он жил без утеснений, не делать ему ничего худого и предоставить ему во всем поступать, как он сам захочет (см.: Иер. 39, 11–12). Навузардан

ходоносору известно было об Иеремии, об его предсказаниях и советах, какие давал он царю Седекии; потому он и дал Навузардану такое распоряжение о судьбе пророка.

Святой Иеремия, во время осады Иерусалима содержавшийся в оковах под надзором во дворе придворной стражи, захвачен был халдеями в плен вместе с другими иудеями; по прибытии же в Иерусалим Навузардана он немедленно представлен был к этому полномочному распорядителю судьбы города и всего Иудейского царства и выслушал от последнего такую благосклонную речь: «Господь Бог твой изрек это бедствие на место это и сделал то, что сказал... Но вот тебя я освобождаю сегодня от цепей, которые на руках твоих: и если тебе угодно идти со мною в Вавилон — иди; а если не угодно тебе идти со мною — оставайся. Вся земля пред тобою, куда тебе угодно и куда нравится идти, туда и иди» (см.: Иер. 40, 1–4).

Иеремия выразил желание остаться в родной земле.

Получив свободу и видя покровительственное благорасположение к себе со стороны Навузардана, Иеремия прежде всего позаботился о святыне Божией, высочайшей красоте и славе всех времен Израиля, то есть о кивоте завета, чтобы он не был уничтожен иноплеменниками, чтобы не была уничижена слава Божия. Пророк дерзновенно тогда же испросил у победителя позволение взять святыню Бога Израилева, прежде чем подвергнется разграблению и сожжению храм Господень. И воспользовавшись таким разрешением, он отыскал благоговейных, оставшихся в живых, священников и левитов, взял их с собою и, безбоязненно и беспрепятственно проходя с ними среди халдеев, вошел в храм, построенный Соломоном. Здесь пророк Божий воспламенил приготовленный им светильник от огня, чудесно сшедшего от Господа во дни Моисея и Аарона на жертву всесожжения (см.: Лев. 9, 24) и с того времени неугасимо поддерживаемого на жертвеннике, и скрыл тот светильник в безводном колодезе, имея крепкую веру и пророчески предвидя, что этот огонь там если временно и погаснет (изменясь чудесно в иную стихию, густую воду), но в свое время опять, возвратив свое прежнее свойство, воспламенится, что и исполнилось по возвращении израильтян из вавилонского плена, при возобновлении храма во времена Неемии, много лет спустя после смерти святого пророка Иеремии, который заключил этот огонь в колодезь и самое место заравнял, так что оно

стало незаметно и долгое время оставалось неизвестным никому (см.: 2 Мак. 1, 19–32).

После сокрытия жертвенного огня пророк Божий взял кивот завета, вынес его из храма и сохранял в своем жилище до той поры, пока не кончилось смятение в городе, происшедшее вследствие данного тогда Навузарданом приказа касательно разграбления и сожжения Иерусалима.

Когда святыня Господня вынесена была из храма, воины халдейские, по распоряжению Навузардана, немедленно собрали все храмовые драгоценности, золотые, серебряные и медные, для отправления их в Вавилон, и сам храм подвергли полному разрушению; тогда же разорены были и сожжены и все царские дворцы и лучшие дома, красовавшиеся на улицах Иерусалима; раскопаны были и сровнены с землей и городские стены. Великое множество иудеев пало тогда от меча завоевателей и более всего — в долине Тафет, на которой прежде беззаконники закалали в жертву Молоху своих сыновей и дочерей и на которую теперь сгоняли халдеи их самих для убоя. Оставленные же в живых и еще не утратившие сил уведены были потом в плен. И только слабые и ничего не имеющие из народа жестоковыйного оставлены были в Иудее, которым по приказанию Навузардана отданы были для обработки и для пропитания виноградники и поля (см.: Иер. 39, 10; 4 Цар. 25, 12).

Покидая разграбленный и разоренный Иерусалим, Навузардан поставил над опустошенной Иудеею областным начальником Годолию, сына того Ахикама, который однажды избавил Иеремию от рук убийц и который избрал себе местожительство уже не в Иерусалиме, а в Массифе[1], подле Иерусалима. Там же поселился и пророк Иеремия, чтобы жить, по распоряжению Навузардана, под охраной и покровительством областного начальника (см.: Иер. 40, 5).

Пользуясь свободой и наступившим успокоением своей страны, святой Иеремия вместе с благоговейными священниками и левитами взял сохранявшуюся у него святыню дома Божия и отнес ее на гору в земле Моавитской, за рекой Иорданом, близ Иерихона, с которой некогда пророк Моисей созерцал Обетованную землю, на ко-

---

[1] *Массифа* находилась недалеко от Иерусалима и в древности была местом молитвы; Самуил там принес жертву всесожжения пред отражением евреями напавших филистимлян (1 Цар. 7).

торой он умер и погребен на месте, никому не известном (см.: Втор. 34). На той горе пророк Иеремия нашел пещеру, внес в нее кивот завета; вход в эту пещеру загородили большим камнем. И камень этот как бы запечатал Иеремия, начертав на нем своим перстом имя Божие, — причем написание то было подобно написанию железным острием, ибо твердый камень под пишущим пальцем пророка был мягок как воск, а после опять отвердел по свойству своей природы. И сделалось место оное крепко, как бы отлитое из железа. После того святой Иеремия, обращаясь к сопровождавшим его людям, сказал: «Отошел Господь от Сиона на небо! — и возвратится Он с силою, а знамением Его пришествия будет: когда все народы земные поклонятся древу» (крестному, на котором распят Спаситель мира Господь Иисус Христос).

К тому Иеремия еще присовокупил, что ковчега того никто не может вынести с этого места, только Моисей, пророк Боговидец, и скрижалей завета, которые в ковчеге, никто из священников не раскроет и не прочитает, только Аарон, угодник Божий; в день же всеобщего воскресения он вынесен будет из-под запечатанного именем Божиим камня и поставлен на Сионской горе, и все святые соберутся к нему в ожидании пришествия Господа, Который избавит их от страшного врага — антихриста, ищущего их смерти. Когда святой Иеремия говорил это священникам и левитам, внезапно облако покрыло ту запечатленную пещеру, и никто не мог прочитать имени Божия, начертанного на камне перстом Иеремииным, даже самое место оное сделалось неузнаваемо, так что никто не мог указать его. Некоторые из присутствовавших там и желали бы приметить это место и путь к нему, но никак не могли того сделать. Пророк же в духовном озарении сказал им: «Место это ни для кого не будет ведомо, доколе Господь не соберет соборы людей, а тогда, умилосердившись, Он покажет это место, — тогда явно для всех обнаружится слава Божия на нем и облако будет осенять его как то было при Моисее (см.: Лев. 9, 23–24) и при Соломоне» (см.: 3 Цар. 8, 10–11).

Так и остается в неизвестности пещера та, и неведомо будет то место до кончины мира; но слава Божия прикровенно осиявает кивот завета светлым пламенеющим облаком, как покрывала она его в скинии Моисеевой и храме Соломоновом, ибо озарение ее не может прекратиться!

По прошествии семидесяти лет, по возвращении из плена вавилонского, иудеи построили в Иерусалиме новый храм, но в нем уже не было славы древнего храма святыни Господней; сделан был тогда из золота новый кивот, по образцу Моисеева, устроено было, также по прежнему образцу, и все то, что находилось внутри его и что окружало его, но в нем уже не было чудодейственной силы, не осиявала его слава Божия. Сохранялся в новом храме только небесный огонь из прежнего храма, сокрытый, как сказано выше, в колодезе пророком Иеремиею и найденный впоследствии священниками.

После сокрытия кивота Господня святой Иеремия возвратился в Массифу, новую столицу Иудейской страны, к Годолии, новому правителю опустошенного отечества, и стал жить среди оставшихся соотечественников, неутешным плачем оплакивая несчастную родину. Около Годолии начали собираться иудеи, разбежавшиеся по странам окрестным при нашествии халдеев. Годолия, пользовавшийся расположением властелина, ободрял их, обещая им свое заступничество пред халдеями и мирную жизнь. Сам Господь, наказавший нечестивых, в первый же год после нашествия вавилонян утешил скорбный останок сынов Израиля: они в тот год много собрали всяких плодов от земли и вина (см.: Иер. 40, 9–12); однако зараза мятежнических страстей и необузданного произвола, не сдерживаемого нравственным законом, так глубоко проникла в сердца иудейского народа, что сила и влияние ее сказывались и в те тяжелые времена. Некто Исмаил, сын Нафании, родственник царя Седекии, отведенного в Вавилон, и Иоанан и Ионафан, сыновья Карея, и другие из военачальников иудейских, разбежавшихся от халдеев к моавитянам и аммонитянам и идумеям, возвратились и поселились со своими дружинниками в окрестностях разрушенного Иерусалима; входили они в сношения и с Годолиею, являясь к нему в Массифу, как бы с выражением ему своей покорности. Доверчивый Годолия, не подозревая у них злых умыслов, принимал их радушно и с почетом, даже устроял для них пиры. Иоанан, сын Карея, между прочим предупреждал Годолию, что Исмаил по уговору с аммонитянами намеревается убить его и секретно предлагал ему свои гнусные услуги:

— Позволь мне, — говорил он, — я пойду и убью Исмаила, сына Нафании, и никто не узнает; зачем допускать, чтобы он убил тебя, и

чтобы иудеи, собравшиеся к тебе, разорялись, и чтобы погиб остаток Иуды?

— Не делай этого, — сказал ему Годолия, — неправду ты говоришь об Исмаиле.

Между тем вскоре действительно Исмаил, явившись к Годолии с десятью своими дружинниками, в поздний вечер среди пира мечом поразил Годолию и всех иудеев, бывших у него и халдеев — людей военных, присутствовавших там. Совершив так удачно свой гнусный кровавый подвиг, Исмаил с стаей своих хищных заговорщиков разграбил Массифу, пленил дочерей правителя области и людей, начавших привыкать там к мирной жизни, и повел их в пределы аммонитские. Это дерзкое злодеяние разбойника, будто действовавшего на пользу отечества, возбудило против него общую ненависть. Иоанан, сын Карея, и другие предводители воинских отрядов скоро объединились и решили наказать злодея; собрав свои дружины, они погнались за Исмаилом и настигли его в Гаваоне. Плененные Исмаилом иудеи и даже соратники его, как только увидели Иоанана, обрадовались и передались на его сторону. Исмаил в сообществе только восьми приближенных бежал к аммонитянам.

Но и Иоанан с товарищами своими далек был от истинного понимания интересов своего злополучного отечества, о чем настойчиво всегда возвещал пророк Иеремия. После легко доставшейся победы над Исмаилом иудеи, остановившись в селении Химам, близ Вифлеема, составили, под главенством Иоанана, совет, на котором, из боязни мщения за вероломное убийство Годолии, ставленника вавилонского царя, решили уйти в Египет. И стали они уже приготовляться, чтобы всем народом идти в Египет, из которого некогда рукою крепкою Вседержителя Бога и мышцею Его высокою изведены были их отцы!.. Но прежде исполнения такого решения они пожелали выслушать отзыв о том святого Иеремии. И приступили все военные начальники, и Иоанан, сын Карея, и Иезания, сын Гошаии, и весь народ от малого до большого и сказали Иеремии пророку:

— Да падет пред лице твое прошение наше, помолись о нас Господу Богу твоему («твоему», говорят, а не «нашему», — это достойно особого внимания) обо всем этом остатке, ибо из многого осталось нас мало, как глаза твои видят нас, чтобы Господь Бог твой указал нам путь, по которому нам идти и то, что нам делать.

Пророк ответил им:

— Слышу и помолюсь Господу Богу вашему по словам вашим и все, что скажет Господь, объявлю вам, — не скрою от вас ни слова.

При этом они заявили Иеремии:

— Господь да будет между нами свидетелем верным и истинным в том, что мы точно выполним все то, с чем пришлет тебя к нам Господь Бог твой: хорошо ли, худо ли будет, но гласа Господа Бога, к Которому посылаем тебя, послушаемся, чтобы нам было хорошо, когда будем послушны гласу Господа Бога нашего.

Пророк исполнил данное обещание и по прошествии десяти дней объявил Иоанану и бывшим с ним военачальникам и всему народу:

— Так говорит Господь Бог Израилев, к Которому вы посылали меня, чтобы повергнуть пред Ним моление ваше: если останетесь на земле сей, то Я устрою вас и не разорю, насажду вас и не искореню, ибо Я сожалею о том бедствии, какое сделали вам. Не бойтесь царя вавилонского, которого вы боитесь; не бойтесь его, говорит Господь, ибо Я с вами, чтобы спасать вас и избавлять вас от руки его. И явлю к вам милость: он, царь Вавилонский, не накажет вас и позволит вам оставаться в земле вашей. Если же вы скажете: «Не хотим жить в этой земле», и не послушаетесь гласа Господа Бога вашего, говоря: «Нет, мы пойдем в землю Египетскую, где войны не увидим, и трубного звука не услышим, и голодать не будем, и там будем жить», — то выслушайте ныне слово Господне, вы, остаток Иуды, так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: если вы решительно обратите лица ваши, чтобы идти в Египет, и пойдете, чтобы жить там, то меч, которого вы боитесь, настигнет вас там, в земле Египетской, и голод, которого вы страшитесь, будет всегда следовать за вами; там, в Египте, вы и умрете. И все, которые обратят лицо свое, чтобы идти в Египет и там жить, умрут от меча, голода и моровой язвы, и ни один из них не останется и не избежит того бедствия, которое Я наведу на них. Ибо так говорит Господь Бог Израилев: как излился гнев Мой и ярость Моя на жителей Иерусалима, так изольется ярость Моя на вас, когда войдете в Египет, и вы будете проклятием и ужасом, и поруганием и поношением, и не увидите более места этого. К вам, остаток Иуды, изрек Господь: не ходите в Египет; твердо же знайте, что я ныне предостерег вас! — не погрешайте против себя самих: вы послали меня к Господу Богу,

сказав, что сделаете все, что скажет Он вам; и вот ныне я объявил вам волю Божию. — Итак, знайте, что вы умрете в том месте от меча, голода и моровой язвы, куда хотите идти, чтобы жить там в сытости и спокойствии (см.: Иер. 42, 2–22).

Эта речь пророческая не произвела должного воздействия на сердца, пропитанные ядом необузданного произвола. Азария, сын Осаии, и Иоанан, сын Карея, и другие дерзкие люди сказали Иеремии: «Неправду ты говоришь, не Господь послал тебя сказать нам: „не ходите в Египет"... а Варух, сын Нирии, возбуждает тебя против нас, чтобы предать нас в руки халдеев, чтобы они или умертвили нас, или отвели в Вавилон» (см.: Иер. 43, 1–3).

Так и не вняли своевольные люди слову Господа, чтобы остаться жить в земле Иудиной. Иоанан и его дружинники и весь остаток Иуды, собрав свои семьи и пожитки, пошли в Египет, насильственно увлекая с собой и пророка Иеремию с его верным писцом — Варухом.

Придя в Египетскую страну, они поселились в городе Тафнисе, где некогда пророк Моисей совершал чудесные знамения пред фараоном. Там среди добровольных переселенцев-соотечественников прожил Иеремия четыре года, пользуясь большим уважением от египтян за свою праведную жизнь и за те благодеяния, какие он оказывал им, своими молитвами поражая аспидов и крокодилов. Там же и умер он и был погребен.

Кончина святого пророка была мученическая.

В Тафнисе было слово Господне к Иеремии:

— Возьми в руки свои большие камни и скрой их в смятой глине при входе в дом фараонов в Тафнисе пред глазами иудеев и скажи им: так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: вот Я пошлю и возьму Навуходоносора, царя вавилонского, раба Моего, и поставлю престол его на этих камнях, скрытых Мною, и раскинет он над ним великолепный шатер свой; и придет, и поразит землю Египетскую: кто обречен на смерть, тот предан будет смерти, а кто — в плен, пойдет в плен, и кто — под меч, — под меч (см.: Иер. 43, 8–11). И только малое число иудеев, избежавших от меча, возвратится из земли Египетской в землю Иудейскую, и узнают оставшиеся иудеи, которые пришли в землю Египетскую, чтобы жить здесь, чье слово сбудется: Мое или их. И вот вам знамение, говорит Господь, что Я

посещу вас на месте сем, чтобы вы знали, что сбудутся слова Мои о вас к погибели вам; вот Я отдам фараона египетского в руки врагов его, как отдал Седекию, царя иудейского (см.: Иер. 44, 28–30).

Озлобление иудеев от таких речей Иеремии достигло крайних пределов, и они наконец, побили камнями пророка Божия, безбоязненно говорившего им истину! В год смерти святого пророка пришел в Египет царь вавилонский, поразил войско египетское и убил фараона Вафрия; в то же время истреблены были и сыны Израиля, поселившиеся там.

Мощи святого пророка Иеремии, много лет спустя, перенесены были царем Македонским Александром[1] в построенный им город Александрию и положены в месте, называемом Тетрапил, которое весьма почиталось александрийцами. Царица Елена украсила зданием в Иерусалиме то место, где Иеремия ввержен был в яму с грязью.

Пророчествовал святой Иеремия и о страдании Господа Иисуса Христа, являя в себе самом таинственный прообраз Его, «кроткого Агнца ведомого на заклание» (см.: Иер. 2, 19; ср.: Ис. 53, 7). По сказанию, записанному святым Епифанием, пророк Иеремия предсказал о падении и разрушении всех египетских идолов в то время, когда в Египет придет Дева — Мать с Младенцем, в вертепе рожденном и в яслях положенном; — каковое пророчество будто дало основу для обычая, существовавшего у египтян, изображать деву, почивающую на одре, с младенцем, обернутым пеленками и лежащим подле нее в яслях, и воздавать поклонению такому изображению. При сем еще сообщается, будто жрецы египетские на вопрос царя Птоломея, почему почитается такое изображение, ответили, что это есть тайна, святым пророком предсказанная их древним отцам, и что они ждут осуществления этой тайны.

Много лет прошло после смерти святого пророка Иеремии: плененные халдеями иудеи возвратились в свою родную землю; в Иерусалиме сооружен был новый храм Господень, в Иудее восстановлен был по возможности порядок жизни церковной и гражданской. Но в те времена иудеи уже не пользовались политической свободой и подчинялись то сирийцам, то египтянам, то македонянам, терпели

---

[1] *Александр Македонский* царствовал с 336 по 323 год до Рождества Христова. Прославился как замечательный завоеватель. В Иерусалиме Александр Македонский был в 332 году до Рождества Христова.

они невзгоды и от хананейских племен и от внутренних смут и раздоров.

Случилось однажды, что когда вероломный сирийский полководец Никанор, причинивший много зла иудейскому народу, с надменною гордостью хотел во что бы то ни стало погубить пламенного ревнителя религиозной свободы, грозного защитника святой отеческой веры, Иуду Маккавея, сей Иуда, вооружая своих соратников не столько крепкими щитами и копьями, сколько добрыми речами своими и указаниями на прежде бывшие обстоятельства чудесной помощи от Вседержителя, поведал им и о своем сновидении и рассказом этим всех обрадовал и воодушевил (см.: 2 Мак. 15, 1–11).

Видение же его было такое: он видел Онию — бывшего первосвященника, мужа честного и доброго, с детства обучившегося всем добродетелям, — видел, что сей, почтенный видом, простирая руки, молится за весь народ иудейский. Потом явился другой муж, украшенный сединами и славою, окруженный дивным и необычайным величием. И сказал Ония:

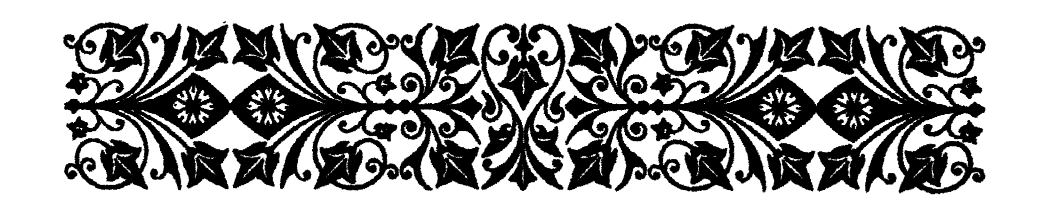
— Это — братолюбец, который много молится о народе и о святом городе, Иеремия пророк Божий.

Тогда Иеремия, простерши руку, дал Иуде золотой меч и, подавая, сказал:

— Возьми этот святой меч; это — дар от Бога, которым ты сокрушишь врагов (см.: 2 Мак. 15, 12–16).

И соратники Иуды Маккавея, утешенные и ободренные его речью, отважно ринулись в бой и победили неприятеля.

Этот рассказ Иуды о его сновидении наглядно удостоверяет, что святые угодники Божии, по кончине своей, молятся за нас Богу и оказывают нам помощь, как святой Иеремия помог Иуде Маккавею одолеть его противников. Его святые молитвы да споспешествуют и нам преодолевать видимых и невидимых врагов, благодатью и человеколюбием Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, Ему же слава с Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.



ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ПАФНУТИЯ БОРОВСКОГО[1]

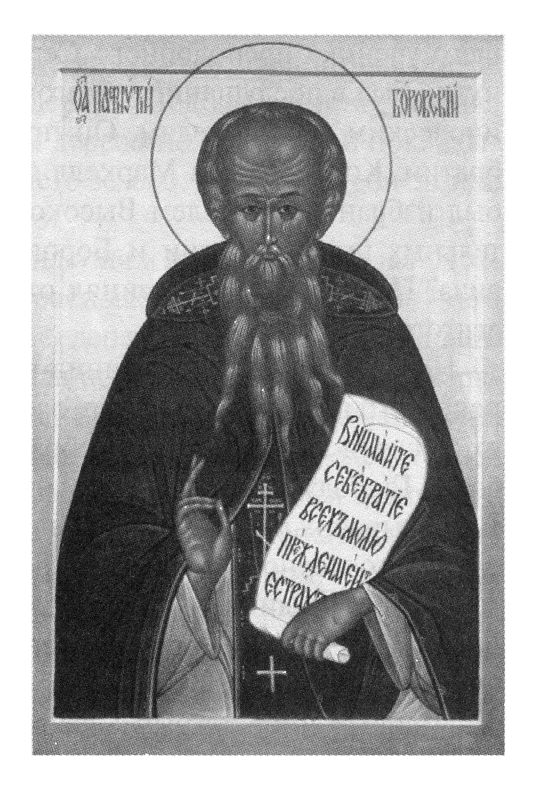
Преподобный Пафнутий был внуком татарина-баскака. Когда за грехи русского народа пришел на нашу землю, по Божию попущению, татарский царь Батый[2] со своим многочисленным войском, то, опустошив ее мечом и огнем, пленив города, разрушив церкви Божии с их святынями и посекши как деревья или колосья русских князей и начальников, он поставил в ней татарских властителей, называвшихся баскаками[3].

---

[1] Сведения о преподобном Пафнутии содержатся: 1) в превосходной записке ученика его Иннокентия о последних днях преподобного, составленной в 1477-м или 1478 году, то есть очень скоро после кончины святого; 2) в древнем житии преподобного Пафнутия, написанном другим учеником, родным братом преподобного Иосифа Волоколамского, Вассианом Саниным между 1500-м и 1515 годом в бытность Вассиана архимандритом Симонова подмосковного монастыря (с 1502-го по 1506 год) или архиепископом Ростовским (с 1506-го по 1515 год); 3) в воспоминаниях Досифея Топоркова, племянника преподобного Иосифа Волоколамского, инока его обители; 4) в духовной преподобного Иосифа Волоколамского и некоторых других грамотах; наконец 5) в летописях.

[2] Нашествие татарского хана Батыя на Русь было с 1237-го по 1238 год и в 1240 году.

[3] В переводе на русский язык это слово значит «давитель». Прямыми обязанностями баскаков были: перечисление народа и сбор податей. В действительности же эти татарские чиновники, стоявшие выше русских князей и полководцев, были полными хозяевами Руси. Будучи отправляемы с войском и множеством разных мелких татарских чиновников, они заведовали и внутренними делами покоренной Руси: следили за поведением князей, вникая в их взаимные отношения, разбирая их тяжбы и наблюдая главным образом за их отношениями к татарскому хану. Они появились на Руси вскоре после взятия Киева, бывшего в 1240 году.



Таким баскаком и был дед преподобного Пафнутия. Во время одного восстания русских против татар дед Пафнутия принужден был креститься и был назван Мартином. У нового Христова последователя, отличавшегося благочестием, родился сын Иоанн, который, по достижении совершеннолетия, женился на девице Фотинии. Иоанн и Фотиния жили в своем наследственном селе Кудинове, верстах в четырех от Боровска[1]. От этой четы, благочестивой и нищелюбивой, и родился около 1395 года преподобный Пафнутий, названный во святом крещении Парфением. Развиваясь и возрастая телесно, Парфений вместе с тем совершенствовался и духовно. Преуспевая в изучении грамоты и особенно в чтении Божественных книг, отрок поучался и добрым нравам: кротости, незлобию, целомудрию. Охотно подражая людям добродетельным, он стремительно избегал общения с пустыми людьми.

Когда Парфению исполнилось двадцать лет от роду, он оставляет дом отца, сладкую любовь родителей, сродников и друзей; отрекается от всего мирского и поступает в Высокий Покровский монастырь близ города Боровска[2]. От Маркелла, настоятеля этого монастыря, Парфений принял пострижение с именем Пафнутия и был отдан под руководство престарелого священноинока Никиты, быв-

---

[1] *Боровск* — в настоящее время уездный город Калужской губернии. О месте *села Кудинова* ныне напоминает часовня.

[2] *Высокий Покровский монастырь* находился при реке Протве, в одной версте от Боровска. Основан в 1410 году. В 1618 году монастырь был приписан к Пафнутиеву Боровскому, в 1764 году упразднен. Название «Высокий» получил по месту, которое занимал: местность эта господствует над всею окрестностью. Теперь на месте этой обители находится подгородная слобода Высоцкая.

шего ученика преподобного Сергия[1]. Семь лет преподобный Пафнутий был в послушании у благочестивого старца и научился от него иноческим добродетелям. Он приобрел общую любовь и почтение братии. Когда игумен Маркелл скончался, преподобный Пафнутий был избран настоятелем Высокой обители, после долгих и настоятельных просьб братии и Боровского князя Симеона Владимировича. Посвящение он принял от рук Всероссийского митрополита святого Фотия[2].

Новый игумен присоединил к подвигам инока заботы доброго и искусного пастыря словесных овец Христовых и бдительного стража их. В своей жизни он являл образ своему стаду. Он непрестанно работал Господу — и днем и ночью. День употреблял на исполнение монастырских работ; ночь проводил в молитве.

Своего верного раба Господь украсил рассудительностью, прозорливостью, дивными откровениями и иными дарами Святого Духа. Всеведущий Бог дал преподобному Пафнутию способность узнавать по человеческому лицу и взору скрытые душевные страсти и немощи, а иное открывал святому во сне.

Вот рассказ, наглядно подтверждающий то и другое. Один брат, посланный по монастырским нуждам в село, впал там в плотской грех. В ночь его падения святой, по совершении обычного правила, склонился, чтобы уснуть немного, и увидел следующий сон. Преподобному снился чудный сад с прекрасными плодовыми деревьями. Радостным и изумленным взором смотрел он на них и особенно восхищался одним деревом, отличавшимся поразительной красотой. Вдруг на его глазах дерево это было вырвано и упало на землю. Пре-

---

[1] *Преподобный Никита* был игуменом Высоцкого Серпуховского монастыря, преемником преподобного Афанасия Младшего, с 1395 года. После девятнадцатилетнего управления обителью, состарившись и страдая болезнью глаз, преподобный Никита семь лет жил на покое в Высоком Боровском монастыре. Оставив этот монастырь (около 1421 года), преподобный Никита ушел на север и основал в Костроме Богоявленский монастырь (около 1426 года), существующий до сих пор (с 1864 года — женский). Здесь подвижник скончался и погребен.

[2] *Князь Симеон Боровский* был сын Владимира Андреевича Серпуховского, скончался от моровой язвы в 1426 году иноком с именем Саввы и положен в Троице-Сергиевом монастыре. — Святой митрополит Фотий (память его празднуется 2 июля) управлял Русскою Церковью с 1408-го по 1431 год. Отсюда следует, что преподобный Пафнутий стал игуменом не позднее 1426 года.

подобный, забыв о красоте остальных деревьев, очень опечалился внезапным падением прекрасного дерева. Подошел к нему, поднял и посадил на прежнем месте. Чтобы дерево не засохло, он обкладывал его навозом, утаптывал вокруг него землю. Долгих трудов стоило святому утвердить вырванное дерево.

Проснувшись, он понял смысл видения и очень опечалился. Прекрасный сад означал его обитель. Красивые плодовые деревья — его братии. Вырванное же и падавшее дерево знаменовало падшего брата, требующего от отца-настоятеля особенного труда для поставления и утверждения на своем месте. Когда согрешивший, окончив дело своего послушания, возвратился в обитель и предстал пред своим игуменом, то, раскаиваясь в грехе своем, смутился и лицо его покрылось густою краскою стыда. Преподобный спросил брата, не случилось ли с ним чего-либо прискорбного на пути. Падший застыдился еще более, не решился исповедать пред игуменом свой грех; даже не мог смотреть ему в глаза. Видя такое смущение ученика, святой рассказал ему свой сон, и, как хороший духовный врач, настаивал, чтобы он открыл ему внутреннюю язву души своей. После долгих убеждений игумена согрешивший инок покаялся. Преподобный долгое время давал ему духовное врачевство, приличествующее его душевной язве, утешал его, склонного к отчаянию, надеждой на милосердие Божие и в конце концов привел грешника к совершенному исправлению. Так заботился преподобный о своей братии: как искусный врач, врачевал их душевные немощи, как добрый пастырь, исторгал из волчьей пасти овцу и принимал на свои плечи и как сильный муж носил немощи немощных.

Тринадцать лет игуменствовал преподобный Пафнутий в Высоком монастыре. Потом он сильно и надолго заболел и во время болезни принял схиму.

По выздоровлении он оставил игуменство и уединился вместе с одним братом на высокое, очень красивое место, поросшее густым лесом на берегах двух рек, в трех верстах от Боровска[1]. Место это принадлежало не к Боровской, а к Суходольской области. Поселение преподобного Пафнутия на новом месте произошло около 1440 года. Сюда начали приходить к нему братия, ставить себе с его благосло-

---

[1] *Пафнутиев-Рождество-Богородицкий монастырь* стоит при впадении реки Истремы в реку Протву.

вения келии и жить под его спасительным руководством. Монастырь рос и братия умножались. Иноки молили своего наставника о дозволении им построить церковь. И так как преподобный этого не запретил им, то они поставили деревянную церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Храм освящен был повелением Московского митрополита святого Ионы[1].

Нужно сказать, что святой, как смиренный схимонах, не литургисал в своей новой обители. И только один раз пред своей кончиной, в день Светлого Христова Воскресения, когда не нашли и за большие деньги священника, совершил литургию со многим вниманием и умилением. «Ныне едва душа моя осталась во мне», — говорил он по совершении ее своим ученикам.

Ненавидящий добро диавол подстрекал некоторых людей делать неприятности преподобному и вредить его новоустроенной обители. Но преподобный побеждал благим злое и одолевал все своим терпением.

Обидчиком преподобного Пафнутия явился тогдашний Боровский князь Василий Ярославич[2]. Видя умаление и обеднение покинутой святым Высокой Боровской обители, а также процветание и умножение новой, находящейся вне его княжества, князь Василий сильно гневался на святого и измышлял средства изгнать отсюда преподобного. Но так как он не мог этого сделать явно в чужом княжестве, то начал преследовать подвижника тайным образом. Он много раз подсылал своих буйных слуг зажечь со всех сторон ненавистную ему обитель. И всякий раз, увидав трудящихся преподобного Пафнутия и его учеников, слуги возвращались ни с чем к своему князю. Среди слуг Боровского князя был новокрещеный татарин, по имени Ермолай. Когда князь Василий дал ему приказание поджечь обитель преподобного, этот варвар поспешил с радостью. Преподобный, встретив татарина, ласково назвал его по имени и спросил, зачем он пришел. Такая приветливость святого мгновенно преобразила звероподобный нрав Ермолая. Он раскаялся в своем

---

[1] *Святой Иона* занимал митрополичью кафедру с 1448-го по 1461 год. Память его празднуется 31 марта. Таким образом освящение храма обители было не ранее 1448 года.

[2] *Василий Ярославич, князь Боровский*, сын князя Ярослава (Афанасия) Владимировича, скончался в 1483 году.

злом умысле и откровенно рассказал, зачем был послан. Потом, испросив прощение и благословение, ушел, не сделав ничего дурного обители преподобного.

В это время, по Божьему попущению, неожиданно вторгся в Россию нечестивый царь Мамотяк[1] со множеством татар. Великий князь Василий Васильевич[2] и другие русские князья, не успев собрать достаточного войска, встретили безбожных татар у Суздаля[3]. Произошло сражение, в котором татары победили русских и многих взяли в плен, в том числе и великого князя. Среди пленных был и боровский князь Василий Ярославич, враждовавший с преподобным. Находясь в плену, князь раскаялся в своей греховной злобе на преподобного Пафнутия и молился Богу о своем освобождении из плена по молитвам его. Между тем незлопамятный подвижник тоже усердно молился об освобождении князя. Молитва угодника Божия была услышана: князь Василий безвредно убежал из плена. По возвращении на родину, он немедленно пришел в обитель своего молитвенника и получил от него прощение и благословение. С тех пор князь питал великую веру к преподобному Пафнутию.

Преподобный был не только незлобив при оскорблениях, но и удивительно терпелив в нуждах, всегда непоколебимо веруя в Божию помощь. Раз приближался праздник Пасхи, а в обители совсем не было рыбы. Братия и монастырские служители были тем очень опечалены и даже роптали на святого.

— Не скорбите об этом, братия, и не гневите Бога, — говорил им преподобный, — всемилостивый Владыка, создавший нас и просветивший весь мир Своим восстанием (от мертвых), утешит нас, Своих рабов, в скорби нашей и подаст в изобилии блага боящимся Его.

Такая надежда на Всеблагого и Премудрого Промыслителя не замедлила принести свой прекрасный плод. Вечером в Великую субботу, незадолго до Светлой ночи, пономарь пошел на малый источ-

---

[1] *Мамотяк* — сын царя Ординского Могомета, царь Казанский. Нашествие, о котором здесь речь, было в 1445 году. В таком порядке события рассказаны в древнем житии преподобного Пафнутия. Но происшествие это было ранее освящения храма (около 1448 года) и официального открытия обители.

[2] *Великий князь Василий II Васильевич Темный* княжил с 1425-го по 1462 год.

[3] *Суздаль* — в настоящее время уездный город Владимирской губернии.

ник почерпнуть воды для литургии и увидал бесчисленное множество рыб, называвшихся на тамошнем наречии «сижки», по своей величине немного больше сельдей. В то время был разлив воды, и их собралось так много, как никогда прежде. Пономарь поспешил сказать о том святому. Преподобный прославил Бога и повелел рыболовам закинуть сети. И поймали такое множество этих рыб, что их достало целой обители на всю Светлую неделю как на обеды, так и на ужины.

Далеко разносилась слава о великих подвигах преподобного Пафнутия и все более и более привлекала в его святую обитель любителей иноческого благочестия. Между ними было немало людей высокодобродетельных. Таковы, например, преподобный Иосиф, постриженный руками святого в иночество и бывший впоследствии основателем Волоколамской обители[1], старец Иннокентий, Исаия, по прозванию Черный, родственник преподобного, Вассиан, писатель его жития, бывший потом Ростовским архиепископом, и другие.

Преподобный являлся живым образцом подвижника для брани. Он был строгий постник: ничего не ел по понедельникам и пяткам, по средам разрешал себе только сухоедение и весьма умеренно вкушал в остальные дни за общей трапезой. «Его пищей, — говорит ученик преподобного, — было угождение братии».

Себе он выбирал все худшее и в пище и во всем, касающемся удобств. Одежды: мантия, ряска, сшитая из овчины, и обувь — не годились ни одному нищему. Вся жизнь преподобного Пафнутия была непрерывным трудом в поте лица, подвигом, страданием и молитвой. Никто прежде его не являлся ни на общее молитвенное правило, ни на работы. Он выполнял с усердием самые тяжелые послушания: рубил и носил дрова, копал землю и поливал растения в саду. Зимой занимался чтением, плетением рыболовных сетей. Постоянный враг праздности, подвижник был от чрева матери верным, безупречным другом девства. Во имя целомудрия он не дозволял никому прикасаться к своему телу, а женщин не только не пускал в обитель, но не хотел их видеть и издалека; женщинам и знатным он не разрешал даже приближаться к воротам обители своей, а братии строго запрещал всякие разговоры о них.

---

[1] Память преподобного Иосифа празднуется 9 сентября.

Преподобный отличался учительностью. Охотно беседовал он и с иноками, и с мирянами. Речь его была всегда проста и приятна. Подвижник чужд был человекоугодия — никогда он не льстил собеседнику; не стыдился лица князя или боярина, не смягчался приносами богатых, но всегда говорил правду, по Божию закону, по Его святым заповедям. Также говорил он и с простецами, называя их братией, и никто после беседы его не ушел когда-либо скорбным. Для многих открывались здесь тайны сердечные, прежде недоступные.

Некоторые беседы преподобного Пафнутия записаны старцем Досифеем Топорковым, племянником преподобного Иосифа Волоколамского[1]. Приведем их содержание.

Подвижник рассказывал братии о великом горе 1327 года. Гнев Господень обратился тогда на Русскую землю за грехи людские, и настала великая скорбь в градах и селах. Появлялась у человека язва, а через три дня наступала и смерть. Много людей умирало без помощи: некому стало помогать больным, ибо у каждого был свой мертвец, которого нужно было погребсти и оплакать. Страх и трепет напал на народ. Благочестивые, боящиеся Бога, обращались на покаяние, принимали пострижение и с миром отходили ко Господу. Но другие, бесчувственные, не страшась гнева Божия или желая забыться, в отчаянии, предавались страшному пьянству и пили даже тогда, когда уже заболевали; иные так и помирали среди пирующих друзей, а те пихали умершего, думая, что он упился. Много померло людей во время этого поветрия; имущество умершего валялось и никто не хотел его брать: оставшиеся в живых брали только золото и серебро.

Преподобный усердно поучал своих слушателей творить милостыню, эту царицу добродетелей. Он указывал на примеры нищелюбивых людей, удостоившихся награды за гробом: на Московского великого князя Иоанна Данииловича Калиту[2], раздававшего нищим подаяние всем без отказа; на одного магометанина, которого Гос-

---

[1] Труд Досифея, написанный не ранее 1546 года, представляет собою нечто в роде Патерика — ряд кратких рассказов, слышанных от преподобного Пафнутия, преподобного Иосифа и других подвижников Волоколамского монастыря. Досифею принадлежит еще надгробное слово преподобному Иосифу.

[2] *Иоанн Калита*, сын святого князя Даниила Александровича, был великим князем с 1328-го по 1340 год.

подь за многую милостыню избавил от адских мук. «Одна милостыня может спасти человека, если живет он законно», — говорил преподобный.

Один милостивый человек скончался, а другому было откровение о его загробной судьбе. Приведен был умерший к реке огненной, а на другой стороне реки рай — чудное место, светлое и злачное, прекрасный сад. Но не может никак перейти душа человека чрез страшную реку. И вот приходят множество нищих, получивших его милостыню; они ложатся мостом чрез реку, и милостивый человек переходит по мосту в рай. К этому рассказу преподобный прибавляет, что души праведных переносятся в рай Ангелами, но Господь открыл судьбу праведной души в таком виде для нашего вразумления.

Когда братия обители умножились, святой, при содействии их, построил каменный храм. Во все время его строения он и сам трудился как простой работник, нося на своих плечах камень, воду и все необходимое для постройки. Поставив церковь, преподобный украсил ее иконописью и пригласил для этого лучших живописцев, которые расписали ее «чудно вельми». Преподобный украсил храм иконами, книгами и всякой утварью церковною, так что дивились даже князья, привыкшие к церковному благолепию.

Составляя и сам одушевленную церковь, преподобный Пафнутий украшался от Бога чудесною благодатию, проявлявшеюся в исцелениях, прозорливости, откровениях и иных дарах Святого Духа.

Вот некоторые из чудес подвижника.

Искусный художник-иконописец, мирянин Дионисий, приглашенный преподобным расписывать храм обители, по болезни ног не мог работать. Святой старец сказал ему: «Дионисий! Бог да благословит тебя, начни доброе дело; Господь и Пречистая Матерь Божия подаст здравие ногам твоим».

Иконописец, твердо поверив словам преподобного, с радостью принялся за дело и исцелел. Этому же Дионисию и прочим иконописцам-мирянам святой отец заповедал не вкушать в обители мяса, а есть его в ближайшем селении. Некоторое время они исполняли эту заповедь. Потом позабыли и принесли в обитель к себе на ужин вареное бедро ягненка, начиненное яйцами. Когда Дионисий первым из них отведал его, то в начинке нашел множество червей и

принужден был выбросить запрещенную пищу собакам. Вдруг он заболел свербежом[1]. В один час все тело Дионисия представляло как бы один сплошной струп, и он не мог двигаться. Тогда больной немедля послал к преподобному, прося принять его раскаяние и дать прощение. Святой же, заповедав Дионисию не делать впредь ничего запрещенного, повел его в церковь, куда собрана была вся братия. По совершении соборного молебствия, преподобный освятил воду и повелел больному омывать ею все больное тело. Лишь только Дионисий это сделал, он ненадолго заснул. Потом, пробудившись, почувствовал себя совершенно здоровым, как будто никогда и не хворал. Струпья его отпали как чешуя, и он прославил Бога.

Обитель преподобного Пафнутия окружена была густым лесом, в котором обитало много птиц. В изобилии водились здесь черноперые вороны, вившие гнезда близ монастыря. Смотря на них, преподобный восхищался и дал заповедь не ловить и не губить их. Между тем однажды сын городского воеводы проезжал мимо обители святого Пафнутия и, увидав стаю воронов, натянул лук и убил одного из них. Обрадовался юноша, но скоро почувствовал, что голова его, повернутая в сторону, осталась неподвижною в таком неестественном положении. Скорбь и ужас сменили в его сердце веселье и самодовольство. Вместе с тем в душе юноши явилось сознание действительной причины случившегося с ним бедствия, а вслед за этим и раскаяние. Охваченный им, сын воеводы быстро отправился к преподобному и, припав к его ногам, просил прощения и святых его молитв пред Господом о своем исцелении. Подвижник приказал ударить в било и пошел в церковь. Удивленные несвоевременным звуком била иноки быстро собрались в церковь и спрашивали святого о причине необычайного звона. Преподобный с улыбкой сказал: «Отомстил Бог за кровь ворона».

Совершив затем молебное пение и осенив святым крестом страждущего юношу, подвижник обратился к нему со словами: «Силою честного и животворящего Креста обратись наперед».

И тотчас голова его приняла естественное положение.

Другой юноша напустил на ворона ястреба. Но ястреб, убив ворона, сам пал мертвым. Таким образом, охотник лишился своей забавы.

[1] *Свербеж* — то же, что и чесотка, зуд.

Одной ночью пришли к обители преподобного воры и, захватив трех рабочих монастырских волов, пасшихся в окольном лесу, хотели вести их к себе домой. И вдруг они заблудились, и ходили подобно слепым вокруг обители. С наступлением утра воры хотели убежать без волов. Но невидимая сила Божия связала их, и они не могли отойти от похищенного скота, пока разыскивавшие его монастырские работники не нашли их и не привели затем к преподобному. Он же, дав им наставление не присвоять чужого, повелел накормить воров и отпустил их с миром.

Два инока сговорились выйти тайно из обители и уже собрали свои вещи. Но Бог открыл это преподобному во сне. После утреннего пения он склонился, чтобы немного почить, и увидел следующий сон. Черный эфиоплянин взял из его келейной печи горящие головни и метал их на келии этих учеников. Святой же грозно запрещал ему это, говоря, что таким образом он зажжет обитель. Но эфиоплянин ответил ему, что для того-то и бросает он головни. Проснувшись, преподобный понял значение сна и тотчас же послал за этими иноками. Когда подвижник рассказал им виденный сон, устрашенные и в то же время умиленные рассказом святого, они показали ему собранные вещи, исповедали свой грех и просили прощения.

Один ропотливый брат, хуливший все, что совершалось в обители, и самого святого, имел такое видение во сне: будто бы он стоит посреди церкви с поющими; внезапно приходит в нее святой отец и, взглянув на него гневно, говорит: «Этот — хульник: возьмите его из церкви». И тотчас два черных эфиоплянина схватили его, повлекли вон и при этом сильно били. Проснувшись, брат почувствовал сильный страх, и со слезами на глазах поспешил к преподобному просить у него прощения.

Был в его обители благочестивый старец, по имени Константин. Заболев, он скончался. В момент его кончины, ни для кого еще не известной, инок Иосиф приблизился к дверям келии преподобного Пафнутия, почивавшего после утреннего славословия, и хотел совершить, по монастырскому обычаю, Иисусову молитву. Вдруг преподобный отворил оконце и, увидав Иосифа, сказал:

— Некто сотворил молитву и сказал: старец Константин отошел ко Господу. — Я же, проснувшись и открыв окно, никого не увидал, кроме тебя идущего.

Иосиф заметил:

— Я сейчас только вышел от Константина. Он еще жив.

Но святой повелел ученику идти в келию Константина. Придя туда, Иосиф действительно нашел его преставившимся.

Преподобный Пафнутий имел дар прозорливости: он узнавал по лицу инока, какою страстью тот обуревается, исполнил он или нет положенное на день молитвенное правило; узнавал даже тайные и давние грехи людей, которых в первый раз видел.

Один новоначальный инок, сожительствовавший преподобному и еще не преодолевший в себе страстей, вышел по некоторой нужде из обители. На пути ему встретились миряне, и в том числе женщины. Взглянув на них, инок прельстился любострастно женскими взорами и остановился на греховной мысли. Возвратившись в келию святого, согрешивший нашел его за чтением. Посмотрел на своего ученика преподобный, тотчас же нашел его смущенным нечистыми помыслами и, отвратив от него свое лицо, дал понять, что знает его прегрешение. Устрашившись такой прозорливости, брат сообщил о ней своему однокелейнику Иосифу. Тот велел ему исповедать грех преподобному и испросить прощения. Когда инок исполнил это, он получил прощение и отеческое наставление.

Однажды, тоже во время чтения святым Божественного Писания, подошел к его келии человек, сотворил молитву и, посмотрев на святого через оконце, спросил об его ученике Иосифе, которому пришедший был земляком. Увидав совершенно незнакомого человека, святой старец сказал Иосифу:

— Выйди! Злой взором муж спрашивал тебя.

Ученик вышел и, увидав своего знакомого, спросил его, зачем он пришел.

Тот отвечал:

— Хочу быть монахом.

Иосиф поведал о его желании святому игумену, но тот сказал:

— Напитавши, отпусти этого человека, потому что он недобрый.

Иосиф удивлен был таким ответом; однако не осмелился расспрашивать. Исполнив волю преподобного, он возвратился к нему в келию. Тогда сам святой сказал Иосифу:

— Этот муж — убийца. Еще будучи юношей, он ударил одного монаха ножом в живот и умертвил его. Но это было давно, и он забыл о своем грехе.

Иосиф изумлен был этими словами: он никогда не слышал об этом грехе своего знакомого.

Некоторый инок пришел в обитель преподобного. Подвижник, увидав его, тихо сказал своим ученикам:

— Видите ли, что и ради иноческого чина не очистился от крови?

Ученики удивились, но боялись спросить преподобного о значении этих слов. Впрочем, после сам старец объяснил их:

— Этот инок, — сказал святой, — будучи мирянином, отравил в Новгороде князя, которому служил. Мучимый совестью, он принял монашество[1].

Боярыня, супруга Алексея Габурина, питала особенное уважение и веру к святому и часто посылала к нему своих детей с дарами, прося его молитв и благословения. По диавольскому действию она впала в болезнь и часто видела многих, устрашающих ее демонов. Потом являлся ей какой-то сгорбленный и малорослый старец с большой седой бородой, в плохой одежде. Старец властно отгонял демонов, и после того она становилась здоровою. Однажды больная услышала при этом голос, говоривший ей: «Пафнутий, который в Боровске, отгоняет от тебя демонов».

Так случалось с боярыней много раз. Прошло несколько времени, она совершенно выздоровела и пожелала увидать святого, чтобы узнать, действительно ли он являлся ей и отгонял бесов. Боярыня пришла со слугами к обители. Но так как монастырь для женщин был невходен, то, остановившись у его ворот, она послала слуг своих к ученикам блаженного с просьбой о том, как бы ей увидать преподобного. Иноки, показав святого старца слугам, повелели им указать его госпоже своей во время его выхода с братией в трапезу, так как приближалось обеденное время. Но боярыня, прежде всякого указания, увидев преподобного, тотчас узнала в нем являвшегося ей старца и со слезами возопила: «Воистину это тот, который своим явлением отгонял от меня демонов и даровал мне исцеление».

---

[1] Здесь разумеется *князь Димитрий Георгиевич Шемяка*, отравленный в 1453 году в Великом Новгороде. Отраву дал князю его боярин и любимец Иоанн Котов.

Затем, воздав благодарение Богу, Пречистой Его Матери и преподобному Пафнутию, послала милостыню.

У одного из учеников преподобного болел глаз. Больной, сильно страдая, усиленно искал лекаря. Святой же дал ему свои четки и приказал тысячу раз произнести молитву Иисусову. Но понуждаемый сильными страданиями больной едва исполнил половину приказанного числа. Произнеся полтысячи раз молитву и заметив исцеление своего глаза, инок от радости с поспешностью пошел к преподобному, чтобы сообщить ему о своем выздоровлении. Но прозорливый старец опять повелел ученику возвратиться к себе для окончания заповеданного числа молитв.

Благочестивые миряне поведали преподобному и сидевшим в его келии братьям об оставлении архимандритства тогдашним архимандритом подмосковного Симонова монастыря. При этой вести начался разговор о том, кто будет теперь Симоновским архимандритом. Один назвал такого-то, другой — иного. Святой же, взглянув на своего очень юного новопостриженного ученика, по имени Вассиан, родного брата преподобного Иосифа (своего будущего жизнеописателя), и указав на него, с улыбкой сказал: «Этот — Симоновский архимандрит».

В этих словах святого обнаружилось его прозрение в более отдаленное будущее. Спустя много лет Вассиан действительно был архимандритом Симоновского монастыря[1].

Раз преподобный выпросил у одного князя половить рыбу три дня на одном месте Оки с тем, чтобы все пойманное пошло в пользу монастыря. Отправляя одного из служителей на эту ловитву, подвижник повелел дать ему пять гривен[2] денег для покупки сосудов, чтобы в них посолить рыбу, пойманную в назначенный срок. Служитель не брал столько денег, не надеясь и одного малого сосуда на-

[1] *Вассиан (Санин)* упоминается архимандритом Симоновским в 1502 году. В 1506 году он был посвящен в епископа Ростовского. — Симонов монастырь основан около 1370 года преподобным Сергием Радонежским по поручению великого князя Димитрия Донского. С первоначального места построения (слобода Старое Симоново) монастырь вскоре перенесен был на нынешнее его место — на высоком берегу реки Москвы на южной окраине города. Первым игуменом монастыря был племянник преподобного Сергия Феодор (после архиепископ Ростовский, † 1395 год).

[2] На наш счет это составит несколько десятков рублей.

полнить рыбой. Преподобный же гневно посмотрел на него и велел делать, чтó ему приказано. Тогда посланный пошел и в три дня поймал семьсот тридцать больших рыб. Столько не поймали рыболовы князя и во все лето. Предвидя чудесную ловитву, святой и повелел купить так много сосудов.

Один юноша, став иноком, подвергся искусительному действию диавола. Исконный враг людей являлся ему в разных образах: то в образе неизвестного зверя или черного пса, а иногда, в то время, когда инок сидел в келии, подобно медведю он ходил кругом келии и ударял по ее стенам. Старец повелел юному иноку прочесть при нем Псалтирь. Как только юноша исполнил приказание святого, бесовские мечтания совершенно исчезли, и он освободился от страшных призраков.

Были прозорливцы и среди учеников преподобного Пафнутия. Таков был слезоточивый инок Евфимий. Этот подвижник, испускавший слезы молитвенного умиления не только в келии, но и в церкви на всяком правиле, получил от Бога дар прозорливости, который проявился однажды таким образом. Два брата имели между собой любовь не по Богу, а мирскую. И так как преподобный очень негодовал на них за это, то они помышляли тайно уйти из обители. Стоя во время литургии со своим обычным слезным умилением, Евфимий взглянул на святого отца и поющих с ним, среди которых были и эти два брата. И вот он видит, как выскочил из-за них эфиоплянин с острым шлемом на голове. В руках своих бес держал железный крюк. Зацепляя крюком за одежды грешных монахов, он вытаскивал их за клирос и, привлекая к себе, хотел схватить их своими руками. Но как только он приближал их к себе, железный крюк отскакивал. Это значило, что когда два грешника склонялись на посеянный в них врагом помысл уйти из обители и не покоряться отцу, враг легко привлекал их к себе, но, при их противлении этому помыслу, бесовское орудие бывало бессильно и отскакивало. Смотря на это, прозорливец проникал духовными очами в то, что происходило в их душах. При чтении Евангелия и во время Херувимской эфиоплянин исчезал. По окончании их он снова появился. Когда же настало освящение Святых Даров и изрядная песнь Пресвятой Богородице[1], тогда эфиоплянин исчез как дым, и уже не появлялся

[1] То есть «Достойно есть».

снова. Всю литургию простоял в трепете и исступлении прозорливый старец, а потом рассказал о своем видении преподобному Пафнутию. Преподобный призвал грешников и заповедал им бороться с греховными помыслами и исторгать их из своих сердец. После наставления и увещания святого оба инока исправились.

Святая жизнь преподобного Пафнутия, его благорассудительность и опытность во всяком деле, Божием и человеческом, сделали то, что не только иноки, но и многие миряне выбирали его духовным отцом себе. К нему, как к искусному врачу, шли знатные и простолюдины, богатые и бедные, добродетельные и грешные, и все получали полезные советы и должные епитимии. В приеме приходящих у святого не было никакого лицеприятия. Не боясь сильных и не щадя гордых, подвижник был очень ласков со смиренными.

Преподобный Иосиф Волоколамский пишет о своем учителе преподобном Пафнутии, что, когда нужно, он был милостив и снисходителен, но подчас бывал суров и гневен, если это требовалось. Духовные дети преподобного почитали его и боялись. Георгий Васильевич, князь Дмитровский, рассказывал, что когда он шел на исповедь к преподобному, у него подгибались колена. Зато духовные дети, выбрав преподобного отцом своим, не разрывали с ним общения и за гробом. Один раз, задремав на пороге церкви пред заутреней, преподобный видел во сне, будто открылись врата обители и вошло множество народа со свечами, направлявшегося к церкви, а в середине был князь Георгий Васильевич. Придя к церкви, князь поклонился ей, потом духовному отцу. Преподобный спросил его:

— Сын и князь! Ты уже преставился?

— Да, честный отче!

— Каково же тебе там ныне? — спрашивает преподобный.

— Твоими святыми молитвами, Бог дал мне добро. Особенно же потому, что когда я шел под Алексин на безбожных агарян, покаялся у тебя во всех грехах[1].

В это время начали звонить к заутрене и преподобный пробудился.

---

[1] Здесь разумеется *истребление города Алексина* (ныне уездный город Тульской губернии) ханом Ахматом в 1472 году. Князь Георгий и другие не сумели и не успели помочь несчастному городу.

Преподобный был очень милостив и нищелюбив. Проповедуя милосердие словом, подвижник осуществлял эту добродетель на деле. В Боровской стране случился сильный голод, и преподобный усердно питал в обители своей голодающих, приходивших из окрестных сел. Так собиралось ежедневно до тысячи человек, даже более, и милосердный подвижник истощил все запасы монастыря. На следующий год Господь послал умножение плодов земных.

Преподобный Пафнутий дожил до глубокой старости, до восьмидесяти трех лет, из которых шестьдесят три года он провел в иноческих подвигах. Отрекшемуся от всех утех земных, живущему лишь для Бога и для вечности, преподобному оставалось только освободиться от всего временного и перейти к тому вечному, уготованному Богом для любящих Его, чего *не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9).

Господь открыл святому старцу за целую седмицу день его блаженной кончины, и подвижник готовился встретить ее мирно и непостыдно. Все эти дни при святом находился ученик его Иннокентий, который оставил описание последних дней жизни своего святого учителя[1].

Это происходило весною 1477 года, вскоре после праздника святой Пасхи, бывшего в тот год 6 апреля.

В четверг третьей недели по Пасхе (24 апреля), после утрени святой вышел с Иннокентием к пруду, который сам выкопал. Заметили они, что сквозь запруду протекает вода. Преподобный учил Иннокентия, как преградить путь воде; потом вернулся в обитель ввиду наступившего времени святой литургии. При уходе старца ученик просил его прийти на работу после обеденного часа. В ответ на это, святой сказал: «Невозможно мне прийти, потому что я имею иное, более нужное и неотложное дело».

После литургии святой старец трапезовал с братиею, потом послал за Иннокентием и приказал ему идти к пруду. Иннокентий пошел в келию святого и, увидав своего наставника сидящим на одре, напомнил ему о работе. «У меня есть другая нужда, которой ты не знаешь; *сущий союз разрешитися хощет*», — ответил святой.

---

[1] Записки Иннокентия признаются одним из лучших произведений древнерусской житийной письменности. В нижеследующем рассказе они помещаются с некоторыми сокращениями.

Иннокентий был так смущен словами старца, что, выйдя с тремя братиями на работу, ничего не мог сделать.

Вернувшись в монастырь, ученик нашел подвижника опять сидящим на одре. Старец приказал передать князю Михаилу Андреевичу[1], чтобы он не приходил в обитель, потому что приспело иное дело. В этот день святой не ходил в церковь ни на вечернее, ни на послевечернее правила, но велел Иннокентию совершить их в своей келии. Братия подошли к келии преподобного, чтобы узнать, почему он не явился на богослужение. Но подвижник никому не позволил войти к себе и просил всех собраться на следующее утро. Отпуская от себя ученика, подвижник сказал ему: «В такой же четверг я освобожусь от своей немощи».

Всю ночь святой провел в молитве.

Утром в пятницу, 25 апреля, братия монастыря приходили к преподобному прощаться и получить его благословение. Иноков в монастыре было тогда девяносто пять человек, и все до одного собрались к болящему подвижнику, даже немощные и слепые. Простившись с братиею, преподобный пошел к литургии, поддерживаемый своими учениками. Когда один из них, уже немолодой, желая поддержать святого, взял его за ладонь, то преподобный с гневом выхватил руку и велел держать себя только за одежду. Вот каким осторожным хранителем бесстрастия был он: даже в старости и болезни, уже пред смертным исходом не дозволял прикасаться к своему телу. Старец ничего не вкушал в тот день; только попросил себе сыты, то есть воды с медом. Князь Михаил Андреевич прислал своего диакона узнать, что с преподобным и почему он не велел ему приходить к себе. Но преподобный не принял посланного. Не принял он также грамоту и деньги, присланные в монастырь из тверских пределов. Он был в тот день и у вечерни. От слабости больной едва держался и стоял, положив на посох руки, наклонив на них голову. Тем не менее он усердно подпевал братии и остался после вечерни на панихиду, несмотря на то, что братия хотели отвести его в келию. «Эта панихида мне нужна, — сказал им преподобный, — я не услышу ее более».

---

[1] *Князь Михаил Андреевич Верейский*, внук Димитрия Донского, был женат на дочери боровского князя Елене Ярославне и, может быть, с ее рукой получил Боровское княжество. Скончался он в 1486 году и погребен в обители преподобного Пафнутия.

В субботу, 26-го, больной старец также был у святой литургии. По окончании ее Иннокентий приготовил для него немного пищи и просил вкусить ее, указывая на субботний день и на то, что он не ел с четверга. Но святой отказался от пищи, сказав: «И я знаю это: и по Божественным правилам подобает в субботу вкусить разрешения ради поста, однако болящему следует три дня воздерживаться от пищи пред причащением Божественных Таин».

Таков был многолетний обычай святого старца — поститься пред приобщением святых Таин и проводить в молчании целую седмицу.

Вечером он исповедался пред священноиноком Исаией.

Миряне продолжали докучать болящему подвижнику, который готовился к кончине и все мысли свои устремил к Богу. Князь Михаил снова прислал в монастырь, на этот раз духовного отца своего, священника Иоанна, и просил у святого прощения и благословения себе и сыну своему Иоанну. Иннокентий передал просьбу князя. Помолчав немного, преподобный сказал:

— Удивляюсь на князя, зачем присылает: «Благослови сына моего, князя Иоанна». А князь Василий разве не сын его?[1] Бог знает, сам на себя разделился; как же может он обрести мир и благословение?

Затем прибавил:

— Нет у него ко мне никакого дела, хотя бы и князь он был.

Эти слова были переданы княжескому духовнику, но тот все-таки хотел повидать старца и для этого пошел в церковь к вечерне. Пошел и подвижник, но он поспешно скрылся в алтаре и оставался там до тех пор, пока посол князя оставил монастырь. Отстоял преподобный и всенощную, хотя поддерживаемый своими учениками. Потом сказал братии:

— Отселе уже не услышу всенощного бдения.

Молитвою готовился преподобный к приобщению великой святыни и лишь только начало светать, повелел преподобному Иосифу прочесть правило ко Причащению.

Приобщившись животворящих Христовых Таин в храме за Божественной литургией в воскресенье (27 апреля), святой старец при-

---

[1] У князя Михаила Андреевича известны дети: Василий, по прозванию Удалый († 1495 г.), Иоанн и дочь Анастасия, бывшая в замужестве за князем Иосифом Андреевичем Дорогобужским, в 1485 году поступившим на службу к великому князю Московскому.

веден был в келию. Опять заботливый Иннокентий приготовил ему немного пищи. Братия понуждали его подкрепиться, и, чтобы не оскорбить их, преподобный немного вкусил, а затем отдал братии, что было ему приготовлено.

В тот день великий князь Московский Иоанн Васильевич[1], неизвестно как узнавший о болезни преподобного Пафнутия, прислал к нему посла с грамотой. Когда ученик подал подвижнику великокняжеское послание, он сказал:

— Возврати послание принесшему — пусть отдаст его пославшему. Теперь я уже ничем не связан с миром: не желаю чести и не имею страха пред сильными мира.

Иннокентий заметил своему наставнику:

— Что касается тебя, ты сказал правду; но ради Бога сотвори полезное нам, не оскорбляй великого князя, не разгневай его.

Старец же ответил:

— Истину говорю вам: не разгневайте Единого, тогда ничего не успеет против вас гнев человеческий. Если же Единого разгневаете — Христа, никто помочь вам не сможет. А человек, если и разгневается, снова смягчится.

Ученик не смел больше возражать наставнику и возвратил послу великокняжескую грамоту.

Присылала посла и мать великого князя, Мария Ярославна, которая была великой почитательницей добродетельного старца, а также супруга князя, гречанка София Фоминична[2], которая прислала преподобному грамоту и золота. Старец ничего не взял и велел все вернуть назад, а ученику своему даже выговорил за то, что ему все докучают. Присылали в монастырь к болящему подвижнику многие бояре и простые миряне, но об этом ему уже и не докладывали.

---

[1] *Иоанн III Васильевич* был великим князем с 1462-го по 1505 год.

[2] *Мария Ярославна*, дочь князя Ярослава (Афанасия) Владимировича, сестра упомянутого выше Василия Ярославича, в 1433 году вышла замуж за великого князя Василия Васильевича Темного, скончалась в 1484 году в иночестве с именем Марфы. — *София Фоминична*, дочь Морейского деспота Фомы Палеолога (брата последнего Константинопольского императора Константина XI, погибшего на стенах греческой столицы при взятии ее турками в 1453 году). Она была второю супругою великого князя Иоанна III, сочеталась с ним браком в 1472 году, скончалась в 1503 году.

Видя святого старца в великой немощи, Иннокентий сказал ему:

— Сильно неможется тебе, отец Пафнутий?

Старец ответил:

— Сам видишь — изнемогаю, но не чувствую болезни выше сил моих.

Подвижник не вкушал больше пищи. Прикажет себе что-нибудь изготовить, но когда приносили, то, похвалив, он отдавал все братии с словами:

— Кушайте, и я с вами.

Наступила ночь. Подвижник сидел на одре своем и творил про себя молитву Иисусову. Утреню ему прочли в келии.

В понедельник, 28-го, подвижник с помощью братии отстоял Божественную литургию. После службы он ничего не вкушал; только выпил немного сыты. Иннокентий думал, почему это старец не делает никаких распоряжений о монастыре, и, поборов смущение, спросил преподобного:

— Отец Пафнутий! Прикажи при жизни своей написать завещание об устроении монастыря: как жить после тебя братии и кому быть игуменом.

Помолчав недолго, старец со слезами сказал:

— Братия, сами собою сохраняйте чин церковный и строй монастыря. Не переменяйте сроков церковной молитвы. Священников почитайте как и я и не лишайте их платы, чтобы не оскудела Божественная служба, ибо от нее зависит успех во всем. Не затворяйте трапезы своей от странника, заботьтесь о милостыне, просящего не отпустите ни с чем. Трудитесь в рукодельях; но удаляйтесь от мирских бесед; заботливо храните сердце свое от помыслов лукавых. После вечернего правила не сходитесь для беседы: пусть всякий безмолвствует в своей келии. Церковной молитвы никогда не отлучайтесь, разве по немощи; исполняйте весь устав, правило церковное и все предписания церковные кротко, немятежно и молчаливо. Одним словом, поступайте так, как я. Если не презрите моей заповеди, верую Вседержителю Богу и Непорочной Деве Богоматери, Господь не лишит это место всех благ Своих. Но знаю, — пророчески прибавил преподобный, что по отшествии моем в монастыре Пречистой будет мятежник; он смутил мою душу, внесет мятеж в братию. Од-

нако Пречистая Царица усмирит мятеж и бурю, подаст тишину обители Своей и живущей в ней братии[1].

Сказав это, старец умолк от изнеможения. Ночь его прошла в обычных молитвах.

29-го, во вторник, преподобный безмолвствовал, потому что готовился к приобщению Христовых Таин в праздник Преполовения святой Пятидесятницы, который в тот год приходился на 30 апреля. Старец пел псалмы, молебны, каноны и священные стихи. Так продолжалось целый день. Иннокентий и келейник преподобного молча внимали этому необычайному пению, не смея ничего сказать, ибо подвижник заповедал им ничем не развлекать его. Ночь провел болящий без сна в молитве, почти все время стоя на ногах и присаживаясь только на короткое время.

Только настал день (среда), преподобный Иосиф прочел для святого правило ко Причащению. Литургию отстоял в храме и приобщился животворящих Таин Христовых. Приняв, по обычаю, благословение от служащего иерея, преподобный был веден братией в келию. Став в сенях своей келии, с обеих сторон поддерживаемый учениками, преподобный посмотрел на образ Пречистой Богородицы, а душевным оком обращаясь ко всей братии, со вздохом и слезами сказал:

— Господи Вседержителю! Испытующий сердца и помышления, Ты знаешь все. Если кто пожалеет о мне, воздай ему, Господи, сторицею в сем веке, а в будущем даруй жизнь вечную. Если же кто порадуется о смерти моей, смерти грешного человека, не постави ему, Господи, этого во грех.

Слышавшие это ужасались, и каждый обращался к суду своей совести. Когда же ввели старца в келию, он с радостным лицом начал утешать братию, как будто бы хотел, чтобы они забыли только что сказанные слова. Вспомнив прежние слова святого, что болезнь его не тяжка, братия подумали, что ему становится легче. Они понуж-

---

[1] Из древних житий преподобного Иосифа Волоколамского (память его празднуется 9 сентября) известно, что преподобный Пафнутий назначил его игуменом своей обители. По предсказанию преподобного Пафнутия, вскоре после его кончины, в монастыре пошли несогласия, пререкания, и новый игумен — преподобный Иосиф в 1477 году или в 1478 году тайно оставил Боровскую обитель.

дали его вкусить пищи, но старец не хотел. Выпил немного сыты, потом отдал ее братии со словами:

— Пейте чашу эту, чада; пейте как мое последнее благословение, ибо я больше не буду от нее пить или вкушать.

Много говорил он братии и еще утешительных слов, потом возлег на одре своем, на котором чрез день скончался. Иннокентию, служившему ему при болезни, преподобный завещал сосуд меда, а потом послал братию в трапезу, ибо настало время обеда. Иннокентий, не отходивший от своего больного учителя, быстро возвратился с трапезы и увидел его лежащим на одре, потом, помолчав немного, спросил преподобного:

— Отец Пафнутий! Ты не поправляешься, потому что целую неделю совершенно не вкушаешь пищи. Что молчишь, господин мой? Кому приказываешь монастырь свой, — братии или великому князю? Почему не говоришь ты ничего?

Святой ответил:

— Пречистой.

Затем, немного помолчав, сказал ему:

— Брат Иннокентий! Правду ли ты говоришь?

Заметив, что старец смущается, Иннокентий молчал.

— Мне, брат, кто приказывал монастырь? Сама Пречистая Царица изволила. Она возлюбила это место прославления имени Своего, воздвигла храм Свой, собрала братию и меня нищего много времени питала и покоила вместе с братией. И теперь, когда я, смертный человек, смотрю в гроб и не могу помочь себе, Сама Царица небесная может устроить полезное Своей обители, как Она начала это. Ты знаешь сам: ни княжеской властью, ни богатством сильных, не золотом и не серебром воздвиглась эта обитель, но изволением Божиим и волею Пречистой Его Матери. На Нее возлагаю всю надежду: Своею милостью Она покроет меня на мытарствах от насилия мрачных и лукавых духов, а в день праведного суда избавит вечной муки и причтет к избранным. Если же я получу благодать, то не промолчу молиться о вас ко Господу. И сами вы будьте поэтому усердны: живите чисто; не только так, как жили при мне, но еще и лучше; содевайте спасение со страхом и трепетом, чтобы ради ваших добрых дел я почивал мирно, чтобы всели-

лись добре пришедшие сюда после меня. Да обретете вы покой по кончине своей. Пусть каждый пребывает в том звании, в котором призван. Не возвышайтесь паче меры — это не полезно вам, но и душевредно. Не возноситесь над немощными братьями ни мыслью, ни делом, но долго терпите о них, как о членах своих. Ей, чада, спешите делать добро!

Сказав это, святой в изнеможении замолчал.

Немного спустя пришел в монастырь посланный от Московского митрополита Геронтия[1], пришли новые послы от великого князя и великих княгинь. Они настойчиво добивались свидания с преподобным и его беседы. Долго Иннокентий отказывался и отлагал говорить о них болящему старцу, но наконец доложил о посланных. Старец оскорбился на своего ученика и говорил ему, что все шестьдесят лет своего иночества он постоянно обращался с князьями, боярами и другими мирянами.

— Теперь я понял, что нет никакой пользы от этого, — одно испытание для души. Своим милосердием, не хотя смерти грешника без покаяния, дал мне Господь шесть дней для покаяния; а ты мне не даешь покоя, наводишь на меня мирян. Уж теперь мне нельзя и из келии выйти, чтобы они не докучали мне.

Иннокентию стало очень прискорбно и то, что он смутил старца, и то, что не получил разрешения для посланных. Выйдя из келии, он передал им ответ преподобного и просил их оставить монастырь. Но, выйдя из обители, посланные ночевали в близлежащем селе, чтобы наутро повидать подвижника. Следующую ночь, последнюю ночь своей жизни, святой старец провел без сна, в непрестанной молитве: то пел псалмы, то читал молитву Иисусову.

Наступил четверг, 1 мая, день кончины преподобного Пафнутия. Подвижник повелел отслужить литургию ранее обыкновенного. Сам он думал идти к ней, собирался спеша и говорил про себя: «Вот, пришел день».

В недоумении братия смотрели друг на друга, не понимая, что говорит старец. Иннокентий спросил его, о каком дне говорит он.

— О том дне, о котором говорил вам раньше, — ответил святой.

---

[1] *Митрополит Геронтий* управлял Русскою Церковью с 1473-го по 1489 год.

Ученик начал перечислять дни: воскресенье, понедельник, вторник?

Преподобный сказал:

— Этот день — четверг, о котором говорил я вам и раньше.

Братия были в недоумении. Повели старца в церковь, но не успели выйти из келии, как пришел преподобный Иосиф и возвестил ему, что посланные от знатных лиц миряне ожидают его, что сверх бывших вчера пришли новые: все они собрались и стоят на пути подвижника в церковь. Тогда преподобный оскорбился тем, что они заградили ему путь в храм Божий, и не пошел из келии. Отпустив братию в церковь, он сел в сенях и сказал: «Это все делает Иннокентий, он так распорядился».

Иннокентий же не смел и оправдываться.

Он также пошел в церковь, старец остался с одним учеником в келии и запер двери, чтобы не пришел к нему кто-либо из посланных. По окончании литургии миряне поняли, что нельзя видеть святого, и возвратились назад. Когда же пришли к нему опять ученики и в молчании окружили одр, то он говорил как бы о ком-либо другом:

— Пришел для него день, и он умрет.

— О ком говоришь, отче, что умрет? — спросил его Иннокентий.

— О том, о котором вы говорите: болит; тот покаявшись, хочет умереть, — сказал он.

Пришел час обеда, и братия отправились в трапезу. Остался при больном один Иннокентий.

Святой приказал ученику перевести его на другую сторону келии, потому что там спокойнее; приказал никого не впускать.

— Утомился, — сказал он, — и хочу отдохнуть до вечернего пения; вечером же придут ко мне вся братия.

Тогда ученик понял, что приблизилось время его преставления. Иннокентий спросил святого:

— Отче, когда преставишься, звать ли протопопа и иных священников из города на твое погребение?

Святой завещал никого не звать и довольствоваться монастырскими священниками, чтобы не собрался в обитель народ и не разнес вести о его смерти по городу и селам. Ученик спросил:

— Где ты велишь ископать себе могилу?

Он велел ее ископать у южной стороны церкви, близ церковных дверей.

— А гроба дубового не покупайте мне, — сказал святой. — На эти шесть денег купите калачей и раздайте их нищим.

Ученик замолчал, а старец молился о спасении своей души, полагая надеждой своей Пресвятую Богородицу. Ей он вверял и монастырь свой. Иннокентий разбудил келейника преподобного, заставил его сидеть при болящем старце, а сам вышел заснуть, так как ему нездоровилось. Лишь только он начал дремать, как услышал голоса многих певцов в келии преподобного. Удивленный этим Иннокентий вошел в келию и спрашивал келейника:

— Кто из братии был здесь?

— Никто, — отвечал тот. — После твоего ухода он начал петь: *Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем* (Пс. 118, 1), — припевая заупокойные стихи. Окончив же псалом, он пел последующие стихи: «святых лик обрете источник жизни», — и прочие.

— Отходит старец к Богу, — сказал Иннокентий келейнику.

Ученики припали к ногам святого и лобызали их, затем на грудь к нему, прося прощения и благословения. Но старец уже не внимал словам их, а только молился ко Господу: «Царю небесный, всесильный! Молюся Тебе, Владыко мой, Иисусе Христе, милостив буди душе моей, да не удержана будет она лукавыми, но да встретят ее Ангелы Твои, проводящие сквозь хитрости мрачных мытарств и направляющие ее к свету милосердия Твоего. Знаю я, Владыко, что без заступления Твоего никто не может избыть козней духов лукавых».

Дальнейшая речь умирающего была неясна, и ученики ее не поняли. Вдруг он начал поворачиваться слева направо. Много раз ученики повертывали его на левую сторону, но он опять поворачивался направо, шепча невнятные слова. Отсюда они заключили, что умирающий подвижник видит нечто необычайное. Братия несколько раз подходили к келии преподобного, но два ученика, находившиеся при нем, говорили, что старец заснул. В то время, когда в обители шла вечерня, преподобный приготовился к смерти: сложил крестообразно руки на своей груди и тремя дуновениями предал свою святую душу в руки Господа.

Преподобный Пафнутий скончался в четверток, 1 мая 1477 года, за час до захода солнца, то есть около семи часов вечера[1]. Братия вышли из церкви и, узнав о кончине преподобного, горько оплакали его. Было уже поздно погребать подвижника, и, чтобы исполнить его завещание о погребении без мирян, братия на другой же день, в пяток, 2 мая, в 5 часов утра похоронили своего наставника. Скорбь братии была так велика, что все рыдали и проливали слезы; никто не мог ни петь, ни канонархать. Погребение совершал верный ученик преподобного, Иннокентий. От слез он едва мог проговорить чин погребения. «И никто от мирских человек не был в то время, не прикоснулся к одру его, никто не узрел, как полагали его во гроб», — так повествует Иннокентий[2].

Как только погребение совершилось, о смерти подвижника узнали в Боровске, и весь город пришел в движение. Не только монахи и священники, но и наместники города и народ пошли в обитель преподобного. И хотя в городе скоро узнали, что тело святого уже в земле, народ непрерывно весь день приходил в монастырь, и со многою любовью все кланялись гробу почившего.

Местное празднование преподобному Пафнутию началось с 1531 года. Митрополит Московский Даниил[3] с собором епископов благословил петь канон и читать на богослужении житие преподобного Пафнутия, то есть установил местное празднование ему. Собор же 1547 года постановил память преподобного Пафнутия праздновать общецерковно.

Святые мощи преподобного почивают в главном монастырском храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы, в приделе, посвященном его имени.

---

[1] Так повествует Иннокентий. В летописи сказано, что преподобный скончался в пятнадцатый час дня (после восхода солнца). Принимая во внимание, что 1 мая в Боровске солнце восходит приблизительно в четыре часа, кончина подвижника будет приходиться на седьмой час вечера и по этому расчету.

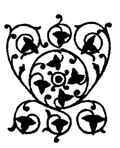
[2] Впрочем, в летописи и в житии преподобного Пафнутия отмечено, что при погребении подвижника случился один мирской священник Никита, духовный отец князя Андрея Васильевича.

[3] *Митрополит Даниил* управлял Русскою Церковью с 1522-го по 1539 год.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ВАТЫ

Святой мученик Вата происходил из Персии. Предки его были христиане, и сам он был воспитан в христианской вере. Достигши тридцатилетнего возраста, он оставил отца, мать, жену и детей, имущество свое раздал бедным и, уйдя из родительского дома, принял иночество. Усердно подвизаясь в иноческой жизни, он пожелал окончить жизнь свою мученическою смертью. В то время воздвигнуто было на христиан гонение[1], и когда все иноки из той обители, где подвизался святой, разбежались, он один остался в ней. Вскоре он был схвачен и отдан на суд правителю города Низибии[2]. Последний стал принуждать его отречься от Христа и поклониться солнцу и огню[3], но святой не послушался его и дерзновенно исповедал Христа истинным Богом. За это ему связали руки так, что от сильного напряжения они вышли из плечевых суставов. После этого святого стали влачить по земле и при этом били его по всему телу. Святой мученик после всех этих истязаний скончался за веру во Христа, будучи усечен мечом[4].

В тот же день празднуется **память священномученика Макария, митрополита Киевского**, от татар в 1497 году убиенного в селе Стриголове, Минской губернии.



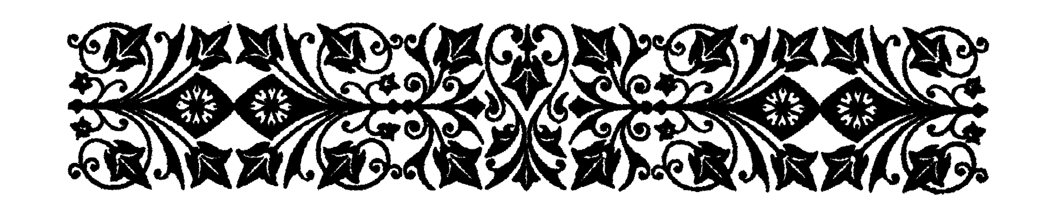
---

[1] Здесь разумеется гонение на христиан, воздвигнутое в Персии царем Сапором II, царствовавшим с 310 по 381 год.

[2] *Низибия* — древнейший город, расположенный в древней Месопотамии, в северной части ее, близ границ Армении.

[3] Персы боготворили солнце под образом верховного божества Митры, а также поклонялись огню.

[4] Кончина святого мученика последовала около 364 года.



День второй

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ ЕСПЕРА И ЗОИ

Святые мученики Еспер, супруга его Зоя и два их сына, Кириак и Феодул, странники на земле подобно Аврааму[1], отцу избранных, граждане же отечества небесного, были куплены в качестве рабов[2] Катуллом, знатным римлянином, и его женой Терцией. Этот Катулл переселился из Рима в Памфилию[3], в город Атталию[4]; покупая себе рабов, как это было в обычае у римлян-язычников, он приобрел во Фригии[5] этих святых мучеников, происходивших из христианской семьи и поэтому преисполненных веры и надежды на Господа.

Языческая семья Катулла, преданная идолопоклонству, приносила по обычаю своей веры жертвы идолам и называла их своими богами. Верные же рабы Христовы, видя суетное нечестие своих гос-

---

[1] *Святой апостол Павел* в послании к Евреям (11, 13) называет Авраама вместе с другими ветхозаветными праведниками, «странником и пришельцем на земле», ищущим отечества небесного.

[2] Рабовладение было очень распространено в древности у римлян, как и у других, современных им, народов. Всякий, более или менее состоятельный римлянин, имел у себя рабов. У очень богатых римлян число их доходило до многих десятков и даже сотен.

[3] *Памфилия* — малоазийская область.

[4] *Атталия* — памфилийский город, расположенный на южном берегу Малой Азии. Он назывался так по имени пергамского царя Аттала II (с 159 по 138 год до Рождества Христова), его построившего. Под именем Адалии этот город сохранился и до настоящего времени; имеет 15 000 жителей и принадлежит Турции.

[5] *Фригия* — малоазийская область.

под, тяжко сокрушались об этом и, как христиане, не вкушали пищи, отпускаемой для них хозяевами-язычниками, полагая, что она идоложертвенная, тем более, что и в самом доме их господ находились идолы.

Однажды святая Зоя, получив пищу от своих хозяев, подошла к воротам и сказала привратнику:

— Усни и отдохни немного, а если ты будешь нужен, то я тебя разбужу; ты довольно уже утомился, так как всю ночь бодрствовал, впуская и выпуская к господину нашему суетных людей, которые посещают его дом для поклонения мнимой богине — Фортуне[1].

Привратник, исполняя ее совет, отошел от ворот и уснул во дворе, а Зоя, опасаясь, чтобы привязанные недалеко псы своим лаем не разбудили его, дала им немного хлеба, а остальную часть своего обеда раздала нищим и странникам, подходившим к воротам, убеждая их перейти в христианскую веру.

Обязанности Зои в доме Катулла состояли в том, чтобы кормить домашних животных, которых держали ее господа, муж же и дети ее исполняли все остальные работы на хозяев.

Целый день они трудились, при закате же солнца вкушали немного пищи от тех яств, о которых несомненно знали, что они не осквернены языческими обрядами. Эта пища посылалась им из других мест Божиим промышлением; вкушая ее, они вспоминали слова, сказанные Господом в Его святом Евангелии: *Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш небесный питает их* (Мф. 6, 26).

Однажды, когда блаженный Еспер был послан своими господами на какую-то работу, сыновья его, Кириак и Феодул, сказали матери:

— Мы не желаем больше жить с нечестивыми; не ты ли сама учила нас, согласно Божественному Писанию, хранить апостольскую заповедь: *не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными* (2 Кор. 6, 14). Если мы, повинуясь Божественному Писанию, и пожелали бы сохранить заповеди Господни, но не удалились от язычников, то мы приняли бы одинаковое с ними и возмездие от Господа и погибли бы, как они.

---

[1] *Фортуна* считалась у римлян богиней счастья и покровительницей домашнего очага.

Мать отвечала своим сыновьям:

— Дети мои любезные! Как можно удалиться от них? Ведь они наши господа; они имеют власть и над нашим телом.

Сыновья отвечали ей на это.

— Христос за нас предал Себя в руки неверных иудеев, был распят, погребен и в третий день воскрес. Если и мы свое тело отдадим во власть нечестивого Катулла на мучения за имя Христово, то хотя бы он после пыток и умертвил нас, то ведь души наши будут жить вечно. Итак, представь нас, радующихся и веселящихся господину нашему, и что вложит в уста наши Господь, то мы и будем говорить господину.

И готовились оба добрые юноши, как мужественные воины Христовы, на страдальческий подвиг за Христа, ожидая удобного случая предстать пред господином своим и исповедать пред ним имя Господа Иисуса Христа. Они говорили между собой: «Если благоугодно будет Господу нашему Иисусу Христу, чтобы мы умерли за имя Его святое, то в награду за это мы сподобимся видеть Его и будем пребывать с Ним вечно».

Когда же мать их, опасаясь, как бы дети ее, не устрашившись мук по юности своей, не предались бы служению идолам, по этой причине медлила исполнить их просьбу (до того времени господа не знали, что они христиане), то сыновья ее сказали ей:

— Что же ты медлишь? Чего ты боишься? Разве ты не знаешь, что говорит Писание: *Буду говорить об откровениях Твоих перед царями и не постыжусь* (Пс. 118, 46).

Однажды Катулл откуда-то возвращался в обеденный час домой. Встретить его вышли оба брата, Кириак и Феодул, и сказали ему:

— Добрый час, тебе, господин видимых тел наших: господин же невидимых душ наших есть Господь Иисус Христос, пребывающий на небесах, Бог истинный.

Катулл весьма удивился их словам и сказал:

— Эти юноши потеряли рассудок: они произносят странное и незнакомое мне имя Иисуса Христа, называя его Богом и Господом.

Затем, обращаясь к слугам, сказал:

— Позовите ко мне отца и мать этих юношей.

Слуги тотчас пошли и, не найдя отца, привели одну мать юношей. Катулл спросил ее:

— Где твой муж?

Она отвечала ему:

— Не ты ли послал его для какой-то работы в селение Тритонию?

— Если бы и вы были с ним сейчас в Тритонии, — сказал Катулл, — то вы не смутили бы меня вашими речами о Боге, Которого вы исповедуете и о Котором ни я, ни другие никогда ничего не слыхали. Впрочем, теперь я не хочу допрашивать вас о тех словах, что вы мне сказали, но когда Терция разрешится от бремени и я буду по этому случаю приносить великой богине нашей Фортуне благодарственную жертву, тогда я допрошу вас.

И тотчас приказал святую Зою с детьми ее отправить к мужу в Тритонию.

Мать и дети, переселившись туда, радовались и веселились, каждый из них пел и говорил: *Господь — пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на злачных пажитях* (Пс. 22, 1–2). И еще: *Ты избавил душу мою от ада* (Пс. 85, 13) и *избавил душу мою от смерти* (Пс. 114, 7) (святые в душе считали дом своего господина — адом, Катулла — смертью, идолов — адским огнем).

Но вот родился у Катулла сын. Все горожане радовались и праздновали вместе с Катуллом день рождения у него сына, принося своей богине — Фортуне благодарственные жертвы. В это время святая Зоя молилась Богу, прося Его дать мужу и детям ее силы мужественно перенести свой подвиг. Между тем, Катулл в конце пира сказал своей жене, Терции:

— Пусть возвеселятся на нашем празднике все домашние и рабы наши.

Она же отвечала ему.

— Хорошо, пусть все возвеселятся.

Тотчас послали рабам своим, в числе которых была и семья Еспера, сосуд вина от идоложертвенного пира и блюдо с мясом. Святая Зоя, увидав издали слуг, несших дары господина, вздохнула, сказав:

— Господи Боже неизреченный, ведущий тайные помышления человеческие! Пребывай с нами, убогими странниками: кроме Тебя, Господа нашего, другого бога мы не знаем. Помоги нам твердо исповедать святое имя Твое.

При этих словах она подошла к принесшим и, взяв мясо, бросила его псам, а вино вылила на землю. Раб тотчас пошел и рассказал об этом господину своему.

Это известие сильно разгневало Катулла, и он приказал тотчас же привести Еспера с его семьею к себе в дом. На пути к господину Зоя, ободряя мужа и детей, говорила:

— Не устрашимся гнева нечестивого Катулла и уготовляемых им для нас мук, но перенесем их мужественно, дабы, окончив свой подвиг, мы вошли в небесное Царство Христа и Его святых.

Когда святые были приведены в дом господина, Катулл спросил их:

— На защиту кого вы надеялись, нанося мне такое оскорбление? Как осмелились вы наши дары кинуть собакам? Впрочем, я не столько оберегаю свою честь, сколько честь великой богини нашей Фортуны.

Святая Зоя ответила ему на это:

— Надежда и упование наше — Господь Иисус Христос, Сын Бога Живого; боги же, которых ты чтишь — бесы.

Катулл сказал на это:

— Вот, я предам мукам твоих сыновей; тогда мы увидим, в состоянии ли избавить их от мучений Христос, Которого вы называете Богом.

Тогда палачи, обнажив обоих юношей, повесили их на дереве и начали терзать железными орудиями. Святая Зоя, взирая на страдания детей своих, укрепляла их такими словами:

— Переносите мужественно страдания, дети мои! Терпите, не устрашайтесь мучений, причиняемых вам нечестивым Катуллом.

Дети отвечали ей:

— Эти мучения слишком легки для нас: скажи нечестивому господину, пусть он придумает бóльшие, чтобы мы могли своими страданиями заслужить мученические венцы в будущей жизни.

Святая Зоя сказала Катуллу:

— Ты слишком слабыми пытками терзаешь моих детей; они не ощущают особенных страданий; постарайся увеличить их страдания.

Тогда нечестивый Катулл повелел, жестоко наказав святую Зою, блаженного Еспера и их детей, ввергнуть всех их в сильно раскаленную печь, и для охраны печи поставил сторожей.

Святые мученики в раскаленной печи воспевали и славили Господа. Катулл же, слыша пение и видя святых невредимыми, весьма дивился, как такая сила огня не умертвила их и не обратила тела их в пепел. Предполагая, что христиане каким-либо волхвованием укрощают стихию, он стал думать, каким бы иным, более жестоким, способом умертвить их. Святым же мученикам Духом Святым было сказано:

— Мужайтесь! Катулл измышляет еще бóльшие муки, чтобы погубить вас.

Услышав это, мученики молились, сказав:

— Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, прими в мире души наши.

И вскоре святые предали святые души свои в руки Божии. Это произошло в царствование Адриана[1], во второй день месяца мая.

На следующий день нечестивый Катулл со своими единомышленниками, придя к печи, нашел мученические тела святых неповрежденными огнем. Тела лежали лицом к востоку, святые же души их присоединились к лику честных мучеников, Ангелов и Архангелов. И был слышен глас с неба:

— Войдите, праведные, в рай Господа своего. Ты же, нечестивый Катулл, пойдешь в геенну и будешь там вечно мучиться в неугасимом огне.

И так нечестивый Катулл восприял бесконечные муки, а святым мученикам Христовым отверзлось небо. Своим страданием они приобрели вечную радость, пребывая с Иисусом Христом, Господом нашим, Которому подобает вечная слава. Аминь.

[1] *Император Адриан* управлял Римской империей с 117 по 138 год. Год смерти святых мучеников с точностью неизвестен.

СТРАДАНИЕ И ЧУДЕСА СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ **БОРИСА и ГЛЕБА**, князей русских[1]

Род праведных вовеки в благословении будет (см.: Пс. 111, 2).

Святой Владимир, сын Святослава, внук Игоря, просветивший святым крещением всю землю Русскую, имел двенадцать сыновей, не от одной жены, но от разных.

Старшим сыном был Вышеслав[2], вторым — Изяслав, а третьим — Святополк, который и придумал злое убийство братьев своих. Мать Святополка, гречанка, была прежде монахинею. Брат Владимира Ярополк, прельщенный ее красотою, расстриг ее и женился на ней. Владимир, тогда еще язычник, убил Ярополка и взял его жену себе в замужество. От нее-то и родился Святополк окаянный. И не любил его Владимир.

У Владимира были и еще сыновья — от Рогнеды четверо: Изяслав, Мстислав, Ярослав и Всеволод. От чехини — Вышеслав, от иной жены — Святослав и Мстислав, а от болгарыни — Борис и Глеб. И посадил их отец на княжение по разным землям: Святополка — в Пинске, Ярослава — в Новгороде, Бориса — в Ростове, а Глеба — в Муроме[3].

---

[1] Житие это представляет собою перевод сочинения Иакова Мниха, называющегося «Сказание страстей и похвала об убиении святых мучеников Бориса и Глеба», написанного мало лет спустя после их мученических кончин, или в конце правления Ярослава, или в начале правления Изяслава, во всяком случае до 1072 года, а также перевод продолжений этого жития, сопровождающих его в древних списках. Перевод дополнен по «Чтению о житии и о погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба», сочиненному преподобным Нестором Летописцем после Иакова Мниха до 1091 года, и по «Сказанию о убиении святых страстотерпцев, русских князей, Бориса и Глеба», составленному святым Димитрием Ростовским (2 мая в Минеях-Четьих).

[2] Вышеслав умер при жизни отца в 1010 году.

[3] О раннем возрасте святых Бориса и Глеба преподобный Нестор сообщает следующее. Святой Владимир отпустил всех своих детей по волостям, которые дал им в управление, но Бориса и Глеба держал при себе, потому что они были весьма юны. Святой Глеб был совсем еще дитя, а святой Борис уже проявлял высокий

Когда уже прошло двадцать восемь лет по святом крещении, постиг Владимира злой недуг. В это время к отцу прибыл Борис из Ростова. Печенеги[1] шли ратью на Русь, и Владимир был в великой печали, потому что не имел сил выступить против безбожных. Озабоченный сим, призвал он Бориса, которому во святом крещении было наречено имя Роман[2]. Отец дал Борису, блаженному и скорослушливому, много воинов и послал его против безбожных печенегов. С радостью пошел Борис, сказав отцу: «Вот, я пред тобой готов сотворить, что требует воля сердца твоего».

Об этом сказано в Притчах: *сын бых отцу послушли́вый и любимый пред лице́м матере* (слав. Притч. 4, 3).

разум, был полон благодати Божией, знал грамоту и любил читать книги. Читал же он жития и мучения святых и, молясь со слезами, просил у Господа, чтобы Он сподобил его участи единого из этих святых. Так он молился постоянно, а святой Глеб слушал его, безотлучно находясь при нем. Когда святой Борис достиг совершеннолетия, отец задумал женить его. Но святой не желал брака. Бояре, однако, упросили его не ослушаться отца. Из-за послушания отцу святой вступил в брак по их просьбе. Затем отец послал его на княжение во Владимир Волынский, где он проявил много милосердия, но узнав, что Святополк по зависти умышляет на жизнь Бориса, возвратил его в Киев. Это могло быть до послания Бориса в Ростов.

[1] *Печенеги*, кочевой народ тюркского происхождения, со второй половины X века начавший нападать на Русь. Святой Владимир строил города по реке Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне, как сторожевую линию против печенегов. Из южнорусских степей их вытеснили впоследствии турки и половцы, также тюркские народы.

[2] В честь святого Романа Сладкопевца.

Но не нашел Борис супостатов своих. На возвратном пути к нему прибыл вестник и сказал, что отец его Владимир, нареченный во святом крещении Василий, умер[1], а Святополк утаил смерть отца, ночью разобрал пол палат в селе Берестовом, обернул тело усопшего в ковер, спустил его на веревках, отвез в санях[2] в церковь Святой Богородицы[3] и поставил там. Все это было сделано тайно.

Услышав это, Борис ослаб телом, все лицо его облилось слезами, и он не мог говорить. Но в сердце так плакался по отце своем: «Увы мне, свет очей моих, сияние и заря лица моего, воспитатель юности моей, наказание неразумия моего; увы мне, отец и господин мой! К кому я прибегну, на кого я посмотрю, где я насыщусь благого учения и наказания твоего разума? Увы мне, увы мне! Закатилось солнце мое, а я не был тут, не мог сам облачить честно́е тело твое и предать гробу своими руками. Не переносил я твоего прекрасного и мужественного тела, не сподобился поцеловать твоих седин! О блаженный мой, помяни меня в месте твоего упокоения. Сердце у меня горит, смущается у меня разум, не знаю я, к кому обратиться и поведать мою горькую печаль. Если к брату, которого я имел бы вместо отца, то тот, кажется, думает о суете мирской и о моем убиении. Если же он решится на мое убиение, то я буду мучеником Господу моему. Но не противлюсь, ибо пишется: *Бог гордым противится, смиренным дает благодать* (Иак. 4, 6). Апостол говорит: *Кто говорит: „я люблю Бога“, а брата своего ненавидит, тот лжец* (1 Ин. 4, 20). И еще: *В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх* (1 Ин. 4, 18). Но что мне сказать и что сотворить? Пойду я к брату своему и скажу: „Ты мне будь отцом, ты мне брат старший; что мне велишь, господин мой?“»

Так помышляя в уме своем, пошел Борис к брату своему, и говорил в душе: «Там узрю я лице брата моего меньшего Глеба, как Иосиф Вениамина (см.: Быт. 42–45). Воля Твоя да будет, Господи мой».

И думал Борис: «Если я пойду в дом отца своего, то многие обратят мое сердце к мысли изгнать брата моего, как это сделал отец

[1] 15 июля 1015 года.

[2] В древней Руси был обычай усопших переносить и перевозить в санях на отпевание в церковь.

[3] Разумеется Киевский Десятинный храм, посвященный славе Богоматери, который построил и украсил святой Владимир. В древних прологах освящение этого храма показано под 11 мая.

мой, прежде святого крещения, ради славы княжения мира сего[1]. А это все мимолетно, тленно и ничтожнее паутины. Если же я решусь на это, то куда мне идти, что со мной будет, какой ответ дам я тогда, где скрою множество греха моего. Что приобрели братия отца моего и отец мой, где их жизнь и слава мира этого, багряница и пиры, серебро и золото, вина, мед и брашна, быстрые высокие кони, имение многое, дани и почет без числа и гордость своими боярами. Уже все это как бы никогда и не существовало, все исчезло вместе с ними. И нет им помощи ни от кого, ни от имения, ни от многочисленных рабов, ни от славы мира этого. Вот и Соломон все испытал, все видел, все приобрел и, рассмотрев все, сказал: *суета сует, все суета* (Еккл. 1, 2); помощь только от добрых дел, от правоверия и от нелицемерной любви».

Идя своим путем, помышлял Борис о красоте и силе тела своего и горько плакал; хотел удержаться от слез, но не мог, и все, видя его в слезах, плакались о его благородной красоте и добром разуме, и каждый горевал в душе: всех смутила его печаль. И кто мог не заплакать, предчувствуя смерть Бориса, видя его унылое лицо и его скорбь! Ибо был блаженный князь правдив, щедр и тих, кроток и смиренен, всех миловал и всем помогал.

Но святого Бориса укрепляла мысль о том, что, если его брат, по научению злых людей, и убьет его, то он будет мучеником и Господь приимет дух его. Он забыл смертную скорбь, утешая свое сердце словами Божиими: *Кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее* (Мк. 8, 35) и в жизни вечной сохранит ее.

И шел Борис с радостным сердцем, говоря: «Не презри, премилостивый Господи, меня, уповающего на Тебя, но спаси душу мою».

Святополк же воссел на отеческий княжий стол в Киеве, призвал киевлян, раздал им многие дары и отпустил их. Затем послал к Борису с такими словами:

— Брат, я хочу с тобою жить в любви и увеличу твою часть в отчем наследии.

В этих словах была лесть, а не истина.

Святополк прибыл тайно ночью в Вышегород, призвал Путшу и вышегородских мужей и сказал им:

— Скажите мне по правде, имеете ли вы ко мне приязнь.

---

[1] Так поступил Владимир с братом своим Ярополком.

Путша сказал:

— Все мы готовы за тебя головы свои положить.

Исконный ненавистник добрых людей, диавол, видя, что святой Борис возложил всю надежду на Бога, стал сильнее воздействовать на Святополка, который, подобно Каину, горел огнем братоубийства, задумав избить всех наследников отца своего и одному принять власть его.

Окаянный, проклятый Святополк, советник всякого зла и начальник всякой неправды, снова призвал к себе вышегородских мужей, отверз свои мерзкие уста, испустил свой злой глас и сказал людям Путши:

— Если вы обещаете положить за меня головы, идите тайно, братья мои, найдите брата моего Бориса и, улучив время, убейте его.

И обещались они Святополку так сотворить. О таких людях сказал пророк: *Ноги их бегут ко злу, и они спешат на пролитие невинной крови, и мысли их — мысли нечестивые, опустошение и гибель на стезях их* (Притч. 1, 16; Ис. 59, 6–7; Рим. 3, 15).

Блаженный Борис на возвратном пути стал на реке Альте[1] в шатрах. И сказала ему дружина его:

— Иди и сядь на княжеском столе отца своего, ибо все воины находятся у тебя[2].

Он же отвечал им:

— Не подниму руки на брата своего, да еще на старшего меня, которого мне следует считать за отца.

Услышав это, воины ушли от Бориса, и он остался только с отроками своими[3].

Был тогда день субботний.

Удрученный печалью, вошел он в шатер свой и со слезами жалобно воззвал:

— Слез моих не презри, Владыко. Уповаю на Тебя, что приму жребий с Твоими рабами, со всеми святыми Твоими. Ибо Ты — Бог милостивый и Тебе славу воссылаем вовеки, аминь.

---

[1] Близ Переяславля южного.

[2] По сказанию Нестора, дружины было у Бориса около восьми тысяч человек.

[3] По сказанию Нестора, святой Борис послал было к Святополку отрока с мольбою. Но тот удержал отрока у себя.

Говоря это, он помышлял о мучении и страдании святого Никиты[1] и святого Вячеслава[2], думая, что будет убит подобно этому князю, и о том, как святая Варвара[3] была убита родным отцом. Пришло ему на память слово премудрого Соломона: *А праведники живут во веки; награда их — в Господе, и попечение о них — у Вышнего* (Прем. 5, 15). Этим лишь словом он утешался и радовался.

Наступил вечер, и святой Борис велел служить вечерню; а сам вошел в шатер и стал творить молитву и вечерню со слезами горькими и частым вздыханием и стенанием многим. Потом лег и уснул. И был его сон полон многими думами и глубокой и страшной печалью о том, как ему предаться на страдание, течение скончать и веру соблюсти, чтобы принять от руки Вседержителя уготованный венец.

Проснувшись рано, он увидел, что уже время быть утрени. Было же тогда святое Воскресение. И сказал он пресвитеру своему:

— Восстань и начни утреню.

Сам же обул ноги, умыл лицо и начал молиться Господу Богу.

Посланные Святополком пришли на Альту ночью, приблизились и услышали голос блаженного страстотерпца, поющего псалмы, положенные на утрени. Уже дошла до святого весть о предстоящем убиении, и он пел:

— *Господи! Как умножились враги мои! Многие восстают на меня!* (Пс. 3, 2) и прочие стихи этого псалма.

Затем он стал петь:

— *Псы окружили меня, множество тельцов обступили меня.* Потом: *Господи, Боже мой! на Тебя я уповаю, спаси меня!* (Пс. 21, 17, 13; 7, 2).

После этого пел канон. Окончив утреню, святой Борис стал молиться пред иконою Господа, говоря: «Господи Иисусе Христе, Ты явился этим образом на земле, изволил добровольно взойти на крест и принял страдания за наши грехи. Сподоби и меня пострадать».

И услышав сильный топот около шатра, святой Борис затрепетал, залился слезами и сказал: «Слава Тебе Господи, что в свете сем сподобил меня принять горькую смерть из-за зависти и пострадать за любовь и слово Твое. Ибо я не хотел искать княжения себе. Ни в чем я не поступил самовольно, по слову апостола: *Любовь долготер-*

---

[1] См. 15 сентября.

[2] См. 28 сентября.

[3] См. 4 декабря.

пит, всему верит и не ищет своего (1 Кор. 13, 4, 5, 7). И еще: *В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх* (1 Ин. 4, 18). В Твоих руках, Владыко, душа моя, не забыл я заповеди Твоей. Что Господу угодно, пусть так и будет».

Священник и отрок, слуга святого Бориса, увидев господина своего ослабевшим и одержимым печалью, горько заплакали и сказали:

— Милый господин наш дорогой, какой благодати сподобился ты, ибо не захотел противиться брату своему ради любви Христовой, хоть и много воинов имел ты у себя.

Так говорили они с умилением.

Тут они увидели бегущих к шатру, блеск их оружия и обнаженные их мечи. Без милости было пронзено честно́е тело святого блаженного страстотерпца Христова Бориса. Его проткнули копьями Путша, и Талец, и Елович Ляшко.

Видя это, слуга святого Бориса бросился на тело его и сказал:

— Не оставлю тебя, господин мой дорогой; где увяла красота тела твоего, тут и я пусть буду сподоблен окончить свою жизнь с тобою.

Был же он родом венгерец, звали его Георгий. Святой Борис возложил на него золотую гривну, и был он любим князем безмерно. Тут пронзили и его.

Раненный, святой Борис в испуге выбежал из шатра. И стали говорить окружившие его:

— Что стоите и смотрите? Покончим приказанное нам.

Слыша это, блаженный начал умолять и упрашивать их, говоря:

— Братья мои милые и любимые! Погодите немного, дайте мне помолиться Богу моему.

И воззрев на небо со слезами, горько он вздохнул и стал молиться:

— Господи Боже милостивый, слава Тебе, ибо освободил меня от прельщений жития этого. Слава Тебе, прещедрый податель жизни, сподобивший меня страдания святых Твоих мучеников. Слава Тебе, Владыко человеколюбец, исполнивший желание сердца моего. Слава, Христе, милосердию Твоему, ибо Ты направил на правый и мирный путь ноги мои идти к Тебе без соблазна. Призри с высоты святости Твоей; посмотри на сердечное мое страдание, которое я принял от своего сродника. Ибо ради Тебя умерщвляют меня сегодня. Они, как

агнца, пожирают меня. Знаешь, Господи, знаешь, что я не противлюсь, не возражаю. Имея в своих руках всех воинов отца своего и всех его любимцев, я не помыслил ничего злого сотворить брату моему. Он же всеми силами воздвигся против меня. Если бы меня оскорблял враг, я бы перенес, если бы ненавидящий уничижил меня, я бы укрылся. Но Ты, Господи, смотри и рассуди меня с братом моим. И не поставь ему в вину греха этого, но приими с миром душу мою. Аминь.

Затем, обратив к убийцам истомленное лицо свое и воззрев на них умиленными очами, заливаясь слезами, сказал им:

— Братья, приступите и окончите повеленное вам, и да будет мир брату моему и вам, братья.

Все, кто слышал слова святого, не могли говорить от страха, горькой печали и многих слез. С горьким воздыханием жалостно все плакали и каждый думал:

— Увы мне, князь мой милый, дорогой, блаженный, водитель слепым, одежда нагим, жезл старости, наука ненаученным! Кто это исправит? Как удивительно, что ты не захотел славы мира этого и величия, не захотел быть среди честных вельмож! Кто не удивится великому его смирению, кто не смирится, видя и слыша его смирение!

Посланные Святополком избили и многих служивших ему. С Георгия же они не могли снять гривны, отсекли голову ему и отбросили ее, так что и после не могли узнать тела его. Блаженного Бориса они обернули шатром и, положив на повозку, повезли.

Когда доехали до леса, святой Борис стал клонить голову. Узнав об этом, Святополк послал двух варягов, и те пронзили мечом сердце мученика. И тотчас святой скончался[1], предав душу в руки Бога живого, 24 июля. Тело его тайно принесли в Вышегород[2], положили у церкви святого Василия и в земле погребли его.

Так святой Борис, прияв венец от Христа Бога, был сопричтен с праведными и водворился с пророками и апостолами, и с ликами мученическими, почивая в лоне Авраама, видя неизреченную радость, воспевая с Ангелами, веселясь в лике святых.

Окаянные же убийцы пришли к Святополку, и, беззаконные, как бы считали себя достойными похвалы. Такими слугами бесы

[1] По сказанию Нестора, один из убийц ударил святого Бориса в сердце.

[2] Вышегород отстоит от Киева на пятнадцать поприщ.

бывают. Ибо бесы посылаемы бывают на зло, а Ангелы на добро. Ангел человеку зла не сотворяет, но всегда думает о благе его. Он помогает христианам и защищает их от супротивного диавола. Бесы же всегда на злое ловят, всегда завидуя человеку, ибо видят, что он любим Богом. Завидуя человеку, бесы стремятся ему сделать зло. Господь сказал: «Кто прельстит Ахава?», а бес ответил: «Вот я иду» (см.: 3 Цар. 22, 20, 21). Злой же человек, стремящийся ко злу, не уступает во зле бесу. Бесы человека боятся, а злой человек Бога не боится и не стыдится людей. Бесы креста Господня боятся, а злой человек даже и креста не боится. Вот им и сказал пророк Давид: *Подлинно ли правду говорите вы, судьи, и справедливо судите, сыны человеческие? Беззаконие составляете в сердце, кладете на весы злодеяния рук ваших на земле. С самого рождения отступили нечестивые; от утробы матери заблуждают, говоря ложь. Яд у них — как яд змеи* (Пс. 57, 1–4).

Не остановился на этом убийстве окаянный Святополк, но в неистовстве стал стремиться к большему. Увидев исполнение желания сердца своего, не задумался он над таким злым убийством и над соблазном своим и нисколько не почувствовал раскаяния. Вошел в сердце его сатана и стал его подстрекать к большему и худшему преступлению и к дальнейшему убийству. И думал окаянный: «Что мне делать? Если я остановлюсь на этом убийстве, то ожидает меня двоякое зло. Услышат о совершенном мои братья и скоро воздадут мне хуже совершенного. А если и не совершат этого, то изгонят меня. И буду я чужд престола отца моего, и загложет меня сожаление о земле моей. Враги мои будут поносить меня, мое княжение получит другой, и в домах моих не будет живущего. Ибо я подверг гонению возлюбленного Господом и болезнь увеличил раной. Поэтому приложу беззаконие к беззаконию. Грех моей матери не очистится, я все равно не буду написан с праведными. Так уж пусть я буду изглажен в книге живота».

Замыслив это в уме своем, этот злой друг диавола послал сказать блаженному Глебу[1]: «Иди скорей, отец очень нездоров и зовет тебя».

---

[1] По сказанию преподобного Нестора, святой Владимир, отправив Бориса на княжение, Глеба оставил при себе. После смерти отца, святой Глеб, боясь насилия со стороны Святополка, замыслил бежать на север, к брату. Помолившись в церкви святой Богородицы, он сел в лодку и бежал. Это было до убиения святого Бориса.

Глеб тотчас сел на коня и с малой дружиной помчался на зов. Когда он доехал до Волги, у устья Тьмы на поле споткнулся под ним конь в канаву и повредил себе ногу. Затем прибыл к Смоленску и, отойдя от Смоленска, невдалеке остановился на реке Смядыне в лодке.

В это время пришла от Предславы к Ярославу весть о смерти отца. Ярослав же послал к Глебу со словами: «Не ходи, брат, отец у тебя умер, а брат твой убит Святополком».

Услышав это, блаженный запечалился, горько зарыдал и сказал:

— Увы мне, господин мой, двумя плачами я плачу и сетую двумя сетованиями. Увы мне, увы мне, плачу я об отце, плачу больше, в отчаянии, по тебе, брат и господин мой Борис. Как пронзили тебя, как ты без милости был предан смерти — и не от врага, но от своего брата приял гибель. Увы мне! Лучше бы мне умереть с тобою, нежели жить в сем житии одному, осиротевшему от тебя. Я думал увидать твое ангельское лицо. И вот какое горе постигло меня. Лучше я желал бы умереть с тобою, господин мой. А теперь что делать мне, умиленному и скорбящему о твоей красоте и о глубоком разуме отца моего? О милый мой брат и господин, если ты получил дерзновение у Бога, моли о мне, унылом, чтобы и я сподоблен был ту же смерть приять и жить с тобою, а не в свете сем, полном прельщений.

Когда святой Глеб так стенал, увлажняя слезами землю, и с воздыханием часто призывал Бога, внезапно пришли посланные Святополком злые его слуги, немилостивые кровопийцы, братоненавистники лютые, имеющие свирепую душу. Святой плыл в лодке, и они встретили его на устье Смядыни. Увидя их, он возрадовался душою, а они омрачились и стали плыть к нему. Святой же ожидал принять от них целование[1]. Когда лодки поравнялись, злодеи схватили лодку князя за уключины, подтянули к себе и стали скакать в нее, имея в руках обнаженные мечи, блиставшие, как вода. Тотчас у гребцов вы-

---

[1] По сказанию преподобного Нестора, убийцы долго гнались в лодке за святым Глебом. Когда они приблизились, святой Глеб, подозревая их злой умысел, упросил своих спутников не браться за оружие и не противиться, говоря, что при покорности они просто отведут его к брату, а при сопротивлении всех порубят. По просьбе святого спутники его высадились на берег, с жалостью обращая свои взоры на блаженного, который остался посреди реки с отроками.

пали из рук весла, и все помертвели от страха. Блаженный, видя, что его хотят убить, взглянул на злодеев умиленными очами и с сокрушенным сердцем, смиренным разумом и частым воздыханием, заливаясь слезами и слабея телом, стал жалобно молить их:

— Не троньте меня, братья мои милые и дорогие, не троньте меня, — я не сделал вам ничего дурного. Не троньте меня, братья милые и господа мои, не стерегите меня. Какую обиду нанес я брату моему и вам, братья и господа мои? Если и есть обида, то ведите меня к князю вашему, а к моему брату и господину. Пощадите юность мою, помилуйте, господа мои; будьте мне господами, а я ваш раб. Не пожните меня еще не созрелого, не пожните колоса, еще но поспевшего, но еще полного молоком беззлобия. Не срезайте лозы, еще не возросшей, но имеющей уже плод. Прошу вас и умоляю. Убойтеся Сказавшего устами апостолов: *Не будьте дети умом на злое: будьте младенцы* (1 Кор. 14, 20). Это не убийство, но сырорезание. Докажите мне, что злого сделал я. И не пожалею, если крови моей вы хотите насытиться, я уже в руках у вас, братья, и в руках брата моего, вашего князя.

Но убийц не устыдило ни одно слово, и они не изменили своего замысла. Как свирепые звери, напали они на святого и так схватили его. Он же, видя, что они не внимают словам его, стал говорить:

— Будь спасен, милый мой отец и господин Василий, будь спасена мать, госпожа моя, будьте спасены брат Борис, старейшина юности моей, брат Ярослав, мой помощник, будь спасен и ты, брат и враг Святополк, и вы все, братья и дружина. Ужо мне не увидать вас в житии сем, ибо насильно разлучают меня с вами.

И говорил он со слезами:

— Василий, Василий, отец мой, приклони слух твой и услышь голос мой. Погляди, что случилось с сыном твоим, как без вины закалают меня. Увы мне, увы мне! Слушай небо и внемли земля (ср.: Втор. 32, 1). И ты, Борис брат, услышь голос мой. Я призывал отца моего Василия, но он не послушал меня, неужели и ты не хочешь меня услышать? Погляди на скорбь сердца моего и на рану души моей, на мои слезы, бегущие подобно реке. Никто мне не внемлет. Но ты помяни меня и помолись обо мне общему всех Владыке, так как ты имеешь дерзновение и предстоишь престолу Его.

Преклонив колена, стал он так молиться:

— Прещедрый, премилостивый Господь, не презри слез моих, но с жалостью посмотри на сокрушение сердца моего. Вот я закалаем, но за что и за какую обиду — я не знаю. Ты знаешь, Господи, Господи мой. Я ведь знаю, что Ты сказал Своим апостолам: за имя Мое возложат на вас руки, и преданы будете родственниками и друзьями, и брат брата предаст на смерть, и умертвят вас за имя Мое (ср.: Лк. 21, 12, 16, 17). Смотри, Господи, и суди. Вот, готова душа моя перед Тобой, Господи, и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу.

Затем, взглянув на убийц, сказал им тихим голосом:

— Приступайте уж и кончайте то, за чем вы посланы.

Тогда окаянный Горясер велел его тотчас зарезать. Старший повар Глеба, именем Торчин, обнажил нож свой, стал на колени, взял святого Глеба за голову и перерезал горло блаженному, как незлобивому агнцу. Это было 5 сентября, в понедельник. И принеслась Господу жертва чистая, святая и благовонная и взошла в небесные обители к Богу. И узрел святой желанного брата, и оба они восприяли венцы небесные, которых так желали. И возрадовались радостью неизреченною, которую достигли братолюбием своим. *Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!* (Пс. 132, 1).

Окаянные те убийцы возвратились к пославшему их, как сказал пророк Давид: *Да обратятся нечестивые в ад, — все народы, забывающие Бога* (Пс. 9, 18). И еще: *Нечестивые обнажают меч и натягивают лук свой, чтобы пронзить идущих прямым путем. Меч их войдет в их же сердце, и луки их сокрушатся. А нечестивые погибнут, исчезнут,* как дым *исчезнут* (Пс. 36, 14, 15, 19, 20).

И сказали они Святополку:

— Сотворили мы повеленное тобою.

Услышав это, он вознесся сердцем, и сбылось сказанное псалмопевцем Давидом: *Что хвалишься злодейством, сильный? Гибель вымышляет язык твой. Ты любишь больше зло, нежели добро, больше ложь, нежели говорить правду. Ты любишь всякие гибельные речи, язык коварный. За то Бог сокрушит тебя вконец и исторгнет тебя из жилища твоего и корень твой из земли живых* (Пс. 51, 3–7). Как сказал и Соломон: *Я посмеюсь вашей погибели, порадуюсь, когда придет на вас*

ужас; за то и будут они вкушать от плодов путей своих и насыщаться от помыслов их (Притч. 1, 26, 31).

Когда святой Глеб был убит, тело его бросили в пустынном месте, между двух колод. Но Господь никогда не оставляет Своих рабов, как сказал Давид: *хранит* Господь *все кости его; ни одна из них не сокрушится* (Пс. 33, 21). И вот, когда тело святого долго лежало на пустыре, Господь не оставил его пребывать в неведении и небрежении, но показывал это место то свечой горящей, то прохожие купцы, охотники и пастухи слышали пение ангельское. Но ни слышавшим, ни видевшим это не пришло на мысль поискать тело святого, пока Ярослав, возмущенный этим убийством, не пошел войною на братоубийцу, окаянного Святополка, которого, прияв много бранного труда, победил при помощи Божией и поспешении святых князей мучеников. Так был посрамлен и побежден нечестивый.

Убив своих братьев, Святополк стал княжить в Киеве. Ярослав же еще не знал о смерти отца. У Ярослава было много варягов, которые творили насилие новгородцам и их женам. Жители Новгорода возмутились и избили варягов во дворе Парамона. Тогда Ярослав разгневался, и со словами: «Уже мне убитых не воскресить!» — с княжеского судилища во дворе послал за знатными новгородцами, которые зарубили варягов, и, обманув, перебил их.

В ту же ночь пришла к нему весть из Киева от сестры его Предславы: «Отец у тебя умер. Святополк княжит в Киеве, убил он Бориса, а на Глеба послал убийц. Берегись его».

Услышав это, Ярослав загрустил об отце, брате и о дружине. На другой день он собрал остальных новгородцев и сказал:

— Милая моя дружина! Вчера я перебил ее, а ныне она мне пригодилась бы.

Утер он слезы и сказал новгородцам на вече:

— Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве, побивая своих братьев.

И сказали ему новгородцы:

— Хоть и перебил ты наших братьев, но мы можем бороться за тебя.

Собрав варяг тысячу, да других воинов сорок тысяч, Ярослав призвал Бога на помощь и пошел на Святополка, со словами: «Не я на-

чал избивать братьев, но он. Пусть же он и ответит за кровь братьев, ибо без вины пролил он праведную кровь Бориса и Глеба, и мне может то же сотворить. Но суди Бог по правде, чтобы прекратилась злоба грешного».

И пошел на Святополка. Тот же, услышав про поход Ярослава, собрал бесчисленное войско Руси и печенегов и выступил к Любечу.

Это было в лето 6524 (1016 год).

Оба войска встретились у Днепра, стали одно против другого по обе стороны реки и никакое из них не имело смелости начать бой. Так они и стояли друг против друга около 3 месяцев. И стал воевода Святополка, ездя по берегу, укорять новгородцев:

— Что вы пришли с хромым, вы — плотники, вот мы вас заставим строить нам хоромы.

Услышав это, новгородцы оскорбились и сказали Ярославу:

— Завтра перевеземся через реку. Если же кто не пойдет с нами — сами убьем его.

В ту пору были уже заморозки. Святополк стоял между двумя озерами. Высадившись на берег, он всю ночь пил вино с дружиною. На заре Ярослав с войском перевезлись через реку, высадились и оттолкнули лодки от берега.

И вот, пошли войска друг на друга и столкнулись. Сильная была сеча; печенеги стояли за озером и не могли помочь Святополку. Воины Ярослава притиснули Святополкову рать к озеру, столкнули их на лед, который под ними проломился. И стал одолевать Ярослав.

Видя это, Святополк бежал к ляхам. Ярослав же сел на отцовском княжении в Киеве, после того как пробыл в Новгороде двадцать восемь лет.

Через два года Святополк пошел против Ярослава с королем Болеславом и ляхами. Ярослав собрал войско из Руси, варягов и словен и пошел в Волынию. Войска встретились у реки Буга и стали на противоположных берегах. Был у Ярослава пестун, воевода Буды, и начал он укорять Болеслава:

— Вот, мы копьем проткнем твое чрево.

Болеслав же был огромный и тяжелый и едва мог сидеть на коне. И сказал Болеслав дружине своей:

— Если вы не оскорбились этим укором, я один погибну.

И бросился на коне в реку, за ним пошли и воины его. Ярослав же не успел приготовиться к битве, и победил Болеслав Ярослава. Болеслав вошел со Святополком в Киев, а Ярослав бежал с четырьмя мужами в Новгород. Оттуда он уже хотел бежать за море, но посадник Константин, сын Добрыни, с новгородцами рассекли лодки Ярослава, говоря: «Мы еще можем биться с Болеславом и Святополком».

И начали они собирать деньги, с каждого мужа по четыре куны, со старост по девять гривен, а с бояр по восемьдесят гривен. Затем призвали варягов и заплатили им собранные деньги. Так собрал Ярослав большое войско. Безумный же Святополк сказал: «Избивайте по городам ляхов».

Так и сделали. Тогда Болеслав бежал из Киева, захватив с собою имущество и бояр. Ярослав же устремился на Святополка и победил его. Святополк бежал к печенегам.

В лето 6527 (1019 год) он возвратился со множеством печенегов. Ярослав собрал войско и выступил против него на Альту. Став на месте, где был убит святой Борис, он воздел руки на небо и сказал:

— Вот, кровь брата моего вопиет к Тебе, Владыко, как кровь Авеля. Отомсти за него Святополку так, как братоубийце Каину, на которого Ты возложил стенание и трясение (см.: Быт. 4, 12). Молю Тебя, Господи, пусть Святополк получит то же.

Затем, помолившись, Ярослав сказал:

— О братья мои, если вы и умерли телом, то живы благодатью и предстоите Господу. Помогите мне молитвою.

Сказав это, он пошел на Святополка, и поле у реки Альты покрылось множеством воинов. И сошлись войска на восходе солнца, и была злая сеча, соступались трижды, бились целый день, и только к вечеру одолел Ярослав.

Этот же окаянный Святополк бежал. И напал на него бес и расслабли кости его так, что он не мог сидеть на коне, и его несли на носилках. Так донесли его до Берестья. Он же говорил: «Бегите, вот, гонятся за нами!»

Посылали против погони, но никого не находили. Лежа в немощи, Святополк все вскакивал и говорил: «Бежим, опять гонятся. Ох мне!»

Так не мог он побыть на одном месте. И пробежал он через ляшскую землю, гонимый гневом Божиим, и достиг пустыни между землей ляхов и чехов. Тут он лишился жизни и принял возмездие от Господа так, как свидетельствовала посланная на него болезнь о вечной муке по смерти. Так был он лишен той и другой жизни: здесь он лишился не только княжения, но и жития, а там не только Царства небесного и пребывания с Ангелами, но и был предан муке и огню. Могила его осталась. От нее исходит злой смрад, на показание людям, что, если услышавший об этом сотворит подобное, то приимет и горше этого. Ибо Каин, не зная о возмездии, принял одно наказание, а Ламех, как уже знавший о Каине, в семьдесят раз сильнее был отомщен (см.: Быт. 4, 24). Такое возмездие получают творящие зло. Как Юлиан царь, проливший много крови святых мучеников, подвергся горькой и бесчеловечной смерти, пронзенный копьем в сердце неведомо кем[1], так и этот погиб в бегстве, не зная, от кого пришла ему злострастная смерть. С того времени затихла в Русской земле крамола, а Ярослав получил господство в Руси.

И стал он вопрошать о телесах святых, как и где они положены. И поведали ему, что святой Борис погребен в Вышегороде, о святом же Глебе не все знали, что он был убит в Смоленске. И тогда сказали Ярославу близкие, что они слышали от приходивших оттуда, будто там они видели сияние и свечи на пустынном месте[2]. Услыхав это, Ярослав послал на поиски в Смоленск пресвитеров и сказал им: «Это мой брат».

Те пошли и отыскали его тело там, где совершались видения[3]. С почтением, со свечами многими и кадилами перенесли они его в лодки и отвезли в Вышегород, где лежало тело преблаженного Бориса; там они вырыли могилу и положили тело, изумленные его прекрасным и цветущим видом. Дивно и чудно и памяти достойно, что тело святого столько лет оставалось невредимым, не тронутое

---

[1] *Император римский Флавий Клавдий Юлиан Отступник* царствовал с 361 по 363 год. Он отрекся от христианства, стремился восстановить язычество. Был убит в битве с персами и умер со словами: «Ты победил, Галилеянин».

[2] По сказанию Нестора, старейшина города на месте, где лежало тело, видел самого святого Глеба, блистающего как молния.

[3] По сказанию Нестора, тело святого Глеба было найдено при помощи охотников.

плотоядными зверями, и не только не почернело, как это бывает с трупами, но было светло, прекрасно, цело и благовонно. Так Бог сохранил останки своего страдальца.

Многие не ведали, что тут лежали телеса святых страстотерпцев. Но как сказал святой евангелист: *Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем* (Мф. 5, 14, 15), так и этих святых Господь поставил светить миру и сиять премногими чудесами в русской стране, где много страждущих получили спасение. Слепые стали видеть, хромые получили быстроту серны, согбенные выпрямились. Но разве можно все поведать и рассказать о сотворившихся там чудесах. Поистине даже весь мир не может вместить содеянных предивных чудес, они многочисленнее песка морского; святые творили их не только здесь, но и по всем странам и землям, исцеляя болезни и все недуги, посещая заключенных в темницах и узах. На местах же, где они прияли мученические венцы, были созданы церкви во имя их. И творили они здесь много чудес.

Нет умения и сил прославить вас, святые братья! Если назвать вас Ангелами, которые тотчас приходят на помощь скорбящим, то вы во плоти жили среди людей. Если назвать вас людьми, то вы превышаете человеческий ум множеством чудес. Назвать ли вас цесарями и князьями, то вы стяжали смирение большее, чем у простых и смиренных людей, и через него вселились в вышние жилища. Поистине вы — цари над царями и князья над князьями, ибо при вашей помощи и защите наши князья противников своих державно побеждают и прославляются вашей помощью. Вы им и нам оружие, вы земли Русской забрало и утверждение, вы обоюдоострые мечи, которыми мы низлагаем дерзость врагов и попираем в землю гордость диавола. Поистине и без сомнения следует сказать: вы небесные люди и земные Ангелы, столпы и утверждение земли нашей. Помогите же своему отечеству, как великий Димитрий[1], который сказал: «Если я был с ними при веселии, то умру с ними, когда они погибают».

Но тот великий Димитрий изрек это об одном городе, а вы имеете попечение и возносите молитву не об одном городе, ни о двух, а о всех — о всей земле Русской. О блаженное вместилище, прияв-

[1] *Святой великомученик Димитрий Солунский.* См. житие 26 октября.

шее ваши телеса честные, как многоценное сокровище, блаженная церковь, в которой стоят ваши святые раки, где положены ваши блаженные телеса! О Христовы угодники! Блажен поистине и высок город Вышегород, имеющий у себя такое сокровище, которому не равен весь мир. Поистине он назван Вышегородом, будучи превыше других городов. Вторым Солунем явился он в Русской земле, имея в себе врачевство безмездное. И не только нашему племени дано было Богом спасение, но и всей земле. От всех стран туда приходят и безмездно получают исцеление. Как во святом Евангелии Господь сказал святым апостолам: *Даром получили, даром давайте* (Мф. 10, 8).

Об этом и Сам Господь сказал: *Верующий в меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит* (Ин. 14, 12).

Но, о блаженные страстотерпцы Христовы, не забывайте отечества, где пожили вы телесно, не оставляйте его посещением, и в молитвах всегда молитесь о нас, чтобы не постигло нас зло и чтобы не коснулась болезнь телес ваших рабов. Ибо вам дана благодать молиться за нас, вас сделал Господь ходатаями, молящимися за нас. К вам прибегаем, умоляем вас, припадая к вам со слезами, вам молимся, чтобы не наступила на нас нога гордыни, чтобы рука грешника не погубила нас и чтобы не постигла нас всякая пагуба. Отгоните от нас голод и несчастие, избавьте нас от меча и усобной брани, не дайте пасть во грехе; уповаем на вас, молитву нашу приносите усердно ко Христу Богу, ибо мы согрешили и сотворили безмерное беззаконие. Но, надеясь на вашу молитву, возопием ко Спасу: «Владыко, един Ты без греха, призри с Твоего святого небеси на нас убогих. Мы согрешили — очисти нас, сотворили беззаконие — пощади, споткнулись — повремени, очисти нас, как блудницу и как мытаря прости. Пусть придет милость Твоя, пусть прольется на нас человеколюбие Твое, не оставь нас в грехах наших, не предай нас горькой смерти, но искупи нас от зла века этого, дай время для покаяния, ибо велико наше беззаконие пред Тобою, Господи. Поступи с нами милосердно, Господи, ибо мы Тебя именуем. Помилуй нас, ущедри, заступи молитвами пречестных Твоих страстотерпцев, не предай нас в поношение, но излей милость Твою на овец пажити Твоей, ибо Ты — Бог наш, Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу».

Этот благоверный Борис был потомок благого рода, послушлив отцу, всем покорен, телом был прекрасен, высок, широк в плечах, тонок в поясе, лицо у него было круглое, веселое, глаза добрые, борода и усы небольшие, ибо был он еще юн. По-царски сиял он, был украшен как цвет цветущей юностью своей. На рати был он храбр, в совете мудр и разумен, благодать Божия цвела в нем.

Не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием (Еккл. 1, 8), — сказал Екклесиаст, так и чудес святых мучеников ни ум наш не может постигнуть, ни язык выразить, ни слово изъяснить, какое возмездие получили они от Господа за труд свой, как чада и причастники Царства Божия. Как сказал Иоанн Богослов: *А тем, которые приняли его, дал власть быть и чадами Божиими* (Ин. 1, 12). И Давид: *К святым, которые на земле — к ним все желание мое* (Пс. 15, 3). И еще: *дивен Бог во святых Своих, творя́й чудеса един* (слав. Пс. 67, 36; 71, 18). Преподобный же Иоанн Дамаскин писал, что такие мужи и по смерти живы и Богу предстоят. Источник нашего спасения Владыка Христос помощь их подаст, ибо от мученических телес миро благоуханное исходит. И еще: кто в Бога верует и в надежду воскресения, тот не назовет их мертвыми. Ибо как мертвая плоть может творить чудеса, как ими бесы отгоняются, проходят болезни, исцеляются немощи, слепые получают зрение, прокаженные очищаются, скорби и несчастия прекращаются и всякое доброе даяние от Отца света через них исходит, и их с верою и без сомнения молят? Как ты должен утруждаться, чтобы найти заступника перед смертным царем, держащего за тебя ответ, а вот сии — заступники всего рода, которые за нас Богу молитвы творят. Как нам не чтить их, приводящих всех к Церкви и к Богу! Почитая память их, с весельем творим праздник святых, которых Господь прославил премногою благодатью и чудесами — этих чудотворцев, заступников всех стран нашей Русской земли.

Многие не знали, что в Вышегороде почивают святые мученики и страстотерпцы Христовы Роман и Давид, но Господь не допустил, чтобы такое сокровище таилось в земле, и обнаружил его для всех. На месте, где они лежали, иногда виделся огненный столп, иногда же слышалось ангельское пение. Слыша это и видя, люди славили Бога и приходили поклоняться со страхом на месте том. Много приходило и от иных стран. Одни верили слухам, другие не верили, счи-

тая это за ложь, как апостол сказал о Кресте: *Для погибающих — юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия* (1 Кор. 1, 18). Господь же во святом Евангелии сказал: *тот, кто упадет на этот камень, разобьется* (Мф. 21, 44), а верующий в него не постыдится. Однажды пришли к тому месту, где лежали святые, погребенные под землею, варяги, и один из них вступил на него; тотчас же огонь вышел из гроба и опалил ноги варяга. Тот вскочил, стал рассказывать и показал дружине свои обожженные ноги. С тех пор не осмеливались подходить близко, но со страхом поклонялись. Немного спустя загорелась церковь святого Василия, у которой были положены святые. Пономарь той церкви, по окончании заутрени, был омрачен от вселукавого сатаны сном и, не осмотрев церковь как следует, ушел к себе домой, а в церкви забыл потушить свечу, горевшую на высоком месте. Спустя некоторое время загорелась церковь. Люди устремились к ней; горела церковь от верха; все оттуда вынесли, иконы и сосуды, так что ничего не сгорело, кроме самого здания. Все это произошло по Божиему попущению. Церковь была деревянная и обветшала. Господь явил этим Свою волю, чтобы иная церковь была построена на том месте во имя святых блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба, и чтобы телеса их были с любовью вынуты из недр земных, что и случилось. О всем этом поведали Ярославу. Князь призвал митрополита Иоанна, сказал ему о своих братьях, святых мучениках, и тот был как бы в ужасе, сомнении, радости и дерзновении к Богу. Выйдя от князя, митрополит собрал клирошан и всех священников и велел идти крестным ходом к Вышегороду. И пошли к месту, где лежали святые, с ними и Ярослав-князь. На том месте, где стояла сгоревшая церковь, поставили небольшую храмину. Архиепископ же, придя с крестами, сотворил в ней всенощное пение. Рано утром архиепископ пошел с крестами к месту, где лежали пречестные телеса святых, сотворил молитву и велел разрыть землю, находившуюся над гробом святых. И откопав, вынули гроб из земли. И приступил митрополит Иоанн и пресвитеры со страхом и любовью, открыл гроб святых, и увидели чудо преславное. Телеса святых не имели никакого повреждения, но были совершенно целы и белы как снег, лица их были светлы, как у Ангелов, благоухание исходило от них. Сильно дивились архиепископ и все люди. И отнесли они телеса в ту храмину, которая

была поставлена на месте сгоревшей церкви, и положили их над землею на правой стороне.

Был в Вышегороде муж, именем Миронег, огородник. Он имел сына, у которого нога высохла и согнулась. И не мог он ходить и не ощущал ее. Ходил же он, сделав себе деревянную ногу. И пришел он к святым, припал к их гробу и молился Богу и святым, прося от святых исцеления. Так день и ночь молился он со слезами. Однажды ночью явились ему святые страстотерпцы Христовы Роман и Давид и сказали: «Что ты вопиешь к нам?»

Тот показал ногу, нуждающуюся в исцелении. Они взяли ногу сухую и трижды ее перекрестили. Пробудившись от сна, он увидел себя здоровым и вскочил, славя Бога и святых. Затем он поведал всем, как святые его исцелили, и сказал, что видел и Георгия, отрока святого Бориса, который шел перед святыми, неся свечу. Видя такое чудо, люди прославили Бога.

Некий слепец пришел и пал у гроба святых, и целовал его с любовью, прикладывая к нему очи и прося исцеления. И тотчас прозрел. И все прославили Бога.

Тогда Миронег рассказал князю об обоих чудесах. Князь Ярослав прославил Бога и святых мучеников и, призвав митрополита Иоанна, с весельем поведал ему слышанное. Архиепископ также воздал хвалу Богу и дал князю богоугодный совет построить прекрасную церковь. И угоден был князю совет его, и велел он плотникам приготовить деревья на строение церкви. Была уже зима. Плотники приготовили дерева и при наступлении лета построили церковь великую, имеющую пять глав. Князь же украсил ее всякою живописью и иконы святых велел написать, чтобы верные видели в церкви как бы самих святых и поклонялись им, и лобызали их, с верою и любовью. И в крестном ходу Иоанн митрополит, князь Ярослав, все священники и весь народ перенесли в церковь мощи святых и освятили ее. И уставили празднование 24 июля, когда был убит преблаженный Борис. В этот же день совершилось и перенесение святых мощей и освящение церкви.

Когда на святой литургии присутствовали князь и митрополит, случилось быть в храме человеку хромому. С большим трудом приполз он в храм, молясь Богу и святым. И тотчас стали крепкими ноги его, благодатью Божией и молитвами святых. И, восстав, по-

шел он перед всеми. Видя это чудо, благоверный князь Ярослав, митрополит и все люди воздали хвалу Богу и святым.

После литургии князь позвал на трапезу всех: и митрополита и пресвитеров, и справили они праздник, как подобало. И много имения раздал князь нищим, сиротам и вдовицам.

И вот, скончался Ярослав (в 1054 году), прожив с честью по смерти отца своего тридцать восемь лет и оставив наследниками своих сыновей: Изяслава, Святослава и Всеволода, разделив между ними наследие, как следовало: Изяслава, старшего, посадил княжить в Киеве, Святослава — в Чернигове, Всеволода — в Переяславле, прочих же по иным волостям. Изяслав-князь, унаследовавший великое княжение, положил тело отца своего в мраморной раке, которую поставил в притворе церкви святой Софии, созданной отцом[1].

Прошло два года, и церковь уже обветшала. Придя однажды в нее, Изяслав Ярославич увидел ее ветхость, призвал старшину плотников и велел ему построить новую, одноглавую церковь во имя святых страстотерпцев, указал он и место для нее близ первой ветхой церкви. Князь упросил и митрополита Георгия, чтобы он помолился на месте том и дал денег, нужных на построение церкви. Старшина плотников собрал всех своих рабочих и скоро построил церковь на указанном месте. Услышав об этом, князь послал к старейшине города со словами: «Даю от княжеской дани на украшение церкви».

Когда церковь была закончена совсем, боголюбец Изяслав умолил архиепископа Георгия, чтобы тот учредил перенесение мощей святых в новую церковь. Съехались братья Изяслав и Всеволод и митрополит Георгий Киевский и другие, Неофит, Черниговский епископ, Петр Переяславский, Никита Белозерский, Михаил Юрьевский, игумен Печерского монастыря Феодосий, Софроний от святого Михаила, Герман от святого Спаса и прочие все игумены и сотворили светлое празднество. И взяли прежде князья на рамена тело святого Бориса в раке деревянной и понесли в предшествии преподобных черноризцев со свечами. За иноками шли диаконы и пресвитеры, затем митрополит и епископы. И принесши, поставили раку в церкви, открыли ее, и исполнилась церковь благоухания чудного. Видевшие это, все прославили Бога. Митрополита же объял

[1] Эта киевская церковь была заложена в 1037 году.

ужас, ибо он не твердо веровал святым; пал он ниц и просил прощения. И целовав мощи, положили их в каменную раку. Затем взяли каменную раку с телом святого Глеба, поставили на сани и, взявшись за веревки, повезли их. И когда были уже в дверях, остановилась рака и не двинулась вперед. Тогда повелели народу восклицать: «Господи помилуй!» И молились Господу и святым. И тотчас сдвинули раку. Затем целовали главу святого Бориса. Митрополит Георгий взял руку святого Глеба и благословил князей Изяслава, Святослава и Всеволода. И снова Святослав, взяв руку митрополита, державшего святого за руку, приложил ее к язве, которая была у него на шее, к очам и к темени. Затем положил руку в гроб, и стали петь святую литургию. Тогда Святослав сказал Берну: «Что-то мне колет голову».

Берн поднял клобук и, увидев на голове ноготь святого Глеба, снял его и отдал Святославу. Тот же прославил Бога о благом даре святых. После литургии все братья пошли и обедали вместе. Светло отпраздновали они праздник и много милостыни сотворили убогим. Затем облобызались и мирно разошлись каждый к себе. И с тех пор[1] установился этот праздник 2 мая, в честь и славу святых мучеников, благодатью Господа нашего Иисуса Христа.

Некий человек был хром, нога у него была отнята по колено. Сделав деревянную ногу, он ходил на ней. И пребывал у церкви святых с иными убогими, принимая от христиан милостыню, платье или иное, что кто хотел дать. И был в Вышегороде старшина огородников, которого мирское имя было Ждан, а во святом крещении Николай. И творил он праздник святому Николаю ежегодно. В один из дней на его праздник пошли убогие. Пошел и тот хромец, надеясь что-нибудь получить и сел перед домом. Случилось же так, что ему не дали ни есть, ни пить, и сидел он голодный и жаждущий. Тогда внезапно впал он в исступление (в забытье) и видение видел. Представилось ему, что он сидел у церкви святых. И увидел он Бориса и Глеба, вышедших как бы из алтаря и шедших к нему, и пал он ниц. Святые взяли его за руку, посадили его и стали говорить об исцелении его. Потом перекрестили уста его, взяли его больную ногу, как бы помазали маслом и потянули ее за колено. Все это недужный как бы во сне видел, ибо он упал ниц в том дворе. Увидев его распростертым на земле, люди повертывали его туда и сюда. Он же лежал как мертвый. Только душа

[1] То есть с 1072 года.

его в нем была и сердце билось в нем. Все думали, что его поразил бес. Взяли его, понесли и положили у церкви святых, перед дверями. Много людей стояло вокруг, смотрели и видели преславное чудо: из колена страдальца появилась нога и стала расти, пока не сравнялась с другой, и это произошло не в долгий срок, а в один час. Придя в себя, человек тот стал ходить, радуясь, скача и хваля Бога, и поведал всем о своем видении. И все находившиеся тут прославили Бога и Его угодников, мучеников Романа и Давида. И все воскликнули:

— *Кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его? Благословен Господь Бог, един творящий чудеса!* (Пс. 105, 2; ср.: Пс. 71, 18).

В городе Дорогобуже некая женщина, раба, трудилась в доме госпожи своей, по ее повелению, в день святого Николая, когда все шли в церковь его. Другие женщины, видя ее за работой, стали укорять и звали ее в церковь. Она же не послушала их и продолжала свое дело. Вдруг въехали во двор три мужа в белых ризах. Выглянув из дверей, она увидела их. Один из них был стар, по обеим же сторонам его двое юношей. И сказали ей юноши:

— О женщина, как ты посмела оскорбить отца нашего, Николая, работая в его праздник и не идя в церковь?

Она же отвечала им:

— Я — убогая вдова, мне надо работать, а не ходить в церковь.

Тогда старый муж сказал юношам:

— Что вы с ней говорите? Размечите ее дом.

Они приступили и разметали дом до половины. Старый же муж, подойдя к женщине, взял ее за правую руку и выбросил ее из комнаты. И упала она замертво. Видя женщину распростертой, соседи взяли ее и отнесли в другой дом. Положили ее и сели около, желая послушать, что она скажет. Она же не могла двинуть ни глазами, ни устами, но лежала как мертвая и ничего сама не ела, только, раздвинув ей уста, вливали ей в рот ложкою молоко или воду. Так пребывала она до Великого поста. В Неделю мясопустную взяли женщину и отнесли в церковь святого Николая. После молитвы, совершенной над нею, она несколько открыла глаза и, как бы пробудившись от сна, попросила есть, смогла принять пищу и рассказала случившееся. Правая же рука у ней оказалась высохшей, и она ее не ощущала. И вот она уже не имела сил служить господам. Видя ее такой немощной, госпожа прогнала ее от себя, и отрок, который родился у

нее на свободе, стал рабом. Но судьи не позволили поступить таким образом, а повелели господам ее лишиться ее цены, и обоих освободили, так как она работала по неволе и получила наказание. Прошло три года. Сухорукая женщина услыхала, как человек со сведенными руками и ногами получил исцеление в церкви святых мучеников Романа и Давида. И вот пошла она в Вышегород. Пришла в день субботний, когда был канон Успения святой Богородицы, и сказалась старейшине клириков той церкви, Лазарю. Он велел ей пробыть ночь у церкви. Утром, когда шли с крестами к церкви святой Богородицы, сухорукая женщина приступила к Лазарю и поведала ему такой свой сон:

— Когда я в эту ночь сидела у церкви, пришли ко мне двое прекрасных юношей и сказали мне: кто тебя посадил здесь? Я же отвечала: священник Лазарь так велел мне, сказав: сядь здесь, может быть, Бог, по молитве святых мучеников, исцелит тебя. Слышав это, тотчас старший из юношей, сняв перстень, отдал мне и сказал: надень его на руку и перекрестись, и он исцелит тебе руку.

Услышав это, Лазарь велел ей присутствовать на литургии у дверей церковных, чтобы ей по окончании пения и молитв помазали руку маслом из лампады. Стали петь литургию. Когда отпели «Святой Боже» и певец сказал «песнь Богородице, прокимен: «Величит душа моя», внезапно сухая рука женщины заболела, повязка, поддерживавшая руку, спала, и женщина устремилась к алтарю, трепеща и потрясая рукою. Видя это, все люди и клирики сочли ее бесноватой и повлекли ее ко гробу святых. Глядя на нее и узнав ее, Лазарь пришел в ужас. И в то время рука ее исцелилась. Все видевшие это прославили Бога за такое чудо, дивясь скорому Божию посещению и силе святых мучеников Христовых.

Жил в городе некий слепец. Приходил он к церкви святого Георгия и молился святому, прося прозрения. Однажды ночью явился ему святой мученик Георгий и сказал: «Что ты взываешь ко мне! Если ты хочешь прозреть, я тебе поведаю, как этого достигнуть. Иди к святым Борису и Глебу, они, если пожелают, даруют тебе зрение, о котором ты просишь. Ибо им дана благодать от Бога в стране Русской прощать и исцелять всякие муки и недуги».

Видя это и слыша, слепец пробудился и отправился в путь, как ему было велено. Пришел он в церковь святых мучеников и пробыл

тут несколько дней, припадая и моля святых, пока они не посетили его. И прозрел он и стал видеть, славя Бога и святых мучеников, так как получил исцеление. И рассказал он всем, как видел, что пришли к нему святые мученики, перекрестили ему глаза трижды, и тотчас они отверзлись. Все возблагодарили Бога за те преславные, предивные и несказанные чудеса, которые творились святыми мучениками. Ибо написано: *Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит и спасает их* (Пс. 144, 19), и еще: *Творит все, что хочет* (Пс. 113, 11).

Умножались чудеса святых и росла их благодать. И как писано во святом Евангелии: *и всему миру не вместить написанных* (Ин. 21, 25), они творились, не будучи записываемы, и кто знал о них — рассказывал. Тогда Святослав, сын Ярослава, замыслил создать святым каменную церковь, построил он ее до пятидесяти локтей в высоту, и скончался (в 1079 году). Всеволод, став князем в земле Русской, довершил ее всю. Когда же она была окончена, тотчас в ту же ночь упал ее верх, и вся она разрушилась. Потом Всеволод умер (в 1093 году), пожив мирно и исправив державство, порученное ему Богом. Княжение в Киеве принял Святополк Изяславич, а Давид и Олег — в Чернигове, Владимир же — в Переяславле. В те времена враги земли нашей стали крепче нас и причиняли нам много насилия за наши грехи. Церковь святых мучеников пришла в забвение, и никто не мог позаботиться о строении ее и о записи чудес.

Вот что поведали очевидцы происшедшего чуда. Святополк-князь заключил в подземную темницу за некую вину двух мужей в тяжких оковах, не исследовав дела, но послушав оклеветавших их. Забыл он сказанное пророком Давидом: *Сердце развращенное будет удалено от Меня; злого я не буду знать. Клевещущего на ближнего своего изгоню* (Пс. 100, 4–5). Заключив мужей в темницу, князь забыл о них. Находясь в такой беде, они много молились святым страстотерпцам и каждое воскресенье давали стражу денег, чтобы он купил просфору и принес ее в церковь святых Романа и Давида. Прошло много времени, а заключенные все томились в печали и скорби, молясь непрестанно и призывая святых страстотерпцев. И те не презрели их, но спасли, заступились за них и помогли. Однажды ночью, когда двери темницы были заперты и вынутая лестница лежала наружи, во время сна этих узников и иных многих, внезапно один из

заключенных мужей оказался спящим вне, над темницею, пробудился свободным от уз и увидел, что железные оковы, которые были на нем и на его товарище, изломаны и лежали около него, обручи же, полагавшиеся на ноги, извиты как веревка. Восстав, он прославил Бога и святых Его угодников. Вспомнив виденное, он позвал сторожа, показал ему, что произошло, и сказал: «Отведи меня к церкви преславных мучеников».

Придя в церковь к утрени, а было это в четверг, поклонился он перед святыми ковчегами и сказал всем клирикам и людям, бывшим в церкви:

— Когда мы и много других спали в темнице, внезапно как бы поднялась ее крыша, и мы увидали, что вошли святые и сказали: «Почему вы находитесь здесь?» — Мы ответили: «Такова воля князя, нас оклеветали». Святые же сказали нам: «Повелеваем вам: ты иди в церковь и поведай, что видел, товарища же твоего мы оставляем в темнице. Его мы сделали слепым, на уверение других, когда те не поверят. Сами же мы удалимся в Греческую землю; возвратившись через три дня, посетим его и возвратим ему зрение. Тогда ступайте и скажите князю: зачем ты так поступаешь, не исследовав дела, томишь и мучаешь. Если ты в сем не раскаешься и не перестанешь так творить, то знай, что никак не избегнуть тебе ада». Сказав это и иное, они исчезли из наших глаз. Я, видевший это, рассказал вам, братия, если же вы хотите лучше видеть и слышать, пойдем к темнице.

Придя к ней, все увидели, что замки невредимы и заперты, а что лестница, по которой входят и выходят, лежит вне. И удивились они и прославили Господа и святых. Открыв темницу, увидели они, что узник, о коем сказано, действительно ослеп, так что ни век, ни ресниц нельзя было различить, уз же на нем не было. Расспрошенный, он рассказал то же самое. Тогда оба узника были отпущены и не отходили от церкви день и ночь, особенно ослепленный; как бы позор имевший от святых и как бы прося о долге, припадал он к гробам и, молясь, говорил: «О святые угодники Христовы, не презрите, не забудьте вашего обещания. Даруйте мне по вашему обету, которым вы обязались».

Так он творил три дня. Настало воскресенье, пришел он в церковь и молился до утрени. Досадил его вопль поющим, так что они прогневались и сказали:

— Следует удалить слепца этого, ибо нельзя петь.

Он же оставался, биясь и припадая к святым, и восклицал:

— Помилуйте меня, ибо обещали мне это.

Затем он внезапно обернулся и сказал:

— Пойте: «Господи, помилуй!» Созерцайте славу Божию и святых: вот я прозрел.

И стали очи его здравы, как бы и не болели и не были слепыми. Тогда все прославили Бога и святых страстотерпцев. Затем пошли и сказали Святополку-князю, что слышали и видели. И с тех пор он редко причинял насилие людям и в продолжение многих лет творил праздник святым, часто приходя летом в Вышегород.

Хотел он и церковь построить на старом месте, над гробом святых, говоря: «Не посмею переносить с места на место».

Но, по Божиему устроению и по воле святых мучеников, не сбылся его замысел. В те времена, как сказано, Владимир, сын Всеволода, называемый Мономах, княжил в Переяславской земле. Большую любовь он имел к святым и много приношений творил им. И замыслил он оковать святые раки честных мучеников серебром и золотом. Придя ночью, он обмерил гробы и, расковав доски серебряные, позолотил их. Затем, опять придя ночью, оковал все чудодейные и достохвальные святые гробы и ночью же ушел. Пришедшие утром узрели это с радостью, поклонились и хвалу воздали святым и Богу, возложившему на сердце благоверному князю такую мысль. Многими словами похвалили они кротость его и смирение, благородство и великий ум, любовь к святым и тщание к Богу и ко святым церквам, которую проявлял благоверный князь Владимир, особенно к этим святым.

Это он сотворил в лето 6610 (1102 год), после же перенесения мощей он сотворил еще большее над святыми гробами. Выковав серебряные доски с изображениями святых, он позолотил их, украсил серебром и золотом и хрустальными большими позолоченными свещниками, на которых горели свечи. И так он все прекрасно устроил, что невозможно рассказать этой красоты. И говорили приходившие из Греции и из других земель: «Много мы видели рак святых, но нигде не было такой красоты».

Так хорошо устроил он все на память о своих добрых делах и на благословение от Господа, сказавшего: *Не собирайте себе сокровищ*

на земле, но на небе (Мф. 6, 19–20), и от святых, которых он так почтил, и на похвалу и благословение людей, видевших и слышавших.

Когда Владимир оковал раки святых, князь Олег, сын Святослава, задумал построить каменную церковь, вместо разрушившейся в Вышегороде. Привел он храмоздателей и велел им строить, дав им обильно все, что для этого требовалось. Когда церковь была построена и расписана, он часто понуждал и молил Святополка перенести святых мучеников в созданную церковь. Тот же, из зависти к труду его, не хотел перенести, ибо не сам создал ту церковь.

Спустя немного времени Святополк преставился, на второе лето по украшении церкви. И был сильный мятеж и крамола в народе, и ропот. Тогда соединились все люди, особенно большие и знаменитые мужи, и пришли ко Владимиру с просьбой, чтобы он прекратил крамолу. Тот пошел, утолил мятеж и ропот и приял княжение в земле Русской.

В лето 6623 (1115 год), когда Владимир княжил в Руси, умыслил он перенести этих святых страстотерпцев в созданную церковь и возвестил об этом братьям своим, Давиду и Олегу. Они всегда молили и понуждали Владимира перенести мощи святых. Тогда Владимир со своими сыновьями, затем Давид и Олег со своими сыновьями, пришли к Вышегороду, прибыл и митрополит Никифор, собрав всех епископов: из Чернигова — Феоктиста, из Переяславля — Лазаря, Мину — из Полоцка, Даниила — из Юрьева, и всех игуменов: Прохора Печерского, Савву — от святого Спаса, Сильвестра — от святого Михаила, Петра — от обители святой Богородицы Влахернской, Григория — от святого Андрея, Феофила — от святого Димитрия и многих других игуменов и весь святительский и чернеческий чин, всех клириков и всех священников. И сошлось сюда от всех стран Русской земли и от иных стран многое множество народа и князей, все бояре, старейшины и воеводы всей русской земли и всех подчиненных ей областей, короче сказать, все люди тут были, всякая область, богатые и убогие, здоровые и больные, так что наполнился весь город, и народ не находил места и по стенам городским. И в первый день месяца мая освятили церковь, в субботу второй недели по Пасхе. Утром в святое Воскресение, во второй день того же месяца, начали петь утреню в обеих церквах. И поставив сначала на украшенные сани, которые для этой цели были устроены, раку свя-

того Бориса, повезли ее. За санями пошел Владимир с благоговением и смирением, митрополит и священники со свечами и кадилами. И влекли сани за толстые веревки, теснясь и утруждаясь, вельможи и все бояре. Веревки были привязаны с двух сторон, за них и влекли честные раки, и не было возможно ни идти, ни тащить сани вследствие множества людей. Тогда Владимир велел бросать народу деньги, меха и ткани. Видя это, часть народа бросилась к ним, другие же, оставив это, устремились к святым ракам, чтобы удостоиться прикосновения к ним. И сколько не было людей, никто не мог удержать слез от радости и великого веселия. И так едва имели возможность влечь сани. Так же и раку святого Глеба повезли на других санях, в сопровождении князя Давида, епископов, клириков, бояр и бесчисленных людей, которые все восклицали: «Господи, помилуй» — и со слезами призывали Бога. И произошло великое чудо. Мощи святого Бориса везли благополучно, только от людей была теснота. Когда же повезли святого Глеба, рака стала неподвижно. Потащили ее насильно, но веревки оборвались, хотя и были так толсты, что человек едва мог охватить их обеими руками. И оборвались они сразу. Люди восклицали: «Господи, помилуй». Было же их множество во всем граде, теснились они по заборам и по стенам городским. И поднялся от всего народа клик: «Господи, помилуй». И тотчас двинулась рака сама собою. Так привезли и положили с честью святых страстотерпцев Бориса и Глеба в новосозданной церкви на правой стороне месяца мая во второй день. Затем все разошлись по своим домам, славя Бога и святых страстотерпцев.

В городе Владимире Залесском княжил внук Владимира Мономаха, Всеволод Юрьевич. На него восстали два племянника, Мстислав и Ярополк Ростиславичи (в 1175 году), которые пришли из Великого Новгорода, тайно призванные ростовцами на княжение. И пошли они войною на Всеволода, дядю своего, ко граду Владимиру, желая изгнать князя из его отчины и получить себе большую область. После великой битвы Ростиславичи были поражены Всеволодом, захвачены в плен и приведены во Владимир. Всеволод приставил к ним стражу, но позволил им ходить на свободе. Владимирцы, видя этих пленных князей на свободе, а не в темнице, возроптали и, придя с оружием на двор князя своего Всеволода, восклицали:

— Зачем, князь, держишь ты врагов наших не в узах, а на свободе? Или казни их смертью, или ослепи, или отдай их нам.

Будучи милостивым, Всеволод не хотел причинить зла плененным на войне князьям, но для народа велел посадить их в темницу, чтобы утишился мятеж народный. Спустя некоторое время опять владимирцы стали взывать к великому князю Всеволоду:

— Выдай нам Ростиславичей, хотим их ослепить.

Великий князь опечалился, но не мог удержать народ от мятежа. Владимирцы разметали темницу и, схватив Мстислава и Ярополка, ослепили их и отпустили. Так несчастные Ростиславичи, Мстислав и Ярополк, хотевшие большей славы и власти, были усмирены и ослеплены. И вот пошли они к Смоленску и пришли на Смядыню в церковь святых мучеников Бориса и Глеба. Был же тогда день памяти убиения святого Глеба, 5 сентября. И молились князья Богу с великим усердием и призывали на помощь святых мучеников, как сродников своих, чтобы святые послали им облегчение, так как язвы на месте очей гноились у них. Когда они молились, сначала облегчилась боль, а затем неожиданно им было даровано прозрение. Ясно видя, начали Ростиславичи славить и благодарить Бога, Пречистую Богородицу и святых князей Романа и Давида. И возвратились они с радостью в дома свои, рассказывая всюду о милости Господней, поданной им по молитве святых мучеников.

В городе Турове жил в древние времена[1] старец некий, именем Мартин, бывший прежде поваром у епископов Туровских, Симеона, Игнатия, Иоакима и Георгия. Епископ Георгий освободил Мартина ради старости его от службы. Прияв иноческий образ, Мартин стал жить в епископском монастыре у церкви святых мучеников Бориса и Глеба, один в келии. И страдал он часто от болезни живота. Когда страдания приступали к нему, старец лежал, крича от боли, не имея сил встать и позаботиться о теле своем. Однажды, хворая тем недугом, лежал он в келии и изнемогал от жажды. Но никто не посетил его, так как вокруг монастыря тогда разлилась вода. На третий день вошли к нему святые мученики Борис и Глеб, в том виде, как они были изображены на иконе, и сказали:

— Чем ты хвораешь, старче?

Тот рассказал им о своем недуге. И спросили они его:

---

[1] В половине XII века.

— Не надо ли тебе воды?

— О господа мои, — отвечал старец, — уже давно я ее жажду.

Один из них взял коромысло и принес воды, а другой зачерпнул ковшик. И напоили они старца. Тогда он спросил их:

— Чьи вы дети?

Они ему отвечали:

— Мы — братья Ярослава.

Старец, думая, что они родственники князя Георгия Ярослава, сказал:

— Да пошлет вам Господь многие лета, господа мои, возьмите сами хлеба и ешьте, ибо я сам не могу послужить вам.

Они отвечали:

— Пусть хлеб останется для тебя, а мы пойдем. Ты же не хворай больше, но усни.

И тотчас стали невидимы. Выздоровев, старец понял, что его посетили святые Борис и Глеб, и, встав, прославил Бога и угодников Его. И с тех пор никогда не хворал он тем недугом, но все время был здоров и рассказывал братии о исцелении, дарованном ему святыми мучениками.

Благоверный князь Александр Ярославич, прозванный Невским, во время княжения своего в Великом Новгороде, вел войну со шведами. Когда он с войском пришел на реку Неву, один из его воевод, богобоязненный муж, именем Филипп, исполняя порученную ему ночную стражу, увидел при восходе солнца плывущий по воде корабль; посреди корабля стояли святые мученики Борис и Глеб в одеждах червленых, гребцы же сидели, одетые как бы мглою. И сказал святой Борис святому Глебу:

— Брат Глеб, пойдем скорее, поможем сроднику нашему, князю Александру, против неистовых врагов.

Это видение воевода поведал князю своему. И в тот день князь Александр, помощью святых мучеников Бориса и Глеба, победил и попрал силу шведов, вождя их Биргера сам уязвил мечом в лицо и с торжеством возвратился в Великий Новгород[1].

Подобным же образом, когда великий князь Московский Димитрий Иоаннович вел войну с царем татарским Мамаем, ночной страж Фома Хацибеев видел открытое ему Богом такое видение. На

[1] Это произошло в 1240 году.

высоте показалось большое облако, и вот с востока шли как бы великие полки, с юга же явились двое светлых юношей, державшие в руках свечи и острые обнаженные мечи. Эти юноши были святые мученики Борис и Глеб. И сказали они воеводам татарским:

— Кто вам велел истреблять отечество наше, от Господа нам дарованное?

И стали они сечь врагов, так что никто из них не уцелел. Наутро страж тот поведал свое видение великому князю. Князь же, возведя очи свои на небо и воздев руки, стал молиться со слезами, говоря:

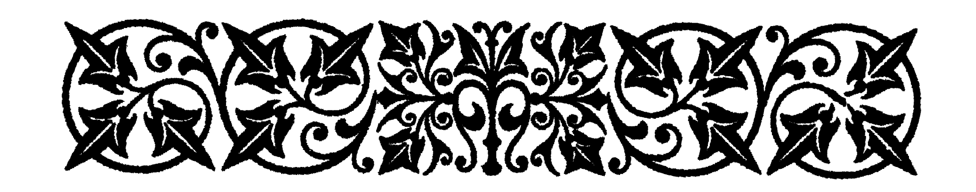
— Господи Человеколюбче, по молитве святых мучеников Бориса и Глеба помоги мне! Как Моисею на Амалика (см.: Исх. 17), как Давиду на Голиафа (см.: 1 Цар. 17), как Ярославу на Святополка, как прадеду моему Александру на Шведского короля, так и мне на Мамая подай помощь.

И в тот день великий князь Московский Димитрий, по молитве святых страстотерпцев Бориса и Глеба, победил Мамая — царя татарского[1].

Сие и множайшие чудеса сотворил Господь через святых страстотерпцев, которым поклоняются люди, прося прощения грехов о Христе Иисусе, Господе нашем. Ему же слава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

В тот же день **память во святых отца нашего Афанасия Великого**, патриарха Александрийского. Память его совершается еще 18 января, где и помещено его жизнеописание.

[1] Это произошло 8 сентября 1380 года.



День третий

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ТИМОФЕЯ И МАВРЫ

Во время гонения на христиан, воздвигнутого нечестивым императором Римским Диоклетианом[1], для преследования христиан в Фиваиде[2] был назначен игемон Арриан[3]. В числе прочих христиан, приведенных к нему на испытание, был и Тимофей, чтец церковный[4]; он происходил из селения Перапеи, был еще юн возрастом и незадолго перед тем вступил в брак с девицею Маврою. Спустя двадцать дней после бракосочетания он был взят язычниками и приведен на допрос к игемону. Когда игемон увидел его, то прежде всего спросил:

— Кто ты такой и какую должность ты исполняешь?

Тимофей отвечал:

— Я — христианин и состою чтецом церкви Божией.

Игемон сказал ему:

— Неужели ты один не слыхал об указе царском, повелевающем предавать мукам и самой смерти всех тех, кто не будет приносить жертв нашим великим богам?

Тимофей отвечал:

---

[1] *Диоклетиан* управлял с 284 по 305 год восточною половиною Римской империи.

[2] *Фиваида* — область в Среднем Египте.

[3] *Игемон Арриан* впоследствии сам обратился ко Христу и сподобился получить венец мученический. Память его празднуется 14 декабря.

[4] *Чтец*, или *причетник*; обязанности Тимофея состояли не только в чтении, но и в хранении богослужебных книг.

— Я от всего сердца верую и всецело принадлежу Господу моему, Иисусу Христу, и потому не могу приносить жертвы богам вашим.

Игемон Арриан продолжал:

— Разве ты не видишь орудий, приготовленных для мучения, лежащих около тебя?

Тимофей отвечал:

— Во всяком случае ты не видишь Ангелов Божиих, укрепляющих меня.

Игемон сказал святому:

— Дай мне твои книги[1], чтобы я мог понять волшебную силу, заключающуюся в них.

Отвечал святой:

— Безумный и лишенный смысла человек! Разве ты не знаешь, что никто никогда не отдает детей своих на смерть? А книги, мною списанные, мои чада: когда я их читаю, мне предстоят Ангелы Божии.

Сказал игемон:

— Вот, ты не хочешь ни жертв принести нашим богам, ни книг своих показать. Смотри, как бы это твое непослушание не было причиною твоих мучений.

Святой же Тимофей ответствовал так:

— Я не принесу жертв и не покажу тебе моих книг, потому что я — христианин.

Тогда разгневавшийся игемон приказал своим слугам принести две острых железных палки, раскаленных докрасна, и вложить их в уши святому Тимофею. От невыносимой боли у мученика истекли глаза, так что он не мог ничего видеть. После этого слуги игемоновы сказали святому:

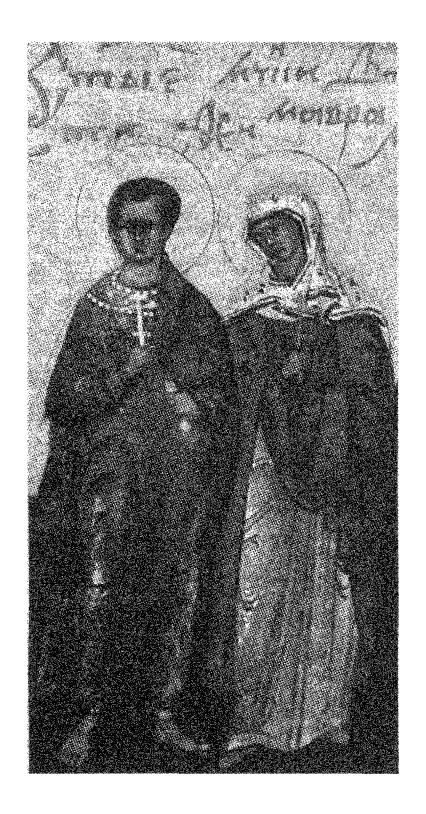
— Так как ты не хотел принести жертвы богам нашим, то вот теперь ты потерял свое зрение.

Святой же Тимофей отвечал на это:

— Телесные очи мои, видевшие многое неподобное, ныне пострадали, будучи ослеплены; но мои внутренние, душевные очи просвещают мою душу.

---

[1] Необходимо заметить, что указ Диоклетиана предписывал не только преследовать самих христиан, но и разрушать их храмы и сжигать их священные книги. На этом основании игемон Арриан и требует от Тимофея его богослужебные книги.



После того, как святой сказал это, игемон приказал, связав святому руки позади, вложить ему в рот кусок дерева и повесить его вниз головою; для увеличения же страданий святого, мучитель приказал привязать тяжелый камень к его шее.

Когда слуги игемоновы приступили к выполнению этого нечестивого приказания игемона, святой, подняв очи к небу, сказал:

— Я верю, что есть Бог, пребывающий на небесах, Который может избавить меня от этих мучений.

Страдания, которые испытывал Тимофей, были настолько ужасны, что даже сами мучители прониклись к нему жалостью и просили игемона не столько жестокостью, сколько милостью склонить Тимофея к исполнению приказания царского При этом, желая умилостивить игемона, слуги сказали ему, что Тимофей всего только двадцать дней тому назад вступил в брак и что супруга его еще очень молодая женщина.

Услышав это, игемон приказал привести пред судилище супругу Тимофееву и сказал ей:

— Как звать тебя?

— Имя мое Мавра, — отвечала святая.

Игемон сказал ей:

— Весьма сострадаю твоему несчастью, так как ты, будучи столь юной, уже готовишься быть вдовою. Я приказываю тебе: облекись в самые лучшие одежды, заплети свои волосы, укрась лицо твое и иди сейчас же к твоему мужу; придя к нему, уговори его принести жертвы богам, чтобы действительно не сделаться тебе вдовою в столь юных летах. Если ты его уговоришь принести жертвы богам, то я награжу тебя многими дарами, золотом и серебром.

Мавра сделала все так, как ей приказал игемон. Облачившись в светлые одежды, она пошла к своему мужу и долго увещевала его

исполнить хотя бы на время приказание игемоново, чтобы таким образом избавиться от многих мук. Но супруг ее не мог сказать ей ни слова, так как в уста его был вложен кусок дерева, мешавший ему говорить.

Тогда Мавра возвратилась к игемону и начала усердно просить его сделать распоряжение о том, чтобы было вынуто дерево из уст ее мужа, через что он получил бы возможность говорить. Игемон согласился исполнить ее просьбу. Дерево было вынуто из уст мученика, и Мавра снова отправилась к святому Тимофею.

Святой же (не имевший зрения), обоняв благоухание от одежд Мавры, громко воззвал:

— Где мой отец, пресвитер Пиколпос?

Отец же его, стоявший неподалеку оттуда в народе и наблюдавший за страданиями сына, подошел к нему и сказал.

— Что тебе нужно, возлюбленный сын мой?

Тимофей отвечал:

— Прошу тебя, отец, — сделай для меня благое дело: возьми какое-нибудь рубище и прикрой им лицо мое, чтобы я не обонял благоухания душевредного, исходящего от одежд Мавры; это благоухание пагубно для людей, оно уготовляет им геенну; этот аромат есть источник вожделения, спутник диаволу; он противен и мерзостен святым и праведным людям.

Когда святой окончил говорить, Мавра сказала ему:

— Возлюбленный Тимофей! Для чего ты меня так унижаешь? Ведь я тебя ничем еще не оскорбила! Прошло всего только двадцать дней, как мы обвенчались с тобою, и ты еще не узнал как следует моего характера, как и я не изучила еще как следует дома твоего. Я далека от того порока, в котором ты обвиняешь меня, потому что я еще ни одному мужчине не обещала отдать себя. Теперь же я, видя тебя в столь великих муках, горько плачу о тебе и невыносимо страдаю сердцем, потому что ты терпишь мучения неповинно. Твои страдания уязвляют и мою душу, так как ты хочешь оставить меня вдовою. Но, может быть, ты взял у кого-либо деньги взаймы и, не имея чем уплатить долг, терпишь теперь мучения от заимодавцев? Если это так, то продадим наши лучшие одежды и выплатим долг; а если ты терпишь столь великие мучения из-за народного долга, из-за

податей, какие тебе нечем уплатить, то вот пред тобою вся наша утварь, золото и все наши одеяния; продай все это и уплати подать царю.

После этого святой Тимофей сказал ей:

— Сестра моя, Мавра! Когда я тебя увидел своими душевными очами выходящей из дому, то я заметил диавола, шедшего по правую сторону от тебя. Он имел в руках ключ, которым обращал сердце твое к мирским утехам и привязанностям.

Мавра сказала на это:

— Брат мой, Тимофей! Я тебя ищу; а потом где я найду тебя? Вот придет суббота или воскресенье: кто же будет читать твои книги?

Отвечал ей святой Тимофей:

— Оставь суету мира этого и иди со мною на доблестный подвиг сей, о Мавра! Бог простит нам за этот подвиг все грехи наши и сподобит нас благодатных венцов в Царстве Своем.

Мавра же сказала:

— Когда я шла к тебе, сердце мое действительно было преисполнено мирских пристрастий, но лишь только ты начал беседовать со мною, благодать Божия осенила меня. Знай же, мой возлюбленный брат, что и я того же самого желаю, чего и ты желаешь.

Отвечал ей святой Тимофей:

— Если ты действительно говоришь истину, то пойди к игемону и обличи его нечестие.

Сказала на это святая Мавра:

— Я боюсь, брат мой, как бы мне не устрашиться, после того, как я увижу множество орудий мучения и гневающегося игемона. Я боюсь, что я не стерплю лютых мучений, так как я еще слишком юна возрастом — мне всего только семнадцать лет.

Отвечал ей святой Тимофей:

— Уповай на Господа и Бога нашего Иисуса Христа, и все муки будут для тебя как бы елеем, изливаемым на тело твое, и как бы росою, освежающею кости твои и облегчающей все страдания твои.

Затем святой мученик начал молиться о ней к Богу, говоря так: «Бог и Отец всякой благодати, подавший помощь трем отрокам (см.: Дан. 3), брошенным в пещь огненную; избавивший Даниила от

уст львовых[1], пророку через пророка Аввакума[2] пославший пищу[3], помогавший не только во рву львином, но и в пещи огненной и уповавших на Тебя спасавший во свидетельство всем Твоего человеколюбия, по силе которого Ты из пленников сделал пророков и мучеников: Ты, Господи, Господи, призри и ныне на рабу Твою Мавру! Ты, Господи, соединивший нас супружеством, соедини нас и в подвиге этом, дабы мы не были отлучены от лика святых Твоих мучеников; Ты, Господи, дай нам силы мужественно претерпеть все мучения и самую смерть, чтобы посрамились все противники наши, которые не будут в силах разлучить нас от единой веры во Иисуса Христа, Господа нашего. Ему подобает вместе со Отцом и Святым Духом всякая слава вовеки. Аминь!»

После того, как святой Тимофей помолился Богу о супруге своей Мавре, эта последняя, будучи одушевлена Духом Святым, отправилась к игемону и, представ ему, сказала:

---

[1] *Даниил* — четвертый из числа «великих» пророков (Исаия, Иеремия, Иезекииль, Даниил); происходил из царского рода и еще юношею был отведен в Вавилон в числе прочих пленных иудеев. Одаренный прекрасными душевными и телесными качествами, он научился здесь языку и мудрости халдейской и вместе с тремя своими товарищами: Ананиею, Азариею и Мисаилом — был взят на службу при царском дворе. Даниил истолковывал царю вавилонскому Навуходоносору его замечательные сны и сам удостоился неоднократных видений, в которых были открыты ему важнейшие и замечательнейшие священные события. При восшествии на престол Дария он был сделан одним из трех правителей империи и был чудесным образом спасен от львов, в ров к которым он был брошен за свою привязанность к отеческой вере (Дан. 6, 10–24). История его жизни и деятельности описана им самим в священной книге его имени. Память его празднуется святой Церковью 17 декабря.

[2] *Аввакум* — один из числа «малых» (двенадцати) пророков; происходил из колена Симеонова и пророчествовал во времена плена вавилонского. По выражению церковно-богослужебных песней, пророк Аввакум, стоя «на божественной страже», «уразумел Божие пришествие» и «возвестил миру» Христово воскресение. Он оставил после себя книгу, состоящую из 3-х глав; здесь излагается пророчество о пленении иудеев и разрушении храма Иерусалимского. В 3-й главе своей книги пророк воспевает могущество и величие Божие. Эта глава очень походит на псалом или молитву; она служит основанием 4-й песни канонов нашей Православной Церкви. Скончался святой пророк Аввакум около 600 года до Рождества Христова. Память его празднуется 2 декабря.

[3] Здесь имеется в виду то обстоятельство, что пророк Аввакум чудесно восхищен был Богом и перенесен через воздух из города Остракины (на границах Аравии, Палестины и Египта) в Вавилон, в ров к пророку Даниилу, и принес ему обед. Подробнее смотри об этом в житии пророка Аввакума 2 декабря.

— О нечестивый игемон! Ты обещал дать мне серебро и золото для того, чтобы довести душу мою до погибели; больше ты ничего и не желаешь, как только доводить до погибели души человеческие! Однако ты не одолеешь меня никакими соблазнами, потому что я предстою пред тобою, облекшись во всеоружие Господа и Бога нашего.

Игемон Арриан сказал своим советникам и слугам:

— Разве я не говорил вам, что Тимофей волхв? Вот он и жену свою очаровал своим волшебством, внушив ей противиться нашему приказанию.

Затем, обратившись к Мавре, игемон сказал ей:

— И ты вместе с Тимофеем избираешь смерть вместо жизни. Подумай немного, и увидишь, что ты лишаешь себя сладкой этой жизни и предаешь себя горьким мучениям. Но, может быть, ты, предвидя смерть своего мужа и свое вдовство, решила умереть вместе с ним? В таком случае не смущайся и не печалься, ибо ты не будешь вдовою: я отдам тебя в замужество за одного из лучших и богатейших сотников[1] моих, чтобы ты насладилась с ним этой жизнью и возвеличилась еще более, так как будешь иметь мужа более благородного, чем первый.

Отвечала на это святая Мавра:

— Я отреклась от всякой суеты мирской; поэтому я не нуждаюсь в твоем сотнике, говорю же тебе по истине, что я обручила себя Жениху небесному, Иисусу Христу, Сыну Божию; уповая на Него, я и предстала пред тебя с мужественным сердцем и нисколько не боюсь твоего неправедного суда.

Разгневанный игемон приказал терзать волоса ее до тех пор, пока все они не были вырваны. Потом сказал святой мученице:

— Вот, уже волосы с головы твоей вырваны; я советую тебе принести жертву богам, чтобы тебе не пришлось испытать многих других, еще более тяжких, мучений.

Святая Мавра отвечала на это:

— Теперь я познаю, о игемон, что Сам Христос принимает меня к Себе и прощает мне грех мой, сделанный по неведению, — именно, что я, послушав твоего злого совета, украсила свои волосы, дабы прельстить моего мужа; и ты хорошо сделал, что вырвал их, потому

[1] *Сотник* — начальник отряда воинов, обыкновенно в сто человек.

что с отнятием у меня волос от меня отнимается великий грех; теперь уже я не буду служить соблазном для окрест стоящих людей, наблюдающих за мною.

Услышав такие слова от святой, игемон весьма разгневался и приказал отсечь ей пальцы на руках и кинуть их в сторону. Святая же Мавра сказала ему:

— И этим ты делаешь мне добро, потому что отнимаешь от меня мои персты, которыми я возлагала на себя суетные украшения; знай же, что ты не понимаешь сам того, что ты делаешь, потому что ты очистил меня через отсечение перстов от второго греха моего. Поэтому я с весельем и радостью предстою тебе, будучи готовой на все муки.

Игемон весьма дивился столь великому терпению святой мученицы. Пресвитер же Пиколпос, отец Тимофея, находясь поблизости от того места, среди народа, наблюдавшего за допросом святых, дивясь подвигу святой Мавры, сказал ей негромко:

— О Мавра, честная дочь моя! Как ты могла вынести отсечение перстов твоих?

Отвечала ему на это святая Мавра:

— Подобно тому, как ты, отец, видел, как в виноградном саду отрезывают от растения ветви, так и я с подобным же чувством смотрела на отсечение перстов моих и потому не чувствовала никакой боли.

После всего этого игемон Арриан приказал двенадцати воинам своим наполнить водою большой котел и, разжегши его, ввергнуть в него святую Мавру. Когда вода в котле закипела и зашумела от огня, в котел была брошена святая Мавра. Но, стоя посреди котла и нисколько не опаляясь, она сказала игемону:

— Снова благодарю тебя за то, что ты приказал меня омыть и очистить от грехов моих, чтобы я с чистым сердцем приступила к Богу моему и восприняла от Него венец жизни вечной. Страдания, которые я принимаю от тебя, даруют мне спасение у Христа и Господа моего. Но ты, кажется, слишком поторопился ввергнуть меня в котел этот, еще не совсем разогретый, потому что вода, находящаяся в нем, очень холодна и я совершенно не ощущаю жара, как и ранее не ощущала прочих мук.

Игемон же, сильно разгневавшись, начал думать, что воины из сострадания к мученице вылили из котла горячую воду и налили вместо нее холодную, чтобы сохранить в живых Мавру для своих плотских вожделений. Тотчас же игемон сошел со своего судилищного места и подошел к котлу, желая узнать, действительно ли холодна вода, находившаяся в котле. Подойдя к котлу, он сказал святой:

— Полей мне на руку немного воды, чтобы я узнал, не холодная ли здесь вода.

Святая отвечала ему:

— Эта вода очень холодна, и я совершенно не ощущаю ее теплоты. Поэтому, если тебе нечем более разжечь котла, пошли одного из слуг своих к отцу моему, и он даст тебе вязанку дров, так как он плотник; этими дровами ты и разожжешь котел.

Сказав это, святая возлила на руку игемона кипящую воду из котла, и тотчас же рука игемона была обожжена, так что и кожа сошла с нее; сам же игемон громко закричал от боли и с удивлением вслух всех произнес:

— Благословен Господь Бог Маврин, и нет Бога, кроме Него, через Которого прославляется ныне Мавра.

Сказав это, он приказал отпустить святую. Однако, прежде нежели святая успела отойти от места мучения, диавол снова вошел в сердце игемона и возбудил его противиться всем тем, кто имел правую веру в Бога и хранил чистую совесть. Подозвав к себе мученицу, он сказал ей:

— Не уповай и не надейся, Мавра, на Христа твоего; принеси лучше жертву богам нашим.

Святая же отвечала ему:

— Я не принесу жертвы идолам, потому что у меня есть Христос, Который защитит меня.

Игемон сказал на это:

— Я уста твои наполню разожженными угольями, если ты не принесешь жертвы богам нашим.

Отвечала святая:

— Ты не понимаешь того, что намереваешься делать по безумию твоему: ты хочешь наполнить уста мои горящими угольями для того, чтобы я очистилась от грехов моих, сделанных языком и устами. Ибо

и Господь мой, когда явил славу Свою пророку Исаии[1] и удостоил его слышать пение ангельское, для того, чтобы очистить его от грехов, послал к нему одного из Серафимов, имевшего в руке уголь горящий, взятый клещами от алтаря; Серафим прикоснулся этим углем ко устам пророческим и сказал: *Это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грехи очищены* (Ис. 6, 7). И если пророк получил прощение грехов своих после прикосновения углем к устам его, то, молю тебя, не только уста мои наполни горящими угольями, но и лицо, и главу мою, а также и все тело мое обложи горящими угольями и сожги его, чтобы я через это сделалась благоуханием Христовым. Бог, очистив некогда грехи пророка, очистит и меня от грехов.

Услышав от святой такие слова, игемон пришел еще в более сильный гнев и приказал принести лампаду, наполненную серою и смолою, для того, чтобы жечь мученицу. Народ же, стоявший поблизости от того места и видевший все, громким голосом начал взывать к игемону, говоря:

— До каких пор ты будешь придумывать все новые и новые мучения для юной отроковицы! Перестань, игемон, гневаться, ибо мы весьма удивляемся терпению ее.

Святая же Мавра, обратившись к народу, сказала:

— Пусть каждый из вас заботится о своих делах: мужчины пусть исполняют свои дела и обязанности, женщины — свои; обо мне же пусть никто из вас не заботится; я не прошу у вас помощи и защиты, потому что у меня есть Защитник — Бог, на Которого я уповаю.

Между тем как святая говорила это, игемон приказал лампадою опалять тело ее. Святая же, взирая на лампаду, сказала игемону:

---

[1] *Исаия* — знаменитейший пророк, живший и действовавший в царстве Иудейском за восемь веков до Рождества Христова при царях: Озии, Иоафаме, Ахазе, Езекии и Манассии. Он всецело отдался своему пророческому призванию, действуя на пророческом поприще в течение шестидесяти лет. По преданию, он потерпел мученическую кончину, быв распилен деревянною пилою по приказанию царя Манассии. Написанная им книга состоит из шестидесяти шести глав и занимает первое место в ряду всех пророческих книг Ветхого Завета. Содержание ее составляют, главным образом, пророчества о судьбе как еврейского, так и других, современных им, народов. Но — что самое важное — здесь содержатся многочисленные мессианские пророчества, которые так точно и наглядно изображали события земной жизни Господа, что пророк Исаия по справедливости получил наименование «ветхозаветного евангелиста». — См. житие его 9 мая.

— Ты думаешь меня устрашить этою лампадою, как будто еще не достаточно испытал меня раннейшими мучениями. Разве ты не погружал меня в большой и страшный котел, сильно кипевший, и однако же не повредивший мне, так как он показался мне наполненным холодною водою? Ты сам был свидетелем того, что в то время, как твои руки пострадали от воды и были обварены ею, — я нисколько не пострадала. Неужели ты думаешь, что я испугаюсь этой небольшой лампады? Если хочешь, игемон, разожги целую печь и брось меня в нее, и ты увидишь силу Христа моего, рабой Которого я состою; я верю, что меня не оставит Бог мой, призвавший меня на подвиг этот через посредство блаженного мужа моего Тимофея. Что же касается до лампады, которой ты опаляешь тело мое, то для меня она кажется как бы росою утреннею, сходящею на землю и способствующею произрастанию деревьев и плодов.

Будучи побежден словами святой мученицы, подтвержденными самым делом и не зная, какие еще придумать муки для святой Мавры, игемон весьма опечалился. Затем он приказал распять на крестах Тимофея и Мавру, обратив их лицом друг к другу.

Когда святые шли на распятие, их встретила мать Мавры и, обняв дочь свою, сказала ей:

— Дочь моя, Мавра! Зачем ты оставляешь мать свою, ищущую тебя? Кто же будет носить украшения твои? Серебро, золото и драгоценные одежды твои кому достанутся, если ты, дочь моя, не останешься в живых?

Святая же Мавра так ответствовала своей матери:

— Золото и серебро погибнут, а одежды поест моль; красота юного лица также со временем исчезнет, венец же, который дарует мне Иисус Христос, будет неувядаемым вовеки.

И не могла мать возразить что-либо святой Мавре. Мученица же, вырвавшись из рук матери, пошла к месту распятия, сказав матери:

— Для чего ты меня отвлекаешь от креста и не даешь мне насладиться венцом от Господа моего, Которому я хочу уподобиться в смерти своей?

Тогда воины распяли святых, обратив их лицом друг к другу. Святые пробыли на кресте девять дней и девять ночей, взаимно увещевая и утешая друг друга. Святой Тимофей поучал свою супругу до

вечера, а святая Мавра увещевала сострадальца до утра. При этом святая Мавра сказала Тимофею:

— Не предадимся сну, чтобы Господь наш, Иисус Христос, придя, не нашел нас спящих и не разгневался на нас. И в дому человека, не спящего ночью, горящая свеча предотвращает приход воров, и, наоборот, при погашенной свече вор легко входит в дом и скрадывает его. Будем же бодрствовать и постоянно молиться, чтобы Господь наш нашел нас терпеливо ожидающими пришествия его; равно как и враг не дерзнет приступить к нам, находящимся на крестах, и не осмелится оскорбить нас.

Спустя некоторое время святая Мавра опять сказала Тимофею:

— Ободрись, брат мой, и отгони от себя сон; бодрствуй и уразумей то, что я видела: мне показалось, что предо мною, находившейся как бы в восторге, был человек, имевший в руке своей чашу, наполненную молоком и медом. Человек этот сказал мне: «Взяв это, выпей». Но я сказала ему: «Кто ты?» Он же ответил: «Я Ангел Божий». Тогда я сказала ему: «Помолимся ко Господу». Потом он сказал мне: «Я пришел к тебе для того, чтобы облегчить твои страдания. Я видел, что ты сильно хотела есть и пить, так как до этого времени ты не вкушала никакой пищи». Снова я сказала ему: «Кто побудил тебя оказать мне эту милость? И какое дело тебе до моего терпения и пощения? Разве ты не знаешь, что Бог силен сотворить и то, что невозможно людям?» Когда я помолилась, то увидала, что человек тот отворачивал лицо свое на запад. Из этого я поняла, что это было обольщение сатанинское; сатана хотел искусить нас и на кресте. Затем вскоре видение то исчезло. Потом подошел другой человек, и мне показалось, что он привел меня к реке, текущей молоком и медом, и сказал мне: «Пей». — Но я отвечала: «Я уже сказала тебе, что не буду пить ни воды, ни какого другого земного питья до тех пор, пока не испию чашу смерти за Христа, Господа моего, которую Он Сам растворит для меня спасением и бессмертием жизни вечной». Когда я говорила это, тот человек пил из реки и вдруг исчез и он сам и река с ним. Также я видела и третьего мужа, прекрасного видом; лицо его сияло как солнце. Взяв меня за руку, он возвел меня на небо и показал мне престол, покрытый белою одеждою, и венец, прекрасный видом. Удивившись такой красоте, я спросила того мужа, который привел меня на небо: «Чье

это, господин?» Он же сказал мне: «Это воздаяние за подвиг твой, это тебе приготовлен и престол, и одежда, и венец». Затем тот же муж возвел меня немного повыше и показал мне другой престол, так же красиво убранный, и одежду белую, и венец. Я снова спросила приведшего меня мужа: «А это чье, господин?» Он же сказал мне: «Это твоего мужа, Тимофея». — Я осмелилась спросить его: «Почему же престолы эти находятся не рядом, а на большом расстоянии друг от друга?» Он же отвечал мне: «Потому что есть большая разница между тобою и мужем твоим. Разве ты не знаешь, что и ты сама приняла на себя подвиг мученический по его же увещанию, и потому он в известной степени виновник венца твоего. Но теперь возвратись в тело твое; утром же, в шестой час, придут Ангелы Божии, чтобы взять ваши души и вознести их на небо. Однако продолжайте бодрствовать, чтобы враг снова не начал бы искушать вас».

Это видение святая Мавра поведала брату своему Тимофею, и утешались они взаимно о Господе.

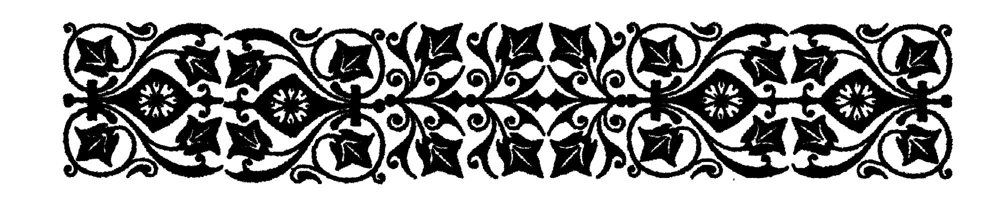
Когда же настал шестой час десятого дня, пришли Ангелы Божии для того, чтобы взять души святых мучеников. При этом святая Мавра, обратившись к народу, смотревшему на ее страдания, сказала громким голосом:

— Братия и сестры! Вспомните, что мы жили по-человечески (по-мирски), когда пребывали среди людей; но потом мы жили по-Божьи, будучи рабами Бога. И вот теперь мы уже скоро воспримем бессмертные венцы от Господа нашего Иисуса Христа. Точно так же и вы, совершая все то, чего требует природа человеческая, старайтесь совершить и то, что угодно Богу; тогда вы получите прощение грехов и приимите венцы от Того же Владыки и Бога нашего.

Когда святая Мавра окончила слова эти, оба святые предали честные души свои в руки Божии[1]. Так заключились страдания их венцом правды от Христа Иисуса, Господа нашего, Которому воссылается слава со Отцом и Святым Духом, вечно. Аминь.

---

[1] Кончина святых мучеников последовала около 286 года. В Константинополе впоследствии торжественно праздновалась память святых мучеников Тимофея и Мавры в построенном в честь их храме близ дворцов Иустиниановых; на основании этого можно предположить, что в этом храме были их мощи или часть мощей.



ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ФЕОДОСИЯ,
игумена Печерского

После преподобного и богоносного отца нашего Антония Печерского[1] великим светильником Русской Церкви и доблестным подвижником славной Киево-Печерской лавры был преподобный и богоносный отец наш Феодосий, прославленный от Бога многочисленными подвигами и чудесами. Для всех желающих познакомиться с житием этого славного мужа, подробные сведения о нем сохранил нам преподобный Нестор, летописец Печерский[2]; как верный небесный свидетель, он предлагает нам достоверные сведения о житии преподобного Феодосия. На основании этого жития с небольшими сокращениями составлено и предлагаемое здесь повествование.

Родиной преподобного и богоносного отца нашего Феодосия был один из городов русской земли — Василев[3]. Благоверные роди-

---

[1] Память преподобного Антония празднуется святой Церковью 10 июля.

[2] *Преподобный Нестор* подвизался в Печерском монастыре еще при жизни преподобного Феодосия. Кроме жития преподобного Феодосия он написал еще житие святых благоверных князей Бориса и Глеба. Помимо того, он оставил нам первоначальную историю нашего отечества, или Летопись, где он излагает по годам историю Русской земли; за этот труд ему усвоено наименование Летописца. Летопись Нестора доведена до 1111 года. Следует заметить, что, по мнению некоторых ученых, Летопись написана не одним Нестором. Весьма вероятно, что в составлении ее принимал участие Сильвестр, игумен Михайловского Выдубицкого монастыря в Киеве (живший в начале XII века). За свои подвижнические труды Нестор причислен святой Церковью к лику святых. Память его празднуется 27 октября.

[3] *Василев* с именем Василькова существует и в настоящее время и представляет собою уездный город Киевской губернии; он находится в тридцати шести верстах к юго-западу от Киева и расположен при реке Стугне, притоке Днепра. — Преподобный Феодосий родился между 1035–1038 годом.

тели с ранних лет воспитывали своего сына в благочестии, когда же он подрос, отдали его учиться грамоте. Скоро Феодосий столь основательно изучил Божественное Писание, что все удивлялись его разуму и мудрости. С отроческих лет Феодосий каждый день ревностно посещал храм Божий и, со вниманием слушая все, что здесь читалось и пелось, всегда до конца выстаивал церковные службы. Уже в эти годы он сторонился своих сверстников и не принимал никакого участия в детских играх.

Когда Феодосию исполнилось тринадцать лет, родители его по какой-то причине должны были переселиться в Курск[1]. Здесь в скором времени, согласно велению Божественного промысла, суждено было умереть его отцу, праведная душа которого переселилась из юдоли земной в обители небесные. Лишившись отца, тринадцатилетний Феодосий жил с матерью, укрепляемый с летами благодатью Божиею. После смерти отца своего земного Феодосий начал еще ревностнее заботиться о снискании себе вечной жизни на небесах: он жаждал богоугодных дел и удалялся от каких бы то ни было мирских удовольствий; перестал одеваться в дорогие одежды и носил только бедное платье. Он всегда имел лишь одно желание — достичь спасения.

Однажды Феодосию случилось встретиться со странниками из Иерусалима. Заинтересовавшись их рассказами и воспылав сильной любовью к святым местам, блаженный юноша упросил их вместе с ним посетить те святые места, где обитал и пролил Свою бесценную кровь ради нашего спасения Спаситель мира. И вот, исполняя свое намерение, Феодосий ночью, тайно от матери, отправляется в далекий путь. Мать же три дня вся в слезах искала его по городу до тех

---

[1] Причиной, побудившей родителей Феодосия переселиться в Курск, было распоряжение князя о перемещении из Василева отца Феодосия на службу в Курск. В Василеве, как и в Курске, отец Феодосия исполнял, вероятно, обязанность княжеского «тиуна», или судьи, мирового посредника (по делам не уголовным).

пор, пока не узнала, куда он пошел. Тогда мать с младшим сыном тотчас отправилась за ним и, догнав его, в сильном гневе стала наносить ему жестокие побои, повергая его на землю и попирая ногами. Затем, приведя его домой, она заперла его в комнате. Все это Феодосий сносил без ропота, даже с благодарностью. Наконец мать сжалилась над ним и, освободив его, со слезами начала упрашивать его не уходить никуда из ее дома. Тогда Феодосий возвратился к своим прежним подвигам и по-прежнему каждый день посещал церковь.

Заметив раз, что в церкви часто не совершалось Божественной литургии по недостатку просфор, Феодосий решил сам приготовлять хлеб, приносимый в жертву Богу. С этой целью Феодосий покупал пшеницу, молол ее своими руками и пек из нее просфоры, которые приносил в дар церкви. Если же ему приходилось получать немного денег от тех, кто подавал просфоры на проскомидию, то Феодосий отдавал их нищим. Такую жизнь вел он года два или немного более, не обращая внимания на препятствия, которые ставил ему в этом деле враг рода человеческого — диавол. По внушению диавола на Феодосия за это негодовали его сверстники, которые старались вооружить против него даже его мать. Мать говорила Феодосию:

— Прошу тебя, дитя, оставь свою работу; ею ты возбуждаешь нарекания на свой род.

Блаженный же отрок со смирением отвечал ей:

— Послушай меня, мать, прошу тебя! Сам Господь Бог наш Иисус Христос смирил Себя ради нас и тем дал пример нам, чтобы и мы смирялись ради Него. Он Сам на Тайной вечери претворил хлеб в Свое тело; за что же можно порицать или упрекать человека, приготовляющего хлеб, на котором должна совершиться эта великая тайна претворения хлеба в тело Христово?

Услышав такой ответ, мать весьма удивилась премудрости отрока и с этого времени оставила его в покое. Однако диавол не переставал возбуждать ее против смиренного и трудолюбивого отрока и внушал ей запретить сыну приготовлять просфоры. По прошествии года мать, увидав Феодосия пекущим просфоры и загоревшим от печного жара, опять начала убеждать его оставить печение просфор. Она действовала на сына иногда ласками, иногда угрозами, а иногда даже и побоями. Блаженный юноша, не зная, что делать, встав но-

чью, тайно вышел из дому. Уйдя отсюда в соседний город, он поселился у пресвитера, где и продолжал свои труды. Мать снова разыскала его и, нанесши ему побои, заставила его опять вернуться в свой город.

Начальник города Курска, заметив смирение и благоговейные молитвы в церкви блаженного Феодосия, подарил ему для ношения светлую одежду. Поносив непродолжительное время новую одежду, Феодосий отдал ее нищим. Начальник города снова одел его в еще лучшую одежду, но и ту отрок отдал нищим. Таким образом Феодосий поступал много раз.

После этого блаженный отправился в кузницу и поручил там кузнецу сковать себе железный пояс в виде цепи. Этот тесный и до крови врезавшийся в тело пояс он надел прямо на тело и с тех пор никогда уже его не снимал.

Раз в праздник начальник города приказал Феодосию присутствовать на его званом обеде, желая, чтобы отрок прислуживал его гостям. Собираясь на обед, отрок, по наставлению матери, должен быть одеться в праздничную одежду. И вот, когда он стал одеваться, мать увидала на его хитоне (нижней одежде) кровь, как ни старался отрок скрыть это от нее. Желая узнать, почему тело отрока было в крови, мать стала внимательнее вглядываться и, заметив на теле юноши железный пояс, убедилась, что кровь текла из ран от врезавшегося в тело железного пояса. Разгневавшись на Феодосия, мать разорвала на нем хитон и с побоями сняла с сына пояс. А блаженный, как будто ничего не испытав обидного, оделся и с великой скромностью прислуживал на обеде начальнику города и его гостям.

Спустя некоторое время Феодосию пришлось услышать в церкви евангельские слова: *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня* (Мф. 10, 37); и еще: *Мать Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его* (Лк. 8, 21). Воспламенившись к подвигам этими словами, Феодосий тайно ушел из дому в город Киев. Здесь он услыхал о строгой иноческой жизни в пещере преподобного Антония и, заинтересовавшись рассказами о нем, восхотел посетить преподобного старца. Придя в пещеру к Антонию, Феодосий пал на колени пред ним и со слезами начал упрашивать принять его к себе для иноческих подвигов. Преподобный же Антоний, выслушав его, так отвечал ему:

— Отрок, ты видишь, как мрачна и тесна эта пещера; ты не вынесешь здешних неудобств.

На это боговдохновенный юноша с умилением отвечал:

— Бог меня привел в твою святую пещеру, ясно предуказывая, что мне дóлжно спастись через тебя. Я буду исполнять все, что ты мне ни прикажешь.

Тогда преподобный Антониий с любовью принял его к себе и, благословив, отдал на попечение образованному священнику, блаженному Никону[1], который скоро и постриг юношу в иночество. Пострижение Феодосий принял двадцати трех лет от роду вскоре же после смерти благоверного князя Киевского Ярослава Владимировича[2].

Приняв святой иноческий чин, преподобный Феодосий всего себя отдал на служение Богу и усердно исполнял волю своего старца Антония. Он ревностно исполнял великие иноческие труды, как подвижник, восприявший иго Христово. Превозмогая дремоту, целые ночи он бодрствовал, славословя Бога; днем же, удручая плоть свою воздержанием и постом, исполнял разные тяжелые работы. Такое благонравие, смирение, бодрость и трудолюбие юноши вызывали удивление даже в преподобном Антонии и блаженном Никоне; видя праведную жизнь Феодосия, оба они прославляли за это Бога.

Между тем мать Феодосия, тщетно поискав сына в своем городе и в его окрестностях, оплакивала уже его как умершего. Только потом, спустя уже много времени, узнала она о пострижении своего сына в Киеве у преподобного Антония в пещере. Тогда она пошла к старцу и просила его выйти из пещеры к ней. Когда старец, наконец, вышел к ней, она в слезах обратилась к нему с усердной просьбой показать ей сына. Узнав от старца о просьбе матери, юноша сильно смутился тем, что никак не мог скрыться от нее; однако, вняв увещаниям Антония, вышел из пещеры к матери. Увидев сына иноком с лицом, похудевшим от великих подвигов и трудов, мать пала к нему на грудь и, горько плача, говорила ему:

— Возвратись ко мне в дом, сын мой, и делай по своей воле все, что считаешь полезным для спасения души твоей. Когда же я умру,

---

[1] См. житие его 23 марта.

[2] Это было в 1055–1056 годах. *Ярослав I Владимирович* княжил с 1019-го по 1054 год.

то предай мое тело земле и тогда возвратись в эту пещеру. Без тебя же жить я не могу.

Блаженный юноша отвечал ей:

— Останься, мать, здесь, в Киеве, и постригись в женском монастыре, и тогда ты получишь возможность иногда приходить ко мне для свидания. Этим ты стяжешь себе спасение и сподобишься лицезреть Бога в вечной жизни.

Но мать не хотела и слушать сына. Тогда блаженный, возвратясь в пещеру, начал усердно молиться Богу о спасении души своей матери. И Бог услышал молитву Своего угодника. Через несколько дней мать, придя к нему, сказала:

— Сын мой, я поступаю по твоему совету и не возвращусь уже более домой. Постригшись по воле Божией, проведу остаток дней в женском монастыре, потому что я убедилась, как ты мне сказал, что маловременный мир этот — ничто.

Узнав об этом, блаженный возрадовался душою и рассказал о намерении матери своей преподобному Антонию. Последний прославил Бога за обращение сердца его матери на путь истины и, выйдя из пещеры, долго поучал ее душеспасительными беседами; а затем он направил ее в женский монастырь святого Николая, где она и приняла пострижение. Прожив здесь благочестно несколько лет, мать Феодосия в мире отошла к Богу.

Окончательно отрекшись от всяких мирских забот после пострижения матери, блаженный Феодосий вместе с преподобным Антонием и блаженным Никоном еще ревностнее стал подвизаться в трудах иноческих. В сообществе старцев Феодосий скоро проявил свою силу побеждать злых духов, воздействуя на них постом и молитвой. В этом помогал им Сам Бог, который сказал: *где двое или трое собраны во имя Мое, то и Я посреди них* (Мф. 18, 20).

Когда блаженному Никону нужно было уйти из монастыря для более усиленного подвига в другое место, блаженный Феодосий по воле Божией и по желанию преподобного Антония был посвящен в иереи[1]. Приняв этот сан, он старался ежедневно с великим благоговением совершать Божественную литургию. Вскоре после посвящения Феодосия, преподобный Антоний, собрав в пещере двенадцать

[1] Это было в 1056–1057 годах.

иноков из братии, поставил им в игумены блаженного Варлаама[1], а сам ушел оттуда и стал подвизаться в другой, выкопанной им самим, пещере. Тогда почтенный иерейским саном, благоговейный отец наш Феодосий, оставшийся в Антониевой пещере вместе с блаженным игуменом Варлаамом, сообща поставили над пещерою небольшую церковь в честь Пресвятой Богородицы, предназначив ее для общей братской молитвы.

Святой Феодосий превосходил тогда всех своими великими подвигами: постом, бодростью, ручной работой, а более всего смирением и послушанием. Он помогал братии, иногда нося воду, иногда доставляя из лесу дрова, иногда же исполнял по ночам назначенную другим инокам работу; и притом, он всегда бодрствовал целыми ночами, стоя на молитве. Иногда ночью летом он восходил на верх пещеры и, обнажив до пояса свое тело, предавал его жалу многочисленных оводов и комаров. В это время руками своими он прял волну, а устами воспевал стихи из Псалтыри. Вследствие многочисленных ужалений и поранений насекомых, все тело его обагрялось кровью, но он недвижимо сидел, не трогаясь с места до тех пор, пока не ударяли к утрени. В церковь он опять приходил первым и, став на своем месте, неотступно совершал церковные молитвы, не развлекаясь суетными мыслями. И из церкви выходил он после всех. Видя все это, все дивились его смирению и терпению и относились к нему с любовью, как к отцу.

Спустя некоторое время блаженный Варлаам, начальник братьев пещерников, был назначен князем Изяславом[2] игуменом в монастырь святого великомученика Димитрия. Тогда по желанию и просьбе всех братий преподобный Антоний, призвав к себе святого Феодосия, благословил его на игуменство над двенадцатью братьями, находившимися тогда в Печерской обители. Достохвальный же этот игумен, преподобный отец наш Феодосий, и в этом высоком сане не изменил своего смиренного образа жизни и по-прежнему строго следил за своими поступками, показывая *в себе образец добрых дел* (Тит. 2, 7); раньше всех исполнял работы, приходил раньше других в церковь на богослужение и позже всех уходил оттуда. Бо-

---

[1] См. житие его 19 ноября.

[2] *Изяслав I Ярославич* княжил с 1054-го по 1073 год, затем вторично с 1076-го по 1078 год.

гоугодными молитвами этого праведника стала цвести и богатеть с того времени Печерская обитель. Так исполнилось сказанное в Божественном Писании: *праведники цветут, как пальма, возвышаются, подобно кедру на Ливане* (Пс. 91, 13). И действительно, подобно тому как семя благодатию Божиею в доброй почве приносит плод во сто крат, так и святой Феодосий увеличил число братьев-пещерников. Мало-помалу он собрал в свою обитель человек сто братии, жизнь которых цвела добрыми нравами; многие из братии приносили *плоды, достойные покаяния* (ср.: Мф. 3, 8).

По причине значительного увеличения числа братии пещера оказалась тесною, что мешало инокам в строгости провождать безмолвную жизнь; также и церковь оказалась слишком тесною для общей молитвы. Вследствие этого, преподобный Феодосий избрал одно красивое место, находившееся невдалеке от пещеры, достаточно обширное для возведения на нем монастырских стен, и вознамерился построить здесь обитель. С благословения преподобного Антония, он испросил это место у христолюбивого князя Изяслава и затем при помощи Божией вскоре соорудил на нем просторную деревянную церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы. Затем он возвел там монастырские стены и, построив достаточное число келий, переселился с братиею в новую обитель.

Раз эту обитель посетил блаженный Ефрем[1]; от него-то и привел Бог Феодосия познакомиться подробно со Студийским уставом монашеского жития[2]. Получив от Ефрема полный список устава святой Студийской обители, Феодосий стал во всем ему следовать и в делах своей обители. А впоследствии этот устав приняли и все остальные русские монастыри, следуя примеру древнейшего Печерского монастыря.

---

[1] См. житие его 28 января.

[2] *Святой Ефрем* путешествовал в Константинополь, где и списал устав Студийского монастыря. Этот устав был составлен преподобным Феодором Студитом, игуменом Студийского монастыря в Константинополе, в начале IX века. В конце IX века он был введен в руководство Русской Церковью и держался в ней до половины XIV века, когда начинает уступать иерусалимскому (этот устав введен преподобным Саввою Освященным в палестинских монастырях в VI веке. — Память святого Саввы празднуется 5 декабря). В основу Студийского устава преподобный Феодор положил общежительные правила монастырского жития святого Василия Великого. Память святого Ефрема совершается Церковью 28 января.

Преподобный Феодосий усердно поучал учеников своих, возбуждая их к истинному покаянию. Сей преподобный учитель имел обычай каждую ночь обходить келии братии; таким путем он знакомился с образом жизни братии и узнавал степень усердия в подвигах каждого брата. Он радовался и славил Бога, когда, обходя келии, слышал молитву инока; когда же приходилось ему услыхать после вечерней молитвы разговор двух или трех сошедшихся в келию для беседы иноков, то Феодосий, давая знать о своем присутствии, ударял рукой в двери и с сокрушенным сердцем отходил прочь. На следующий день он призывал к себе провинившихся и, не обличая прямо, притчами вызывал их на раскаяние. Кроткий сердцем брат тотчас, сознав свою вину, просил прощения, а ожесточенный, думая, что игумен говорит в притчах о постороннем лице, а не о нем самом, не сознавался в своем поступке до тех пор, пока преподобный, прямо не обличив его, не налагал на виновного эпитимию. Так Феодосий учил братию прилежно молиться Богу, не разговаривать после вечерней молитвы и тем более не ходить из кельи в келью для беседы; он учил молиться каждому в своей келье, а при исполнении ручной работы всегда читать вслух псалмы Давида. Во время его жизни иноки, казалось, были равны подвигами своими Ангелам Божиим, а монастырь Печерский уподоблялся как бы обители небесной. Действительно, в своей обители преподобный отец наш Феодосий просиял светом добрых дел, как великий светильник небесный. За свою праведную жизнь Феодосий еще при жизни своей был прославлен Богом перед людьми, будучи осияваем видимым светом. Это случилось при следующих обстоятельствах.

Раз в темную ночь игумен монастыря святого архистратига Михаила, Софроний, возвращался к себе мимо Феодосиевой обители. Вдруг предстал глазам его необычайный свет, сиявший над монастырем праведника. Пораженный необыкновенным явлением, Софроний прославил Бога, говоря: «Сколь велико милосердие Твое, Господи! Ты дал людям в этом месте светильник, в лице Феодосия, и он своим сиянием просвещает монастырь».

Подобные явления наблюдались много раз и другими людьми, а так как народ говорил много об этом, то слух о том дошел и до князя и его бояр. Сияния эти были отражением света праведной жизни святого старца. Так все объясняли себе это явление.

Блаженный Феодосий пользовался большой любовью и христолюбивого князя Изяслава, занявшего княжеский престол в Киеве после своего отца Ярослава. Изяслав часто приходил к преподобному насладиться его боговдохновенной беседой. Надо заметить, что преподобный отец наш Феодосий отдал своему привратнику строгий наказ: в промежуток времени между обедней и вечерней не отворять ворот и никого не впускать в монастырь. Этим он хотел дать возможность братии отдохнуть днем перед продолжительными ночными молитвами и утренним песнопением. Однажды в эти часы приехал верхом христолюбивый князь Изяслав в сопровождении отрока (до этого времени князь никогда не ездил в монастырь верхом). Сойдя с коня, Изяслав подошел к воротам и постучал, приказывая привратнику отворить их. Привратник объяснил ему, что по приказанию игумена нельзя ни для кого отворять ворот до вечерни. Тогда князь, желая объяснить привратнику, кто он, сказал:

— Это — я, отвори одному мне.

Привратник же, не зная, что с ним говорит князь, отвечал:

— Говорю тебе: игумен никому не велел отворять ворот, даже самому князю, если бы он пришел. Поэтому, если хочешь, подожди немного до вечерни.

— Я — князь, — сказал Изяслав, — неужели ты не отворишь мне?

Вратарь, нагнувшись под ворота, уверился, что это князь, но ворот все-таки не отворил, а пошел известить об этом преподобного. Князь же вынужден был терпеливо дожидаться у ворот. Потом вышел преподобный и, увидя князя, поклонился ему. Тогда князь стал говорить святому Феодосию:

— Как строг, отец, твой приказ: инок говорит, что ты не велел впускать даже самого князя.

Преподобный отвечал:

— Это для того, благий владыко, чтобы братия немного отдохнули в полдень пред наступающим ночным молитвенным трудом. Но твое похвальное стремление к Пресвятой Владычице нашей Богородице благо и спасительно для твоей души; и мы весьма радуемся твоему приходу к нам.

Тогда они пошли в церковь; здесь после молитвы, прочтенной преподобным, христолюбивый князь насладился душеполезной беседой со святым Феодосием. Затем князь с большой пользой для

себя возвратился к себе домой, славя Бога. С этого дня Изяслав еще больше привязался к святому и, видя в нем человека, подобного древним святым отцам, стал во всем руководствоваться его советами.

Несмотря на почтение, оказываемое ему князем и вельможами, преподобный отец наш Феодосий нисколько не возгордился этим, но поистине, как светило ярко сияет во тьме, так и он, облекшись еще в большее смирение, стал еще более трудиться, уча своих учеников не только словами, но и делом. Невзирая на свой игуменский сан, святой Феодосий часто заходил в хлебопекарню и работал там вместе с пекарями, меся тесто и выкатывая хлебы. Преподобный не скрывал в землю данный ему от Бога талант крепости телесной, но всегда веселясь духом, своею бодростью подкреплял и других, убеждая никогда не ослабевать в усердии к своему делу.

Однажды, накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы, келарь Феодор пришел к преподобному и сказал, что в поварне не хватило воды, а носить ее некому. Тогда преподобный, встав, тотчас же сам принялся носить воду из колодца. Один из братии, увидав игумена за этим занятием, поспешил рассказать об этом прочим инокам, а те с большой поспешностью собрались и наносили воды с избытком.

Был и другой подобный случай. Раз не приготовили в достаточном количестве дров для варки пищи; келарь опять явился к преподобному и сказал:

— Прикажи, отче, кому-нибудь, незанятому из братии, пойти приготовить необходимое количество дров.

— Я не занят, я и пойду, — отвечал преподобный.

Этот разговор происходил в обеденный час. Блаженный, взяв топор, пошел и начал сам рубить дрова, а прочей братии велел идти обедать. Выйдя из трапезной после обеда, иноки увидали своего игумена за работой. Устыженные его смирением монахи сами взялись за топоры и приготовили столько дров, что хватило их на несколько дней.

Когда в Печерский монастырь возвратился из своего подвижнического путешествия постригший преподобного блаженный Никон[1],

[1] Преподобный Никон удалялся на юг России, в Тмутаракань.

то преподобный Феодосий оказывал ему всякое почтение как отцу, несмотря на то, что сам тогда был в сане игумена. И когда у блаженного Никона случался недостаток в нитках для сшивания книг (он занимался этим), Феодосий прял ему нитки. Таковы были смирение и простота в разнообразных трудах и занятиях боговдохновенного мужа. И одежду игумен носил скромную и бедную: на теле жесткую власяницу, а поверх другую, очень поношенную; эту он надевал, чтобы не показывать людям нижней колючей власяницы.

Однажды преподобный отправился по какому-то делу к христолюбивому князю Изяславу, а так как последний находился в это время далеко от города, то Феодосию пришлось промедлить там до вечера. Когда он стал собираться домой, христолюбивый князь велел отвести его в монастырь на своей колеснице. На пути везший его отрок, видя на преподобном плохую одежду и думая, что это не игумен, а простой инок, сказал ему:

— Чернец, сядь на коня, а я сяду на колесницу.

Преподобный тотчас же смиренно сошел с колесницы, уступив место на ней отроку, а сам или шел подле, или, когда уставал, садился на коня верхом. Так ехали они ночью. При рассвете начали попадаться им навстречу вельможи, ехавшие к князю. Последние, узнав преподобного, сходили с коней и низко кланялись ему. Тогда преподобный обратился к отроку и сказал:

— Вот, уже день, встань с колесницы и сядь на своего коня.

Отрок же, увидев, что преподобному кланяются вельможи, испугался и, сойдя с колесницы, сел на коня. Между тем, встречные еще чаще стали приветствовать преподобного, когда он сел в колесницу. Сопутствовавший же ему отрок еще более приходил оттого в смущение.

Когда они приехали таким образом к монастырю, навстречу преподобному вышли вся братия и приветствовали его земным поклоном. Отрок пришел в еще больший ужас, недоумевая, кто это, которому все поклоняются. Преподобный же, взяв его за руку, повел в трапезную и там велел накормить и напоить его, затем отпустил его с подарками. Этот случай стал всем известен от самого отрока, преподобный же никому об этом не рассказывал, так как всегда учил братию ни в чем никогда не возноситься, но всегда пребывать во смирении и ставить себя ниже всех.

Вот такому-то смирению учил преподобный свою братию. Между прочим, он учил при начале всякого дела испрашивать благословение у старшего, памятуя слова Писания: *се́яй о благословении, о благословении и пожнет* (слав.: 2 Кор. 9, 6). Справедливость этого изречения он показал на деле. У него был обычай: когда приходили к нему по своей нужде благочестивые люди, преподобный, преподав Божественное наставление, отпускал им из монастырских запасов хлеб и горячую пищу. Однажды сам князь, попробовав у него монастырского кушанья, сказал преподобному:

— Ты знаешь, отче, что мой дом наполнен всеми благами мира, но я никогда не ел с такой сладостью, как здесь. Мои рабы, хотя и приготовляют различные дорогие кушанья, но они не так сладки, как эти. Молю тебя, отче, скажи мне, почему такая сладость в вашей пище?

Блаженный же Феодосий отвечал на это:

— Если, благий владыко, ты хочешь знать, почему это, послушай — я тебе скажу: когда наша братия собирается варить горячую пищу или печь хлебы, она соблюдает такой порядок: прежде всего приходит инок к игумену и берет у него благословение, потом, поклонившись перед святым алтарем три раза до земли, зажигает свечу от алтаря и этим огнем разжигает дрова в поварне и хлебне. А когда нужно вливать воду в котел, инок говорит старейшему: «Благослови, отче». Последний же отвечает: «Бог благословит тебя, брат». Всякое дело таким образом начинается у нас с благословения, поэтому и сладость бывает в кушаньях. А твои рабы, я думаю, работают, бранясь, ропща и клевеща друг на друга, может быть, даже часто принимая побои от своих начальников. Поэтому и дело их, не без греха совершаемое, бывает не в сладость.

Выслушав это, князь сказал:

— Поистине, отче, это так, как ты говоришь.

Когда преподобному случалось услышать о каком-нибудь кушанье, что оно совершается не с благословения старшего и вопреки иноческим правилам, то, называя это кушанье вражеским, он не позволял, чтобы благословенное его стадо вкусило его; приготовленную же таким образом пищу приказывал бросать в воду или в огонь. Так случилось и тогда, когда преподобный с братиею отправлялся на праздник святого великомученика Димитрия в соседний

монастырь имени этого святого. В этот день какими-то благочестивыми людьми были присланы в монастырь очень вкусные хлебы. Феодосий велел келарю подать их в тот же день к трапезе оставшейся братии. Но келарь не послушал его приказания, думая про себя: «Вот когда все братия соберутся завтра, тогда и подам к обеду эти хлебы, а сегодня оставшиеся иноки пусть едят обыкновенный монастырский хлеб».

Так он и поступил. На следующий день к обеду возвратился в монастырь игумен с братиею. Во время трапезы преподобный, заметив, что поданы именно присланные в дар хлебы, позвал келаря и спросил его:

— Откуда эти хлебы?

Келарь отвечал:

— Хлебы эти принесены еще вчера, но я не подал их в тот день потому, что на обеде присутствовало мало братии; я думал, что лучше предложить вкусные хлебы всей братии, когда они соберутся вместе.

Преподобный же сказал ему:

— Лучше бы было тебе не заботиться о наступающем дне, а делать по моему приказанию. Ведь Господь, всегда о нас пекущийся, и сегодня подал бы нам все, что необходимо, и даже более того.

Затем он велел собрать нарезанные ломти хлеба в корзину и кинуть их в реку, а на келаря, как на ослушавшегося его приказания, наложил эпитимию. Так он поступал и с другими иноками, когда они в чем-нибудь ослушивались старших.

Замечая, что иноки не совсем оставляют заботу о завтрашнем дне и приобретении временных благ (а это противоречило монашеским обетам), преподобный Феодосий учил свою братию следовать добродетели нестяжания. Он говорил, что иноки должны обогащаться верою и надеждою на Бога, а не искать тленного имущества. Он часто обходил кельи и, если находил у кого лишнее, не положенное по уставу, было ли то пища, одежда или еще что другое, он брал это и бросал в печь, как исходящее от диавола и противное уставу монастырскому. Преподобный так увещевал братию к добродетели нестяжания:

— Нехорошо нам, инокам, отказавшимся от всего мирского, собирать в кельях суетные вещи. Как мы будем приносить Богу чи-

стую молитву, когда храним в своей келье сокровище тленное! Ведь вы слышали слова Господа: *Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше* (Мф. 6, 21). И еще: *Безумный! В эту ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?* (Лк. 12, 20). Поэтому, братия, — говорил он, — будем довольны установленной одеждой и пищей, предлагаемой на трапезе, а в кельях не подобает нам иметь ничего подобного. Итак, со всяким усердием от всего сердца будем возносить к Богу чистую молитву.

Так увещевал братию святой Феодосий с великим смирением и слезами.

Преподобный был милосерд, кроток, не вспыльчив и всем оказывал внимание. Так, когда случалось, что кто-нибудь из нестяжательного его стада ослабевал духом и уходил из монастыря, тогда преподобный в великой печали и скорби об ушедшем молился со слезами Богу, чтобы Он возвратил назад отлучившуюся от его стада овцу. Так он молился до тех пор, пока ушедший не возвращался.

В числе его братии был один инок, отличавшийся большим непостоянством. Он часто убегал из монастыря, и всякий раз, когда он возвращался, преподобный с радостью принимал его назад, говоря, что Бог не оставит его и не допустит скончать ему жизнь его вне монастыря: «Хотя он и многократно уходит от нас, — говорил преподобный, — но все-таки окончит жизнь в нашем монастыре».

И со слезами молил Бога ниспослать брату терпение.

Однажды этот брат пропадал особенно долго, но все-таки возвратился и по обыкновению стал просить преподобного снова принять его. Поистине милостивый Феодосий и теперь принял его с радостью и присоединил к своему стаду возвратившуюся заблудшую овцу. Возвратившись после продолжительной отлучки, брат тот принес и положил перед преподобным небольшую сумму денег, заработанную им своими руками (он занимался шитьем одежды). Тогда преподобный сказал ему:

— Если хочешь быть совершенным, возьми это и брось в горящую печь, потому что принесенное тобой есть дело ослушания.

Он же, как истинно кающийся, собрал все и, по повелению преподобного, бросил в печь и сжег. С этого времени брат, не отлучаясь, жил в монастыре, проводя остаток дней своих в покаянии, и здесь, по предсказанию преподобного, с миром скончался.

Преподобный Феодосий был очень милосерд к бедным. Он построил близ монастыря двор с церковью во имя святого первомученика Стефана и там поселил нищих, слепых, хромых и прокаженных, а все необходимое для них отпускал из монастыря. На это употреблялась десятая часть монастырского дохода. Кроме этого, преподобный каждую субботу посылал воз хлеба заключенным в темницах и тюрьмах.

Преподобный отец наш Феодосий был милосерд не только к бедным, но даже и к наносящим вред его монастырю. Так, однажды, в окрестностях монастыря поймали разбойников, пришедших туда для кражи, и привели их к игумену. Видя их связанными и в угнетенном состоянии духа, преподобный прослезился и велел развязать их. Накормив и напоив их, он поучал их не делать никому обиды, но быть довольным каждому плодами своих трудов. Затем, дав им достаточно денег, он отпустил покаявшихся разбойников с миром.

Преподобный Феодосий твердо надеялся, что Сам Господь сохранит от грабителей все, что нужно братии. Что упование это было не напрасно, это подтвердилось следующим чудом.

С увеличением числа братии, преподобному отцу нашему Феодосию понадобилось расширить монастырь, так как необходимо было строить новые келии. Вместе с братией преподобный приступил к работам и начал возводить больших размеров ограду. И вот, когда сломали старую ограду и монастырь остался без ее защиты, в темную ночь пришли к монастырю разбойники и начали так рассуждать между собой: «В церковных палатах скрыто у иноков имущество; пойдем туда».

Но когда разбойники приблизились с этой целью к церкви, они услыхали пение. Предполагая, что это поют иноки, собравшиеся на вечернюю молитву, разбойники ушли оттуда в густой лес. Немного помедлив там, они опять подошли к храму. На этот раз также было слышно пение и был виден чудесный свет внутри, от церкви же распространялось благоухание. Это происходило оттого, что в церкви находились Ангелы, славословившие Бога. Разбойники же, предположив, что это братия совершают теперь полуночное пение, опять удалились. Они решили еще подождать, чтобы, когда разойдутся иноки, войти в церковь и похитить все, находящееся в ней. Таким

образом они многократно подходили к церкви и всякий раз слышали тоже пение Ангелов.

Между тем наступило время утрени и пономарь по обыкновению начал ударять в колокол. Услыша звон, разбойники удалились в лес, разговаривая между собой: «Что нам делать? Ведь в церкви мы видели, должно быть, привидение. Поступим так: когда монахи соберутся в церковь, мы преградим выход им и, убив их всех, завладеем их богатствами».

Дождавшись, когда все иноки со своим наставником, блаженным Феодосием, собрались в церковь на утреннюю молитву, разбойники устремились к церкви. Они уже приближались с преступной целью к храму, как вдруг были поражены страшным чудом: церковь с находящимися в ней иноками стала подыматься и остановилась в воздухе на такой высоте, что разбойники не могли достать ее даже выстрелом. Они сильно испугались, увидав это, и в великом страхе и ужасе возвратились домой. Пораженные чудом, разбойники дали себе обещание с этого времени более не грабить, а начальник их с тремя товарищами, придя к преподобному Феодосию, покаялся и исповедал ему все свои преступления. Выслушав его, преподобный прославил Бога, сохранившего не только церковное имущество, но и жизнь братии. Отпущенные же со спасительными наставлениями игумена разбойники удалились, славя и благодаря Бога и Его угодника Феодосия.

Подобное чудо во время игуменства преподобного Феодосия имело место вторично в той же монастырской церкви. Поистине эта церковь охранялась с неба Самим Богом, как незримо стоящая на воздухе под покровом Самой Пресвятой Богородицы.

Одному из бояр христолюбивого князя Изяслава случилось раз ночью проезжать через поле, отстоящее поприщ на пятнадцать от монастыря преподобного Феодосия. Вдруг он увидел вдалеке церковь, стоящую на воздухе под облаками. От такого видения боярин пришел в великий ужас, однако с слугами своими тотчас же ускорил бег лошади, чтобы узнать, что это была за церковь. Когда же он приблизился к монастырю преподобного Феодосия, то церковь в его глазах начала спускаться на землю и оказалась в монастырской ограде на своем месте. Тогда боярин постучал в ворота и, войдя в монастырь, рассказал о своем видении преподобному. С этого вре-

мени боярин стал часто посещать преподобного и с наслаждением слушал его боговдохновенные речи. Впоследствии этот боярин уделил много своих средств на устроение монастыря и на украшение хранимой Богом церкви.

Как будет видно из следующего случая, Господь чудесно хранил не только самую церковь, но и имущество, принадлежавшее монастырю преподобного Феодосия.

Случилось раз, что нужно было некоторым людям доставить в город к судье пойманных грабителей. Дорога шла мимо одного поселка, принадлежавшего Печерскому монастырю. Когда связанных разбойников проводили мимо этого села, то один из них, кивнув головой на село, сказал: «Однажды ночью мы приходили к этому селу, намереваясь убить людей и ограбить весь монастырь. Однако нам это не удалось, потому что, когда мы пришли, селение оказалось стоящим на такой высоте, что к нему совершенно нельзя было подойти».

Так Промыслитель Бог охранял имущество монастыря, внимая молитвам уповавшего на Него преподобного. Феодосий имел обыкновение обходить по ночам монастырь с молитвой и ею, как крепкой стеной, ограждал обитель со всем, находящимся в ней.

Во время игуменства преподобного Феодосия Бог и Пресвятая Богородица не только охраняли от грабителей монастырь, но и помогали свыше украшению его. Один боярин упомянутого князя Изяслава, по имени Судислав Геуевич, в святом крещении — Климент, отправляясь с своим князем на войну, дал такое обещание: «Если Бог сподобит меня в добром здоровье возвратиться домой, то я пожертвую в церковь Феодосиева-Печерского монастыря две гривны[1] золота, а для иконы Пресвятой Богородицы изготовлю золотой венец».

Много народа пало в этой битве, но все-таки враги были побеждены. Боярин, возвратившись невредимым с поля битвы, забыл о своем обещании.

---

[1] *Гривна* (от санскрит. — шея) — собственно ожерелье, цепочка, обыкновенно золотая, носившаяся на шее в качестве украшения. Обычай носить гривну на шее привился у нас на Руси от татар. Впоследствии наименование гривны стало усвояться слитку золота, определенной величины (от семидесяти двух до девяноста шести золотн.), обращавшемуся в качестве монеты.

Несколько дней спустя он спокойно спал в послеобеденный час в своем доме, как вдруг его разбудил страшный голос, называвший его по имени:

— Климент!

Пробудившись, он увидел перед собою икону Пресвятой Богородицы, которая находилась в монастыре преподобного Феодосия, и услыхал исходящий от нее голос:

— Почему, Климент, ты не пожертвовал Мне того, что обещал; вот Я и напоминаю теперь тебе об этом; постарайся исполнить свое обещание.

Как только голос произнес эти слова, икона тотчас исчезла из глаз боярина. Боярин страшно испугался видения и приготовил, сколько обещался, золота, а также, сделав золотой венец для украшения иконы Пресвятой Богородицы, немедленно же пошел в монастырь и отдал все это преподобному Феодосию.

Спустя некоторое время боярин пожелал пожертвовать в тот же монастырь Евангелие. С этим намерением он пришел к преподобному, имея под своей одеждой приготовленное для пожертвования святое Евангелие. Помолившись, они хотели сесть, но так как боярин все еще не показывал Евангелия, то преподобный сказал:

— Брат Климент, вынь сначала обещанное Пресвятой Богородице святое Евангелие, которое ты скрываешь под своей одеждой, и тогда сядем.

Услышав это, боярин ужаснулся прозорливости преподобного, так как он был убежден, что об Евангелии, которое он принес, никому ничего не было известно. Тотчас же, вынув из-под одежды святое Евангелие, боярин отдал его преподобному. После этого они сели, и боярин, насладившись духовной беседой с Феодосием, возвратился домой.

Господь многими чудесами Своими доказал, что надежда и упование на Бога преподобного Феодосия были не напрасны. Особенно заметно обнаруживалась Божественная помощь Печерскому монастырю тогда, когда в монастыре ощущался недостаток в чем-нибудь. В своей келье преподобный жил вместе с иноком Иларионом; обыкновенно святой Феодосий, тихо произнося стихи Псалтыри, прял волну или делал еще что-нибудь, а Иларион день и ночь писал книги. Вот этот-то инок и рассказал потом о следующем случае.

Раз вечером, когда они, по обыкновению, занимались каждый своим делом, вошел в келью эконом, по имени Анастасий, и сказал преподобному:

— Завтра у нас не на что купить съестных припасов для братии и у нас нет денег для удовлетворения других потреб монастырских.

Преподобный же отвечал:

— Сейчас, как видишь, вечер, а завтрашний день еще далек. Поэтому иди и с терпением жди. Молись Богу: Он позаботится о наших нуждах и помилует нас, если на то будет Его воля.

Выслушав это, эконом ушел. Преподобный же тотчас встал и отправился во внутреннюю келью петь, по обыкновению, свое правило. Возвратившись после молитвы, он сел и продолжал свое дело. В келью опять вошел эконом и стал говорить о том же. Тогда преподобный сказал ему:

— Не сказал ли я тебе, — молись Богу? Завтра иди в город и возьми необходимое для братии у торговцев взаймы, а потом, когда Бог поможет, отдадим долг. Иисус Христос истинно сказал: *Не заботьтесь о завтрашнем дне* (Мф. 6, 34): Бог не оставит нас Своею благодатию.

Лишь только удалился эконом, как в келью вошел сияющий светом отрок в воинской одежде. Поклонившись, он положил на стол близ преподобного гривну золота и, ничего не сказав, вышел вон. Преподобный же встал и, взяв золото, со слезами благодарности помолился Богу.

Наутро преподобный позвал привратника и спросил, не приходил ли кто в прошедшую ночь в монастырь. Привратник же отвечал:

— Нет, как только зашло солнце, я тотчас же затворил ворота и с того времени не отворял их, потому что никто не приходил в монастырь.

Тогда преподобный призвал эконома и, отдавая ему гривну золота, сказал:

— Как же ты говоришь, брат Анастасий, что нам не на что купить необходимое для братии, — вот, бери золото и иди покупать то, что нужно.

Эконом же, поняв, что это послано по милости Божией, поклонился святому в ноги, прося прощения. А преподобный поучал его по этому случаю так:

— Брат, никогда не впадай в отчаяние, но всегда укрепляйся верою в Бога и во всякой печали надейся на помощь Господа, ибо Он позаботится о нас, если будет на то Его воля. Итак, приготовь праздничное угощение для братии, потому что это есть Божие посещение. Когда обеднеем, Бог тогда позаботится о нас, как было и сегодня.

Подобным же образом пришел однажды к преподобному келарь, именем Феодор, и сказал:

— У меня нет ничего съестного, что я мог бы предложить братии к обеду.

Преподобный же, как и в тот раз, отвечал:

— Иди, потерпи немного и молись Богу; Он позаботится о нас; а если мы не будем достойны Его милости, то подай к обеду вареную пшеницу с медом. Но мы должны надеяться, что Господь, в пустыне пославший хлебы непокорным людям (см.: Исх. 16, 15), может и нам подать пищу.

Выслушав это, келарь удалился, а преподобный стал усердно молиться Богу. И вот, по тайному внушению Божию, первый боярин князя Изяслава, по имени Иоанн, прислал преподобному в монастырь три полных воза со съестными припасами: хлебом, рыбой, овощами, пшеном и медом. Получив все это, преподобный прославил Бога, а келарю сказал:

— Видишь, брат Феодор, Бог не оставит нас, если только мы будем надеяться на Него всем сердцем. Итак, иди и приготовь угощение братии, так как это посещение Божие.

Так радовался духовно преподобный с братиею во время трапезы и благодарил Бога, за то, что *нет скудости у боящихся Его* (Пс. 33, 10). Подобные чудеса Бог часто творил в Печерской обители по молитве преподобного.

Однажды пришел из города к преподобному священник с просьбой одолжить вина для совершения Божественной литургии. Тотчас же святой Феодосий призвал церковного старосту и велел ему наполнить вином сосуд, с которым пришел священник. Староста же сказал, что у них у самих так мало вина, что его едва хватит на совершение трех-четырех литургий. Преподобный же отвечал ему:

— Вылей все вино этому человеку, а о нас позаботится Сам Бог.

Староста, отойдя в сторону и не послушавшись приказания святого, отлил немного вина в сосуд священника, а остальное приберег

себе на завтра для совершения Божественной службы. Тогда священник пошел и показал преподобному, как мало отлил ему вина староста. Преподобный вновь позвал старосту и сказал ему:

— Не говорил ли я тебе, чтобы ты отдал все вино, а о завтрашнем дне не заботился. Господь не допустит, чтобы церковь Его Матери осталась завтра без службы; Он еще сегодня пошлет вина с избытком.

Тогда староста отдал священнику все свое вино и отпустил его. Между тем, после обеда, к вечеру, по предсказанию преподобного, привезли три воза бочонков, наполненных вином. Это прислала в дар монастырю одна домоправительница христолюбивого князя Всеволода. Видя совершившееся, церковный староста прославил Бога, дивясь исполнению предсказания преподобного Феодосия, который сказал, что Бог сегодня же пошлет в обитель вина с избытком.

Тот же церковный староста был свидетелем и другого, подобного чуда, совершившегося по молитвам преподобного. Случилось это так.

Когда под праздник Успения Пресвятой Богородицы не оказалось масла, необходимого для вожжения церковных лампад, церковный староста решил приготовить его из семян и этим маслом заменить при богослужении деревянное. Староста спросил разрешения на это у преподобного Феодосия, а так как тот ничего не возразил ему, то староста и поступил так, как задумал. Но когда он намеревался влить приготовленное масло в лампады, то увидел, что в сосуде с маслом плавает мертвая мышь. Тогда староста поспешно пошел к преподобному и сказал:

— Я тщательно покрыл сосуд с приготовленным мною маслом и не знаю, как могла попасть туда мышь.

Преподобный же, поняв, что это случилось по усмотрению промысла Божия, сказал старосте:

— Нам следовало бы надеяться на Бога, что Он подаст нам все нужное, и нехорошо было действовать без веры в всемогущество Господне: иди и вылей масло на землю. Немного подождем и помолимся Богу; Он сегодня же даст нам деревянного масла в избытке.

Староста сделал, как ему было сказано, преподобный же между тем стал молиться. К вечеру один богатый человек, действительно, привез в дар монастырю очень большую бочку деревянного масла.

Преподобный прославил Бога, так скоро услышавшего его молитву. Полученным маслом не только наполнили все лампады, но его осталось еще больше половины. Таким образом братия отпраздновали с должной торжественностью светлый праздник Успения Пресвятой Богородицы.

Вот еще одно из подобных же чудес, посредством которых Господь по молитве преподобного Феодосия удовлетворял насущные нужды обители. Христолюбивый князь Изяслав, питавший к преподобному Феодосию истинно христианскую любовь, часто посещал его, находя наслаждение в его приятной беседе. В одно такое посещение он незаметно пробеседовал с ним до времени вечернего пения; затем князь вместе с преподобным пошел в церковь. По устроению Божию, вдруг в это время пошел сильный дождь. Заметив это, преподобный, призвав ключаря, велел ему приготовить обед для князя.

— Отче, — сказал ключарь, — у нас совсем нет меда, чтобы угостить князя и его спутников.

Тогда преподобный спросил:

— Неужели у тебя нет хотя бы немного?

— Да, отче, совсем нет, — отвечал ключарь, — я даже порожний сосуд, в котором был напиток, перевернул, поставив его дном кверху.

Преподобный же Феодосий, преисполненный благодатных даров, как на то указывает и самое имя его[1], сказал:

— Пусть так. Однако же ступай, согласно моему приказанию и по вере в могущество имени Господа нашего сладчайшего Иисуса Христа, ты найдешь мед в том сосуде.

Ключарь пошел с верою во всемогущество Господа и увидел, что бочонок стоит на своем месте и наполнен медом, как предсказал преподобный. Ключарь в страхе поспешил рассказать преподобному о происшедшем.

— Молчи, — сказал ему преподобный, — и не рассказывай об этом никому. Иди и подавай тот мед князю и его спутникам; пусть кушают сколько хотят. Угости этим медом и братию: это ведь благословение Божие.

---

[1] *Феодосий* в переводе с греческого значит: «данный от Бога»; в переносном смысле: «наделенный дарами от Бога».

Спустя некоторое время дождь перестал лить, и князь отправился домой. В монастыре же осталось еще столько меда, что его хватило братии на долгое время.

В другой раз к преподобному пришел однажды старший пекарь и сказал, что в монастыре нет муки для печения хлебов.

— Иди и осмотри житницу, — отвечал ему преподобный, — может быть, найдешь там немного муки и нам как-нибудь хватит до тех пор, пока Господь опять не позаботится о нас.

Пекарь же сказал преподобному:

— Я говорю тебе правду, отче: я сам мел житницу, но там ничего нет, кроме оставшихся в углу трех-четырех горстей отрубей.

Тогда преподобный сказал ему:

— Верь мне, сын, что Бог может и эти оставшиеся отруби обратить в муку и ею наполнить нашу житницу, подобно тому как при Илии[1] Он из одной горсти сотворил столько муки, что вдова с детьми питалась ею в голодное время до тех пор, пока урожай не доставил в избытке хлеба всем (см.: 3 Цар. 17, 8–16). И теперь Бог столь же могущественен, что может сотворить нам из недостатка избыток. Итак, иди и посмотри, не благословит ли Господь милостью и то место, где хранится у нас мука.

Выслушав эти слова, пекарь ушел. Войдя затем в житницу, он увидел, что пустой прежде амбар теперь по молитве преподобного Феодосия был так переполнен, что мука сыпалась на землю через края его стен. Инок ужаснулся, увидя столь славное чудо; возвратившись, он рассказал все преподобному.

— Иди, брат, — сказал ему преподобный, — и не говори никому о случившемся, пеки по обыкновению свои хлебы. Эту милость послал нам Бог по молитвам святых братий наших.

Хваля и благодаря Бога за Его такие великие благодеяния, преподобный отец наш Феодосий все ночи проводил в молитвах: обливаясь слезами и падая на колени, он благодарил Бога за Его великие

---

[1] *Илия* — славнейший из ветхозаветных пророков, грозный обличитель нечестия и идолопоклонства во времена нечестивого царя израильского Ахава и его жены Иезавели. Он был родом из галилейского города Фесвы, почему и называется фесвитянином. За свое ревностное служение имени Божию, Илия был взят живым на небо (4 Цар. 2, 1–15). История его жизни и деятельности излагается в конце 3-й и начале 4-й книги Царств. Память его празднуется святой Церковью 20 июля.

благодеяния. Братия обители, приходившие к преподобному ежедневно пред утреней брать благословение для начала богослужения, всегда слышали из-за двери, как игумен весь в слезах творил молитву, часто ударяя головою о землю. Преподобный же, услышав шаги их, умолкал и принимал вид спящего, так что братиям приходилось иногда раза по три стучать в дверь, произнося каждый раз слова: «Благослови, отче!»

Тогда преподобный, показывая вид, что он только что проснулся, отвечал:

— Бог да благословит вас!

И, дав благословение, прежде всех приходил в церковь. Рассказывали, что он поступал так каждую ночь.

Кроме этих подвигов преподобный во время своего игуменства подвизался и во многих других трудах. Его никогда не видели отдыхавшим на постели, а когда по немощи телесной ему необходимо было отдохнуть после дневных молитв, то он засыпал лишь на короткое время и то сидя; затем он вскоре же просыпался и шел ко всенощной, где молился, часто преклоняя колена. Также никогда не видели его моющим свое тело для удовольствия; он омывал водой только руки и лицо. А когда иноческий устав предписывал братии сухоядение, то он сам тоже вкушал сухой хлеб и похлебку, сваренную на масле, и пил лишь одну воду. Тем более никогда не видели его печально сидящим за трапезой: он всегда имел веселое лицо, потому что его сердце укреплялось не пищей, а благодатью Божией.

Каждый год преподобный переселялся на время Великого поста в пещеру (где впоследствии было положено честное тело его) и там затворялся до наступления Недели Ваий (Цветоносной); в пятницу перед Цветоносной неделей во время вечерни он возвращался к братии. Братия думали, что он безвыходно живет в известной им пещере, а на самом деле ночью, тайно ото всех, он уходил в одно монастырское село и там в другой пещере, находящейся в скрытом месте, пребывал один, так что никто, кроме Бога, не знал о его действительном местопребывании. Оттуда перед пятницею на шестой неделе Великого поста он опять ночью уходил в первую пещеру, из которой в пятницу и выходил к братии, так что все думали, что он весь пост пребывал в известной им пещере.

Много скорбей и суетных мыслей внушали тогда преподобному в пещере злые духи, которые иногда наносили ему даже раны. Но Бог подавал ему невидимую силу для победы над ними, и духи никак не могли заставить блаженного уйти из пещеры. Преподобный пребывал один в темной пещере и не страшился множества полков князя тьмы. Но сам, как добрый воин Христов, молитвой и постом отгонял демонов от себя так, что они не смели потом к нему приблизиться и только издали показывались ему в призрачных видах.

Раз после вечернего пения в пещере Феодосий сел, желая немного отдохнуть. Вдруг раздался страшный вопль. Казалось, в пещере собралось множество бесов: причем одни ездили на колесницах, другие били в тимпаны, третьи играли в свирели. От шума и голосов содрогалась вся пещера. Слыша все это, преподобный не испугался, не ужаснулся, но, оградив себя, как оружием, крестным знамением, встал и начал петь стихи из Псалтыри. Землетрясение и шум тотчас прекратились. Но когда после молитвы он опять сел отдохнуть, опять послышался прежний шум и голос бесчисленных бесов. Преподобный, встав, опять начал петь и опять шум прекратился. Так много дней и ночей беспокоили его злые духи, не давая ему заснуть хоть немного. Это продолжалось до тех пор, пока преподобный при помощи благодати Божией окончательно их не победил и не получил над ними такую власть, что они уже не осмеливались приблизиться к тому месту, где преподобный стоял на молитве. Сами бесы стали бегать от него, как это подтверждают многочисленные нижеприводимые случаи.

В помещении, где пеклись для братии хлебы, бесы немало досаждали братии своими кознями: то рассыпали муку, то проливали закваску, приготовленную для хлебов, делали и многие другие неприятности братии. Однажды старший пекарь рассказал о кознях демонов преподобному Феодосию. Тогда последний отправился в то помещение и, затворив за собою двери, пробыл там до утрени, все время молясь Богу. С того часа бесы навсегда оставили это место в покое и не делали уже там ничего злого.

В другой раз пришел однажды к преподобному брат из монастырского села и рассказал ему, что в хлеве, куда загоняли скот, появились бесы, которые причиняли большой вред, не давая скоту есть. Многократно священник читал молитву и окроплял помеще-

ние для скота святою водою, но ничто не помогало. Тогда преподобный, подкрепившись молитвой и постом, отправился в то село. С наступлением вечера он вошел в хлев, затворил за собой двери и пробыл там на молитве до утра. С того часа бесы уже не появлялись в этом месте и никому в том селе не могли сделать ничего злого.

Преподобный не только сам побеждал бесовскую силу, но и других учил, как избавиться от демонов. Если он узнавал, что кто-нибудь из братии страдал от бесов, то учил такого брата не уходить с того места, но ограждать себя молитвой и постом и призывать Бога для победы над демонами.

Преподобный так поучал братию по поводу козней диавольских:

— Сначала и со мной случалось подобное. Раз ночью, когда я пел в келье обычные псалмы, вдруг передо мной появился черный пес и притом так близко, что я не мог сотворить земного поклона. Долго стоял он так, и я уже хотел его ударить, как вдруг он исчез. Меня охватил тогда такой страх и трепет, что я намеревался бежать с того места, если бы Господь не помог мне. Немного придя в себя от ужаса, я начал усердно молиться и класть частые поклоны. С тех пор я совершенно перестал бояться бесовских наваждений, хотя бы бесы и являлись перед моими глазами.

Один из братии — Иларион (о котором было упомянуто выше) рассказал следующее:

— Много зла мне делали в келье бесы. Так, когда я ложился ночью спать, являлось вдруг множество бесов, которые, схватив меня за волосы и наступая на меня ногами, волокли меня по земле; другие же из бесов, подняв стену, говорили: «Подтащим его сюда и задавим стеною». Подобное проделывали они со мною все ночи, а я, не будучи в состоянии терпеть это, пошел и рассказал все преподобному Феодосию, намереваясь переселиться оттуда в другую келью. Преподобный же сказал мне:

— Нет, брат, не уходи, чтобы бесы не могли похвалиться победой над тобой и сказать, что ты бежал от них. Если ты уйдешь, то бесы с той поры будут делать тебе еще больше зла, как получившие власть над тобою. Усердно молись в своей келье, и Бог, увидев твое терпение, поможет тебе победить их так, что они не посмеют и приблизиться к тебе.

Я же вновь сказал преподобному:

— Молю тебя, отче, позволь перейти в другую келью; теперь уж у меня нет никаких сил оставаться более в старой келье, потому что там живет множество бесов.

Тогда преподобный, осенив меня крестным знамением, сказал:

— Иди, брат, в свою келью. С этого времени лукавые бесы не посмеют причинять тебе никакого зла.

Я с верой выслушал слова святого Феодосия и, поклонившись преподобному, вышел. С того времени дерзкие бесы уже не осмеливались приблизиться к моей келье, будучи раз навсегда отогнаны молитвами преподобного Феодосия.

Насколько преподобный Феодосий был настойчив в борьбе с невидимыми врагами, настолько же мужественен в борьбе с видимыми врагами Христа Господа. Он имел такой обычай: часто, встав ночью, тайно от всех, отправлялся он к евреям и там мужественно вступал с ними в спор о Христе. Он укорял и обличал их, называя их преступниками закона и богоубийцами. Он, как истинный подражатель Христа, страстно желал принять смерть за исповедание имени Его именно от тех людей, от которых принял смерть и Сам Господь наш Иисус Христос.

Что этот мужественный исповедник имени Христова действительно имел желание пострадать за правду, подтверждает следующий случай.

Во время его игуменства невидимый враг, князь тьмы, возбудил распрю между тремя русскими князьями. Два брата по плоти: Святослав, князь Черниговский, и Всеволод Переяславский подняли неправую войну на своего старшего брата, христолюбивого князя Изяслава Киевского, и прогнали его из стольного града Киева[1]. Сев на его место в Киеве, они послали просить преподобного Феодосия прийти к ним на обед. Преподобный же с мужеством и решимостью отвечал на их приглашение:

— Мне не достойно идти на трапезу неправды, как на трапезу Иезавели[2].

---

[1] *Святослав II Ярославич* княжил в Киеве с 1073-го по 1076 год, а *Всеволод I Ярославич* — с 1078-го по 1093 год.

[2] *Иезавель* — жена израильского царя Ахава, отличавшаяся крайним нечестием и распутством. Слепо подчиняясь ее влиянию, Ахав превзошел нечестием всех своих предшественников и предался самому постыдному идолопоклонству.

Когда же Всеволод удалился в свою Переяславскую область, а Святослав сел в Киев на место Изяслава, преподобный Феодосий начал беспрестанно обличать князя Святослава в том, что он не по праву сел на братний престол. Приходивших к нему княжеских послов преподобный просил передать князю, что он не одобряет его поступка. Однажды он послал ему большое обличительное письмо, в котором между прочим писал: «Голос крови единоутробного брата твоего вопиет на тебя к Богу, как кровь Авелева на Каина» (см.: Быт. 4, 10).

В поучение ему он напоминал в письме имена многих нечестивых древних братоубийц. Князь Святослав так разгневался, прочитав это письмо, что с гневом бросил его на землю и с того времени стал искать случая заточить преподобного Феодосия в монастырь. Братия же обители, сильно опечаленные намерениям князя, упрашивали преподобного прекратить обличения князя. Точно так же и многие бояре, посещавшие преподобного, передавая ему о княжеском гневе, советовали не противоречить князю.

— Ведь князь, — говорили они, — намерен тебя заточить.

Преподобный же, слыша, что они говорят о заточении, возрадовался душою и сказал:

— Я весьма радуюсь этому, братия! Нет для меня в жизни ничего приятнее, как быть изгнанным за правду; за нее я готов идти и в заточение, и на смерть.

С того времени преподобный еще больше стал укорять князя в ненависти к брату, как бы желая вызвать этим распоряжение о своем заточении. Несмотря на свой гнев, князь не осмелился сделать преподобному какого-нибудь зла, зная его праведность и святость, так как он ранее завидовал своему брату князю Изяславу в том, что он имел в своей области такого праведника, каким был великий Феодосий. Вскоре после этого преподобный Феодосий, поняв, что его жестокие укоры не имеют успеха у князя, снисходя

Он построил в Самарии храм Ваалу, насадил священные рощи, позволил Иезавели воздвигнуть алтари божествам Тирским и Сидонским (3 Цар. 16, 31–33). Иезавель содержала четыреста ложных пророков, которые питались от ее стола (3 Цар. 18, 19). Очевидно, эту именно «трапезу» и разумеет в данном случае святой Феодосий.

к просьбам братии и вельмож, перестал обличать князя и начал с этого времени со слезами убеждать его, чтобы он возвратил своему брату его область.

Когда спустя несколько дней после этого князь Святослав узнал о намерении преподобного Феодосия прекратить обличения, он очень обрадовался этому и послал спросить преподобного: разрешит ли он прийти ему в монастырь или нет. А когда тот разрешил, князь с радостью отправился вместе с боярами в монастырь. Преподобный с братиею, выйдя из церкви, встретил князя с честью, так что вся братия поклонились князю.

— Я не осмеливался прийти к тебе, отче, думая, что ты, гневаясь, не пустишь меня в свой монастырь, — сказал князь преподобному.

Преподобный же отвечал ему:

— Что значит, благий владыко, наш гнев при твоей власти? Но нам подобает обличать и говорить то, что спасительно для души, вам же следует слушать это.

Они вошли в церковь и помолились, а затем преподобный Феодосий долго поучал его от Божественного Писания, рассуждая о братской любви, так как князь винил во многом своего брата. После продолжительной душеполезной беседы, князь возвратился к себе домой, славя Бога за то, что сподобился беседовать с таковым мужем, и с тех пор стал часто посещать его обитель. Многократно и сам преподобный Феодосий ходил потом к этому державному князю Святославу, напоминая ему о страхе Божием и любви к брату.

В одно из таких посещений преподобный встретил у князя музыкантов, игравших на разных инструментах. Все веселились. Долго преподобный, потупив глаза, молча сидел подле князя; потом сказал:

— Будет ли так на том свете?

Умиленный князь прослезился и велел тотчас прекратить музыку играющим. И с тех пор, когда преподобному приходилось заставать музыку во дворце, князь, узнав о приходе блаженного, тотчас же приказывал прекратить ее.

Когда князя извещали о приходе преподобного, то нередко он сам выходил с радостным лицом и встречал его перед дверьми

дворца. Исполняясь радости, князь говорил пришедшему преподобному:

— Отец, воистину говорю тебе, — если бы мне сказали, что отец родной восстал из мертвых, я бы не обрадовался так, как твоему приходу, но в то же время и не боялся бы его так, как боюсь твоей святой души.

— Если это так, как ты говоришь, — отвечал преподобный, — то исполни мою просьбу: возврати своему брату престол, который отдал ему благоверный твой отец.

Князь молчал на это, не зная, что ответить святому; так сильно враг разжег его гневом, что он не хотел даже и слышать о брате. Впрочем, преподобный Феодосий молился Богу день и ночь о христолюбивом князе Изяславе и на церковных службах приказывал поминать его, как законного Киевского князя и старшего брата, а Святослава, как незаконно севшего на братний престол, запрещал поминать в своем монастыре. И только потом, упрошенный братиею, преподобный велел поминать их обоих, но все-таки Изяслава первым, а Святослава вторым.

Не желая быть свидетелем такой распри между русскими князьями, вышеупомянутый блаженный Никон (постригший преподобного Феодосия и впоследствии во всем ему помогавший), вторично удалился из Печерского монастыря на полуостров Тмутаракань, где и основал свой монастырь. Преподобный же Феодосий после его ухода по-прежнему уже один продолжал свои труды.

Так как во время его игуменства увеличилось число братии настолько, что ветхий Печерский монастырь оказался слишком тесным для братии, то преподобный отец наш Феодосий начал помышлять о том, как бы и куда бы с Божией помощью переселиться на более обширное место и там построить большую каменную церковь тоже во имя Пресвятой Богородицы. Бог внял молитве праведника, одобрил выбранное им для переселения место и благословил постройку большой каменной церкви. Свою волю Господь обнаружил дивными чудесами.

Один благочестивый и богобоязненный человек шел раз темной ночью мимо ветхого Печерского монастыря и видел следующее. От монастыря исходил яркий свет, а преподобный Феодосий стоял пе-

ред церковью, воздев к небу руки и вознося к Богу молитву. Прохожий продолжал еще с удивлением смотреть на это, как вдруг видение изменилось, и он увидел другое чудо: над церковной крышей показалось очень большое пламя и, приняв вид дуги, перешло на другой холм, именно на тот, на котором преподобный Феодосий начал потом строить новую каменную церковь. И, таким образом, один край огненной дуги стоял над старой церковью, и другой над тем местом, где предполагалось построить новый храм. Видевший это чудо, впоследствии поведал о нем в монастырь преподобного Феодосия.

В другой раз ночью окрестные жители были разбужены пением множества голосов, слышавшихся близ обители. Они встали и, выйдя из домов своих, пошли на возвышенное место посмотреть, откуда именно слышатся эти голоса. Тогда они увидели следующее. Ветхий Печерский монастырь был залит ярким светом; множество иноков, выходя из старой церкви, шли на новое место: одни несли икону Пресвятой Богородицы, а прочие с песнопениями сопутствовали первым, неся в руках зажженные свечи. Во главе всех шел отец и наставник иноков преподобный Феодосий. Дойдя до нового места, они сотворили на нем пение и молитву, а затем, возвратившись назад, с пением опять вошли в старую церковь. Множество свидетелей удостоверяло потом действительность этого чуда. А так как в вышеупомянутом шествии не участвовал ни один инок, то все поняли, что люди эти видели Ангелов.

На ознаменованном Богом столь великими чудесами месте таким образом стала строиться каменная церковь во имя Пресвятой Богородицы[1]. В постройке этой церкви принимал большое участие сво-

---

[1] Храм заложен был в 1073 году. Преподобный Феодосий не успел докончить постройку храма и монастыря. Ее довели до конца преемники Феодосия: *Стефан* (бывший игуменом с 1074-го по 1078 год), *Никон* (управлявший монастырем с 1078 по 1088 год) и Иоанн (избранный в игумены в 1088 году или 1089 году). Каменная церковь нового монастыря, заложенная преподобным Феодосием, была окончена кладкой при Стефане в 1075 году, но, вероятно, по причине недостатка денежных средств для отделки, производившейся медленно, она была освящена только через четырнадцать лет, в 1089 году. В 1108 году была окончена постройка трапезной для братии, а в 1182 году монастырь был обнесен каменной стеной. Старый монастырь после постройки нового не был уничтожен, а продолжал существовать с небольшим числом оставшейся в нем братии; пещера же, при кото-

ими трудами и сам преподобный Феодосий: он ежедневно приходил туда, тщательно наблюдал за работами и, насколько возможно, помогал строить, работая вместе с каменщиками. Во время работы он так плохо одевался, что его можно было принять за последнего послушника, но никак не за игумена.

Однажды, когда преподобный шел на постройку церкви, встретила его одна вдова, обиженная судьей, и спросила:

— Чернец, скажи мне, где ваш игумен? Не в монастыре ли он?

— Что тебе нужно от него? — отвечал преподобный, — ведь он тоже грешный человек.

Женщина же ответила на это:

— Я не знаю, грешен ли он или нет; знаю только то, что он многих избавляет от печали и зла. Поэтому я и иду просить его, чтобы он защитил меня от обид несправедливого судии.

Преподобный же, разузнав ее дело, сжалился над ней и сказал:

— Иди теперь домой, а когда возвратится наш игумен, я скажу ему о тебе, и он избавит тебя от беды.

Выслушав его, женщина пошла домой, а преподобный отправился к судье. Вняв просьбам святого Феодосия, судья вошел в положении вдовы и, сделав снисхождение, возвратил ей все, в чем она была им обижена.

Такими и подобными этому достойными праведника делами преподобный Феодосий сопровождал постройку печерской церкви во имя Пресвятой Богородицы. Он окончательно не отстроил этой церкви при жизни своей, но и после смерти своими, угодными Богу, молитвами помогал в этом преподобному Стефану, который после него принял игуменство и продолжил, начатую святым Феодосием, постройку храма.

рой находился этот монастырь, после того как вышли из нее братия, стала служить для монастыря усыпальницей или кладбищем. В 1240 году Печерский монастырь был в значительной степени разрушен татарами. Восстановление монастыря последовало в конце XIII века. В современном своем виде монастырь сохранил от домонгольского периода только нижнюю часть «великой», или главной, церкви и, может быть, надворотную церковь в честь Святой Троицы. Нынешние каменные стены монастыря построены на месте деревянных (заменивших собою разрушенные татарами каменные стены) в конце XVII века, и вообще все современные здания монастыря выстроены в XVIII веке (за исключением упомянутой нижней части главной церкви и надворотной церкви в честь Святой Троицы).

Между тем богоугодная жизнь преподобного отца нашего Феодосия стала склоняться к закату. Предчувствуя свое отшествие к Богу, преподобный в день своей кончины велел собрать всю братию, позвав к себе не только находящихся в монастыре, но и всех почему-либо отсутствовавших и занятых делом, и даже всю монастырскую прислугу. Когда все собрались, он начал убеждать каждого со всяким усердием и страхом Божиим исполнять порученные ему обязанности. Со слезами говорил он о спасении души, о богоугодной воздержной жизни, об усердном посещении церкви, о благоговейном страхе, с которым все должны стоять на богослужении, о любви и покорности в отношении не только к старшим, но и к своим сверстникам. Сказав об обязанностях каждого, он благословил братию и отпустил ее с миром. Затем пришел посетить преподобного благочестивый князь Святослав. Его он учил своими благодатными устами благочестию, охранению Православия и попечению о святых церквах. Затем он сказал ему:

— Я буду молиться Господу Богу и Его Всенепорочной Матери о укреплении тебя в благочестии. Дай Бог, чтобы правление твое было тихо и безмятежно. И вот, я поручаю твоему благочестию этот святой Печерский монастырь и храм Пресвятой Богородицы, по Ее воле созданный.

Перемежающиеся страшный озноб и болезненный палящий жар так расслабили тело преподобного, что он должен был лечь в постель, на которую никогда прежде не ложился. В постели он говорил:

— Да будет воля Божия! Как Господь соизволит, так пусть Он и творит! Но молю Тебя, Владыко мой, Иисусе Христе, будь милостив к душе моей: пусть избегнет она лукавых демонов, пусть встретят ее Твои Ангелы и, проведя мимо воздушных мытарств, пусть представят ее к свету Твоего милосердия!

Сказав это, он умолк.

Три дня преподобный не мог ни говорить, ни открыть глаз, так что его можно было принять за умершего, если бы не было заметно слабого дыхания на устах его. Опасная болезнь святого старца причиняла братии великую скорбь и печаль. Пробыв три дня в такой болезни, преподобный поднялся с одра своего и сказал собравшейся всей братии:

— Братия мои и отцы! Вот жизнь моя кончается — это Господь мне открыл в пещере Великим постом. Подумайте между собой, кого бы вы хотели иметь у себя игуменом вместо меня.

Сильно опечаленные этими словами братия начали плакать. Выйдя от преподобного и посоветовавшись, все иноки согласились избрать себе игуменом доместика церковного[1] Стефана. На другой день преподобный снова созвал всех братий и спросил их:

— Как вы решили между собой, дети? Кто из вас достоин быть игуменом?

Все сказали, что игуменства достоин Стефан.

Подозвав к себе Стефана, преподобный благословил его на игуменство вместо себя и сказал ему:

— Вот, чадо, передаю тебе монастырь; тщательно береги его; какой порядок в службах завел я, такой соблюдай и ты, и во всем держись монастырского предания. Устава не изменяй, но все делай по закону и монастырскому чину.

Братию же преподобный долго поучал, завещевая им слушаться нового игумена. Затем отпустил всех, предуказав им день своего преставления — субботу.

— После восхода солнца, — сказал он братии, — душа моя выйдет из тела.

Затем преподобный снова позвал к себе одного Стефана и наедине много поучал его о том, как пасти святое стадо. Так как преподобный сильно ослаб от болезни, то Стефан, не отлучаясь, со смирением служил ему. В наступившую субботу на рассвете святой Феодосий послал за братией. Когда все иноки собрались, святой, прощаясь, с любовью поцеловал каждого; они же горько рыдали, предвидя скорую потерю такого доброго пастыря. Святой Феодосий, уже совсем приготовившись к смерти, сказал им:

— Дети мои любезные и братия мои! Я всех вас облобызал потому, что отхожу к моему Владыке, Иисусу Христу. Вот вам игумен, которого вы сами выбрали; почитайте его за духовного отца, слушайтесь его и по его повелению творите все богоугодное. Бог же, сотворивший все словом и премудростью, пусть Сам благословит вас и сохранит от наветов лукавого; да сохранит Он в вас до последнего из-

[1] *Доме́стик* — управитель хора, регент.

дыхания вашего твердую и непоколебимую веру и любовь друг к другу. Затем, молю вас и заклинаю, — похороните меня в той одежде, в которой я нахожусь теперь, и положите тело мое в ту пещеру, где я пребывал Великим постом; ни в каком случае не омывайте моего убогого тела. Пусть никто из мирских людей не видит моего погребения; вы одни, иноки, положите меня в указанном мною месте.

Слушая слова святого, братия сильно плакали. Преподобный снова стал утешать их, говоря:

— Обещаю вам, братия и отцы, что хотя я отхожу от вас телом, но душою своею всегда пребуду с вами.

После этих слов преподобный всех отпустил, не оставив при себе никого. Один из братии который постоянно ему служил, просверлив скважину в двери, посмотрел, что он делал. Преподобный, поднявшись с постели, пав ниц, со слезами молил милостивого Бога о спасении души своей. В своей молитве он призывал на помощь всех святых и более всего Пресвятую Владычицу нашу Богородицу, Которой он поручал свое стадо и самую обитель свою. После молитвы он снова лег на постель, а затем, немного отдохнув, поднял глаза к небу и, с радостью на лице, громким голосом сказал: «Благословен Бог! Если это так, то уже я не боюсь, но еще с большей радостью отхожу от этого мира».

Надо думать, что, произнося вышеприведенные слова, он созерцал какое-то видение. Потом он, выпрямив ноги и сложив крестообразно на груди руки, предал святую душу свою Богу и присоединился к лику святых отцов. Это произошло в 1074 году, 3 мая, в субботу, как предсказал преподобный, после восхода солнца. Горячо оплакав кончину святого Феодосия, братия отнесли святое тело его в церковь и там совершили обычные молитвы и песнопения о преставившемся.

По Божественному устроению о кончине преподобного тотчас узнало очень много людей. Народ и многие из бояр, собравшиеся по собственному усердию у монастырских ворот, ожидали времени, когда вынесут тело преподобного из монастыря для погребения в пещере. Братия же, затворив ворота, никого не пускали в монастырь, дожидаясь времени, когда разойдется народ, чтобы предать погребению тело преподобного, как он сам завещал об этом, в отсутствии

мирян. И вот, по воле Божией, небо внезапно закрылось тучами; пошел сильный дождь. Только что народ разошелся, как опять засияло солнце. Тогда братия вынесли из церкви тело преподобного и с честью положили его в пещере[1].

---

[1] В 1091 году честные мощи преподобного Феодосия из пещеры, где они первоначально были положены, были перенесены братиею в церковь Успения Пресвятой Богородицы, где и были положены в притворе с правой стороны. Во время татарского нашествия святые мощи Феодосия были положены, для сохранения, под спуд у западных дверей той же церкви, где они почивают и до настоящего времени. Событие перенесения честных мощей преподобного Феодосия празднуется 14 августа. В 1108 году митрополит Никифор (с 1103-го по 1121 год) постановил на соборе «вписать Феодосия в синодик по всем епископиям». С этого времени начали праздновать везде, как преставление преподобного Феодосия, так и перенесение честных мощей его. Преподобный Феодосий назидает отдаленные от него поколения не только своею подвижническою жизнью, но и своими письменными наставлениями, дошедшими до нас преимущественно в форме поучений на разные случаи. К сожалению, вопрос о подлинности некоторых сочинений преподобного Феодосия не выяснен еще окончательно. С несомненностью преподобному Феодосию должны быть приписаны следующие пять поучений: 1) поучение в среду 3 недели Великого поста «на часех» «о терпении и любви»; 2) поучение в четверг 3 недели поста «о терпении, о любви и о посте»; 3) поучение в четверг 3 недели поста «на часех» «о терпении и милостыне»; 4) поучение в пятницу 3 недели поста «о терпении и о смирении»; и, наконец, 5) поучение в пятницу 3 недели поста «на часех» «о хождении к церкви и о молитве». Кроме того, преподобному Феодосию приписываются еще следующие поучения: 1) поучение «к келарю» (о его обязанностях); 2) поучение «о казнях Божиих» (полагают, что оно было сказано преподобным Феодосием в 1067 году после несчастной битвы с половцами); 3) поучение относительно «обеда и пития» (для братии); 4) «слово некоего христолюбца и ревнителя по правой вере»; 5) «наказание отца духовного к детям о пьянстве»; 6) «слово о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь»; и, наконец, 7) некоторые отрывки из поучений. Преподобному Феодосию также приписываются два поучения на вторник и среду 3 недели Великого поста с именем святого Феодора Студита, а также и некоторые другие. Затем преподобному Феодосию принадлежат несколько посланий (вероятно, два-три) к великому князю Изяславу (эти послания носят в дошедших до нас памятниках название «вопрошаний» князя Изяслава). Все перечисленные произведения преподобного Феодосия написаны очень просто и с большим чувством. Поучения и послания преподобного Феодосия чужды всякой риторической витиеватости. Что касается до содержания их, то в тех из них, которые назначались для братии, преподобный Феодосий говорит о монашеских обетах и обязанностях; особенно подробно он останавливается на обете нестяжательности, в поучениях же, предназначенных для народа, преподобный Феодосий энергично восставал против различных языческих обычаев, которые в то время были очень распространены на

В момент кончины праведника, князь Святослав находился недалеко от Печерского монастыря; вдруг он видит над монастырем огненный столб, простиравшийся от земли до неба. Догадавшись о кончине преподобного, князь сказал присутствовавшим:

— Это, как я думаю, сегодня преставился от земли к небу преподобный Феодосий; я вчера был у него и видел, что он находился в очень тяжкой болезни.

Он послал узнать о преподобном и, когда удостоверился в его смерти, много плакал.

В год смерти блаженного Феодосия по молитвам его все монастырские сокровища стали умножаться, в полях было обилие, в монастырских животных — большой приплод. Такого года еще не было прежде. Видя это, братия вспомнили обещание святого отца своего и прославили Бога за то, что Он сподобил угодника Своего, блаженного Феодосия, благодатных даров Своих. Благодатные дары обнаружились после смерти святого Феодосия многими чудесами, которые творил святой по усердной молитве всех, призывавших его на помощь.

В описываемое время князь Святослав сильно прогневался на одного боярина. Многие говорили, что князь хочет послать его в заточение. Боярин же тот усердно молился Богу и призывал на помощь преподобного Феодосия, говоря: «Знаю, отче, что ты свят; вот я в беде; будь милостив ко мне: своей молитвой к небесному Владыке избавь меня от беды».

Когда боярин уснул, ему явился во сне преподобный и сказал:

— Что так печалишься? Неужели ты думаешь, что я совсем ушел от вас? Если телом я и отлучился, но душою всегда пребываю с вами. Вот, завтра князь без всякого гнева призовет тебя и опять возвратит тебе прежний чин.

Опомнившись и придя в себя, боярин увидел сзади близ двери выходившего из комнаты преподобного. Предсказанное святым Феодосием действительно сбылось, и боярин с этого времени стал питать еще большую любовь к Печерскому монастырю.

Руси и едва только начали искореняться христианскими проповедниками. Особенно сильно преподобный Феодосий вооружался против идолопоклонства и пьянства. Наконец, преподобному Феодосию приписываются еще некоторые молитвы, помещенные с его именем в некоторых списках древних Псалтырей.

Собираясь в путь, один человек принес в монастырь преподобного Феодосия ковчежец серебра и отдал его на сохранение своему знакомому иноку по имени Конон. Об этом узнал инок Николай и, украв по бесовскому наущению тот ковчежец, скрыл его. Возвратившийся Конон не нашел в своей келье серебра и, сильно опечалившись по этому поводу, стал со слезами молиться Богу, призывая на помощь преподобного Феодосия. Заснув после молитвы, Конон увидел явившегося к нему преподобного Феодосия, который сказал ему:

— То серебро, о котором ты печалишься, взял, по диавольскому внушению, инок Николай и скрыл в пещере.

Потом, открыв, где было спрятано золото, он сказал ему:

— Иди и, никому не говоря об этом, возьми свое.

Проснувшись, обрадованный инок быстро встал и, затеплив свечу, отправился в указанное место. Найдя похищенное, он возблагодарил Бога и Его угодника, преподобного Феодосия.

Имел место и следующий случай. Один клирик святой великой соборной Киевской Софийской церкви сильно занемог: все тело его пылало от сильного внутреннего жара. Придя в чувство, он помолился Богу и преподобному угоднику Его Феодосию, прося облегчить его страдания. Едва он уснул, как увидел во сне преподобного Феодосия, который, подавая ему жезл, сказал: «Возьми и ходи с ним».

Проснувшись, больной почувствовал, что жар в теле его слабеет и болезнь прекращается. А когда после этого он выздоровел, то пошел в Печерский монастырь и рассказал братии, как он исцелился от болезни по молитвам преподобного Феодосия. Иноки же прославили Бога, давшего такую благодать праведнику.

Был еще и такой случай. Во время своего игуменства в Печерском монастыре преподобный Феодосий постановил, чтобы в пятницу первой недели Великого поста подавались на трапезу братии, — как добрым подвижникам, потрудившимся в воздержании, — совершенно чистые хлебы, обязательно с медом и маком. Это постановление соблюдалось всегда и блаженным Стефаном[1], поставленным в игумены самим преподобным Феодосием. После Стефана принял

[1] *Стефан* — настоятельствовал с 1074-го по 1078 год.

игуменство в Печерском монастыре блаженный Никон[1], и он в наступившую пятницу первой недели Великого поста приказал келарю сделать согласно установлению преподобного Феодосия. Келарь же ослушался повеления игумена и не исполнил установленного преподобным Феодосием под предлогом, что нет муки для таких хлебов. Но Сам Бог не допустил погибнуть установленному преподобным Феодосием обычаю. Когда после литургии братия направлялись в трапезную на постный обед, откуда-то неожиданно привезли им воз чистых хлебов. Видя это чудо, братия прославили Бога и Его угодника, не оставлявшего их и после своей смерти. Они прославляли отца и наставника своего, преподобного Феодосия, хранившего для благоденствия иноков свое установление и исполнявшего свое обещание — всегда оказывать обители помощь, право испрашивать которую у Господа он заслужил своими богоугодными делами. Споспешествуемые святыми дерзновенными молитвами преподобного Феодосия, да сподобимся и мы получить дар Божий — жизнь вечную со Христом Иисусом, Господом нашим, славимым с Богом Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ПЕТРА ЧУДОТВОРЦА

Родиной этого преподобного был город Константинополь. Он происходил от богобоязненных родителей. Когда родители преподобного приняли иноческое звание, а вскоре за ними постриглись в монашество и два брата его, Павел и Дионис, то и он, подражая им и желая проводить одинаковую с ними жизнь, также принял иночество вместе с братом своим Платоном. Став иноком, он с таким усердием предался иноческой жизни, что превзошел в этом всех своих сверстников, ибо, стараясь сперва подражать им, а потом и всем прочим инокам, он перенимал от них добродетели и применял их к своей жизни. Своею высокою подвижническою жизнью он снискал себе любовь бывшего в то время италийского епископа Ни-

[1] *Никон* — настоятельствовал с 1078-го по 1088 год.

колая[1], который имел желание почтить его епископским саном, но он уклонился от этого, сославшись на то, что считает себя недостойным такой чести. Епископ Николай отправился тогда к брату его, Павлу, и в утешение Коринфской церкви, не имевшей тогда епископа, рукоположил его во епископы города Коринфа[2]. После этого и преподобный Петр, уходя от усиленных просьб принять епископство, пришел к брату своему Павлу в Коринф и наложил на себя обет молчания, но пробыл в нем один только год, не доведя своего подвига до конца, так как пришли к Павлу в Коринф из далекой страны[3] знатные люди и владельцы кораблей и просили его поставить им во епископы брата его, по причине того, что епископ их скончался. Самого святого Петра они так настойчиво просили быть у них епископом, что он, не находя в себе сил отказать им, задумал было бежать из Коринфа, но когда прошло довольно много времени, и пришедшие еще с большею настойчивостью продолжали свои просьбы, то он, наконец, тронут был их слезами и принял их предложение.

Приняв епископский сан, преподобный со всем усердием отдался делу церковного учительства и усердием своим платил за усердие к нему паствы. В делах милосердия он доходил до того, что не жалел для бедных даже своей одежды. Он кормил сирот, заботился о вдовах, доставлял пищу бедным, тайно подавал милостыню всем, нуждавшимся в ней. Когда однажды случился неурожайный год и страну посетил голод, то он неослабным подаянием милостыни прокормил многие тысячи голодавшего народа. В это время случилось

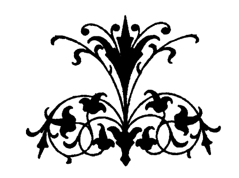
---

[1] Это был Константинопольский патриарх *Николай I Мистик*. В 895 году он занял Константинопольскую патриаршую кафедру, в 906 году за отлучение от святого причащения императора Льва VI Философа по поводу его вступления в четвертый брак с Зоею сослан был императором на остров Ирию, а в 911 году возвращен был снова на свою кафедру, которую и занимал до смерти своей, последовавшей в 925 году.

[2] *Коринф* — древнейший из городов Греции, расположен в северной части древней Арголиды, на берегу Коринфского залива. Основание христианской церкви в нем было положено святым апостолом Павлом.

[3] То есть из города Аргоса, расположенного на берегу Арголидского залива. О том, что преподобный Петр был епископом в городе Аргосе, говорится в одном из синаксарей. Тут же говорится и о том, что его рукоположил во епископы патриарх Николай I Мистик.

раз, что в сосуде осталось немного уже пищи, но преподобный нашел его вскоре совершенно полным, так что бывшей в нем пищи хватило для нуждающихся на целый год. По милосердию своему к страдающим он выкупал пленников и освобождал слабых от насилия сильных людей. Кроме того, он исцелил одну бесноватую отроковицу, предсказал в притче бедствие Пелопоннесу[1] и задолго прозрел день своей кончины. Достигши семидесятилетнего возраста и совершив бесчисленное множество добрых дел, он отдал блаженную душу свою Господу. И по кончине своей он совершал чудеса, источая из гроба своего благоухание, изгоняя бесов и исцеляя всякие болезни, а также вразумляя тех, кто искал этого у гроба его[2].



---

[1] *Пелопоннесом* называлась в древности южная часть нынешней Греции.

[2] Преподобный скончался в X веке. Мощи его в 1421 году были перенесены из Аргоса в Навплию. При открытии гроба, как повествовали очевидцы, потряслась земля, воздух наполнился благовонием, потекли многие исцеления.

День четвертый

СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ ДЕВИЦЫ ПЕЛАГИИ

Когда нечестивый император римский Диоклетиан[1] воздвиг на христиан гонение, тогда многие из них, страшась мучений, бежали в горы. Но те из христиан, которые были крепки в вере и боялись Бога более, чем людей, остались при церквах, к которым принадлежали, и горячо молили Бога укрепить их на подвиг, дабы они вышли из предстоящей борьбы победителями.

В это время в городе Тарсе[2] епископом был Клинон. Он обратил к истинному Богу и крестил многих язычников; присоединяя их, как добрый пастырь, к Христову стаду, он увещевал каждого из них мужественно стоять за исповедание имени Христова и положить за

---

[1] *Император Диоклетиан* управлял Римской империей с 284 по 305 год.

[2] *Тарс* — большой и населенный в древности город Киликии, малоазийской области. Основан ассирийским царем Сеннахерибом (с 705 по 681 год до Рождества Христова). Благодаря своему положению при реке Кидне вел большую торговлю. — Для христиан город Тарс важен как место рождения и первоначального проживания здесь святого апостола Павла. Призванный Самим Господом к великому служению своему, апостол Павел первоначально в Тарсе приготовлялся к выступлению на проповедь (Деян. 9, 11–30). В настоящее время Тарс представляет собою небольшой городок Аданского вилайета с восемью тысячами жителей и принадлежит Турции. Замечательно, что до сих пор главное занятие жителей Тарса и его окрестностей состоит в изготовлении ковров, войлоков для палаток и всякого рода утвари, как это было и во времена апостола Павла, который снискивал себе пропитание деланием палаток (Деян. 18, 3).

Него душу свою, с несомненной надеждою воспринять от Него в небесном Царстве венец победы.

Диоклетиан, находившийся тогда в Киликии, услыхав об этом мужественном епископе, приказал схватить его и повелел затворить городские ворота, чтобы он не мог спастись из города бегством. Но еще раньше приказа епископ получил от Бога откровение о всем, имеющем совершиться, и тайно от всех вышел из города, так как еще не пришел час его. Он вместе с другими христианами скрывался по горам и пустыням. Диоклетиан же, раздраженный тем, что не мог найти епископа, обратил свою ярость на тех, кого епископ привел ко Христу; приказав схватить многих из новообращенных христиан, он заключил их в темницу.

В это время в городе Тарсе жила одна девица, по имени Пелагия, знатная родом, славная богатством и красотою, преисполненная страха Божия и целомудрия. Когда она услыхала от христиан об Иисусе Христе, Сыне Божием, сердце ее воспылало любовью к Нему, она уверовала в Него и дала обет не соединяться брачным союзом ни с кем из смертных людей, решившись уневеститься небесному, бессмертному, нетленному Жениху; уверовав во Христа, она возжелала сподобиться святого крещения.

Но узнав, что епископ христианский ушел из города, она сильно опечалилась, так как хотела видеть его и принять от рук его святое

крещение. До тех пор она не видала еще епископа и лишь слышала о нем. Так как мать Пелагии, вдова, была предана идолослужению, то Пелагия скрывала от нее и свою веру во Христа, и свои намерения.

В это время сын царя[1] услыхал об удивительной красоте девицы Пелагии; он имел случай видеть ее. Он послал к ней почетных мужей, которым поручено было передать Пелагии о намерении сына царя сочетаться с нею брачным союзом.

Мать Пелагии была очень рада такому обороту дела, но святая девица решила иначе. Осенив себя крестным знамением, она без боязни отвечала посланным: «Я уже обручилась с Сыном Божиим, Царем Бессмертным».

С этим ответом посланные вернулись к царскому сыну.

Услыхав ответ святой Пелагии, царский сын пришел в великий гнев; он замыслил жестоко отомстить святой девице, но не сейчас, так как надеялся, что девица одумается и исполнит его желание.

Между тем Пелагия сказала своей матери, что она желает посетить свою кормилицу, которую давно не видела. Кормилица же ее жила за городом, и Пелагия собралась уйти из дому с той целью, чтобы найти христианского епископа, о месте тайного убежища которого она слышала от некоторых христиан. Мать же святой Пелагии, по диавольскому наущению, не соглашалась исполнить просьбу своей дочери и решительно воспротивилась ей, говоря: «Нельзя теперь тебе туда идти; пойдешь в другой раз».

Это весьма опечалило Пелагию.

В ту же ночь явился ей Господь в образе епископа Клинона, ничего не говоря ей. Удивилась она этому видению, потому что честной лик явившегося ей сиял светом, и дивно было одеяние его.

Проснувшись, она тайно снарядила двух своих самых верных евнухов[2] в темницу к христианам, там заключенным, с целью расспросить их о внешнем виде епископа. Они исполнили поручение и воз-

---

[1] Диоклетиан не имел сыновей. Под упоминаемым здесь «царским сыном» следует разуметь — как это объясняет святой Димитрий Ростовский — юношу, взятого Диоклетианом на воспитание и усыновленного с правом наследования царского престола.

[2] *Евнух* — оскопленный слуга, предназначавшийся к службе в гаремах Востока. Обычай кастрирования (оскопления) слуг имел место в древней Греции и Риме, но особенно распространен был в древности в Малой Азии.

вратились с подробным описанием внешности епископа. Изумилась честная девица тому, что наружность епископа, по их словам, во всем согласовалась с тем, что видела она во сне, и поняла, что во сне видела она епископа. Исполнившись радости, она всем сердцем возжелала видеть его наяву и усердно молилась Богу такими словами: «Дай мне, Господи, увидеть Твоего служителя, вестника Твоих благ, и не лиши меня святых Твоих таинств».

После того снова стала она проситься у матери своей отпустить ее к кормилице, говоря, что скучает по ней, не видав ее так давно. Не хотелось матери ее отпускать. Но боясь, что от печали она заболеет, мать исполнила ее просьбу и приказала приготовить колесницы, коней и слуг для путешествия. Затем, надев на Пелагию, как невесту царского сына, царскую порфиру и украсив ее золотыми уборами и драгоценными камнями, она отпустила ее в сопровождении довереннейших слуг и евнухов в роскошной колеснице с напутствием: «Поезжай, будь здорова, дочь моя, и передай привет от меня своей кормилице».

С радостью поехала Пелагия, окруженная множеством слуг. Отъехав от города около десяти поприщ[1], они приближались к одной, покрытой густым лесом, горе. В это время один из слуг ее, по имени Лонгин, увидел честного мужа, сходящего с горы. То был епископ Клинон, которому, по Божию усмотрению, случилось здесь встретиться с путниками. Лонгин, бывший тайным христианином, узнал в этом муже епископа Клинона и сказал другому слуге, тайному христианину:

— Брат Юлиан! Узнаешь ли ты мужа, идущего нам навстречу? Это человек Божий, епископ Клинон, слава о котором идет по всему Востоку, по причине совершаемых им чудес; царь, узнав о нем, долго искал его, но не мог найти, и за это воздвиг гонение на христиан.

Этот разговор Лонгина и Юлиана услышали те два евнуха, которых Пелагия послала в темницу к христианам, чтобы узнать о внешности епископа. Они рассказали то, о чем услышали, Пелагии.

Святая девица остановила колесницу и, сойдя с нее, направилась к человеку Божию. Слугам своим она приказала быть подальше и

---

[1] *Поприще* — мера длины, равнявшаяся приблизительно шестистам девяноста нашим саженям.

расположиться для отдыха в тени деревьев, так как ей не хотелось, чтоб язычники слышали о тайнах святой веры христианской. Подойдя к человеку Божию, она приветствовала его такими словами:

— Радуйся, служитель Христов!

Епископ отвечал ей:

— Да будет с тобою, отроковица, мир Христа моего.

Пелагия продолжала:

— Благословен Бог, явивший мне в видении подобие лица твоего и пославший тебя ко мне, чтобы спасти душу мою от гибели. Молю тебя именем Бога, Которому ты служишь, открой мне, ты ли Клинон, епископ христианский?

Клинон отвечал ей:

— Я — пастырь словесных овец Христовых, надеющихся получить вечную жизнь.

— Что приказываешь делать ты овцам твоим, чтобы они могли получить жизнь вечную? — спросила епископа Пелагия.

— Учу их познавать Отца, и Сына, и Святого Духа и наставляю их к богоугодной жизни в страхе Божием и любви ко Христу.

— Возвести мне, отец мой, что прежде всего должны делать те, кто хочет соединиться с твоим Богом?

— Я возвещаю тебе, — был ответ епископа, — крещение во оставление грехов и в жизнь вечную; ничто не может быть нужнее этого.

Припав к ногам епископа, Пелагия с мольбой сказала:

— Пожалей меня, владыко, и дай мне дар твой! С тех пор, как я беседую с тобой, свет Божий воссиял в сердце моем, я отрицаюсь сатаны, слуг его, и козней его, и бездушных идолов, которых я давно ненавижу, в которых не жизнь, но смерть и вечная пагуба. Теперь же молю Бога небесного, чтобы Он меня, недостойную, уневестил Своему Сыну, Который просветил сердце мое, ибо Он Солнце правды.

Услышав это, епископ удивлялся столь великой любви к Богу этой девицы и возрадовался о ней духом. Затем, подняв к небу свои руки, он начал молиться такими словами: «Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа! Ты, пребывающий на небе и призвавший эту девицу познать Тебя, пошли ей святое крещение возлюбленного Сына Твоего».

Так молился епископ.

Вдруг внезапно истек пред ними из земли источник воды живой. Увидав такое чудо, епископ прославил Бога, говоря:

— Велик Ты, Бог наш, Отец, и Сын, и Святой Дух, давший людям в наследие крещение в жизнь вечную. Господи Сердцеведче! Пред Тобою открыто смирение раба Твоего. Ты видишь, что я стыжусь крестить эту девицу. Устрой же Ты, Всемогущий, все смотрением Твоим, и научи, что мне делать.

— Господин отец мой, — воскликнула в это время Пелагия, — твоя молитва услышана; вот я вижу двух светоносных юношей, стоящих у источника и держащих в руках своих светлые покрывала. Ты можешь без смущения крестить меня.

Возблагодарив Бога, епископ приступил к источнику и увидел двух Ангелов Божиих, которые, как сказала Пелагия, держали покрывало белее снега, чтоб им прикрыть тело девицы. Затем епископ освятил воду, произнеся над нею такую молитву:

— Царь всей твари, *творя́й Ангелы Своя ду́хи, и слуги́ Своя пламень огненный* (слав. Пс. 103, 4), сделай меня достойным принести Тебе в духовную жертву эту девицу, которую Ты ко мне послал. Причти ее к лику избранных Твоих, дабы в день Царствия Твоего и она с пятью мудрыми девами вошла в чертог Христа Твоего, с возжженным светильником[1].

Совершив молитву, епископ сподобил святого крещения блаженную Пелагию во имя Отца, и Сына, и Святого Духа и причастил ее частицею тела Христова, которую носил при себе.

По совершении таинства святая Пелагия поклонилась епископу и, лобызая ноги его, сказала ему:

— Господин мой, отче честный, помолись обо мне ко Господу, дабы укрепил Он меня Духом Своим Святым.

Епископ сказал ей:

— Бог, Которому ты предала себя, *да пошлет тебе помощь из святилища* (Пс. 19, 3) жилища Своего и да дарует тебе победу на врагов.

Преисполнившись великой радости от Духа Святого, Пелагия сказала епископу:

— Отче, молю тебя именем Бога, даровавшего мне через тебя спасение, не откажи мне в моей просьбе: от святых рук твоих я получила нетленную порфиру Вечного Царя; поэтому не следует мне теперь носить эту земную тленную порфиру и эти суетные украшения. Возьми их ты у меня, продай их и раздай деньги, вырученные

---

[1] См. притчу о десяти девах (Мф. 25, 1–13).

за них нуждающимся, так как во мне все эти драгоценности возбуждают лишь одно отвращение.

Епископ отвечал ей:

— Неприлично мне взять в руки это; однако я возьму это от тебя, дабы не оскорбить тебя, так как ты просишь меня именем Божиим. Хорошо, я исполню твое желание.

— Я слышала, — сказала на это Пелагия, — что Господь наш говорит во святом Евангелии Своем: *Никто не может служить двум господам. Не можете служить Богу и маммоне* (Мф. 6, 24). Поэтому и я, желая служить Единому Богу, отвергаю маммону[1].

Удивился епископ разуму святой Пелагии. Помолившись о ней Богу, он благословил ее и отошел от нее.

Святая же Пелагия, весьма радуясь о Духе Святом, всем сердцем своим прославила и возблагодарила Бога за то, что Он сподобил ее восприять небесные дары.

Когда она дошла до ожидавших ее слуг, то увидела, что очи их были помрачены бесовским наваждением: они ничего не видели и не знали, куда им нужно было идти. Святая, поняв, что это случилось по действу врага нашего спасения, осенила каждого из слуг крестным знамением и тем избавила их от слепоты; они снова стали видеть хорошо, по-прежнему.

Прозрев, слуги стали расспрашивать святую Пелагию:

— Госпожа! Где тот человек, с которым ты беседовала? В твое отсутствие мы видели пресветлую Жену, стоявшую между тобою и нами с двумя девами; на голове ее были две диадимы; над диадимами же сиял крест[2].

Святая Пелагия приказала слугам умолкнуть; потом начала учить их вере в Господа нашего Иисуса Христа.

Слуги отвечали ей:

— Как не веровать, госпожа наша, в Того, Кто по смерти избавит нас от вечных мук и Кто Один имеет власть даровать нам вечную жизнь на небесах!

---

[1] *Маммона* — наименование сирского божества, покровителя богатства. В переносном смысле под «маммоною» подразумевалось вообще богатство, блага земные.

[2] Очевидно, явившаяся чудная Жена, была Божией Матерью.

Святая радовалась, видя обращение слуг своих, и советовала им немедленно приступить к святому крещению. Потом, сев в колесницу, она продолжала свой путь к своей кормилице.

Кормилица вышла навстречу своей питомице и сказала, что она стала еще более красивой, чем была раньше, но удивлялась, что она одета так просто и без всяких украшений.

После первой радости свидания, кормилица заметила большую перемену в характере святой Пелагии: прежде она была горделива и надменна, теперь же стала смиренна и кротка; прежде многоречива, а теперь молчалива; прежде любила разные тонкие кушанья, а теперь пребывала в посте и воздержании, принимая очень немного пищи; прежде проводила дни в праздности и удовольствиях, а ночью покоила свое тело на мягкой постели; теперь большую часть дня проводила в молитве, отдыхая на твердом ложе, а ночью также вставала на молитву. По всем этим признакам кормилица поняла, что Пелагия приняла христианскую веру. Затем она сказала ей:

— Любезная дочь моя! Как раньше великой телесной красотой своей ты удивляла царского сына и всех встречавших тебя, так и теперь постарайся угодить истинной душевной красотой своей Сыну Божию, Царю Вечному, Которому ты обручила себя в невесту. Я вижу, что ты уверовала в небесного истинного Бога. Да укрепит Он тебя на подвиг страдания за Него, да даст Он тебе победу на врага и да увенчает Он тебя в Своей славе венцом торжества. А теперь, дочь моя, поскорее с миром уходи от меня; мне не хочется, чтобы ты медлила у меня в доме, не смею удерживать тебя, так как боюсь гнева царского сына, который считает тебя своею невестою. Однако не думай, что я боюсь за себя: если бы я пострадала с тобою, то вместе с тобою я приняла бы и награду от Бога; но я боюсь за всю семью свою и за всех своих родных. Если царский сын, думающий стать мужем твоим, узнает, что ты христианка, а также и то, что ты гостишь у меня в доме, то он погубит меня со всей моей семьей.

Выслушав эти слова своей кормилицы, святая Пелагия, поникнув лицом своим, отправилась обратно к своей матери.

Когда Пелагия приблизилась к своему дому, навстречу ей вышла ее мать. Увидав свою дочь не в царской порфире и без драгоценных украшений, но в простой одежде, она пришла в ужас и недоумение.

Один из слуг рассказал ей обо всем, что случилось на пути, поведал ей, как Пелагия приняла святое крещение от христианского епископа. Услышав об этом, мать ее как бы омертвела телом и по причине великой скорби пролежала долгое время на одре, как мертвая. Потом, придя в себя, она, ничего не сказав дочери, поспешила к царю и просила дать ей воинов, чтобы разыскать и схватить епископа, обратившего в христианство ее дочь, и привлечь его к суду. Царь дал ей много воинов, конных и пеших.

Между тем блаженная Пелагия, видя мать свою в сильном гневе, взяла с собою нескольких веровавших во Христа слуг, вышла с ними тайно из дому и, переправившись чрез реку по имени Кидн[1], решила здесь скрыться.

Мать ее, вернувшись домой с воинами и не найдя Пелагии дома, опечалилась еще больше и разослала повсюду воинов, приказав им искать Пелагию и епископа Клинона.

Воины разошлись по всем окрестностям, расспрашивая о Пелагии по дорогам и разыскивая ее всюду по горам и пустыням, но не могли найти ее, потому что ее чудесно защищал Сам Бог. Святая Пелагия, сидя на берегу реки, видела на противоположном берегу воинов, разыскивавших ее; но воины, у которых в это время по устроению Божию закрылись их телесные очи, не видели ни ее, ни ее спутников. Тогда святая сказала своим слугам:

— Видите ли вы, как Господь наш любит и покрывает рабов Своих, надеющихся на Него?

После усиленных бесплодных розысков воины вернулись, не отыскав ни епископа, ни Пелагии. Это повергло мать Пелагии в величайшую скорбь и печаль, так что она казалась едва живой.

Тогда Пелагия, ощутив в сердце своем внушение от Духа Святого и воспылав любовью к своему небесному Жениху в такой степени, что готова была отдать себя на мучения за имя Христово, пошла в дом к матери и начала так увещевать ее оставить свою ложную скорбь.

— К чему, — говорила Пелагия матери, — ты так гневаешься? Отчего ты не хочешь познать истины? Ты не посовестилась созвать

[1] *Кидн* — ныне Терсус-Чай — небольшая река в Киликии; берет начало на Тавре и протекает через город Тарс.

воинов для розысков святого мужа, который чтит Бога Всевышнего, Создателя всей твари. Не стыдно ли тебе воздвигать брань на Бога небесного! Не знаешь ли ты, что раб Его, епископ, мог бы молитвою упросить Его послать к нему одного из Своих Ангелов, который во мгновение ока истребил бы все полки воинские?

Это и многое другое говорила о Господе Иисусе Христе святая Пелагия, увещевая свою мать познать истинного Бога, но без всякого успеха, так как мать ее была ослеплена безумием и ожесточена злобой. Она, не внимая боговдохновенным словам дочери, послала сказать царскому сыну следующее: «Твоя обручница посвятила себя христианскому Богу».

Услышав это, юноша тот сильно огорчился. Его надежды рушились. Он вспомнил, как много христиан замучил его отец, не убедив, однако, ни одного из них подчиниться ему. В смущении и печали сидел он одиноко в своей палате и рассуждал с собою так: «Если Пелагия уверовала в христианского Бога и обручилась с Ним, то ни за что не согласится она отступить от Него и стать моей женой. Что же мне делать? Предам ли ее на муки — это ни к чему не приведет, так как я знаю, с какою великой радостью христиане сами предают себя на муки и на лютейшую смерть за своего Бога. Так же сделает и Пелагия; конечно, она скорее предпочтет умереть, нежели стать моей женой; на мою же долю остается только стыд и еще большее горе. Стыд и позор будет мне от этого посмеяния надо мною от христиан, а печаль и горе от ее смерти, так как я люблю ее безмерно и весь горю огнем любви к ней. Знаю свою участь! Чтоб не смотреть на ее муки и самому более не страдать муками сердца, уязвленного любовью, убью я себя сам, так как мне лучше умереть один раз, чем ежедневно переживать муки смерти, презираемому и ненавидимому по причине той любви, которой я пылаю».

Сказав это, юноша тот вынул свой меч, обнажил свою грудь и, приставив острие меча к груди, с плачем сказал:

— Пусть будет проклят тот час, в который очи мои увидели великую красоту, которой я не могу ни насладиться, ни насытиться. Но вот, разом освобожусь я от всех своих страданий!

После этих слов юноша сильно ударил себя мечом в грудь и, пронзив ее, пал на меч и умер.

Мать Пелагии, узнав об этом, пришла в ужас, боясь, что царь Диоклетиан казнит ее со всем родом ее из мести за своего сына. Поэтому она сама связала дочь свою и привела ее к царю, на нее одну возлагая вину смерти его сына и выдавая ее на смерть и казнь. Диоклетиан, посмотрев на мать и дочь, сказал им с великою печалью в сердце:

— Что сделали вы? Вы убили моего сына.

Мать ответила ему так:

— Вот я привела к тебе виновницу смерти твоего сына. Казни ее и отомсти за эту смерть.

Между тем Диоклетиан засмотрелся на великую красоту Пелагии, которая была прекраснее всех его жен и наложниц, так что никогда он еще не видал такой красивой женщины. Он думал теперь уже не о казни и не о мести, а о том, чтобы удовлетворить разгоревшуюся в нем страсть. Он стал придумывать, как бы отвратить Пелагию от Христа и взять к себе в жены. Он приказал принести и положить пред девицей множество золота и драгоценных камней, желая прельстить этим невесту Христову, а матери ее дал сто талантов[1] золота и отпустил ее. Она вернулась в свой дом, радуясь демонской радостью. Святая же Пелагия была оставлена в царской палате на попечение царских служанок.

На следующий день царь приказал привести к себе святую девицу с честью, а сам воссел на троне во всем своем блеске, со всеми своими советниками. Множество воинов окружали его. Пред столь великим собранием, обратился он к святой девице с такими словами:

— Одного прошу я у тебя, Пелагия, чтобы ты отверглась Христа; я же возьму тебя в супружество, и будешь ты первою в моем дворце; я возложу на тебя венец царский, и всем царством моим будешь обладать ты вместе со мною. Если от тебя буду иметь сына, то после меня он сядет на престоле моем.

Святая Пелагия, исполнившись Божественной ревности, без боязни отвечала ему:

---

[1] *Талант* — слиток серебра или золота различной величины и ценности, в зависимости от времени и места обращения. Древнееврейский талант равнялся на наши деньги — золотой — двадцать шесть тысяч восемьсот семьдесят пять рублей, серебряный — две тысячи шестнадцать рублей. Древнегреческий золотой талант равнялся приблизительно полутора тысячам рублей.

— Ты безумствуешь, царь, говоря мне такие речи! Знай же, что я не исполню твоего желания, ибо я гнушаюсь твоим мерзким браком, так как у меня есть Жених — Христос, Царь небесный; не желаю я твоего царского, суетного и маловременного венца, ибо у Господа моего в небесном Царстве мне уготованы три нетленных венца. Первый — за веру, так как я уверовала всем сердцем моим в Бога истинного; второй — за чистоту, так как я вручила Ему мое девство; третий — за мученичество, так как я хочу принять за Него всякую муку и положить душу мою ради моей любви к Нему.

Услыхав такие слова, Диоклетиан сильно разгневался и приказал разжечь медного вола, рассчитывая испугать тем святую девицу. Когда вол был раскален, так что от него летели искры, как от горящего угля, к нему подвели святую девицу. Среди народа, собравшегося на это зрелище, было много тайных христиан. Видя девицу, приготовившуюся на мучение, они тайно молились о ней Богу, чтоб Он укрепил ее свыше неведомой силой Своей. Царь и вельможи и ласками, и угрозами убеждали ее исполнить царское желание, но она была непоколебима в своем решении.

Тогда царь велел совлечь с нее все одежды. Увидев, что ее хотят обнажить, святая громко сказала Диоклетиану:

— Подумай, царь, о твоих женах и наложницах, так как я обладаю тем же телом, как и они.

Но царь, воспылав похотью и желая насытить взор зрелищем девической наготы, велел скорее обнажить ее. Но мученица, не дожидаясь, пока ее коснутся руки нечестивых, сама, осенив себя крестным знамением, быстро совлекла с себя всю свою одежду, бросила ее к лицу царя и стала нагая пред очами Ангелов и людей, красуясь, как царскою багряницей, единым девическим стыдом. И начала она укорять царя в таких словах:

— Считаю тебя, царь, подобным тому змию, который прельстил Еву (см.: Быт. 3, 1–6) и подстрекнул Каина на убийство Авеля (см.: Быт. 4, 2–16), и тому демону, который просил у Бога позволения искусить праведного Иова (см.: Иов. 1, 6–12). Но вскоре, враг Христов, ты погибнешь со всеми твоими единомышленниками.

Сказав это, она снова сотворила на себе крестное знамение и сама пошла к раскаленному волу, не дожидаясь, чтоб ее туда бро-

сили. Когда же она взялась руками за этого вола, то руки ее растаяли как воск от лютого огня. Но она, как будто не чувствуя боли, вложила свою голову в отверстие вола и, войдя внутрь его, начала громко прославлять Бога, говоря:

— Слава Тебе, Господи, Единородный Сын Бога Вышнего, за то, что укрепил меня, немощную, на этот подвиг и помог мне победить диавола и козни его. Тебе и Безначальному Твоему Отцу со Святым Духом да будет за то слава и поклонение вовеки.

Сказав это, святая предала душу свою в руки Пречистого и Бессмертного своего Жениха и вошла с ним в чертог небесный при ликовании и пении ангельских сил[1]. Тело же ее честное в медном воле растопилось как масло, разлилось как благовонное миро, так что весь город наполнился неизреченным благоуханием. Честны́е кости ее нечестивый царь повелел выбросить из города, и они были занесены на гору, называемую Литатон. Четыре льва, придя из пустыни, сели около них, охраняя их от других зверей и плотоядных птиц.

Епископу Клинону было откровение от Бога о кончине святой Пелагии и о месте, где находились кости. И епископ пошел на ту гору и нашел здесь честные кости святой Пелагии и охраняющих их львов. Львы, увидав человека Божия, подошли к нему и, преклонившись пред ним, возвратились в пустыню. Епископ же, взяв кости святой мученицы, отнес их на самый высокий холм той горы и положил камень. Впоследствии, в царствование императора Константина[2], когда повсюду воссияло благочестие, он воздвиг там церковь над честными мощами невесты Христовой. На надгробном камне епископ Клинон сделал такую надпись: «Святая девица Пелагия, посвятившая себя Богу и до конца подвизавшаяся за истину, почивает здесь своими мощами, душа же ее на небесах царствует с Ангелами в славе Христовой».

Так окончила свой подвиг святая мученица Пелагия за Христа Господа нашего, Которому подобает слава со Отцом и Святым Духом ныне, и всегда, и во веки веков.

---

[1] Кончина святой мученицы Пелагии последовала в 287 году. В VIII веке, при императоре Константине Копрониме (с 741 по 775 год), ее честные мощи были перенесены в Константинополь и положены в храме ее имени.

[2] Император *Константин Великий* управлял западной частью Римской империи с 306 по 324 год; как единовластитель управлял Западом и Востоком с 324 по 337 год.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
СИЛЬВАНА,
епископа Кесийского[1]
и с ним сорока мучеников

Святой священномученик Сильван происходил из окрестностей города Газы[2] и был сперва воином. Впоследствии он оставил для Христовой веры воинство у земного царя и стал воином Царя небесного — Христа, почему и удостоился благодати священства: был сперва пресвитером, а потом и епископом. Стоя во главе Христовой Церкви, он своим учительным словом многих неверующих обратил к истинному Богу. За это ревностные почитатели идолов схватили его и привели на суд в город Кесарию[3]. Здесь его подвергли сперва жестокому избиению, потом повесили и строгали тело его, и, наконец, он был осужден на работы в медных рудниках[4]. Исполняя

---

[1] Святой священномученик *Сильван* называется епископом Кесийским, то есть Кесарийским, по месту осуждения его на каторжные работы, а по месту служения он был Газским (или вблизи Газы), как это указано и в Четьи-Минеях.

[2] Древний филистимский город *Газа* находился в Палестине и расположен был недалеко от южной границы Иудеи, близ берегов Средиземного моря. С IV века. Газа была уже христианским городом; в VII веке она была покорена магометанами.

[3] Город *Кесария*, некогда резиденция римских прокураторов Палестины, находился в пределах древней Самарии на берегу Средиземного моря.

[4] *Евсевий*, современник святых мучеников, говорит, что Сильван осужден был на работы в рудокопнях города Фена, который, по мнению некоторых, находился в пустынях Аравии, а по Евсевию — в Палестине.

эти работы, святой мученик дошел до полного изнеможения, но непрестанно исповедовал Христа Богом, за что язычники и отсекли мечом голову ему, а также и сорока другим мученикам, которые были наставлены им в Христовой вере[1].

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
АЛВИАНА
епископа[2] и ученика его

Святой священномученик Алвиан пострадал в царствование императора Максимиана[3], когда Асия[4] находилась под управлением Элиана. Святой Алвиан схвачен был в то время, когда некий языческий жрец, по имени Агрипин, совершал жертвоприношения идолам. Святого стали принуждать принести жертву идолам и повергнуть на жертвенник ладон, но он на это с достоинством ответил: «Я воздаю хвалу вере во Христа, а служение идолам поношу».

За это ему сперва обожгли раскаленными железными прутьями живот и голени, а потом без всякой пощады стали бить палками. Такими истязаниями мучители хотели принудить святого отречься от Христа и принести жертву идолам, но на это не согласился ни он сам, ни ученик его, вместе с ним подверженный мучениям. После этого он осужден был на сожжение, для чего раскалили печь и бросили в нее его и его ученика, где святые мученики и скончались[5].

---

[1] Святые мученики скончались в 311 году.

[2] *Святой священномученик Алвиан* был епископом в городе Анее, находившемся в римской малоазийской провинции Асии.

[3] Здесь разумеется *Максимиан Галерий*, соправитель Диоклетиана, с 305 года правивший восточной частью Римской империи.

[4] *Асиею* называлась небольшая, обильная водами, болотистая равнина в Лидии, то есть средина западной части нынешнего малоазийского полуострова, на восточном берегу Эгейского моря. В ней находились упоминаемые в Апокалипсисе (1, 11) семь малоазийских городов, и она была некоторое время местом деятельности святого апостола Иоанна Богослова.

[5] По Миню святые мученики скончались в 304 году.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА ЕРАЗМА

Блаженный Еразм, с юных лет своих воспылав любовью ко Христу, ревностно исполнял Его заповеди и поставлен был епископом города Формии[1]. Когда нечестивый император Диоклетиан, подвергая христиан мучениям, привел в смятение жителей городов своего царства, то святой Еразм оставил свою кафедру и бежал в Ливанские горы[2], где и пробыл, скрываясь от гонителей, семь лет. Однажды он услышал с неба голос Ангела, который сказал ему: «Еразм! Никто не победит врагов, если будет спать. Иди же в город свой, мужественно подвизайся и победишь врагов».

Когда после этих слов Еразм отправился в указанный ему Ангелом путь, то его встретили воины и спросили: «Какого Бога ты почитаешь?» Святой Еразм объявил себя христианином. Тогда воины схватили его и привели в Антиохию[3] к императору Диоклетиану. На дороге святой открыто признал себя христианином, и император приказал бить его палками, но он обличил императора. Тогда последний повелел бить его свинцовыми прутьями, и так как и после этого он остался непоколебимым в своей вере, то по приказанию мучителя его подвергли новым мучениям: железными скобами острогали сперва всю кожу на теле его, а потом растопили смолу и серу и стали лить ее на раны, но это не причинило ему никакой боли. После этого мучитель повелел наложить на его шею тяжелые железные оковы и заключить его в темницу, но Ангел Господень, открыв двери темницы, освободил его от оков и сказал ему: «Иди за мною, я отведу тебя в Италию. Много людей и там ты приведешь ко спасению».

После этого Ангел привел святого Еразма в город Ликий[4] и там оставил его. Еразм стал учить всех вере во Христа и крестить. Он со-

---

[1] Город *Формия* находился в Италии у Кастанского залива на берегу Средиземного моря.

[2] *Ливанские горы* находятся в Сирии.

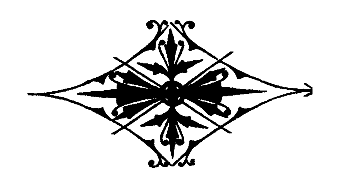
[3] *Антиохия*, древняя столица Сирии, расположена была на берегах реки Оронта, недалеко от впадения ее в Средиземное море.

[4] Местоположение города Ликия указывают различно. По Никодиму это был македонский город Лихнид, расположенный на берегу озера того же имени.

вершал при этом великие чудеса, воскресил между прочим сына одного знатного человека, по имени Анастасия, и крестил после этого десять тысяч человек. Максимиан[1], узнав об этом, послал воинов, чтобы те привели его в Италию, и, когда святой был приведен, повелел бить его по щекам и угрожал ему распятием на кресте, если он не принесет жертвы языческим богам. Тогда Еразм сказал ему:

— Где же находятся боги твои, чтобы я мог принести им жертву?

Святого привели в храм Юпитера. Здесь он помолился, и по молитве его все идолы попадали, а из храма вышел огонь и попалил идолопоклонников, так что Максимиан вынужден был бежать из города. После этого святой Еразм крестил здесь много народа и ушел в город Сирмий[2]. В этом городе, по повелению Максимиана, он опять был схвачен и подвержен новым мучениям. На него надели медную броню и посадили на раскаленное ложе, а ноги прибили гвоздями к земле. После этого обложили ложе дровами до верха и, зажегши дрова, стали поливать их смолою и маслом, но дрова сгорели, а святой остался невредимым. Максимиан убоялся народа и ушел во дворец, а Ангел Господень, взяв святого, привел его в город Формию, где им крещено было еще множество народа. После всего этого святой Еразм с молитвою благодарения за все предал душу свою в руки Божии[3], и христиане с честью похоронили его.

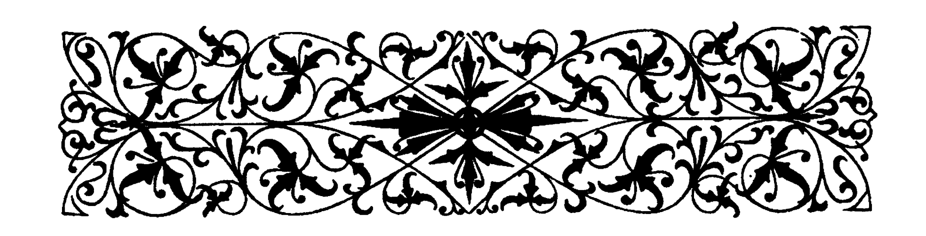


---

[1] *Максимиан Геркул*, носивший титул августа, был соправителем Диоклетиана и управлял западной половиной Римской империи с 285 по 305 год.

[2] *Город Сирмий* находился в Иллирии на берегу притока реки Дуная — Савы.

[3] Святой священномученик скончался в 303 году, 10 июля. При святом папе Григории (590–604 гг.) мощи его находились в Формии, а в IX веке перенесены в Кайсту.



День пятый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ
ИРИНЫ

В те времена, когда свет святой веры христианской, благодаря проповеди апостолов, воссиял среди людей, погруженных во тьму служения идолам, в городе Магеддоне[1] жил князь, по имени Ликиний[2]. У него была жена, носившая, так же как и он, имя Ликинии. Родившуюся у них дочь они назвали Пенелопою. Когда она стала подрастать и ей исполнилось шесть лет, она казалась необычайно прекрасна лицом, так что затмевала своей наружностью всех своих сверстниц. Отец ее построил для нее далеко за городом на живописном месте столп, в котором заключалось много комнат, убранных с самым изящным вкусом и блиставших богатством. Креслы, столы, светильники, ложа и все сосуды были здесь окованы чистым золотом. На этот столп он возвел дочь свою Пенелопу вместе с тринадцатью красивыми девушками и поставил там своих золотых идолов, чтобы они хранили его дочь. В этом столпе он и назначил жить дочери, пока она не достигнет брачного возраста. Ликиний приста-

---

[1] *Магеддон*, или *Мигдония*, — город во Фракии, области, расположенной по северному берегу Эгейского моря.

[2] Упоминаемого здесь *князя Ликиния* следует отличать от императора римского Ликиния (царствовал с 311 по 324 год), управлявшего восточной половиной Римской империи. Последний имел в супружестве Констанцию, сестру Константина Великого; а этот — Ликинию; тот жил в славном городе Никомидии, а этот — в Магеддоне; тот погиб в своем нечестии, а этот честно скончался, уверовав во Христа; наконец, тот жил в начале IV столетия, а этот — в конце I столетия, почти во времена апостольские.

вил к своей дочери в качестве воспитательницы одну честную старицу, по имени Карию, приказав ей постоянно быть с дочерью и вкушать пищу вместе с нею и поручив ей начальство над всеми девушками. Кроме того, Ликиний поручил одному почтенному и благоразумному старцу, по имени Апелиан, ежедневно ходить к его дочери и обучать ее книжной премудрости. Так провела девица шесть лет и три месяца, и, когда ей исполнилось двенадцать лет, отец ее стал размышлять, кому из славнейших княжеских сыновей отдать ее в супружество[1].

Однажды, когда девица сидела в своей комнате, к ней в открытое окно, обращенное на восток, влетел голубь, державший в своем клюве маленькую ветвь; положив ее на стол, он тотчас вылетел чрез окно из комнаты. Затем через час влетел в комнату орел с венком из разных цветов, и он также, положив венок на стол, тотчас улетел. Потом еще другим окном влетел ворон, несший в клюве малую змею, которую он положил на стол, а сам также улетел.

Видя все это, отроковица, вместе со своею воспитательницею, весьма удивлялись, недоумевая, что предвещал этот прилет птиц? Когда учитель Апелиан пришел к ним, они рассказали ему о происшедшем. Апелиан был тайный христианин и обладал даром прозорливости. Обсудив в себе все, переданное ими, он сказал, обратившись к Пенелопе:

— Знай, дочь моя, что голубь означает твой добрый нрав, твою кротость, смирение и девическое целомудрие. Ветвь маслины знаменует Божию благодать, которая будет подана тебе чрез крещение. Орел, высоко парящий, изображает собою царя и победителя, знаменует, что ты будешь царствовать над своими страстями и, возвысившись богомыслием, победишь невидимых врагов, как орел побеждает птиц. Венок же из цветов есть знамение воздаяния, которое примешь ты за твои подвиги от Царя Христа в небесном Его Царстве, где готовится тебе нетленный венец вечной славы. Ворон со змеею знаменует врага-диавола, силящегося нанести тебе скорбь, печаль и гонение. Знай же, девица, что великий Царь, содержащий в Своей власти небо и землю, хочет обручить тебя в невесту Себе, и ты претерпишь за имя Его многие страдания.

[1] В древности на Востоке девушки выдавались замуж в очень юном возрасте (это было в обычае и у нас, на Руси, в старину).

Слушая своего учителя, отроковица слагала слова его в своем сердце, и в это сердце мало-помалу стал проникать огонь Божественной любви.

На следующий день вошел к Пенелопе на столп отец ее, князь Ликиний с княгинею и со своими придворными. Он хотел видеть ее и поговорить с ней о ее браке. Увидев, что лицо ее сияет красотой, как лучом солнечного света, он чрезвычайно обрадовался и сказал ей:

— Вот, дорогое дитя мое, ты достигла уже брачного возраста. Скажи же мне теперь: сын которого князя нравится тебе больше всех других? За того юношу я и отдам тебя в замужество.

И он назвал ей имена сыновей многих окрестных князей. Дева Пенелопа отвечала своему отцу:

— Отец мой! Дай мне лишь семь дней на размышление, и потом я отвечу тебе.

Исполняя ее желание, отец оставил ее и пошел к себе домой.

Когда Ликиний ушел, Пенелопа, подойдя к идолам, сказала им:

— Если вы боги, то вы услышите меня: отец мой хочет отдать меня в замужество, а я хотела бы остаться в девстве, потому что житейские попечения препятствуют служить от всего сердца Богу. Скажите же: идти ли мне замуж или нет?

Немые идолы молчали, потому что были бездушны. Плюнув на них, Пенелопа обратилась на восток и, смотря на высоту небесную, сказала:

— Если Ты Бог истинный — Тот, Которого проповедуют христиане, молю Тебя: скажи мне: следует ли мне взять мужа или всегда оставаться девой?

Так как был уже вечер, то Пенелопа задремала. Во сне увидела она Ангела Божия, который ей сказал следующее: «Пенелопа! С этих пор ты будешь называться не Пенелопою, но Ириною, ибо ты бу-

дешь многим прибежищем и мирным пристанищем[1], и чрез тебя обратятся к Богу и спасутся многие тысячи душ человеческих. Твое имя будет велико и дивно по вселенной. То, что сказал тебе старец Апелиан о виденных тобою птицах, истинно, так как это Дух Божий говорил его устами. В эту ночь придет к тебе человек Божий по имени Тимофей[2], наставленный в учении христианском и принявший священство от святого Павла. Этот человек разносит по церквам и послания Павла[3]. Он сподобит тебя святого крещения и скажет тебе, что ты должна делать».

После этих слов Ангел исчез. Пенелопа же, придя в себя, ощутила радость и с нетерпением ждала прихода пресвитера.

В скором времени, действительно, пришел к столпу человек Божий Тимофей, ведомый и возведенный на столп Ангелом Божиим. Радостно принятый девицею, он сел и стал учить ее, ее воспитательницу, а также и всех подруг ее учению христианскому, и приятными показались всем слова его. Достаточно поучив их в вере и открыв им все, что подобало знать об истинном Боге Иисусе Христе, о святой вере в Него и о таинствах христианских, он крестил Пенелопу во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. При крещении Тимофей нарек ей новое имя — Ирина и, таким образом, уневестил ее Христу, завещав ей до конца сохранить в целомудрии свое девство. Тимофей

---

[1] Имя *Ирина* происходит от греческого слова εἰρήνη — мир, благоденствие.

[2] *Тимофей* — ученик, спутник и сотрудник святого апостола Павла. Он разделял не только труды и славу апостольства, но и узы и страдания святого апостола Павла и был рукоположен им в первого епископа Ефесской церкви. Церковное предание свидетельствует, что апостол Тимофей по смерти апостола Павла в продолжение пятнадцати лет управлял Ефесскою церковью и, наконец, окончил свое служение мученическою смертью в царствование Домициана (с 87 по 96 год) или Нервы (с 96 по 98 год) в один языческий праздник, будучи побит камнями от раздраженных его обличительною проповедью язычников. Память святого апостола Тимофея совершается Церковью 22 января.

[3] *Святой Павел*, до призвания своего в апостолы называвшийся Савлом, — величайший из апостолов, более всех других апостолов потрудившийся в деле благовестия евангельского, как замечает он сам (1 Кор. 15, 10). Он проповедовал имя Христово в Аравии, Палестине, Кесарии, Малой Азии, Греции, Италии и других местах. Апостол Павел написал 14 посланий, в которых он разъясняет самые глубокие тайны христианского богословия. Скончался в Риме около 67 года, будучи усечен мечом по повелению императора Нерона (с 54 по 68 год). Память его совершается святою Церковью 29 июня.

крестил также воспитательницу ее Карию и всех ее служанок; затем он начал увещевать Ирину быть мужественной в мученическом подвиге, который ей надлежит восприять за исповедание имени Господа нашего Иисуса Христа, Бога истинного, бессмертного Жениха ее. Затем Тимофей благословил Ирину и ее сверстниц и, поручив всех их благодати Божией, простился с ними.

Блаженная же Ирина со служанками своими днем и ночью славила и благодарила Бога и усердно изучала апостольские писания, которые оставил ей святой Тимофей[1]. Затем она брала золотых идолов, поставленных отцом, и свергала их по одному чрез окно вниз, говоря: «Если вы боги, спаситесь сами».

Падая с большой высоты на землю, идолы разбивались и рассыпались в прах, святая же посмеивалась их бессилию и радовалась о Господе нашем Иисусе Христе, Боге истинном.

Когда прошло семь дней, отец и мать Ирины с вельможами взошли к ней на столп и заговорили с ней о браке. Она им отвечала:

— Знайте, что я — раба Христа, в Него я верую, Его люблю, вечного Царя небесного. Я уневестила себя этому Жениху, чистому, небесному и бессмертному. Другого жениха я не желаю и не поклонюсь иному Богу, ибо нет Бога, кроме Него. Разве не видели вы, — продолжала Ирина, — гибели ваших богов, упавших с окна на землю? Они не могли себе помочь. Как же они могут быть вашими помощниками? Тщетна ваша надежда на них и суетны все ваши труды и траты на идолов. Золото и серебро надо было раздать просящим, нищим, сиротам и вдовам; вы же, призвав ремесленников, сковали себе бездушных идолов и лишили через это нищих милостыни; вы сделались, благодаря этому, врагами Бога живого и слугами бесов. До которых же пор вы будете неистовствовать, подобно необъезженной лошади? Когда же вы познаете Бога живого, познаете Того, Кто может умерщвлять и оживлять? Когда же свет Божий воссияет в сердцах ваших, тогда диавол, влекущий человека от света во тьму, в погибель, совращающий людей с правой стези на неправую, отбежит от вас. Но вы первые постарайтесь теперь же бежать от диавола, потому что он зол и лют. Он соблазнитель, закрывающий очи сердец ваших, дабы вы не познали истины. Я прошу тебя, отец,

[1] Апостол Тимофей деятельно распространял среди христиан послания святого апостола Павла, особенно те (два), которые были написаны на его имя.

я умоляю тебя: познай истинного Бога, создавшего все Своим словом. Когда ты задумал воздвигнуть для меня этот столп, ты собрал для этого дела много людей: одних работников было три тысячи пятьсот человек и триста надсмотрщиков; и несмотря на это, они едва успели в десять месяцев выстроить здание. Бог же вечный единым словом Своим сотворил небо и солнце, месяц и звезды, свет и тьму и нарек свет днем, а тьму ночью; Он содержит землю в воздухе, повелел водам течь на пользу нам, возрастил разные деревья, расположил времена, годы и месяцы, создал зверей на земле, птиц на воздухе и рыб в водах; наконец, пречистыми Своими руками создал человека, взяв горсть от земли, и поставил его господином всей вселенной, покорив ему все. И все это совершил Бог в шесть дней одним словом Своим, Которое есть Единородный Сын Его, Иисус Христос, рожденный от Него и не сотворенный, соприсносущный и сопрестольный Ему. Он, по действу Святого Духа, родился и воплотился от Пречистой Приснодевы Марии и пожил с людьми, творя бесчисленные чудеса: даровал зрение слепым, очищал прокаженных, воскрешал мертвых и воздвигал расслабленных. Евреи по зависти распяли Его по Его собственному изволению — пострадать ради нашего спасения. Но Он по смерти и погребении Своем воскрес в третий день силою Своего Божества, вознесся на небо, сев одесную Бога Отца, низвел Святого Духа на Своих учеников и послал их во вселенную, дабы они просветили помраченных духом, обратили заблуждающихся и спасли погибших; ибо Он всем желает спасения и милость Его к роду человеческому не оскудеет вовеки.

Так говорила святая, и сладостною всем показалась речь ее. Князь и княгиня взяли свою любезную дочь и повели ее с собой в город. Навстречу ей вышли все городские девицы с венками на головах и кланялись ей, а весь народ, собираясь на возвышенных местах, на стенах оград и на кровлях домов, выражал радостные крики и похвалы прекрасной девице. Когда приближались они к княжескому дворцу, святая Ирина увидела демона, который взывал к ней:

— Ничего общего нет у меня с тобой в этом городе, отроковица; уйди из нашего города, ибо здесь не живет никто из христиан.

Святая же сказала ему:

— Повелеваю тебе именем Господа Иисуса Христа сказать мне, кто ты.

Он отвечал:

— Я — демон, живущий в идолах, учитель блудников и прелюбодеев, поспешник волхвам, вождь врагов, друг пьяницам, я радуюсь кровопролитию, я — отец всякой неправды и лжи, и всякого зла. Я опять говорю тебе: иди и беги из нашего города, а то я подвигну на тебя твоего отца, возбужу его гнев на тебя, и он убьет тебя.

Многие слышали этот голос демона, но не видели его самого. Блаженная же Ирина, обратившись, сказала ему:

— Повелеваю тебе именем Господа Иисуса Христа выйти из этого города.

Тотчас вострепетал демон и стал невидим.

Затем демон вошел в сердце князя и возбудил в нем гнев против его дочери. Призвав княгиню, Ликиний сказал ей:

— Что нам делать? Наша дочь уловлена в сети христианами. Ах, зачем я воздвиг этот столп! Я хотел сохранить своего ребенка, а вместо того погубил его. Теперь погибли все мои надежды.

Княгиня отвечала ему:

— Какие ты странные речи говоришь! Чем прельстилась наша дочь и что дурное она сделала?

Князь отвечал:

— Она верует во Христа и отрицает наших богов.

— Пусть же погибнут, — возразила ему княгиня, — боги, не сотворившие неба и земли, а моя дочь да сподобится славы Христа Царя, призвавшего ее в жизнь вечную!

В гневе князь приказал вывести княгиню из дворца. Одна из служанок передала эту весть Ирине, и та пошла к своему отцу. Когда царь увидел любимую дочь свою, он поник головой. Но в душе его, по навету диавола, бушевал гнев. Святая Ирина сказала отцу:

— Отчего ты так печален, отец мой? Царство твое мирно, тебе не грозит война; вот я, твоя дочь, пришла к тебе; почему же лицо твое так печально?

Ликиний отвечал ей:

— Мне было бы лучше, если б я тебя не родил. Как внимательно я заботился о тебе, воздвиг для тебя прекрасный столп, поставил в нем для сохранения тебя золотых идолов, ради тебя украсил золотом столпы и ложа, а ты воздала мне за добро злом.

— Объясни мне, отец, какое зло я тебе сделала? — сказала ему святая Ирина.

— А разве для меня не малое горе в том, что дочь моя признает Христа Богом и отрицается от моих богов?

Святая отвечала:

— Отец! Я не сделала ничего дурного, уверовав в истинного Бога и возложив мою надежду на Него, а не на твоих идолов.

— Принеси жертву богам, Пенелопа! — раздался грозный крик князя.

— Не изменяй имени моего, отец: я называюсь не Пенелопой, а Ириной, и это имя наречено мне Ангелом в видении и священником при крещении, — с кротостью отвечала Ликинию святая Ирина.

— Принеси жертву богам, не мое, а чужое дитя! — воскликнул опять Ликиний.

— Не принесу им жертвы. Это они возбуждают тебя на гнев; благодаря им ты будешь мучиться в огне вместе с язычниками.

Вне себя от гнева князь приказал связать девицу и бросить ее под копыта свирепым коням. Когда приказание Ликиния начали исполнять, пришел он сам, чтобы видеть смерть ее. Но один, самый свирепый конь, оторвался от привязи, бросился на Ликиния и, схватив его правую руку, вырвал ее из плеч, затоптал до смерти князя и потом встал спокойно на своем месте. Все прочие кони вели себя кротко, как агнцы, и не коснулись святой Ирины. Конь же, убивший Ликиния, по Божию повелению возопил человеческим голосом, так ублажая святую мученицу:

— Блаженна ты, голубица Христова, поправшая змия[1]. Славна ты на земле и будешь с любовью принята на небе. Ты будешь ликовать среди праведных. Тебя ждет свет вечный и чертог бессмертного Жениха, как мудрую и мужественную девицу: будучи женщиной по природе, ты выказываешь храбрость воина.

Когда со святой Ирины сняты были узы, она воскресила молитвою своею мертвого отца своего и исцелила его руку. Видя такое чудо, уверовали во Христа князь с княгинею, и весь дом их, и много народа — всего около трех тысяч человек.

Ликиний вскоре оставил управление своим княжеством, чтобы свободнее служить Христу, и поселился со своей супругой и прибли-

[1] То есть врага спасения рода человеческого — диавола.

женными людьми в том самом столпе, который когда-то воздвиг для своей дочери; святая же Ирина осталась в городе, научая народ вере во Христа, и многих привела ко Христу Богу. Жила же она в доме своего учителя Апелиана.

После Ликиния управление государством принял другой царь, по имени Седекия. Услышав об Ирине, он призвал к себе Апелиана и спросил его, у него ли находится девица, царская дочь Ирина. Апелиан отвечал на это утвердительно. Седекия спросил его:

— Не знаешь ли ты, как она живет?

Старец отвечал ему:

— Она живет так же, как я и все, верующие в Бога истинного. Жизнь ее проходит в том, что она каждый день постится до вечера, вечером же съедает небольшой кусок хлеба и выпивает одну чашку воды, ложа не имеет и отдыхает недолго на голой земле; день и ночь она проводит в молитвах к Богу и занимается чтением Божественных книг.

Удивился князь, услыхав это, и послал за Ириной епарха[1], приказав ему с честью привести девицу к нему. Придя к нему, святая Ирина сказала:

— Радуйся, князь!

Седекия отвечал ей:

— Радуйся и ты, чудная отроковица!

— Зачем ты призвал меня? — спросила его Ирина.

— Сядем и будем беседовать мирно и любовно, — был царский ответ.

Святая девица сказала:

— Я исполняю слова святого Писания, которое говорит: *с нечестивыми не сяду, и с законопреступными не вни́ду* (слав. Пс. 25, 5, 4).

— В чем же мы законопреступны? — спросил Седекия.

Святая девица отвечала на это:

— Всякий язычник, не ведущий истинного Бога и поклоняющийся идолам, есть законопреступник.

— Ты принуждаешь меня, несмотря на мое нежелание, мучить, не щадя тебя, княжеской дочери, — возразил Седекия.

— Зачем же ты попусту тратишь время на разговоры, — мужественно отвечала ему святая Ирина, — начинай же мучить меня: я готова на всякую муку за Христа моего.

[1] *Епарх* — начальник города или области.

— Оставь свое безумие, девица, принеси жертву богам.

Святая отвечала на это:

— Напрасно ты беспокоишься, царь, смущаемый сатаною: знай, что я не послужу бесу и не пощажу плоти моей ради Христа Господа моего.

Исполнившись гнева, князь стал советоваться с епархом, какой бы казни предать святую. По приказанию мучителя выкопали глубокий ров и наполнили его змеями, пресмыкающимися и всякими гадами и бросили туда святую девицу. Но она осталась там здрава и невредима в течение десяти дней, ибо Ангел Господень сошел к ней в ров и сохранил ее невредимою; все же гады, бывшие там, издохли.

Седекия, узнав, что мученица осталась живою во рву, удивлялся и полагал, что она обворожила гадов силою волшебства своего и убила их. Он приказал извлечь ее из рва и привести к нему на допрос. Сев на судилище, он сказал ей:

— Принеси жертву богам, которые тебя пощадили: вот они умертвили змей, тебя же сохранили живою, чтоб ты познала их силу и милосердие и поклонилась им.

Святая отвечала на это:

— Безумец, прельщенный сатаною, которого я презираю! Разве эти деревянные или каменные идолы когда-либо умерщвляли змей? Ты сам вскоре будешь ввержен в ров преисподнего ада с богами твоими, которым ты служишь, и погрязнешь *во тьме кромешной*, уготованной тебе сатаною: *там будет плач и скрежет зубов* (Мф. 25, 30).

Князь во гневе призвал плотников с железной пилой и приказал им перепилить святую девицу. Когда святую привязали к дереву и начали пилить, то пила не касалась девического тела и притуплялась как бы об острый камень; наконец, переломилась по средине. Была принесена другая пила, но и эта переломилась, а пилившие упали, ранили себя обломками пилы и умерли. Наконец, была принесена третья, самая острая и крепкая пила, и Седекия приказал пилить девицу по чреслам ее. Связав, ее положили на земле, грудь же ее придавили большим камнем, и начали пилить святое тело великомученицы: на этот раз коснулась пила тела, и потекла из него кровь.

Седекия тогда со смехом сказал мученице:

— Где же Бог твой? Пусть Он придет теперь и поможет тебе, если есть у Него сила.

При этих словах Седекии внезапно блеснула молния, раздался страшный гром, поднялся вихрь в воздухе; слуги, терзавшие тело святой мученицы, лишились чувств. Князь в страхе побежал в свой дворец, и народ бросился с площади по своим домам; пролился великий дождь, словно поток, с сильным градом, и многие из мучителей пали мертвыми, убитые молниею, громом и градом. А Ангел Господень, сойдя с неба, снял камень с груди святой мученицы, исцелил язвы ее и воздвиг ее здоровой.

Восемь тысяч человек, видя это чудо, уверовали во Христа. Но князь, наущаемый диаволом, снова приказал схватить святую и снова начал рассуждать с епархом, как бы погубить ее. Мучители придумали для нее такую казнь: ее привязали к мельничному колесу, чтобы оно в своем вращении истерзало ее. Но, когда пустили воду под колесо, вода остановилась, как будто окаменев; ни одна капля ее не потекла, и святая была невредима. Князь же с советниками своими воскликнул:

— О, как велика ее волшебная сила, которая претворила водную стихию в иное вещество.

Народ, смотря на это чудо, возмутился против нечестивого князя и с громким криком укорения и досады стал бросать в него каменьями и изгнал его из города. Он же, придя на свою родину, прожил здесь семь дней и умер от печали, гнева и стыда.

По смерти Седекии, сын его Савах, желая отомстить за позор своего отца, собрал много воинов, числом около ста тысяч, и пошел войной на город Магеддон. Жители этого города, узнав о приближении царя Саваха, в страхе затворились в городе и сказали святой Ирине:

— Из-за тебя мы погибаем.

Но она повелела им не бояться врагов и начала молиться Богу такими словами:

— Ты, услышавший некогда раба Твоего, пророка Елисея[1],

---

[1] *Елисей* — пророк израильский, ученик и преемник в даре пророческом святого славного пророка Илии. В продолжение шестидесяти пяти лет он мужественно возвещал истину при царях: Ахаве, Охозии, Иораме, Ииуе, Иоахазе и Иоасе. Его пророческая деятельность относится к IX веку до Рождества Христова. — Случай, о котором упоминает святая Ирина в своей молитве к Богу, имел место в жизни пророка Елисея в то время, когда царь сирийский осадил город Дофаим, в котором находился пророк. По молитве Елисея неприятель был поражен слепотою (4 Цар. 6, 8–23).

услышь и мою молитву и невидимо порази этот народ, идущий погубить город, ослепи врагов наших, да разумеют они, что Ты Единый Бог истинный.

И тотчас, услышав молитву ее, Господь поразил слепотою князя и всех воинов, бывших с ним.

Князь Савах понял, что это Ирина навела слепоту на него и на его войско, и послал к ней посланца с такой просьбой:

— Я знаю теперь, что непобедима сила твоего Бога; молю же тебя, помолись твоему Богу обо мне и о воинах моих, чтобы прозреть мне и им!

Умилосердившись, святая принесла прилежную молитву ко Владыке всех, и прозрел князь и все бывшие с ним. Затем Савах послал в город сказать гражданам такие мирные слова:

— Возьмите меня к себе князем, как имели вы князем и отца моего; я же прошу вам бесчестие, нанесенное вами моему отцу.

Граждане, видя, как велико царское войско, заключили с ним мир, отперли ему городские ворота, поклонились ему и признали его своим царем. Когда же Савах получил царство, он, по наущению диавола, разгневался на святую Ирину и, призвав святую, сказал ей:

— Я прощаю городу его вину, а на тебя гневаюсь, потому что ты возбудила мятеж против моего отца, и его за то побили камнями; но если и ты хочешь получить прощение от меня, исполни мою волю: принеси жертву богам и будешь свободна.

Святая стала укорять князя в его безумии и тем привела его в еще больший гнев.

Савах приказал бросить ее в темницу и стал совещаться с вельможами, какую для нее изобрести пытку. Святая между тем пребывала в темнице уже в продолжение семи дней. Здесь явился ей Христос и сказал ей:

— Не бойся, дочь моя, ибо с тобой Я, укрепляющий тебя.

Савах приказал, выведя мученицу из темницы, вбить ей в пятки железные гвозди, затем, положив ей на плечи тяжелый мешок с песком, повелел гнать ее до одного места, отстоявшего от города в пяти поприщах[1]. Слуги вложили вожжи в уста святой и погнали ее,

---

[1] *Поприще* — мера длины; равнялось приблизительно шестистам девяноста нашим саженям.

как гонят лошадей, к назначенному месту. Святая же, будучи так унижаема, говорила, обратясь к Богу:

— Воистину, *как скот я пред Тобою*, Господи. *Но я всегда с тобою: Ты держишь меня за правую руку. Ты руководишь меня советом Твоим и примешь меня в славу* (Пс. 72, 22–24).

Посмотрев направо от себя, святая увидела сопутствующих ей Ангелов Господних и возрадовалась душою. Когда мучители пришли на назначенное место, слуги повернули назад к городу, ведя с ругательствами на вожжах святую мученицу. Много народа следовало за ними, а святая увидела пред собою Ангела, ударяющего жезлом по земле, и подумала в себе: «Погибнут враги Божии».

Когда они дошли до места, где стоял Ангел, земля внезапно рассеялась и пожрала слуг мучителя, ведших святую. Святая почувствовала себя разрешенною от уз, и невидимые руки сняли мешок с песком с ее плеч, гвозди выпали из ее ног. И стала она здорова ногами и ходила, славя Бога. Князь, узнав об этом, сказал:

— Боги разверзли землю и отвели под землю от этой волшебницы моих слуг.

Но другие возразили ему, говоря:

— Бог Живой со святою мученицей Ириной!

Иные же поносили бранными словами святую девицу. Тогда Ангел, разверзший землю, поразил внезапною смертью многих неверных, числом до десяти тысяч; уцелевшие же из язычников взывали:

— Бог Ирины, пощади нас, ибо мы веруем в Тебя и прибегаем к Тебе.

В это время действительно уверовало во Христа около тридцати тысяч человек. Однако не уверовал в Бога князь Савах, и Ангел Божий поразил его за это смертью.

Между тем святая Ирина продолжала проповедовать Имя Христово в городе и творила много чудес силой Христовой. Она не только исцеляла больных, очищала прокаженных и изгоняла от людей бесов, но воскресила юношу умершего, горько оплакиваемого родителями, и обратила ко Христу до десяти тысяч народа.

В город в это время по повелению Божию пришел святой Тимофей пресвитер, крестивший святую Ирину. С радостью встретив его, святая Ирина вместе с ним и с прочими людьми, уверовавшими во Христа, пошла к столпу, где жили ее отец и мать, в безмолвии ра-

ботая Богу, и там все, уверовавшие во Христа, приняли святое крещение.

Три года провела святая Ирина в городе Магеддоне, уча людей и утверждая их в вере Христовой. Потом она пошла в другой город, по имени Каллиполь[1], где правил князь Нумериан, родственник гонителям Ирины, царям Седекии и Саваху.

Когда Ирина входила в город, язычники справляли там нечестивый праздник в честь богини Артемиды[2], и царь приносил пред идолом жертву. Святая Ирина стала пред ним, обличила его в нечестии и исповедала Христа истинным Богом. Князь сказал своим вельможам:

— Эта девица лицом и ростом похожа на отца своего Ликиния, но дурные дети составляют несчастие для своих родителей. Так, и из-за этой отроковицы добрый отец ее лишился царства. Она же, как я слышал, виновница смерти брата моего Седекия; также и сына его, Саваха, она умертвила своим волшебством; воистину эта девица — губительница царей.

Затем Нумериан сказал святой Ирине:

— Что скажешь ты, волшебница? Принесешь ли ты жертву богам или останешься в своем пагубном заблуждении?

Святая, осенив себя крестным знамением, отвечала:

— Я принесу жертву хвалы Богу Вышнему, а бесам твоим и бездушным идолам не принесу жертвы. Что же касается твоих родственников князей, то знай, что не я, а мой Бог, обладающий жизнью и смертью каждого, повелел им умереть; убойся же и ты моего Бога, ибо немного дней осталось тебе жить, и вскоре постигнет и тебя кончина.

Услышав это, Нумериан распалился яростью, заскрежетал зубами, зарычал, как лев, и приказал своим слугам растопить трех медных волов, решив, что если святая одолеет в одном воле силу огня, то будет брошена в другой; если же сделает то же и с другим, тогда будет брошена в третий. Так и случилось. Когда медные воды были раскалены как горячие угли, святую бросили в один из них.

---

[1] Город *Каллиполь* находился так же, как и Магеддон, во Фракии.

[2] *Артемида*, или *Диана*, — греко-римская богиня света и луны, считавшаяся также покровительницею охоты.

Здесь она стала громко молиться такими словами: «Господи! Поспеши на помощь мне, страждущей ради святого имени Твоего!»

Явился ей Ангел Господень. Увещевая ее не бояться мучений, он остудил пламя огня. Народ же роптал на Нумериана, говоря:

— Напрасно погубил ты цветущую юностью отроковицу.

Когда медь остыла, святую нашли живой и здравой, нисколько не поврежденной огнем, и князь сказал окружающим:

— Не предупреждал ли я вас, что эта девица — волшебница? Видите, как погасила она огонь; бросьте ее в другой вол.

И святая была брошена в другой вол. Когда же и этот был чудесно остужен, она была брошена в третий. И тогда этот третий вол, по повелению Всесильного и Всемогущего Бога, двинулся с места как живой, прошел четвертую часть поприща и, возвратившись на свое место, распался, а святая мученица вышла из него невредимою. Народ, видя такое чудо, громко взывал:

— Велик Ты, Бог Ирины! Помилуй нас по великой милости Твоей! Ты — Бог наш, сильный и крепкий, творящий чудеса дивные и преславные!

И уверовали во Христа тогда до ста тысяч человек. Князь же Нумериан не только пребывал в неверии, но и хулил Бога Вышнего, за что, невидимо пораженный Ангелом Божиим, разболелся смертельно. Умирая, он приказал своему епарху Ваводану, подвергнуть Ирину различным мукам и затем умертвить ее самой лютой казнью.

Когда нечестивый князь Нумериан умер, то святая Ирина, пребывая в городе, продолжала учить народ вере во Христа Господа и исцеляла всякие недуги; а пресвитер Тимофей, пришедший туда в это время, крестил уверовавших во Христа.

Епарх, видя, что весь народ сочувствует святой Ирине, боялся подвергнуть ее мукам в этом городе, опасаясь возбудить в народе ропот и мятеж. Он отправился в другой город, называемый Константина[1], мученицу же велел воинам своим вести за собою. Придя в этот город, он воссел на судилищном месте и сказал святой:

— Знаешь ли ты, что мне дана власть над тобою? Приступи же к богам нашим и принеси им жертву; в противном случае я предам тебя лютым мукам.

[1] *Константина* находился неподалеку от Каллиполя, во Фракии.

Святая отвечала ему:

— Слушай, епарх, мой ответ: предай меня всем, какие только можешь изобрести, мучениям и увидишь силу Божию.

Епарх приказал принести железную решетку и, положив мученицу на решетку, приказал привязать ее к ней железными цепями; затем, подложив под решетку дрова, приказал зажечь их. Запылал сильный огонь, и тогда, по приказанию епарха, на мученицу стали лить масло, сало и смолу; так мучили святую в продолжение нескольких часов; решетка и железные цепи накалились до красна. Однако святая пребывала невредимой и воспевала, прославляя Бога, как будто ее орошала холодная роса. Потом железные цепи спали с нее, и она встала здравою и совершенно невредимою.

Епарх и его советники, видя это, сильно удивились. Припав к ногам святой, епарх сказал ей:

— Раба истинного Бога! Умоляю тебя, не погуби меня, как погубила ты князей наших, ибо и я верую в Сына Божия и хочу быть христианином.

И так уверовал во Христа епарх Водан и вместе с ним множество народа. Ангел Божий привел в этот город пресвитера Тимофея, и все, уверовавшие во Христа, крестились от него.

Пробыв в этом городе пятьдесят дней, святая Ирина вышла оттуда и была схвачена воинами князя Савория, который жил во фракийском городе Месемврии. Она была приведена к нему, так как этот князь слышал о ней и давно желал ее схватить. Увидев святую, он пришел в ярость, казнил ее мечом, и она была погребена вне города. После этого Саворий сказал во всеуслышание:

— Страшные слухи ходили об этой волшебнице, так как она чарами своими убивала князей. Почему же теперь не могла она убить меня, но я убил ее, и где ее помощник Христос? Почему не избавил Он ее от рук моих?

Так неверный царь поносил силу Христову и гордился собою, как победитель Ирины.

Но что невозможно для всемогущей силы Божией? Тот, Кто во время вольной Своей смерти *многие тела усопших святых* воскресил, так, что они, *вышедши из гробов по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим* (Мф. 27, 52–53), не мог ли Он воскресить из

мертвых и эту святую, чтоб она вошла в Месемврию и явилась князю? Воистину силен Христос Бог наш на небе и на земле и творит все, что возжелает. Он послал Ангела Своего и восставил святую Ирину живою из гроба; при этом Ангел Господень сказал ей:

— Хотя ты и совершила уже подвиг страдания своего и подобало тебе уже почить, ибо ты достойна блаженства на небесах; но чтобы не возносились нечестивые и беззаконные паки, хвалящиеся, что они преодолели силу Бога нашего, иди в город, чтобы увидели тебя живою и посрамились все нечестивцы, познав, что Бог наш всемогущ; больше ты ни от кого уже не примешь никакого страдания.

И вошла святая в город Месемврию, держа масличную ветвь в руке своей. Когда граждане увидели ее, сердца их исполнились великим ужасом, и они весьма удивились. Весь народ окружил святую с громкими криками:

— Дивен Бог Ирины, и нет иного Бога, кроме Него.

Князю города того было доложено, что Ирина воскресла из мертвых. Услышав это, он весьма испугался и, увидев святую, припал к ногам ее, говоря:

— Теперь я понял, что велик твой Бог. Умоляю тебя остаться в нашем городе и сделать нас христианами.

Святая оставалась с ними в продолжение семидесяти дней, уча их святой вере, и все жители того города уверовали во Христа; блаженный же пресвитер Тимофей, придя туда по Божьему повелению, крестил князя и всех прочих людей.

Отсюда святая Ирина отправилась на родину свою, в город Магеддон, где отец ее около этого времени умер. И она оплакала смерть его, молясь о нем Богу. Некоторое время она оставалась со своею матерью, а потом была перенесена на облаке и поставлена в Ефесе[1], и ходила она по этому городу, по-апостольски проповедуя имя Христово, творила здесь многие чудеса, исцеляя различные недуги.

---

[1] *Ефес* — в древности очень большой город в Малой Азии, у подошвы гор Кореса и Пиона; обладал обширной гаванью (ныне совершенно занесенной илом), благодаря которой вел большую торговлю. В истории христианской Церкви город Ефес замечателен как место проповеди святого апостола Павла и как место III Вселенского собора (в 431 году).

Своею проповедью святая Ирина многих язычников обратила от идолопоклонства к вере Христовой.

Спустя некоторое время пришел к святой Ирине в Ефес посланный ей Богом старец Апелиан, бывший некогда ее учителем. Святая, увидя его, весьма обрадовалась. Спустя несколько дней она сказала народу:

— Радуйтесь, братия мои! Мир Господа Иисуса Христа да будет с вами; благодушествуйте, веселясь о Господе нашем, и крепко стойте в вере. Я отхожу от вас и благодарю вас, что вы приняли меня, странницу. Знайте же, что всякий, принимающий странников, бывает другом Бога небесного.

Граждане, выслушав ее слова, начали спрашивать друг друга:

— Куда идет наша учительница?

Другие говорили:

— Не хочет ли она умереть?

Третьи вещали:

— Она достойна Бога; она будет взята от очей наших, потому что мы грешны.

На следующий день святая Ирина, взяв старца Апелиана и шесть благоговейных мужей, пошла с ними за город и, найдя в каменной скале новый пустой гроб, в котором никогда никто не был положен, вошла в этот гроб и сказала Апелиану и другим мужам:

— Покройте меня плотно сверху камнем, чтобы никто не мог открыть меня раньше четвертого дня.

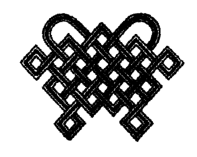
Затем она выразила последнее приветствие Апелиану и бывшим с ним мужам. Потом осенила себя крестным знамением и возлегла. Мужи положили сверху гроба тяжелый камень и возвратились в город.

На четвертый день Апелиан с теми же мужами пришел ко гробу, но, не найдя там тела святой Ирины, подумал в себе, что Христос Бог призвал ее в рай. Он отправился в город, чтобы возвестить об этом. Многие собрались ко гробу и, увидев, что гроб пуст, удивлялись и с ужасом прославили Бога.

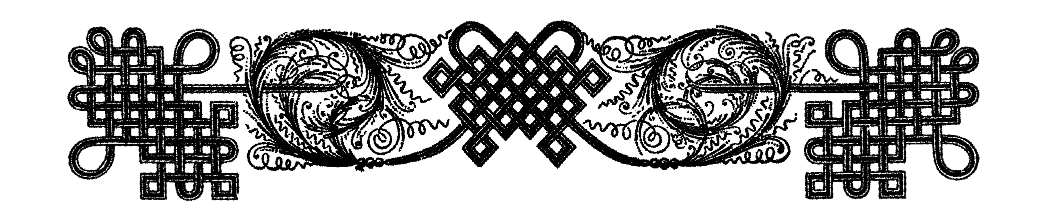
Так окончились страдания святой девы Ирины; таковы были подвиги этой девы — невесты Христовой. Она исповедала веру свою во Христа сперва пред отцом своим Ликинием, потом пред Седекиею и сыном его Савахом, затем пред Нумерианом, епархом Вавو-

даном и, наконец, пред Саворием. Города, в которых она страдала, суть следующие: Магеддон — ее родина, Каллиполь (или Калиник), Константина и Месемврия во Фракии. Она почила о Господе в городе Ефесе 5 мая[1].

Представ ко Христу, она умоляет Его за всю вселенную. Сказание о подвигах и страдании ее написал старец Апелиан, во славу Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога в Троице славимого, Которому подобает честь и поклонение от всякой твари ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.



[1] Кончина святой великомученицы Ирины последовала в конце I или начале II века.



День шестой

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО И МНОГОСТРАДАЛЬНОГО
ИОВА

Святой праведный Иов по рождению своему происходил из племени Авраамова; жил он в Аравии — местом пребывания его была земля Хус[1], которую населяли потомки Уца, племянника Авраама, сына первенца Нахора, брата Авраамова (см.: Быт. 22, 20–21). Иов был человеком истины (см.: Иов. 6, 24–30; ср.: 27, 2–4), — он отличался безукоризненным поведением, справедливостью с доброжелательством ко всем и благотворительностью, а всего более богобоязненностью с соблюдением невинности своего сердца и удалением от всего злого не только в делах своих, но и во внутренних помышлениях. У него было семь сыновей и три дочери. Известен он был в своей стране и богатством: у него было семь тысяч овец, три тысячи верблюдов, пятьсот пар волов, пятьсот ослиц и множество слуг; принимал он живое и деятельное участие в жизни своих соплеменников и оказывал большое влияние на дела общественные, ибо по всему Востоку он был в великом почете за свои благородство и честность (см.: Иов. 30, 5–10; ср.: 1, 1–3). Сыновья Иова, хотя и проживали каждый отдельно, в своем шатре — доме, но питали в себе столь крепкую взаимную любовь и жили в таком согласии между собою, что никогда не дозволяли себе есть и пить раздельно, помимо своего родственного содружества. Каждый день, по очереди они делали у себя пиры и проводили время в братском кругу, вместе с своими се-

[1] Земля Хус находилась на юго-востоке от Палестины, за Мертвым морем.

страми, среди невинных увеселений, свободных от всяких неумеренностей, чуждых пьянства и бесчиний. Собраний неблагочинных не допустил бы и добрый и праведный отец их. Но так как пиры детей Иова были выражением их братской любви и тихого благонравия, то праведный муж не только не запрещал их, но даже поощрял, утешаясь семейным миром. Каждый раз, по прошествии семи дней, по окончании очередных братских собраний, Иов предлагал своим детям тщательно, по искренней совести проверять свое поведение — не погрешил ли кто-либо из них против Бога словом или помыслом; ибо он весьма боялся Бога, но боялся не страхом раба, а опасением сыновней любви, и внимательно наблюдал и за самим собою и за домом своим, чтобы не случилось у них чего-либо такого, что прогневляет Господа Бога. Впрочем, богобоязненный праведник не ограничивался только наблюдениями за своими домочадцами и увещаниями к ним, чтобы проводили они жизнь непорочную, чтобы никто из них и в мыслях не погрешал пред Создателем своим, — но всякий раз, когда оканчивался круг пиршественных дней, Иов в присутствии всей семьи ранним утром приносил жертвы всесожжения по числу всех детей своих и одного тельца за грех о душах их, ибо, говорил он, может быть, сыновья мои согрешили и похулили Бога в сердце своем; так делал Иов во все такие нарочитые дни (см.: Иов. 1, 5).

В одно время, когда на небе Ангелы Божии, хранители рода человеческого, собрались пред престолом Вседержителя Бога, чтобы предстательствовать пред Ним своим ходатайством за людей и принести Ему человеческие моления о всяческих жизненных нуждах, — пришел между ними и диавол, клеветник и искуситель рода человеческого. Сатана, низверженный с неба, попущением Божиим явился там, среди Ангелов, не изменив своей падшей природе, не по доброму желанию ходатайствовать о благе, а для того, чтобы изрыгнуть свое озлобление и похулить добро. Сатанинская гордыня в своем внутреннем ослеплении никогда не мирится с истиною, не усматривает радостного мира в смирении и покорной преданности воле Всеблагого Бога; она смело вносит переоценку существующего, по своему мрачному взгляду, и в чуждую ей, светозарную область жизни Божественной, дерзко измеряя все мерою своего самомнения!

И сказал Господь сатане, представшему вместе с Ангелами:

— Откуда ты пришел?

Сатана отвечал:

— Я ходил по земле и обошел ее всю.

Господь сказал ему:

— Обратил ли ты внимание свое на раба Моего Иова? Не найти на земле другого человека, который бы, как он, был так непорочен, справедлив, богобоязнен, чужд всякого порока!

На это сатана отвечал Господу:

— Разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли бережешь его? Не Ты ли кругом оградил и дом его, и все, что у него? Ты благословил дела рук его и стада его умножил, и распространил по земле. Но простри руку Твою и коснись всего, что есть у него, — отними то у него, тогда увидишь, станет ли он благословлять Тебя?

Тогда Господь сказал сатане:

— Все, что есть у него, Я предаю в твои руки, делай по воле твоей, только его самого не касайся.

Сатана отошел от лица Господня (см.: Иов. 1, 6–12).

Был день, в который сыновья и дочери Иова пировали в доме старшего брата. И вот приходит вестник к Иову и говорит:

— Волы твои в поле попарно под ярмом пахали, и ослицы паслись подле них; вдруг напали савеяне и угнали их, а слуг перебили; спасся только я и прибежал донести тебе.

Пока говорил этот, приходит другой вестник к Иову, и рассказывает:

— Огонь упал с небес и попалил весь мелкий скот и пастухов; спасся я один и пришел сказать тебе.

Еще не кончил этот своей речи, приходит новый вестник и доносит:

— Подошли халдеи и, разделившись на три отряда, окружили верблюдов и угнали их, а слуг перебили; спасся я один и пришел возвестить тебе.

Еще этот говорил, вот приходит иной вестник и сказывает Иову:

— Сыновья твои и дочери твои пировали в доме старшего брата своего; вдруг страшный вихрь понесся из пустыни, обхватил дом с четырех углов и обрушил его на детей твоих; все погибли; спасся только я один и пришел известить тебя.

Выслушав одну за другой эти ужасные вести, Иов встал, в знак тяжелой скорби своей разодрал верхнюю одежду свою, остриг голову свою, пал на землю и, преклонившись пред Господом, сказал:

— Нагим я вышел из чрева матери своей, нагим и возвращусь в чрево матери земли. Господь дал, Господь и взял! — как угодно Ему, так и сделалось; да будет имя Господне благословенно!

Так во всем этом Иов не согрешил пред Богом ни одним безрассудным словом (см.: Иов. 1, 13–22).

Был день, когда Ангелы Божии опять предстали пред Господом; между ними пришел опять и сатана.

И сказал Господь сатане:

— Откуда ты пришел?

Сатана отвечал:

— Я был на земле и обошел ее всю.

Господь сказал ему:

— Обратил ли ты внимание свое на раба Моего Иова? Нет на земле человека, который бы был подобен ему: так он добр, правдив и благочестив, так он далек от всего злого! И при постигших его несчастиях, он и доселе остается тверд в своей непорочности; а ты возбуждал Меня против него, чтобы погубить его безвинно!

И отвечал сатана Господу, и сказал:

— Кожу за кожу, а за жизнь свою человек отдаст все, что есть у него, — то есть: в чужой коже человеку страдать можно; в чужой коже удары не так чувствительны, даже снятие этой кожи сносно, не болезненно для него, и он может оставаться спокойным; а вот попробуй коснуться его собственного тела, простри руку Твою и коснись кости его и плоти его, и увидишь — благословит ли он Тебя?

Тогда Господь сказал сатане:

— Вот, он в руке твоей. Я попускаю тебе сделать с ним, что захочешь; только душу его сбереги, — не посягай на основу его существа, свободное изволение (см.: Иов. 2, 1–6).

Сатана отошел от лица Господня и поразил все тело Иова страшною проказою от подошвы ног его по самое темя головы. Страдалец должен был выселиться из среды живых людей, так как был нетерпим между ними по заразительности охватившей его болезни. Тело его покрылось отвратительными, смрадными струпьями; по всем суставам разливался жгучий внутренний огонь; сидя, вне селения, в

пепле[1], Иов обломком черепка скоблил свои гнойные раны. Все соседи его и знакомые отстранились, оставили его. Даже жена его утратила сострадание к нему.

Спустя много времени она, в состоянии отчаяния, сказала однажды Иову: «Доколе ты будешь терпеть? — Вот, подожду еще немного в надежде спасения моего; ибо погибли с земли память твоя, сыновья и дочери, болезни чрева моего и труды, которыми напрасно трудилась. Сам ты сидишь в смраде червей, проводя ночь без покрова, а я скитаюсь и служу, перехожу с места на место, из дома в дом, ожидая, когда зайдет солнце, чтобы успокоиться от трудов моих и болезней, которые ныне удручают меня. Не упорствуй, не отстаивай неуклонно свою непорочность; но скажи некое слово к Богу, похули Его и умри, — в смерти ты найдешь освобождение от своих страданий, она избавит и меня от мучений».

Так просто и естественно, по-видимому даже и удовлетворительно, разрешала жена Иова для него и для себя вопрос о жизни, не простираясь далее земного понимания ее значения и назначения, по внушению сатаны — «кожу за кожу». Измученная и усталая нравственно, она готова была погасить последний светоч истинной жизни: «похули Бога и — умри».

Не так, однако, рассуждал о своем состоянии сам страдалец, Иов, смотря на свою человеческую природу не с точки зрения узкого себялюбия. С сожалением взглянув на жену, он сказал ей:

— Зачем ты говоришь так, как одна из безумных жен? Если доброе мы принимали от Бога, то неужели злого мы не стерпим, — не будем принимать!

И в этот раз таким образом Иов не согрешил пред Богом — уста его не произнесли ничего хульного на Бога (см.: Иов. 2, 7–10).

Слух о несчастии, постигшем Иова, распространился по окрестным странам. Три друга его: Елифаз Феманитянин, Вилдад Савхеянин и Софар Наамитянин[2], осведомленные о злополучии его, собрались вместе, чтобы идти утешать страдальца, разделив его скорбь. Но, приближаясь к нему и не узнавая его, потому что лицо его представляло сплошной гнойный струп, они еще издалека от ужаса вскричали и зарыдали, разодрали каждый верхнюю одежду свою и в

[1] По-церковнославянски — *на гно́ищи, гной* — кал, навоз.

[2] Они происходили из потомства Исава, иначе «Едома» (Быт. 36).

сильной горести бросали пыль кверху над головами своими. Семь дней и семь ночей провели они потом, сидя на земле насупротив своего друга и не промолвив ни одного слова, ибо видели они, что страдание его весьма велико, и не находили средств утешить его в таком состоянии (см.: Иов. 2, 11–13). Томительное молчание это было прервано самим Иовом. Он первый открыл уста свои: проклял день своего рождения и выразил глубокую скорбь о том, зачем ему дано было увидеть свет, который теперь покрыт для него мраком? Зачем дана ему жизнь, когда она для него является безотрадным мучением?

— Ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня, — говорил страдалец, — и страшное, чего я боялся, то и пришло ко мне. Нет мне мира, нет покоя, нет отрады! (см.: Иов. 3, 1–26).

Тогда в разговор с ним вступили и друзья его, хотя своими рассуждениями, которыми они хотели утешить его, только еще более отравляли исстрадавшееся сердце его (см.: Иов. 21, 34; 16, 2 и дал.). По своему искреннему убеждению, по своей вере, что Правосудный Бог награждает добрых и наказывает злых, они почитали за неоспоримое и несомненное, что если кто подвергается несчастию, тот — грешник, и чем больше это несчастие, тем — значит — мрачнее его греховное состояние. Потому и об Иове они думали, что у него существуют какие-либо тайные грехи, которые он умел искусно скрывать (см.: Иов. 32–33 и др.) от людей и за которые Всевидящий Бог и наказывает их друга. Это они дали почувствовать страдальцу с самого начала своих разговоров и потом, в продолжение длинных своих рассуждений, убеждали его сознаться и раскаяться в своих преступлениях. Иов, в сознании своей непорочности при всей, по-видимому, убедительности речей, почитал себя внутренне далеким от того, чтобы признать их рассуждения справедливыми (см.: Иов. 27, 1–7; ср.: 10, 17); со всею силою невинности защищал он свое доброе имя.

— Доколе будете мучить душу мою и терзать меня речами своими? Вот, уже раз десять вы срамили меня и не стыдитесь терзать меня! Жалкие утешители! — будет ли конец ветреным словам вашим? (см.: Иов. 19, 2–3; ср.: 16, 2).

Иов разъяснял своим друзьям и уверял их, что он страдает не за грехи, но что Бог по Своей, непостижимой для человека, воле посылает одному тяжелую, а другому счастливую жизнь. Друзья Иова,

полагавшие, что и Бог поступает с людьми по тем же законам возмездия, по которым произносит Свой суд и человеческое правосудие, не убеждались его оправдательными словами, хотя и прекратили свои обличения, направленные против него, и перестали отвечать на слова его (см.: Иов. 32, 1–15). В это время принял горячее участие в общем разговоре молодой летами некто Елиуй, сын Варахиилов, из племени Рамова, вузитянин; с пламенным дерзновением он ополчился на почтенного возрастом страдальца «за то, что тот оправдывал себя, свою невинность, больше, нежели Бога» (см.: Иов. 32, 2 и дал.). Воздавая Создателю справедливость, недоступную человеку, и этот собеседник усматривал причину страданий Иова в его порочности, хотя бы и не заметной для взоров людских.

— Бог могуществен и не презирает сердца сильного крепостью. Он не поддерживает нечестивых и не отвращает очей Своих от праведников; но ты, — говорил Елиуй Иову, — ты преисполнен суждениями нечестивых, ибо, по твоему суждению, наказание, посланное тебе от Бога, незаслуженно, «но ведь суждения и осуждение близки», так близко соприкасаются между тобою (см.: Иов. 36, 5–17).

Наконец страдалец обратился с молитвою к Богу, чтобы Он Сам засвидетельствовал о его невинности.

Действительно, Бог явился Иову в бурном вихре и укорил его за намерение требовать отчета в делах мироправления. Вседержитель указал Иову, что для человека весьма много непостижимого в явлениях и творениях даже одной видимой, окружающей его природы; а после этого — желание проникнуть в тайны судеб Божиих и объяснять, почему Он поступает с людьми так, а не иначе, — такое желание представляет собою уже дерзкую самонадеянность.

— Кто это, омрачающий Провидение словами без смысла? — вопрошал Господь Иова из бурного вихря. — Препояшь ныне чресла твои, как муж, и отвечай: где был ты, когда Я полагал основания земли? — скажи, если знаешь. На чем утверждены основания ее, или кто положил краеугольный камень ее при общем ликовании светил небесных и радостных хвалебных восклицаниях сынов Божиих? Давал ли ты когда-нибудь в жизни своей приказание утру и указывал ли место заре? Знаешь ли ты уставы неба, можешь ли возвысить голос твой к облакам, можешь ли посылать молнии?.. Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя: — та-

кая ли у тебя мышца, как у Меня? — Укрась себя величием и славой, облекись в блеск и великолепие; излей ярость гнева твоего, посмотри на все гордое и высокомерное и смири его, сокруши сильных нечестивых на местах их. Тогда и Я признаю, что десница твоя сильна, чтобы защитить тебя. Состязающийся с Вседержителем, обличающий Бога пусть отвечает Ему.

И отвечал Иов Господу, и сказал:

— Знаю, что Ты все можешь и что намерение Твое неизменно.

— Кто это, помрачающий провидение, ничего не разумея?

— Это я, говоривший о том, чего не понимал, — о чудных для меня делах, которых я не знал. Я слышал о Тебе прежде только краем уха своего, теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прах и пепел; я ничтожен и чтó я буду отвечать Тебе? — Полагаю руку мою на уста мои (см.: Иов. 38 — 40).

И было после того повеление от Господа друзьям Иова, чтобы они обратились к нему и просили его принести за них жертву, ибо только лицо Иова, сказал Господь Елифазу Феманитянину, Я приму, дабы не отвергнуть вас за то, что вы говорили обо Мне не так верно, как раб Мой Иов (см.: Иов. 42, 7–9). Друзья исполнили это Господне повеление и привели к Иову для жертвы семь тельцов и семь овнов. Иов принес жертву Богу и помолился за друзей своих. Бог принял его ходатайство за них, возвратил ему самому телесное здоровье и дал ему вдвое больше того, что он имел прежде. Родные и все прежние знакомые Иова, услыхав о его исцелении, пришли навестить его и соутешиться, и порадоваться с ним, и каждый из них принес ему дар и золотое кольцо. Господь же ущедрил Иова Своим благословением: у него было после того четырнадцать тысяч мелкого скота, шесть тысяч верблюдов, тысяча пар волов и тысяча ослиц. Родились у Иова, вместо умерших, и семь сыновей и три дочери; и на всей земле не было таких прекрасных женщин, как дочери Иова, и дал им отец их наследство между братьями их (см.: Иов. 42, 10–15). Господь не удвоил количества детей Иова, как Он удвоил его пастушеские богатства: это потому, чтобы не подумал кто-либо, что его первые дети умершие погибли совсем, — нет, они хотя и умерли, но не погибли, — они восстанут в общее воскресение праведных.

Иов после терпеливо перенесенных им испытаний прожил сто сорок лет (всего же он жил на земле двести сорок восемь лет), и ви-

дел он потомство свое до четвертого рода; умер он насыщенный днями в глубокой старости (см.: Иов. 42, 16–17); ныне же он живет жизнью нестареющейся и неболезненною в царствии Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице славимого Бога, ибо еще среди понесенных им на земле несчастий он уже видел, как и Авраам, великий день Господень, видел его и радовался (см.: Ин. 8, 56).

— Я знаю, — говорил он, пораженный смрадною язвой, — знаю, что Искупитель мой жив и Он восставит из праха в последний день распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят Его. Чаянием этого истаевает сердце мое в груди моей! (см.: Иов. 19, 25–27).

Это исповедал праведный Иов пред своими друзьями, внушая им «бояться» не телесных страданий и лишения благ земных, а «меча Господня», гнева Вседержителя, «Который есть отмститель неправды».

— Знайте, что есть суд (см.: Иов. 19, 29)[1], — вещает он в наставле-

[1] Предмет книги Иова — решение вопроса: как согласить с существованием промысла Божия в мире то нередкое на земле явление, что добродетельные люди проводят жизнь среди бедствий, тогда как нечестивые благоденствуют?

О несчастиях, постигших праведного Иова, узнали его друзья, Елифаз, Вилдад и Софар; они пришли навестить страдальца, и когда увидели друга на гноище, то семь дней молча оплакивали его. Потом они вступили в разговор с ним: выходя из общего для ветхозаветного времени представления, что всякое страдание есть наказание за какую-нибудь неправду, они в своих речах, обращенных к Иову, развивали ту мысль, что если он страдает теперь, то, без сомнения, за какие-либо свои согрешения, в которых, потому, и должен покаяться. Огорченный речами друзей и чувствующий свою правоту пред Богом, Иов, жалуясь, что руки Господни отяготели над ним, выразил веру в неисповедимость судеб Божиих, пред коими мысль человека бессильна, а также — желание, чтобы Господь Сам рассудил его. Бог является Иову в буре. Обличив Иова за безрассудное требование у Него отчета в мироправлении, Господь внушает Иову благоговение пред необъятными и непостижимыми путями промысла Божия, все направляющего к благим делам. В заключение Господь повелевает Елифазу с товарищами просить молитвенного заступления у Иова за грех его несправедливого осуждения, а Иова вдвойне вознаградил за его потери и страдания.

Вопрос о писателе книги Иова спорный. Святой Григорий Богослов и Иоанн Златоуст склонялись к той мысли, что им был Соломон. Но с этим трудно согласить общее впечатление, получаемое от книги, говорящее о ее несравненно более раннем происхождении. В ней совершенно умалчивается о законах Моисея; в то же время в изложении ее выступают черты патриархального быта, в котором

ние нам, — суд, на котором оправдается только имеющий истинную премудрость — страх Господень и — истинный разум — удаление от зла (см.: Иов. 28, 28).

уже проглядывают признаки высокоразвитой общественной жизни. Иов, как знатный воин, князь и судья, живет с значительным блеском и пользуется почетом при частых посещениях ближнего города; в книге, кроме того, есть указания на правильные формы судопроизводства, на уменье современников Иова наблюдать за небесными явлениями и делать из этих наблюдений соответствующие астрономические выводы; говорится о рудокопнях, больших постройках, а также о крупных политических переворотах. Все это дает основания с весьма значительной долей вероятности относить время жизни Иова ко времени пребывания евреев в Египте.

Иов, после дней благоденствия испытав потерю имущества, детей и лютую болезнь, а затем снова и в сугубой степени (42, 10) получив от Бога утраченное, служит прообразом Христа Спасителя, Себя умалившего до приятия позорной крестной смерти и за это превознесенного от Бога Отца (см.: Флп. 2, 7–9), — восприявшего как венец за искупительный подвиг по человечеству ту славу, которую Он имел у Отца прежде бытия мира (см.: Ин. 17, 5). Святой священномученик Зинон, епископ Веронский, живший в IV веке, находит еще другие — частнейшие черты сходства между прообразом и образом. «Иов, по моему мнению, — говорит святой отец, — был образом Спасителя нашего Иисуса Христа. Сравнение объяснит нам эту истину. Иов был праведен — Спаситель наш есть сама правда, источник нашей праведности, потому что о Нем предречено было: *сей день грядет и воссияет... Солнце правды* (Мал. 4, 1, 2). Иов был истинен, — Господь наш есть подлинная, совершенная истина: *Я есмь путь и истина и жизнь* (Ин. 14, 6). Иов был богат, но чье богатство может сравниться с богатством Господа нашего, Которому принадлежит вся вселенная, по свидетельству блаженного Давида: *Господня земля и что наполняет ее, вселенная и все живущее в ней* (Пс. 23, 1)? Иов три раза был искушаем диаволом (лишением имения, погибелью детей и болезнью); подобным образом, по свидетельству евангелиста, трижды же искушал диавол и Господа нашего (см.: Мф. 4, 1–11). Иов, лишенный всего своего имения, обнищал — Господь наш, по любви к нам, сойдя на землю и оставив небо со всеми его благами, также обнищал, чтобы нас обогатить. Дети Иова были умерщвлены рассвирепевшим диаволом, — дети Господа нашего, пророки, были побиты безумным фарисейским народом (см.: Лк. 13, 34; Деян. 7, 52). Иов поражен был язвами — Господь наш, приняв на Себя плоть нашу, и грехи всего человеческого рода, вместе с тем принял все нечистоты и язвы греховные. На Иова нападали друзья его — на Господа нашего преимущественно пред всеми восставали первосвященники и книжники, которые должны были бы особенно чтить Его и быть Его друзьями. Иов, пораженный проказою, точимый червями, сидел *на гно́ище* (на навозной куче) вне города — Господь наш, приняв на Себя все греховные язвы всего рода человеческого, обращался в этом нечистом мире среди людей, исполненных пороков и

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ВАРВАРА ВОИНА
и других с ним

Когда богоненавистный царь Юлиан Отступник[1] начал войну с франками[2], то послал против них военачальника Вакха, в полку которого служил храбрый воин, по имени Варвар, по вере христи-

---

кипевших похотями, которые и предали Его позорной смерти вне города. Иов непобедимым своим терпением опять приобрел и здоровье, и богатство — Господь наш, победив смерть Своим воскресением, даровал верующим в Него не здоровье только, но и бессмертие, и получил от Бога Отца власть и господство над всем, как Сам Он засвидетельствовал: *все предано Мне Отцем Моим* (Лк. 10, 22). Блаженный Иов скончался в мире — Господь наш, оставив нам мир, купленный ценою Его Крови, в кроткой и мирной славе вознесся к Отцу Своему.

Ввиду такого прообразовательного значения жизни праведного Иова, Церковь издревле установила во дни, посвященные воспоминанию страданий Христовых, предлагать вниманию верующих чтения по книге Иова. — Паремии из кн. Иова во дни Страстной седмицы следующие: в понедельник, на вечерне 1, 1–12; во вторник, на вечерне 1, 13–22; в среду, на вечерне 2, 1–10; в Великий четверток, на вечерне 38, 1–23; 42, 1–5; в Великий пяток, на вечерне 42, 12–17.

[1] *Юлиан Отступник*, племянник Константина Великого, сын его брата Юлия Констанция, родился в 331 году. В 345 году вместе с братом Галлом был сослан в Каппадокию Констанцием, где под строгим надзором провел шесть лет. В 351 году он покинул место ссылки и провел несколько лет в Никомидии, где увлекался изучением философии; в 355 году был назначен Констанцием начальником войск в Галлии; здесь он умел привлечь любовь войска, которое в 361 году и провозгласило его императором. Изучение философии под руководством учителя-язычника, раздоры среди христиан вследствие арианских волнений, ненависть к Констанцию возбудили в Юлиане ненависть и к религии своего притеснителя — христианству. Он задался целью восстановить язычество и уничтожить христианство. Но все его попытки потерпели полнейшую неудачу. Юлиан умер в 363 году после битвы с персами, во время которой был смертельно ранен копьем; последними словами своими — «Ты победил, Галилеянин!» — Юлиан выразил сознание победы христианства над язычеством.

[2] *Франки* — союз германских народов на Нижнем Рейне. Своими нападениями на римскую область франки значительно ускорили падение римского государства. Вторгшись в северную Галлию, франки смешались с туземным населением и отчасти усвоили его нравы. После побед над римлянами, южными племенами алиманнов и вестготами сила франков при Каролингах возвысилась до всемирно-исторического значения.

анин, но тайный. Полки обеих стран приготовились к битве; среди франков находился один сильный, подобный Голиафу (см.: 1 Цар. 17), борец. Выходя пред полком римлян, он вызывал на единоборство, чтобы один кто-нибудь выступил бороться с ним, и так как никто из римлян не осмеливался выйти против него, потому что самый внешний вид его, говоривший о его силе, устрашал их, то он смеялся над ними. Тогда воевода Вакх, зная о храбрости блаженного Варвара, призвал его к себе и спрашивал, может ли он выйди на борьбу против этого гордого борца, похваляющегося своею силою. Варвар же, уповая на помощь Господа своего Иисуса Христа, в Которого веровал, не отказывался от единоборства: вооружив себя крестным знамением, он выступил на врага и, схватившись с ним, одолел его и убил с помощью Божиею, ибо от Господа был ниспослан блаженному Варвару Ангел, который и помогал ему. Тогда франки устыдились и пришли в страх; римляне же, воодушевленные мужеством, устремились на них и одержали над ними окончательную победу. Такая храбрость блаженного Варвара приобрела ему большую честь среди полков римских и одобрение царя: он был почтен саном комита[1].

Впоследствии воевода Вакх, после этой славной победы над врагами, во время пребывания с войсками во Фракии[2], пожелал принести жертвы идолам, чтобы тем воздать им благодарность за победу, которую приписывал не Христу Богу, а суетным своим идолам. И вот, он пригласил к совершению нечистых своих жертв и комита Варвара, как первого победителя. Но святой Варвар, открыто исповедав, что он — христианин, отвращался от идолов. Тогда воевода возвестил о том царю; царь же, повелев представить к себе воина Христова, принуждал его принести жертвы идолам; но так как блаженный Варвар не повиновался, то царь повелел повесить его на мучилищном дереве и резать мечом чрево его до тех пор, пока внутренности его не вывалились на землю. Но в то время, как святой молился, явился Ангел и, собрав его внутренности, вложил их снова

---

[1] *Комитами* назывались царские телохранители. Впоследствии этот титул стал прилагаться к официальным лицам (составлявшим свиту вообще высших должностных лиц — проконсулов, областеначальников, губернаторов), на обязанности которых стал впоследствии лежать и сбор податей в государственную казну.

[2] Область в Византийской империи в северо-восточной части Балканского полуострова. В настоящее время Фракия, под именем Ромонии, или Румелии, составляет провинцию Европейской Турции.

на свое место в чрево мученика и исцелил его, так что не оставалось даже и следа язвы на его теле, а потом отвязал его от мучилищного дерева. Увидев такое чудо, воевода Вакх, вместе с двумя воинами — Каллимахом и Дионисием, уверовали во Христа и исповедали Его, а скверных богов языческих похулили. За это, по повелению царя Юлиана, новые исповедники имени Христова: Вакх, Каллимах и Дионисий — были усечены во главу и, таким образом, сопричислились к лику святых мучеников на небе. А святого Варвара нечестивый царь повелел привязать к железному колесу, под коим возжечь сильный огонь, и то колесо вертеть с привязанным к нему мучеником, возливая на страдальческое тело последнего кипящее масло. Но мученик, возносивший теплые молитвы к Богу, остался совсем неповрежденным огнем: напротив, огонь устремился на мучителей-воинов, опалил их, а двоих из них обратил в пепел. После этого страдалец Христов был ввергнут в темницу, где явился ему Сам Господь и укрепил его.

Наутро святой Варвар снова был выведен для мучений; его, нагого, растянули в четыре стороны, после чего били его безжалостно по спине и чреву воловьими жилами. Потом мученика ввергнули в печь, которую предварительно разжигали в течение трех дней. Пребывая в ней в продолжение семи дней, святой обретен был снова живым, здравым, нимало не поврежденным от огня, словом, вышел из пещи, как бы из бани, славословя Бога. После того святой Варвар снова был ввергнут в темницу, куда к нему вкинули множество скорпионов, змей и всякого рода пресмыкающихся, в том расчете, что он от них погибнет. Но и при этом заключении святой Варвар, отогнав от себя крестным знамением ядовитых гадов, остался ничем не поврежденным.

Тогда ожесточенный мучитель, не хотевший познать силы Христовой, повелел разжечь до возможной степени медного вола и ввергнуть в него мученика; но и там святой остался невредимым. Он не ощущал никакой боли от огня, а медный вол, точно чувствуя опаление от огня, как живой начал двигаться, произносить какие-то звуки и ходить. Увидев это чудо, многие из язычников уверовали во Христа.

Наконец, после всего этого, мучитель повелел святому мученику Варвару отсечь главу. И так доблественно совершил он свой подвиг

страдальческий за Христа Господа. Честно́е тело его благочестивый епископ Филикий, взяв с честью, предал погребению в городе Мефоне Пелопоннесском, прославляя Христа Бога, со Отцом и Святым Духом вовеки славимого, аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
ВАРВАРА,
бывшего прежде разбойником

Этот блаженный Варвар был прежде лютым разбойником в странах Луканских[1]. Много пролил он крови человеческой, и никто не мог его изловить, ни тем более бороться с ним, так как он обладал необыкновенною телесною силою. Но преблагий и человеколюбивый Бог, не хотящий смерти грешника и всем спасения ищущий, подобно тому, так некогда апостола Павла (см.: Деян. 22), так и этого разбойника действием Своего промысла уловил в сети спасения. Однажды, когда разбойник этот сидел в пещере и смотрел на множество награбленного золота, вдруг сердца его коснулась благодать Божия, приводящая грешника на путь покаяния. И вот разбойник умилился душой и, вспомнив о страшном суде Божием, начал скорбеть, говоря в душе своей: «Увы мне грешному, что сотворил я! Много пролил я крови человеческой, многих жен осквернил, чужие имущества похищал и много иного сотворил зла! Между тем, сегодня ли, завтра ли, но я должен умереть; а что я приобрел, — кому останется?!»

И потом воззвал снова: «Я знаю, что древнего разбойника Христос по Своему милосердию (см.: Лк. 23, 40–43) восприял к Себе: и меня Он приимет, если только покаюсь. Се, ныне каюсь я, сокрушаюсь о своих злодеяниях и ищу Его милосердия».

Сказав это в глубине души своей, Варвар воспрянул и, не сказав ничего своим товарищам, взял лишь меч под свою одежду и, оставляя все, ночью пошел в ближайшее селение, в котором была церковь. Придя в церковь во время утрени, он, по ее окончании, пал священнику в ноги со слезами, восклицая:

---

[1] В Греции, вероятно.

— Отче святой! Не отринь меня, окаянного грешника, пришедшего к твоей святости: ибо покаяться хочу я в содеянных мною злодеяниях.

Священник, подняв его с пола, подвел к святому алтарю и сказал:

— Исповедуй, чадо, пред Богом содеянные тобой согрешения; я же буду смиренным свидетелем твоего исповедания и покаяния.

Кающийся стал говорить:

— Я, отче, — тот самый разбойник Варвар, о котором, как думаю, и ты слышал. Преисполнен я множеством грехов, нечистоты телесной, грабительством и убийствами: ибо я убил до трехсот человек, в том числе погубил мечом и двух пресвитеров, не хотевших допустить меня к таинству покаяния. И вот ныне ты, отче, если знаешь, что Бог приимет меня кающегося, то обвяжи по своему усмотрению мои греховные язвы заповедями Божиими; если же нет, то возьми этот меч и прикажи им убить меня.

Но пресвитер сказал ему на это:

— Чадо! Нет греха, побеждающего Божие милосердие: только не отчаивайся. Ступай ко мне в дом, и что я тебе повелю, то и исполни делом.

Выйдя из церкви, пресвитер оглянулся и увидел, что Варвар подвигается за ним на локтях и коленах, и сказал, обращаясь к нему:

— Что это ты делаешь, чадо?

Варвар отвечал:

— С этого времени, как я повергся на землю пред Господом Богом моим с грехами моими, я не восстану от земли до тех пор, пока не будут прощены мне все злые мои дела.

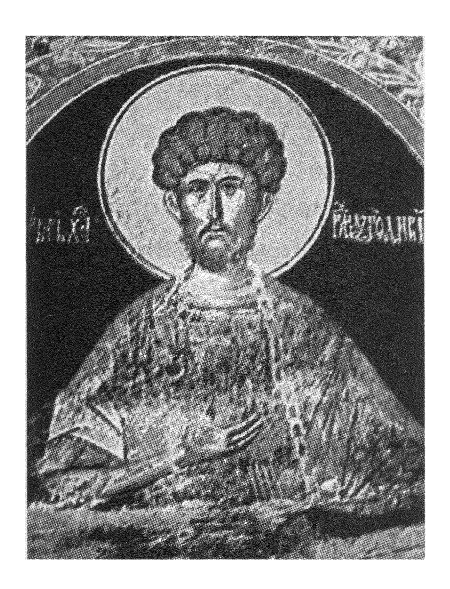
— Чадо, — сказал ему пресвитер, — ты добровольно даешь обет в сем Богу. Итак, сохрани его — и прощено тебе будет все.

Придя домой, пресвитер снова сказал ему:

— Вот, чадо, дети мои, рабы, скот, псы: к кому из них хочешь быть приравнен, чтобы вместе с ними принимать пищу?

Варвар отвечал:

— Я, отче, не считаю себя равным даже со псами; но, вследствие необходимой телесной потребности в пище, помести меня с ними,



чтобы с ними вкушал я пищу и пребывал без крова в продолжение всех дней и ночей.

На это пресвитер сказал:

— Поступи же так, чадо, как ты говоришь пред Богом, и уповай на великое Его милосердие.

И прожил в таком состоянии Варвар у пресвитера того три года, подобно четвероногому скоту, ползая на руках и ногах и не поднимаясь от земли, считая себя недостойным находиться с людьми, но лишь с четвероногими животными и со псами, вместе ел и с ними вместе находился вне дома и днем и ночью. По истечении третьего года пресвитер сказал ему:

— Довольно, чадо, перестань питаться со псами, ибо Господь оказывает тебе Свое милосердие.

— Но я, отче, — отвечал Варвар, — еще хочу пастись вместе со скотом.

И сказал ему пресвитер:

— Чадо! Бог видит и этот обет твой, который ты приносишь Ему из своего смирения, желая таким образом пострадать за свои грехи.

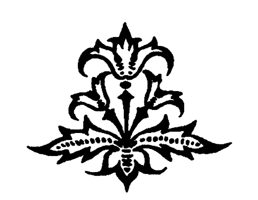
И вышел Варвар вместе со скотом за селение, ходя подобно четвероногому скоту и питаясь скудною травою. Достигнув луга, он пробыл на нем двенадцать лет, оставаясь нагим и не имея на себе даже никакого рубища. И сделалась кожа его подобной коре древесной: опаляемая солнечным зноем и растрескиваясь от мороза, она почернела, как уголь. И стал блаженный Варвар добровольным мучеником.

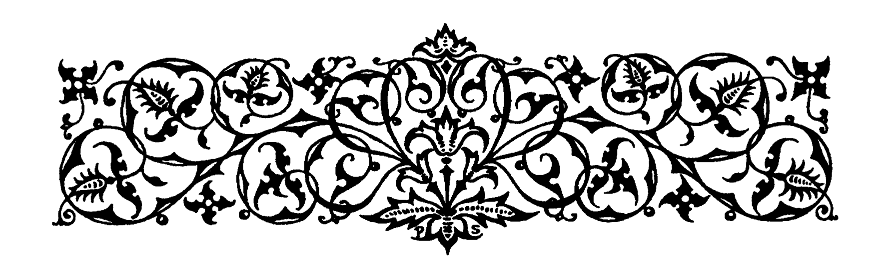
Когда прошло двенадцать лет таковых страданий его в пустыне, он получил по Божественному откровению извещение о прощении своих грехов и о том, что ему предстоит подвиг покаяния своего завершить мученически, кровью своею. И вот однажды, ходя по лугу, Варвар приблизился к дороге, на которой остановились какие-то купцы. Они, думая, что это подошел какой-то зверь (ибо не разглядели, что было в густой траве), пустили в него из своих натянутых

луков несколько стрел и поразили его тремя стрелами; подойдя же, увидели, что застрелили человека, и пришли в ужас. Варвар же повелел им не бояться, не скорбеть, и рассказал все о себе, и заповедал им возвестить о его кончине пресвитеру того селения. Сказав это, он предал душу свою в руки Божии.

Вышеназванный пресвитер, узнав от купцов о происшедшем, пошел на то место, где увидал тело блаженного Варвара просветившееся, подобно свету. Совершив обычное над мертвым пение, он предал погребению его на том самом месте, на котором он был убит. Впоследствии от гроба блаженного Варвара стали истекать исцеления болящим различными недугами.

По прошествии некоторого времени собрался сюда народ с пресвитером; открыли гроб и увидели, что тело святого не только было нетленным, но и источало целебное миро. Тогда все пришли в удивление и прославили Бога; честные же мощи святого Варвара перенесли с великими почестями в свое селение и положили в церкви, изумляясь дивному человеколюбию и милосердию Христа Бога нашего, Которому со Отцом и Святым Духом воссылается честь и слава вовеки. Аминь.





День седьмой

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
АКАКИЯ

Святой Акакий пострадал за исповедание имени Христова в царствование Максимиана[1] и именно в третье гонение на христиан, воздвигнутое этим императором по наущению диавола.

Происходил святой Акакий из Каппадокии[2], был саном воин в звании сотника и служил в полке мартисийском[3] под начальством полковника Фирма.

В то время царем Максимианом было приказано отыскивать христиан не только в городах, но и в рядах воинов; и если находился в числе воинов кто-либо веровавший во Христа, такого повелено было предавать суду и мучениям; в том случае, если христианин не оказывал повиновения указу царскому, его должно было предавать смерти.

Вследствие такого распоряжения, полковник Фирм призывал к себе каждого воина поодиночке и расспрашивал всякого, какова его вера: и если оказывалось, что кто-либо из его воинов веровал во Христа, то Фирм всячески, и ласками и угрозами, принуждал его к идолопоклонству. Действуя так, Фирм многих, нетвердых в вере и боязливых, христиан совратил в язычество.

---

[1] *Максимиан* — управлял западною половиною Римской империи с 284 по 305 год.

[2] Малоазийская область.

[3] *Мартисийский полк* — отряд Марсовых (то есть храбрых).

Когда Фирм призвал к себе сотника Акакия, то этот последний во всеуслышание сказал:

— Среди христиан рожден я, христианином я и останусь; свидетелем в этом да будет мне Сам Господь Иисус Христос; не только отец и мать моя, но и мои деды и прадеды были христианами: потому христианином останусь и я.

После этих слов святого, Фирм начал склонять его к идолопоклонству и ласками, и угрозами; он три раза призывал его к себе и увещевал его исполнить приказание царское. Однако видя, что Акакий остается непреклонным, Фирм приказал заключить его в оковы и отослать к военачальнику Вивиану.

В то время, как военачальник Вивиан восседал на судилище и допрашивал других исповедников Христовых, к нему подошел коментарисий[1] Антонин и сказал:

— Вчера полковник мартисийского полка Фирм заключил в оковы своего сотника Акакия; ныне он присылает его к тебе, потому что Акакий не повинуется указу царскому и исповедует веру христианскую.

Тотчас Акакий был представлен на допрос к военачальнику.

Посмотрев на него, военачальник спросил:

— Какое имя твое?

Отвечал святой:

— Вожделенное для меня и для всех родственников моих есть то имя, которое происходит от достославного имени Христова, — я называюсь христианином, но по-человечески я именуюсь Акакием.

Сказал на это военачальник:

— По имени твоему и нрав твой, ибо ты злой, так как не повинуешься царскому приказанию!

Отвечал на это святой:

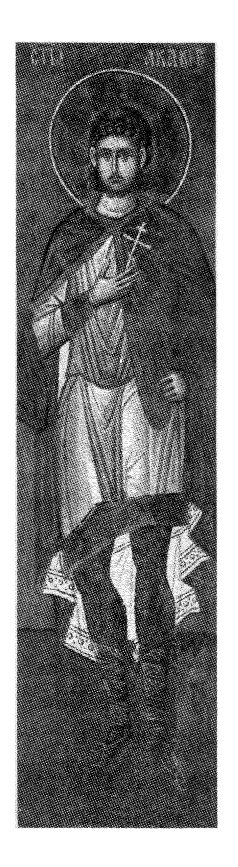
— О воевода! Ты говоришь ложь и неправильно истолковываешь смысл моего имени, потому что Акакий значит: «незлобивый»[2]. Этим именем я по справедливости и называюсь, так как не хочу быть общником злобы диавольской, кровь человеческую пиющей.

Сказал воевода:

---

[1] *Коментарисий* — начальник над тюрьмами.

[2] *Акакий* — с греческого Ἀκάκιος от κακός — дурной, злой, и приставки отрицания α действительно значит *незлобивый*.



— Откуда ты набрался таких неразумных речей?

Отвечал святой:

— Я — родом из Каппадокии; отсюда было много мучеников за имя Христово, и я сам видел чудеса, которые совершались по кончине святых по благодати и силе, данной от Господа; я сам видел, как гробы и честны́е мощи их источали исцеления многим больным. Потому я и хочу быть подражателем этих святых мучеников, а не вас, и потому я не повинуюсь вашим нечестивым законам, которые погибнут вместе с вами.

Тогда воевода сказал святому:

— Не думай, что ты будешь предан незначительным мучениям. Ты за свое высокомерие и суесловие заслуживаешь большой казни; но, если хочешь избавиться от нее, отрекись от христианской веры и исполни приказание царское, поклонись богам, по милости которых царствуют императоры и одерживают победы над врагами своими; постыдись и меня, восседающего на этом судилище; не считай себя умнее всех людей и не надейся на человека, именуемого Христом, Который, как говорят, был предан мучениям и законно осужден на смерть.

Отвечал на это святой:

— Ты заблуждаешься, судия, говоря так, и сильно грешишь, будучи ослеплен сатаною, потому что цари царствуют и одерживают победы не по милости богов ваших, но по промышлению и соизволению всеблагого Бога нашего. А относительно того, что ты говоришь, будто я уповаю на человека, преданного мучениям и осужденного на смерть, — знай, что это Господь наш Иисус Христос, Сын Божий, Который ради спасения нас, грешных людей, пришел на землю и стал человеком, продолжая пребывать Богом истинным; Господь наш Иисус Христос некоим дивным и неизреченным образом принял на Себя естество наше; как было это — ты не только не поймешь, но и не услышишь, если предварительно не сделаешься христианином. Христос Господь, будучи Богом истинным, как я сказал, будучи Словом (см.: Ин. 1, 1), сопребывающим с Отцом и со-

предвечным Ему, во время, Ему благоугодное, совершил дело спасения нашего и, таким образом, избавил нас от рабства врагу-диаволу, от начала времени нам позавидовавшему.

На эти слова святого военачальник сказал:

— Если цари противны твоему Христу, то почему же Он не умерщвляет их, будучи Богом Всемогущим, как ты говоришь?

Отвечал святой:

— Потому-то ты и должен познать Его бесконечное милосердие и беспредельную силу, что Он, поругаемый вами, не умерщвляет вас, долготерпеливо ожидая, что вы, эллины, покаетесь и воздадите честь, Богу подобающую, Ему, а не бесам. Затем, Он долго терпит и ради того, чтобы избранные рабы Его, возлюбленные Ему, явили бы пред глазами всех людей свой славный подвиг. Если бы Бог наш погубил вас вскоре, то и вы погибли бы навеки, и рабы Его не были бы явлены миру; не была бы явлена людям и сила благодати Его. Каким бы образом прославился Владыка наш, если бы не явил долготерпения Своего к великим грехам нашим? Потому Он и теперь оставляет вас без наказания; однако вы, презирающие долготерпение Его, пребывающие в нечестии своем и на нас, неповинных, гневающиеся, — если не покаетесь, то приготовите себе погибель и погрузитесь в нее, по причине беззаконий ваших; мы же, знающие силу и могущество Бога нашего, терпеливо перенося страдания за имя Его, получим вечноблаженную жизнь от Него; слава Его будет явлена также и тем людям, которые, познав заблуждение свое, покаются и исправят свою жизнь.

Удивляясь такому благоразумному ответу мученика, военачальник Вивиан спросил его:

— Не обучался ли ты книгам, так как ты мудро ответил мне; ты справедливо говоришь, что жизнь человека находится во власти Божией, в Его промышлении и долготерпении.

Отвечал святой:

— Из того обстоятельства, что я, не обучавшийся книжной мудрости, так ответил тебе, ты должен был бы познать силу и благодать Бога нашего, владычествующего над всем миром; ибо Сам Бог говорит устами рабов Своих, чему и вы, считающие себя премудрыми, удивляетесь. И изначала, когда Господь наш восхотел возвестить Евангелие всей вселенной, Он избрал для проповеди не знатных и богатых людей, не мудрых философов и сладкоречивых

риторов, но рыбарей и мытарей, простых и неимущих. Так сделал Господь для того, чтобы сила Его непостижимая и премудрость, превосходящая всякое разумение, была познана в тех, которых Сам Дух Святой невидимо учил и наставлял.

После этого военачальник сказал святому:

— Оставь свое многоглаголание и отвечай мне на этот вопрос: известен ли тебе указ царский, повелевающий вам, христианам, или принести жертву богам, или принять тяжкие муки? Скажи мне: подчинишься ли ты приказанию царскому; принесешь ли ты жертву богам или нет?

Отвечал святой:

— Я еще полковнику Фирму, который меня допрашивал ранее, заявил, и притом не один раз, что я христианин; то, что я говорил Фирму, говорю и тебе: я христианин и скверным бесам вашим не принесу жертвы.

Тогда военачальник сказал:

— Щадя юность твою, так как ты имеешь не более двадцати пяти лет, и уважая твое звание сотника, я вовсе не хотел бы мучить тебя. Однако если ты пребудешь опять в своем нечестии, то ты заставишь меня предать тебя жесточайшим мукам.

Святой же отвечал на это:

— Это не безумие, но самое благоразумное и самое богоугодное дело — не оставлять веры во Единого Бога истинного, Создателя моего, по воле Которого я существую до нынешнего дня.

Военачальник сказал святому:

— Как же ты говоришь, что Бог Один? Ведь только сейчас ты исповедал Христа, Сына Божия. Но если ваш Бог имеет Сына, равного Себе, то ты должен признавать двух богов: одного Бога Отца, а другого — Бога Сына. А если у вас два бога, то почему же ты теперь исповедал мне только одного Бога? Я вижу теперь, что ты заблуждаешься и лжешь мне, потому что противоречишь сам себе на словах.

На это отвечал святой Акакий:

— Я верую и надеюсь на Господа моего Иисуса Христа, распятого при Понтийском Пилате, что Он Духом Святым вразумит меня и научит меня ответить тебе на твой вопрос, потому что вопрос твой о том, почему мы, двух называя, признаем только Единого Бога, — вопрос трудный и не легко разрешимый. Но я говорю тебе, что мы,

христиане, не только Отца и Сына, но и Духа Святого исповедуем Богом истинным. В этих трех наименованиях — три Лица, но одно Божество и сила. Мы признаем Единого Бога, вместе с Словом и Духом Святым, потому что не подобает Богу быть без Слова и Животворящего Духа. Приведу тебе для пояснения моих слов и подобие: вот царь, которого ты называешь владыкою, а я человеком, — называется Максимианом; у него есть сын Максенций. Вот их двое; однако природа у них одна — природа человеческая, и царство их нераздельно; сын почитается ради отца, отец прославляется ради сына; подобно сему и о Боге мы мыслим, потому что Божественная сущность Отца, Слова и Духа Святого одна и та же, и никогда не изменяется, так как Бог, почитаемый нами, есть Един.

Воевода сказал святому:

— Не раз я замечал тебе, чтобы ты говорил мне только о деле; ты же всеми этими суетными речами только отклоняешься от предмета нашей речи. В последний раз я говорю тебе: принеси жертвы нашим богам, по воле которых существует мир; если же не исполнишь этого моего приказания, то я более уже не буду терпеть твоего неповиновения.

Отвечал на это святой:

— Не думай устрашить меня мучениями; вот тело мое уже готово восприять раны; мучь его, сколько хочешь. Но мыслей моих и моих сердечных убеждений ни ты, ни царь, ни бесы ваши, которым ты поклоняешься, и никто другой никогда не изменит и не направит ко злу.

Тогда военачальник, разгневавшись, приказал привязать святого обнаженного к четырем столбам и бить его шести воинам суровыми жилами без милости, сначала по спине, а затем по животу. При этом, игемон сказал: «Посмотрим, поможет ли его Бог ему?»

Святой мученик был терзаем таким образом долгое время, так что воины, бившие его, менялись несколько раз; уже земля обагрилась кровью его. Но страдалец ничего другого не говорил, как только: «Христе, Спасителю мой! Помоги мне, смиренному рабу Твоему! Господи Боже мой! Не оставь меня!»

Когда же военачальник увидел, что святой мученик был весь изъязвлен и окровавлен, то сказал ему:

— Может быть, ты принесешь теперь жертву богам?

Отвечал святой:

— Не принесу жертвы бесам, потому что я верую в Господа моего Иисуса Христа, помогающего мне; теперь я чувствую себя среди мучений еще более мужественным и твердым, чем прежде; до сих пор ожидание мучений отчасти смущало меня; но как только я начал страдать, меня укрепила сила Христова и я почувствовал в себе готовность на муки, хотя бы еще большие и еще тягчайшие, так как твердо верую и надеюсь на Господа и Бога моего. Но знай, что чем больше ты причинишь мне мучений, тем больше пользы принесешь мне; чем большим мукам ты предашь меня, тем бо́льшую благодать у Бога ты мне исходатайствуешь.

Военачальник же, придя в ярость от этих слов, приказал бить его по устам оловянными досками. Когда прекрасные ланиты святого обезображивались мучителями, военачальник сказал мученику:

— Принеси жертву богам, и тогда ты избавишься от еще более тяжких мучений, приготовленных для тебя.

Отвечал ему святой:

— Я так же мало думаю о предстоящих мучениях, как мало думаю о мучениях, уже бывших.

Военачальник же сказал:

— Каким образом ты, будучи воином и притом не обученным книгам, так разумно отвечаешь мне?

Отвечал святой мученик:

— Дух Святой дает рабам Своим терпение и помогает отвечать на суде, потому что Спаситель наш, Господь Иисус Христос, сказал ученикам Своим: *Когда будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать: ибо в тот час не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас* (Мф. 10, 19–20).

Тогда коментарисий Антонин сказал святому:

— Какая тебе, окаянный, будет польза от многоглаголания твоего, так как ты противишься царскому приказанию, за что и принимаешь мучения? Но вот тебя сейчас станут мучить еще больше; тогда ты уж непременно исполнишь приказание царское.

Отвечал ему святой:

— Отойди от меня и лучше увещевай самого себя. Если я не послушал воеводы, несмотря на то, что меня подвергали многим мучениям, то послушаю ли я тебя?

После этого военачальник приказал заключить мученика в темницу города Перинфа, во Фракии[1]. Здесь святой мученик пробыл семь дней.

В то время, когда святой Акакий находился в темнице, радостно веселясь о Господе и благодаря Его за то, что Он сподобил его пострадать за святое имя Его, к военачальнику Вивиану пришло послание от фракийского игемона Флаккина; в этом послании Вавиану предписывалось идти в Византию, вместе со всеми узниками, какие были у него. Военачальник Вивиан тотчас отправился, а с ним вместе пошел в Византию и святой Акакий, шедший вместе с несколькими другими узниками, за некоторые преступления заключенными в темницу. Святой мученик сильно изнемогал на пути и от ран, и от железных оков, и от голода, и от жажды, а также вообще и от продолжительного и спешного путешествия, тем более что воины, сопровождавшие святого, были немилосердны и часто наносили ему побои, побуждая святого идти скорее. При всех таких страданиях святой не надеялся остаться в живых и думал, что скоро скончается; поэтому он долго просил воинов, ведших его, остановиться на некоторое время, чтобы он мог помолиться Богу; однако просьба святого не была исполнена. Когда же все остановились в некотором месте на ночлег, тогда святой, подняв очи к небу, тотчас стал молиться так: «Слава Тебе, Боже, являющему по благоутробию Твоему милосердие Свое всем, любящим Тебя! Слава Тебе, призвавшему меня, грешного, на подвиг сей! Слава Тебе, Господи Иисусе Христе, знающему немощь плоти нашей и даровавшему мне силы к перенесению мучений! Ныне же, Владыко, видя, что я окружен со всех сторон столь многими страданиями, так что и сама душа моя, как мне кажется, хочет разрешиться от союза с плотью, — пошли Ангела Твоего святого, дабы он исцелил раны мои и облегчил мои страдания; или же повели мучителям предать меня поскорее смерти, дабы я скорее перешел к Тебе, Господу моему».

В то время, когда святой молился в таких словах Богу, внезапно на том месте показалось облако, из облака же послышался голос, говоривший: «Акакий! Мужайся и крепись!»

---

[1] *Фракия* — область Римской империи, лежавшая к северо-востоку от Македонии. В настоящее время Фракия под именем Румелии входит в состав Европейской Турции.

Этот голос слышали все, там бывшие, — и воины, и узники; удивляясь, они говорили друг другу:

— Неужели и облака могут говорить так же, как и люди? Когда кто слышал то, что мы слышали ныне?

И все дивились бывшему. Многие же из узников, услышав глас тот, уверовали в Господа Иисуса Христа, Сына Божия, и, припав к ногам святого Акакия, усердно просили его научить их истинам христианской веры. Святой же мученик Христов Акакий, идя вместе с ними, беседовал, говоря так:

— Хотя до этого времени я упражнялся не в книгах, но в обязанностях воинского звания, однако я был воспитан в священническом доме, потому что я происхожу из священнического рода. Я помню, что я слышал от священников, именно, что Бог, желая спасти человека, изгнанного из рая, и освободить его из ада, послал в мир сопредвечное Слово Свое, Сына Своего; Сын же Божий, придя в мир, принял плоть от Пресвятой и Пречистой Девы Марии, образом быв как человек; затем претерпел крестную смерть, дабы исправить древом креста грех Адамова непослушания заповеди Божией; чтобы даровать спасение осужденному человеку, Он Сам заплатил за нас долг правосудию Божию Своим вольным страданием на кресте. Будучи пригвожден ко кресту, Сын Божий тем самым уничтожил рукописание наших грехов, победил нашу смерть Своею смертью, ад пленил и всю силу диаволову посрамил и сделал ничтожной. Когда же Сын Божий поразил всех бесов и *врата медные сокрушил и цепи железные истер*[1], то воскрес из мертвых в третий день и дал через это роду человеческому возможность воскреснуть всем и жить вечно в грядущем веке. Этот же видимый мир ничтожен и будет существовать незначительное время.

Слушая эти и им подобные слова мученика, узники, сопутствовавшие святому, с радостью обратились к вере христианской.

Когда наступила ночь, то путники остановились для ночлега в близлежащем селении. Здесь узники в полночь имели дивное видение, именно, они видели несколько юношей, одетых в светлые одежды (это были святые Ангелы), как бы воинского чина, беседовавших со святым Акакием. Узники, видя это, подумали, что это родственники и друзья Акакия пришли ночью посетить его (боясь мучителя).

---

[1] Выражение церковной песни.

Утром следующего дня все отправились в путь. В этот день все шли очень быстро, так что к вечеру прибыли в Византию; на ночь же остановились ночевать все в одном доме. И в эту ночь узники увидели тех же самых юношей, беседовавших со святым Акакием, как и в прошлую ночь; при этом узники заметили, что эти светлые юноши омывали теплою водою раны мученика и исцеляли их. Взирая на это, узники подумали про себя: «Поистине, это видение — от Бога, потому что не люди, а Ангелы приходили прошлою ночью к святому; и в эту ночь святые Ангелы посетили его».

Когда наступило утро, то все они были отведены в темницу. Святой же Акакий был заключен, по распоряжению военачальника, отдельно от других, во внутреннем отделении темницы; он был скован железными узами, забит в колоду; к нему не пропускали никого для беседы, даже не давали ему ни пить, ни есть, так как мучители хотели голодом, жаждою и тяжкими страданиями заставить его отречься от Христа и исполнить их приказание — поклониться идолам; все же прочие узники были помещены во внешнем отделении темницы.

Перед наступлением ночи узники сподобились снова видеть то же самое дивное явление, — именно они увидели, что во внутреннем отделении темницы засиял яркий свет; подойдя к окнам, чтобы разглядеть, что это такое, они увидели нескольких светлых мужей; которые, освободив мученика от оков, врачевали его раны и предлагали ему чудную, белую как снег, пищу, а также и питье.

Так как это продолжалось каждую ночь, то узники сообщили об этом темничному сторожу. Этот последний, подойдя ночью к окну, увидел то же самое. Но когда сторож вошел во внутреннее отделение темницы, то не нашел никого, кроме святого мученика, пребывавшего в оковах. Все это привело темничного сторожа в великий страх.

Когда прошли семь дней по прибытии узников в Византию, военачальник Вивиан воссел на судилище и призвал к себе на допрос святого мученика Акакия. Увидав, что мученик Христов был здрав телом и радостен лицом, Вивиан пришел в великое удивление, потому что думал увидеть мученика больным, изнемогшим от ран и оков, от голода и жажды и от продолжительного путешествия. Вивиан подумал, что это воины облегчали страдания святого; поэтому, весьма разгневавшись на них, он сказал им:

— Разве я не приказал вам заключить этого человека во внутреннем отделении темницы, забить его в колоды и оковы железные и совершенно не давать ему ни пищи, ни питья? Но вы держали его на свободе и помогли ему вылечиться от ран. И вот я вижу теперь его еще более здравым и цветущим лицом, нежели прежде.

Коментарисий Антонин сказал на это:

— Как ты приказал, военачальник, так и было все сделано. Начиная с Перинфа и до этого города мы вели его в тяжелых железных оковах; ты сам можешь свесить их и узнать, как много они весят. В этом городе мы заключили его в самое внутреннее и самое тесное отделение темницы, и никто из воинов не давал ему ничего ни из пищи, ни из питья. Спроси сторожа темничного и ты узнаешь, так ли было все, как ты приказывал, или нет.

Тотчас военачальник приказал позвать темничного сторожа.

Когда сторож явился к военачальнику, то этот последний с гневом сказал ему:

— Почему ты, окаянный, не исполнил моего приказания, но дозволил Акакию питаться и врачевать раны его, так что теперь он столь крепок телом, что вполне годен к войне?

Святой же Акакий заметил на это:

— Силу и крепость дал мне с неба Подвигоположник Иисус Христос, исцеливший меня от ран и сделавший меня здоровым.

Военачальник же с гневом сказал:

— Бейте его по лицу и сокрушите его уста, чтобы он не говорил тогда, когда ему не предлагают вопроса.

После этого слуги стали бить святого. Затем военачальник сказал сторожу темницы:

— Что ты, окаянный, ответишь мне?

Сторож же отвечал:

— Клянусь властью твоею, что все, что ты приказал мне сделать, я сделал. Я очень строго держал его и всячески стеснял его; но были некоторые, кто питал и врачевал его, как об этом знают все, заключенные в темнице. Расспроси их, и если ты услышишь что-либо другое, — вот голова моя перед тобою, делай со мною, что хочешь. Нам часто казалось, что к нему приходили какие-то воины, причем одни из них разрешали его от оков, другие омывали язвы его и исцеляли их, и, наконец, третьи приносили к нему пищу и питие и

дружески беседовали с ним. Обо всем этом мне сказали узники, приведенные сюда вместе с ним из Перинфа; они говорили, что это было и на пути, и здесь, в темнице. Но я не верил их словам, почему сам хотел видеть тех светлых мужей; и действительно, я сам, своими глазами, видел все то, что они мне передали. И когда я, внезапно открыв дверь, вошел во внутреннее отделение темницы, чтобы расспросить Акакия, кто это были приходившие к нему, откуда они пришли и каким образом они проникли сквозь запертые двери, — то я не нашел там никого, кроме самого узника, закованного в колоду и железные оковы; иногда я заставал его молящимся Богу, иногда спящим.

Выслушав сторожа темничного, военачальник сказал ему:

— Ты, окаянный, вероятно принимал золото от родственников Акакия и впускал их к нему с пищею, питьем и с лекарствами.

И тотчас, сказав это, военачальник приказал сильно бить сторожа железными прутьями.

Сторож же, принимая побои, воскликнул:

— Я прошу тебя, военачальник, сначала исследуй тщательно, как было дело; если окажется, что было не так, как я рассказал тебе, тогда убей меня.

Воевода сказал на это:

— Значит, человек тот — чародей и волхв.

Сторож же отвечал:

— Я тебе сказал лишь то, что я видел сам; чародей же или нет тот человек — этого я не знаю.

После этого военачальник приказал еще сильнее бить сторожа темничного. Таким образом, этот сторож неповинно пострадал ради мученика Христова. Святой же мученик Акакий, видя это, посмеялся неразумию военачальника, хотя уста и ланиты святого мученика были сокрушены. Увидав это, военачальник пришел еще в больший гнев и с яростью сказал мученику:

— Разве ты пришел насмехаться над нами, надеясь спастись своим волшебством?

Святой отвечал:

— Не думай, что я смеюсь над тобой и радуюсь твоей погибели; нет, я болею и страдаю сердцем о вашей вечной погибели; вы же

сами посмеиваетесь и издеваетесь над нами, потому что, оставив Бога истинного, Творца неба и земли, Виновника всего существующего, вы поклоняетесь и воздаете божеское почитание камню и дереву.

После этих слов военачальник приказал десяти воинам бить мученика дубовыми палками по спине и по животу. Мученик же, терпеливо перенося побои, говорил: «Господи Иисусе Христе! Помоги мне, рабу Твоему!»

И слышен был с неба голос, укреплявший святого; при этом воины, наносившие удары, как бы оцепенели и не могли поднять рук своих на мученика. Военачальник же, не зная, что делать, решил послать святого к игемону, который прибыл к тому времени в Византию, причем военачальник написал игемону такое послание: «Любезному и достославному судии Флаккину, игемону фракийскому, от Вивиана военачальника — радоваться. Я предавал разного рода мучениям Акакия, защитника нечестивой веры христианской; его прислал ко мне двадцать дней тому назад Фирм, начальник мартисийского полка, так как он не повиновался приказанию царскому.

Я никак не мог заставить его подчиниться императорскому указу; так как ты можешь наказать еще сильнее этого человека, то я и пересылаю тебе его, вместе с записью его деяний, сделанною коментарисием».

Игемон, прочитав послание Вивиана, приказал заключить мученика в темницу, но без оков и без охраны крепкой стражей; сделал же он так потому, что имел жену-христианку, которая после многих слезных просьб убедила его не мучить слишком долго христиан, приводимых к нему на допрос, но поскорее предавать их смерти, если уж нельзя их освободить.

Спустя пять дней после этого игемон вызвал мученика к себе на допрос, причем приказал предварительно прочитать описание всех дел мученика — историю его страданий, запись о которых ему была прислана военачальником Вивианом. Игемон весьма удивился как жестокости мучений, так и мужеству святого Акакия, и сильно порицал Вивиана за то, что он так долго мучил человека, званием воина, а не предал вскоре его смерти. Поняв же, что святого Акакия никоим образом нельзя отвратить от исповедания имени Христова,

игемон приказал отсечь ему голову вне города (Византии). Когда святой мученик был веден на мучение, то он так воскликнул Богу:

— Как бы я хотел восхвалить Тебя, Источник жизни, Христос, Сын Божий, за то, что Ты был так благ и милостив ко мне грешному, что сподобил меня подвига мученического!

Когда святой дошел до самого места усечения и испросил себе у воинов время на молитву, то, преклонив колена, сказал:

— Слава Тебе, Боже! Тебе до́лжно воздавать непрестанную хвалу, так как Ты прославляешься в нас, людях, обремененных грехами; и чем более Ты являешь нам милостей Своих, чем больше прощаешь наших грехов, тем сильнее и ярче сияет слава Твоего благоутробия и милосердия неизреченного. Да будет благословенно святое имя Твое, Боже, потому что Ты сподобил меня, недостойного, столь великой чести — права называться мучеником Христовым. И эту великую честь Ты даровал мне не по каким-либо заслугам моим, но единственно по причине Твоей неизреченной благости и Твоего несказанного милосердия. Прославляю и восхваляю Тебя, Господи Боже Святой Израилев, с Единородным Сыном Твоим и Святым Твоим Духом, потому что Тебе должна воздаваться слава, честь и поклонение, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Сказав это, святой преклонил под меч голову свою и был усечен[1].

Так окончил свое страдание за Христа святой мученик Акакий. Честное тело его было погребено с честью христианами на том самом месте, где он был усечен; место это называлось «Ставрион». Все это произошло, как мы сказали, в царствование среди язычников Максимиана, в царствование же среди христиан Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается слава, честь и поклонение вовеки. Аминь.

[1] Кончина святого мученика последовала в 303 году. Мощи его хранились долгое время в храме его имени, созданном императором Константином Великим на месте его погребения, в Ставрионе, или Ставродромии. Здесь мощи святого Акакия хранились до времен иконоборцев, когда христиане, спасая их от преследования нечестивых гонителей, перенесли их в южно-итальянский город Скилакс.

ВОСПОМИНАНИЕ ЯВИВШЕГОСЯ НА НЕБЕ ЗНАМЕНИЯ ЧЕСТНОГО и ЖИВОТВОРЯЩЕГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ

По кончине первого христианского, благоверного и благочестивого царя Константина Великого царский престол занял сын его Констанций[1], который уклонился в злочестивую ересь Ария, хулившего Сына Божия[2]. Тогда, в посрамление злочестивых еретиков, для уверения неверных и утверждения православных, во святом граде Иерусалиме явилось дивное знамение: во дни святой Пятидесятницы, 7 мая, в третьем часу[3] на небе явилось изображение Честно́го Креста Господня, сиявшее неизреченным светом, сильнейшим солнечных лучей, что видел весь народ, пораженный великим ужасом и удивлением. Это знамение Креста, начинаясь над святою го-

[1] *Констанций*, сын Константина Великого, по смерти отца получил Восток, Азию и Египет; в 357 году, победив убийцу брата своего Константа, Магненция, он соединил под своею властью всю Римскую империю. Он разрушал языческие храмы или отдавал их христианам для обращения в церкви; несколько раз им издавался закон, запрещающий отправления языческого культа. Но своим сочувствием ереси Ария Констанций сильно увеличил религиозные раздоры того времени: он преследовал православных епископов, низводил их с кафедр и даже подвергал заточению; при нем ариане занимали высшие места в государстве. Констанций умер в 361 году, во время похода против своего двоюродного брата Юлиана, провозглашенного войсками в Галлии императором, куда он сам назначил его главнокомандующим. Григорий Назианзин сообщает, что пред смертью Констанций раскаивался в своем преследовании православных.

[2] Родоначальником арианской ереси был пресвитер александрийский Арий. Он отрицал единосущие Сына Божия с Отцом, почитал Иисуса Христа творением и не признавал за Ним Божественных совершенств — всемогущества, всеведения и прочее. Ересь Ария подверглась решительному осуждению на I (325 г.) и II (381 г.) Вселенских соборах, причем было установлено равенство Сына Божия с Отцом, что и исповедует каждый христианин во втором члене Символа веры, который был составлен отцами I Вселенского собора. В V веке арианство почти не имело последователей в Римской империи, но возродилось в Германии среди готов, бургундов, вандалов и логгобардов, где существовало до VII века.

[3] По нашему счету — около 9 часов утра. — Самое событие следует отнести к 351 году. В этом году Пасха была 31 марта, следовательно, Пятидесятница — 19 мая; 7 мая приходится на вторник последней недели пред Пятидесятницей.

рой Голгофской, на которой был распят Господь наш[1], достигало до самой горы Елеонской[2], отстоящей от Голгофы на расстоянии пятнадцати стадий, широта крестного знамения соответствовала его длине; красота же его, напоминавшая подобие разноцветной радуги, была столь велика, что привлекала к себе взоры всех. И все, имел ли кто в руках какое-либо дело, находился ли в жилищах, — оставив все свои дела и выйдя из домов, с вниманием и страхом созерцали пречудное знамение. Потом все многочисленные толпы иерусалимлян, исполнившись от этого Божественного видения страха и радости, поспешили с глубоким умилением и сердечною теплотою в святую церковь, — все старцы и юноши, мужи и жены, притом и с грудными младенцами, также и безбрачные девицы, заключившиеся в безмолвии — и те, выйдя из своих жилищ, устремились туда же, и вообще всякого возраста и состояния жители Иерусалима, странники и чужеземцы, православные христиане и иноверные. И все они единодушно громко прославляли Иисуса Христа, Господа нашего, Сына Божия единородного, Бога истинного от Бога истинного, Промыслителя великих чудес.

Тогда неверующие еретики, враги и хулители Божества Христова, исполнились стыда, видя в явлении Креста таковую великую, Божественную славу и силу Христа Господа, самою действительностью удостоверившись в то время в том, что христианская вера есть правая, истинная и благочестивая и предлагает верующему не от человеческой внешней мудрости изученные слова, но утверждается на

---

[1] *Голгофа* находилась ранее вне Иерусалима (Мф. 27, 32–33, Ин. 19, 17, 41; Евр. 13, 12); лежит на северо-западной стороне святого города. Свое название (Голгофа с еврейского: *череп, лобное место* — Лк. 13, 33), вероятно, получила по сходству с черепом, или оттого, что по преданию, здесь был погребен Адам.

[2] *Гора Елеонская* или *Масличная* — гора иудейская, лежит к востоку от Иерусалима (Иез. 11, 23), получила свое название благодаря множеству росших на ней масличных деревьев. Господь Иисус Христос во время Своей земной жизни часто приходил на гору с учениками Своими (Ин. 8, 1; 18, 2). На западном склоне горы Елеонской находится Гефсиманский сад, где Господь молился в ночь пред страданиями и где был предан Иудою (Мф. 21, 30–50; Лк. 14, 26–46; 22, 39). На юго-восточном склоне горы находилось селение Вифания, откуда Господь предпринял торжественный вход в Иерусалим (Мф. 21, 21; Лк. 14, 29). По преданию, с горы Елеонской Господь вознесся на небо (Деян. 1, 12). Во II веке святой Еленой, матерью Константина Великого, на горе Елеонской был воздвигнут христианский храм, обращенный впоследствии турками в мечеть.

откровении Духа Святого и благодати, и засвидетельствована небесными знамениями и чудесами. О повествуемом чудесном явлении знамения Креста святейший патриарх Иерусалимский Кирилл[1] известил посланием царя Констанция, увещевая его обратиться к православному учению. Ермий же Созомен[2] свидетельствует, что чрез это явление на небе святого Креста[3] весьма многие из иудеев и эллинов пришли к истинной вере и, приступив с покаянием ко Христу Богу нашему, приняли святое крещение. И все благочестно прославляли Христа Бога нашего, Единосущного и Соприсносущного Отцу и Святому Духу. Мы же, исповедуя неисповедимую Его силу, явленную Крестом, превозносим нашими благодарными хвалами Господа Бога нашего и поклоняемся подножию ног Его, святому Кресту, умоляя милосердие Господне, дабы во второе страшное Свое пришествие Христос сподобил нас узреть имеющее тогда явиться *знамение Сына человеческого* (Мф. 24, 30) — Крест святой, в радости и надежде спасения и им, как бы ключом, отверз нам двери Царства небесного, как некогда благоразумному разбойнику рай (см.: Лк. 23, 40–43), и вчинил нас вместе с благословенными Своими овцами вовеки (см.: Мф. 25, 33–34). Аминь.

---

[1] *Святой Кирилл*, архиепископ Иерусалимский, патриаршествовал с 350 по 387 год. Известен своею борьбою с ересью ариан. Память его празднуется 18 марта.

[2] *Созомен* — церковный историк V века. Его «Церковная история» обнимает период времени с 323 по 439 год (но до нашего времени сохранился рассказ лишь до 423 года). Созомен написал также историю трех первых веков христианства, но до нас она, к сожалению, не дошла. — Об описываемом дивном знамении Созомен упоминает в IV книге своей «Церковной истории», в главе 5.

[3] Явление Креста на небе предвещало Церкви тяжелые времена — господство арианства. Ровно десять лет (по 371 г.) арианство держалось на престоле в лице Констанция, затем сменилось богоотступничеством Юлиана (с 361 по 363 год); после Юлиана четырнадцать лет покровительствовал арианству император Валент (с 364 по 378 год).

День восьмой

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
АРСЕНИЯ ВЕЛИКОГО

Преподобный Арсений родился в Риме от благочестивых родителей — христиан, которые воспитали его в страхе Божием и обучили его наукам. Арсений был мужем не только добродетельным, но и весьма мудрым: он изучил сочинения всех риторов и философов и хорошо знал как греческий, так и латинский языки. Однако он оставил суетную жизнь мирскую и пренебрег эллинским любомудрием; он вступил в сонм клириков, посвятив себя на служение Богу, так как искал премудрости истинной, восхваляемой святым апостолом Иаковом, той премудрости, которая чиста, мирна, скромна, послушлива, преисполнена милости и добрых плодов (см.: Иак. 3, 17). Арсений, приняв на себя сан диакона великой римской церкви, проводил жизнь целомудренную, стараясь соделать из себя достойное жилище святого и всеосвящающего Духа.

В это время восточною частью Римской империи управлял Феодосий Великий[1], а западною — Грациан[2]. Феодосий, имея двух сыновей — Аркадия и Гонория, искал для них такого учителя, который бы научил их не только человеческой, но и Божественной мудрости; Феодосий хотел, чтобы дети его были обучены не только философии и другим эллинским наукам, но и добродетельной богоугодной жизни христианской. С этою целью Феодосий приказал искать по

---

[1] *Феодосий* — управлял восточною половиной Римской империи с 379 по 395 год; западной — с 383 по 395 год.

[2] *Грациан* царствовал с 375 по 383 год.

всей империи своей такого человека, однако найти не мог, потому что посланные его находили много умных и ученых людей, проводивших жизнь не богоугодную, и, наоборот, встречали людей жизни благочестивой, но совершенно не обученных светским наукам. Поэтому Феодосий вынужден был написать к западному императору Грациану о том, что ему для обучения детей нужен такой именно человек, как сказано выше. Грациан же, посоветовавшись об этом с папою Дамасом[1], сказал ему: «Стыдно будет царству нашему, если мы не найдем в нем человека добродетельного и мудрого, какого просит император Феодосий. Нам нужно найти такого человека, который мог бы сыновей его и философии научить, и наставить страху Божию не только словом, но и примером своей добродетельной жизни».

Тщательно поискав по всему Риму, они не нашли более премудрого и более добродетельного мужа, как Арсения диакона, проводившего жизнь добродетельную и превосходившего многих своими подвигами и уже не юного возрастом. Призвав его к себе, они передали ему желание царя восточного и приказали Арсению идти к нему. Но Арсений всячески отговаривался, говоря, что он уже давно оставил все мирские науки, так как решил посвятить себя на служение Богу в звании клирика; Арсений говорил, что он уже давно забыл все речи риторов, так как решил посвятить все силы свои на служение Церкви и алтарю.

Однако, чем более Арсений отговаривался, тем более император с папой увещевали его исполнить их просьбу, так как они просили его о деле, полезном всему христианскому миру и Церкви Божией. Они говорили ему, что он должен научить детей царских не только книжной мудрости, но и христианскому благочестию, дабы они не верили в языческие басни, а защищали бы и распространяли веру христианскую.

---

[1] *Дамас I* занимал папский престол с 366 по 384 год.

Тогда Арсений против своей воли повиновался приказанию императора и папы. Они отправили его в Константинополь к императору Феодосию с великою честью.

Когда преподобный прибыл в Константинополь, то был принят здесь императором Феодосием очень милостиво: увидев его, Феодосий даже по внешнему виду признал в нем человека Божия, преисполненного мудрости и боговедения, и весьма обрадовался его прибытию. Воздав благодарение Богу, Феодосий привел к Арсению детей своих, Аркадия и Гонория, и вручил их ему, сказав:

— Теперь ты будешь им более отцом, нежели я, потому что труднее воспитать их, чем родить. Я поручаю их тебе и твоему благоразумию; воспитай их так, как я прошу тебя; приучи их к добродетели и обучи их премудрости; как отец их духовный, позаботься о том, чтобы они избегали разных юношеских соблазнов. За все это ты получишь награду от Бога. Честный Арсений! О, если бы ты возрастил их в благочестии и добродетельной жизни! Как бы я радовался сему и как бы благодарил за это Бога! Все это я говорю тебе при сыновьях моих, дабы они все это сами слышали и видели. Не взирай на то, что они царские сыновья; воспитывай их в послушании и повиновении себе, потому что я хочу, чтобы они повиновались тебе во всем, как своему отцу и учителю, и слушались бы тебя, как твои чада и ученики.

Вручив детей своих Арсению, Феодосий приказал построить им училище около дворца, чтобы ему самому было удобно приходить к ним и наблюдать за их обучением и жизнью; блаженному же Арсению император оказал большие почести: дал ему место среди своих советников и приказал называть его не только отцом детей его, но и отцом своим, так что Арсения все называли «отец государя и детей его». Есть еще известие о том, что блаженный Арсений был восприемником при святом крещении сыновей царских, Аркадия и Гонория, так как тот и другой были крещены не в младенческом, а в юношеском возрасте.

Взяв под свое руководство детей царских, Арсений ревностно заботился о их воспитании и обучении; он изучал с ними греческие и латинские книги и вместе с тем наставлял их к благочестивой жизни, изъясняя им Священное Писание; в особенности Арсений поучал их тому, как должны будут они вести себя тогда, когда Господь бла-

говолит дать им управление государством; он говорил им, что они должны украшать себя не столько венцом царским, сколько добрыми делами благочестия; — хотя царствовали и нечестивые, беззаконные люди, каковы были все языческие императоры, но цари христианские должны быть людьми добродетельными, должны и Богу угождать, и людям делать добро, если хотят, чтобы память о них переходила из поколения в поколение.

Так поучая Аркадия и Гонория, Арсений оказывал им всякое почтение, как сыновьям царя; поэтому он обыкновенно предлагал им садиться на престолах, сам же беседовал с ними стоя.

Случилось однажды, что Феодосий пришел к ним неожиданно во время обучения. Увидя, что сыновья его сидели, а учитель их, Арсений, стоял пред ними, Феодосий весьма опечалился и сказал Арсению:

— Разве я так приказал? Не сказал ли я тебе, чтобы ты считал сыновей моих учениками и чадами своими и не обращал бы внимания на то, что они царские дети?

Блаженный же Арсений со смирением ответствовал Феодосию:

— Царь! Каждой вещи приличествует свое дело: юность требует учения, чести же царской приличествует почитание.

От этих слов царь оскорбился еще более и сказал:

— Значит, ты считаешь их царями?

Сказав это, Феодосий снял с сыновей своих знаки царского достоинства и насильно посадил Арсения на престол, сыновей же своих заставил стоять пред ним и сказал:

— Если они научатся бояться Бога и будут хранить заповеди Его и угождать Ему добродетельною жизнью, то Царь небесный поставит их царями на земле, если они будут достойны этого; но если они будут людьми дурными и недостойными царского престола, то лучше им и не царствовать вовсе. Я молю Бога о том, чтобы Он лучше взял их из этой жизни в их юношеские годы, чем позволил бы им вырасти во зле, на погибель как своей собственной души, так и прочих душ человеческих.

Сказав так, царь ушел.

Арсений в мыслях своих одобрял царя и с тех пор поступал согласно его приказанию: поучал сыновей царских сидя, в то время как они стояли перед ним.

Но чем бо́льшая слава окружала Арсения, тем больше он скорбел духом, потому что сердце его не лежало ни к славе, ни к богатству, ни к суетной мирской похвале; в глубине души он сильно желал послужить Богу в смиренной жизни иноческой, в безмолвии и нищете; поэтому Арсений начал усердно молиться ко Господу, прося освободить его от пребывания в царских палатах и сподобить его пустынной иноческой жизни.

Случилось однажды, что Арсений как-то заметил за Аркадием некоторый проступок. Рассердившись на него, Арсений побил его розгами и притом настолько сильно, что Аркадий помнил это наказание до самой смерти своей, так как следы розог остались на теле Аркадия. Все это произошло по промышлению Божию, дабы через это освободить Арсения от этой мирской жизни и дать ему возможность проводить пустынное иноческое житье, которого так жаждал преподобный. Аркадий, затаив в сердце гнев на учителя своего и придя в совершенный возраст, стал думать, как бы ему убить Арсения. Он открыл намерение свое одному доверенному советнику и упрашивал его убить Арсения, каким ему угодно способом. Но тот, боясь Бога и императора Феодосия и не желая делать столь дурного поступка, тем более, что уважал Арсения за многие его добродетели, тайно, наедине, передал ему замысел Аркадия и советовал преподобному поберечь свою жизнь. Арсений же, преисполнившись скорби и страха, начал снова со слезами молиться к Богу, чтобы Он направил его на путь спасительный. Ночью, во время молитвы, Арсений услышал свыше голос, говоривший: «Арсений! Беги от людей, и ты спасешься».

Услышав это, Арсений оделся в худые одежды и, выйдя тайно из дворца царского, пришел на берег морской; здесь, по Божию промышлению, он нашел корабль, отправлявшийся в Александрию[1]. Он сел на него и отправился в путь, возложив все упование свое на Бога. Когда корабль прибыл в Александрию, тотчас Арсений отпра-

---

[1] *Александрия* — знаменитый в древности город, стоящий при устье Нила в Египте и основанный Александром Македонским (с 336 по 323 год до Рождества Христова). Александрия в древности была центром торговли, промышленности и образованности, а в первые века христианства рассадником христианского просвещения. В настоящее время Александрия принадлежит к числу важнейших портовых городов.

вился в скит подвижников[1]. Придя в церковь, он начал слезно упрашивать пресвитеров посвятить его в монашество и наставить его на путь спасения. Эти же последние, видя, что с ними говорит муж честны́й и благоговейный, спросили его:

— Кто ты и откуда ты пришел?

Он же отвечал им:

— Я — странник и человек я убогий.

Пресвитеры, посоветовавшись между собою о том, кому бы можно было отдать пришельца для наставления иноческому житию, решили отдать его авве Иоанну Колову[2], о чем и известили его. Старец же Иоанн, помолившись Богу, сказал: «Да будет воля Господня!»

Между тем Иоанн велел приготовить трапезу для братии, так как был десятый час дня. Братия сели за стол, но Арсений стоял, потому что никто не приглашал его садиться. Братия начали вкушать пищу, но Арсений не ел ничего и все время стоял, опустив голову вниз, как бы предстоя пред Богом и Его святыми Ангелами. Старец же Иоанн взял один из сухарей, предложенных для трапезы, и бросил Арсению, сказав:

— Ешь, если хочешь.

Это сделал Иоанн для того, чтобы испытать смирение пришельца и узнать, пришел ли он сюда действительно для того, чтобы отречься от мира.

Между тем Арсений думал про себя так: «Этот старец — Ангел Божий и прозорливец, потому что он знает, что я хуже пса; поэтому и сухарь бросил он мне как псу; по той же причине я должен и съесть его, как пес».

И наклонившись до земли, он пошел на четвереньках, как четвероногое животное, к сухарю, взял его прямо ртом, затем отошел с ним в угол и там съел его лежа на земле.

---

[1] *Египет* был обычным местом обитания многих подвижников. Обители иноков находились как в Среднем, так и Нижнем Египте. Особенно славилась в Египте пустыня Нитрийская, находившаяся в Нижнем Египте и лежавшая в глубь страны, за рекою Нилом. Скитская пустыня находилась близ Ливии. Это быта дикая, песчаная пустыня; сюда не было и проторенной дороги — путь сюда направляли по течению звезд.

[2] *Иоанн Колов* (то есть малорослый) — один из славнейших египетских подвижников. Память его празднуется святой Церковью 9 ноября.

Блаженный Иоанн, видя такое смирение святого Арсения, сказал пресвитерам:

— Он будет великим подвижником.

Иоанн весьма возлюбил Арсения за его смирение и вскоре облек его в чин иноческий, затем, обучив его житию подвижническому, дал ему келью неподалеку от себя, как иноку, уже твердому и опытному в добродетели.

Между тем император Феодосий начал разыскивать Арсения, вскоре же после того как он ушел из дворца. Феодосий очень сожалел об Арсении и потому велел искать его в разных городах. Однако никак не мог найти его, так как Господь скрывал местопребывание угодника Своего до того времени, когда Ему благоугодно будет явить его миру на пользу многим.

Арсений же, живя в келии, указанной ему старцем, подвизался в посте, молитве и трудах иноческих и так преуспел во всех добродетелях, что превзошел многих старцев своими подвигами. Однажды, когда он молился, сказал:

— Господи, научи меня спастись!

В ответ на это был голос с неба, говоривший:

— Арсений! Убегай от людей и пребывай в молчании; это — корень безгрешия.

Внимая этому голосу, Арсений ушел из того места в глубь пустыни и построил здесь для себя небольшую келью; в этой келии он всегда пребывал один, всемирно стараясь соблюдать молчание. Он избегал всяких бесед и постоянно устремлял ум свой к небу; пребывая на земле телом, он духом возлетал к горним силам. Каждый воскресный и праздничный день он приходил в церковь. По окончании богослужения тотчас возвращался молча в свою келью; при этом он никогда не вступал ни с кем в разговор; лишь только изредка, будучи спрошен, отвечал на вопрос насколько возможно кратко и затем устремлялся к своему безмолвному жилищу. Все подвижники, обитавшие в скитской пустыне, весьма удивлялись добродетельной жизни преподобного Арсения. Один раз авва Марк спросил его:

— Для чего ты, честны́й отец, удаляешься от нас?

Арсений же отвечал ему:

— Знает Бог, как я люблю вас; но я не могу пребывать одновременно и с Богом, и с людьми, потому что на небе, хотя и очень много вышних сил, — тысячи тысяч или десятков тысяч, — но все они имеют одну волю и единодушно славят Бога; но на земле много воль человеческих, и у каждого человека свои мысли; каждый имеет свою волю и мысль, и потому я не могу, оставив Бога, жить с людьми.

Стремясь соединиться в Богом, Арсений всячески удалялся людей, так что даже не желал, чтобы кто-либо его видел или знал о нем; но подобно светильнику он не мог укрыться под спудом; молва о его подвигах проходила всюду и дошла до Царьграда.

После смерти благочестивого царя Феодосия Великого воцарился сын его Аркадий[1]. Узнав о местопребывании и образе жизни преподобного Арсения, Аркадий написал ему послание, в котором со смирением просил у него прощения в грехах своей юности, а также просил помолиться Богу за него и за брата его Гонория, управлявшего западной половиной Римской империи[2], дабы царствование их было благословенно Богом. Кроме того, Аркадий давал Арсению право пользоваться всею данью, которая собиралась с Египта, и раздавать ее церквам, монастырям и всем нуждающимся, по своему усмотрению. Преподобный Арсений не пожелал письменно ответить царю, но только сказал посланному:

— Скажи пославшим тебя: так говорит смиренный Арсений — Бог да простит грехи ваши и царствование ваше да благословит и да поможет вам исполнять святую волю Свою. Вы писали о дани; но Арсений в ней не нуждается, потому что он умер для мира; пусть никто не считает его более живым (то есть живущим для мира).

С таким ответом пошел посланный к императору, преподобный же удалился в свою пустынную келию и пребывал в ней в молчании, постоянно беседуя с Богом в молитве, иногда же и других наставлял на безмолвное житие.

Однажды преподобный Арсений пришел на место, где росло очень

---

[1] *Император Аркадий* управлял восточною половиною Римской империи с 395 по 408 год.

[2] С 395 по 423 год.

много тростника. Он нашел здесь иноков, сидевших около тростника. Так как тростник шумел от ветра, то преподобный спросил иноков:

— Откуда происходит этот шум?

Иноки же отвечали ему:

— Это тростник шумит от ветра.

Тогда преподобный сказал им:

— Для чего же вы сидите здесь и слушаете шум тростника? Тот, кто действительно любит молчание, не должен слушать даже и пения птиц, которое может нарушить мир душевный; тем более может смутить сердце инока шум тростника.

Однажды к преподобному пришел архиепископ Александрийский Феофил[1] вместе с одним вельможей, желавшим побеседовать с преподобным и принять от него наставление. Преподобный же, помолчав немного, сказал им:

— Исполните ли вы то, что я скажу вам?

Они обещали исполнить все, что бы он ни сказал.

Тогда преподобный сказал:

— Не приходите никогда туда, где будет Арсений.

Пришедшие удивились ответу преподобного; однако послушались его и удалились.

Спустя некоторое время архиепископ пожелал снова видеть Арсения, поэтому послал спросить его: «Откроешь ли ты келию твою, когда к тебе придет архиепископ?»

Преподобный же отвечал посланному: «Если ты придешь, то открою; но если я открою келию тебе, тогда мне придется открывать ее для всех; но в таком случае мне придется удалиться из келии».

Услышав такой ответ, архиепископ не пошел к преподобному, так как боялся, как бы он не ушел из того места.

Случилось однажды, что один странствующий инок пришел к келии преподобного Арсения, так как хотел видеть его. Подойдя к двери, он постучал в нее. Арсений, думая, что это пришел его послушник, прислуживавший ему, тотчас же открыл дверь. Но, увидав постороннего человека, упал на землю, лицом вниз, для того, чтобы пришедший не видел лица его. Однако этот последний стал упраши-

[1] *Феофил* патриаршествовал с 385 по 412 год.

вать преподобного подняться с земли. Арсений же не хотел вставать и сказал: «Я не встану до тех пор, пока ты не уйдешь отсюда».

И действительно, не поднимался с земли долгое время.

Инок долго упрашивал преподобного; но, так как преподобный не соглашался исполнить его просьбу, то инок ушел оттуда.

В другой раз пришел еще один инок издалека в скит, также хотевший видеть преподобного, и начал упрашивать братию указать ему дорогу к келии Арсения. При этом он сказал братии:

— Я хочу побеседовать с отцом Арсением.

Но братия отвечали ему:

— Подожди, брат, до воскресенья, и ты увидишь его, когда он придет в церковь.

Инок же тот сказал братии:

— Не буду есть до тех пор, пока не увижу преподобного.

Поэтому братия послали одного инока с новопришедшим и поручили ему указать дорогу к келии старца Арсения (следует заметить, что келия Арсения отстояла от скита на тридцать стадий)[1].

Подойдя к келии, брат постучал в нее.

Старец открыл дверь и впустил в келию пришельцев; затем сел, опустив голову, и молчал. Сидели молча и пришедшие. Все молчали довольно продолжительное время. Наконец инок скитской обители сказал:

— Я пойду назад, потому что я должен исполнять свои обязанности при церкви.

И, поднявшись с места, он собрался идти.

Другой же брат, пришедший с ним, не имея дерзости остаться со старцем, сказал ему:

— И я пойду с тобою.

Затем, встав, он поклонился старцу и вышел из келии, не услыхав ни одного слова из уст преподобного.

После того странствующий инок начал упрашивать брата привести его к Моисею[2], бывшему разбойником до пострижения в иночество. Брат согласился исполнить его просьбу и повел его к преподобному Моисею.

---

[1] Около пяти верст по нашему счету.

[2] Память его празднуется святой Церковью 28 августа.

Когда они пришли к Моисею, то этот последний принял их с радостью, предложил им отдохнуть и подкрепиться пищею и, оказав им большую любовь, отпустил их от себя.

Дорогою скитский брат сказал пришельцу:

— Вот, ты видал и отца Арсения, и отца Моисея. Кто из них лучше, по твоему мнению?

Брат отвечал на это:

— Лучший из них тот, кто принял нас с любовью.

Один инок, узнав об этом, стал молиться к Богу, говоря так: «Господи! Скажи мне, кто из них более совершен и заслуживает большей благодати Твоей: тот ли, кто скрывается от людей, ради Тебя, или тот, кто принимает всех также ради Тебя?»

Этот инок в ответ на молитву свою имел следующее видение: ему представились два корабля, плывшие по какой-то очень большой реке; в одном корабле находился преподобный Арсений, и Дух Божий управлял кораблем его, соблюдая его в великой тишине; в другом был преподобный Моисей; кораблем же его управляли Ангелы Божии, влагавшие мед в уста Моисея.

Об этом видении инок тот рассказал другим, более опытным подвижникам, и все нашли, что более совершенен Арсений, пребывающий в молчании, нежели Моисей, принимающий странников, потому что с Арсением пребывал Сам Бог, с Моисеем же были только святые Ангелы.

Всячески удаляясь лицезрения людей и бесед с ними вообще, Арсений особенно остерегался лицезрения женщин и разговоров с ними, что можно видеть из следующего случая.

Одна богатая боярыня, благочестивая, целомудренная и весьма богобоязненная, проводившая строгую жизнь, услыхав о преподобном Арсении, пожелала его видеть; с этою целью она пришла из Рима в Александрию к архиепископу и просила его уговорить Арсения принять ее, как странницу, и сподобить ее своего благословения за то, что она предприняла столь далекое путешествие. Архиепископ принял ее с большою честью, так как она происходила из одного знатного сенаторского рода, и всячески старался уговорить преподобного исполнить ее просьбу, но не имел никакого успеха, потому что старец не только не желал видеть ее, но даже не хотел и слышать о женщине.

Узнав об этом, боярыня приказала приготовиться слугам своим к путешествию, сказав:

— Я надеюсь на Бога, что Он сподобит меня увидать Арсения, потому что я пришла не для того, чтобы видеть простого человека (и в нашем городе много обыкновенных людей); нет, я хочу видеть пророка. Ради этого я и предприняла столь далекое путешествие.

Сказав это, она направилась в скитскую пустыню.

Когда боярыня приблизилась к келии преподобного, случилось, по усмотрению Божию, что старец был вне келии; неожиданно подойдя к нему, она припала к ногам его. Он же, приказав ей встать, с гневом сказал ей, смотря ей прямо в лицо:

— Если ты хотела видеть мое лицо, — то вот оно — смотри.

Но она от стыда не могла и очей поднять на него.

Тогда старец сказал ей:

— Если ты слышала о каких-либо добрых делах моих, то ты хорошо сделаешь, если будешь исполнять их. На лицо же мое тебе нечего смотреть. Для чего же ты предприняла столь далекий путь? Разве ты не знаешь, что ты женщина и что ты, поэтому, должна быть в доме своем и не выходить из него никуда? Неужели ты пришла сюда для того, чтобы, возвратившись в Рим, хвалиться перед другими женщинами в том, что ты видела Арсения? Если ты так сделаешь, то тогда все женщины городские пойдут ко мне.

Она же отвечала:

— Если Господь поможет мне возвратиться, то я никому не позволю идти к тебе, чтобы не препятствовать твоим подвигам. Но я прошу тебя — помолись за меня Богу и поминай меня в твоих молитвах.

Старец же сказал ей:

— Я буду молить Бога, чтобы Он изгладил из сердца моего память о тебе.

Услышав это, боярыня отошла от преподобного с весьма смущенным сердцем. Придя в город Александрию, она впала в еще большую печаль.

Архиепископу стало известно, что боярыня возвратилась от преподобного с великою печалью. Придя к ней, он спросил ее о причине ее скорби. Боярыня же отвечала ему:

— Лучше было бы для меня, если бы я вовсе не приходила сюда. Я просила старца поминать меня в молитвах своих, но он сказал мне: «Я буду молить Бога, чтобы Он изгладил из сердца моего память о тебе». По этой причине я и скорблю смертельно.

Тогда архиепископ сказал ей:

— Не печалься об этом, дочь моя, ибо старец сказал так не без причины: ведь ты женщина, а через женщин диавол делает много неприятностей святым мужам. Поэтому и старец сказал те слова, опасаясь искушения демонского; о душе же твоей он молится и будет всегда молиться.

Боярыня успокоилась после этих слов, перестала печалиться и с радостью отправилась в обратный путь.

Преподобный Арсений продолжал пребывать в безмолвии, все более и более углубляясь в богомыслии; он пылал столь сильною любовью к Богу, что постоянно был как бы в огне по причине своих пламенных молитв.

Один раз некий брат пришел из скита к келии старца за каким-то делом; подойдя к окну, он увидал старца стоявшим на молитве, причем старец был воспламенен молитвою, как огнем. Видя это, брат пришел в ужас. Так как он был достоин этого видения, то, постояв немного, постучал в дверь. Старец вышел из келии и, увидя брата, о чем-то ужасавшегося, спросил его:

— Давно ли ты здесь? Не видал ли ты чего особенного?

Но брат сказал:

— Я ничего не видал.

Затем, поговорив с ним по делу, старец отпустил его в скит.

Повествуют об этом дивном старце и то, что, когда жил во дворце царском, то никто не носил одежд лучших его; но когда он отрекся от мира, то ни у кого не было одежд худших, нежели у него.

Старец этот удержал одну привычку из своей мирской жизни, именно: иногда он, садясь, полагал ногу на ногу, что могло показаться не совсем благопристойным. Некоторые братия видели это, однако никто из них не осмеливался сделать ему какое-либо замечание, потому что все весьма уважали его. Но только один старец, авва Пимен, сказал братии:

— Пойдите к авве Арсению, и я сяду при нем так, как иногда садится он; тогда вы сделайте мне замечание, что я не хорошо сижу.

Я стану просить у вас прощения; вместе с тем мы исправим и старца.

Они пошли и сделали так. Преподобный же Арсений, поняв, что так неприлично сидеть иноку, оставил свою привычку.

Блаженный Арсений был настолько смиренен, что даже выслушивал наставления от простых иноков. Так, например, беседуя с одним старцем египтянином, он просил научить его, каким образом можно отгонять от себя греховные помышления. Об этом узнал другой брат, который и сказал потом Арсению:

— Для чего ты, честны́й отец, столь искусный в науках, знающий хорошо греческий и латинский языки, просишь совета у простеца о том, как отгонять от себя греховные мысли?

Преподобный же отвечал иноку тому:

— Я хорошо знаю светскую науку греков и римлян; но я не знаю даже азбуки того, что знает этот простец, касательно жизни добродетельной.

Это сказал преподобный для того, чтобы показать, что смиренье есть основание всех добродетелей, подобно тому как азбука есть основание всякой науки; тот, кто изучил бы всю мирскую мудрость, но не имел бы истинного смиренномудрия, — тот не может спастись.

Кроме смирения, преподобный обладал еще даром умиления. В продолжение всей своей жизни он всегда, когда занимался рукоделием, имел у себя на груди платок, так как слезы постоянно текли из очей его. Он был весьма бодр телом, как и духом; весь день он работал и всю ночь молился Богу, и только лишь изредка предавался сну. Когда очи его смежались и ему очень хотелось спать, он говорил сам себе: «Уходи, злой раб, и не оставайся со мной!»

И если после этого и предавался, сидя, слегка дремоте, то вскоре же, ободрившись, вставал и молился Богу. Он часто говаривал ученикам своим:

— Иноку до́лжно предаваться сну лишь на один час.

Накануне каждого воскресного дня, он становился еще с вечера в субботу на молитву, подняв руки кверху; становился же он к солнцу спиною и так стоял до тех пор, пока солнце, на утро следующего дня, не начинало светить ему в лицо.

Блаженный старец всегда занимался рукоделием: именно плел корзины и рогожи из финиковых листьев, причем не менял воду, в которой мочил листья, в течение целого года; лишь изредка подливал воды понемногу. По причине этого некоторые из братии сказали ему:

— Почему ты, честны́й отец, не меняешь воду, в которой ты мочишь финиковые листья? Неужели ты не замечаешь, как смердит в келии твоей от той воды?

Преподобный же отвечал им:

— Вместо фимиама и благовонных мастей, которые я обонял, когда жил в мире, я должен теперь обонять смрад этот, чтобы в день страшного суда Господь избавил меня от нестерпимого смрада гееннского.

Иногда преподобного дерзали искушать бесы; прислуживавший же ему брат, приблизившись к келии его, слышал, как старец взывал в таких случаях к Богу: «Не оставь меня, Господи! Хотя я и не сотворил пред Тобою ничего благого, но помоги мне, по благодати Твоей, положить ныне начало благое!»

Случилось однажды преподобному Арсению сильно заболеть. Скитские иноки пришли к преподобному, взяли его и понесли в больницу при церкви, чтобы послужить ему. Они положили его на постели, хорошо убранной и с мягким возглавием. Преподобного пришел посетить один брат. Брат тот, увидав, что преподобный лежал на мягкой постели, соблазнился и сказал:

— Это ли отец Арсений! И неужели он лежит на мягкой постели?

Услышав это, один из пресвитеров подозвал к себе того брата и наедине спросил его:

— Брат, когда ты был в мире, какую обязанность ты исполнял и какова была твоя жизнь?

Он отвечал:

— Я был пастухом и во многих трудах и печалях проводил жизнь свою.

Потом пресвитер снова спросил его:

— А теперь ты как живешь?

Он отвечал:

— Теперь я живу в покое, имею все для нужд своих и не знаю никакой заботы и печали.

Тогда пресвитер сказал ему:

— Вот этот, кого ты видишь, отец Арсений, когда был в мире, то был отцом царей; ему предстояли тысячи слуг в светлых одеждах, в золотых поясах и гривнах[1]; постель его была весьма многоценна и богатства его были бесчисленны; а ты раньше пас скот и был нищим; ты не имел в мире такого покоя, каким пользуешься сейчас; ты отдыхаешь от трудов мирских, а отец Арсений теперь трудится и страдает в нищете, после покоя и довольства в миру.

Брат тот, тронутый словами пресвитера, поклонился и попросил у него прощения, сказав:

— Действительно, честны́й отец, все было так, как ты сказал: я пришел сюда на покой от трудов, отец же Арсений пришел сюда на труд от покоя.

Получив наставление, полезное для души, брат тот отошел от пресвитера.

Случилось раз нашествие варваров на страну ту. Все иноки бежали из скита в города и селения; но преподобный не хотел уходить из пустыни в город, размышляя так: «Если Господь не сохранит меня, то мне незачем и жить на земле».

Варвары разграбили весь скит, но не могли найти преподобного Арсения, так как Сам Бог скрывал от них раба Своего. Однако, поразмыслив в себе, для того, чтобы не выслушивать похвалы от других отцов и не предаться тщеславию, преподобный пошел в тот же путь, по которому бежали и прочие отцы. Арсений много плакал об опустошении скита, говоря:

— Мир погубил Рим, иноки же погубили скит[2].

Когда варвары ушли из скита, иноки снова возвратились туда; восстановив скит, они стали снова жить на своих местах. С ними возвратился и преподобный Арсений в свою келию.

Однажды к преподобному принесли из Рима завещание одного боярина, сродника его, который предоставлял все свои многочис-

---

[1] *Гривна* — золотая цепь, носившаяся в качестве украшения на шее.

[2] Вероятно, своими грехами, из-за которых было попущено нападение варваров — как на Рим, так и на скит.

ленные богатства в пользу преподобного, дабы он истратил их, как хотел сам. Преподобный же, взяв завещание, хотел его разорвать, но пришедший с завещанием просил его не разрывать документа, сказав:

— Прошу тебя, честный отец, не разрывай этого завещания, так как пославшие взыщут его с меня.

Преподобный же, возвратив ему завещание в целости, сказал:

— Я еще раньше его умер (для мира); для чего же он, недавно умерший, делает меня, мертвеца, наследником своих богатств?

И возвратил посланного с завещанием к пославшим его.

Преподобный не всегда подвизался на одном и том же месте, но иногда переселялся из скитской пустыни в более уединенные и безмолвные места, удаляясь от приходящих для беседы людей, так как они нарушали покой его душевный. Так он подвизался некоторое время в Трогине, около Вавилона и напротив города Мемфиса, затем в Канопе, близ Александрии и в некоторых других пустынных местах; потом снова возвращался в скит, так что никто не знал его образа жизни.

Один раз, когда преподобный жил в нижних странах Египта, он восхотел оставить келию свою и идти в какое-либо другое место, по причине множества приходивших к нему людей, мешавших его безмолвному жительству. Ничего не взяв с собою, он отправился в путь, сказав двум ученикам своим — Александру и Зоилу:

— Ты, Александр, останься здесь, а ты, Зоил, иди со мною к реке и поищи мне корабль, который отправляется в Александрию. Затем возвратись к брату твоему Александру.

Ученики его были весьма смущены этими словами; однако ни один из них не осмелился спросить старца: «Зачем ты от нас уходишь?»

Отплыв в Александрию, старец впал в тяжкую болезнь и проболел довольно продолжительное время. Александр же и Зоил, оставшиеся в келии старца, стали спрашивать друг друга: не оскорбил ли кто из них преподобного каким-либо непослушанием? Не находя вины за собою, они впали в большую печаль по старцу.

Когда преподобный выздоровел, то сказал сам себе: «Пойду теперь к ученикам своим».

И, поднявшись, пошел.

Случилось ему быть близ реки и встретиться здесь с толпой путников, шедших той дорогой; при этом одна женщина египтянка прикоснулась к одежде преподобного. Но он, оскорбившись, сделал ей замечание, что женщина не должна прикасаться к одежде монашеской. Женщина же та сказала ему:

— Если ты монах, то иди в гору пустынную.

Умилился старец от слов ее и часто говорил себе, повторяя слова той женщины: «Арсений! Если ты монах, то иди в горы и скитайся по пустыням».

Наконец, преподобный пришел на то место (называвшееся «Камень»), где жили его ученики. Александр и Зоил, встретив его, пали к ногам его и плакали от радости. Плакал и старец, обняв их. Затем ученики сказали старцу:

— Твое удаление отсюда, честны́й отец, повергло нас в большую печаль, потому что нам говорили некоторые иноки, что авва Арсений не ушел бы из своей келии, если бы ученики его не огорчили своим непослушанием.

Старец же сказал им:

— Чада! Я тоже подумал, что так скажут иноки относительно моего ухода отсюда; поэтому я и возвратился к вам. Теперь иноки могут про меня сказать: «Голубь, вылетевший из ковчега Ноева, не находя твердой почвы под ногами своими, возвратился к Ною в ковчег» (ср.: Быт. 8, 8–9).

Такими словами преподобного ученики утешились и с тех пор пребывали с ним неразлучно до самой кончины святого.

Однажды, когда преподобный находился в келии своей, ему было такое откровение от Бога. Ему послышался голос: «Выйди из келии твоей, и Я покажу тебе дела человеческие».

Старец, выйдя из келии, пришел как бы в некий восторг. Он увидел Ангела Божия, который взял его за руку и повел в одно место; здесь он показал ему черного человека, рубившего дрова и наготовившего их очень много; затем человек тот хотел взять дрова, которые нарубил, на плечи и нести, но не мог этого сделать, потому что дров было слишком много. Однако, вместо того, чтобы несколько поубавить дров из вязанки, человек тот продолжал снова рубить дрова и снова пытался поднять их, но уже совершенно не мог; однако все более рубил дров и все более увеличивал ношу свою. Затем

Ангел Божий показал преподобному в другом месте человека, стоявшего около колодца и черпавшего воду в дырявый сосуд; вода вытекала из сосуда и снова возвращалась в колодезь, но человек, черпавший воду, продолжал понапрасну трудиться. Наконец, Ангел показал преподобному новое видение: Арсений увидел церковь с раскрытыми дверями и двух всадников, имевших по бревну в руках; всадники эти хотели проехать сквозь церковные двери, но не могли, потому что бревна были поперек пути; один всадник мешал другому расположить бревно вдоль пути; вместо того, чтобы одному уступить дорогу другому, всадники пытались пройти сквозь дверь одновременно и потому все время суетились около двери и никак не могли войти в церковь.

После всего этого старец спросил Ангела:

— Что знаменует видение это?

Ангел же сказал ему:

— Два человека, имеющие в руке по бревну, — это образ мужей добродетельных, но гордых, не желающих смириться друг перед другом; они не войдут в Царствие небесное, но останутся вне его, по причине своей гордости, которая погубит все добродетели их. Человек, черпавший воду и наливавший ее в дырявый сосуд, есть подобие человека, имеющего некоторые добрые дела, но не оставляющего и грехов; этот человек понапрасну трудится, потому что грехами своими губит ту награду, какую мог бы получить от Бога. Черный человек, рубивший дрова и прибавлявший себе все большее и большее бремя, — это подобие человека, предающегося многим грехам и, вместо покаяния, прилагающего беззаконие к беззаконию.

Об этом видении преподобный Арсений поведал ученикам своим для их назидания, причем, по смирению своему, сказал им, что все это не сам он видел, а только слышал об этом от другого старца.

Кроме того, Арсений поведал ученикам своим и о страшном откровении о Божественных Тайнах Христовых, бывшем другим отцам-пустынникам.

— Был, — говорил Арсений, — в скиту один старец, проводивший очень строгую жизнь, славившийся своими добродетелями среди всех иноков. Этот старец, по причине простоты своей (он не был обучен Священному Писанию), соблазнялся о пречистых Тайнах Христовых, помышляя, что хлеб, который мы принимаем из свя-

щенного алтаря, и чаша, которой причащаемся, не есть истинное Тело и Кровь Христовы, но только подобие Тела и Крови Христовых. Об этом узнали два опытные старца; поняв, что так думал тот старец не по злобе, но по простоте и неведению своему, они решили вразумить его. С этою целью они пошли к нему и, побеседовав с ним обо многом на пользу души, между прочим сказали и следующее:

— Мы слышали, честный отец, об одном брате, что он неправильно мыслит о хлебе, который мы принимаем от святого алтаря, и о чаше, которую мы пьем, — что это не есть истинное Тело и Кровь Христовы, но только их подобие.

Старец же отвечал им:

— Это я думаю так.

Они стали уговаривать его, говоря:

— Не думай так, честны́й отец, но веруй так, как учит веровать святая Соборная и Апостольская Церковь. Мы веруем и исповедуем, что хлеб есть истинное Тело Христово, а вино в чаше есть истинная Кровь Его, а не подобие только Тела и Крови.

Затем те отцы привели в доказательство истинности своих слов многочисленные свидетельства из Священного Писания и из творений отцов и учителей Церкви, стараясь убедить того старца оставить свое ложное верование. Но он в простоте сердца сказал им:

— Если не удостоверюсь самым делом, то не поверю.

Тогда старцы сказали ему:

— Помолимся Богу все трое об этом, дабы открыл Он нам тайну эту, предварительно попостившись всю неделю. Мы веруем, что Он откроет нам эту тайну, так как он не допустит погибнуть многолетним трудам твоим.

Старец с любовью выслушал их совет, и все они затворились каждый в келии своей на всю неделю и проводили время в посте и молитве. Старец тот молился к Богу так:

— Господи! Ты знаешь, что я мыслю так не по злобе, но своим простым умом не могу постигнуть тайны этой. Открой же мне, по благодати Твоей, истину, дабы я не заблуждался в неверии.

Другие же два старца говорили в молитве своей:

— Господи! Открой брату нашему великую тайну Твою, дабы он не остался неверующим в нее и не погубил бы своих трудов и добродетелей.

Бог послушал рабов Своих и открыл им страшную тайну ту таким образом.

По прошествии недели с тех пор, как старцы начали свой пост и молитву, и наступило воскресенье, то те три старца пошли в церковь, для слушания Божественной литургии; в церкви стали они друг около друга. Господь открыл духовные очи их. Когда для святой трапезы был приготовлен хлеб, они увидели вместо хлеба юного младенца. В то время как священник простер руку для того, чтобы преломить хлеб старцы увидели Ангела Божия, сошедшего с неба и имевшего в руках нож. Заколов младенца, Ангел вылил Кровь в чашу. Когда священник преломлял хлеб, Ангел раздроблял Тело на части.

Между тем наступило время причащения. Вместе с прочими братиями пошел причащаться и неверовавший брат. Приняв в руки кусок мяса[1], сырого и источавшего кровь, и видя кровь в чаше, старец этот в ужасе воскликнул:

— Верую, Господи, что хлеб этот есть Твое Тело, и вино это — есть Твоя Кровь.

Тотчас мясо обратилось в хлеб и кровь — в вино.

Тогда старец причастился святым Тайнам Христовым с великим страхом и умилением сердечным.

Другие два старца сказали ему:

— Христос Бог знает, что человек не может есть сырого мяса и пить кровь. Поэтому он и предлагает верующим пречистое Тело Свое под видом хлеба и животворящую Кровь Свою под видом вина.

Затем старцы возблагодарили Господа за откровение и за то, что Он не попустил погибнуть в неверии тому добродетельному старцу.

---

[1] Не до́лжно удивляться тому, что братия принимали в руки честное Тело Христово; в первые века христианства и непосвященным позволялось брать в руки святые Дары и уносить их с собой домой или в путешествия; но впоследствии отцы и учители Церкви запретили это делать и по следующей причине: во время патриаршества святого Иоанна Златоуста в Константинополе одна женщина принесла домой святые Дары и смешала их с какими-то снадобьями для волхвования. Узнав об этом, святой Иоанн Златоуст сделал распоряжение по всем церквам, чтобы честно́е Тело Христово не предавалось в руки христианам, но чтобы вместе с Божественною Кровью преподавалось верующим из чаши лжицей. — Святой Димитрий Ростовский говорит об этом под 9 ноября, в повествовании о житии преподобной Феоктисты.

Однажды некоторый брат спросил Арсения о том, что полезно для души. Преподобный же ответил ему:

— Всячески заботься о том, чтобы то, что ты мыслишь в уме своем, было бы угодно Богу. Поступая так, ты легко победишь всякий грех.

Это сказал святой для того, чтобы показать, что все грехи и страсти рождаются от дурных мыслей, принимаемых сердцем и с услаждением удерживаемых; наблюдающей же за своими мыслями и отгоняющий греховные помыслы, тем самым погашает страсти свои и побеждает греховные вожделения.

В другой раз преподобный сказал:

— Если мы действительно от всего сердца будем искать Бога, то Он Сам придет к нам и мы увидим Его; и если мы удержим Его чистою жизнью близ себя, то Он пребудет с нами.

Один старец спросил авву Арсения:

— Как мне быть, честны́й отец? Я никак не могу отстать от той мысли, что я стар и потому не могу ни поститься, ни трудиться подвигами иноческими по причине старости. Поэтому мне кажется, что следует идти и посещать больных, так как это дело любви христианской.

Преподобный же, уразумев, что это было бесовское искушение, сказал старцу тому:

— Ешь, пей, спи, но только не выходи из келии своей.

Так сказал преподобный потому, что знал, что иноку, выходящему из своей келии и приближающемуся к мирским селениям, предстоят многие соблазны и искушения врага; да и вообще не следует выходить без уважительной причины из монастыря тому, кто умер для мира, подобно тому, как мертвец не выходит из гроба своего. Монах же, выходящий по своей воле из монастыря, поистине делается мертвым, потому что умирает душою.

Еще говорил преподобный:

— Есть много таких людей, которые всячески стараются соблюдать чистоту телесную и для этого умерщвляют тело свое постом, бдением и многими трудами; но мало таких, которые ревниво оберегают душу свою от греха тщеславия, гордости, сребролюбия, зависти, братоненавидения, гнева, памятозлобия, осуждения. Таковые снаружи чисты телом, но душа их грязна; они подобны гробам, сна-

ружи разукрашенным, изнутри же полным костей смердящих. Блажен тот, кто старается сохранить от скверны как тело, так и душу свою; истинно блаженны чистые сердцем (а не телом только), потому что они Бога узрят.

Один брат сказал преподобному:

— Честны́й отец! Я изучил много книг и псалмов и хочу с умилением сердечным прочитывать их, но не имею умиления, потому что не разумею силы Священного Писания, и весьма скорблю об этом.

Преподобный отвечал на это:

— Чадо! Тебе до́лжно непрестанно поучаться в чтении слова Божия, хотя бы ты и не разумел силы его и не имел умиления. Я слышал, как говорил авва Пимен и прочие отцы, что очарователи змей сами не понимают тех слов, которые они говорят; однако же змеи, слыша слова их, укрощаются, как бы понимая слова их, и беспрепятственно отдаются в руки их. То же самое можем сделать и мы, хотя бы и не разумели силы Священного Писания. Ибо, когда мы имеем в устах своих слова Священного Писания, тогда демоны, слыша их, приходят в страх и бегут от нас, не вынося слов Духа Святого, говорившего через рабов Своих пророков и апостолов.

Когда приблизилось время блаженной кончины преподобного, то он сказал своим ученикам:

— Когда я умру, то не делайте поминок по мне, не собирайте братию на обед, но только позаботьтесь о том, чтобы приносилась Божественная Жертва за мою грешную душу.

Ученики его, услышав это, весьма опечалились и начали плакать. Но преподобный сказал им:

— Не плачьте, чада! Еще не пришел час кончины моей, хотя уже он недалек от меня.

Тогда ученики спросили его:

— Как похоронить тебя, честны́й отец?

Он же сказал им:

— Привяжите к ногам моим веревки и выбросите меня за гору.

Когда же начал приближаться самый час кончины преподобного, то он начал много плакать и пришел в большой страх. Ученики, увидав его плачущим, спросили его:

— Неужели и ты, честный отец, боишься смерти?

Но он отвечал им:

— Действительно, я всегда чувствовал страх смерти во все дни иноческой жизни моей, начиная с того дня, в который я облекся в образ иноческий.

Затем преподобный уснул блаженным сном смерти, предав честну́ю душу свою в руки Господа своего, Которому служил так усердно в течение всей жизни своей.

Когда авва Пимен услыхал о мирной кончине преподобного, то прослезился и сказал:

— Блажен ты, отец Арсений, потому что ты плакал в продолжение всей жизни своей; за это ты будешь вечно веселиться. Тот же, кто здесь не плачет по своей воле, поневоле заплачет после смерти среди мучений, но от плача этого никому не будет пользы.

Рассказывают о преподобном Арсении, что он часто говорил себе такие слова: «Арсений! Для чего ты сюда пришел? Ты пришел сюда не для отдыха, а для трудов, не для лености, а для подвига. Подвизайся же, трудись и не ленись».

Часто говорил также преподобный и эти слова: «Много раз я сожалел о словах, которые произносили уста мои, но о молчании я не жалел никогда».

Авва Даниил рассказывал про преподобного Арсения, что он никогда не предлагал никому вопросов из книг, хотя бы и мог их предложить, потому что хорошо знал Священное Писание. Делал же это преподобный потому, что не хотел показаться премудрым в книгах; никогда преподобный не писал никому посланий, считая себя простецом и невеждой Христа ради[1]; никогда не входил в алтарь, хотя и имел на то право, будучи посвящен в сан диакона, но всегда приступал к Божественным Тайнам вместе с простыми монахами. Все это он делал по причине великого смирения своего. Когда же блаженный Арсений приходил в церковь к богослужению, то становился за столпом, чтобы ни он не видал чьего-либо лица, ни его не видал никто.

По внешнему виду преподобный был благообразен, как Ангел; был сед, красив телом, худ от великого воздержания, бороду имел до пояса; имел очи впалые от постоянного плача; был высок ростом,

---

[1] После преподобного Арсения осталось только несколько изречений и наставлений инокам, вроде двух вышеприведенных, сохранившихся в древних Патериках и собраниях изречений древних отцов-пустынников.

но сгорблен от старости. Скончался преподобный после того, как пребыл пятьдесят пять лет в иноческих трудах и подвигах, постом и молитвою благоугождая Богу; в ските пробыл сорок лет; десять лет жил на месте, называвшемся Трогин, около Мемфиса; затем преподобный пробыл три года в Канопе, близ Александрии; отсюда снова возвратился в Трогин, прожил здесь два года и здесь же почил о Господе. Всего прожил преподобный около ста лет[1]. Да дарует и нам Господь по его святым молитвам оставление грехов и жизнь вечную у Христа, Господа нашего, Которому воссылается слава со Отцом и Святым Духом, вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА **ИОАННА БОГОСЛОВА**

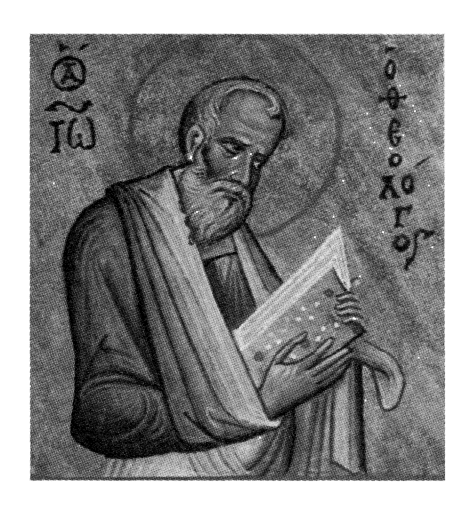
Честно́е преставление этого святого апостола и евангелиста, наперсника, девственника и возлюбленного ученика Христова Иоанна Богослова празднуется в двадцать шестой день сентября месяца; под этим числом и помещено его житие. В нынешний же день совершается воспоминание его честного праха, цельбоносно исходившего от гроба его.

Когда святой Иоанн Богослов дожил до столетнего возраста, много потрудившись во благовестим Христовом, то вместе с семью учениками своими вышел из города Ефеса[2] и приказал им ископать ему крестообразную могилу, в которой он и приготовился умереть, легши в нее, еще будучи живым (как повествуется об этом в житии

---

[1] Жизнь и деятельность преподобного Арсения располагается по годам так: родился в 354 году, принят ко Двору на двадцать девятом году жизни — в 383 году, одиннадцать лет жил при Дворе — до 394 года, сорок лет прожил в скитской пустыни — до 434 года, десять лет жил в Трогине (или Троене), три года пробыл в Канопе, два последние опять в Трогине и умер на девяносто пятом году жизни в 449 или начале 450 года.

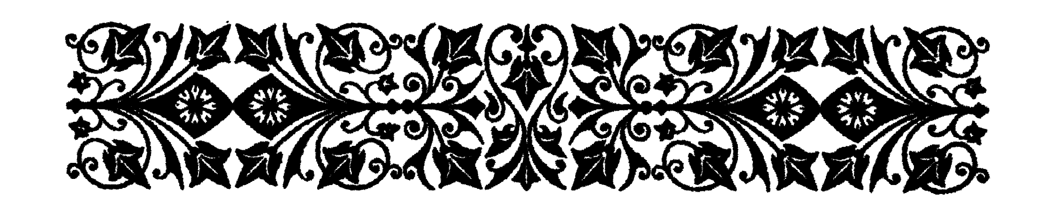
[2] *Ефес* стоял на берегу Эгейского моря, в Малой Азии; славился обширною торговлею и был одним из главных центров науки и искусства в древности. В настоящее время от этого, некогда знаменитого, города остались лишь одни развалины.



его). Христиане, жившие в городе Ефесе, после смерти апостола, раскопали могилу его, однако не нашли тела апостола; оплакав его честную кончину, они возвратились в город и потом часто приходили на могилу апостола и возносили там усердные молитвы к Богу, призывая себе на помощь и ходатайство пред Богом святого Иоанна Богослова, При этом каждый год в этот день и месяц от гроба апостола исходил как бы некий тонкий прах, творивший исцеления[1]. Верующие собирали этот прах и врачевали им различные недуги и болезни. Поэтому и вошло в обычай среди верующих в этот день, так же как и в сентябре месяце, восхвалять и ублажать песнопениями этого великого угодника Божия, возлюбленного Богом более всех прочих святых угодников[2]. По молитвам его да дарует и нам Господь исцеление в недугах наших душевных и телесных и да сподобимся и мы быть угодными и возлюбленными Христу Богу нашему.

[1] Об этом *прахе*, или *манне*, говорит блаженный Августин и Григорий Турский. Об исхождении персти от гроба Иоанна Богослова упоминает и русский паломник XII века игумен Даниил.

[2] В синайских Евангелиях этот праздник называется ῥοδισμός — *розовник*; думают, что самая манна, исходившая от гроба Иоанна Богослова, называлась ῥόδις — розовая мазь, розовый порошок; но вернее разуметь под «розовником» празднование употреблением роз, подобно тому как у нас употребляются цветы в Троицын день.



День девятый

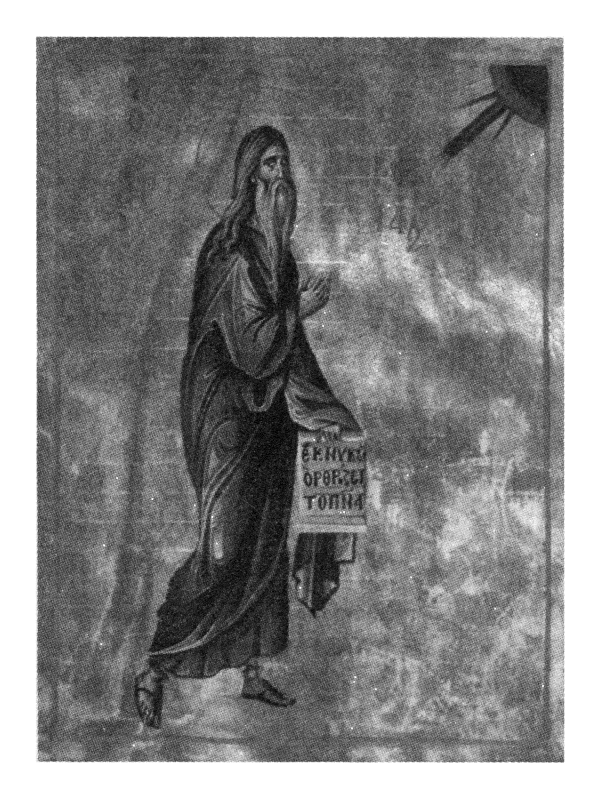
ЖИТИЕ
СВЯТОГО ПРОРОКА
ИСАИИ

Время пророческого служения святого Исаии[1] было тяжелым временем в жизни народа еврейского: во дни этого великого пророка царство израильское окончило свое существование, а Иудейское доживало последние годы пред Вавилонским пленением. Эта печальная участь — подчинение «избранного народа» под тяжелую руку языческих царей была ему наказанием от Господа за то, что он вышел из послушания Богу, все более и более погрязая в беззаконии и идолопоклонстве. Особенно было велико отступление от завета Божия в царстве израильском, которое за это и постигло ускоренное наказание, «в царстве же иудейском по временам просвечивала надежда на лучшее будущее», и если не совсем погас огонь святой ревности по Боге в Иудее, и Господь еще медлил с исправляющим ее наказанием, то этим иудейское царство обязано, главным образом, пророческой деятельности святого Исаии.

Святой пророк Исаия, происходивший из колена Вениаминова, родился около 760 года до Рождества Христова; он был сын Амоса, о котором в книгах Священного Писания ничего не сообщается и которого иудейское предание отождествляет с Амосом, братом царя Амасии. Местом постоянного жительства святого Исаии был Иерусалим — столица Иудейского царства. На годы сознательного дет-

---

[1] По-еврейски имя это произносится *«Иеша-Иагве»* и значит «спасение Иеговы», то есть спасение, получаемое от Господа.



ства и отрочества пророка падает славное правление мудрого и доброго царя Озии; это царствование, без сомнения, имело благотворное религиозное и политическое влияние на душу будущего пророка. Ничего, собственно, неизвестно о днях ранней юности святого Исаии, но явление ему славы Господней и избрание его Господом на великое служение дают непререкаемое свидетельство о благочестии пророка и в это время жизни; о том же говорят и его пророческие речи, из которых видно прекрасное знание им священных книг своего народа; очевидно, с ранних лет святой Исаия поучался в законе Божием. Как человек благочестивый, он взял и жену себе богобоязненную, от которой имел двух сыновей; о жене его известно, что она тоже была пророчицей (см.: Ис. 7, 3; 8, 3, 18).

На пророческое служение святой Исаия был призван в год смерти царя Озии (в 737 году) особым видением. Однажды он присутствовал в храме за богослужением; пред глазами его находились двор священников и святилище. Взирая молитвенно к святилищу, святой Исаия вдруг увидел, что храм стал раздвигаться; пред его духовными очами открывается внутренность святилища, затем исчезает завеса, скрывавшая таинственное святое святых, где изумленному и потрясенному пророку является торжественное видение Владыки неба и земли, «сидящего на престоле высоком и превознесенном», — стоящем как бы между небом и землею; края царственных риз Божиих наполняли храм. Вокруг Господа стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И взывали они друг к другу, и го-

ворили: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф[1]. Вся земля полна славы Его!» От громогласного славословия Серафимов «поколебались верхи врат и храм наполнился курениями». Святой Исаия пришел в ужас и испуганно воскликнул:

— Горе мне! Погиб я! Ибо я человек с нечистыми устами и живу среди народа также с нечистыми устами[2], и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа[3].

Тогда к смятенному пророку прилетел один из Серафимов, державший в руке горящий уголь, взятый клещами с жертвенника, то есть, как объясняет святой Василий Великий, — с «небесного алтаря». Он коснулся уст пророка со словами:

— Вот, это коснулось уст твоих и беззаконие твое удалено от тебя и грех твой очищен.

Тотчас же за этим пророк услышал таинственный глас Иеговы, вопрошающий:

— Кого Мне послать? И кто пойдет для Нас?[4]

Исполненный священной уверенности, святой Исаия выступил с выражением желания принять на себя ответственную и тяжелую обязанность быть проповедником воли Божией для «жестоковыйного» еврейского народа:

— Вот я, пошли меня, — сказал он.

Господь не отверг предложения святого Исаии и изъявил Свое согласие в таких словах:

— Пойди и скажи этому народу: слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите. Ибо огрубело сердце народа этого, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтоб Я исцелил их.

---

[1] Это славословие Серафимов, *трижды* указующее на святость Божества, признается откровением о трех лицах Божества не только христианами, но и некоторыми раввинами. *Саваоф* — Господь воинств (небесных).

[2] Господь сказал Моисею: «Человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исх. 33, 20).

[3] Здесь святой Исаия, вероятно, уподобляет себя и народ свой прокаженным, которые по закону Моисея (Лев. 13, 45) должны были закрываться до уст, предостерегая встречных криком: «Нечист, нечист».

[4] Это местоимение множественного числа — Нас, относящееся к Единому Богу, тоже есть раскрытие тайны Святой Троицы. Ср.: Быт. 4, 26; 11, 7.

Исаия спросил Господа: долго ли народ будет пребывать в таком нравственном огрубении, и получил от Него в ответ страшное откровение о грядущих бедствиях, имеющих поразить Израиля:

— Доколе не опустеют города и останутся без жителей и дома без людей, и доколе земля эта совсем не опустеет (см.: Ис. 6, 1–11).

Видение окончилось, и на святом Исаии почил Дух Божий, открывавший перед ним таинственное и отдаленное будущее как настоящее и укреплявший его в трудной борьбе с нравственными настроениями среди родного народа.

Любящее народ сердце пророка не знало его политического разделения, и послушный воле Божией он не ограничивал своего пророческого служения пределами одного царства. Впрочем, когда святой Исаия выступил с пророческою проповедью, дни царства Израильского были уже сочтены, и пророку уже ничего не оставалось более как предсказать великое «горе», уже нависшее над Самариею, столицею Северного царства:

— Горе (Самарии), венку гордости пьяных ефремлян, увядшему цветку красивого убранства его, который на вершине тучной долины сраженных вином. Вот крепкий и сильный у Господа... с силою повергает его на землю. Ногами попирается венок гордости пьяных ефремлян. И с увядшим цветком красивого убранства его... делается то же, что бывает с созревшею прежде времени смоквою, которую, как скоро кто увидит, тотчас берет в руку и проглатывает ее (см.: Ис. 28, 1–4).

Это печальное пророчество вскоре исполнилось. В 722 году Самария была взята Саргоном, царем Ассирийским, и царство израильское навсегда окончило свое существование[1]. Так израильтяне, оставившие «все заповеди Господа Бога», были отвергнуты Им от

---

[1] Об этом событии в летописях самого Саргона говорится следующее: «Я осадил город Самарию и взял ее. Я увел в плен двадцать сем тысяч двести восемьдесят граждан; я выбрал из числа взятых колесниц пятьдесят колесниц для себя; все другое богатство народа этого города я предоставил взять моим слугам. Я назначил постоянных начальников над ними и наложил на них ту же самую дань, какая платилась раньше. На место взятых в плен, я отправил туда жителей завоеванных мною земель и наложил на них дань, которую я требую от ассириян». Ср.: 4 Цар. 17, 6. Из соединения остатков израильского населения с насильственно переселенными сюда Ассирийским царем язычниками и образовалась та смешанная народность, которая впоследствии носила наименование самарян.

лица Своего. «Не осталось никого, кроме одного колена Иудина» (см.: 4 Цар. 17, 16–18).

С падением Самарии святой Исаия сосредоточил свой пророческий взор преимущественно на судьбах царства Иудейского, в котором, с воцарением Ахаза, особенно усилилось нравственное развращение. После царей Амасии, Озии и Иоафама к Ахазу перешло царство Иудейское, возведенное на значительную степень государственного могущества, так что аммонитяне и многие соседние филистимские города являлись данниками иудеев. Вместе с этим в Иудее скопились значительные богатства, которые в руках нечестивого Ахаза получили применение, недостойное избранного Богом народа. Израильтянин по происхождению и язычник по душе, Ахаз задался целью сделать Иерусалим полным подобием столиц языческих государств Финикии и особенно Ассирии. Он ввел в Иерусалиме поклонение солнцу, луне и остальным светилам небесным (см.: 4 Цар. 23, 5), причем не убоялся осквернить даже самый храм Иеговы. В доме Господнем был поставлен идол Астарты, богини распутства, и здесь же при храме находились «дома блудилищные», где женщины ткали одежды для Астарты (см.: 4 Цар. 23, 6–7); при самом входе в храм содержались белые кони, посвященные солнечному богу; в конюшни были обращены некоторые из помещений, предназначавшихся для хранения священных сосудов и для пребывания священников, отправлявших чреду служения (см.: 4 Цар. 23, 11). Самый жертвенник всесожжения, поставленный Соломоном, Ахаз передвинул с его места пред святилищем к северной стороне храма и заменил новым, устроенным по ассирийскому образцу (см.: 4 Цар. 16, 14–15). По всем углам Иерусалима были устроены жертвенники, чтобы проходящие имели возможность сжигать на них курения (см.: 2 Пар. 28, 24); при воротах Иерусалима и в других городах иудейских находились оставшиеся еще от прежнего времени «высоты» для совершения жертв Иегове (см.: 4 Цар. 15, 4, 35); существование их с построением храма Господня было уже незаконно (см.: 3 Цар. 3, 2; Втор. 12, 13–14). В честь финикийского божества Молоха под самыми стенами Иерусалима, в долине Гинномовой, было воздвигнуто новое капище; здесь стоял большой медный идол Молоха; внутри его была печь, а под протянутыми руками — жертвенник, на который и приносились дети. Ахаз сам подал пример рев-

ностной преданности этому бесчеловечному идолослужению: он принес в жертву Молоху одного из своих сыновей (см.: 4 Цар. 16, 3; 2 Пар. 28, 3).

За это нечестие, растлевавшее царство Иудейское и возбуждавшее праведный гнев Господа, Иудею вскоре постигло наказание, служившее предвестником более грозных прещений Божиих в будущем. Царь израильский Факей и сирийский Рецин вторглись с соединенными силами в Иудейское царство; грабя и опустошая все на дороге, они дошли до самого Иерусалима; к тому же восстали едомитяне и филистимляне, возвращая себе независимость. Так унизил Господь Иудею за Ахаза, царя иудейского, потому что он развратил Иудею и тяжко грешил пред Господом (см.: 2 Пар. 18, 19).

Когда союзные цари Факей и Рецин стояли у ворот Иерусалима, в последнем царили ужас и смятение, как в дубраве, колеблемой сильным ветром (см.: Ис. 7, 2). Но милосердый Господь не оставил грешный народ Свой: вместе с наказанием Он чрез пророка Исаию послал ему утешение и предостережение. Встретив, по повелению Божию, Ахаза на дороге к полю Белильничьему у водопроводов верхнего пруда, святой Исаия сказал ему:

— Наблюдай и будь спокоен; не страшись, и да не унывает сердце твое... (Рецин и Факей — эти концы дымящихся головней) умышляют против тебя зло, говоря: «Пойдем на Иудею и возмутим ее, и овладеем ей...» Но Господь Бог так говорит: это не состоится и не сбудется.

Видя недоверие Ахаза к его словам, святой Исаия сказал ему:

— Проси себе знамения у Господа, Бога твоего: проси или в глубине, или ни высоте.

На это Ахаз, скрывая свое неверие нежеланием искушать Господа, возразил:

— Не буду просить и не буду искушать Господа.

Тогда пророк, укорив царя за неверие, указывает как на знамение, подтверждающее исполнение его слов, на грядущее чудесное рождение Мессии-Христа от Девы; предсказав скорое удаление Рецина и Факея, он вместе с тем предсказывает будущее более ужасное нашествие ассирийцев:

— Слушайте же дом Давидов!... Сам Господь дает вам знамение: се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут Ему имя: Емма-

нуил[1]. Он будет питаться молоком и медом; доколе не будет разуметь отвергать худое и избирать доброе, земля та, которой ты страшишься, будет оставлена обоими царями ее. Но наведет Господь на тебя и на народы твои, и на дом отца твоего дни, какие не приходили со времени отпадения Ефрема от Иуды, наведет царя ассирийского (см.: Ис. 7, 1–17).

Но неверующий Ахаз надежде на Бога предпочел надежду на царя ассирийского, от которого предостерегал его пророк. Ища защиты против вступивших в Иудею царей, Ахаз заключил союз с Феглаффелассаром II, царем Ассирийским, и при этом отдал ему все сокровища не только из своего царского дома, но и из храма; он сам отправился к Феглаффелассару в Дамаск на поклон и здесь получил чертеж уже помянутого Ассирийского жертвенника. В награду за это подчинение царь Ассирийский разоряет Сирию и часть Палестины, составлявшую Израильское царство. Ахаз же, ограбив храм, затворил его великие двери; угасли светильники храма; курение более не возносилось и святое место было оставлено в полном пренебрежении. Истинное поклонение Иегове, заменяемое все разраставшимся омерзительным идолопоклонством, было почти забыто (см.: 4 Цар. 16, 5–10; 2 Пар. 28, 5–25).

Со смертью Ахаза на престол вступил (в 728 году) его двадцатилетний сын Езекия, бывший одним из лучших царей избранного народа. От отца Езекии досталось печальное наследие. Иудейское царство, платившее унизительную и разорительную подать Ассирии, расшатывалось к тому же подтачивавшими его внутренний строй пороками. Среди высших классов населения, сосредоточивших в своих руках суд, царила неправда, и насилие над бедным было обычным явлением со стороны судей-сребролюбцев (см.: Мих. 3, 9–11; Ис. 1, 17, 23; 3, 14–15); священники — учители народа страдали теми же пороками (см.: Мих. 3, 11), и голос истинных пророков заглушали ложные пророки-корыстолюбцы (см.: Ис. 30, 20–21; Ос. 9, 8). Весь вообще народ, погрязший в разврате (см.: Ис. 1, 21) и далекий от Гос-

[1] Святой евангелист Матфей в рождении Господа Иисуса Христа от Пресвятой Девы Марии видит исполнение этого пророчества святого Исаии: «Все это произошло, да сбудется реченное Господом чрез пророка, который говорит: се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог» (1, 22–23).

пода сердцем в лучшем случае исполнял лишь обрядовую часть закона[1], не следуя предписаниям его в жизни. Поэтому Господь чрез пророка Исаию обращался с таким трогательным и грозным увещанием к Своему народу, призывая его к исправлению:

— Я, — говорит Господь, — воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня. Вол знает владетеля своего, и осел ясли господина своего; а Израиль не знает Меня, народ Мой не разумеет. Увы, народ грешный, народ, обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа (Иегову), презрели Святого Израилева, повернулись назад. Во что вас бить еще, продолжающие упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло. От подошвы ноги до темени нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необвязанные и не смягченные елеем... Слушайте слово Господне, князья Содомские; внимай закону Бога нашего, народ Гоморрский. К чему Мне множество жертв ваших?.. Я пресыщен всесожжением овнов и туком откормленного скота; и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лицо Мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали дворы мои! Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие и празднование. Новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу; ваши руки полны крови (см.: Ис. 1, 2–15). Серебро твое стало изгарью; вино твое испорчено водою. Князья твои законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гоняются за мздою; не защищают сироты и дело вдовы не доходит до них (см.: Ис. 1, 22–23). Омойтесь, очиститесь, удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите и рассудим... Если будут грехи ваши как багряное, как снег убелю. Если будут красны как пурпур, как волну убелю (см.: Ис. 1, 16–18).

Царь Езекия, потомок по матери пророка Захарии, был полною противоположностью своего отца, человека нечестивого и склон-

---

[1] В конце царствования Ахаза, как уже видели, и храм был закрыт.

ного ко всему ассирийскому: Езекия был предан национальным нравам и обычаям и, горя любовью к истинной вере, целью своей жизни поставил восстановление почитания Иеговы и очищение земли, оскверненной язычеством. Нелегка была эта деятельность среди народа, в большинстве отличавшегося языческими наклонностями. Здесь на помощь благочестивому царю пришли уважаемые им пророки, и во главе их — святой Исаия. Он собрал вокруг себя множество учеников, которые, будучи просвещены своим учителем, в свою очередь сами выступали просветителями народа. Так пророческая школа, созданная святым Исаиею, оказывала могучую поддержку царю Езекии в религиозно-нравственном возрождении народа. — Первым делом Езекии было очищение храма от языческих мерзостей и восстановление в нем богослужения (см.: 2 Пар. 29, 3–36); вместе с тем уничтожением «высот» Езекия положил конец совершению частных богослужений. Стремясь к искоренению идолопоклонства, он не пощадил даже национального священного сокровища: по его приказанию был истреблен обоготворяемый многими иудеями медный змей, сделанный почти восемьсот лет назад Моисеем (см.: Чис. 21, 9) и стоявший среди Иерусалима (см.: 4 Цар. 18, 4). Затем, уже после падения Израильского царства, которому Езекия, опасаясь за свое собственное, не мог оказать помощи, была в Иерусалиме в присутствии множества иудеев[1] торжественно отпразднована Пасха, ранее, вероятно, совершавшаяся частно, по семействам (см.: 2 Пар. 30).

Между тем умер завоеватель Самарии Саргон и на престол вступил младший сын его Сеннахирим. Смерть Саргона положила начало восстанию, широкой волной разлившемуся среди томившихся под тяжелым игом ассириян, народностей, населявших громадное пространство, охватывавшее всю Западную Азию и отсюда идущее далее до берегов Нила. Во главе восставших находились египетский фараон Сети и Тиргак, царь Эфиопский. К возмутившимся народностям примкнул и царь Езекия. С громадными полчищами Сеннахирим двинулся на усмирение восставших. Поставив конечною целью своего похода Египет, он сначала с севера вступил в Палестину.

---

[1] Хотя Езекия и приглашал оставшихся от переселения Саргоном израильтян на торжество, но последние с презрением отвергли это приглашение (Пар. 30, 5–10).

Снова подчинив здесь власти ассириян некоторые возмутившиеся народности, Сеннахирим двинул часть своих войск к Иерусалиму. После взятия приступом и ограбления сорока шести укрепленных городов Иудеи, отряд Сеннахирима скоро осадил и столицу ее — Иерусалим; сам же Сеннахирим окружил Лахис, тоже город Иудейского царства на границе с Египтом. Ужас охватил жителей осажденного Иерусалима, к которым святой Исаия не преминул обратиться со словом ободрения, предсказывая, что ассириян ждет наказание Божие и именно в земли избранного народа (см.: Ис. 24, 24–25). Но слово пророка не вливало мужества в смятенные страхом души. Осада города затягивалась, так как Езекия не желал сдавать Иерусалима и усиленно укреплял его; к довершению бедствия появился голод, и некоторые в отчаянии стали предаваться распутству, что вызвало со стороны святого Исаии грозное обличение (см.: Ис. 22, 1–2, 12–14). Наконец, видя бесполезность сопротивления ассириянам, Езекия решил сдаться: он отправил в Лахис к Сеннахириму послов с изъявлением покорности. Сеннахирим снял осаду с Иерусалима, наложив на Иудейское царство дань в большем, против прежнего, размере, так что для уплаты ее пришлось снять золото, еще остававшееся от прежних разграблений храма на воротах и косяках дверей, ведущих во святилище. Но вот Сеннахирим услышал, что против него выступил, было, пораженный им, египетский фараон Сети с Тиргаком, царем Эфиопским, двинувшим свои войска с берегов Верхнего Нила. При таких обстоятельствах Сеннахириму подчинение Езекии показалось не более как вероломным желанием выгадать время, пока придут на помощь союзные цари. Поэтому Сеннахирим, не обращая внимания на только что заключенный с Езекией договор, вновь отправил к Иерусалиму отряд с тремя военачальниками, среди которых находился и Рапсак, начальник штаба. Отряд нашел ворота Иерусалима запертыми и стены его готовыми к обороне. Начальники ассирийского войска вступили в переговоры с представителями царя Езекии, убеждая Иерусалим к добровольной сдаче; в силу необходимости переговоры велись чрез стены города в присутствии множества народа. Они окончились следующей богохульной речью Рапсака, обращенной ко всем осажденным:

— Слушайте слова... великого царя ассирийского. Так говорит царь: пусть не обольщает вас Езекия... и не обнадеживает вас...

Господом, говоря: спасет нас Господь, и не будет город этот отдан в руки царя ассирийского. Не слушайте Езекии, ибо так говорит царь ассирийский: примиритесь со мною и выйдите ко мне, и пусть каждый ест плоды виноградной лозы своей, и смоковницы своей, и пусть каждый пьет воду из своего колодезя, пока я не приду и не возьму вас в землю такую же, как и ваша земля, в землю хлеба и вина, в землю плодов и виноградников, в землю масличных дерев и меда, и будете жить, и не умрете. Не слушайте же Езекии, который обольщает вас говоря: Господь спасет вас. Спасли ли боги народов, каждый свою землю, от руки царя ассирийского? Где боги Емафа и Арпада? Где боги Сепарваима, Ены и Иввы? Спасли ли они Самарию от руки моей? Кто из всех богов земель этих спас землю свою от руки моей? Так неужели Господь спасет Иерусалим от руки моей? (см.: 4 Цар. 18, 28–35).

Когда эту речь передали Езекии, то он в знак великой скорби разодрал одежды свои и, облекшись во вретище, отправился в храм; к пророку же Исаии он послал Елиакима и Севну, придворных чинов, вместе со старейшими священниками; одетые по примеру царя во вретище посланцы Езекии сказали святому Исаии:

— День скорби и наказания, и посрамления день сей... Может быть, услышит Господь, Бог твой, все слова Рапсака, которого послал царь ассирийский... хулить Бога живого и поносить словами, какие слышал Господь, Бог твой. Принеси же молитву об оставшихся, которые находятся еще в живых (см.: 4 Цар. 19, 3–4).

На эти слова, дышавшие некоторой неуверенностью, пророк Божий дал ответ, полный твердой веры в помощь Господа:

— Так скажите господину вашему — так говорит Господь: не бойся слов, которые ты слышал, которыми поносили Меня слуги царя ассирийского. Вот, Я пошлю в него дух, и он услышит весть и возвратится в землю свою, и Я поражу его мечом в земле его[1] (см.: 4 Цар. 19, 6–7).

Обнадеженный пророком, Езекия ответил послам ассирийского царя отказом сдать город, хотя вслед за этим отправил к Сеннахириму посольство со своей стороны, желая спасти свою страну от на-

---

[1] Сеннахирим действительно через несколько лет скончался в Ассирии, умерщвленный своими же сыновьями (4 Цар. 19, 37).

шествия ассирийцев уверением в отсутствии изменнических замыслов. Посланцы Езекии застали Сеннахирима уже в самом Лахисе и не имели успеха; Сеннахирим их даже не выслушал. Чтобы обезопасить своим войскам тыл, он решил взять Иерусалим. Не желая тратить времени на осаду города, он попытался сначала склонить Езекию к сдаче города без боя; поэтому Сеннахирим отправил к Езекии вторичное посольство с письмом, в котором, уповая на свое могущество, убеждал его оставить надежду на спасение города Иеговою. Получив свиток, Езекия отправился в храм Божий, развернул его пред лицом Господа и обратился к Нему с такою проникновенною молитвою:

— Господи Боже Израилев, сидящий на Херувимах! Ты один Бог всех царств земли. Ты сотворил небо и землю. Приклони, Господи, ухо Твое и услышь (меня); открой, Господи, очи Твои и воззри, и услышь слова Сеннахирима, который послал поносить Тебя, Бога живого. Правда, о, Господи! Цари ассирийские разорили народы и земли их, и побросали богов их в огонь. Но это не боги, а изделия рук человеческих, дерево и камень — потому и истребили их. И ныне, Господи, Боже наш, спаси нас от руки его, и узнают все царства земли, что Ты, Господи, Бог один (см.: 4 Цар. 19, 15–19).

К молитве Езекии присоединил свою молитву и святой пророк Исаия (см.: 2 Пар. 32, 20). И молитва их была услышана. Господь чрез пророка Исаию обратился к Езекии с таким укрепляющим душу словом:

— Так говорит Господь, Бог Израилев: то, о чем ты молился Мне против Сеннахирима, царя ассирийского, Я услышал. Вот слово, которое Господь изрек о нем: презрит тебя, посмеется над тобою девствующая дочь Сиона, вслед тебя покачает головою дочь Иерусалима. Кого ты порицал и поносил? И на кого ты возвысил голос, и поднял так высоко глаза твои? На Святого Израилева... За твою дерзость против Меня, и за то, что надмение твое дошло до ушей Моих, Я вложу кольцо в ноздри твои... и возвращу тебя назад тою же дорогою, которою ты пришел. И вот тебе, Езекия, знамение: ешьте в этот год выросшее от упавшего зерна, и на другой год — самородное; а на третий год сейте и жните, и садите виноградные сады, и ешьте плоды их. И уцелевшее в доме Иудином оставшееся пустит

опять корень внизу, и принесет плод вверху[1]. Ибо из Иерусалима произойдет остаток, и спасенное от горы Сиона[2]. Поэтому так говорит Господь о царе ассирийском: не войдет он в этот город и не бросит туда стрелы, и не приступит к нему со щитом, и не насыплет против него вала... Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего (см.: 4 Цар. 19, 21–22, 28–34).

И Господь не замедлил чудесным образом явить Свое могущество над ассирийским царем и Свое благоволение Иудеи. С солнечным рассветом, рассеявшим ночную мглу, рассеялись страх и тревога, нависшие над Иерусалимом: в ту же самую ночь пошел Ангел Господень и поразил в стане ассирийском сто восемьдесят пять тысяч; и встали поутру, и вот все тела мертвые (см.: 4 Цар. 19, 35), и царь ассирийский возвратился со стыдом в землю свою (см.: 2 Пар. 32, 21). Жителям же Иерусалима досталась громадная добыча, наполнявшая лишившийся защитников ассирийский стан[3].

Наслаждаясь покоем, Езекия занялся мирным благоустройством своего государства, которое постепенно приобрело уважение окружающих народов (см.: 2 Пар. 19, 22–23). Но эти мирные и счастливые дни сменила новая тревога: царь Езекия заболел смертельно; к его одру явился пророк Исаия и передал печальное слово Господне, чтобы Езекия сделал завещание относительно своего дома, так как его ожидает скорая смерть. Живший во времена ветхозаветные, когда во мраке загробном едва брезжился отблеск Грядущего Искупителя, Победителя ада и смерти, лишенный к тому же наследника, которому бы мог передать царство, и не насыщенный еще жизнью,

[1] Все жатвы Иудеи были сняты или потоптаны ассирийскими войсками; поэтому Иудее грозил, по-видимому, неизбежный голод. Но Господь — говорит пророк — не допустит до этого: упавшие на землю зерна принесут плод достаточный для пропитания, не только в год удаления ассириан, но и на следующий. Так «уцелевший остаток (хлебных злаков) пустит опять корень внизу и принесет плод вверху».

[2] Здесь под «остатком» разумеется постоянно находившийся среди неверного иудейского народа «остаток» верных истинному Богу (Ис. 1, 9; 10, 22; Иез. 6, 8; Рим. 8, 29), из которого произошли ветхозаветные праведники, к которому принадлежали Христовы апостолы и из которого выросла Церковь — спасение миру.

[3] Восторженная радость и благодарность избранного народа к Богу избавителю нашла свое выражение, как предполагают некоторые толкователи, в псалмах 45, 46 и 75.

Езекия в отчаянии повернулся к стене от солнечного света и горько заплакал: «О! Господи, — воскликнул он, — вспомни, что я ходил пред лицом Твоим верно и с преданным тебе сердцем, и делал угодное в очах Твоих» (см.: 4 Цар. 20, 3).

Пророк Исаия, оставивший больного царя, «еще не вышел из города, как было к нему слово» Господа, услышавшего молитву верного раба Своего:

— Возвратись и скажи Езекии, владыке народа Моего: так говорит Господь Бог Давида, отца твоего: Я услышал молитву твою, увидел слезы твои. Вот Я исцелю тебя; в третий день пойдешь в дом Господень: и прибавлю ко дням Твоим пятнадцать лет, и от руки царя ассирийского спасу тебя и город сей, и защищу город этот ради Себя и ради Давида, раба Моего (см.: 4 Цар. 20, 5–6).

Для исцеления болезни Езекии пророк Исаия велел употребить и доселе самое обычное на Востоке лекарство, именно пласт смокв: его, по приказанию пророка, приложили к нарыву[1], появившемуся на теле царя. Для ободрения царя и по его просьбе Господь дал ему чудесное знамение, уничтожающее всякое сомнение в том, что выздоровевший Езекия будет «ходить в дом Господень». Пророк Исаия сказал царю:

— Вот тебе знамение от Господа, что исполнит Господь слово, которое Он изрек: вперед ли пройти тени на десять ступеней или воротиться на десять ступеней?

Езекия ответил:

— Легко тени подвинуться вперед на десять ступеней; нет, пусть воротится тень назад на десять ступеней.

— И воззвал Исаия пророк ко Господу, и возвратил тень назад на ступенях, где она спускалась по ступеням Ахазовым на десять ступеней[2] (см.: 4 Цар. 20, 8–11).

---

[1] В еврейском тексте болезнь Езекии носит название «шехин»; предполагают, что это был чумный нарыв.

[2] Здесь разумеются устроенные Ахазом по вавилонскому образцу солнечные часы; они могли представлять собою или высокое здание с восходящими ступенями, или горизонтальный круг с расположенными на нем в известном порядке чертами; солнечная тень, падая на эти часы, постепенно передвигалась по ступеням или чертам, что, собственно, и служило показателем времени. Примечательно, что по астрономическим вычислениям 26 сентября 703 года, год, падающий на время болезни Езекии, было солнечное затмение, видимое в Иерусалиме; оно

В книге пророка Исаии записана молитва, какую произнес Езекия, получив радостную весть о своем выздоровлении. Молитва эта в таких трогательных словах изображает настроение души царя в преддверии смерти и по избавлении от нее: «Я сказал в себе: в преполовение дней моих должен я идти во врата преисподней; я лишен остатка лет моих. Я говорил: не увижу я Господа, Господа на земле живых; не увижу больше человека, между живущими в мире. Жилище мое снимается с места и уносится от меня, как шалаш пастушеский; я должен отрезать подобно ткачу жизнь мою: Он (то есть Бог) отрежет меня от основы; день и ночь я ждал, что ты пошлешь мне кончину. Я ждал до утра; подобно льву, Он сокрушал все кости мои; день и ночь я ждал, что Ты пошлешь мне кончину. Как журавль, как ласточка издавал я звуки, тосковал как голубь; уныло смотрели глаза мои к небу: Господи! Тесно мне: спаси меня. Что скажу я? Он сказал мне, — Он и сделал. Тихо буду проводить все годы жизни моей, помня горесть души моей... Вот во благо мне была сильная горесть, и Ты избавил душу мою от рва погибели (то есть от могилы), бросил все грехи мои за хребет Свой[1] (см.: Ис. 38, 11–15, 17).

Слух о чудесном выздоровлении царя Езекии, быстро распространяясь, достиг даже такой отдаленной страны, как Вавилония. Царь ее Меродах Баладан, еще сохранивший независимость государства под могучим напором ассириян, пользуясь случаем, отправил к Езекии посольство под видом того, чтобы поздравить его с выздоровлением и подробнее разузнать о сопровождавшем его чудесном знамении; действительною же целью посольства было заключение с Езекиею наступательного и оборонительного союза; посольство везло к Езекии письмо и подарки от вавилонского царя. Езекия обрадовался посольству, идущему от царя обширного государства, и показал ему все свои сокровища. Посольство это было испытанием Езекии от Бога, «дабы открыть все, что у него на сердце». И благочестивый царь не выдержал испытания: еще так недавно видевший над собою проявление милосердия Божия, соединенного с чудесным знамением, Езекия, увлекшись тщеславием, при котором не было места мысли о славе Господа, переносит свое

и могло быть причиною того чудесного явления (возвращения солнечной тени на десять ступеней назад), о котором сообщает Библия.

[1] То есть простил, забыл их.

упование с Бога на людей и на себя самого. Но самое открытие Езекиею послам вавилонского государя всех тайн своего государства было обнаружением слабости человеческого разума в познании неисповедимых судеб Божиих, по которым Иудея и должна была пасть именно от нашествия вавилонского повелителя. С таким печальным откровением, бывшим наказанием Езекии за самонадеянность, и явился пророк Исаия к царю Иудейскому по удалении послов. Узнав от самого Езекии, что послы приходили «из земли далекой из Вавилона» и что «не оставалось ни одной вещи, которой не показал бы им царь во всем владении своем», Исаия сказал царю Иудейскому:

— Выслушай слово Господне: вот придут дни, и взято будет все, что в доме твоем, и что собрали отцы твои до этого дня, в Вавилон; ничего не останется. Из сынов твоих, которые произойдут от тебя, которых ты родишь, возьмут и будут они евнухами во дворце царя Вавилонского.

— Благо слово Господне, которое ты изрек, — со смирением отвечал раскаявшийся Езекия, молясь в то же время, чтобы мир и благосостояние сопровождали хотя бы только дни его (см.: 4 Цар. 20, 13–19; 2 Пар. 32, 31; Ис. 39).

Господь не отринул молитвы погрешившего царя: в мире *почил Езекия с отцами своими* (4 Цар. 20, 21) и был похоронен со всевозможными почестями, при стечении множества иудеев, над гробницами сынов Давидовых в Иерусалиме[1] (см.: 2 Пар. 32, 33). Вскоре окончил дни свои и великий пророк святой Исаия: по преданию иудейскому, принимаемому Тертуллианом, Лактанцием и блаженным Иеронимом, святой Исаия скончался мученически, перепиленный пилой[2] при преемнике Езекии Манассии.

Если, как говорит святой Кирилл Иерусалимский, «ни одному из пророков не был Христос неведом», то о пророке Исаии это должно сказать в особенности. Книга его содержит предсказания о Христе-Спасителе столь полные и ясные, что по справедливости устами отцов церкви святому Исаии усвоено наименование «Ветхозаветного евангелиста».

---

[1] Езекия умер, по указанию наиболее заслуживающих доверия источников, в 699 году.

[2] Вероятно, на мученическую кончину святого Исаии указывает Евр. 11, 39.

У этого великого ветхозаветного пророка находим подробно начертанный образ Грядущего Мессии.

Предваренный пришествием Предтечи (см.: Ис. 40, 3) Мессия, происходя по человечеству от рода Иессеева (см.: Ис. 11, 1), родится от безмужней Девы (см.: Ис. 7, 14) и будет преисполнен Даров Святого Духа (см.: Ис. 11, 2) и носить имена, с несомненностью указующие на Его Божеское достоинство (см.: Ис. 9, 6). Смиренный и кроткий Раб Божий, возлюбленный Господом и призванный Им для возвещения народам истины, Мессия «трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит», проявляя в то же время великую силу в водворении на земле своего царства (см.: Ис. 9, 1–4), которое явится царством правды и мира и боговедения, — *тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут жить вместе, и малое дитя будет водить их, и корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и малое дитя будет водить их, и лев, как вол, будет есть солому, и младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою в гнездо змеи. Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет исполнена ведением Господа, как воды наполняют море* (Ис. 11, 6–9). Но наступлению этого царства должны предшествовать уничижение, страдания и, наконец, смерть Мессии за грехи людей: *Господи*, — восклицает пророк, точно стоя у креста Распятого Спасителя, — *кто поверил слышанному от нас* (то есть проповеди о воплотившемся Сыне Божием) *и кому открылась мышца Господня? Ибо Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем и мы ни во что ставили Его*. Тогда как *Он взял на себя наши немощи, и понес наши болезни, а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он был изъязвлен за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем и ранами Его мы исцелились; все мы блуждали как овцы, совратились каждый на свою дорогу, и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязаем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца веден Он был на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От*

уз и суда Он был взят, но род Его кто изъяснит? Ибо Он отторгнут от земли живых; за преступление народа Своего претерпел казнь. Ему назначили гроб со злодеями, но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха и не было лжи в устах Его. Рядом с этим величественным в своем неизмеримом смирении образом страждущего Мессии пророк изображает прославленного за Его страдания Мессию Основателя Церкви: *Господу угодно было поразить Его и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его; на подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет. Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет иметь добычу за то, что предал душу Свою на смерть и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался Ходатаем* (Ис. 53, 1–12).

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА **ХРИСТОФОРА**

Об этом преславном мученике[1] рассказывают нечто странное и необыкновенное, будто он имел песью голову и происходил из страны людоедов[2]. Когда одним комитом[3] он взят был на войне в плен, то не обладал даром человеческой речи. Он помолился Богу, и Господь послал к нему Ангела, который сказал ему: «Мужайся, Репрев!» — таково было его первое имя, — а потом прикоснулся к его

[1] Память святого Христофора весьма чтится как на Востоке, так еще больше на Западе, особенно в Испании. На Западе прибегают к нему во время заразительных болезней.

[2] Одни утверждают, что святой Христофор по происхождению своему был хананеем, а другие производят его от канинеев (canis — собака) или кинокефалов (κύων — собака и κεφαλή — голова) антропофагов (ἄνθρωπος — человек и φαγεῖν — есть). Песий вид святого в славянском Прологе отвергается, а Никодим в Синаксаре дает ему только безобразный вид.

[3] *Комитами* назывались царские телохранители, а впоследствии этот титул стал прилагаться вообще к лицам, составлявшим свиту проконсулов, областеначальников и других.

устам и сообщил ему чрез это способность говорить. Когда после этого он прибыл в один город, то стал обличать тех, которые преследовали христиан. За это некий Вакх избил его, но он в ответ на это сказал Вакху, что принимает со смирением от него побои только ради заповеди Христа, а если бы он поддался гневу, то не устоял бы ни сам Вакх, ни даже сила императора, которую он обратил бы в ничто. Вскоре за ним было прислано двести человек воинов, чтобы привести его к императору[1], и когда они шли, то на пути совершенно сухой жезл, бывший в руках святого, путешествия у воинов не хватило хлеба, то он умножил его в изобилии. Это великое чудо привело в удивление воинов, и они уверовали во Христа и вместе со святым были крещены Антиохийским епископом, святым священномучеником Вавилою[2], причем святому вместо Репрева дано было имя Христофора. Когда святой приведен был к императору, то последний при виде его почувствовал ужас и неожиданно упал навзничь, а потом, придя снова в себя, задумал заставить его отречься от Христа, но не явными мерами насилия, а хитростью сперва изменить его настроение, а потом ласкою склонить его к исполнению своей воли. С этою целью он велел позвать двух женщин — блудниц, красивых лицом и готовых отдать себя на блудное соединение, которые соблазнительными беседами возбуждали в молодых людях непреодолимое, безумное стремление к блудодеянию. Имя одной из этих женщин было Каллиникия, а другой — Акилина. Император велел им войти к святому и внушить ему различные соблазнительные мысли, как это было у них в обычае, чтобы, побуждаемый преступною любовью к ним, он согласился отречься от веры во Христа и принести жертву языческим богам, но святой Христофор стал их поучать вере во Христа и своим словом отвратил их от идолослужения. Вернувшись к императору, они объявили себя христианками, за что подвергнуты были жестоким мучениям и, потерпев таким образом страдания за веру во Христа, восприняли мученические венцы. Сильно разгневавшись на этих женщин, император велел привести к нему святого Христофора и стал издеваться над ним по поводу необыкновенного вида его лица, но святой в ответ на это назвал его

---

[1] Согласно с греческими прологами, Ассемани полагает, что это был император Декий, царствовавший в Римской империи с 249 по 251 год.

[2] Память священномученика Вавилы празднуется 4 сентября.

вместилищем действий диавола, ибо такой смысл имело имя императора Декия. После этого император приговорил к смерти тех двести человек воинов, которые были посланы, чтобы привести к нему святого Христофора и которые приняли святое крещение вместе с ним, так как они пришли к святому и на глазах императора поклонились ему. Он велел всем им отсечь головы, а тела их сжечь, святого же Христофора приказал заключить в медный сосуд, прибить его в нем гвоздями, а затем сосуд раскалить, но когда это было исполнено, то святой остался невредимым. Не испытывая никаких страданий ни от огня, ни от пригвождения, он стоял в раскаленном сосуде, как бы в какой приятной прохладе. Многим из присутствовавших это показалось обманом, а верующим святой совершенно правдиво и с радостью рассказал, что во время истязания он видел какого-то весьма высокого ростом и прекрасного видом, одетого в белые одежды мужа, который исходящим от него светом превосходил солнце и имел на главе своей блестящий венец, что его окружало множество воинов, с которыми какие-то черные и смрадные арапы вели борьбу, стараясь схватить и увлечь его, но этот страшный вождь с гневом взглянул на них и своим взглядом привел в смятение и поразил все это вражеское воинство, а ему дал силы без вреда перенести мучение. Слыша такой рассказ и видя святого совершенно невредимым, многие из народа поверили ему и обратились ко Христу, а затем вынули святого из раскаленного сосуда, за что и были изрублены царскими палачами. После этого святому Христофору привязали на шею камень и бросили его в колодец, но Ангел извлек его оттуда, потом надели на него раскаленную медную одежду и, наконец, отсекли ему мечом голову[1]. Память святого Христофора и других святых мучеников, с ним пострадавших, празднуется в Кипариссии[2] в день его кончины, близком ко дню кончины святого великомученика Георгия[3].

[1] Святой мученик скончался в Ликии при императоре Декии около 250 года.

[2] *Кипариссий*, или *Кипарисс*, — местность в Константинополе.

[3] Согласно с актами мученика, день его кончины все древнейшие календари, восточные и западные, относят к 23 апреля.

СКАЗАНИЕ О ПЕРЕНЕСЕНИИ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ **НИКОЛАЯ**, архиепископа Мирликийского[1]

В лето 1087-го, при царе греческом Алексии Комнене[2] и при патриархе Константинопольском Николае Грамматике[3], во время княжения на Руси Всеволода Ярославича[4] в Киеве и сына его Владимира Всеволодовича Мономаха в Чернигове[5], в греческую область вторглись измаильтяне[6], как с той, так и с другой стороны моря. Они прошли по всем городам и селам, от Корсуня[7] до Антиохии и до Иерусалима; при этом они иссекали мужчин, женщин же и детей брали в плен и сожигали дома и имущества. Церкви и монастыри опустели, и города перешли во власть неверных. Тогда были опустошены и Миры Ликийские, в которых почивало тело святителя Николая, тело драгое и всечестное, творившее дивные и преславные чудеса. Преподобный этот муж мог бы защитить град свой и Церковь от опустошения, но, по повелению Божию, не воспротивился, говоря: «Господи, угодное пред очами Твоими сотворю».

Но Господь наш Иисус Христос не мог допустить, чтобы мощи святителя почивали в опустошенном месте и никем не славились, по сказанному в Писании: *да торжествуют святые во славе* (Пс. 149, 5); и еще: *слава будет всем святым Его* (Пс. 149, 9).

В граде Бари, принадлежавшем тогда норманнам[8], жил некий

---

[1] Житие святого Николая Чудотворца см. 6 декабря.

[2] *Алексей I Комнен* управлял Византийскою империей с 1081-го по 1118 год.

[3] *Николай III Грамматик* патриаршествовал с 1084-го по 1111 год.

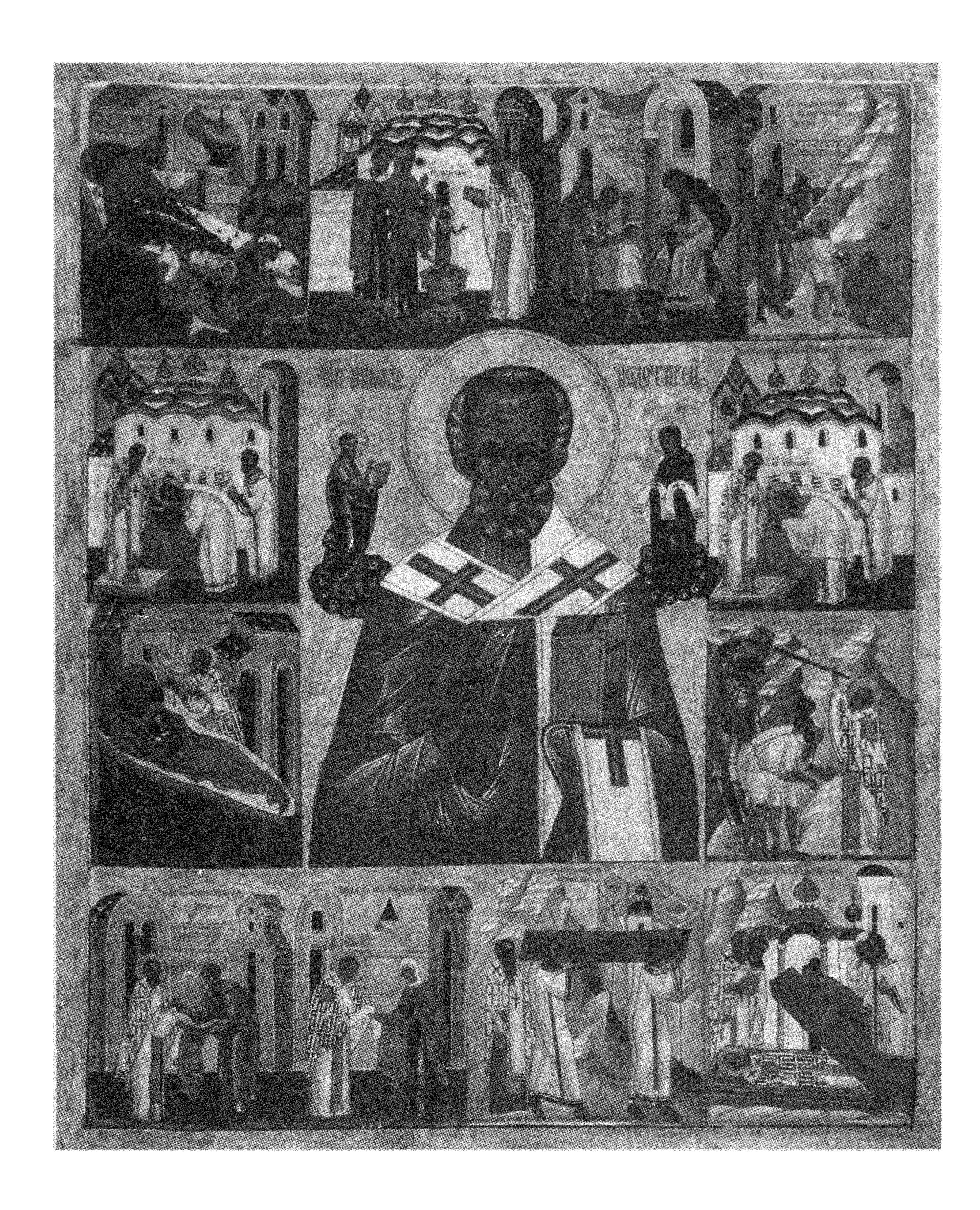
[4] *Всеволод Ярославич*, сын Ярослава Мудрого и внук Владимира святого, княжил с 1075-го по 1076 год (6 месяцев); затем вторично с 1078-го по 1093 год.

[5] *Владимир Всеволодович Мономах* правил с 1073-го по 1125 год.

[6] Под *измаильтянами* здесь разумеются одноплеменные восточные народы: турки, печенеги и половцы.

[7] Древний город в Крыму, около Севастополя, называвшийся также *Херсонесом Таврическим*.

[8] *Город Бари* находится на юге итальянского полуострова, на восточном его берегу у Адриатического моря, в области, называвшейся Апулиею. Население Южной Италии было издавна греческое. К концу IX века здесь утвердилась власть греческого императора. В 1070 году город Бари был взят у греков норманнами,



пресвитер, христолюбивый и праведный. Ему явился во сне святой Николай и сказал: «Иди и скажи гражданам и всему собору церковному, чтобы они пошли в град Миры, взяли меня оттуда и положили здесь, ибо я не могу пребывать там, в опустошенном месте. Такова воля Господа».

Сказав это, святитель стал невидим. Пробудившись утром, пресвитер поведал всем бывшее видение. Они возрадовались и говорили: «Ныне возвеличил Господь милость Свою на людях Своих и на граде нашем, ибо сподобил нас приять угодника Своего, святого Николая».

Тотчас они избрали из своей среды мужей благоговейных и богобоязненных и отправили их в трех кораблях за мощами святителя. Представляясь идущими для торговли, те мужи нагрузили свои корабли пшеницею и отправились в путь.

Приплыв в Антиохию, они продали пшеницу и закупили все, что было нужно. Тут они узнали, что венецианцы, находившиеся там, хотят их предупредить и взять мощи святого Николая. Тотчас баряне с поспешностью отправились, прибыли в Миры Ликийские и пристали к городской пристани. Задумав дело на спасение себе и граду своему, они вооружились и вошли в церковь святого Николая. Здесь они увидели четырех иноков и спросили их, где почивают мощи святого Николая. Те показали им место раки. Баряне раскопали помост церковный и нашли раку, полную мира. Миро они вылили в сосуд, а мощи святого взяли и отнесли на корабль, затем отплыли. Двое иноков остались в Мирах, а двое сопровождали мощи святого Николая[1]. Отправились они из града Мир 11 апреля, а прибыли в град Бари 9 мая, в воскресенье вечером. Видя, что прибыли из града Мир с мощами святого Николая, все жители града Бари, мужи и жены, от мала до велика, вышли навстречу святителю

северным племенем германского народа, но и после этого в некоторых апулийских монастырях сохранилась православная вера и богослужение, и они были подчинены Константинопольскому патриарху.

[1] В службе на перенесение мощей святителя Николая воспевается: «Морем, святителю, быша шествия твоя, из Мир Ликийских в Барград: взятся бо от гроба ковчег твой, и к западом дойде от востока, благочестно последовавшим монахом, иже при гробе твоем, честь ти творившим, мановением Владыки всех, Николае преславне».

со свещами и фимиамом, приняли мощи с радостью и великою честью и положили их в церкви святого Иоанна Предтечи у моря.

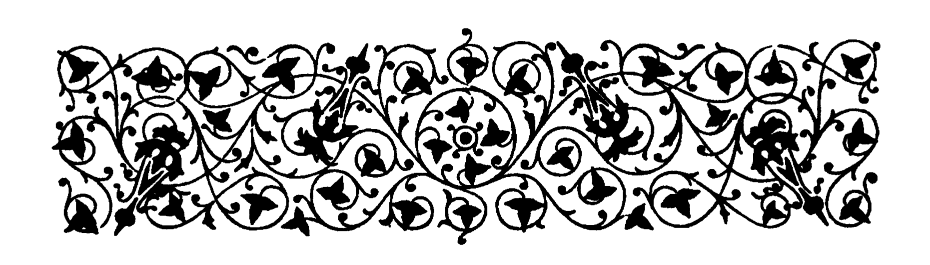
Многие чудеса творили здесь мощи святителя. Прибыли они в Бари в воскресный день вечером и уже в понедельник утром исцелили сорок семь больных, мужей и жен, одержимых различными недугами: у одного болела голова, у другого очи, у иного руки и ноги, сердце, а то и все тело страдало от духов нечистых. Во вторник исцелились двадцать два больных, а в среду — двадцать девять. В четверг рано утром святой Николай исцелил глухонемого, болевшего уже пять лет. Затем святитель явился некоему благочестивому иноку и сказал: «Итак, волею Божию, пришел я к вам в страну сию, в день воскресный, в час девятый, и вот сто одиннадцать человек исцелены мною».

И еще другие чудеса по вся дни творил святой Николай, подобный источнику, текущему без конца. И много даров приносили святому, золото и серебро и многоценные одежды. Видя преславные его чудеса, граждане преисполнились великою радостью, создали великую и прекрасную церковь во имя святителя и Чудотворца Николая[1], и сковали для мощей его раку серебряную позлащенную. В третье лето по перенесении мощей из Мир Ликийских они послали к Римскому папе Урбану, прося, чтобы он прибыл в Бари со своими епископами и со всем клиром церковным для перенесения мощей святого Николая. Папа прибыл в сопровождении епископов и клира; они вложили мощи святого в серебряную раку, затем епископы и вельможи перенесли ее в новую, великую церковь и положили в алтаре 9 мая. Перенесли они и ветхий гроб святителя, в котором он был привезен из Мир, поставили гроб в церкви и положили в него часть руки от мощей святого. Многие люди приходили и поклонялись святому, целуя мощи его и раку. Римский папа Урбан, епископы и все граждане сотворили в тот день великий праздник и прославление святому, которое творят и до этого времени[2]. В те дни они утешались пищею и питьем и, раздав щедрую милостыню убогим, возвратились в дома свои с миром, славя и хваля Бога и святого угодника Его Николая.

---

[1] Церковь эта существует до сих пор.

[2] Празднование перенесения мощей святителя Николая на Руси было установлено при митрополите Киевском Иоанне II, в 1089 году.



День десятый

ПАМЯТЬ
СВЯТОГО АПОСТОЛА
СИМОНА ЗИЛОТА

Этот святой Симон происходил из Каны Галилейской и был лично известен Господу и Его Пречистой Матери, так как город Кана отстоял на небольшом расстоянии от Назарета. Когда Симон справлял торжество по случаю своего вступления в брак, то на это торжество он пригласил и Господа, с Его учениками, и Пречистую Матерь. Но так как для гостей недостало вина, то Господь претворил воду в вино (ср.: Ин. 2, 1–11). Будучи поражен таким чудом, жених уверовал в Господа Иисуса Христа, как Бога истинного, и, оставив брачное торжество и тот самый дом, последовал с усердием за Господом Иисусом; поэтому он и был прозван Зилотом, или ревнителем[1], так как разжегся

[1] «Зилот» и «ревнитель» — подобозначащие слова; «зилот» есть греческий перевод еврейского слова «кананит» (от «кана» — ревность). Существует предположение, по которому Симон Зилот до призвания в апостолы был членом секты зилотов — ревнителей оте-

столь великою ревностью, что оставил ради любви ко Христу и свою невесту, и все свои привязанности, уневестив душу свою Жениху небесному. За это Симон был причтен к сонму учеников Христовых и к лику святых двенадцати апостолов.

Когда на апостолов в день Пятидесятницы сошел Дух Святой в виде языков огненных, то они получили дар языков, так что могли проповедать Евангелие всем народам; и Симон вместе с прочими одиннадцатью апостолами сподобился получить Духа Святого. Получив Духа Святого, он отправился с проповедью о Христе по разным странам, прошел Египет, Мавританию, Ливию, Нумидию, Киринию и Абхазию. Был он также и в Британии. Здесь он просветил верою Христовою многих язычников, неведавших Христа, за что и был распят неверными и окончил жизнь свою мучением, подобным мучению крестному, которому был предан Иисус Христос[1].

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОЙ
ИСИДОРЫ ЮРОДИВОЙ

В Тавеннисийском женском монастыре[2], находившемся в Фиваиде, среди прочих сестер подвизалась и одна девица, по имени

чественной веры, обращавших особенное внимание на соблюдение обрядовых предписаний закона Моисеева.

[1] *Симон Зилот* скончался мученическою смертью в Абхазии и погребен в городе Никопсии, лежавшем около Джигетии. Остатки этого города местные жители и доселе показывают верстах в двадцати от Сухума, недалеко от морского берега. На месте кончины святого была построена церковь, возобновленная в 1875 году усердием одного из великих князей. Воспоминаемого ныне святого апостола Симона Зилота следует отличать, во-первых, от Симона Петра, также апостола из двенадцати, и от Симона, или Симеона, сродника Господня по плоти (Мф. 13, 55), который принадлежит к лику семидесяти апостолов и был вторым епископом Иерусалимским, — преемником апостола Иакова, брата Господня по плоти. — Память Симона Зилота празднуется еще святой Церковью 30 июня (вместе с памятью прочих одиннадцати апостолов).

[2] *Тавеннисийский монастырь* был основан известным египетским подвижником, святым Пахомием Великим (память его празднуется 15 мая). Монастырь Тавеннисийский находился в верхней Фиваиде. Поводом к основанию этого монастыря было желание сестры Пахомия подвизаться отшельнической жизнью. Из-

Исидора, принявшая на себя подвиг юродства. Она вела себя как бесноватая и помешанная, почему и была в столь великом презрении у прочих сестер, что ни одна из них никогда не вкушала пищи вместе с ней. Она была всеми унижаема и оскорбляема, но свой подвиг Исидора выдерживала с великим терпением, всегда благодаря и хваля Бога.

Исидора постоянно трудилась в поварне монастырской, служа всем сестрам и исполняла все монастырские работы, не гнушаясь самыми трудными и грязными. Она своими руками очищала скверные места, и, как губка, омывала всякую грязь и нечистоту. Так трудилась преподобная постоянно, от утра до ночи, не предаваясь покою даже и на час, всегда изможденная плоть свою.

Иногда Исидора притворялась как бы бесноватой, дабы утаить пред окружавшими ее сестрами свои добродетели. Таким образом на ней исполнялось апостольское слово: *Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтоб быть мудрым* (1 Кор. 3, 18).

Всех сестер в монастыре том было сорок, и все они, согласно правилам монастырской жизни, носили на головах своих куколь; Исидора же покрывала голову свою простым грязным платом. Никто никогда не видал, чтобы она когда-либо ела кусок хлеба или сидела за столом и вкушала вареную пищу, потому что она собирала крошки со стола, и питалась ими; вместо вареной пищи Исидора вкушала ту самую воду, которой мыла горшки и котлы. Никогда преподобная не оскорбляла никого словом, никогда не гневалась ни на кого, никогда не роптала на Бога, но всегда молчала; никогда никому не отвечала ни слова — ни краткого, ни длинного, несмотря на то, что другие сестры ее часто и били, и злословили.

После того, как преподобная Исидора провела достаточное число лет в таких подвигах, было о ней откровение Питириму, подвизавшемуся в близлежащей Порфиритской пустыне, мужу весьма добродетельному. Ему явился Ангел Господень и сказал: «Для чего ты величаешься в уме своем и считаешь себя добродетельным, пребывая в этом пустынном месте? Желаешь видеть женщину, более тебя доб-

бранное для обители место называлось Мен и находилось на берегу Нила, тогда как мужской монастырь был расположен на острове, посреди Нила. Святой Пахомий дал отшельницам строгий, почти одинаковый со своим монастырем, устав.

родетельную, угодившую Богу своими подвигами более, нежели ты? Если желаешь видеть такую женщину, то иди в Тавеннисийский женский монастырь; здесь встретишь ты одну сестру, носящую на голове своей вместо куколя грязный плат; эта сестра угодила Богу своими подвигами более тебя, так как, живя всегда среди других сестер и служа всегда всем с любовью, она находится в презрении у всех; но несмотря на это, никогда она своим сердцем не отлучается от Бога, равно как и ум ее всегда погружен в мысли о Боге. А ты, пребывая здесь в уединении и никогда не уходя отсюда, умом своим обходишь все города».

Питирим тотчас же отправился в Тавеннисийский женский монастырь. Дойдя до мужского монастыря, находившегося в Тавеннисах, Питирим попросил настоятеля этого монастыря дать ему проводников, которые могли бы довести его до монастыря женского. Так как Питирим был известен здесь своими подвигами, то ради его подвижнического жития, а также и ради его старости, настоятель дал ему проводников из братии, которые с осторожностью и любовью перевезли его через реку, разделявшую два монастыря — мужской и женский, и привели его к женскому монастырю.

Придя в монастырь, преподобный отправился прежде всего в храм монастырский. Сотворив здесь обычную молитву, Питирим попросил всех сестер собраться к нему так, чтобы он мог всех их видеть. Все сестры собрались, кроме Исидоры. Не видя той самой сестры, о которой ему было извещение от Ангела и ради которой он пришел сюда, старец сказал:

— Приведите ко мне всех сестер, потому что, думается мне, здесь нет одной.

Сестры же отвечали ему:

— Вот, мы все здесь предстоим честному лицу твоему.

Но старец сказал:

— Здесь нет одной, о которой мне было откровение от Ангела Божия.

Тогда сестры сказали:

— Мы все здесь, честный отец; здесь нет только одной сестры, которая находится в поварне, но она глупа и бесновата.

Старец же сказал.

— Приведите и эту сестру ко мне, чтобы я мог видеть ее, так как ради ее я и пришел сюда.

Сестры отправились за ней и сказали ей, что ее зовет старец. Но она не хотела идти, так как разумела духом о откровении, бывшем от Ангела старцу.

Тогда сестры, схватив ее, силою повлекли за собою, сказав:

— Честны́й отец Питирим зовет тебя.

Когда Исидора была приведена к старцу, то этот последний, увидав ее и поняв, что это была именно та сестра, о которой ему поведал Ангел, пал к ногам ее со словами:

— Благослови меня, честна́я мать!

Но Исидора сама упала к ногам его и сказала:

— Ты меня благослови, честны́й отец!

Увидя все это, сестры весьма удивились и сказали старцу:

— Да не будет тебе такого бесчестия, честный отец! Ведь эта сестра — бесноватая.

Блаженный же Питирим сказал им:

— Вы бесноватые; а эта сестра более меня и вас всех угодила Богу; она всем нам мать, и я буду молить Господа, дабы сподобил Он меня одной участи с нею в день судный.

Услыхав это, все сестры пали пред старцем и со слезами поведали ему о всех оскорблениях, которые они наносили ей ежедневно. При этом одна из сестер говорила:

— Я всегда ее бранила.

Другая:

— Я выливала на нее помои.

Третья:

— Я била ее рукой.

Четвертая:

— Я палкою ударяла ее.

И прочие сестры поведали старцу о многих других оскорблениях, которые они наносили преподобной. Падая ниц пред Исидорой, все они просили у нее прощения.

Честны́й же старец Питирим вместе с преподобною Исидорою вознес к Богу усердную молитву о сестрах, дабы простились грехи их. Затем Питирим достаточное время поучал сестер и беседовал с ними ради душевной пользы их, и, наконец, возвратился на место

подвигов своих, хваля и славя Бога, сподобившего его видеть укрываемую от всех рабу Свою.

Преподобная же Исидора, не желая принимать почтения от сестер, вскоре после того, как ушел старец, вышла тайно от всех из монастыря того и подвизалась в никому не ведомых местах до самого дня своей кончины.

Такова была жизнь утаенной от всех угодницы Божией, которая служила Господу тайно от всех под покровом своего юродства. За это она воспримет награду от Господа на небесах явно, пред очами всех ее небесных сограждан; водворившись с ними, она прославляет Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога в Троице[1].

ПАМЯТЬ БЛАЖЕННОЙ
ТАИСИИ

В Египте проживала одна отроковица-христианка, по имени Таисия. Когда умерли родители ее и она осталась сиротою, то, желая сохранить себя в девической чистоте, Таисия раздала все имение свое нищим, дом же свой сделала странноприимницею для иноков скитских. Так подвизалась она долгое время, принимая к себе в дом подвижников и доставляя им отдых от путешествия. Спустя довольно продолжительное время Таисия совершенно истратила все имение свое, так что впала в великую нищету. По коварству диавола с ней сблизились некоторые грехолюбцы, которые совратили и ее ко греху и отвлекли ее от пути спасительного; с этого времени Таисия начала проводить греховную жизнь, предаваясь блуду и разврату.

Когда подвижники скитские узнали о такой перемене жизни Таисии, то весьма опечалились. Посоветовавшись между собою, они пошли к авве Иоанну Колову[2] и сказали ему:

— Мы слышали о сестре той, что она проводит греховную жизнь. Но так как она оказывала нам большую любовь, давая нам приют в своем доме, то и мы покажем ей нашу духовную любовь и позабо-

[1] Кончина святой Исидоры последовала в конце IV века.

[2] *Иоанн Колов* — известный египетский подвижник. См. житие его 9 ноября.

тимся о спасении души ее. Потрудись же и ты, честный отец, пойди к ней и увещай ее к покаянию, ты сумеешь это сделать, так как ты наделен мудростью от Бога. Мы же будем поститься и принесем Богу усердные моления, дабы помог тебе Господь.

Авва Иоанн Колов, исполняя просьбу честных отцов, пошел в город к женщине той, молясь дорогою про себя Богу, Помощнику своему, Которому благоугодно, чтобы все спаслись.

Подойдя к дому Таисии, старец постучал в дверь и затем сказал женщине, охранявшей вход в дом:

— Скажи госпоже своей, что я пришел побеседовать с ней.

Привратница же с гневом отвечала ему:

— Вы, иноки, растратили все имущество ее!

Но старец сказал ей:

— Скажи ей о мне, что я принес ей нечто весьма ценное. Привратница пошла и возвестила госпоже своей как сказал старец.

Женщина же та ответила.

— Иноки те, ходя близ Черного моря, находят иногда бисер. Приведи того старца ко мне.

Войдя в дом, старец сел близ Таисии; затем, посмотрев на лицо ее и глубоко вздохнув, наклонил голову свою и начал плакать.

Тогда Таисия спросила старца:

— Честный отец! О чем ты плачешь?

Старец же отвечал ей:

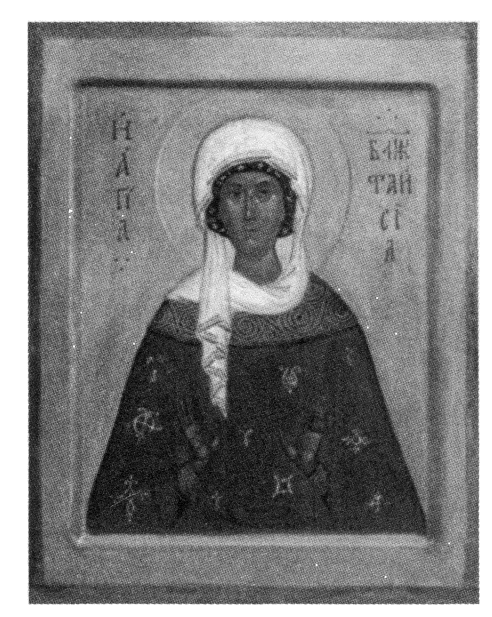
— Я вижу, как сатана играет на лице твоем; как же мне не плакать? Почему ты не хотела иметь своим женихом Господа нашего Иисуса Христа, Жениха Пречестного и Бессмертного? Для чего ты презрела чертог Его и отдала себя сатане? Для чего ты поступаешь по скверным делам его?

Услыхав такие слова, Таисия умилилась душою, так как слова старца были для нее как бы стрелою огненною, пронзившею сердце ее. Тотчас же в ней явилось отвращение к своей греховной жизни; она стала стыдиться и самой себя, и своих дел греховных. Затем она сказала старцу.

— Честный отец! Есть ли покаяние для грешников?

Старец же отвечал ей:

— Воистину есть, и Спаситель ждет твоего обращения, будучи готов принять тебя в Свои отеческие объятия; ибо Он не желает,



чтобы грешник погиб, но желает, чтобы грешник обратился к пути спасительному. И вот я буду тебе поручителем в том, что, если ты покаешься искренно и от всего сердца обратишься к Господу, то Он снова возлюбит тебя, как невесту Свою, и, очистив тебя от всякой греховной нечистоты, введет тебя в нетленный чертог Свой небесный. О тебе возрадуются тогда все чины Ангелов, потому что они радуются и об одном грешнике кающемся.

Таисия сказала на это:

— Да будет воля Божия, честный отец! Возьми меня отсюда и веди, куда ты знаешь, где бы я могла найти себе место, удобное для покаяния.

Старец же сказал:

— Пойдем.

Затем, поднявшись, направился к выходу из дома ее.

Встала и Таисия и пошла за старцем, ничего не устроив в доме своем, ничего никому не сказав относительно дома, но сразу все оставив, ради Христа.

Увидав, что Таисия нисколько не позаботилась о доме своем и ничего никому не сказала, отец Иоанн весьма удивился такой внезапной перемене и такой ревности Таисии по Боге. Возблагодарив за это Бога, он отправился в путь свой. Таисия же шла сзади его на значительном расстоянии от него.

Когда путники дошли до пустыни, было уже поздно; наступала ночь. Устроив на земле небольшое возглавие из песка, старец сказал Таисии:

— Усни здесь под покровом благодати Божией.

Затем, оградив ее крестным знамением, отошел от нее на небольшое расстояние. Сотворив обычные свои молитвы, старец лег на землю и уснул.

Когда наступила полночь, старец пробудился, так как увидел свет на небе. Подняв свои очи кверху, старец увидел огненную полосу, шедшую с неба по направлению к Таисии. От этого видения Иоанн пришел в ужас. Посмотрев же пристальнее на Таисию, он заметил, что Ангелы Божии возносили к небу по пути тому душу Таисии. Иоанн взирал на это дивное видение до тех пор, пока оно не скрылось от глаз его. Затем, встав, Иоанн пошел к Таисии; подойдя к ней, он толкнул ее рукой, но увидел, что она умерла[1]. Тогда старец в страхе и трепете упал ниц на землю. И был к нему глас с неба, говоривший: «Покаяние ее, принесенное в один час, для Бога приятнее покаяния, продолжающегося долгое время; потому что в последнем случае не бывает у кающихся такой теплоты в сердце».

Старец пробыл в молитве до самого утра. Затем, предав земле честное тело блаженной Таисии, он пришел в скит, где и поведал отцам о всем бывшем. Узнав обо всем происшедшем, иноки прославили и возблагодарили Христа Бога за Его великое милосердие. Ему — Богу истинному — воссылается слава вовеки. Аминь.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
СИМОНА,
епископа Владимирского и Суздальского

То, что сказал Иисус, сын Сирахов, о Симоне, сыне Ониине[2]: *великий священник, при жизни своей исправил дом и во дни свои укрепил храм* (Сир. 50, 1, 8); и еще: *Как утренняя звезда среди облаков, как*

---

[1] Кончина святой Таисии последовала в V веке.

[2] Здесь разумеется *Симон I*, первосвященник иудейский, сын и преемник первосвященника Онии I, за благочестие свое прозванный современниками «праведным». Воспользовавшись спокойным временем под владычеством царей египетских, он возобновил укрепления Иерусалима, украсил храм, обнес его высокими стенами и сделал в нем значительные исправления и улучшения; но, — что самое важное, — он поднял религиозно-нравственную жизнь народа примером своей благочестивой жизни, почему и оставил по себе самые добрые воспоминания (см. Кн. Иисуса, сына Сирахова, 50, 1–21). — Первосвященническое служение свое Симон проходил в начале III века до Рождества Христова.

луна полная во днях, как солнце, сияющее над храмом Всевышнего, и как радуга, сияющая в величественных облаках (Сир. 50, 6–7), — это самое мы должны сказать и о преподобном отце нашем Симоне, епископе Владимирском и Суздальском, свидетеле и списателе житий угодников печерских, втором летописце по блаженном Несторе[1]. Поистине, он хорошо построил дом Божий и укрепил Церковь примером жития своего и назидательными повествованиями о житии святых, как один из тех добрых пастырей, о которых Господь обещал пророку Иеремии, говоря: *дам вам пастырей по сердцу Моему, которые будут пасти вас с знанием и благоразумием* (Иер. 3, 15). Поистине все наименования, относимые к Симону, доброму пастырю и хранителю закона Иудейского, могут быть отнесены и к преподобному Симону, архипастырю Владимирскому и Суздальскому.

Этот блаженный Симон принял образ иноческий в святом монастыре Печерском, подобно небу, украшенному святыми подвижниками, как бы звездами мысленными, луною и солнцем. Поступив в монастырь, Симон с прилежанием читал повести о житии прежде бывших и Богу угодивших святых, многочисленных, как многочисленны звезды на небе. И сам блаженный Симон воспламенялся любовью к подвигам этих святых и всячески старался им подражать. С любовью вспоминал он подвиги первого строителя этой обители преподобного Феодосия[2], так умножившем эти духовные звезды обители — иноков, и всячески старался подражать жизни его. Вспоминал он также и о подвигах святого Антония[3], просветившего всех, подобно солнцу, светом доб-

---

[1] *Преподобный Нестор* известен как летописец. Кроме того, он оставил нам описание житий некоторых печерских святых, из которых самое важное — житие Феодосия Печерского. — Он жил и действовал в XII веке. Память его празднуется святой Церковью 27 октября.

[2] Память его празднуется 3 мая.

[3] Память его празднуется 10 июля.

рых дел своих; и его равноангельному житию подражал преподобный; взирая на преподобных, умноженных как звезды, служащие луне и солнцу, Симон поучался смирению; в особенности поучался смирению примером святителя Феодосия, который, подобно луне, сиял ярче всех прочих звезд и заслужил себе у Бога более славный сравнительно с прочими братиями венец. От Антония, как бы солнца, идущего по небу одиноко, без прочих светил, Симон заимствовал равноангельное безмолвное житие. Подобно зеркалу, он отражал в себе все те духовные светила — звезды, луну и солнце, и сам проявлял из себя свет звездный, лунный и солнечный. Кроме того, подобно тому древнему Симону первосвященнику, и этот был как *звезда утренняя*, как *луна полная* и как *солнце, сияющее на церковь Всевышнего*. Он усердно подвизался в святом монастыре печерском, подобном небу, и сам Симон уподоблялся своими подвигами звезде утренней, всегда подражая Пресвятой Богородице, прекрасной как луна, и славной, как солнце. Сколько было у него сил, он усердно служил Матери Божией, пребывая постоянно в великом смирении, усердной молитве, как общей с братиею, так и уединенной.

Когда этот святой Симон просиял подвигами своими по многим окрестным странам, так что был даже известен и в странах весьма отдаленных, случилось, что в то время архиерейский престол епархии Владимирской и Суздальской не имел своей главы. Церкви же прилично украшать звездным венцом (ср.: Откр. 12, 1), как пишет святой Иоанн в своем Апокалипсисе. На том престоле Владимирском и Суздальском не было пастыря, — пресветлого солнца и полной луны, так что та церковь не могла похвалиться словами псалма: *престол* мой *как солнце предо мною* и *как луна совершена в век* (слав. Пс. 88, 37, 38). В это именно время, по изволению Начальника пастырей — Иисуса, вручившего некогда овец Своих любившему *Его более всех* (Ин. 21, 15–17) Симону Петру, этот блаженный Симон, от всего сердца возлюбивший Пречистую Матерь Божию, был призван Богом на престол епископский для управления Богом хранимыми городами — Владимиром и Суздалем. Таким образом украсился венец церкви той светом звездным, престол же ее просветился как солнце и как полная луна. Этот блаженный пастырь просиял на престоле добрыми делами своими, как звезда утренняя, как луна и

как солнце; учением своим он просвещал всех, любовью согревал, благодатью, испрошенною от Бога, даровал всем жизнь (духовную). Блаженный Симон всегда представлял себя как бы звездою утреннею, которая возвещает конец ночи и начало дня, поэтому он всегда хранил себя от всех дурных и греховных дел и всеми силами устремлялся на дела добрые, благодатные. Помышлял про себя святой и то, что солнце и луна — суть как бы два глаза, неусыпно бдящих на небе; поэтому он всячески заботился о том, чтобы его престол сиял как солнце и как полная луна, и лично сам старался подражать тем неусыпным очам небесным, для чего с неусыпною бодростью прилежно пас духовное стадо свое.

Блаженный Симон долгое время подвизался, как ревностный пастырь, усердно и внимательно заботившийся о своей пастве; и следует заметить, что преподобный весьма успешно проходил служение свое. В то же время святой не оставлял и трудов своих иноческих, всегда представляя в мысли своей труды и подвиги честны́х подвижников печерских и радуясь душою своею о том, что Господь сподобил его в этой честной обители принять образ иноческий и быть как бы сожителем святых печерских подвижников; святой Симон постоянно призывал их к себе на помощь в молитвах своих и по предстательству их пред Богом при помощи благодати Божией успешно устроил дела паствы своей, так что на нем исполнились и все прочие подобия и наименования, усвояемые Иисусом, сыном Сираха, Симону, первосвященнику Иудейскому, угодившему Богу в Ветхом Завете. Кроме вышеупомянутых наименований Иисус, сын Сирахов, пишет о том Симоне, что он был как бы дугою небесною, как бы цветок среди шипов, как лилия, как стебель ливанский, как ладан на огне, как сосуд златокованный, как маслина и как кипарис (см.: Сир. 50, 8–11). Все эти добродетели архипастырские, предуказанные этими наименованиями, проявил в своей жизни и добрый пастырь Симон. Так он весьма заботился о сохранении и водворении между людьми мира, предуказанного небесною дугою; далее, он учил всех самым делом своим терпению, произрастая как цветок яблочного дерева среди терний, всегда трудясь в мысленном вертограде паствы своей; наставлял всех и делом и словом чистоте духовной, как бы насаждая белую лилию; поучал всех непрестанной молитве к Богу, умножая как бы благоухающие растения ливанские;

всегда благодарил Бога, даже среди скорбей своих, и к тому же поучал и паству свою, представляя собою как бы ладан, благоухающий на огне, предлагаемый всем в драгоценном сосуде любви и премудрости духовной; он укоренял среди паствы своей маслину милосердия и любви к ближнему, а также возвращал в пастве своей, как кипарис, постоянную мысль о Боге.

Блаженный Симон настолько изучил подвижническую жизнь святых угодников печерских, что как бы написал ее на скрижалях сердца своего; поэтому он восхотел, чтобы и прочим благочестивым людям была известна жизнь печерских подвижников; а для этого он решил составить письменное описание подвижнической жизни печерских иноков. Следует заметить, что в это время по причине многочисленных войн и усобиц было утеряно много книг, так что многие события, описанные в этих книгах, начинали приходить в забвение. Ввиду этого блаженный Симон с большим усердием разыскивал всех очевидцев того или другого чудесного события, случившегося в печерской обители, и все, полученные таким образом сведения, преподобный с усердием собирал в одно целое, трудясь как мудрая пчела. Потому-то он и просветил нас светом солнечным, лунным и звездным, так как описал нам чудеса преподобного Антония, этого светозарного солнца, и чудесное окование раки преподобного Феодосия — луны полной; ко всему этому блаженный Симон присовокупил сказание о святой, небесам подобной, церкви печерской, престол которой поистине сиял как солнце и как луна полная; — все это занесено преподобным Нестором в первую часть Патерика[1]. Кроме того, блаженный Симон в послании к Поликарпу предложил сведения о жизни многих подвижников печерских, сиявших как звезды подвигами своими; — это вошло во вторую часть Патерика. Впоследствии Симон еще раз написал послание к тому

[1] «Патерик», по переводу с греческого, значит «отечник», то есть сборник, заключающий в себе краткие повести о жизни подвижников благочестия или нравоучительные слова их. Киево-Печерский Патерик представляет собою собрание кратких повестей о подвигах печерских иноков. В основу этого Патерика вошли четырнадцать сказаний Симона, епископа Владимирского и Суздальского, затем жизнеописания святых, составленные летописцем Нестором и другими лицами. Что касается до сказаний Симона, то девять из них повествуют о чудотворцах печерских и пять — о чудесах, сопровождавших построение главной печерской церкви.

же Поликарпу, в котором говорит о подвигах и многих других подвижников печерских.

Из сочинений этого блаженного Симона видно, что он имел великую любовь ко Пресвятой Богородице и к преподобным отцам — Антонию и Феодосию Печерским, так что он с этими преподобными обитал духом и умом своим как бы в одной пещере, несмотря на то, что телом своим жил в своей епархии.

Подобно тому, как Симон Петр более прочих апостолов любил Господа, так и этот Симон, тезоименитый тому славному апостолу, выказывал больше всего любовь и ревность к Пресвятой Богородице и обители Ее печерской.

Во дни жизни его верующие видели на небе чудное знамение, — именно они видели, что Некая Жена, Невеста неневестная, Пречистая Богородица, имела под ногами Своими не только свет лунный, но и звездный и солнечный; ибо этот пастырь добрый сиял своими делами благими (как мы сказали выше), как звезда и как луна, причем являл столь великое смирение, что, будучи епископом, писал в послании своем, что считал бы честью для себя быть сором, попираемым и разбрасываемым в сторону ногами проходящих, как об этом свидетельствует послание его.

Этот добрый пастырь потрудился довольно продолжительное время, питая духовных овец своих пищею нетленною, ведущею в жизнь, так как предлагал всем пасомым своим жития святых, подвизавшихся в обители печерской, и в письмени и самым делом жизни своей.

Пробыв двенадцать лет на архипастырском престоле, блаженный Симон отошел к пастырям, восседающим на двенадцати престолах, и к Самому Пастыреначальнику, Господу Иисусу, дабы восприять от Него неувядаемый венец славы. Тело же его честное, согласно его желанию, выраженному в послании к блаженному Поликарпу, а также в соответствие его любви к святым подвижникам печерским, положено в печерских пещерах, где и доныне пребывает в нетлении, в честь, славу и хвалу Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога в Троице славимого, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь[1].

---

[1] Кончина преподобного Симона последовала в 1226 году, на одиннадцатом году управления им епархией Владимирской и Суздальской (управлял епархией с 1215-го по 1226 год).

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА ИСИХИЯ

Святой мученик Исихий пострадал в царствование императора Максимиана[1]. При дворе последнего он занимал первое место, имел звание магистриана[2] и жил в Антиохии[3]. Максимиан исключил христиан из военной службы и тем, которые желали оставаться в христианской вере, повелел снять с себя воинские пояса и перейти в положение наемных слуг. После такого царского повеления многие предпочли бесславную жизнь слуг губительному почету воинского звания. В числе их был и славный Исихий. Узнав об этом, Максимиан приказал ему снять с себя драгоценные одежды сановника, одеть грубую власяницу[4] и пребывать в числе женской прислуги. Чрез несколько дней после этого он призвал Исихия к себе и сказал ему:

— Исихий, скажи мне, неужели тебе не стыдно оставаться в таком бесчестии?

Но святой на это ответил ему:

— Честь, которую я имел от тебя, временна.

После такого ответа Максимиан повелел привязать Исихию на шею жерновный камень и бросить его в реку. Так и скончался святой мученик[5].

---

[1] Здесь разумеется *Максимиан Галерий*, зять и преемник императора Диоклетиана, царствовавший в восточной половине Римской империи с 305 по 311 год. В 292 году Диоклетиан избрал Галерия помощником своим в управлении империей с титулом кесаря и поручил ему Иллирию и страны по Дунаю. Состоя с Диоклетианом в родственной связи, Галерий имел сильное влияние на престарелого императора и еще до издания в 303 году общего эдикта против христиан принудил его издать частный эдикт, по которому христиане удалялись из военной службы, причем сам был наиболее ревностным исполнителем этого эдикта. Он не только изгонял христиан из военной службы, но и удалял их от своего двора.

[2] Название *магистриана*, или *магистра*, означало при дворе римских императоров одну из высших придворных должностей, нечто вроде нашего Министра Двора.

[3] Здесь надо разуметь *Антиохию Сирийскую*, некогда великолепную столицу Сирии, а ныне бедный городок Антиохийской Турции.

[4] *Власяница* — одежда, сплетенная из конского волоса.

[5] Святой мученик скончался при Диоклетиане, но год его кончины неизвестен.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ **АЛФИЯ, ФИЛАДЕЛЬФА, КИПРИАНА**[1] и других, с ними пострадавших

Эти святые Христовы мученики происходили из Италии. Из них Алфий, Филадельф и Киприан были сыновьями италийского князя[2], и их наставил в христианской вере и крестил некий Онисим. В то время из Рима было прислано в их страну повеление разыскивать христиан, и когда обнаружилось, что они христиане, то их вместе с Онисимом, Еразмом и другими четырнадцатью христианами отправили в Рим к императору Ликинию[3]. По повелению последнего Онисиму положили на грудь огромный камень, от чего он и скончался. Еразму же и другим четырнадцати святым мученикам отсекли мечом головы, а Алфий, Филадельф и Киприан были отправлены в Селевкию[4] и там умерщвлены за веру во Христа[5].

---

[1] *Киприан* по греческому стихословию в Минее — *Киприн*, а по актам святых и другим древним памятникам — *Кирин*.

[2] По изысканиям болландистов родиной этих святых мучеников был город Баста в Южной Италии близ берегов Сицилийского или Ионического моря; по месяцеслову императора Василия отец их носил имя Виталия.

[3] *Ликиний*, как утверждают болландисты, не был тогда еще императором, а состоял только в должности правителя области, управлял же империей Декий. По месяцеслову императора Василия мучителем святых братьев-мучеников и других, с ними пострадавших, был префект Диомид, которому Ликиний отдал их для суда и наказания.

[4] *Селевкия* — город в малоазийской римской провинции Киликии, но здесь в Прологе опечатка или описка. По актам святых святые три брата-мученика скитались в Сицилии, в городе Леонтинах.

[5] Святые мученики скончались в 251 году, 10 мая. Правитель Тертилл Алфею велел отрезать язык, и он умер от истечения крови, Филадельф сожжен на железной решетке, а Киприан — на сковороде. В 1517 году тела их обретены в городе Леонтинах и торжественно выставлены для почитания.

День одиннадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
МОКИЯ

В царствование Диоклетиана[1] при анфипатах[2] Лаодикии и Максиме во время гонений, повсюду поднятых на христиан, в городе Амфиполе, находившемся в Македонии, проживал пресвитер христианский Мокий. В то время, когда язычники справляли нечистое торжество своему нечестивому богу Дионисию, или Бахусу[3], этот пресвитер, разжегшись ревностью о имени Христове, стал посреди язычников и во всеуслышание сказал:

— Слушайте, о прельщенные и заблуждающиеся! До которых пор вы будете заблуждаться, безрассудно ходя во тьме идолослужения? До которых пор не будете сознавать своей погибели? Когда же, наконец, опротивеют вам все эти бесовские мерзости? Обратитесь же и познайте Владыку Бога, явленного нам Единородным Сыном Его, Господом нашим Иисусом Христом, светом истины разогнавшего тьму неведения.

---

[1] *Диоклетиан* управлял Римскою империею с 284 по 305 год.

[2] *Анфипат* — правитель области.

[3] *Дионисий*, или *Бахус*, по учению греческой мифологии, сын Зевса и Семелы, бог винограда и виноделия, даром вина радовавший сердца людей. Дионисий считался покровителем вообще всего растущего на полях — цветов и плодов. Празднование в честь Дионисия носило первоначально характер умеренный, но впоследствии перешло в разгул и разврат. Во время этих празднеств язычники бегали в возбужденном, опьяненном состоянии, растерзывали животных и ели окровавленное мясо. В честь бога Дионисия празднества совершались четыре раза в году и продолжались каждый раз по несколько дней или даже недель.

Много и других, подобных этим, слов говорил блаженный Мокий и говорил не один раз, но ежедневно, подходя к народу, во всеуслышание обличал заблуждение язычников, поклонявшихся идолам, и проповедовал Христа, Бога истинного. Но, ослепленные безумием, граждане не обращали внимания на слова преподобного и продолжали совершать свои нечистые обряды.

Между тем из города Аполлония, также находившегося в Македонии, в Амфиполь прибыл анфипат, по имени Лаодикий, и стал приносить здесь жертву Дионисию. Лаодикию сказано было о служителе Христовом Мокии, что он многих отвлекал от празднования богу Дионисию. Язычники многое клеветали на святого, говоря: «Здесь есть учитель христианский, который старался прельстить народ каким-то странным учением; он убеждает всех веровать в распятого и умершего Человека; и действительно, многие, оставив богов наших, приняли веру его. Если ты не воспретишь ему распространять это учение, то весь город пойдет за ним, и тогда уже некому будет приносить жертв богам».

Анфипат, весьма разгневавшись, велел бить святого. Затем, сев на судилищном месте, повелел призвать к себе святого Мокия. Когда он был призван, анфипат спросил его:

— Скажи мне: кто ты, не желающий принести жертв вместе с нами и отговаривающий людей от принесения жертв богам?

Святой Мокий отвечал:

— Невежда, не знающий истины! Для чего ты меня спрашиваешь о том, что все равно ты не поймешь? Подумай немного про себя и признай истину, потому что я изучал Священное Писание и узнал из него, что все боги языческие бесы суть (см.: слав. Пс. 95, 5), и надежда на них суетна.

Лаодикий же сказал:

— Я вижу, что ты обучен многословию.

Мокий сказал на это:

— Многословие наше научает нас истине; если хочешь разуметь истину, выслушай, что я скажу тебе: боги, которым вы поклоняетесь, суть бесы, — они немы и глухи.

Лаодикий сказал:

— Принеси жертву богам, если желаешь сохранить жизнь свою, которую ты самовольно хочешь погубить.

Но святой отвечал:

— О анфипат! Смерть за Христа — есть великое приобретение для меня.

Тогда анфипат, преисполнившись ярости, приказал повесить святого Мокия на мучилищном дереве и строгать тело его от головы до ног железными орудиями.

Будучи терзаем, святой воззвал к Богу, говоря так: «Владыко, царствующий вовеки, сияющий лучами правды! Яви рабам Твоим Божественную силу Твою и дай мне силу подвизаться до конца за Твои святые заповеди».

Слуги мучителя столь долгое время терзали тело святого, что, наконец, изнемогли сами. Тогда анфипат приказал им уйти, как ленивым и слабосильным; мученика же велел снова позвать к себе на допрос.

Несмотря на вынесенные мучения, святой предстал пред Лаодикием крепким телом, готовый с еще большим мужеством свидетельствовать истину. Идя к мучителю, Мокий громогласно прославлял Бога.

Лаодикий сказал святому:

— Принеси жертву богу Дионисию, чтобы он избавил тебя от многих бед.

Но мученик отвечал:

— Неужели ты считаешь богом идола, не движущегося и безгласного, сделанного рукою человека? О заблуждающийся слуга диавола! Неужели ты не видишь, что тело мое не изнемогло от твоих мучений? Разве ты не видишь, что я не ощущаю совершенно никакой боли в ранах моих? Вся сила твоя — ничто.

Выслушав эти слова, Лаодикий сказал:

— Твоя твердость в мучениях зависит не от силы Бога твоего, но от твоего волшебства. Вот я даю приказание сжечь на огне тело твое, так что все члены твои будут обращены в пепел и их развеет ветер.

И тотчас мучитель приказал приготовить печь, весьма великую, велел наполнить ее смолою и хворостом и разжечь; дым от печи поднимался кверху на шестьдесят локтей, так что воздух кругом печи на большое расстояние был затемнен. Тогда Лаодикий сказал святому:

— Принеси жертву богу Дионисию.

Мученик же молчал.

Тогда Лаодикий снова сказал:

— До каких пор ты будешь противиться моим приказаниям? Вот огонь, приготовленный для тебя. Посмотри на него и уразумей величие и могущество бога нашего Дионисия и поклонись ему.

Отвечал святой:

— Я тебе уже сказал, анфипат, что я не поклонюсь глухому, слепому и немому губителю душ человеческих. Не желаешь ли удостовериться в том, что называемый тобой богом, не есть бог, но есть идол?

Отвечал Лаодикий с гневом:

— О проклятый! Может ли быть идолом тот, кто имеет в себе Божественную силу? Ты видишь сам, что сила, обитающая в нем, принимает жертвы от нас и дарует нам благоденствие.

Но святой сказал ему:

— Не хочешь ли, чтобы я принес жертву богу твоему, дабы все, увидав, что я приношу жертву богу Дионисию, познали его великую силу?

Лаодикий сказал:

— Поклонись и принеси жертву, и уразумей его величие.

Тогда Мокий, войдя в капище идольское, прежде всего сотворил на себе крестное знамение, дабы вооружиться оружием Христовым на диавола; затем, став близ того места, где находился идол Дионисиев, помолился Богу, сказав так: «Владыка, содержащий во власти Своей всю тварь и все создавший через посредство Христа Твоего, посрамивший диавола, не знающего Твоей истины и даровавший блаженство богопознания и целомудрия всем, боящимся Тебя и почитающим святое имя Твое! Ты, Господи Святой, сокрушивший идолов вавилонских и показавший истинную веру пророка Твоего Даниила; Ты, упразднивший мерзостный алтарь идольский посредством трех отроков Твоих и угасивший огонь в печи (см.: Дан. 3); Ты, потопивший фараона в глубинах морских и послушавший молитв

Моисея (см.: Исх. 14); Ты, изведший воду из камня (см.: Исх. 17, 1–7); Ты, Царь вечный, и ныне существующий и ранее бывший и вечно имеющий существовать, — услышь меня, раба Твоего! Вот я молю Тебя: приди на помощь ко мне и яви силу Твою тем, которые содержат вместо истины ложь, дабы познали они, что Ты Единый истинный и вечный Бог и дабы свет твой отогнал бы тьму идолопоклоннического заблуждения».

Помолившись так, святой воззвал громким голосом, обратившись к идолу:

— Непотребный и суетный! Немой и бесчувственный Дионисий! Повелеваю тебе великим и преславным именем Христа моего, живущего на небесах: пади и простись по земле, дабы всем была видна твоя немощь и твое бессилие.

И тотчас потряслась земля и капище то; идол упал на землю с великим шумом и разбился на мелкие части. Увидав это, все, бывшие там язычники, в страхе бежали оттуда, дивясь сами в себе происшедшему.

После этого святой Мокий сказал анфипату Лаодикию:

— Посмотри на суету идолов твоих, бесов. Подойди же и собери останки бога твоего, на которого ты уповал, и уразумей, на каком погибельном пути ты стоишь!

Лаодикий весьма опечалился, сожалея об идоле Дионисиевом, и тотчас приказал бросить святого в разожженную печь.

Когда святой был брошен в огонь, то он небоязненно стоял среди пламени, как бы среди какого-либо сада и во всеуслышание прославлял Бога. В печи видели еще трех мужей, певших с ним; среди этих трех мужей один имел очень светлое лицо, сиявшее как солнце; блеск, исходивший от лица его, был сильнее блеска огня. Затем святой сказал мужам, находившимся с ним в печи:

— Благодарю Тебя, Владыко Боже наших отцов, слову Которого все повинуются; благословен Ты, Господь сил, Творец всех сил небесных, восхваляемый устами святых Архангелов, соприсутствовавший некогда трем отрокам в пламени (посреди тех трех отроков Ты, четвертый, был виден). Молю Тебя, Спаситель мой, разрушь и уничтожь огонь разожженной печи этой и пожги огнем вот этого анфипата. Покажи на нем гнев Твой и уничтожь его с лица земли, дабы все видели, что Ты — Единый истинный Бог, пребывающий на небеси.

И тотчас огонь из печи простерся до анфипата и превратил его в пепел вместе с девятью оруженосцами, стоявшими близ него, так что ничего не осталось от тел их, ибо гнев Божий уничтожил их. Народ, видя все происшедшее, пришел в великий страх и бежал в ужасе от печи; святой же Мокий вышел из печи совершенно здоровым и невредимым.

Узнав о таком чуде, градоначальник Фалласий преисполнился великой ярости и, взяв святого Мокия, приказал заключить его в темницу.

Спустя двадцать дней после этого в город тот прибыл другой анфипат, по имени Максим. Узнав все, что сделал святой, а также узнав и о погибели Лаодикия, Максим стал изыскивать средство, посредством которого он мог бы погубить святого. Сев на своем судилищном месте, Максим приказал призвать к себе на допрос мученика Христова. Когда святой был приведен, анфипат спросил его:

— Скажи мне, какое имя твое и из какого рода ты происходишь?

Отвечал святой:

— Если хочешь узнать имя и род мой, то слушай: отец мой носил имя Евфратия, а мать — Евстафии; когда они приняли святое крещение, то назвали меня Мокием. Будучи воспитан родителями моими в жизни благочестивой, я сподобился сана священнического в Церкви Христа Бога моего; и вот теперь жизнь моя приблизилась уже к старости.

Тогда Максим сказал:

— Кто были твои родители?

Святой отвечал:

— Отец мой был гражданином великого города Рима и исполнял обязанности воинского звания; мать же моя была дочерью анфипата Лампадия.

Сказал Максим:

— Если ты происходишь из столь знатного рода, то для чего отдался волшебству, неприличному для тебя? Для чего ты уничтожил великого бога Дионисия и сжег друга царского, анфипата Лаодикия? Для чего ты помешал приносить богам праздничные жертвы?

Отвечал святой Мокий:

— Не я, а всесильный Бог мой, Господь Иисус Христос, уничтожил и сокрушил бездушного бога Дионисия и сжег огнем ярости Своей Лаодикия. Я лишь со страхом и любовью служу Богу моему и исповедую устами своими Его святое имя.

Максим сказал на это:

— Оставь безумие свое и принеси жертву Аполлону[1]; в противном случае ты умрешь лютою смертью.

Но мученик отвечал:

— Я умру лютою смертью в том случае, если забуду благодеяния и милости ко мне Бога моего и если буду поклоняться и почитать тех, кто суть не боги, а идолы.

Тогда Максим приказал привязать мученика к двум колесам, устроенным для мучения, так, чтобы при вращении колеса растерзали тело его.

Святой же посреди мук взывал:

— Как сладка любовь к Богу!

Затем, обратившись к мучителю, сказал:

— Исполняй с усердием волю отца твоего — диавола. Что касается меня, то я согласен на все мучения и даже на самую смерть ради имени Христова.

Потом святой начал молиться, говоря так: «Владыко, Источник чистоты, Помощник, Защитник и Избавитель мой! Благодарю Тебя за то, что Ты меня, недостойного, сподобил подвига этого и помог мне одолеть диавола. Ты — Единый Бог истинный, содержащий ум мой в чистоте и охраняющий его от помыслов нечистых. Ты устрояешь, дабы ум мой наслаждался в Тебе, Творце моем, потому что велико имя Твое для тех, кто любит Тебя».

После того как святой помолился так, внезапно сокрушились мучительские колеса и мученик встал на землю совершенно здоровым и невредимым.

Все, видевшие чудо это, весьма удивились происшедшему. Мучитель же, преисполнившись стыда, как побежденный мучеником, еще больше разгневался на святого и приказал бросить его в тем-

---

[1] *Аполлон* — по взгляду греческой мифологии, сын Зевса и Латоны — бог благополучия и порядка, охранитель законности. Как возвеститель людям воли Зевса, считался также богом предсказаний и оракула.

ницу. Спустя же три дня после этого приказал вывести святого из темницы и отдать на съедение зверям.

На святого были выпущены два голодных льва, громко рыкавших. Когда они подошли к святому, то легли на землю пред ним, как бы поклоняясь ему и обнимая ноги его; затем львы начали лизать ноги святого, как бы лобызая их.

Народ, видя все происшедшее, громко воззвал, говоря:

— Пусть будет отпущен на свободу этот праведник, которого почитают даже звери и которого любит Бог!

Тогда анфипат Максим послал мученика в фракийский город Перинф, называющийся ныне Ираклиею, к игемону Филипписию, которому и написал все о мученике. Игемон же этот, продержав святого восемь дней в темнице, приказал отвести его в Византию, чтобы там была отсечена голова мученика.

Когда святой был приведен на место усекновения, то, подняв глаза свои к небу, сказал:

— Благословен Ты, Господи, создавший века и доводящий до конца подвиги святых. Приими в мире дух мой!

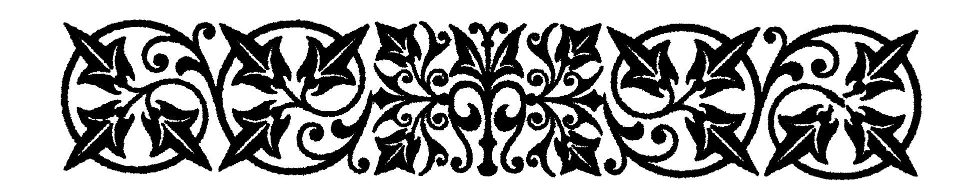
И был к святому голос с неба, говоривший:

— Радуйся, добрый подвижник Мой, Мокий, победивший явно пред всеми силу мучителя. Приди и водворись с прочими подвижниками в Царстве небесном. Ты трудился достаточно в мире; отдохни же теперь и возвеселись на небе.

Затем мученик Христов был усечен во главу[1].

Свой мученический подвиг святой Мокий совершил в одиннадцатый день месяца мая, в который впоследствии император Константин установил ему празднование. Этот же император построил и храм в честь святого и перенес в него мощи мученика. Все, кто празднует память святого мученика Мокия, да воодушевятся верою, что и они будут участниками вместе с ним в благодатном царстве Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается вместе со Отцом, и Святым Духом слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

[1] Кончина святого мученика последовала около 295 года.



ЖИЗНЬ И ТРУДЫ
ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦОВ НАШИХ
МЕФОДИЯ И КОНСТАНТИНА,
в монашестве КИРИЛЛА,
учителей славянских

Во дни иконоборческих греческих царей Льва Армянина[1], Михаила Травла[2], или Балба, и затем сына Михаила — Феофила[3] в городе Солуне, в Македонии, жил знатный и богатый вельможа, чином воин, саном сотник, по имени Лев. Жену его звали Марией. Жил он благочестиво, исполняя все заповеди Божии, как некогда Иов. У них было семь сыновей: старшего звали Мефодием, а младшего Константином, в монашестве Кириллом.

Святой Мефодий сначала служил, как и отец его, в военном звании. Царь, узнав о нем как о хорошем воине, поставил его воеводой в одно славянское княжество, Славинию, бывшею под греческою державой. Это случилась по особому усмотрению Божию и для того, чтобы Мефодий мог лучше научиться славянскому языку, как будущий впоследствии духовный учитель и пастырь славян[4].

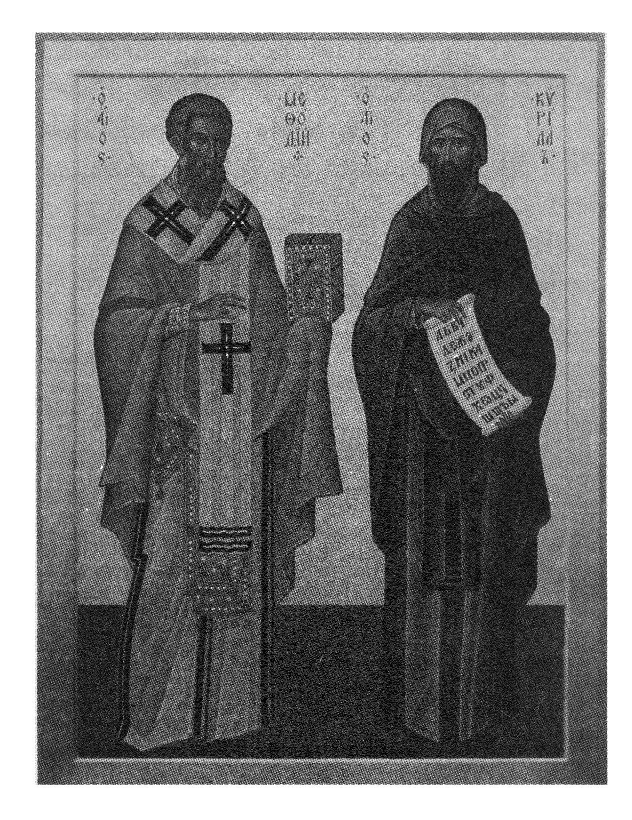
---

[1] *Лев V Армянин* царствовал с 813 по 820 год.

[2] *Михаил II Балба, или Косноязычный*, царствовал с 820 по 829 год.

[3] *Феофил* царствовал с 829 по 842 год.

[4] Когда прибыли славяне в Европу, неизвестно. Приблизительно во II веке по Рождестве Христовом. Славяне известны были по среднему и нижнему течению реки Дуная. Здесь им пришлось много перенести от волохов, то есть римлян, во времена Траяна, так что славяне вынуждены были покинуть свои дунайские жилища. После этого была остановка славян на Карпатских горах со II по VII века. Отсюда под предводительством князя дулебов славяне вели продолжительные войны с Византией и отсюда же, вследствие нашествия аваров, расселились в разные стороны. Существует предание, что Ираклий, царь Греческий, в VII веке для



Пробыв в чине воеводы около десяти лет и познав суету житейскую, Мефодий стал располагать свою волю к отречению от всего земного и устремлять свои мысли к небесному. К тому же в это время царь-иконоборец Феофил воздвиг гонение на святые иконы. Это гонение еще более открыло пред Мефодием суету мирской жизни, и он, оставив воеводство и все утехи мира, ушел в монахи на гору Олимп[1], где с большим повиновением и покорностью старался выполнять монашеские обеты, занимаясь при этом изучением священных книг.

Блаженный Константин, младший из сыновей Льва, уже в младенческом возрасте являл нечто дивное. Когда мать, по рождении, отдала его кормилице, чтобы та выкормила его, он никак не желал питаться чужим молоком, но только молоком матери своей. Очевидно, благочестивая отрасль не должна была питаться чужим молоком. С рождением Константина добрые родители дали обещание жить как брат с сестрой, как и прожили четырнадцать лет до своей смерти. Пред смертью мужа Мария плакала, говоря:

борьбы с аварами пригласил славян на Балканский полуостров. Другие же колена того же славянского племени под натиском аваров пошли вверх по притокам Дуная и стали там жить под разными именами. По реке Мораве — моравы, к западу от них — чехи. На север от чехов — сербы — лужичане, к востоку по реке Висле — поляки. Часть же славян с Карпат пошла на восток и северо-восток и заняла места по реке Днепру, Оке и до самого Новгорода — это поляне, древляне, северяне и другие, населившие русскую равнину.

[1] *Олимп* — гора в Малой Азии, на границах Фригии и Вифинии.

— Ни о чем я так не скорблю, как о Константине: как он устроится в жизни?

— Поверь мне, жена, — отвечал Лев, — я надеюсь на Бога, что Господь Бог сделает его таковым отцом и строителем, что он устроит всех христиан.

Так и произошло.

Будучи семи лет, Константин видел сон, который и рассказал своим родителям.

«Снилось мне, — говорил Константин, — что воевода собрал всех девиц города и сказал мне: выбери себе одну из них в невесты. Я осмотрел и избрал красивейшую из них с светлым лицом и украшенную многими золотыми уборами и дорогими каменьями по имени София».

Поняли родители, что Господь дает отроку девицу Софию[1], то есть премудрость Божию, возрадовались духом и со старанием стали учить Константина не только книжному чтению, но и богоугодному добронравию — премудрости духовной.

«Сын, — говорили они Константину словами Соломона, — чти Господа и укрепишься; храни заповеди и поживешь; словеса Божия напиши на скрижали своего сердца. *Скажи мудрости: ты сестра моя! И разум назови родным твоим* (Притч. 7, 1–4). Премудрость сияет светлее солнца и, если ее будешь иметь своей помощницей, она избавит тебя от многого зла».

Родители отдали Константина в книжное обучение. Он отличался хорошею памятью и разумом, так что в учении был лучше всех своих сверстников. С ним произошел следующий случай:

Как сын богатых родителей, Константин однажды вместе со своими товарищами отправился на соколиную охоту. Лишь только Константин выпустил своего сокола, поднялся сильный ветер, который унес сокола неизвестно куда. Константин так сильно опечалился о соколе, что два дня не ел ничего, даже хлеба. Человеколюбивый Господь, не желая, чтобы юноша так печалился житейскими вещами, этим соколом уловил его, как некогда Плакиду — оленем[2]. Размышляя о утехах этого жития, святой Константин говорил: «Какая эта жизнь, что радость непременно вызывает печаль. С этого дня пойду

[1] *София* — с греческого значит: «премудрость».

[2] См. житие его 20 сентября.

другим путем, лучшим этого, чтобы можно было мне избежать житейской суеты». С этого времени он стал почти всегда находиться дома, стараясь с большим прилежанием изучать науки, особенно учение святого Григория Богослова[1].

К этому святителю Константин имел большую любовь и многое из его учения знал наизусть. Начертив на стене изображение святого креста, он под этим крестом написал похвалу святому Григорию в следующих словах: «О святитель Божий, Григорий Богослов! Ты — телом был человек, житием же явился Ангел, ибо уста твои, как уста Серафимов, хвалами прославили Бога и своим православным учением просветили вселенную. Молю тебя, прими меня, с верой и любовью к тебе припадающего, и будь моим учителем и просветителем».

Прилежно изучая книги, Константин видел, насколько еще незначительны его познания по причине неимения хорошего учителя, отчего впал в великое уныние. В их городе жил один человек (странник), знавший грамматику. К нему отправился Константин, умолял его и, упав ниц пред ним, сказал:

— Сделай для меня доброе дело: научи меня грамматике.

На это ответил ему странник:

— Отрок, не проси меня. Я дал обещание уже больше никого не учить.

Снова Константин со слезами стал говорить ему:

— Возьми ту часть из дома отца моего, которая принадлежит мне, только научи меня.

Но и это не убедило этого человека. Тогда Константин отправился домой и здесь стал усердно молиться, чтобы Господь исполнил желание его сердца, нашел для него учителя. Господь вскоре выполнил его желание.

В это время в греческой земле умер царь Феофил, и стал царствовать сын его Михаил с матерью своей благочестивой царицей Феодорой. Этот царь остался после отца малолетним, и ему в воспитатели были назначены три вельможи: доместик[2] Мануил, патрикий[3]

---

[1] Память его празднуется святой Церковью 25 января.

[2] *Доместик* — высший военный сановник, постоянно живший при царском дворе. Его обязанностью было охранять личность императора.

[3] *Патрициями* в древности назывались люди благородного происхождения.

Феоктист и логофет[1] Дроми, который был хорошо знаком с родителями Мефодия и Константина. Логофет, зная о успехах и прилежании Константина, послал за ним, чтобы он учился наукам вместе с юным царем Михаилом, который бы подражал старанию Константина. Отрок воспрянул духом и с радостью отправился в путь, молясь Богу молитвою Соломона: «Боже отцов и Господи милости, — так молился Константин, — сотворивший человека. Дай мне, приседящую Твоему престолу, премудрость и не исключи меня из числа Твоих отроков, ибо я Твой раб и сын Твоей рабыни. Дай мне, чтобы я знал все то, что угодно Тебе, и поработал ради имени Твоего во всю свою жизнь».

В Царьграде Константин проживал то у болярина в доме, то в царских чертогах. В три месяца он выучил грамматику, затем изучил Гомера[2] и геометрию, диалектике и философии учился у Льва и Фотия[3]. Кроме этих наук изучил риторику, арифметику, астрономию, музыкальное искусство и вообще все прочие эллинские науки. Хорошо знал не только греческий язык, но и другие: латинский, сирский и некоторые иностранные. Своим умом и прилежанием он приводил в удивление своих учителей, за что и получил впоследствии название философа-мудреца. Но он был премудр не только в науках, а также и в жизни, он старался быть смиренным, беседовал с теми, от кого желал получить наставление, и уклонялся от тех, которые могли совратить на зло. Одним словом, он старался переменить земное на небесное и жить с Богом.

Логофет, видя добрую жизнь Константина и его успехи в науках, сделал его управляющим над своим домом, а также позволил ему входить без доклада в царские палаты. Однажды логофет спросил Константина:

— Скажи мне, философ, что называется философией?

— Философия, — отвечал Константин, — есть разумение божеских и человеческих дел, которое учит человека чрез добродетель, насколько возможно, приближаться к Богу, сотворившему человека по Своему образу и подобию.

---

[1] *Логофет* — хранитель печати, то же, что у нас государственный канцлер.

[2] *Гомер* — знаменитый древнегреческий писатель, автор «Илиады» и «Одиссеи», живший за три тысячи лет до нашего времени.

[3] Бывший впоследствии патриархом.

После этого логофет еще более возлюбил Константина и желал получить от него наставление в философии. Константин в немногих словах изложил пред ним философское учение, за что логофет оказывал ему особое уважение и даже предлагал много золота, но Константин отказался.

У этого вельможи была крестница — девица богатого и славного рода. Логофет задумал женить на ней Константина и уговаривал его так.

— Красота твоя и мудрость, — говорил логофет, — невольно заставляет любить тебя. Есть у меня духовная дочь, девушка красивая, богатая, хорошего и знатного рода. Если хочешь, возьми ее себе в жены. От царя ты получишь большую честь и княжество, а в скором времени будешь назначен и воеводой.

— Велик этот дар для желающих, — отвечал Константин, — для меня же нет ничего драгоценнее учения, чрез которое я могу приобрести разум, истинную честь и богатство.

После таких слов логофет отправился к царице и сказал:

— Молодой философ не любит суеты этой жизни. Постараемся удержать его около себя, а для этого уговорим его посвятиться во священный сан и быть патриаршим библиотекарем при церкви святой Софии. Только таким путем можно удержать его.

Так они и сделали. Константин стал священником и библиотекарем при церкви святой Софии. Но и в этом звании Константин недолго был вместе с ними. Ничего никому не сказав, он отправился в Золотой Рог[1] и там скрылся в одном монастыре. Долго искали Константина и только через шесть месяцев нашли его. Занять прежнюю должность они не могли уговорить его и только упросили его быть учителем философии в главном Константинопольском училище.

В это время патриарх Иоанн[2] воздвиг гонение на святые иконы. Тогда был собран собор, на котором постановили удалить этого патриарха с престола. На такое определение собора Иоанн говорил:

— Меня удалили насилием, а обличить не могли, так как никто не может противиться моим словам.

---

[1] *Золотой Рог* — длинный узкий залив, образующий собою бухту Босфорского пролива.

[2] *Иоанн VII* патриаршествовал с 832 по 842 год.

Царь с новым патриархом послали Константина к Иоанну с таковыми словами:

— Если будешь в состоянии обличить этого юношу, тогда снова займешь престол.

Видя такого молодого философа и не зная его сильного ума, Иоанн сказал Константину и посланным:

— Вы не стоите моего подножия. Как же я буду спорить с вами?

— Не держись людских обычаев, — отвечал Константин, — но смотри на заповеди Божии. Как ты, так и мы сотворены из земли, душа же от Бога. Поэтому, смотря на землю, человек не гордись!

— Глупо искать цветов осенью, — сказал Иоанн, — а также и старца посылать на войну.

— Ты сам обличаешь себя, — отвечал философ. — Скажи мне, в каком возрасте душа бывает сильнее тела?

— В старости, — отвечал Иоанн.

— На какую войну мы тебя вызываем, — спросил философ, — на телесную или духовную?

— На духовную, — отвечал Иоанн.

— Если ты теперь сильнейший духом, — сказал философ, — то не приводи нам таких сравнений. Мы без времени не ищем цветов, а также безвременно не вызываем тебя на спор.

После это перешли к беседе. Старец спросил:

— Скажи мне, юноша: если крест сломается, мы уже не поклоняемся ему, ни лобызаем его. Как же вы, если только будет одно лицо до персей, не стыдитесь творить ему иконную честь?

— Четыре части имеет крест, — отвечал философ, — и если не будет одной части, то крест потеряет свой вид, икона же имеет вид и подобие, если будет написано лицо того, кого хотели изобразить. Взирающий же смотрит не на лицо льва или рысье, но — на первообраз.

— Вот, вы кланяетесь кресту, — сказал старец, — если и нет на нем надписи, иконе же, если не будет написания, не творите почести.

— Всякий крест, — отвечал философ, — имеет подобие Креста Христова, иконы же не имеют одного образа, но различны.

Наконец старец сказал:

— Почему вы кланяетесь иконам, когда Бог сказал пророку Моисею[1]: *Не сотвори... всякого подобия?* (Исх. 20, 4).

— Если бы Господь сказал: не сотвори никакого подобия, — отвечал на это философ, — то тогда ты говорил бы правильно; но Господь сказал: всякого, то есть кроме достойного.

Против этого старец ничего не мог возразить и замолчал.

Около этого времени пришли послы в Константинополь от неверных агарян или сарацин, владеющих Сириею. Эти сарацины еще при прежнем царе Феофиле попущением Божиим за грехи подступили к греческой земле и разорили прекрасный город Аморию[2]. С этих пор они стали гордиться пред христианами своею силой и прислали грамоту в Царьград с хулением на Пресвятую Троицу.

— Как вы, христиане, — писали сарацины, — говорите, что Бог один, а разделяете Его на три: исповедуете Отца, Сына и Духа? Если вы можете это доказать, то пришлите к нам таковых мужей, которые могли бы побеседовать с нами о вере, и убедить нас[3].

В это время блаженному Константину было двадцать четыре года. Царь вместе с патриархом собрали собор, на который позвали Константина и сказали ему:

— Слышишь ли, философ, что говорят скверные агаряне на нашу веру. Если ты слуга и ученик Святой Троицы, иди и обличи их. И Бог, совершитель всякого дела, славимый в Троице, Отец, Сын и Святой Дух, дает тебе благодать и силу в словах, явить тебя другим Давидом, с тремя каменьями победившего Голиафа (см.: 1 Цар. 17), и затем благополучно возвратит тебя обратно к нам.

Услыхав такие слова, философ отвечал:

— Рад я идти для веры христианской. Что для меня может быть лучше: умереть или остаться жить ради Святой Троицы?

Дали Константину двух диаконов[4] и отправили их к сарацинам. Они пришли прямо в столицу Сарацинского княжества — Самару,

---

[1] *Моисей* — знаменитый вождь и законодатель народа еврейского, первый священный писатель, живший за XV век до Рождества Христова. — Память его празднуется 4 сентября.

[2] Рассказ об этом находится в описании страданий святых мучеников Аморрейских 6 марта.

[3] Это было в 851 году.

[4] Одного по имени Георгия.

расположенную около реки Евфрата, в которой жил сарацинский князь Амирмушна. Здесь они увидели странные и гнусные вещи, которые делали агаряне на поругание и посмеяние христиан, живущих в тех местах. По повелению сарацинской власти на внешней стороне дверей, где жили христиане, были надписаны образы демонов. Этим агаряне хотели показать, что они гнушаются христианами, как демонами. Как только прибыл к ним Константин, сарацины, указывая на демонов, спросили его:

— Можешь ли, философ, понять, о чем говорят эти изображения?

— Вижу демонский образ, — отвечал философ, — и думаю, что здесь живут христиане. Демоны не могут жить вместе с христианами и бегут от них (находятся вне дверей). Где же нет этого изображения на внешней стороне дверей, там, очевидно, демоны живут внутри здания.

Сарацины пригласили Константина в княжескую палату на обед. За обедом сидели люди умные и книжные, изучившие геометрию, астрономию и другие науки. Они, искушая Константина, спросили:

— Видишь ли, философ, дивное дело: пророк Магомет принес доброе учение от Бога и обратил многих людей. Все мы одинаково твердо держимся его закона и ничего не меняем. У вас же, христиан, соблюдающих закон Христов, один верует так, а другой иначе и живет, как ему хочется. Есть между вами много учителей, которые учат по-различному, и есть иноки, носящие черную одежду и ведущие особый образ жизни. Однако все вы именуетесь христианами.

— Два вопроса предложили мне, — отвечал блаженный Константин, — о вере христианской и о законе христианском, или: как веруют христиане и как выполняют свою веру в жизни. Скажу прежде всего о вере. Бог наш, как пучина морская — безмерной широты и глубины, непостижим человеческим умом и неизъясним человеческими словами, как говорит о Нем святой пророк Исаия: *Род Его кто изъяснит?* (Ис. 53, 8); на основании этого и учитель наш святой апостол Павел взывает, говоря: *О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы его и неисследимы пути Его!* (Рим. 11, 33). В эту пучину входят многие, желающие взыскать Бога, и те из них, которые сильны умом и приобрели помощь Самого Господа, безопасно плавают по морю непостижимости Божией; те же,

которые умом слабы и по своему самомнению, лишившись помощи Божией, желают переплыть эту пучину в дырявых кораблях, тонут, впадая в ереси и заблуждения, или с трудом остаются на одном месте, волнуясь неизвестностью и сомнениями. Поэтому многие (как говорите вы) из христиан различаются по вере. Это я сказал о вере, а о делах по вере скажу следующее: Закон Христов не другой какой, а тот, который Бог дал Моисею на Синае (см.: Исх. 20, 1–18), чтобы не убивать, не красть, не прелюбодействовать, не желать чужого и прочее. Наш Господь сказал: *Не нарушить пришел закон... но исполнить* (Мф. 5, 17). Для более же совершенной жизни и лучшего богоугождения Господь дал совет проводить более чистую, девственную жизнь и исполнять особые дела, которые ведут в жизнь вечную путем тесным и печальным. Однако к этой жизни Господь не принуждает, и по насилию этого не бывает. Бог создал человека между небом и землею: разумом и смыслом человек отличается от бессловесных, гневом и похотью отличается от Ангелов. Затем Бог дал человеку свободную волю, чтобы он делал то, что захочет и к чему будет приближаться — с тем и будет иметь общение: или будет общником Ангелов, работая Богу, как учить человека его просвещенный верою разум, или будет иметь общение с несмысленными скотами, если без всякого воздержания будет исполнять все плотские похоти. А так как Бог сотворил человека со свободною волею, то Он желает, чтобы мы спасались не насилием, а по своему желанию, и говорит: *Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною* (Мф. 16, 24); и: *Кто может вместить, да вместит* (Мф. 19, 12). Одни из верных христиан шествуют в этой жизни более удобным путем, живут по законам естества целомудренно в честном супружестве, другие же, более ревностные и желающие быть более совершенными, стараются жить подобно Ангелам, идут путем тесным. Поэтому христиане ведут различную жизнь.

Ваша же вера и закон, — продолжал Константин, — не имеют никакого неудобства; они подобны не морю, но малому ручью, который может перепрыгнуть всякий, и великий, и малый, без всякого затруднения. В вашей вере и вашем законе нет ничего божественного и богодухновенного, но только человеческие обычаи и плотские мудрования, которые можно без труда выполнить. Ведь законодатель ваш Магомет и не дал вам какой-либо трудновыполнимой

заповеди: он даже не отвратил вас от гнева и беззаконной похоти, но разрешил все. Поэтому вы все однообразно выполняете ваш закон, как данный по вашим похотям. Спаситель же наш Христос поступил не так. Сам Он, Пречистый и источник всякой чистоты, желает, чтобы и рабы Его жили свято, отдаляясь от всякой похоти, и чистые присоединялись бы только чистым, так как в Его царство *не войдет ничто нечистое* (Откр. 21, 27).

Тогда сарацинские мудрецы спросили Константина:

— Зачем вы, христиане, Одного Бога разделяете на три: называете Отцом, Сыном и Духом. Если Бог может иметь Сына, то дайте Ему и жену, чтобы было много богов?

— Не хулите Пребожественную Троицу, — отвечал христианский философ, — Которую мы научились исповедовать от древних пророков, которых признаете и вы, как держащиеся вместе с ними обрезания. Они же учат нас, что Отец, Сын и Дух суть Три ипостаси, Существо же их едино. Подобие этому можно видеть на небе. Так в солнце, созданном Богом в образе Святой Троицы, находятся три вещи: круг, светлый луч и теплота. Во Святой Троице солнечный круг есть подобие Бога Отца. Как круг не имеет ни начала ни конца, так и Бог — безначален и бесконечен. Как от солнечного круга происходит светлый луч и солнечная теплота, так от Бога Отца рождается Сын и исходит Дух Святой. Таким образом, солнечный луч, просвещающий всю вселенную, есть подобие Бога Сына, рожденного от Отца и являемого в этом мире, солнечная же теплота, исходящая из того же солнечного круга вместе с лучом, есть подобие Бога Духа Святого, Который вместе с рождаемым Сыном, предвечно исходит от Отца, хотя во времени посылается людям и Сыном![1], как, например, на апостолов был послан в виде огненных языков. И как солнце, состоящее из трех предметов: круга, светлого луча и теплоты — не разделяется на три солнца, хотя каждый из этих предметов имеет свои особенности, одно есть круг, другое — луч, третье — теплота, однако не три солнца, а одно, так и Пресвятая Троица, хотя имеет Три Лица: Отца, Сына и Святого Духа, однако не разделяется Божеством на три бога, но есть Один Бог. Помните ли вы, как гово-

[1] То есть ради крестных заслуг Христовых: *ибо еще не было на них Духа Святого, потому что Иисус еще не был прославлен* (Ин. 7, 39).

рит Писание о том, как Бог явился праотцу Аврааму у дуба Маврийского, от которого вы храните обрезание? Бог явился Аврааму в Трех Лицах. *Возвел очи свои (Авраам) и взглянул, и вот три мужа стоят против него, увидев, он побежал навстречу им от входа в шатер и поклонился до земли. И сказал: Владыка! Если я обрел благоволение пред очами твоими, не пройди мимо раба Твоего* (Быт. 18, 2–3).

Обратите внимание: Авраам видит пред собою Трех Мужей, а беседует как бы с Одним, говоря: *Владыка! Если я обрел благоволение пред Тобою.* Очевидно, святой праотец исповедовал в Трех Лицах Одного Бога.

Мудрецы сарацин, не зная, что сказать относительно учения о Пресвятой Троице, молчали, а затем спросили:

— Как вы, христиане, говорите, что Бог родился от жены? Может ли Бог родиться от женской утробы?

— Не от простой жены, — отвечал философ, — но от небрачной Пречистой Девы родился Бог Сын действием Святого Духа, Который в Пречистой девической утробе несказанно основал плоть Христу Богу и устроил сверхъестественное воплощение и рождение Слова Отца. Поэтому и зачавшая Сына от Святого Духа Дева, как пред рождением, так во время рождения и по рождении, пребывала Девой чистой, по изволению Бога, Которому повинуется всякое созданное существо, по словам церковной песни: *идеже бо хощет Бог, побеждается естества чин*[1].

А что Христос родился от чистой Девы Духом Святым, свидетельствует также и ваш пророк Магомет, написав следующее: «Послан Дух Святой к чистой Деве, чтобы по Его изволению Она родила Сына».

— Мы не спорим, — сказали сарацины, — что Христос родился от чистой Девицы, только не называем Его Богом.

— Если бы Христос был простой человек, а не вместе и Бог, то для чего должно было произойти зачатие Его от Святого Духа? Простой человек родится от брачной женщины, а не от Неискусобрачной Девицы и зачинается по естеству от мужа, а не по особому наитию и действию Святого Духа.

После этого сарацины спросили:

[1] Догматик, глас 7.

— Если Христос есть ваш Бог, то почему же вы не делаете того, что Он велит вам? Ведь написано в Евангелии: молитесь за врагов, делайте добро ненавидящим и притесняющим вас и бьющим вас подставляйте щеку. Вы же поступаете не так: против противников ваших вы оттачиваете оружие.

На это философ отвечал так:

— Если в каком законе будут написаны две заповеди и даны людям для исполнения, то кто из людей будет истинный исполнитель закона: тот ли, кто исполнит одну заповедь, или тот, кто — две?

— Конечно, лучшим исполнителем будет тот, — отвечали сарацины, — кто исполнит две заповеди.

— Христос Бог наш, — сказал на это философ, — повелел нам молиться за обидящих нас и благотворить им, но Он также сказал и это: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13). Мы переносим обиды, если они направлены только против кого-либо в отдельности, но мы заступаемся и даже полагаем души свои, если они направлены на общество, чтобы наши братья не попали в плен, где могли бы быть совращены к богопротивным и злым делам.

Снова сарацины сказали:

— Христос ваш давал дань за Себя и за других (за апостола Петра). Почему же вы не исполняете этого и не желаете платить дани? Если бы вы действительно заступались друг за друга, то непременно платили бы дань за ваших братьев такому великому и сильному народу измаильтянскому.

— Если кто ходит по стопам своего учителя и желает всегда ходить, — отвечал Константин, — а кто-либо другой совращает его с этого пути, такой человек друг ему или враг?

— Без сомнения — враг, — отвечали сарацины.

— Когда Христос давал дань, — спросил тогда Константин, — какое было царство: Измаильтянское или Римское?

— Римское, — отвечали сарацины.

— Поэтому и мы, — отвечал философ, — следуя за Христом, платим дань царю, живущему в новом Риме (Константинополе) и владеющему древним Римом. Вы же, когда ищете с нас дани, совращаете с пути Христова и бываете нашими врагами.

После этого предложили Константину много других вопросов из тех наук, которые знали. На все вопросы Константин отвечал так, что сарацины не могли ничего сказать. Тогда они спросили его:

— Почему ты все это знаешь?

Тогда Константин привел следующее сравнение:

— Один человек, — сказал он, — почерпнул воду в море и потом носил ее в мешке. Отойдя далеко от моря, он, указывая на мешок с водой, говорил всем: «Видите ли воду, которую никто, кроме меня, не имеет?» К нему подошел один приморский житель и сказал: «Не стыдно ли тебе хвалиться каким-то мешком с водой, чего мы имеем целое море». Так и вы поступаете, когда задаете вопросы из тех наук, которым научились от нас (греков).

Затем, как нечто дивное, сарацины показали Константину виноградник, некогда с усердием насажденный и хорошо разросшийся[1]. Константин объяснил, как это делается. Тогда сарацины показали ему все свое богатство: дворцы, украшенные золотом, серебром и драгоценными каменьями, и сказали:

— Видишь ли, философ, какую силу и какое богатство имеет Омар, владыка сарацин?

— Нет в этом ничего дивного, — отвечал философ. — За все это до́лжно прославлять Бога, давшего эти богатства для наслаждения людям. Все это принадлежит Богу и никому другому.

В конце концов сарацины показали себя такими, какими они есть. Они дали в питье блаженному Константину яд. Но Господь, обещавший всем, кто трудится во имя Его, *если что смертоносное выпьют, не повредит им* (Мк. 16, 18), сохранил Своего раба целым и невредимым. Сарацины, видя это чудо, отправили Константина вместе с другими посланными в свою сторону с честью и дарами от своего князя.

В Константинополе царь и патриарх встретили блаженного Константина с похвалою за тот богоугодный труд, который он выполнил. Но не долго был Константин в Царьграде. Скоро он ушел в одно тихое и глухое место, где стал заботиться только о своем спасении. Никакого пропитания он с собой не взял, а возложил в этом

---

[1] Очевидно, здесь разумеется особый вид развода виноградников каким-либо искусственным путем.

случае надежду на промысл Божий, который чрез христолюбивых людей доставлял ему пищу. Из принесенной пищи Константин ничего не оставлял на другой день, но, после обычной еды, все остальное раздавал нищим, уповая на Бога, Который отверзает Свою щедрую руку и питает Своею благостью все живущее.

Однажды у Константина под большой праздник не было никакой пищи, о чем стал сильно сокрушаться слуга его. Блаженный Константин сказал ему:

— Тот, Кто некогда питал израильтян в пустыне много лет, неужели не напитает и нас в этот великий день? Ты непременно сходи и призови к нам на обед хотя пять нищих, и мы будем ждать милости Божией, потому что Он нас не оставит.

Действительно, так и случилось. В обеденное время пришел один человек и принес много всякой пищи и десять золотых монет. Блаженный взял это и воздал хвалу Богу, своему Питателю.

Отсюда Константин отправился на Олимп, к старшему брату Мефодию, с которым и стал жить вместе, исполняя в постничестве иноческие подвиги, проводя время в молитве или за книжным чтением[1].

В это время к греческому царю Михаилу пришли послы от козар[2], с такими словами:

---

[1] На Олимпе блаженный Константин впервые стал заниматься изучением славянского языка. Среда, в которой приходилось ему быть, благоприятствовала этому. В обителях, бывших на горе, было много иноков славян из разных соседних стран, почему Константин мог иметь здесь для себя постоянную практику, что для него было особенно важно, так как он, почти с детства, все время провел в греческой среде. О том, что здесь святые братья занимались изучением славянского языка, говорит свидетельство болгарского славянина черноризца Храбра.

[2] *Козары*, которых греки называли *хазарами*, а римляне *газарами*, были известны под общим именем скифов. Они говорили славянским или российским языком и жили близ Меотийского, или Мертвого (Азовского), озера, в которое впадает река Дон, отделявшая (в древнее время) Европу от Азии. В этой стране сначала жило племя первого сына Иафета Гамера, называемое *гемеры*, по-гречески *кимеры*, а по-русски *цимбры*, и от них устье Меотийского озера, впадающее в Понт Евксинский (Черное море), называлось Босфор Кимерийский, то есть узкое место в Кимерийском море. Когда цимбры ушли в полночные страны (к северу) и смешались с различными народами, называясь литвою, жмудью, готфами и другими, тогда на их месте около Меотийского озера, или Кимерийского Босфора,

— Мы прежде всего знаем Одного Бога, Который владычествует над всем, и Ему молимся, кланяясь на восток, но при этом содержим и некоторые непотребные обычаи. Евреи стараются, чтобы мы приняли их веру и дела, и уже многие из нас стали евреями по вере. Сарацины же, вступая с нами в союз и предлагая нам дары, принуждают нас принять магометанскую веру и говорят, что вера сарацин лучше веры всех прочих народов. Поэтому и от вас, с которыми держим старую любовь и дружбу, желаем получить полезный совет и просим вас, чтобы вы прислали к нам какого-либо ученого мужа и, если он изобличит евреев и сарацин, мы примем вашу веру.

стало обитать одно из скифских племен тюркского происхождения по имени аланы (от Аланских гор), получившее впоследствии название козары (от реки Козары). Это племя сильно размножилось и стало обитать по обоим берегам реки Дона: в Азии — до Волги, впадающей в Каспийское, или Хвалынское, море, в Европе — до Днепра, впадающего в Черное море, и даже далее — до Паннонии, но уже называясь другими именами: *аварами*, *гуннами* и др. Козары имели грубые нравы и с виду были некрасивы. Они, как народ кочевой, жили в палатках, переходя с места на место. Питались они более овощами и полусырым мясом, чем хлебом, на войне были очень храбры и всем страшны. Правитель у козар назывался «каган» (*хаган* или *хаян*), как у нас царь или князь. О храбрости этого народа есть много указаний у греческих и римских летописцев. Много горя козары причинили Царьграду в царствование Ираклия, в патриаршество Сергия, когда были чудесно побеждены непобедимою силою Пречистой Богоматери, Которая защитила Свой город от поганых козар и соединившихся вместе с ними персов, как пространно описано это событие в Синаксаре, в пятую субботу Великого поста. Долго спустя греческий царь Лев Исаврянин, желая жить в мире с козарами, женил своего сына Константина (Копронима) на дочери кагана козарского, которая по крещении была названа Ириной. У них был сын Лев, который по матери назывался Казарин, или Хазарис (этот Лев имел жену Ирину, которая по смерти мужа восстановила Православие, отвергши иконоборческую ересь на VII Вселенском соборе). После этого брака греки стали жить в мире с козарами, и последние стали знакомиться с христианской верой. Христианство стало распространяться между козарами главным образом от херсонян (Херсон — греческая колония) и в особенности после святых учителей Константина и Мефодия. Козары с давних пор брали дань с российских славян: с каждого дома кожу белки и с каждого плуга по шелягу. Эта дань была прекращена Аскольдом и Диром, которые отняли у козар северян и радимичей. Окончательно разбил козар (европейских) Святослав, отец святого Владимира, который взял их город Белую Вежу и наложил на них дань, азиатские же козары (жившие между Доном и Волгой) были завоеваны половцами и печенегами.

Тогда царь Михаил по совету святейшего патриарха Игнатия[1], бывшего после святого Мефодия[2], решил отправить к козарам блаженного Константина, которого призвали с Олимпийской горы. Передав просьбу козар, царь сказал Константину:

— Иди, философ, к этим людям и с помощью Святой Троицы благовести им учение о Пресвятой Троице. Лучше тебя никто не может выполнить этого поручения.

— Если велишь, владыко, — отвечал Константин, — я с радостью пойду туда пешком, босой и без всего, чего не велел брать Господь Своим ученикам, посылая их на проповедь.

— Если бы ты делал это от себя лично, — отвечал царь, — то я ничего не имел бы против этого, но так как ты отправляешься от нас, то иди с честью и царской помощью.

После этого Константин уговорил брата своего, блаженного Мефодия, знавшего славянский язык, идти с ним на апостольское служение, просветить неверных светом Христовой веры. Мефодий согласился, и они отправились вместе. Лежал им путь через степи, а в степях в это время жили угры, нынешние венгерцы или мадьяры. Эти угры были до того страшны, что даже мало походили на людей: одежду носили мехом вверх, хлеба не сеяли и жили разбоем. Когда святые братья остановились здесь для молитвы, на них напали угры, которые выли как волки, желая растерзать их. Константин не испугался, не оставил своей молитвы и, взывая ко Господу, часто повторял: «Господи, помилуй!»

По окончании молитвы угры, увидав Константина, по Божественному смотрению, стали кроткими и начали кланяться ему, Константин сказал им несколько поучительных слов, после чего угры отпустили их в дорогу.

Прежде всего святые братья отправились в сопредельный козарам греческий город Херсон, что стоял на морском берегу недалеко от (нынешнего) Севастополя. Здесь они провели немалое время, изучая козарский[3] и греческий языки. Константин здесь же перевел восемь частей еврейской грамматики. Они изучали ее для того,

---

[1] *Игнатий* патриаршествовал с 847-го по 857 год; затем вторично с 867-го по 877 год.

[2] Память святого Мефодия празднуется 23 октября.

[3] Козары говорили на славянском языке.

чтобы успешнее просвещать хозар и состязаться с евреями, которых было много между хозарами[1].

Здесь же проживал один самарянин, который ходил к Константину и беседовал с ним о вере. Однажды он принес самарянские книги и показал их Константину. Константин выпросил их у самарянина и, затворившись в своей комнате, стал усердно молить Бога, чтобы Он помог ему изучить их. С помощью Божией Константин скоро и хорошо изучил эти книги. Узнав об этом, самарянин воскликнул: «Воистину, кто верует во Христа, скоро приемлет благодать Святого Духа».

Сын самарянина тотчас же крестился; после него принял Христову веру и самарянин.

В Херсоне Константину удалось найти «Евангелие и Псалтирь Русскими письмены писана», а также человека, говорившего этим языком. Константин, беседуя с ним, научился этой речи и, на основании бесед, разделил письмена на гласные и согласные буквы и с помощью Божией вскоре начал читать и объяснять найденные книги. Многие, видя таковую мудрость, дивились и славили Бога.

Здесь же святые братья узнали, что мощи святого священномученика Климента, папы Римского[2], находятся в море. Они стали убеждать херсонского епископа открыть святые мощи. О этих мощах повествуется следующее:

Когда святой Климент был заточен из Рима в Херсон и многих обратил там в христианскую веру, тогда игемон Авфидиан, по повелению царя Траяна[3], приказал потопить его в море, навязав на его шею корабельный якорь, чтобы христиане не могли отыскать тела его. Верные ученики святого стояли на берегу и с рыданием смотрели на потопление их учителя. Затем два вернейших ученика, Корнилий и Фив, сказали христианам:

— Помолимся все единодушно, чтобы Господь открыл нам тело святого мученика.

---

[1] Влияние евреев было здесь так сильно, что даже династия козарских каганов с своим двором, то есть высшим классом козарского общества, приняла иудейство.

[2] Память его празднуется святой Церковью 25 ноября.

[3] *Траян* царствовал с 98-го по 117 год.

По молитве христиан море отступило назад на три поприща[1]. Народ, как древле израильтяне в Чермном море, пошел по сухому дну, и нашли мраморную гробницу, сделанную наподобие церкви, и там увидели лежащим святое тело и якорь, с которым был потоплен святой. Христиане намеревались взять оттуда святое тело, но вышеупомянутые ученики сподобились получить откровение, чтобы святые мощи были оставлены неприкосновенными, и что каждый год в воспоминание святого море будет отступать назад на семь дней, давая путь желающим поклониться святым мощам. Так продолжалось семьсот лет от царствования Траяна до царствования греческого царя Никифора[2]. По грехам же людей море перестало отступать назад в царствование Никифора, что доставило великую скорбь христианам.

Святые Константин и Мефодий прибыли в Херсон, когда прошло уже более пятидесяти лет со времени окончательного скрытия святых мощей. Георгий, блаженный епископ Херсона, которого святые братья убедили открыть святые мощи, прежде всего отправился в Константинополь к царю и патриарху взять у них позволение на это открытие. Вместе с епископом из Константинополя на открытие святых мощей прибыл весь клир церкви святой Софии. Затем все вместе, а также и святые Константин и Мефодий, в сопровождении народа отправились на берег моря, надеясь получить желаемое. Но море не отступало. Тогда, по захождении солнца, сели на корабль и отплыли в море. Вдруг ночью, в самую полночь, воссиял свет от моря и явилась честная глава, а затем и все тело святого Климента стало видно. Святые мощи положили в корабль и с великою честью отвезли в город и положили в апостольской церкви[3]. Святые Константин и Мефодий взяли часть святых мощей и возили их всюду, куда сами ходили, пока не отвезли эту часть в Рим.

Из Херсона Константин и Мефодий отправились к козарам, где были с честью приняты каганом козарским, которому отдали гра-

---

[1] *Поприще* состояло из тысячи больших шагов, а в каждом таком шаге считается по пяти стоп.

[2] *Никифор I* царствовал с 802-го по 811 год.

[3] По паннонскому списку жития, открытие святых мощей произошло так: все отправились в корабле на то место, где предполагали, что находятся святые мощи. Когда море совершенно стихло, начали искать и петь в это время церковные песни. Сначала распространилось большое благоухание, как бы от многих кадил, и после этого явились святые мощи.

моту от греческого царя. Блаженному Константину пришлось вести продолжительные беседы с козарами, евреями и сарацинами. В этих беседах Мефодий почти не принимал никакого участия, так как был меньше обучен, чем Константин: он, как бывший воевода, лучше знал, как обходиться с народом, чем как вести ученые беседы. Поэтому Константину, который с малых лет был искусен в науках, хорошо знал Священное Писание и был хорошим проповедником, готовым дать ответ на всякий вопрос, пришлось одному вести беседы о вере; Мефодий же помогал Константину своею богоугодною молитвою.

Козары прислали к Константину одного лукавого и хитрого мужа, который сказал ему:

— Вы, греки, имеете дурной обычай поставлять вместо одного царя — другого, из простого, нецарского рода. Так после Никифора поставили царем боярина Михаила Куропалата и, оставив его, возвели на престол Льва Армянина из простого рода, по умерщвлении которого поставили Михаила Травла, родом из Амории. У нас же не так: все наши каганы из каганского рода, и никто у нас не может царствовать, если не будет из этого рода.

На это Константин отвечал краткими словами:

— Разве нехорошо поступил Бог, когда отверг неугодного Ему царя Саула и из числа пастырей стад избрал по Своему сердцу мужа Давида?

Козарин ничего не мог возразить на это и предложил другой вопрос:

— Вы произносите нравоучения из книг, которые держите руках, мы же не так, но произносим всю мудрость от себя, не гордясь своими писаниями, как делаете вы. Вся мудрость будто находится внутри нас.

— Если встретить нагого человека, — отвечал Константин, — который будет уверять, что имеет много одежды и золота и имений, поверишь ли ему, видя его нагим и не имеющим ничего в руках?

— Нет, — сказал козарин. — Если бы что-либо имел, то не ходил бы нагим.

— Если ты, как хвалишься, поглотил всякую мудрость, — сказал Константин козарину, — то скажи мне: сколько родов было от Адама до Моисея и где какой род жил на земле?

Козарин не мог ничего сказать. Константин продолжал:

— Поэтому я не верю тебе, что ты изучил всякую премудрость и не нуждаешься в книгах.

Святые братья были позваны на обед к кагану. Перед тем, как садиться за стол, каган спросил их:

— Скажите мне, какого вы рода, чтобы нам знать, на каком месте вас посадить.

— Дед наш, — отвечал Константин, — был великого и славного рода и находился вблизи Царя. Но он не умел удержать данной ему великой славы, был изгнан от Царя и удалился в чужую сторону, где и родил нас. Мы теперь и ищем древнюю славу нашего деда и не желаем иметь никакой другой. Дед же наш был Адам.

— Прилично и правильно говоришь ты, гость, — сказал каган, после чего стал иметь особое уважение к Константину.

Когда сели за стол, каган взял чашу и сказал:

— Пью в честь Единого Бога, сотворившего всю тварь.

Константин же взял чашу со словами:

— Пью во славу Единого Бога и Слова Его, Которым утверждены небеса, и Животворящего Духа, Которым поддерживается бытие созданной твари.

— Вот мы, — сказал каган Константину, — содержим одинаковое учение о Боге, Творце всей твари, только различаемся тем, что вы славите Троицу, а мы славим Единого Бога, как учат об этом еврейские книги.

— Если вы, — отвечал Константин, — из еврейских книг узнали, что Бог един, то из тех же книг познайте и Святую Троицу. Еврейские книги в своих пророчествах проповедуют кроме Отца — Слово и Духа. Так царь и пророк Давид говорит: *Словом Господа сотворены небеса, и Духом уст Его — все воинство их* (Пс. 32, 6). Вот в этом месте вполне ясно указаны единство и троичность: Господь, Его Слово и Дух. Господь есть Бог Отец, Слово — Бог Сын, Дух уст Господних — Бог Дух Святой. Однако не три Господа, но Един Господь с Своим Словом и Духом, а также не три бога в божестве, но Один почитаемый Бог. Обрати внимание и на то: который из двух был бы лучшим почитателем твоего царского лица, тот ли, кто оказывал бы только тебе честь, а презирал бы твое слово и дух твоих уст, или тот, кто одинаково почитал бы и тебя, и твое слово, и дух твоих уст?

— Без сомнения, последний, — отвечал каган.

— Поэтому мы, — продолжал философ, — равно почитая Святую Троицу: Отца, Сына и Святого Духа, лучшие и истиннейшие богопочитатели, чем вы. Таковому богопочитанию мы научились из пророческих книг. Кроме вышеуказанного места, приведу и другие. Так святой пророк Исаия говорит о Боге Сыне в следующих словах: *Послушай Меня, Иаков и Израиль, призванным Мой: Я тот же, Я первый и Я последний... и ныне послал Меня Господь Бог и Дух Его* (Ис. 48, 12 и 16). Это место Священного Писания древние отцы наши[1] так объясняли:

— Кто посылаемый, если не Сын? От Кого посылается, если не от Отца и Святого Отческого Духа?

На этом обеде было много иудеев. Некоторые из них сказали блаженному Константину:

— Скажи нам, христианский философ: как может женский пол вместить во чреве Бога, на Которого не могут взирать даже Ангелы?

Философ, показывая перстом кагану на первого советника, сказал:

— Если бы кто сказал, что этот первый советник не может принять в свой дом кагана и угостить его, когда это может сделать последний раб, то как бы мы назвали его: безумным или разумным?

— Даже и очень безумным, — отвечали иудеи.

Тогда философ предложил такой вопрос:

— Какое из всех видимых в поднебесной творений самое честнейшее?

— Человек есть самое честнейшее творение, — отвечали иудеи, — потому что имеет разумную душу, созданную по образу Божию.

— Поэтому неразумны те, — отвечал философ, — которые признают невозможным, чтобы в человеческой утробе вместился Бог, тогда как знают, что Он вмещался в терновый куст (купину) при Моисее. Разве купина, бездушное и бесчувственное творение, честнее чувственной и разумной твари, имеющей богоподобную душу? Кроме купины Бог вмещался в облако, дым и огонь, когда являлся Иову[2], Моисею и Илии[3]. Особенно же чудесно то, что Бог вместился

[1] Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Нисский.

[2] Память праведного и многострадального Иова празднуется 6 мая.

[3] *Илия* — израильский пророк, происходивший из города Фесвы Галаадской, живший и действовавший во дни нечестивого царя Ахава и Иезавели. История

в честнейшую одушевленную тварь, желая явиться на земле и жить с людьми, чтобы избавить их от смертной язвы, нанесенной человеческому роду грехом Адама. От кого, как не от Самого Творца, скажите мне, должно было ждать врачевства и обновления честнейшему созданию, то есть роду человеческому? Не Давид ли предсказал: *Послал слово Свое и исцелил их* (Пс. 106, 20). Поэтому Слово Отчее, Бог Сын, пришел и исцелил естество человеческое. Как Слово Отчее мог исцелить человека, если бы не соединился с человеком чрез вочеловечение и не приложился к человеку подобно целительному пластырю? Разве врач, желая уврачевать израненного человека, прикладывает пластырь к дереву или камню, а не к больному? Поэтому и Бог Слово Свое Единородное приложил, подобно пластырю, не к дереву, хотя раньше Оно являлось и между деревьями в купине, не к камню, хотя было видимо в каменных горах Синая и Хорива Моисеем и Илией, но к человеку, объятому греховною болезнью. Соединение стало неразрывно, ибо Господь благоволил вселиться в чистую, девическую, а не просто женскую, утробу, как пророчествовал об этом Исаия: *Се, Дева во чреве приимет и родит сына, и нарекут имя ему: Еммануил* (Ис. 7, 14). Здесь пророк ясно говорит, что Бог Сын родится на земле от чистой и небрачной Девицы. А что возможно было вселиться Богу в девическую утробу ради нашего спасения, вспомните, что написано в ваших книгах. Ваш раввин Ахилла говорит:

— В громе каменне и в гласе трубном не являйся нам к тому, Господи, не являйся нам к тому, Господи щедрый, но вселися в нашу утробу, грехи наши отыми.

— Если же Моисей молил Бога, чтобы вселился в наши утробы, то почему же вы порицаете нас, исповедующих, что Бог вселился в женскую утробу, и не просто женскую, но в девическую, чистую, непорочную и неискусобрачную? Он вселяется и в наши утробы, когда мы, христиане, причащаемся в таинственной жертве. Как видите, древняя молитва Моисея, записанная в ваших книгах по свидетельству раввина Ахиллы, исполнилась: Бог вселился в наши утробы, взяв грехи наши.

жизни и деятельности пророка Илии изложена в 3-й и 4-й книге Царств (3 Цар. 17, 20 и 4 Цар. 1, 2). — Память его празднуется святой Церковью 20 июля.

После обеда все разошлись и назначили день, в который снова будут беседовать о вере. В назначенный день все собрались и, по приглашению кагана, сели на отведенные места. Константин сделал такое предисловие к беседе:

— Вот, я один между вами чужеземец, а все мы ведем беседу о Боге, в руках Которого все, и наши сердца. Когда мы будем беседовать, пусть тот из вас, кто силен в словах, если будет понимать, подтвердит наши слова, а если не будет, пусть снова спросит и мы постараемся разъяснить.

Беседу начали иудеи таким вопросом:

— Скажи нам: Бог прежде дал какой закон: Моисеев, или тот, какой содержите вы, христиане?

— Не потому ли, — отвечал блаженный Константин, — вы спросили меня, какой первый закон, чтобы потом сказать, что первый есть самый лучший?

— Да, — отвечали иудеи. — А поэтому следует повиноваться первому закону, как начальнейшему и самому лучшему.

— Если желаете исполнять только первый закон, то откажитесь от обрезания, — сказал иудеям Константин.

— Почему ты это говоришь? — спросили иудеи.

— Скажите мне поистине, — сказал Константин иудеям, — первый закон был дан в обрезании или в необрезании?

— Думаем, — отвечали иудеи, — что во обрезании.

— Не Ною ли, — сказал Константин, — Бог дал первый закон? А это было до обрезания и после заповеди, данной в раю Адаму по его грехопадении. Бог завещал Ною, чтобы не была проливаема кровь человека: *Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется* (Быт. 9, 6). Затем, говоря о ядении зелий травных, зверей, скотов, птиц и рыб, Бог сказал Ною: *Я поставляю завет Мой с вами и с потомством вашим после вас* (Быт. 9, 9).

— Но завет не закон, — сказали иудеи. — Бог не сказал Ною: закон Мой, но завет Мой. Мы же говорим о законе.

— Вы соблюдаете обрезание как закон или нет? — спросил Константин.

— Содержим как закон, — ответили иудеи.

— Обрезание же, — продолжал Константин, — Бог также не назвал законом, а только заветом, когда говорил Аврааму: *Ты же со-*

блюди завет Мой, ты и потомки твои после тебя в роды их... обрежется у вас весь мужеский пол... и сие будет знамением завета между Мною и вами... и будет завет Мой на теле вашем заветом вечным (Быт. 17, 9–13). Вот смотрите, — сказал Константин, — Бог ни разу не назвал обрезание законом, но заветом. Откажитесь ли вы поэтому от обрезания как от незаконного? Если же соблюдаете завет обрезания как закон, то и завет, данный Ною, должны соблюдать как закон и называть его законом первым, который Бог дал роду человеческому, изгнанному из рая и сохраненному от вод потопа.

— Нет, — отвечали иудеи. — Только закон, данный Моисею, есть закон, и его мы исполняем.

— Если завет, данный Ною, — сказал Константин, — не закон, а только завет, потому что Бог не назвал его законом, но заветом, то и закон, данный Моисею, не закон, потому что Бог в 11-й главе книги пророка Иеремии[1] не называет его законом, но заветом: *Слышите слова завета этого... так говорит Господь, Бог Израилев: проклят человек, который не послушает слов завета этого, который Я заповедал отцам вашим, когда вывел их из земли Египетской* (Иер. 11, 2–3). Если этот завет есть для вас закон, то и завет, данный Ною, тоже закон. А так как этот закон дан до обрезания, то его вы должны и соблюдать как первый и не слушать других законов, бывших после него, то есть Авраамова и Моисеева. Ведь вы сами сказали, что первый закон есть самый лучший и ему нужно повиноваться.

Иудеи уклонились тогда от этого вопроса, стали говорить о другом и сказали:

— Кто держался закона Моисеева, тот угодил Богу. Поэтому и мы, соблюдая его, надеемся также быть угодными Богу. Вы же держитесь нового закона, который сами изобрели для себя, а ветхий закон презираете.

— Приняв новый закон, — отвечал философ, — мы поступали хорошо. Ибо и Авраам, если бы не принял обрезания, но только исполнял завет Ноев, не назвался бы другом Божиим. Также и Моисей после Авраама, не довольствуясь прежде данными законами Ною и Аврааму, написал новый закон. По примеру их поступаем и мы. Однако, как они, следуя друг за другом, не уничтожали прежних зако-

[1] См. житие его 1 мая.

нов, Авраам не отверг Ноева, а Моисей обоих, но, восполняя недостающее, изложили в более пространных законах более совершенную волю Божию, чтобы заповедь Господня была тверда, так и мы не отрицаем Ветхого Завета, написанного на Моисеевых скрижалях, но содержим все то, чтобы знать Единого Бога, Творца всей твари, а также: не убивать, не красть и прочие заповеди. Мы удаляемся только всего того, что не написано на Моисеевых скрижалях, например: обрезания, приношения в жертву бессловесных и других подобных. Они были только тенью и подобием, имевшего прийти, нового закона, а потому с пришествием его их нужно было оставить. Какая надобность хранить тень, когда имеем в руках самую вещь?

— Если бы то, что ты говоришь о Ветхом Завете, — возразили иудеи, — установления и заветы, кроме скрижалей Моисеевых, были только тенью и подобием вашего, Нового Завета, то древние законодатели знали бы это и сказали бы о вашем, новом законе, имеющем быть в будущее время. Ведь тень и подобие должны обрисовывать ту вещь, которую ждут видеть глазами. Вашего же закона законодатели не ожидали, а потому все ветхозаветные установления и заветы, как и Моисеевы скрижали, не тень и подобие, но самая истина (вещь), которую и вам, как и написанное на Моисеевых скрижалях, нужно хранить как истину.

Против этого философ ответил так:

— Если бы древние законодатели, бывшие в Ветхом Завете, не знали того, что после их закона настанет новый закон, то я бы спросил вас: когда вначале Бог давал Ною завет, о котором мы говорили ранее, возвестил ли ему тогда, что даст другой закон после него угоднику Своему Аврааму? Конечно нет, а утвердил первый завет существующим в вечные роды. Возвестил ли также Аврааму, когда давал ему завет, что впоследствии даст другой закон Моисею? О нашем же, Новом Завете, обстоятельно возвестил чрез Своих святых пророков. Так послушайте говорящего Иеремию: *Вот наступают дни, говорит Господь и заключу Я с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь* (Иер. 31, 31–32). Вот видите известное пророчество о нашем, новом завете. Также и пророк Исаия предсказал о Новом Завете, от

лица Господня, говоря: *Но вы не вспоминаете прежнего, и о древнем не помышляете. Я творю новое, ныне же оно явится* (Ис. 43, 18–19). Итак, древние законодатели знали о новоблагодатном законе, ждали его и пророчествовали о нем. Поэтому ваши ветхозаветные установления и заветы есть тень и подобие ожидаемого нашего закона, а не самая истина, а посему их необходимо откинуть как ненужные.

— Всякий еврей признает за истину, что будет новый закон, — сказали иудеи, — но еще не пришло время явиться Помазанному.

— Чего вы еще ждете? — отвечал Константин. — Разве власть царства и княжения вашего, которая по пророчеству праотца Иакова должна существовать только до пришествия Христа-Мессии, не прекратилась, разве Иерусалим не разрушен, разве жертвы не отвержены, разве слава Господня не переселилась от вас на язычников, как ясно предрек об этом пророк Малахия[1], говоря: *Нет Моего благоволения к вам, говорит Господь Саваоф, и приношение из рук ваших неблаугодно Мне. Ибо от востока солнца и до запада велико будет имя Мое, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву; велико будет имя Мое между народами, говорит Господь Саваоф* (Мал. 1, 10–11)?

— Мы понимаем это место так, — ответили иудеи, — что язычники будут благословенными чрез нас, как благословленны мы — семя Авраама, будут обрезаны в городе Иерусалиме.

— Через Кого благословляется семя Авраамово, — отвечал Константин, — через Того и мы, именно через Мессию, произошедшего от Авраама, Исаака, Иакова, Иессея и Давида. Ведь Бог сказал Аврааму: *Благословятся в тебе все племена земные* (Быт. 12, 3), и Исааку: *Благословятся в семени твоем все племена земные* (Быт. 26, 4) и то же Иакову (см.: Быт. 28, 14); Давид же говорит: *Благословятся в нем племена; все народы ублажат его* (Пс. 71, 17). А что Мессия должен был прийти как ради племени Авраама, так и для спасения язычников, об этом некогда Иаков, благословляя Иуду, сказал так: *Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов* (Быт. 49, 10). И пророк Захария, возвещая дочери Сиона — Иерусалиму, пришествие кроткого Царя, сидящего на ослице и осленке, говорит: *Тогда истреблю колесницы у*

[1] Память его празднуется святой Церковью 3 января.

Ефрема и коней в Иерусалиме, и сокрушен будет бранный лук, и Он возвестит мир народам (Зах. 9, 10). Вот видите, что не только ради вас, иудеев, но и ради язычников должен был прийти Мессия. Думается мне, что Он пришел более ради язычников, чем ради вас, ибо вы Его не приняли, язычники же приняли Его, вы Его убили, язычники же уверовали в Него, вы Его отвергли, язычники же возлюбили Его; поэтому и Он отверг вас, язычников же призвал и в них прославляется. А что действительно ожидаемый Мессия уже пришел, вы можете убедиться в том чрез святого пророка Даниила[1]. Этому пророку в Вавилоне, в первый год царствования Дария, явился Ангел Господень Гавриил и от этого времени до пришествия в мир Мессии назначил семь седмин. Каждая седмина содержит семьдесят лет, а все — четыреста девяносто лет. Так считает и ваш Талмуд. Как давно уже прошли эти годы? Если рассмотрите, то узнаете, что прошло уже более восьмисот лет, как исполнились седмины, сказанные Даниилу (см.: Дан. 2).

— Спрошу вас еще и о том, — сказал Константин, — какое вы думаете было царство железное, о котором говорил Даниил Навуходоносору, когда объяснял ему сон о великом истукане?

— Железное царство означало римское, — ответили иудеи.

— А кого, — спросил философ, — означает камень, отторгнувшийся от горы без рук человеческих и сокрушивший этого истукана?

— Камень означает Мессию, — ответили иудеи и при этом добавили, — если по сказаниям пророков и другим событиям, как ты говоришь, Мессия уже пришел, то почему же римское царство имеет власть и до сих пор?

— Нет, — отвечал философ, — уже не держит власть, но прошло мимо, как и прочие царства. Наше царство не римское, но Христово, как и сказал пророк: *Воздвигнет Бог небесный Царство, которое вовеки не разрушится, и Царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно* (Дан. 2, 44). Не христианское ли это царство, называемое так по имени Христа? Римляне служили идолам, а эти — христиане, частью состоящие из этого народа, частью из других племен и наро-

[1] Память его празднуется святой Церковью 13 декабря.

дов, царствуют во имя Христово, как описывает это пророк Исаия, говоря: *Оставите бо имя ваше в насыщение избра́нным Моим, вас же избиет Господь; работающим Мне наречется имя новое, еже благословится на земли, благословят Бога истиннаго* (слав. Ис. 65, 15–16). Разве не исполнились все пророчества, сказанные о Христе? Исаия предсказывал рождение Его от Девы, говоря так: *Се, Дева во чреве приимет и родит сына, и нарекут имя ему: Еммануил* (Ис. 7, 14). И святой пророк Михей, о рождении в Вифлееме говорит так: *И ты, Вифлеем, дом Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? Из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле, и Которого происхождения из начала, от дней вечных. Посему Он оставит их до времени, доколе не родит имеющая родить* (Мих. 5, 2–3).

— Мы, — сказали иудеи, — благословенные потомки Сима, который получил благословение от своего отца, Ноя. Вы же не получили благословения.

— Благословение Ноем Сима к вам не имеет никакого отношения, — сказал Константин, — а есть только прославление Бога, ибо Ной сказал: *Благословен Господь Бог Симов* (Быт. 9, 26). Здесь Господь Бог благословляется устами Ноя ради добродетельного Сима и ничего более. Иафету же, от которого произошли мы, Ной сказал: *Да распространит Бог Иафета; и да вселится в шатрах Симовых* (Быт. 9, 27). Сами вы можете видеть, как благодатью Божию распространяется христианство и как вы более и более теряете значение. Даже там, где некогда вы обитали, там теперь благословляется и прославляется христианами имя Господа нашего Иисуса Христа.

— Вот вы, — сказали иудеи, — уповая на человека, думаете быть благословенными, тогда как книги таковых проклинают.

На это философ предложил иудеям такой вопрос:

— Проклят Давид или благословен?

— Весьма благословен, — отвечали иудеи.

— Значит, — сказал Константин, — благословенны и мы, потому что уповаем на Того, на Кого уповал и он, когда говорил во псалме: *Человек мира Моего, на Которого я уповал* (Пс. 40, 10). Человек Этот есть — Христос Бог. Кто же уповает на простого человека, того и мы считаем проклятым.

После этого иудеи предложили другой вопрос:

— Почему вы, христиане, отвергаете обрезание, когда Христос его не отверг, но выполнил по закону?

Философ отвечал:

— Кто первый сказал Аврааму: будет в знамение между Мной и тобой, Тот, придя, выполнил его (обрезание), почему оно и соблюдалось от того (Авраама) до Сего (Христа)[1]. Взамен обрезания Христос установил крещение.

Тогда иудеи сказали:

— Почему же некоторые угодили Богу, не приняв того знамения (крещения), но Авраамово (обрезание)?

— Никто из тех, — отвечал философ, — не имел двух жен, кроме Авраама. А поэтому Бог и дал ему обрезание, чтобы положить предел не преступать далее, но жить по первому примеру жизни Адама (иметь одну жену). И Иакову дал подобное указание, когда повредил ему ногу, потому что имел две жены. Когда Иаков понял вину, почему это ему сделано, получил тогда название «Израиль», то есть видящий умом Бога. Авраам же этого не разумел.

— Как вы, — задали новый вопрос иудеи, — кланяясь идолам, думаете, что угождаете Богу?

— Прежде всего, — отвечал философ, — научитесь различать имена, что такое — икона и что — идол, и тогда увидите, что неправильно упрекаете христиан. Много указаний находится в ваших книгах об изображениях. Я спрошу вас о некоторых: что — Моисей устроил скинию по образу, который видал на горе, или по образу, который предносился его художеству, он соорудил скинию из деревьев, кожи, шерсти и достойных Херувимов? Но так как верно первое, то назовем ли вас, что вы творите честь и кланяетесь деревьям, коже и шерсти, а не Богу, давшему Моисею в свое время такой образ (изображение) скинии? То же скажу и о храме Соломоновом, в котором было много изображений херувимских, ангельских и других. Так и мы, христиане, почитая обряды угодивших Богу, воздаем честь Богу.

---

[1] Обрезание дано было знамением начиная со времени Авраама и кончая исполнением его Христом («между Мной и тобой»), почему со Христом и должно было окончиться. Совершенно отменено обрезание, как ненужное для христиан иго, на апостольском соборе (Деян. 15).

— Зачем вы едите свинину и заячину, — сказали иудеи, — когда это противно Богу?

— Первый завет (Ноев), — сказал философ, — постановил: *Все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам все* (Быт. 9, 3), потому что чистым все чисто, а у скверных — нечиста совесть. Также и Бог о всем сотворенном говорит: *все хорошо весьма*[1] (Быт. 1, 31). По вашему же объедению и для вашего назидания Бог отнял у вас самое незначительное. А как вредно для вас объедение, об этом написано: *И насытился Израиль и оставил он Бога* (Втор. 32, 15), или *сел народ есть и пить, а после встал играть* (Исх. 32, 6).

Таковые беседы блаженный философ Константин вел с иудеями о христианской вере. Эти беседы происходили каждый день в присутствии самого кагана и продолжались довольно продолжительное время. Они впоследствии были записаны блаженным Мефодием и разделены на восемь частей, из которых здесь приведено очень немногое.

Блаженный Константин вел беседы не только с иудеями, но и с сарацинами, которых также изобличал с помощью Господа нашего, обещавшего Своим рабам дать *уста и премудрость, которой не возмогут противоречить ни противостоять все, противящиеся* (Лк. 21, 15).

Слыша таковые сладостные и подобающие Христовой вере слова, каган и его главные советники сказали Константину:

— Бог послал тебя к нам для нашего научения. От Него ты научился книгам, все говорил правильно и медовыми словами святых книг напитал нас досыта. Хотя мы люди и неученые («некнижная чадь»), однако веруем, что это учение от Бога. Если же хочешь окончательно успокоить наши души, то скажи нам не от книг только, но и чрез сравнения (притчи) о всем том, что мы будем спрашивать у тебя о вере.

После этого все разошлись на отдых. На другой день собрались снова и сказали Константину:

— Докажи нам, честнейший муж, рассуждениями и сравнениями, какая вера самая лучшая?

---

[1] На Апостольском соборе заповедано христианам воздерживаться от идоложертвенного, крови, удавленины (Деян. 15, 29).

— У одного Царя, — отвечал философ, — были в большой чести муж и жена. Когда они согрешили, Он изгнал их из той земли, где они жили (из рая). Многие годы прожили они там и в нищете родили детей. Собираясь, дети обдумывали, как бы им воротить опять достоинство своих родителей. Один говорил одно, другой — другое, каждый давал совет, которому, по его мнению, до́лжно было следовать. Какому же из этих советов до́лжно было следовать? Не самому ли лучшему? — заканчивая свое сравнение, сказал Константин.

— Почему ты так говоришь? — отвечали козары. — Каждый свой совет считает лучше другого. Ты же скажи нам, чтобы мы поняли, который из этих советов самый лучший?

— Огонь, — отвечал философ, — очищает золото и серебро, человек же умом отличает ложь от истины. Скажите мне, отчего было первое грехопадение: не от видения ли сладкого плода и желания быть богами?

— Так, — отвечали козары.

Философ продолжал:

— Если какому больному будет во вред мед или студеная вода, то какой врач даст лучший совет; тот ли, какой скажет, кому вреден мед — ешь мед, а кому вредна холодная вода — напейся холодной воды и нагим стой на морозе, или тот, который будет давать противоположное вреду лекарство: вместо меда — с осторожностью горькое питье, вместо холодной воды — теплое и согревательное?

— Конечно, — сказали все, — кто даст противоположное лекарство, тот даст лучший совет. Так и грехолюбивую похоть следует умерщвлять горестью жития, а гордость — смирением, — вообще противное лечить противным. Мы замечаем, если ягодный куст весной стоит в колючих иглах, то осенью дает хорошие, сладкие плоды.

— Хорошо вы сказали, — ответил Константин. — И закон Христов говорит, что жить по Богу — значит проводить суровую жизнь (идти тесным путем), которая в вечном жилище возрастит плод сторицею.

После этого один из главных советников кагана, знающий хорошо нечестивое учение Магомета, спросил философа:

— Скажи мне, гость, почему вы не почитаете Магомета? Ведь он весьма хвалил Христа в своих книгах и говорил про Него: от Девы,

сестры Моисея, родился великий пророк, Который воскрешал мертвых и великой силой исцелял всякую болезнь.

— Пусть рассудит нас сам каган, — сказал философ. — Скажи мне, если Магомет есть пророк, то будем ли мы верить Даниилу, который сказал, что со Христом прекратится всякое видение и пророчество. Как же после этого он может быть пророком? Поэтому, если мы называем Магомета пророком, значит, отвергаем Даниила.

На это многие из присутствующих сказали:

— Мы знаем, что Даниил пророчествовал Духом Божиим, о Магомете же знаем, что он лжец и губитель спасения многих.

Тогда первый советник кагана обернулся в сторону к иудеям и сказал:

— С Божией помощью гость поверг на землю всю сарацинскую гордость, а вашу, как скверну, выбросил вон.

Затем обратился ко всем присутствующим и сказал:

— Бог дал власть над всеми народами и совершенную премудрость царю христианскому; вера их самая лучшая и вне ее нельзя достигнуть вечной жизни.

Все сказали:

— Аминь.

После этого философ со слезами на глазах обратился ко всем и сказал:

— Братья, отцы, друзья и чада! Вот мы, с помощью Божией, разъяснили и ответили на все по достоинству. Если же и теперь кто из вас не понял чего-либо, пусть придет и спрашивает меня об этом. Кто послушает этого учения, тот пусть крестится во имя Святой Троицы, а кто не послушает, я не буду иметь в этом греха, он же увидит свой грех в день судный, когда Судия, *ветхий днями* (Дан. 7, 9), сядет судить все народы.

На это козары с каганом ответили:

— Мы не враги себе, и так постановляем: с этого времени, кто хочет и кто может, пусть, обдумав, приступает ко крещению. А кто будет кланяться на запад (язычники), или совершать еврейские молитвы (иудеи), или содержать сарацинскую веру (магометане), тот примет скорую смерть.

Постановив такое решение, все с радостью разошлись. Двести человек козар оставили идольские мерзости и беззаконные сожития и приняли христианскую веру.

Насадив христианскую веру в козарском царстве, преподобные учителя Константин и Мефодий задумали возвратиться в свою сторону. У козар они оставили священников, пришедших вместе с ними из Херсона. Каган поручил святым братьям передать Греческому царю следующее письмо: «Владыко! Ты послал к нам такого мужа, который возвестил нам христианскую веру и проповедал Святую Троицу. Через него мы узнали, что эта вера есть истинная вера, и повелели всем желающим невозбранно принимать святое крещение, надеясь и сами получить оное. Все мы друзья и приятели твоему Царству и готовы, если хочешь, тебе служить».

Провожая святых братьев, каган предлагал им много подарков, но они отказались, говоря: «Отпусти с нами всех находящихся здесь греческих пленников — это будет для нас самым лучшим подарком».

Пленников собралось более двухсот человек, и они все с радостью отправились в путь. Путникам пришлось проходить чрез пустынные и безводные места. Здесь все изнемогли от жажды. Попадались изредка озера, но из них пить было нельзя, так как в воде было много соли, от чего она была горькою, как желчь. Все разошлись искать хорошую воду, кроме Константина, который так ослаб, что не мог идти далее. Он обратился к своему брату Мефодию с такими словами:

— Не могу более переносить жажды. Почерпни эту воду, ибо я верую, что Кто некогда израильтянам изменил горькую воду в сладкую, Тот и нам, изнемогающим от жажды, усладит горесть этой воды.

Когда почерпнули воду и попробовали, она оказалась сладкою, как мед, и студеною, как зимой. Этой водой все утолили жажду и прославили Бога.

Придя в Херсон, святые братья навестили епископа. Вечеряя, Константин сказал епископу: «Помолись о мне, владыко, и благослови меня, как благословляет отец свое чадо последним благословением».

Слышащие думали, что Константин наутро собирается в путь, и спросили его об этом. Он же тайно сказал некоторым, что епископ наутро оставит мир и отойдет ко Господу. Так и случилось. Утром епископ скончался.

По дороге в Царьград пришлось проходить страной, где жил фульский народ[1]. Этот народ приносил жертвы под большим дубом, сросшимся с черешнею, который назывался «Александр». К этому дубу запрещено было подходить женщинам, а также и участвовать при жертвоприношениях. Блаженный Константин отправился к этому народу, стал посреди их и сказал:

— Еллины не избегли вечного мучения, поклоняясь небу и земле — таким великим и добрым творениям; тем более вы, кланяясь дубу, неизмеримо худшему творению, не избегнете вечного огня.

— Мы, — отвечали язычники, — не теперь только начали так поступать, но приняли этот обычай от отцов. Принося жертвы пред дубом, мы получаем то, о чем просим: дождь и многое другое. И как мы откажемся от этого поклонения, когда никто из нас не может этого сделать? А если кто и осмелится, тот умрет, не увидя больше дождя.

Философ начал увещевать их таковыми словами:

— Бог о вас говорит в священных книгах, как же вы можете Его отвергать? Так пророк Исаия от Лица Господня вопиет, говоря: *Приду собрать все народы, и увидят славу Мою. И положу на них знамение, и пошлю из спасенных из них к народам: в Фарсис, в Пулу и Луду, в Тубалу и Явану, на дальние острова, которые не слышали обо Мне и не видели славы Моей; и они возвестят народам славу Мою...* говорит Господь: *Пошлю множество рыболовов и будут ловить их на всякой горе и на всяком холме, и в ущельях скал* (Ис. 66, 18–19; Иер. 16, 16).

— Послушайте же, братия, — продолжал Константин, — Бога, Который сотворил вас. Вот Евангелие Нового Завета Божия, по которому вы должны принять святое крещение.

Подобными словами блаженный Константин убедил язычников срубить и сжечь этот дуб. Старейшина этого народа подошел к Константину и поцеловал святое Евангелие. Этому примеру последовали и прочие язычники. Затем философ раздал белые свечи, и все с

[1] Языческое племя, жившее около Азовского моря.

возжженными свечами и пением отправились к дубу. Константин взял топор и ударил по дубу тридцать три раза, а после этого другие подрубили дуб под корень и сожгли его. В эту же ночь Господь послал сильный дождь. Все, радуясь, восхвалили Бога, веселящегося о спасении грешников.

В Царьграде Константина и Мефодия приняли с великою честью, как апостолов. Им предлагали сан епископский, но они не захотели его принять. Мефодий же сделался игуменом Полихрониева монастыря, а Константин поселился при церкви святых апостолов. Вскоре оба были призваны на новые труды.

Борис, или Богорис, царь болгарский, после войны с греками пожелал принять христианскую веру. Сестра Бориса, за несколько лет пред этим бывшая в плену в Царьграде, возвратилась в Болгарию христианкою и старалась убедить брата принять ту же веру. Он долго не соглашался; но голод и смертоносная язва опустошили его государство. Тогда он по совету сестры обратился с молитвою к христианскому Богу и бедствия прекратились. Борис послал в Царьград просить наставников. Мефодий предпринял путешествие в Болгарию. Он изобразил на стене царской палаты страшный суд и объяснил царю блаженство праведников и муки грешников. Царь, уже приготовленный словами и примером сестры и чудесным прекращением бедствий, принял христианскую веру. Это было в 860 или в 861 году[1].

Не успели Константин и Мефодий окончить начатого дела крещения болгарского народа, как новое поприще открылось для их апостольской деятельности. Князь моравский Ростислав, по научению Божию, держал совет со своими князьями[2] и со всем народом моравским о том, чтобы послать послов к греческому царю Михаилу с просьбою прислать христианских учителей. На совете было решено отправить послов с такими словами: «Наш народ[3] отверг язы-

---

[1] Крещение всей Болгарии последовало в 869 году.

[2] В этом совете принимали участие и племянник Ростислава Святополк, князь моравский (город Нитры), и Коцел, князь блатненский (в Паннонии).

[3] На Мораве прежде были проповедники из Царьграда и с Запада и крестили, но мало считалось христиан. Затем приехали немецкие священники и стали всех крестить подряд. Эти священники совершали богослужение по-латыни, а с народом говорили по-немецки. Поэтому славяне, не понимавшие этих языков, не знали, во что их крестят, и не разумели христианского учения.

чество и содержит закон христианский. Только нет у нас такого учителя, который бы веру Христову объяснил нам на нашем языке. Другие страны (славянские), увидя это, пожелают идти за нами. Ввиду этого, владыко, пошли к нам такового епископа и учителя: от вас во все страны добрый закон исходит[1].

Царь Михаил собрал собор, на который был позван философ Константин. Ему царь объявил желание славян и сказал:

— Философ, я знаю, что ты нездоров; но необходимо тебе идти туда, так как никто не может выполнить этого дела лучше тебя.

— Хотя я телом нездоров и болен, — отвечал философ, — но с радостью пойду туда, если только они имеют буквы на своем языке.

— Дед мой, и отец мой, и многие другие, — отвечал царь, — искали, но не нашли их; как же я могу их найти?

— Как же я буду проповедовать им? — сказал философ. — Это все равно, что записывать беседу на воде. К тому же, если славяне неправильно поймут меня, можно прослыть еретиком.

На это царь вместе с своим дядей Вардой так сказал философу:

— Если ты захочешь, Бог даст тебе просимое, ибо Он дает всем просящим у Него с верою и отверзает толкущим.

Константин вышел от царя и рассказал все это своему брату Мефодию и некоторым ученикам своим[2]. По своему обычаю, Константин прежде всего начал с молитвы, а затем наложил на себя сорокадневный пост. В скором времени Бог, слушающий молитвы рабов Своих, исполнил то, о чем просил Константин. Он изобрел славянскую азбуку, содержащую в себе тридцать восемь букв, а затем приступил к переводу греческих священных книг на славянский язык. В этом ему помогали блаженный Мефодий и ученики. Перевод священных книг был начат с первой главы Евангелия от Иоанна. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» — первые слова, переведенные на славянский язык.

Свой перевод святые братья представили на рассмотрение царя, патриарха и всего духовного собора. Возвеселился царь и вместе со всем духовным собором прославил Бога за оказанные милости.

---

[1] Это посольство относится к 862 году.

[2] Константин в бытность свою на Олимпе уже имел учеников, с которыми и занимался изучением славянского языка. Из этих учеников известны: Горазд, Климент, Савва, Наум и Ангелар.

После этого Константин вместе с братом Мефодием и с учениками отправился в славянские земли. Царь дал им в дорогу достаточное количество всяких необходимых вещей, а к Ростиславу написал следующее послание: «Бог, Который желает, чтобы каждый имел истинное разумение и восходил в высшее достоинство, увидав твою веру и твое старание, восхотел выполнить твое желание теперь в наши годы. Он открыл буквы вашего языка, которые до этого времени не были известны («не ведано было, токмо в первая лета»), чтобы и вас причислить к великим народам, которые прославляют Бога на своем языке. И вот мы посылаем тебе того, кому Бог открыл их (буквы), мужа честного, благоверного, ученого и философа. Прими этот дар, который много дороже всякого золота и серебра, камней драгоценных и богатства преходящего, и помоги ему поскорее выполнить поручение. Всем сердцем взыщи Бога и общего спасения, а для этого не ленись побуждать всех (своих подданных) заботиться о своем спасении и идти истинным путем. Тогда и ты, потрудившись привести свой народ в разум Божий, получишь за это награду и в этот век и в будущий за все души, желающие веровать до кончины в Христа Бога нашего. Этим ты, подобно великому князю Константину[1], оставишь по себе истинную память последующим поколениям».

Когда Константин и Мефодий пришли в Моравию, они были встречены там с великою честью. Прежде всего Ростислав собрал много отроков и повелел им учиться у святых братьев славянской азбуке и новопереведенным книгам. Затем Ростислав, под руководством святых братьев, начал строить церкви. Через год уже была окончена первая церковь в городе Оломуце, потом еще несколько церквей появилось в Моравии. Константин освящал эти церкви и служил в них по-славянски.

В бытность свою здесь Константин перевел со своими учениками все церковное чинопоследование и научил их утрени и часам, обедне и вечерни и повечерию и «тайней службе». И отверзлись по пророческому слову уши глухих слышать книжные словеса, и стал крас-

[1] Император римский, *Константин Великий*, объявивший христианство господствующей религией в Римской империи, управлял с 306 по 324 год западной половиной Римской империи; с 324 по 337 год правил, как единовластитель, Западом и Востоком. — Память его празднуется святой Церковью 21 мая.

норечив язык гугнивых. Бог, веселящийся о спасении единого грешника, с радостью взирал на исправление целого народа.

Когда стало распространяться Божественное учение между славянами и богослужение совершаться на их языке, тогда первый и злостный завистник, диавол, не вынося этого, вошел в свои сосуды и начал многих возбуждать, говоря им: «Этим Бог не прославляется. Если бы Ему это было угодно, то разве Он не мог сделать, чтобы и изначала для Его прославления проповедь слова Божия записывалась на язык того народа, которому возвещалась? Но три языка только избрал Бог: еврейский, греческий и латинский, на которых и подобает воссылать славу Богу».

Так говорили латинские и немецкие архиереи, священники и их ученики. Константин вступил с ними, как некогда Давид с иноплеменниками, в спор и словами священных книг победил и назвал их трехъязычниками, подобными Пилату, написавшему на трех языках титла на Кресте Господа.

Не только одному этому, но и многому другому нечестию учили народ немецкие и латинские священники. Они говорили: «Под землею живут люди велеглави[1]; все гады — творение диавола; если кто убьет змию, тому отпустится за это девять грехов; если кто убьет человека, тот пусть пьет из деревянной чашки, а к стеклянной пусть не касается».

Они не возбраняли народу приносить по старому обычаю языческие жертвы, ни многоженства.

Эти лжеучения святые братья старались искоренять, как сорную траву, словесным огнем.

Принеси в жертву Богу, — обличали они словами пророка, — *хвалу и воздай Всевышнему обеты твои* (Пс. 49, 14). *Берегите дух ваш, и никто не поступай вероломно против жены юности своей: если ты ненавидишь ее, отпусти, говорит Господь Вседержитель, и покроет нечестие помышления твои; поэтому наблюдайте за духом вашим и не оставляйте жен своих. И вот, если ненавидишь, помни, что Господь был свидетелем между тобой и женою юности твоей, она подруга твоя и законная жена твоя* (Мал. 2, 15–16, 13–14). В Евангелии Господь говорит: *Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. Я го-*

[1] С большими головами.

ворю вам: всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал в сердце своем (Мф. 5, 27–28). *Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившись на разведенной, прелюбодействует* (Мф. 19, 9).

Так прожили святые братья в Моравии сорок месяцев, переходя с одного места на другое, везде поучая народ на славянском языке. Вручая славянам бесценный дар — слово Божие на родном языке, Константин в предисловии к святому Евангелию говорит им: *Услышите, славяне все, слово, которое укрепляет сердца и умы.* Устрояя училища для славянских отроков, они приобрели много учеников, готовых быть хорошими учителями и достойными священнослужителями в своем народе. С этою целью, чтобы посвятить своих учеников в священный сан, святые братья задумали отправиться в Рим. К тому же бывший в то время папа Николай[1], узнав об успехах проповеди святых Константина и Мефодия, желал видеть их в Риме, как Ангелов Божиих[2].

По дороге в Рим святые Константин и Мефодий зашли в Паннонию[3]. Там был князем Коцел, сын Прибины, который пригласил святых братьев в город Блатно, чтобы самому научиться у них славянской азбуке, а также затем, чтобы они научили ей и тех пятьдесят учеников, которых князь собрал из своего народа. При прощании Коцел оказал святым проповедникам великую честь и предлагал им большие подарки. Но Константин и Мефодий, как от Ростислава Моравского, так и от Коцела, не пожелали взять ни золота, ни серебра, ни другой какой-либо вещи. Евангельское слово они проповедовали без награды и только от обоих князей выпросили свободу девятистам греческим пленникам.

Кроме Паннонии святые Константин и Мефодий заходили и в Венецию. Здесь латинские и немецкие священники и монахи накинулись на Константина, как вороны на сокола, проповедуя трехъязыческую ересь:

---

[1] Правил с 858 по 867 год.

[2] Можно предполагать, что папа вызывал в Рим святых проповедников и по наговорам немецких и латинских священников.

[3] Нынешняя Венгрия.

— Скажи нам, человек, — говорили они Константину, — зачем ты перевел славянам священные книги и учишь их на этом языке, тогда как раньше никто этого не делал: ни апостолы, ни папа Римский, ни Григорий Богослов[1], ни Иероним[2], ни Августин?[3] Мы знаем только три языка, на которых подобает прославлять Бога: еврейский, греческий, римский.

Философ отвечал к ним:

— Разве не идет от Бога дождь одинаково на всех, или солнце не сияет для всех, или вся тварь не дышит одним воздухом? Как же вы не стыдитесь думать, что, кроме трех языков, все остальные племена и языки должны быть слепыми и глухими. Уж не думаете ли вы, скажите мне, что Бог не всемогущ, и потому не может этого сделать, завистлив, что не хочет сделать? Мы же знаем многие народы, имеющие свои книги и воссылающие славу Богу каждый на своем языке. Из них известны следующие: армяне, персы, абхазы, иверы (грузины), сугды, готы, обры, турки, козары, аравляне, египтяне, сирияне и многие другие. Если не желаете согласиться с этим, то вашим судией будут святые книги. Ибо Давид вопиет: *Воспойте Господу песнь новую; воспойте Господу, вся земля!* (Пс. 95, 1), и в другом месте: *восклицайте Господу вся земля, и торжествуйте, веселитесь, и пойте* (Пс. 97, 4), и еще: *Вся земля да поклонится Тебе и поет Тебе, да поет имени Твоему* (Пс. 65, 4), и еще: *Хвалите Господа, все народы, похвалите, все племена... Всякое дыхание хвалит Господа* (Пс. 116, 1; 150, 6). В Евангелии говорится: *А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть детьми Божиими...* (Ин. 1, 12). *Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе* (Ин. 17, 20–21). В Евангелии от Матфея говорится: *Дана Мне всякая власть на небе и на земле; идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам: и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь* (Мф. 28, 18–20). Евангелист Марк также говорит: *Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет, а кто не будет веровать,*

---

[1] Знаменитейший отец Восточной Церкви, живший в IV веке. — См. житие его 25 января.

[2] Учитель Западной Церкви IV века.

[3] Учитель Западной Церкви; жил в конце IV — начале V века.

осужден будет, уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками (Мк. 16, 15–17). Скажем словами Писания и по отношению к вам (немецким и латинским священникам): *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам; ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете* (Мф. 23, 13). *Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли, и входящим воспрепятствовали* (Лк. 11, 52). Апостол Павел говорит Коринфянам: *Желаю, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали* (1 Кор. 14, 5), или еще: *и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца* (Флп. 2, 11).

Таковыми и многими другими подобными словами святой Константин обличал латинских и немецких священников.

Из Венеции Константин и Мефодий отправились прямо в Рим. Когда еще они были в Венеции, умер папа Николай, и вместо него был избран Адриан II[1]. Новый папа, узнав, что Константин и Мефодий находятся в Венеции, пригласил их в Рим. Когда святые братья подходили к Риму, сам папа со своим клиром и гражданами с возжженными свечами вышли навстречу святым проповедникам, потому что они несли мощи святого Климента-мученика и папы Римского, открытые в Херсонесе. Господь прославил многими чудесами перенесение святых мощей. Так один расслабленный получил исцеление и многие другие больные освободились от своих недугов.

Папа принял славянские книги, освятил их и положил в церкви святой Девы Марии, называемой «Фатни» (ясли), и по этим книгам стали отправлять богослужение. После этого папа велел двум епископам посвящать учеников-славян, прибывших вместе с Константином и Мефодием. Посвящение учеников в первый день было совершено в церкви святого апостола Петра, и литургию пели на славянском языке, на другой день — в церкви святой Петрониллы и на третий день — в церкви святого апостола Андрея. Затем пели всенощное бдение на славянском языке в церкви великого учителя народов — апостола Павла, а утром совершали литургию над святым гробом. В служении двум указанным епископам помогали Арсений, один из семи епископов, и библиотекарь Анастасий.

[1] *Адриан II* правил с 867 по 872 год.

Константин и Мефодий со своими учениками не переставали воссылать за все славу Богу, римляне же не переставали приходить к ним, и в особенности к Константину, и спрашивать их обо всем. Некоторые приходили по два и по три раза и принимали наставление. Однажды пришел к Константину один еврей и сказал, что Христос, о Котором говорят пророки, что Он родится от Девы, еще не пришел. Константин пересчитал ему, сколько родов было от Адама до Христа, доказал, что Христос уже пришел и сколько лет прошло с тех пор.

Вскоре после этого и прежде немощный Константин, изнуренный трудами и долгим путешествием, тяжко заболел, и во время болезни Господь открыл ему о его смерти. Константин, узнав о своей смерти, начал петь следующую церковную песнь:

— *О рекших мне, внидем во дворы Господни, возвеселися ми дух мой и сердце обрадовася*[1].

Затем он оделся в лучшие свои одежды, с радостью проводил весь тот день и говорил:

— С этого времени я никому на земле не слуга, но только Богу Вседержителю и был и есмь и буду вовеки, аминь.

На другой день Константин пожелал принять схиму, причем был назван Кириллом. Болезнь его продолжалась пятьдесят дней.

Однажды во время своей болезни Кирилл обратился к Мефодию с такими словами: «Вот, брат, — говорил он ему, — мы с тобой были как дружная пара волов, возделывающих одну ниву, и вот я падаю на бразде, окончив свой день. Я знаю, что ты сильно возлюбил гору Олимп, но ради горы не думай оставлять своего учения. Этим подвигом ты лучше можешь достигнуть спасения».

Когда приблизилось время принять упокоение и отойти в иную жизнь, святой Кирилл воздвиг свои руки к Богу и так со слезами молился: «Господи Боже мой! Ты, Который составил бесплотные ангельские силы, распростер небо, основал землю и из небытия в бытие привел все сущее на ней, который всегда и во всем слушает исполняющих Твою волю, боящихся Тебя и хранящих Твои заповеди: услышь мою молитву и сохрани верное стадо Твое, пасти которое Ты поставил меня грешного, и недостойного раба Твоего. Избавь это

[1] Антифон, глас 1-й.

стадо от всякого безбожия и нечестия и от всякого многоречивого еретического языка, говорящего на Тебя хулу. Погуби трехъязычную ересь и возрасти во множестве Свою Церковь. Всех соедини в единодушии и всех соделай единомысленными о истинной Твоей вере и правом исповедании. Вдохни в их сердца слово Твоего учения, ибо это — Твой дар. Если Ты сподобил меня, недостойного, проповедать Евангелие Христа Твоего (старающегося делать добрые дела и все угодное Тебе), то позволь мне отдать Тебе, как Твое, все то, что Ты мне дал. Устрой их сильною Твоею десницею, покрой их покровом Твоим, чтобы все хвалили и славили имя Отца и Сына и Святого Духа вовеки, аминь».

Затем, облобызав всех, сказал: «Благословен Бог наш, Который не дал нас в добычу невидимым нашим врагам, но разрушил их сети и избавил нас от истления».

С этими словами святой Кирилл почил о Господе 14 февраля. Случилось это в 869 году.

Папа Адриан повелел всем грекам, находившимся в Риме, а также и римлянам, присутствовать при погребении и стоять при гробе Кирилла с возжженными свечами, а проводы велел устроить такие, какие бывают при погребении самого папы. Святой Мефодий, узнав, что собираются погребсти честное тело святого Кирилла в Риме, пришел к папе и сказал ему:

— Мать наша заклинала нас, говоря, что если кто первый из нас умрет, пусть другой перенесет брата в свой монастырь (на Олимпе) и там похоронит его.

После этого папа распорядился положить честнóе тело Кирилла в раку, забить железными гвоздями и приготовить в дорогу. В таком положении святые мощи оставались семь дней.

Римские же епископы говорили папе:

— Так как Бог привел сюда Кирилла, ходившего по многим землям, и здесь взял его душу, то здесь нужно и похоронить его, как честного мужа.

— Если так, — сказал папа, — я изменю римский обычай и похороню Кирилла за его святость и любовь в моем гробе, в церкви святого апостола Петра.

Тогда святой Мефодий сказал:

— Если вы меня не послушали и мне его не дали, так как вам самим желательно иметь его у себя, то в таком случае положите его в церкви святого Климента, с которым вместе он прибыл сюда.

Папа повелел сделать так, как говорил святой Мефодий. Снова собрались все епископы, черноризцы и народ, и с честью проводили святые мощи до церкви святого Климента. Перед тем как опускать гроб, епископы сказали:

— Откроем раку и посмотрим: не взято ли что-либо от святых мощей?

Но как ни старались, они не могли, по усмотрению Божию, открыть раку, и тогда святые мощи опустили по правую сторону алтаря в церкви святого Климента. Затем здесь стали совершаться многие чудеса. Видя это, римляне начали все более и более прославлять святого Кирилла и, написав его икону, стали возжигать пред нею свечи день и ночь, воздавая хвалу Богу, прославляющему любящих Его.

По смерти святого Кирилла пришли послы от Коцела, князя паннонского, к папе, прося его отпустить к ним блаженного Мефодия. Папа так отвечал послам:

— Не одним только вам, но и всем славянским народам посылаю его, как учителя от Бога и от святого Петра, первого настольника и ключедержца небесного Царства.

Отправляя святого Мефодия к славянам, папа вручил ему следующее послание к славянским князьям: Адриан, епископ и раб Божий, — Ростиславу, Святополку и Коцелу: *Слава в вышних Богу и на земле мир, в человеках благоволение* (Лк. 2, 14). С радостью узнали мы, что Господь воздвиг ваши сердца искать Его и показал вам, что не одною верою, но и добрыми делами следует служить Ему: *Вера без дел мертва* (Иак. 2, 26). Поэтому грешат те, которые думают, что знают Бога, а не желают исполнять закон Его. Не только у этого святительского стола вы просили учителей, но также и у благоверного царя Михаила: вы просили его послать к вам блаженного философа Константина с братом. Святые братья, когда узнали, что ваша страна находится в ведении апостольского престола, ничего вопреки канона не сделали, но пришли к нам и принесли мощи святого Климента. Мы же, возрадовавшись, помыслили послать в ваши страны сына нашего Мефодия, мужа совершенного разумом и правоверного, посвятив его и учеников в священный сан. Он может учить

вас, как вы о том просите, и переводить священные книги на ваш язык, и по ним совершать святую службу (литургию) и крещение и весь чин церковный, чему положил начало, с помощью Божией и ради молитв святого Климента, святой философ Константин. Также, если кто другой будет в состоянии правильно и правоверно переводить священные книги на ваш язык, чтобы вы удобнее могли познать заповеди Божии, то пусть будет это дело свято и благословенно Богом, нашей и всей Кафолическою Церковью. Один только храните обычай, чтобы на литургии сначала читали Апостол и Евангелие по-римски, а потом по-славянски, чтобы исполнилось слово Писания: *Хвалите Господа все народы* (Пс. 116, 1) и еще: *Начали говорить на иных языках...* величие Бога, *как Дух Святой давал им провещевать* (Деян. 2, 4). Если же кто осмелится порицать указанных учителей и совращать от истины к басням или, развращая вас, будет хулить книги вашего языка, тот пусть будет отлучен и представлен на суд церкви и до тех пор не получит прощения, пока не исправится. Ибо это волки, а не овцы, и должно узнавать их по плодам и остерегаться их. Вы же, чада возлюбленные, слушайте учение Божие и не отказывайтесь от церковных поучений, и тогда вы будете истинными поклонниками Отцу вашему небесному со всеми святыми. Аминь.

Коцел принял Мефодия с великою честью, но в скором времени снова отослал его к папе, а вместе с ними двадцать мужей знатного рода, прося папу посвятить святого Мефодия во епископа в Паннонию, на престол святого Андроника, апостола из семидесяти[1]. Папа так и сделал.

После этого старый враг и противник истины воздвиг против Мефодия моравского князя[2] и немецких и латинских епископов этого края. Святой Мефодий был позван на совет, на котором ему предложили такой вопрос:

— Зачем ты учишь в нашей области?

— Если бы я знал, — отвечал на это святой Мефодий, — что это ваша область, то я не учил бы здесь, но эта область принадлежит

---

[1] Память святого апостола Андроника празднуется святой Церковью 17 мая и 30 июля.

[2] В это время Ростислав, помогавший святым братьям, умер в заточении, и его преемником стал племянник его Святополк, который в первое время своего правления был в большой дружбе с немецким императором.

святому апостолу Петру. Если же вы ради ссоры и лихоимства будете поступать не по правилам, возбраняя проповедовать учение Божие, берегитесь, чтобы, когда будете пробивать железную гору головною костью, не проломить свою голову.

— Говоря с гневом, — отвечали епископы, — ты сам на себя накликаешь беду.

— Я не стыжусь говорить истину и пред царями, — отвечал святой Мефодий. — Вы же относительно меня как хотите, так и поступайте. Я не лучше тех, которые за правду переносили многие мучения в этой жизни.

Много было произнесено речей на этом собрании, но сказать что-либо против Мефодия его противники не могли. Тогда князь сказал с насмешкой:

— Не утруждайте моего Мефодия. Он вспотел, как бы находясь около горячей печи.

— Да, владыко, — отвечал Мефодий. — Однажды встретили вспотевшего философа и спросили его: «Отчего ты вспотел?» «С грубой челядью спорил», — отвечал философ.

Много говорили епископы относительно Мефодия. Наконец сослали его в Швабию, где содержали в темнице два с половиной года[1].

Дошло известие о заключении святого Мефодия до папы. Узнав об этом, папа Иоанн VIII, преемник Адриана II, прислал проклятие на немецких епископов и запрещение совершать им литургию до тех пор, пока не освободят Мефодия. Тогда епископы освободили Мефодия, но сказали Коцелу, паннонскому князю: «Если ты возьмешь к себе Мефодия, не считай нас за доброжелателей»[2].

Однако сами эти епископы не избегли суда Божия и апостола Петра. Четверо из них скоро умерли.

В Моравии же в это время произошел раздор славян с немецкими священниками. Поняли моравляне, что немецкие священники, ко-

---

[1] *Швабия* находится в Германии. — В темнице немцы всячески издавались над святым Мефодием: не давали есть по несколько дней; когда была зима, они его, босого, с непокрытою головою, выводили на тюремный двор, ставили на снегу и заставляли его так стоять на одном месте сутки, а то и больше. Они даже били святого Мефодия батогами. Но Господь сохранял и укреплял святого. Большое утешение доставляли святому его ученики, которые часто навещали его в темнице.

[2] Очевидно, и Коцел принимал участие в освобождении святого Мефодия.

торые живут у них, враги славян и стараются предать их немцам. Они изгнали их, а к папе послали следующую просьбу: «Как прежде наши отцы приняли крещение от святого Петра, так и теперь дай нам архиепископа и учителя Мефодия».

Папа тотчас же отправил святого Мефодия в Моравию, где его приняли князь Святополк, теперь разошедшийся с немцами, и моравляне и поручили ему все церкви и духовенство во всех славянских городах. На место изгнанных немецких священников святой Мефодий ставил священников-славян. Ввиду того, что святой Мефодий и священники совершали богослужение и учили народ на славянском языке, стало сильно расти учение Божие. Многие из язычников отреклись от своих заблуждений и уверовали в истинного Бога[1]. В это время и моравское государство было так сильно, как никогда не бывало[2].

Святой Мефодий обладал даром пророчества. Многие его прорицания сбывались; из них укажем некоторые.

Один языческий князь, живший по реке Висле, ругался над христианами и причинял им невзгоды. Святой Мефодий послал к нему сказать: «Лучше тебе, сын, креститься по своей воле и в своей земле, чем на чужой земле поневоле креститься пленником».

Это и произошло.

Однажды Святополк воевал с язычниками и война затянулась. Приближался день памяти святого апостола Петра, и святой Мефодий послал сказать Святополку: «Если обещаешься на Петров день со своими войсками быть у меня, я верую, что Бог вскоре предаст тебе язычников».

Так и случилось.

---

[1] Так Боривой, князь чехов, послал гонцов к Святополку сказать, что чешский князь желает креститься и просит священников. Святополк промолвил чешским гонцам: «Спросите епископа Мефодия; пусть он выберет двух или трех священников и отошлет с вами к вашему князю». Святой Мефодий сам пошел в Чехию и окрестил Боривоя, жену его Людмилу и двух их сыновей. Оставался святой Мефодий в Чехии около года и освятил две первые чешские церкви: одну — в городе Литомышле, а другую — в Левом Градце. Затем оставил Мефодий в Чехии несколько славянских священников и возвратился в Моравию. Святый Мефодий посылал священников в Польшу, где они окрестили короля и многих поляков.

[2] Это было время после Велеградской битвы, когда Святополк разбил немцев и объединил почти всех славян.

Один богатый человек женился на своей снохе. Святой Мефодий много учил и наставлял его, однако не мог убедить их развестись. Другие же, из-за богатства, льстили им. Тогда Мефодий сказал этому богачу: «Придет время, когда льстецы не будут в состоянии оказать вам помощи и вы вспомните мои слова, но уже будет поздно».

Внезапно, по Божию усмотрению, на этих богачей напала такая болезнь, что они не могли найти для себя покойного места. В таком состоянии они и скончались.

Старый враг и завистник рода человеческого снова воздвиг на Мефодия, как некогда Дафана и Авирона на Моисея (см.: Чис. 16), явных и тайных врагов. В это время появились еретики, которые учили, что Дух Святой исходит и от Сына. Эти еретики совращали правоверных с истинного пути, а о святом Мефодии, обличавшем их нечестивое учение, говорили: «Нам папа дал власть и велел изгнать вон Мефодия и его учение».

Собрались все моравляне и велели пред всем народом прочесть то послание, которым будто бы Мефодий изгонялся вон. Народ много печалился, лишаясь такого пастыря и учителя, исключая тех, которыми управляет лесть, как ветер — листьями. В этом же послании папы было написано: «Брат наш, Мефодий, правоверен и совершает апостольское служение. Ему от апостольского престола подчинены все славянские страны, и кого он проклянет, тот проклят, а кого освятит, тот будет свят»[1].

[1] К этому времени обстоятельства совершенно изменились. Немецкие священники, из которых были многие заражены указанною ересью, стали снова являться в Моравию и склонять на свою сторону Святополка. Святополк, хотя и был крещен, но жил не по-христиански: пил много вина, имел многих жен и во гневе не мог себя сдерживать. Мефодий всячески старался убедить князя оставить его пороки, обличал его наедине и при всех, но ничего не помогало. Когда же немецкие священники стали бывать у Святополка, они начали говорить ему про Мефодия: «К чему ты, князь, этого старика слушаешь; ты видишь, он не похож на других людей, все всем раздает и живет как нищий. Ты, князь, владыка над своей землей». Многими подобными льстивыми словами немецкие священники совершенно поссорили Святополка со святым Мефодием. Тогда они стали жаловаться на Мефодия папе Иоанну, обвиняя его в ереси, а главным образом, — стараясь искоренить славянское богослужение. Папа Иоанн, желая в это время получить помощь против сарацин от немецкого короля, принял сторону немецких священников и прислал в Моравию такое послание, которым запрещалась славянская служба и только было позволено говорить на славян-

После этого все враги Мефодия разошлись со стыдом. Злоба же врагов святого Мефодия этим не окончилась. Желая досадить святому, они говорили, что греческий царь на него гневается, и если бы Мефодий был под его властью, то ему не быть бы живым. Бог же милостивый, не желая, чтобы этим хулили его раба, вложил в сердце царя, — ибо сердце царя всегда в муках Божиих, — послать такое послание к святому Мефодию: «Отче честный, весьма желаю тебя видеть. Сделай доброе дело и потрудись прийти к нам, чтобы видеть тебя, пока ты жив, и принять от тебя благословение»[1].

Святой Мефодий отправился в Константинополь и был принят здесь царем и патриархом с великою честью и радостью. Царь похвалил его учение и, удержав двух учеников святого Мефодия, иерея и диакона, у себя со славянскими книгами, самого Мефодия отправил обратно в Моравию с большими дарами.

Много пришлось перенести неприятностей святому Мефодию: в пустынях — от разбойников, в морях — от сильных волн, в реках — от внезапных омутов, так что на нем исполнилось апостольское слово: *В опасностях на реках, в опасностях от разбойников...*

ском языке проповеди. Мефодий, прочитав это послание, сказал: «Что же будет теперь? Будут люди приходить в церковь и стоять, ничего не понимая. И позабудут учение Христово и воскреснут в Моравии языческие обычаи. Нет, я не стану служить по-латыни, это будет людям во вред». Немецкие священники донесли об этом папе, и папа потребовал Мефодия в Рим. Святой Мефодий прибыл в Рим, и папа учредил над ним суд. В это время папа получил помощь в войне с сарацинами от греческого царя Василия Македонянина, а потому и принял сторону Мефодия. На этом суде святой Мефодий был оправдан, восстановлен архиепископом в славянских землях и получил позволение совершать богослужение на славянском языке. Но, не желая оскорблять Святополка, папа написал ему такое послание: «Если тебе, князь, славянская обедня не по сердцу, ты можешь слушать у себя во дворце латинскую обедню, от немецких священников». Вместе с Мефодием, как его помощник, отправился в Моравию священник Викинг, ставленник немецкого короля и лютый враг славян. Этот Викинг и стал главным врагом святого Мефодия. Немецкие священники начали говорить Святополку, что Мефодий привез не настоящую грамоту, а есть другая, по которой нужно изгнать Мефодия и поставить архиепископом Викинга. Тогда святой Мефодий написал папе Иоанну такое письмо: «Кого ты, отче, поставил архиепископом: меня или Викинга?» На это письмо папа и прислал указанное послание.

[1] В это время был императором Василий Македонянин.

в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями; в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде (2 Кор. 11, 26, 27). Затем, оставив все заботы и всю печаль возложив на Бога, святой Мефодий стал вместе с двумя своими учениками-священниками переводить те книги, которые не успел перевести вместе со своим братом, блаженным Константином. Вместе с ними он успел перевести весь Ветхий Завет, кроме книг Маккавейских, а также перевел Номоканон (правила святых отцов) и отеческие книги (Патерик). Начал святой Мефодий свой перевод в марте месяце, а окончил 26 октября. Окончив перевод, святой Мефодий воздал достойную хвалу и славу Богу и святому Димитрию Солунскому, в день памяти которого он закончил перевод и к которому, как уроженец Солуни, особенно благоговел.

Около этого времени венгерский король, бывший в Дунайских странах, пожелал видеть святого Мефодия. Многие убеждали Мефодия, из опасения мучений, не ходить к этому королю, но святой Мефодий пошел. Венгерский князь, как и подобает королю, встретил Мефодия с честью, беседовал с ним и отпустил его с большими дарами. Прощаясь, король сказал святому: «Вспоминай меня, честный отче, всегда во святых твоих молитвах».

Так заботился святой Мефодий о своем стаде, отыскивая верных последователей Христу во всех странах и заграждая многоречивые уста. Он вместе с апостолом мог сказать: *Течение совершил, веру сохранил, а теперь готовится мне венец правды* (2 Тим. 4, 7 и 8).

Когда же приблизилось время принять святому Мефодию покой от страданий и награду за многие труды, стали спрашивать его:

— Кого, честный отец и учитель, ты укажешь из своих учеников твоим преемником?

Показывая на одного из своих учеников, Горазда, святитель сказал:

— Вот муж вашей земли, правоверный и хорошо знающий латинские книги. Если на то будет воля Божия и ваша любовь, я желаю, чтобы он был моим преемником.

В Цветную неделю святой Мефодий пришел в церковь и не мог служить от слабости, а только помолился за царя греческого, князей славянских, клириков и весь народ и сказал:

— Посмотрите за мной, дети, до третьего дня.

И действительно, на рассвете третьего дня святой Мефодий со словами: «В руце Твои, Господи, предаю дух мой», почил о Господе на иерейских руках. Это было 6 апреля 885 года.

Отпевание совершали по-латыни, гречески и славянски, и положили его в соборной церкви в Велеграде. За погребением собралось бесчисленное множество народа. Тут были и мужчины и женщины, и большие и малые, и богатые и бедные, свободные и рабы, вдовы и сироты, странники и туземцы, больные и здоровые. Все провожали со слезами такого доброго учителя и пастыря, бывшего *для всех всем,* чтобы приобрести всех (ср.: 1 Кор. 9, 19–22).

Ты святая и честная главо! Свыше в своих молитвах вспоминай и нас, тебя призывающих, и избавляй от всех напастей своих учеников, распространяющих Христово учение и обличающих ереси, чтобы, выполнив с достоинством свое звание в этой жизни, стать с тобою твоему стаду одесную сторону Христа Бога нашего, получив от него жизнь вечную. Ибо Тому подобает слава и честь во веки веков. Аминь.

День двенадцатый

ЖИТИЕ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО **ГЕРМАНА**, архиепископа Константинопольского

Святой Герман родился в городе Константинополе. Отец его Иустин, почтенный саном патриция, был одним из первейших сенаторов, превосходивший прочих славою и честью; его по зависти лишил жизни Константин Погонат[1], когда вступил на греческий престол. По убийстве этого знатного сенатора, Константин повелел оскопить сына его, тогда еще отрока, блаженного Германа, и отдать в клир церковный. Это он сделал для того, чтобы Герман, возмужав и достигнув в миру известного чина и сенаторского звания, не мог чем-либо отомстить дому Погоната за убийство своего отца. Зачисленный таким образом в духовное звание, блаженный Герман жил как Ангел Божий: далекий от пристрастия к миру и мирской суеты, он весь ум свой обращал к Богу, имея всегда на устах хвалу Господу, прилежно занимаясь и днем и ночью изучением Божественных книг. Отсюда он познал глубину премудрости и почерпнул жизненную воду богодухновенных учений, которыми и напоял Церковь Христову в сане пастыря и учителя. Когда святой Герман достиг совершенных лет, то как муж своею добродетельною жизнью сияющий подобно светильнику, был сначала рукоположен в епископа Кизиче-

---

[1] *Константин Погонат* правил с 668 по 685 год.

ского города[1]. Здесь он боролся с монофелитской ересью[2] вместе со святейшим патриархом Киром[3], с которым и подвергся изгнанию от

[1] *Кизик* — город малоазийской области Фригии.

[2] *Монофелитство*, или единовольническая ересь, возникло в начале VII века под влиянием стремления византийских правителей примирить с христианством широко распространившуюся *монофизитскую* ересь, учившую об *одной* Божественной природе в Господе Иисусе Христе, так как раздоры между православными и монофизитами были не только церковным, но и государственным бедствием. Монофизитские епископы, главным образом Кир, епископ Фазиса в Колхиде, подал императору Ираклию (611–641 гг.) мысль, что соединение между ними и православными может состояться, если Православная Церковь признает во Христе Иисусе единую волю, единое действие. В 633 году стараниями императора и Кира, назначенного патриархом Александрийским, удалось устроить единение между египетскими монофелитами и православными; к этому единению примкнули почти все восточные и греческие епископы с константинопольским патриархом Сергием во главе. Против подобного незаконного соглашения открыто выступил любимый ученик Александрийского патриарха Иоанна Милостивого, монах Софроний, доказывая, что учение о единоволии есть тоже монофизитство или признание во Христе Иисусе единой только (Божественной) природы, ибо если едина природа, то, естественно, едина и воля. Сделавшись в 634 году патриархом Иерусалимским, он еще с большею ревностью защищал Православие: он созвал в Иерусалиме собор, на котором осудил монофелитство. Желая положить конец распрям, император Ираклий в 638 году издал, составленное патриархом Сергием, «изложение веры» (эктесис), где содержалось православное учение о двух естествах во Христе Иисусе и запрещалось говорить о Его волях, хотя в то же время добавлялось, что Православная вера требует признания одной воли. После издания «изложения веры» горячим защитником православия выступил Константинопольский монах Максим Исповедник (память его 21 января), который с успехом действовал против монофелитов в Северной Африке и Риме. Преемник Ираклия Констанс II, желая уничтожить еще более возбудивший раздор эктесис, в 648 году издал «типос» — образец веры, где запрещалось говорить как об одной, так и о двух волях, заставляя верить согласно бывшим пяти Вселенским соборам. Но «типос» не положил конца спорам. Наконец император Константин Погонат созвал в Константинополе VI (Трулльский) Вселенский собор, на котором монофелитство было осуждено как ересь и определено, что во Христе Иисусе до́лжно исповедовать два действия, две воли, причем человеческая подчиняется во всем воле Божеской, не уничтожаясь через это. — Остатки монофелитов сохранились до настоящего времени в виде маронитов. Сначала они нашли убежище (с 680 г.) на ливанских горах; во время крестовых походов (1182 г.) учение монофелитов проникло на Запад, в Европу, но благодаря деятельности пап не нашло многих последователей, хотя существовало до 1736 года, когда еврейские монофелиты присоединились к Католической Церкви. На Востоке, в Сирии, оно существует до сих пор.

[3] *Святой Кир* занимал патриарший престол в Константинополе с 705 по 711 год; умер в 714 году в изгнании.

неверного царя Филиппа[1]. По смерти же гонителя, вскоре бесславно погибшего, и по кончине патриарха Кира, умершего в изгнании, по низложении псевдопатриарха, еретика Иоанна, в царствование Артемия, нареченного Анастасием Вторым, к радости народа, был возведен на Цареградский престол святой Герман. Он был муж достойный, к тому же исполненный Божией благодати, которая открывалась в том, что он провидел будущее и пророчески предсказывал о нем. Так, когда он торжественно входил в храм святой Софии в первый раз своего служения, к нему, окруженному народом, желавшим видеть новоизбранного патриарха, приблизилась одна беременная женщина, именем Анна, и сказала:

— Благослови, отче, зачатое в моем чреве.

Патриарх взглянул на нее и, внутренними очами провидя будущее, сказал:

— Да благословит тебя Господь молитвами святого первомученика.

Этими словами он предсказал, что родится дитя мужеского пола, соименный святому первомученику Стефану. При этом свое пророчество он подтвердил чудом. Когда Герман говорил, из уст его вместе со словами исходил огненный пламень, который видела женщина, о чем впоследствии уверяла всех с клятвою, что побудило ее твердо уверовать в пророчество святого. И действительно, Анна родила дитя мужеского пола, которое и назвала Стефаном по пророчеству святейшего патриарха Германа. Этот Стефан, возмужав, облекся в иноческий образ и благочестно подвизался на Авксентиевой горе, а впоследствии явился исповедником за имя Христово, мученически пострадав за святые иконы от злочестивого царя Константина Копронима[2]. О Копрониме, сыне Греческого императора Льва Исаврянина[3], было также пророчество святого Германа, что он будет лютым гонителем и мучителем правоверных. Во время своего крещения, которое совершал святейший патриарх Герман, Константин осквернил святую купель естественным гноем. Тогда святой Герман сказал о крещаемом:

— Это дитя, когда возмужает, принесет большое зло христианам и всей Церкви: церковную святыню осквернит еретичеством и про-

[1] *Филипп Бардин*, византийский император (с 711 по 715 год).

[2] *Константин Копронин* правил с 741 по 775 год.

[3] *Лев Исавр* правил с 716 по 741 год.

льет много крови благоверных рабов Христовых.

Константин впоследствии был прозван Копронимом, что значит «навозный»[1]. Пророчество святого Германа сбылось в точности: Копроним многих замучил за поклонение честным иконам, между которыми был и вышеупомянутый Стефан.

Иконоборческая ересь началась в царствование Льва Исаврянина, отца Копронима. Лев Исаврянин, погрязший в этой ереси, старался ее как можно более укрепить и распространить в своем народе. Он разослал во все провинции своего государства злочестивое повеление, чтобы повсюду выбрасывали из храмов святые иконы, попирали их ногами и сожигали, ибо он почитал святые иконы за идолов, а поклоняющихся им — за идолопоклонников.

Святой патриарх Герман мужественно противился царю-еретику. Он неоднократно посылал к царю из клира благоразумных и честных мужей, а также и сам приходил и уговаривал его, чтобы он оставил свой злой умысел; но увещания святого Германа не имели никакого успеха.

Однажды патриарх сказал царю:

— Я слышал пророчество одного святого мужа, что некогда настанет гонение на святые иконы от зловерных, но да не будет оно во время твоего царствования.

— В какое же время и в чье царствование оно наступит? — спросил внимательно император.

— Царь, по имени Конон, — сказал святой Герман, — воздвигнет гонение на святые иконы.

— Мое имя и есть Конон, — отвечал Лев Исаврянин. — Оно дано мне при крещении, Львом же я прозван уже впоследствии. По-

---

[1] *Копроним* от греческого «копрос» — навоз, кал.

этому пророчество вполне должно исполниться во дни моего царствования.

— Нет, государь, — возразил царю святой Герман, — да не будет этого, да не совершится таковое зло в твое царствование, ибо желающий произвести эту злобу есть антихрист, враг Божественного воплощения. Вспомни при этом, царь, и то, что ты пред вступлением на царский престол дал клятву соблюдать непорочно святую веру, ничего не уничтожая из преданий святых апостолов и богодухновенных отцов и не привнося ничего нового, противного христианской вере.

Царь, слыша таковые слова святейшего патриарха, то чувствовал стыд, то приходил в ярость, стараясь найти такое обвинение против патриарха, чтобы удалить его с престола не как исповедника истины, а как крамольника. Сообщника своему злому намерению он нашел в лице одного пресвитера Анастасия, ученика Германа. Этому Анастасию, по нраву подобному Иуде, царь обещал патриарший престол по изгнании Германа, а он в свою очередь за это обещал помогать царю в утверждении ереси и уничтожении святых икон. Поэтому Анастасий сделался ярым врагом святого Германа, пытаясь, даже прежде изгнания святого Германа, захватить патриарший престол. Святой Герман, провидя духом его злое намерение и его будущую участь, предсказал Анастасию о его судьбе при следующих обстоятельствах.

Однажды патриарх Герман входил в царскую палату. Анастасий, с гордостью следовавший за ним, наступил сзади на край его одежды. «Не спеши, — сказал тогда Герман Анастасию, — придет время, когда тебя, окруженного толпою народа, с криками поведут в диппин»[1].

Однако в то время ни Анастасий, ни другие слышавшие не обратили внимания на эти слова святого Германа и вспомнили уже впоследствии, когда сказанное сбылось, о чем будет речь ниже.

Святой Герман, как доброй воин Христов, безбоязненно и мужественно боролся с еретиками мечом слова Божия. Он послал одного из лучших церковнослужителей к царю с такими словами:

---

[1] *Диппином* в Царьграде называлось народное место, где обыкновенно устраивались различные зрелища.

— Не подобает тебе, царь, бесчинно возвышаться пред Богом, Создателем твоим, давшим тебе жизнь и царствование, и не имеешь ты права, как говорится, подвигать неподвижное; не прилично тебе преступать пределы, установленные в древнее время святыми отцами. Ведь человеческим образом, воспринятым Богом Словом от Пречистой и Пресвятой Девы, было истреблено служение бесам и уничтожено идолопоклонство. Изображение красками на доске подобие человеческого образа Христова и неизреченно Родившие Его, а также изображение святых угодников Божиих предано нам почитать уже семьсот двадцать пять лет тому назад, когда Господь наш во образе человека явился на землю. По вознесении Господа жена, исцелившаяся от кровотечения чрез прикосновение к краю одежды (см.: Мк. 5, 25–34) Его в благодарность за это сделала изображение Спасителя. Но и прежде этого Сам Господь изобразил Божественный Лик Свой на убрусе (платке) и отослал его в Едес к Авгарю. Святой евангелист Лука написал образ Пречистой Девы Богородицы. Поэтому Божественные соборы, бывшие в различные времена и в различных местах, повелели не истреблять, но почитать святые иконы. Итак, знай царь, если ты поможешь утвердить этот иконоборческий догмат, я первый пойду против него. Я готов пролить кровь за образ Христа моего, Который пролил Свою кровь, чтобы обновить падший образ моей души. Ясно, что бесчестие, наносимое образу Христову, относится и к Первообразу, то есть к Самому Христу, равно как и честь, возносимая пред образом. Поэтому нам, верным рабам Христовым, подобает и умереть за почитание Господа нашего.

В другое время сам святой Герман так говорил царю:

— Если я Иона, бросьте меня в море, ибо я без Вселенского собора не имею права ничего нового узаконять касательно вероучения.

Когда же святой патриарх увидел, что он ничего не может сделать, чтобы отвратить царя от ереси, тогда положил свой омофор в Божественном алтаре, на святом престоле, и оставил свой сан. Царь, сильно разгневавшись на святого Германа за его дерзновенные слова, послал, точно на брань, вооруженных воинов, которые подвергли святого побоям, и с бесчестием изгнали его из патриаршего дома. Святой Герман удалился тогда в монастырь, где провел

между иноками остальные дни своей жизни в безмолвии, и с миром почил о Господе. Он был патриархом четырнадцать лет и пять месяцев[1].

По изгнании святейшего патриарха Германа, на его место царь возвел упомянутого выше епископа Анастасия[2], которой заодно с царем выбрасывал из церквей святые иконы и утверждал иконоборческую ересь. Пророчество святого Германа относительно его исполнилось следующим образом.

Когда умер злочестивый Лев Исаврянин, на царство его вступил сын его Константин Копроним, которого свергнул с престола Артавасд, зять Льва. В этом помогал Артавасду патриарх Анастасий, он же и венчал Артавасда и сына его Никифора на царство. По прошествии трех лет Копроним собрал большое войско и взял Константинополь. Зятя своего Артавасда и его сыновей, своих племянников, Константин ослепил, а приверженцев Артавасда многих вельмож погубил. Патриарха же Анастасия Константин велел обнажить и бить пред всем народом на месте, называемом «диппин», а затем, посадив на осла лицом назад, водить с надруганием по городу. Так исполнилось пророчество святого Германа, предсказавшего Анастасию, что его при большом стечении народа поведут на диппин. Нечестивый царь Копроним хотел даже низложить Анастасия с патриаршего престола, но, не найдя другого, более рев-

---

[1] Святой Герман умер в 740 году, девяноста пяти лет, погребен в монастыре Хоре, на северной стороне Царьграда. Святой Герман известен как церковный писатель: «писания его славятся по всей вселенной», свидетельствует о нем VII Вселенский собор, внесший его в диптихи святых. Сочинение святого Германа разнообразны по своему составу. После него остались: объяснение наиболее трудных мест святого Писания, сочинение о праведном воздаянии за гробом; на VII Вселенском соборе читались его три послания о почитании икон, осталось от него и «довольно много, — как говорит древний жизнеописатель святого Германа, — назидательных слов для благочестивых», — слова на Введение во храм Богоматери, на Ее Успение, на Благовещение, на Обновление храма и Положение пояса Пресвятой Богородицы. Важно по богатству исторических сведений сочинение о ересях со времени апостолов и о церковных соборах по царствовании Льва Иконоборца. Много оставил святой Герман произведений, относящихся к богослужению; из них особенно важно изъяснение на литургию; другие сочинения этого рода представляют собою гимны, составленные патриархом на похвалу святым и прославление чудесных дел благодати.

[2] *Анастасий* занимал патриарший престол с 730 по 753 год.

ностного в поругании святых икон, кроме Анастасия, оставил последнего на патриаршем престоле, где он пребывал, как мерзость запустения на святом месте (см.: Мф. 24, 15), двадцать четыре года. В конце жизни его постигла болезнь, именуемая «кордаспос», так что богомерзкие уста, хулившие святые иконы и своего учителя, были для него скверным проходом, чрез который исходил естественный гной. От этой болезни Анастасий скончался.

Итак, Анастасий скончался ужасною смертью, а святой Герман вместе с святыми иерархами наследовал блаженную жизнь в Царствии Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО САВИ́НА, епископа Кипрского

Этот преподобный происходил из страны Финикийской[1] и родился в городе Ликии, где был крещен и принял монашество святой Епифаний[2]. Когда Бог прославил Епифания, то жители Ликии послали за ним пользовавшегося у них известностью мужа, чтобы поставить его епископом своего города. В то время вместе с этим мужем пришел к Епифанию и Савин и, отрекшись от мира, остался с Епифанием и принял иночество. После этого он ушел с Епифанием в пустыню и пробыл там вместе с ним пять лет. Он написал житие преподобного, где описал его всенощные молитвенные бдения, усердные земные поклоны и чудеса, которые совершил чрез него Господь. Когда святой Епифаний был епископом на острове Кипре[3], то пожелал рукоположить Савина в сан пресвитера, но он

[1] *Финикия* расположена была вдоль берегов Средиземного моря между Палестиной и древним Сирийским государством. Начало христианства в Финикии относят ко времени апостолов.

[2] Память святого Епифания празднуется в этот же день.

[3] Остров *Кипр* находится в Средиземном море близ берегов древней Финикии. Христианство было насаждено на нем святым апостолом Павлом в первое его благовестническое путешествие.

не соглашался на это. Тогда преподобный ввел его в церковь и сказал ему:

— Стань здесь и стой неподвижно.

Он стал, причем ноги его были как бы пригвожденными к земле, и святой Епифаний рукоположил его во пресвитера. После смерти Епифания Савин стал преемником его, заняв епископскую кафедру в том же городе Констанции[1], где был епископом и Епифаний. Совершив множество достойных памяти чудес, защитив церковь свою от еретиков и благочестиво проведя жизнь, святой Савин отошел ко Господу[2].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ПОЛУВИЯ,
епископа Ринокирского

Преподобный отец наш Полувий был учеником святого Епифания. Он сопровождал своего учителя тогда, когда он плыл на корабле, возвращаясь из города Константинополя. В то время святой Епифаний сказал ему:

— Чадо Полувий! Вот я отхожу уже из этой жизни; исполни же мою заповедь, иди в Египет, ибо и после смерти моей я буду заботиться о тебе.

И когда святой Епифаний скончался, то Полувий, не дождавшись его погребения, так как тело его не было погребено десять дней, отправился по его завещанию в Египет, и там встретил его начальник города Ринокира[3] и спросил его:

— Откуда ты идешь?

— Из Кипра, — отвечал Полувий, — ибо я был учеником Епифания, архиепископа Кипрского, который отошел уже ко Господу.

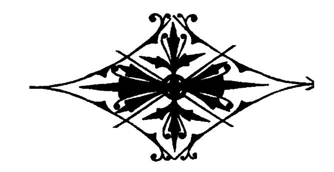
---

[1] Город *Саламин*, где был епископом святой Епифаний, иначе назывался *Констанцией Кипрской*. Он расположен у самого моря на восточном берегу острова.

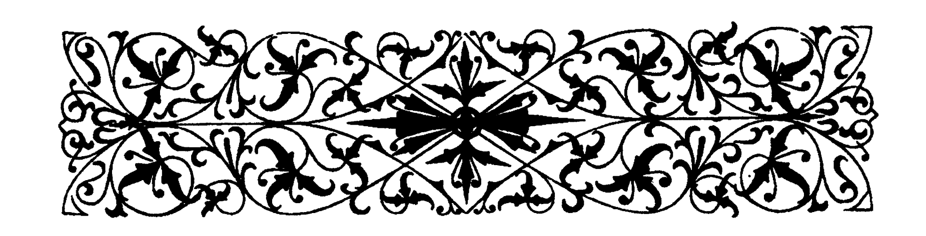
[2] Святой Савин скончался около половины V века.

[3] Город *Ринокир* находился в горной части Фиваидской пустыни в Верхнем (Южном) Египте.

Градоправитель Ринокира сильно был опечален смертью преподобного и, пригласив святого Полувия к себе, поставил его епископом в своем городе. За свою добродетельную и непорочную жизнь святой Полувий удостоился дара чудотворений. Так, молитвою он низвел дождь с неба и умножил тем плоды на нивах. Достигнув глубокой старости, он отошел ко Господу[1].



[1] Святой Полувий скончался в V веке.



ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ЕПИФАНИЯ,
архиепископа Кипрского

Родиной святого Епифания, еврея по происхождению, была Финикия[1]: на берегу реки Елевферы, текущей с Ливанских гор в Финикийское море[2], в трех поприщах[3] от города Никеи, находилось селение Висандук; здесь и жили, занимаясь земледелием, родители святого Епифания; кроме сына у них была еще, меньшая его по возрасту, дочь Каллитропия. Когда мальчику было десять лет, отец его умер, оставив жене тяжелую заботу о воспитании детей: у осиротевшей семьи только что хватало на прокормление, а дети, между тем, были еще малы. Мать вынуждена была кормить их трудами своих рук. Так прошло несколько лет. Случилось, что у вдовицы оказался осел очень упрямый и буйный. И вот однажды мать сказала Епифанию:

— Сын мой, возьми осла, отведи его в город на рынок, продай там и купи нам пищи.

— Ты знаешь, — отвечал Епифаний матери, — что осел буйный, и когда на торгу покупатели заметят это, то станут меня бить.

— Иди, сын мой, Бог же отцов наших да укротит осла, — сказала ему мать.

Тогда отрок, повинуясь приказанию матери, повел осла для продажи в город. Здесь первым его покупателем явился тоже еврей. Узнав в продавце своего единоплеменника, он сказал ему:

---

[1] *Финикия* — страна по берегу Средиземного моря к северо-западу от Палестины; жители ее славились как мореплаватели и торговцы.

[2] То есть Средиземное.

[3] *Поприще* равнялось приблизительно шестистам девяноста саженям.

— Сын мой, мы с тобой веруем в одного любящего правду Бога, и нам не следует обижать друг друга, чтобы не прогневать Бога нашего и потом не сетовать друг на друга. Итак, оценим осла справедливо.

Епифаний на это отвечал:

— Не желал бы продать тебе этого осла, так как он еще необучен, а кроме того, упрям и буен; только из-за голода и не имея на что купить пищи, моя мать решила его продать. Но вот я слышу от тебя, что грешно причинять зло ближнему ради приобретения, и боюсь, как бы не покарал меня Бог.

Изумленный рассудительностью и добронравием отрока, еврей дал ему три пенязя[1] со словами:

— Сын мой, возьми это, купи матери хлеба и возвратись с ослом в свой дом, и если осел укротится, то держите его при себе; в противном же случае выгоните его, чтобы он не убил кого-нибудь.

Епифаний направился домой и на пути около своего селения встретил христианина Клеовия, пожелавшего купить осла. Но честный отрок отказывался его продать. Во время их беседы осел заупрямился и начал с фырчаньем брыкаться, а затем, сбросив с себя Епифания, побежал с дороги. Упавший отрок так разбился, что не мог встать, и лежал, горько плача: у него сильно болело ушибленное бедро. Клеовий, подойдя к нему, ощупал бедро и перекрестил его трижды. Тотчас же Епифаний выздоровел и встал. Затем, Клеовий обратился к ослу и сказал:

— Именем Господа нашего, распятого Иисуса Христа, повелеваю тебе остановиться, и за то, что ты хотел убить своего господина, сам не сойдешь с этого места.

Тотчас осел упал и издох. Удивленный происшедшим, отрок спросил Клеовия:

— Кто такой, отче, распятый Иисус Христос, что Его именем совершаются такие чудеса?

— Сын Божий, Которого распяли иудеи, — отвечал Клеовий. Епифаний побоялся открыть ему свое еврейское происхождение и отправился домой с думою о Христе распятом и с желанием веровать в Него. Придя к своей матери, он рассказал ей о всем случив-

---

[1] *Пенязь* — одна шестая часть драхмы, равнявшейся двум с половиной копейкам.

шемся. Между тем последняя, не имея чем питаться с детьми, продала свою ниву, а Епифанию велела идти в город учиться какому-либо ремеслу, чтобы впоследствии он мог кормить и себя и ее с сестрою. При самом отправлении Епифания в город, пришел из города в Висандуку богатый еврейский законоучитель Трифон, хорошо знавший его родителей и владевший некоторыми имениями в их селе. Узнав, что Епифаниева матерь овдовела, и видя ее в нищете, он сказал ей:

— Дай мне твоего сына, — я усыновлю его; и если ты согласна, то пусть отселе он почитается моим сыном, а ты и дочь твоя питайтесь от моего дома.

Вдова с величайшей радостью отдала своего сына на воспитание неожиданному благодетелю. И жил Епифаний как сын в Трифоновом доме, будучи обучаем еврейским книгам. Быстрая восприимчивость и редкостная сообразительность добронравного воспитанника сделали его любимцем воспитателя. Трифон хотел даже выдать за него замуж свою единственную дочь. Но по Божией воле она умерла. Вскоре умерли и ее родители, а также и мать Епифания. Оставшись единственным наследником всего Трифонова имения, Епифаний взял к себе на воспитание сестру Каллитропию, внушая ей добрые заветы своего названного отца и учителя.

Однажды Епифаний отправился в родное село посмотреть оставшееся ему после Трифона имение. По Божиему промышлению ему встретился на пути монах Лукиан, писавший книги и продававший их для пропитания себя и нищих. Как раз во время встречи Епифания с иноком за ноги Лукиана ухватился нищий со словами:

— Смилуйся надо мной, человек Божий: вот уже три дня я не ел хлеба, и теперь не знаю чем подкрепиться.

Блаженный Лукиан, не имея в руках ничего, снял с себя одежду и отдал ее нищему, говоря:

— Пойди в город, продай эту одежду и купи себе хлеба.

Видевший это Епифаний удивлялся такому милосердию встречного монаха и, придя как бы в восторженное состояние, заметил сияющую белую одежду, сходящую на инока и покрывающую его. В ужасе он быстро слез с коня и, упав на колена пред иноком, сказал, кланяясь ему:

— Молю тебя, скажи мне, кто ты?

— Ты сперва поведай мне, какой ты веры, и потом я расскажу тебе о себе, — отвечал Лукиан.

Епифаний сказал:

— Я — еврей.

Тогда его собеседник — прозорливый старец, заметив на встречном еврее действие спасительной благодати Божией, обратился к нему с следующими словами:

— Как ты, будучи евреем, спрашиваешь меня — христианина: кто я? Ибо очень мало общего между евреями и христианами. Вот ты узнал, что я — христианин, и тебе не следует более продолжать речь со мною.

— А что, отче, препятствует мне быть христианином? — спросил Епифаний и получил от Христова последователя такой ответ:

— То одно препятствует, что не хочешь, так как всякое доброе дело предваряет изволение. Если бы ты действительно желал, то был бы христианином.

Умилили эти слова Епифания: оставив первоначальное намерение посетить свою землю в родном селе, он вернулся в городской дом, предварительно умолив пойти с ним и своего собеседника. Приведя его к себе, он показал ему все свое достояние.

— Вот мое имущество, отче, — говорил хозяин гостю, — хочу быть христианином и принять иночество, но имею юную сестру, что ты о ней мне скажешь?

— Чадо, — отвечал христианин, — ты можешь быть действительно христианином, имея и земное богатство, и сестру. И то и другое не противоречат святой христианской вере. Иночество же ты не можешь принять. Прежде всего прими вместе с сестрой святое крещение. Потом выдай замуж ее с достаточным приданым за христианина. Затем, раздай оставшееся у тебя нищим. И тогда можешь быть истинным иноком.

— Все это, отче, — говорил Епифаний — по заповеди твоей исполню на самом деле; только не медли с причислением нас к обществу христиан.

— Об этом следует, — сказал Лукиан, — известить епископа: без него нельзя совершить таинство крещения. Итак, я пойду к нему. Ты же пребудь в неизменном намерении и усердии ко Христу Богу нашему. А возвращусь к тебе я скоро.

Лукиан пошел к местному епископу. Епифаний же, придя в комнату к сестре, сказал ей:

— Хочу быть христианином и облечься в иноческий чин.

— Чего ты хочешь, — ответила брату сестра, — того и я, и что ты сделаешь, то и я сделаю.

Услыхав о желании Епифания креститься, епископ сильно обрадовался и сказал доброму вестнику:

— Иди научи юношу и сестру его святой вере и наставь в законе Христовом. Когда же придет воскресный день и мы войдем в церковь, тогда приведи их к милосердному человеколюбцу Богу, чтобы нам присоединить их к Нему святым крещением.

При возвращении Лукиана к Епифанию, последний и сестра его поклонились до земли старцу, прося его со слезами:

— Молим тебя, отче, сделай нас скорее христианами.

Лукиан, подняв их, начал учить христианскому благочестию: обучение, сопровождаемое молитвою, продолжалось до воскресного дня почти непрерывно и днем и ночью. В воскресенье же Лукиан привел Епифания и Каллитропию к епископу. Пав пред епископом ниц, как пред Самим Христом, они просили у него святого просвещения. Подняв их и приветливо побеседовав с ними, он огласил их. Затем епископ пошел в церковь, имея позади себя Лукиана, за которым следовали новооглашенные. При вступлении Епифания на первую ступень церковного входа спал с его левой ноги сандалий[1]. Когда же он босой ногой ступил на порог, то сандалий спал и с его правой ноги. Епифаний не воротился за сандалиями, но вошел босым в церковь: со столь великим усердием шел он к Богу. Взглянув в церкви на Епифания, епископ увидал на главе его венец, а лицо его прославленным. И ввели епископ и Лукиан Епифания с сестрой в купель и крестили их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Восприемником Епифания был Лукиан, а восприемницей Каллитропии святая дева Вероника. На Божественной литургии новокрещеные причастились Христовых Тайн. Затем они по повелению епископа обедали с ним, и пребыли при епископии восемь дней. Потом Епифаний привел сестру, Лукиана и Веронику в свой дом: здесь, взяв тысячу златиц, он вручил их и свою сестру Веро-

[1] *Сандалии* — вид обуви. Они состояли из кожаной или тростниковой подошвы, прикрепленной к ноге ремнем.

нике, как начальнице Христовых дев-инокинь, и отпустил обеих женщин. Наконец, раздав после продажи всего имения деньги нуждающимся и оставив себе только четыреста златиц для покупки Божественных книг, новокрещеный вышел из города с Лукианом в устроенный старцем монастырь. В нем подвизались десять монахов, усердно занимавшихся писанием книг и этим содержавших себя.

Двадцатишестилетний Епифаний принял иночество и был отдан под руководство первому по Лукиане иноку Илариону, хотя юному летами, но совершенному в добродетелях и украшенному великими дарами чудотворения. Присматриваясь к своему наставнику, новоинок начал подражать его постническим трудам. Он не только учился, по поручению Лукиана, у Илариона читать и писать греческие книги, но обучался у него и подвижнически-богоугодной жизни в иночестве. При содействии Христовой благодати Епифаний преуспевал от силы в силу. Его руководитель по смерти преподобного Лукиана сделался игуменом и стал вести еще более строгую жизнь. Казалось, что это не человек, а один из Ангелов, всегда служащих Богу. На трапезе Илариона было немного хлеба с умеренным количеством соли и воды. Да и это вкушал он или чрез день, или чрез два, или чрез три, а иногда не ел и всю неделю. Епифаний, видя такое постничество, стремился подражать ему, и потом во всю свою жизнь держался постнического устава, принятого от великого постника Илариона.

Господь наградил Своего угодника даром чудотворения. Начало его чудес было такое. Монастырь окружала безводная местность, и братия ходили за водой за пять поприщ и то ночью, вследствие невыносимого солнечного жара днем. Случилось однажды в чрезмерно знойный день каким-то проходившим мимо странникам зайти в монастырь, чтобы утолить страшную жажду. Но иноки не могли этого сделать, так как в монастыре тогда не нашлось ни одной капли воды. Путники ожидали уже своей смерти. Епифаний, жалея их, простер руку к находившемуся у них сосуду с вином, и, коснувшись его, сказал братии:

— Веруйте, братия, что Претворивший некогда воду в вино, силен претворить ныне вино в воду (см.: Ин. 2, 1–11).

И тотчас по слову Епифания вино претворилось в воду. Обрадованные путники не только напились сами, но напоили и свой скот.

После чего вода снова сделалась вином. Все невольно удивились чуду и с этого времени начали особенно уважать Епифания за святость его жизни. Он же, не вынося почитания братии, вышел тайно из монастыря и укрывался в пустыне Спанидрион, питаясь растущими здесь злаками.

Чрез некоторое времени сорок сарацин[1], ходивших по той пустыни, увидев Епифания в монашеском одеянии, начали насмехаться над ним. Среди разбойников один был кривой, наиболее притом отличавшийся зверством и бесчеловечностью. Выхватив свой меч, он хотел ударить Епифания.

Но лишь только разбойник занес руку для удара, как его глаз прозрел. В удивлении он бросил меч на землю, указывая товарищам на свой исцелевший глаз. Очевидцы такого чуда насильно взяли с собой Епифания, говоря:

— Ты — наш бог, ходи с нами и защищай нас от случающихся с нами бед.

Три месяца ходил святой с ними. Удерживая их от всех злых дел и не допуская им производить на своих глазах что-либо бесчинное, он все это время поучал их познанию истинного Бога, вселяя в них спасительный страх Божий.

— Если вы не оставите своих злых дел, — говорил он им, — то не будете благоденствовать на земле и погибнете от карающего правосудного гнева Господа.

Однако, кроткий монах не мог долго быть руководителем дерзких разбойников. Непрестанные наставления и обуздывания Ангела во плоти через три месяца стали совершенно невыносимыми для демонов в человеческом образе. И если при встрече с чудотворцем — иноком они упрашивали его ходить с ними, то теперь, напротив, умоляли святого удалиться от них на прежнее место. Отведя его туда, они устроили ему хижину. Потом простились с ним за исключением одного, уверовавшего во Христа и сделавшегося достойным учеником преподобного. Полтора года христолюбивый учитель учил раскаявшегося разбойника Божественным книгам и наставлял в постнической жизни. Затем, наставник пошел с своим учеником в мона-

---

[1] *Сарацины* — жители Аравии. Первоначально этим именем называлось кочующее разбойническое племя, а потом христианские писатели перенесли это название и на всех мусульман вообще.

стырь святого Илариона и просил его окрестить новооглашенного. Великий игумен совершил над ним это таинство, назвав его Иоанном. Иоанн не отлучался от своего учителя и описал его жизнь до самой своей смерти, последовавшей прежде кончины преподобного.

На возвратном пути из монастыря в пустынную келлию святому Епифанию и его новокрещеному ученику Иоанну встретился бесноватый юноша, скитавшийся нагим по пустыне. Сжалившись над ним, святой после молитвы к Господу Богу изгнал из него беса. Демон, покинув свою бывшую жертву, вопил:

— О Епифаний, ты меня выгоняешь из моего места, в котором я жил двадцать два года, а я повлеку тебя в Персию, где ты против своего желания предстанешь царю.

С этим бес исчез. Юноша же совершенно выздоровел и, припадая к ногам своего исцелителя, благодарил его. Научив исцеленного воздавать благодарение Богу, святой отпустил его домой. Между тем изгнанный бес, придя в Персию[1], вошел в царскую дочь и начал сильно ее мучить. При этом он кричал:

— Если сюда не придет Епифаний, не покину этой отроковицы. Епифаний, родом финикиянин, приди сюда, и я выйду из царской дочери.

Царь, услыхав о финикийской стране, послал туда своих слуг разыскать Епифания. Они же, расспрашивая о нем во всех городах и селах Финикии, ничего не могли узнать и едва не были убиты туземцами, принявшими их за соглядатаев. После их возвращения ни с чем к царю диавол, бывший в отроковице, продолжал громко кричать:

— Епифаний живет в пустыне, называемой Спанидрион, приведите его сюда.

Тогда царь, призвав тридцать приближенных мужей, сказал им:

— Скинув с себя персидские одежды и надев греческие, идите в Финикию и ищите пустынного места, называемого Спанидрион. Там найдете некоторого человека по имени Епифаний. Взяв его с собой, приведите ко мне.

Переменив одежды, посланные отправились и достигли названной пустыни. Долго искали они здесь Епифания. Наконец, по ука-

---

[1] *Персия* занимает западную часть Иранской возвышенности.

занию одного человека, они пришли ночью к его келлии, когда святой по обычаю совершал с своим учеником ночные молитвы. Они сильно стучались к нему в дверь. Но Христов подвижник, не желая прерывать своего молитвенного правила, стоял на молитве, нисколько не испугавшись стука и как бы не замечая его. Придя в страшный гнев, персы, наконец, решили взломать келейные двери. Один из них поднял оружие для удара им в двери. И вдруг поднятая рука его одеревенела и высохла. Остальные от испуга невольно отошли на некоторое расстояние от келлии и стали дожидаться наступления дня. С рассветом Епифаний, уже совершивший свои ночные и утренние молитвы, открыл двери и вышел. Увидав преподобного, пострадавший пал ниц пред ним и говорил:

— Помилуй меня, раб бессмертного Бога.

— Чего ты просишь от грешного человека? — спросил смиренный угодник Божий.

— Здоровым пришел на это место, — отвечал тот, — и вот высохла моя рука.

— Как пришел ты здоровым, — сказал преподобный, — так и будь здоровым.

С этими словами он прикоснулся к иссохшей руке, и тотчас она стала здоровой, как и другая. Увидев такое чудо, товарищи исцеленного приблизились к святому и, поклонившись, открыли ему цель своего прихода: они молили его идти к царю, чтобы исцелить его дочь. Преподобной же, уразумев, что изгнанный им из юноши дух вошел в дочь царя Персидского, вооружился против беса молитвой и с надеждой на Бога отправился с учеником на верблюдах персидских мужей. Чрез тридцать пять дней путники достигли Персии и остановились в городе Урионе. Трое же из персов пошли к царю возвестить о прибытии Епифания. Царь тотчас же приказал представить его себе. Преподобный пришел к нему, как к простому человеку, а не как к царю. Земной владыка приветствовал верного слугу Царя небесного, поднявшись с своего престола. Святой беседовал с ним об истинном Боге Христе Спасителе нашем, о Его непобедимой силе, изгоняющей всякий демонский род. После беседы к чудотворцу приведена была бесноватая царская дочь. Помолившись о страждущей Богу, святой трижды сотворил над ней крестное знамение. Едва успел он его совершить, как бес вышел из отроковицы,

сделавшейся после того совершенно здоровой. Обрадованный исцелением своей дочери, царь поклонился преподобному.

Один из персидских волхвов[1], видевший чудо, воззвал к преподобному:

— О возлюбленный волхв, пришедший сюда для исправления нашего учения, пребывай здесь с нами, и учи нас, и все мы, персидские волхвы, будем тебя слушать.

В ответ на слова волхва святой грозно взглянул на него и с гневом сказал ему:

— О враг истины! Да заградятся лживые уста твои, называющие меня, раба Господа моего Иисуса Христа, волхвом.

И тотчас волхв онемел. Все невольно ужаснулись. Онемевший же припал к ногам раба Бога Вышнего и поклонами просил его разрешить язык. По достаточном наставлении милостивый праведник исцелил наказанного.

— Согрешил я против тебя, раб Божий, — взывал исцеленный, — прости меня.

Между тем, благодарный царь велел принести чудному исцелителю в дар множество золота, серебра и драгоценных камней. Нестяжательный инок ничего не взял себе.

— Не требуем, — говорил он царю, — этих временных богатств, надеясь в будущей жизни на лучшие вечные, обещанные нам Господом нашим Христом. Ты же оставь свое при себе; ты любишь стяжания и губишь из-за них свою душу, так как, будучи златолюбцем, ты похищаешь чужое, а нуждающимся не даешь.

Отказался он и от приглашения царя обедать с ним.

— Мне достаточно одного хлеба из отрубей и немного соли для укрепления моего немощного тела, — сказал в ответ на царский зов великий постник. Когда же царь, несмотря на отказ святого, велел отвести его с Иоанном в особую комнату к столу, уставленному дорогими яствами, то строгий подвижник ничего не отведал, кроме хлеба.

---

[1] Под именем волхвов в древности разумелись люди мудрые, обладавшие обширными знаниями, особенно знаниями о тайных силах природы, светилах небесных. Они наблюдали явления природы, толковали сны, предсказывали будущее; бóльшей частью они были вместе с тем и жрецами и пользовались большим уважением при дворах царских и в народе.

Десять дней провел истинный последователь Христов во дворце, поучая царя святой христианской вере. Но семена христианской проповеди падали на окаменелое сердце и ослепленный зловерием ум. При последнем свидании с неверующим царем святой Епифаний произнес пред ним поучение о праведных судах, о милосердии, о волхвах, как бесовских слугах, и о недозволительности воевать ему с христианскими царями:

— Если пойдешь на них войной, то Самому Христу распятому будешь врагом и погибнешь ужасно, — заключил свою проповедь праведник, провожаемый из царских палат самим государем.

По выходе из них служитель живого Бога увидал относимого на погребение мертвеца. Велев несущим его остановиться, святой Епифаний, воззрев на небо, сказал:

— Сын Божий, воздвигнувший Лазаря четверодневного из мертвых (см.: Ин. 11, 39–44), восставь и этого мертвеца во славу пресвятого Твоего имени.

Помолившись, святой Епифаний прикоснулся к мертвому, и он тотчас ожил. Окружающие пришли в ужас и приняли чудотворца за какого-либо из богов. Смиренный же инок, назвав себя рабом Божиим, проповедовал им об истинном Боге, в Троице Святой славимом. Так как его слушатели были не из овец Христовых, то он поспешил в свою страну. Царь хотел было послать с ним охранное войско до пределов Персии. Но неустрашимый воин Христов отказался.

— Имею охраняющего меня Бога, — говорил он царю, — и Его воинов — святых Ангелов.

Тогда царь, простившись с пустынником, отпустил его со словами:

— Иди с миром, Епифаний, слава греков, вспоминай же и о нас, находящихся в Персии.

И пошел богохранимый святой к своей пустынной келлии, созданной для него сарацинами. Придя в нее, он опять предался безмолвию.

Кругом селения на большое расстояние не было воды. Угодник Божий, усердно помолившись Господу Богу, произвел из сухой земли источник воды, как некогда Моисей от камня в пустыне (см.: Чис. 20, 11). Затем отшельник при помощи своего ученика развел небольшой сад, посадил в нем съедобные злаки и поливал их из чу-

десного источника. Но приходившие в сад звери поедали их. Увидав однажды в саду этих неприятных посетителей, преподобный обратился к ним, как бы к людям, с такою речью:

— Не делайте вреда убогому и грешному человеку, поселившемуся здесь оплакивать свои грехи: я и так немного имею этих злаков, данных мне от Бога для моего прокормления.

И звери, как бы понимающие, со стыдом ушли и более не причиняли ущерба святому. По всей Финикии разносилась слава о святом подвижнике Спанидрийской пустыни. Она снова привела к нему сарацин, пожелавших принять от него благословение и создавших еще три келлии для собравшихся вокруг него многочисленных учеников. Вскоре образовался здесь целый монастырь, насчитывающий пятьдесят человек братий. Между ними был сын римского эпарха[1] Аэтия Каллист. Он принял иночество от Епифания по следующему поводу. Будучи бесноватым в отрочестве, он однажды увидал во сне Епифания, говорящего ему:

— Хочешь ли, Каллист, чтобы я отогнал от тебя нечистого духа?

— Кто ты, господин мой, могущий отогнать от меня лютого мучителя? — спросил явившегося отрок.

Тот отвечал ему:

— Я — Епифаний, живущий в Палестинской Финикии, в пустынном монастыре, называемом Спанидрион. Если я отгоню от тебя злого духа, то придешь ли ко мне и будешь ли жить со мною в моем монастыре?

— Господин, — сказал в ответ больной, — только выгони из меня мучителя, и я тотчас приду жить к тебе.

— Смотри, чадо, — предостерегал Каллиста Епифаний, — не преступи своего обещания.

Проснувшись, бесноватый почувствовал себя совершенно здоровым и рассказал родителям о своем чудесном исцелении. По истечении трех месяцев Каллист обратился к ним с такой просьбой.

— Пустите меня в Палестинскую Финикию отыскать господина Епифания, чтобы остаться у него, — боюсь, как бы не возвратился ко мне мучитель-диавол.

Родители тотчас же отпустили своего сына к преподобному с рабами и со множеством золота и серебра. Придя к своему исцели-

---

[1] *Эпарх* — начальник области.

телю, исцеленный принял от рук его иночество и отдал ему на монастырское строение принесенное с собой золото и серебро; своих же рабов отослал к родителям.

В то время по всей Палестине славился другой подвижник Христов — преподобный Иларион Великий[1], имевший свою обитель в пустыне близ Газского Маиума. Святой Епифаний однажды посетил его с своим учеником Иоанном. Настоятель с братией любезно приняли гостей и удержали их у себя на несколько дней. В это время диавол, приняв образ Епифания, пошел в его монастырь, как бы возвращаясь от Илариона Великого. Преобразившегося беса увидал один неосторожный и нерадивый брат, вышедший без нужды из монастыря. Приняв его за действительного Епифания, он поклонился ему, и тотчас же бес, войдя в него, стал его мучить. Братия, увидев беснующегося, недоумевали, как случился этот недуг с здоровым доселе иноком, и скорбели о нем. Что было непонятно для находившихся с ним собратий, то провидел своим духом их отлучившийся прозорливый настоятель.

— Отче, — говорил тогда Епифаний Илариону, — волк влез в мое стадо и смутил моих овец: иду изгнать его.

Сказав это, он простился с великим старцем и братией. Возвратившись с поспешностью в монастырь, он одним своим присутствием заставил диавола выйти из жертвы его обмана. Исцеленный поведал ему, как сделался он бесноватым. Святой же учил после его рассказа братию хранить себя от диавольских козней.

Недалеко от Епифаниева монастыря жил при пути, пролегавшем чрез пустыню, свирепый лев, погубивший многих прохожих, так что путники ходили не иначе как весьма большими толпами. Собравшись однажды, они пришли в монастырь к преподобному и сооб-

---

[1] Здесь разумеется преподобный *Иларион Великий*. Он родился в 291 году близ Газы, в палестинской веси Тавифа. После обучения в александрийской школе и принятия христианства пробыл около двух месяцев в пустыне у Антония Великого, а отсюда, желая подражать своему учителю, удалился в палестинские пустыни; здесь преподобный Иларион основал множество монастырей. Из Палестины он путешествовал для посещения иноков в Египет, а также Сицилию, Далмацию и на остров Кипр. Скончался восьмидесяти лет в 371 году или 372 году на острове Кипре, где пробыл почти шесть лет; память его — 21 октября, в день его кончины. С Кипра мощи Илариона Великого перенесены его учеником в Палестину.

щили о кровожадности зверя, многих умертвившего. Выслушав их, преподобный сказал им:

— Пойдемте, чада, во имя Господне и посмотрим на того льва.

И пошли все. При приближении к львиному логовищу, на всех напал страх, и все хотели бежать назад. Но святой сказал:

— Покажите мне его место.

Ему показали, стоя вдали. Тогда преподобный пошел к зверю, взывая:

— Где жилище львиное?

Тотчас лев, услышав человеческий голос, выскочил из своего логовища; но, увидав лицо святого, пал мертвым. Стоявшие же вдалеке, заметив вышедшего льва, со страху побежали и ожидали, что он растерзает Епифания. Угодник же Божий громким голосом кричал им:

— Не бойтесь, чада: придите и посмотрите на труп зверя.

Они после долгих колебаний отважились прийти к святому и, увидав лежащего у его ног мертвого льва, весьма удивились, прославляя Бога.

Вместе с даром чудотворения и многими иными Господь наградил Своего верного раба великим даром знания и истолкования Божественного Писания. Читая его братиям, он ясно и для всех понятно разъяснял его. О его начитанности и высоком уме услыхал один греческий философ. Придя из Едессы[1] в монастырь к святому, философ препирался с ним на основании книг эллинских мудрецов: он восхвалял греческое многобожие, а Епифаний доказывал учением Священного Писания истинность христианской веры во Единого Бога, в Троице Святой славимого. Целый год пробыл греческий

---

[1] *Эдесса*, нынешняя *Урфа*, город на севере Месопотамии на реке Евфрате, с 137 года до Рождества Христова главный город вновь образованного Озроенского, или Эдесского, государства; в 217 году по Рождестве Христовом превращена римлянами в восточную колонию. В Эдессе рано распространилось христианство; в IV веке святым Ефремом Сириным здесь была основана богословская школа, в V веке склонившаяся к несторианству, в пользу которого особенно много действовал учитель Эдесской школы пресвитер Ива. В 641 году Эдесса была покорена арабскими калифами; в 1098 году ею овладел граф Балдуин, сделавший ее главным городом княжества Эдесского; в 1144 году она покорена была турками и с этого времени переходила из рук в руки, пока в 1637 году окончательно не подпала под власть Турции.

ученый в монастыре христианского мудреца, споря с ним и присматриваясь к равноангельской жизни святого и его учеников. Видя к тому же и совершаемые Епифанием чудеса, философ мало-помалу приходил к познанию Христовой истины. Наконец следующее чудо особенно поразило его и окончательно обратило в христианство. Шестьдесят человек привели в монастырь бесноватого, связанного веригами[1]. Преподобный сказал философу:

— Послушай, философ, препирающийся с грешным Епифанием: или ты изгони из этого человека лютого беса, призвав своих богов, чтобы я уверовал в них; или я призову моего Бога, распятого Иисуса Христа, и изгоню беса, и тогда ты обратись к нашей христианской вере.

Философ молчал, не находя ответа. Тогда святой, призвав имя Божие, запретил бесу и изгнал его из создания Божия. После этого чуда философ пал к ногам чудотворца, прося крещения и исповедуя Единого истинного Бога, Христа распятого. Преподобный послал новообращенного к Илариону, который и окрестил его с именем Епифания. Новокрещеный принял затем монашество, был пресвитером и настоятелем иноков.

Ежедневно к преподобному из разных мест приходили во множестве братия и миряне. Чтобы избежать этих многочисленных и нежелательных нарушителей своего святого уединения, Епифаний решил удалиться в Египетскую страну. Отлично зная, что братия не отпустят его от себя, он, призвав их, сказал им:

— Хочу пойти навестить великого старца Илариона.

Братия же, поняв намерение своего наставника, с воплем пали ниц пред ним и молили его не покидать их. Старец обещался не уходить от них и остался в келлии. Но чрез десять дней вместе с своим учеником Иоанном тайно вышел из монастыря и отправился в Иерусалим[2]. Поклонившись здесь животворящему древу Креста

---

[1] *Вериги* — узы, цепи.

[2] *Иерусалим*, с еврейского — *жилище мира*, древнейший и самый знаменитый город Палестины. Лежит у истоков потока Кедронского, недалеко от Иордана и Мертвого моря, на склонах трех отрогов Иудейских гор Акра, Сион и Мориа. Существование Иерусалима возводят ко временам Авраама, полагая, что он есть тот город Салим, где царем и первосвященником был Мелхиседек (Быт. 14, 18). Город этот, известный как средоточие исторических событий избранного народа Еврейского в Ветхом и Новом Завете, неизмеримо дорог каждому христианину

Господня, он молился и у других Иерусалимских святынь. Затем, он пошел в Иоппию[1], где была морская пристань, и сел на корабль, отплывающий в Александрию[2]. При входе в этот город его встретил еврейский законоучитель Аквила, пожелавший препираться с ним о вере на основании Священного Писания. Спор продолжался два дня. Наконец, еврей, побежденный христианином, пожелал креститься. Преподобный привел его к архиепископу Афанасию[3]. Святитель с радостью принял обоих: еврея — как обратившегося ко Христу, а Епифания — как наставившего на путь правый. Немного времени спустя Епифаний из Александрии пошел со своим учеником в Фиваиду[4]. Их встретил здесь бывший ученик Антония Великого[5] Пафнутий.

— Благослови нас, отче, — сказал ему преподобный.

На это тот отвечал:

— Благословенны вы Господом.

как место страданий и воскресения Господа Иисуса и колыбель Христианской церкви, откуда слово благовестия разнеслось по всей вселенной.

[1] *Иоппия* (теперешняя *Яффа*) — один из древнейших Азиатских городов на северо-западном берегу Средиземного моря. Она была иудейской гаванью еще в царствование Соломона.

[2] *Александрия* — важный портовый город Египта, основанный Александром Великим в 332 году до Рождества Христова на мысе, выдающемся в южный берег Средиземного моря несколько южнее нынешнего города того же наименования; был некогда центром науки и первым торговым городом в мире; в начале IV века стал центром христианства и резиденцией патриарха.

[3] *Святой Афанасий Великий* († 373 год) — известный противоарианский деятель, был Александрийским патриархом с 328 года. Его память совершается 2 мая.

[4] Область знаменитого в древности города Фивы; этим же именем назывался вообще весь Верхний (Южный) Египет по имени главного города. Находившаяся здесь пустыня была любимым местопребыванием восточных отшельников IV и V века.

[5] *Святой Антоний Великий*, первый учредитель монашеского жития, родом египтянин, подвизался на восточном берегу реки Нила, около Фиваиды. Там, нося власяницу, питаясь только травами и кореньями, он в постоянных трудах и молитве прожил двадцать лет в неизвестности, побораяя благодатью Божиею духа соблазнителя, тревожившего его искушениями и страхом. Наконец, святость жизни и чудеса привлекли к Антонию в пустыню многих подвижников; они поселились близ него и приняли за образец правила, данные Антонием, что и было началом монашеского жития. Преставился святой Антоний ста пяти лет, в 356 году. Память его — 17 января.

По молитве они сели и беседовали: Епифаний расспрашивал его о жизни Антония, а он рассказывал ему про нее.

— Хочу, отче, — говорил он ему после этого рассказа, — жить в Нитрийской пустыне[1].

— Иди, — ответил собеседник Епифания, — и насладись беседами со святыми отцами, живущими в Нитрии, и собери у них духовную пищу, которою ты будешь питать словесных овец на Кипрском острове[2].

Слова Пафнутия были пророчеством о будущем епископстве Епифания на острове Кипре. Сотворив молитву, собеседники простились и отправились каждый в свой путь. При приближении к городу Леонитополю Епифаний услыхал, что вблизи города находится монастырь, где живет монах Иеракс, — человек благочестивый на вид, он в действительности был еретиком, так как не православно учил о нашем теле. По его мнению, оно не воскреснет, а вместо него Бог даст в будущей жизни другое тело. Ибо написано: *Прах ты и в прах возвратишься* (Быт. 3, 19).

Он говорил также, что дети будут несовершенны в тот век. Епифаний еще в Палестине слышал о нем и желал его видеть. Точно так же и Иеракс слышал о преподобном. Придя в этот монастырь, святой увидал множество народа, слушающего учение Иеракса: все считали его добродетельным, как великого постника, не вкушавшего масла и не пившего вина. Увидав двух странствующих иноков, Иеракс спросил их:

— Откуда вы?

— Из Палестины, — отвечали странники.

Спросив их имена, он опечалился: ему был неприятен Епифаний, славившийся в Египте своей святостью и мудростью. Не обращая больше внимания на Епифания, он продолжал учить народ. Когда еретик дошел в своей проповеди до воскресения мертвых и стал учить, что не воскреснут человеческие тела, то Епифаний, не вынося его заблуждения, обратился к нему с таким словом прещения.

— Да заградятся уста твои, — чтоб ты научился не хулить нашей надежды.

---

[1] Разумеются отшельники, жившие в Нитрийской пустыни, прилегавшей к горе Нитрийской, находящейся в северо-западной части Египта.

[2] Остров *Кипр* лежит в северо-восточном конце Средиземного моря.

И тотчас заблуждающийся онемел и сделался неподвижен. Свидетели такого чуда пришли в сильный ужас. А чудотворец начал учить о воскресении мертвых, уверяя, что они восстанут в том же, но лишь видоизмененном теле, в каком жили в этом мире. Чрез несколько часов своей проповеди святой сказал наказанному:

— Научись истинной вере и учи ей других.

И немой вдруг заговорил, исповедуя свое заблуждение и обещаясь покаяться. Преподобный достаточно поучил его правой вере, а затем пошел в Верхнюю Фиваиду. В ней было одно пустынное место, называемое Вувулие. Поселившись в нем, святой пробыл здесь семь лет. Но и эта пустыня не спасла его от посетителей. Среди них был туземный философ по имени Евдемон, пришедший препираться со святым о вере; философа сопровождал его сын, у которого один глаз был кривой. После долгого спора преподобный, посмотрев на сына философа, сказал последнему:

— Почему ты не печешься о своем сыне, чтоб избавить его от его телесного недостатка.

— Если бы во всей поднебесной, — отвечал со смехом спрошенный, — один только Евдемонов сын был одноокий, то вправду следовало бы мне заботиться о нем. Но так как многочисленны на земле одноокие, то пусть и он остается таким.

— Но если бы в действительности во всей поднебесной один только твой сын был кривой, а все другие люди на земле видели обоими глазами, тогда что ты делал бы для его исцеления? — продолжал спрашивать Евдемона Епифаний.

— Ничего другого, — сказал в ответ философ, — кроме того, что говорил бы с самим собой: нет во всем мире более несчастного человека, чем мой сын.

— Не принимай в шутку сказанного мной, — сказал святой, — но дай мне для исцеления своего сына и увидишь славу Божию, — возразил святой. Взяв затем отрока, он трижды сотворил крестное знамение над глазом и исцелил его. При виде такого чуда философ вместе с своим сыном уверовали во Христа. По достаточном научении правой вере Евдемон вместе со всем своим домом принял крещение от местного епископа.

Та же слава о святом Епифании, которая приводила к нему множество народа, породила в епископах Египта желание силою сделать

преподобного святителем какого-либо местного города. Но святой духовно прозрел в намерения епископов и сказал своему ученику:

— Возвратимся, чадо, в наше отечество.

И пошли оба в Финикию. На пути они зашли в монастырь великого Илариона, но старца в нем не застали: многочисленные посетители этого монастыря побудили его удалиться в одно пустынное место, находившееся в пределах Кипрского города Пафа[1]. Братия, рыдавшие по оставившем их отце, увидев у себя святого Епифания, утешились в печали: сорок дней утешал он их. Затем отправился в свой монастырь Спанидрион, где все радовались его возвращению. В тот год был голод в Финикии по причине засухи. Узнав о возвращении великого чудотворца, множество народа пришло к нему в монастырь, усердно моля его испросить у Бога дождя, да даст земля плод свой.

— Что вы меня утруждаете, — сказал им преподобный, — я человек — грешный.

Но они долго и неустанно просили его. Наконец, святой, затворившись в своей келлии, стал на желанную молитву. И вдруг небо, доселе совершенно ясное, покрылось грозовыми тучами, из которых в течение трех дней лил сильный непрестанный дождь во всей Финикии. Тогда народ начал просить угодника Божия о прекращении дождя. По молитве святого он прекратился, и было в тот год великое изобилие плодов земных.

Чем более увеличивалась слава преподобного, привлекавшая к нему ежедневно несметные толпы посетителей, тем более помышлял он о том, чтобы опять уйти из Финикии. Его намерение перешло вскоре в решение. В Ликии[2], месте крещения святого Епифания, умер епископ, и святители окрестных городов собрались для выбора нового епископа, при этом они вспомнили о святом Епифании. Среди присутствовавших на соборе находился молодой, но совершенный по жизни, целомудренный и добродетельный инок По-

---

[1] С именем *Пафа*, или *Пафоса*, в древности были два города на острове Кипре: *Старым,* на его западном берегу в десяти стадиях от моря и составлявший Финикийскую колонию; *Новый* (теперешний Баффо) в пятнадцати верстах к северо-западу от старого. От обоих городов сохранились развалины. В окрестностях же какого из них жил святой Епифаний, неизвестно.

[2] *Ликия* была, по всей вероятности, главным городом одноименной гористой области на южном берегу Малой Азии.

лувий, знавший преподобного. Ему епископы приказали как можно скорей съездить на коне в монастырь Спанидрион и хорошенько тайком разузнать: в самом ли деле возвратился Епифаний из Египта и находится ли в своем монастыре.

— Никому не открывай поручения, даже самому Епифанию, — сказали отцы собора Полувию.

Последний нашел святого в монастыре и приветствовал его.

— Зачем пришел сюда, сын мой? — спросил Полувия святой.

Последний отвечал:

— Пришел посетить вашу святость.

— Ты, чадо, пришел, — возразил ему прозорливец, — соглядать мое ничтожество, здесь ли я. Не утаивай от меня приказанного тебе, ибо грех говорить ложь: скажи истину, потому что Бог посреди нас, — будь действительно служителем истины, а Епифаний грешный переходит от места на место, стеная и страшась множества своих грехов. Но слушай, Полувий: останься здесь, а коня отошли к епископам. Пусть ищут они кого знают, как достойного мужа, для епископства; я же останусь для них неведом.

Полувий послушал ясновидца: отослав коня и слугу, он сам остался при преподобном. При наступлении же ночи Епифаний вместе с своим постоянным учеником Иоанном и новопришедшим Полувием вышел тайно для всех из монастыря. Сначала он посетил Иерусалим для поклонения Животворящему древу Креста Господня и прочим святыням в Иерусалиме и окрестностях. По тридневном пребывании в священном для христианина городе святой Епифаний сказал обоим своим ученикам:

— Я слышал, дети, что великий отец наш Иларион обитает ныне в Кипрской стране, недалеко от города Пафа; итак, пойдем к нему и получим благословение от него.

Сказав это, он пошел с ними в Кесарию Филиппову[1], находящуюся в Палестине, чтоб сесть там на корабль, отплывающий на остров Кипр. Пристав к Кипрскому берегу, он пошел в Пафскую пустыню к великому подвижнику Илариону. При встрече после долгой раз-

---

[1] *Кесария Филиппова*, или *Панея*, — город на самом северо-востоке Палестины у источников Иордана. Она названа Филипповой по имени Иродова сына Филиппа, получившего ее себе в удел и в отличие от Кесарии Палестинской, лежащей на берегу Средиземного моря.

луки оба отшельника исполнились великой радости. Видя скорбь Илариона по поводу своих немалочисленных посетителей и его намерение переселиться в другое место, Епифаний через два месяца решил уйти от своего радушного хозяина. Прощаясь, Иларион спросил своего гостя:

— Куда ты хочешь идти, Епифаний?

— Пойду в Аскалон и в Газу[1] и далее, пока найду где-нибудь в пустыни безмолвное место.

В ответ на это святой Епифаний услышал от прозорливца такой совет:

— Иди, чадо, в город Саламин[2], находящийся на острове Кипре. И будет тебе в этом городе доброе пребывание.

Епифаний не хотел и слышать этих пророческих слов, содержащих в себе предсказание на то, что он будет архиепископом в названном городе. Тогда святой предсказатель повторил ему свое пожелание, сказав:

— Говорю тебе, чадо, что тебе следует идти в тот город и жить в нем. Не прекословь, поэтому, мне, чтобы не постигло тебя бедствие на море.

Простившись с Иларионом, Епифаний с своими учениками пошел на морскую пристань. Там стояли два корабля: один, отплывающий в Аскалон, другой — в Саламин. Преподобный отплыл на первом. Чрез несколько часов неожиданно поднялась на море великая буря. Сильные волны готовы были каждую минуту разбить и потопить корабль в морской пучине. Все отчаивались в своей жизни. Трое суток продолжалось такое бедствие. Наконец, на четвертый день волны прибили корабль к городу Саламину. Выйдя из корабля, путешественники, изнемогши от продолжительного страха и силь-

---

[1] *Аскалон и Газа* — одни из главных филистимских городов на берегу Средиземного моря.

[2] *Саламин* — самый большой и укрепленный из городов Кипра, лежал на его восточном берегу. Он имел прекрасную гавань, вмещающую целый флот. Саламин начал падать при Траяне (98–117 гг.) во время восстания евреев, уничтоживших его значительную часть. Бывшее затем землетрясение при Константине Великом (306–337 гг.) совершенно его разрушило, уничтожив почти все население. Его восстановил Констанций (337–361 гг.), дав ему свое имя «Констанция». Развалины его находятся близ Фамагуста.

ного голода, полегли на землю, как мертвые. Потребовалась трехдневная остановка как для отдыха усталых пловцов, так и для починки поврежденного корабля. И только на четвертый день корабль был готов к отплытию. Думал продолжать морской путь и преподобный. Но Бог судил иначе.

Как раз в это время в городе происходило избрание архиепископа. Собравшиеся по этому поводу епископы молились несколько дней Богу об указании им достойного для столь великого сана мужа. Между ними был прозорливый престарелый Киферский[1] святитель Паппий, пятьдесят лет епископствовавший и претерпевший много мучений за имя Христово, вместе с Саламинийским епископом Гелασием. Этому исповеднику Христову, почитаемому всеми Кипрскими епископами за отца, открыто было Богом, что в Саламин прибыл святой Епифаний, которого и повелено было поставить епископом города. Тогда было осеннее время и наступила пора уборки винограда.

— Пойдемте, дети, в город, — сказал Епифаний своим ученикам, — и купим себе гроздий в путь.

Когда они подошли на торгу к продавцу винограда, и Епифаний, взяв две больших кисти, спросил его:

— Что хочешь за них? — то вдруг с удивлением заметил подходящих к нему четырех епископов. Находившийся среди них и поддерживаемый двумя диаконами престарелый Паппий познал Духом Святым преподобного при своем взгляде на него и сказал ему:

— Авва Епифаний, оставь грозды и иди с нами во святую церковь.

Приглашенный же, вспомнив слова Давида: *Возрадовался я, когда сказали мне: пойдем в дом Господень* (Пс. 121, 1), оставил виноград и пошел с епископами. При входе преподобного в церковь весь собор епископов приветствовал его словами:

— Бог тебя послал к нам, авва, да будешь архиепископом этого города и всего острова Кипра.

Святой же, называя себя грешным и недостойным, отказывался носить столь великий сан. Но епископы, не внимая его просьбам,

[1] *Кифера*, или *Китера*, а также *Цитера* — главный город на южном берегу одноименного и самого южного Ионийского острова в Средиземном море.

начали возводить его последовательно по степеням священства. Хиротонисуемый же горько плакал, считая для себя неудобоносимым бремя святительства. Видя слезы скорбевшего ставленника, Паппий сказал ему:

— Подобает нам, чадо, молчать о бывшем нам о тебе откровении, но так как я вижу тебя скорбящим и плачущим, то мне нужно объявить тебе то, что нам благоволил открыть Бог. Вот эти собравшиеся святые отцы епископы возложили на мое недостоинство избрание архиепископа, говоря мне грешному: «Помолись ты прилежно Богу, ибо мы веруем, что Бог укажет тебе мужа, достойного архиепископства». Я же, затворившись в своей опочивальне, молил о том Владыку Спаса, и вдруг меня осиял свет как молния, и я услышал голос, говорящий ко мне грешному: «Паппий, Паппий, слушай!» Я же устрашенный сказал: «Что велишь, Господь мой?» И сказал мне тихо голос: «Встань и иди на торг и увидишь там инока, покупающего виноградные грозды, подобного лицом и главой пророку Елисею и имеющего с собой двух учеников. Взяв его, посвятите во архиепископа; имя же тому иноку Епифаний». И вот я, встав, сделал повеленное мне. Ты же, чадо, не противься Божию изволению, но *внимай стаду, в котором Дух Святой* поставляет тебя епископом (ср.: Деян. 20, 28).

После речи Паппия Епифаний земно поклонился ему и, повинуясь Господней воле, принял посвящение во епископа. После чего возрадовавшиеся епископы разошлись восвояси. Новопоставленный же архипастырь начал пасти вверенное ему словесное Христово стадо на духовной пажити не только своим учительным словом, но и примером своей добродетельной жизни.

В начале архипастырской деятельности святого Епифания один благородный римлянин, по имени Евгномон, из-за ста златиц долгу Саламинийскому гражданину Дракону был посажен в темницу. И не находилось избавителя для заключенного: так как он был вдалеке от отечества своего Рима[1], то никто не хотел поручиться за него. Услыхав об этом и сострадая должнику, святитель пошел к богатому и скупому язычнику Дракону просить его об освобождении от уз Ев-

[1] *Рим* — главный город Италии, расположен по обоим берегам реки Тибра, при впадении ее в море.

гномона. Святительская просьба привела в сильный гнев идолопоклонника.

— Пришелец в наш город! — злобно отвечал он, — если хочешь, чтобы я отпустил тебе должника, то поди принеси мне сто златиц.

Блаженный Епифаний дал ему из церковного золота сто златиц и таким образом избавил должника и от уз, и от долга. По поводу розданного золота на святителя начал роптать гордый и злобный диакон Карин, возбудивший против святителя ропот и в других клириках.

— Видите ли этого пришельца, — говорил он им, — он хочет разграбить все, находящееся в церкви, а мы будем виновны в расхищении церковного сокровища.

Карин, бывший богачом, искал через это повода согнать святого Епифания с архиепископского престола, чтоб сесть на него самому. Все клирики, предубежденные им против милостивого поступка архипастыря, говорили Епифанию:

— Недостаточна ли тебе, принятая тобой святительская честь? Но ты еще и имение церковное расточаешь как странник и пришлец, пришедший сюда нищим и нагим. Итак, или отдай церкви сто златиц, или уходи отсюда, откуда ты пришел.

Святой терпел молча. Освобожденный же от уз, отправившись в Рим, продал все свое имущество и возвратился к святителю со множеством золота. Вручив все полученное от продажи в руки Епифания, он самого себя отдал на службу Богу и Его архиерею и жил при Епифании до самой своей смерти. Святитель же, взяв из принесенного ему золота сто златиц, отдал Карину, говоря:

— Вот церковное золото, заимствованное на освобождение должника.

Карин взял его. Между тем прочее золото святой раздал нуждающимся. А Карин, созвав клириков, горделиво похвалялся пред ними.

— Вот, — говорил он им, — золото, расточенное Епифанием, которое я вытребовал от него.

Но клирики начали поносить Карина, вызвавшего их на грех ропота и оскорбление святителя, и гневно приказали ему возвратить эти златицы святителю:

— Ибо святитель, — говорили они, — имеет власть расходовать церковное богатство на дела милосердия.

Много и других неприятностей причинял Карин угоднику Божию, но он все переносил с кротостью.

Однажды, когда святитель у себя за обедом, на котором присутствовали все клирики, истолковывал некоторые тайны Священного Писания, к окну прилетел ворон и начал каркать. А Карин, смеясь над святительским поучением, сказал прочим клирикам:

— Кто из вас знает, что этот ворон, каркая, говорит?

Так как все внимательно слушали поучение, то никто не ответил на вопрос диакона.

И во второй и в третий раз спрашивал Карин:

— Кто бы был настолько смыслен, чтобы понимал воронову речь?

Но никто по-прежнему не внимал его словам, продолжая слушать боговдохновенную беседу святого Епифания. Дерзкий диакон, наконец, спросил самого святителя:

— Если ты премудр, то скажи мне, о чем беседует этот ворон, и если скажешь, то обладай всем моим имением.

Святой же, взглянув на него, сказал:

— Знаю, что говорит ворон: он говорит, что отныне ты не будешь диаконствовать.

И тотчас от святительского слова нашел на Карина ужас и притом его охватила какая-то болезнь, так что он не мог более сидеть за столом и был уведен своими рабами домой. На другой день утром он умер. Все клирики пришли в великий страх и с того часа с боязнью покорялись и почитали Христова святителя Епифания. Богобоязненная же и бездетная вдова наказанного принесла к епископу на церковь оставшееся после мужа имущество и посвятила себя на служение Богу; одна рука ее была в совершенном параличе, который постиг ее десять лет назад; сотворив крестное знамение над больной рукой вдовы, бессильной даже держать что-либо, святой Епифаний сделал ее вполне здоровой. Затем он поставил вдову диаконисой[1], как целомудренную и достойную церковного служения.

---

[1] *Диакониса* — церковная служительница из вдов или пожилых девиц в древнехристианской Церкви. Служение диаконис выражалось прежде всего в некоторых церковных обязанностях по отношению к женщинам. Таковы, например:

Великий архиерей Божий святой Епифаний имел также благодать от Господа видеть во время приношения бескровной жертвы наитие Святого Духа на предложенные Святые Дары и обычно не оканчивал молитвы возношения, пока не удостаивался созерцать нисшествие Святого Духа. Однажды произнося молитву возношения, литургисовавший архиерей не увидал знамения. Он повторил ее два раза с самого начала, но видения не было; тогда святой со слезами молил Бога указать причину столь скорбного явления. Взглянув же на стоявшего налево рипидодержателя-диакона, он заметил, что лицо его черно, а лоб покрыт проказой[1]. Взяв у него рипиду, святой кротко ему сказал:

— Чадо, не принимай ныне причастие Божественных Даров, но иди в свой дом.

По уходе его из алтаря преподобный увидел сошедшую на предложенные дары благодать Святого Духа. После литургии святитель, призвав к себе удаленного диакона, спросил, — нет ли у него на совести какого особенного греха. Диакон открыл, что в мимошедшую ночь соединялся со своей супругой. Тогда святой, созвав весь свой клир, сказал:

— О чада, сподобившиеся алтарного служения, отрешите сапоги плотских страстей бессловесных, — не входите к Божественному алтарю, связанные любосластными похотьми, послушайте святого апостола, говорящего: ***Имеющие жен должны быть, как не имеющие*** (1 Кор. 7, 29).

С того времени святитель Христов Епифаний поставлял во диаконы и пресвитеры только благочестивых иноков и беспорочных

приготовление женщин к крещению, обучение должным ответам на вопросы крещающего, помощь епископу при совершении над ними этого таинства, помазание частей тела за исключением чела, научение надлежащему поведению по крещении, наблюдение за благочинным стоянием их в церкви и присутствование на беседах с ними епископов, пресвитеров и диаконов. Затем, на попечении диаконис находились бедные и больные, нуждающиеся в благотворительности и уходе.

[1] *Проказа* — одна из самых заразительных, ужасных и, по большей части, смертельных болезней. Обычно различают три вида ее: белая, черная и красная — или елефантиас. Самая заразительная последняя. Названия эти соответствуют трем различным цветам ее пятен на теле, предваряющим появление на нем гнилостных струпьев.

вдовцов, отнюдь не допуская женатых. И красовалась его Церковь, украшенная чистыми служителями, как прекрасная невеста.

До этих пор житие преподобного Епифания описано его учеником Иоанном, почившим в пресвитерском сане. Прочее же о жизни святителя написал уже другой его ученик — Полувий. Он начинает так.

— Слава Богу, дающему жизнь и прославляющему прославляющих Его, как прославил Он чудодейственной благодатью Своего угодника Епифания, чудесных дел которого и я частью сподобился быть описателем. Блаженный пресвитер Иоанн, ученик святого отца нашего Епифания, разболевшись к смерти, призвал меня к себе и сказал:

— Чадо Полувие!

— Что велишь мне, отче? — спросил я его.

На это Иоанн ответил:

— Так как отец наш Епифаний возбраняет записывать чудеса, совершенные Богом чрез его святость, то возьми эти хартии, в которые я записывал тайно до этого дня все, что видел совершенное им; пиши и ты, что отныне увидишь, ибо Бог говорит, что *прибавится тебе лет жизни* (Притч. 9, 11), и ты пребудешь во все время своей жизни при его святительстве. Я же отхожу в путь, который неизбежен всем земным. Смотри же не ленись писать, ибо я подвигнут Богом написать это... поди попроси отца прийти ко мне, — добавил он потом.

Я пошел и призвал архиерея Божия. Придя к больному, он сказал:

— Обленился ты, Иоанн, молить Бога о грешном Епифании.

— Тебе, отче, — возразил болящий, — более прилично ныне сотворить молитву о мне, рабе твоем.

По святительской молитве над больным, он сказал святому:

— Подойди ко мне поближе, отче.

Святитель подошел.

— Положи, отче, руки твои на глаза мои и поцелуй меня последним целованием, ибо я уже отхожу, — произнес умирающий.

И как только возложил архиерей свои руки на его глаза и поцеловал его, он предал свой дух Господу. После горького плача по

своем возлюбленном ученике учитель-епископ устроил ему почетные похороны.

После того преподобный возымел намерение создать новую церковь на месте прежней небольшой и очень ветхой. Он обратился к Богу за помощью и во время молитвы услыхал голос свыше, обещающий помощь и повелевающий начинать без колебания задуманное им дело. Неложное слово Господа не замедлило исполниться.

У вышеупомянутого грека Дракона долго болел сын. Родитель, призывавший к сыну самых искусных врачей, не принес этим ему никакой пользы, и наконец сам разболелся. Святой, придя в его дом, исцелил молитвою сначала сына, а потом и отца. Тогда Дракон, уверовав и крестившись со всем своим домом, дал на построение церкви пять тысяч златиц. И была создана во славу Божию большая каменная и прекрасная церковь.

У другого гражданина того же города, богатого язычника Синисия, умер единственный тринадцатилетний сын Евсторгий: болезнь скорчила ему шею и таким образом удавила его. В доме греческого богача поднялся великий плач. Услышав его, сосед, христианин Ермий, сказал матери умершего:

— Госпожа, если бы сюда пришел великий Епифаний, то он воскресил бы вашего сына.

Она, поверив словам своего соседа, просила его привести Епифания к ним. Ермий призвал в их дом архиерея Божия. При входе желанного гостя хозяйка припала к его ногам, говоря:

— Великий целебник Христов, яви твое врачебное искусство на нашем детище и восставь его из мертвых. Если ты это сделаешь, то тотчас со всем нашим домом приступим ко Христу твоему.

— Если веруешь Распятому, — сказал ей святитель, — увидишь твоего сына живым.

— Не иное что имею в моем уме, — отвечала она, — как только веровать в Него: увижу ли свое дитя живым?

Тогда святой, подойдя к постели умершего, потер правой рукой его шею и со светлым взором, обращенным на него, тихо произнес:

— Евсторгий!

Отрок тотчас же открыл свои глаза и сел на постели. При таком величайшем чуде все, находившиеся в доме, с изумлением ужаса-

лись. А родитель воскрешенного вместе с ним, с своей женой и всем своим домом, крестился во имя Христово и дал святому три тысячи златиц. Но чудотворец сказал ему:

— Я этого не требую, а отнеси строителям церкви.

И была благолепно украшена на золото Синисия новосозданная церковь, получившая в пресвитера к себе Полувия.

Однажды пришел на остров Кипр из Иерусалима некий диакон, поведавший святому об Иерусалимском епископе Иоанне, как о сребролюбце, презирающем нищих. Иоанн был некогда сожителем Епифанию в монастыре великого Илариона. Он написал своему знакомому увещательное письмо о милостивом обращении с нищими. Но сребролюбец не внял увещаниям угодника Божия. Чрез несколько лет Кипрский архиепископ сказал своему ученику Полувию:

— Пойдем, чадо, в Иерусалим поклониться Честному Кресту и Гробу Господню. И поклонившись, возвратимся.

И отплыли они от Кипра в Кесарию Филиппову, а отсюда пошли в Иерусалим. После поклонения там святым местам они явились к епископу Иоанну, очень обрадовавшемуся свиданию с Епифанием. Кипрский святитель сказал ему:

— Дай мне, брат, помещение для покоев, так как я хочу задержаться здесь на некоторое время.

Иерусалимский епископ исполнил просьбу своего гостя. Дав ему прекрасный дом, он призывал его к себе ежедневно на трапезу. Приглашаемый, видя множество серебряных сосудов, приносимых с яствами и напитками, — с одной стороны, — и слыша, с другой — ропот множества нищих на скупость Иоанна, помышлял: как бы привести его к милосердию. И вот в один день он сказал своему богатому хозяину:

— Дай мне, отче Иоанне, на время эти серебряные сосуды: ко мне пришли из Кипра почетные мужи, и я хочу их поместить у себя, чтобы похвалиться пред ними твоей любезностью и твоим серебром в твоем доме, данном мне для покоя. Это будет на славу тебе, ибо, возвратившись к себе, пришедшие мужи начнут рассказывать прочим почетным людям, сколь великую проявляешь ты ко мне любовь и сколь велика слава, честь и богатство твоего дома. Итак, дай мне

все это серебро лишь на короткое время. Я же вскоре возвращу тебе его с благодарностью.

Иоанн принес ему множество различных серебряных сосудов. Тогда Епифаний спросил:

— Имеешь ли, отче, еще больше?

— Довольно с тебя, — отвечал корыстолюбивый славолюбец, — и этого.

— Нет, — сказал Епифаний, — но дай все, что имеешь драгоценнейшего и наилучшего, чтобы подивились гости и была величайшая тебе слава.

Иоанн принес ему лучшие сосуды, говоря:

— Все, что угодно тебе, отче Епифаний, возьми.

Святой взял от него около полутора тысяч литр[1] серебра и отнес в свои покои. В то время прибыл по делам в Иерусалим из Рима торговец серебром по имени Астерий. Преподобный продал купцу за надлежащую цену данное ему местным епископом серебро. Купив его, Астерий ушел к себе. Угодник же Божий днем и ночью раздавал нищим полученные от продажи деньги — до последней лепты. Чрез несколько дней Иоанн сказал Епифанию:

— Отдай мне, отче, серебро, которое я дал тебе.

— Потерпи, отче, — отвечал Кипрский архиепископ, — я отдам тебе все: я еще раз хочу угостить у себя гостей.

По прошествии еще нескольких дней Иерусалимский епископ в церкви, где хранится спасительное древо Креста Господня, вновь напомнил преподобному о возвращении серебра.

— Отдай мне, — говорил он ему, — серебро, которое ты взял у меня.

— Я сказал тебе, отче, — отвечал тихо Епифаний, — отдам все, только потерпи немного.

После такого ответа Иоанн, исполнившись ярости, схватил Епифания за одежду и, сжав ее, с угрозою сказал:

— Не выйдешь отсюда, не сядешь, не почиешь, пока не отдашь моего серебра. О злой и коварный человек! Отдай мне, что взял, отдай церковное церкви.

---

[1] *Литра* — мера веса, равная семидесяти двум золотникам. Серебряная литра стоила до сорока двух рублей, а золотая — до пятисот шести рублей.

Епифаний не возмутился поведением разгневавшегося. По-прежнему он выглядел кротким. Тогда как возмущенный Иерусалимский епископ часа два досаждал преподобному. Все присутствовавшие в храме, слыша его жестокие слова, обращенные к угоднику Божию, изумились. А поругаемый, видя неукротимый гнев и ярость ругавшего, дунул на его лицо, после чего он тотчас ослеп. Невольно устрашенный чудесным наказанием вместе со всеми предстоящими, Иоанн пал ниц перед святым, прося помолиться Богу о его прозрении.

— Иди поклонись Честному древу Креста Господня, — отвечал на его просьбу угодник Божий, — и получишь прозрение.

Но наказанный не отступал от Епифания, не переставая просить его. Тогда великий святитель, отверзши свои богомудрые уста, долго поучал корыстолюбца о нищелюбии и милостыни. Потом по молитве и возложении на него своих рук отверз его правый глаз. Полуисцеленный просил чудотворца сделать зрячим и левое око. Но святой ответил ему:

— Не мое это дело, чадо, но Божие: так как Бог закрыл око, то Бог и откроет, чтобы ты вразумился.

После наказания Иоанн исправился, сделавшись и милостивым к нищим и праведным во всех делах.

При возвращении из Иерусалима в свою епископию Епифаний встретил двух скоморохов, хотевших насмеяться над ним сдедующим образом. Увидав издалека святителя, один из них притворился мертвым. Другой же при приближении святого сказал ему:

— Отче, посети мертвого и покрой какой-нибудь одеждой его нагое тело.

Святой же, посмотрев на притворившегося, стал лицом к востоку для совершения молитвы об усопшем. Помолившись, он снял с себя одежду и, покрыв ею мертвеца, пошел своей дорогой.

По его уходе живой сказал мнимо мертвому:

— Вставай, брат, этот простец уже ушел.

Но последний не отвечал. Окликнув его вторично и толкнув, он нашел его умершим действительно. Полный ужаса скоморох побежал вслед за архиереем Божиим. Догнав великого чудотворца, он припал к его ногам, прося прощения в своем грехе и моля снять свою одежду и оковы смерти с наказанного им.

— Иди, чадо, — отвечал святой, — погреби мертвеца твоего: ибо он умер прежде, нежели ты начал просить у меня одежды для его прикрытия.

По прибытии Кипрского епископа в свой кафедральный город за ним пришли посланные из Рима с просьбой исцелить от некоторой продолжительной и неизлечимой болезни Проклисию — дочь царя Феодосия Великого[1] и сестру Аркадия и Гонория[2], выданную замуж за одного именитого патриция. Весть о прибытии посланцев от царя дошла до местного почетного и очень богатого язычника Фавстиниана, который питал сильную вражду ко святому Епифанию. Фавстиниан пригласил их к себе в дом и ежедневно угощал их. За все время пребывания их у него он почти непрестанно хулил святого.

---

[1] *Феодосий Великий* царствовал с 389 по 395 год на Востоке, а с 392 по 395 год и на Западе Греко-Римской империи. Он нанес окончательной удар язычеству: сделавшись в 392 году единодержавным, Феодосий издал закон, по которому служение богам признавалось таким же преступлением, как и оскорбление величества.

[2] *Аркадий*, восточно-римский император, сын Феодосия Великого, по смерти отца (395 г.) получил т. н. Восточную империю, тогда как брат его Гонорий получил Западную; родился в 377 году, умер в 408 году. Во все время его царствования государством управляли люди, умевшие подчинить своему влиянию слабохарактерного императора. Так, в начале его царствования государством управлял Руфин, увеличивший и без того огромную тяжесть налогов, умноживший число штрафов и тем наведший ужас на империю. По смерти Руфина его место занял евнух Евтропий, а когда императрица Евдоксия добилась его казни (399 г.), Аркадий всецело подчинился влиянию своей супруги, известной враждебным отношением к святому Иоанну Златоустому, бывшему тогда Константинопольским патриархом. При императоре Аркадии миссионеры, снабженные его грамотами, проповедовали христианство по тем местам провинций, где еще находились язычники.

Гонорий, брат Аркадия, был западно-римским императором. В начале его царствования во главе управления стоял умный политик и знаменитый полководец Стилихон, не раз отражавший нападения на империю вест-готов, вандалов, свевов, бургундов. После его падения и казни дела империи пошли к худшему. В 408 году предводитель вест-готов Аларих осадил Рим и заставил заплатить тяжелую дань, а в 410 году он овладел городом и отдал его на разграбление войскам. По смерти Алариха шурин его Атаульф заключил с Гонорием мир, после которого вест-готы удалились за Альпы. При Гонории в 411 году был созван собор против раскольников донатистов, отделившихся от Церкви за то, что она принимала покаявшихся отступников во время гонений; потому что, по их мнению, Церковь перестает быть святою, если среди членов находятся грешники. По приказанию Гонория были разрушены все оставшиеся языческие храмы, а сами язычники были удалены от государственных должностей.

— Зачем вы веруете, как Богу, этому обольстителю, — говорил он им, — зачем внимаете его суетным словам? Он ничего не говорит, кроме ложных слов, и привержен очень дурным обычаям.

Но вот случилось, что на одной церковной постройке оказались вместе святой Епифаний, сопровождаемый римлянами, и Фавстиниан. На их глазах, когда они стояли в строящейся церкви, один споткнувшийся плотник, падая сверху на землю, ударил своими ногами врага преподобного. К удивлению всех, упавший нисколько не пострадал и тотчас же поднялся; ушибленный же Фавстиниан пал мертвым. Епифаний, подойдя к нему и взяв его за руку, произнес:

— Встань, чадо, во имя Господне и иди здоровым в свой дом.

И тотчас мертвец ожил, встал и пошел домой. Фавстинианова же жена, узнав о смерти и неожиданном оживлении своего мужа, принесла его исцелителю тысячу златиц.

— Дай это не мне, — сказал ей преподобный, — но на церковное строение и будешь иметь сокровище на небе.

Затем угодник Божий пошел в Рим. Здесь он по молитве и крестном знамении исцелил Проклисию, воскресил ее новорожденного сына, крестил его и обоих царских сыновей Гонория и Аркадия. Потом великий чудотворец был приглашен в Царьград самим царем Феодосием Великим, страдавшим неисцелимой и нестерпимой болезнью ног. Святой Епифаний в один час крестным знамением исцелил его, за что и пользовался особенным расположением Феодосия.

В один год на острове Кипре был великий голод. Нищие и бедные во множестве гибли от него. Скупой же богач Фавстиниан при своих многочисленных житницах, наполненных пшеницей, ячменем и другим житом, продавал хлеб по очень дорогой цене.

— Добрый друг, — сказал ему однажды святой, — дай мне из твоих житниц пшеницу, чтобы напитать нищих, я же буду тебе должником.

— Моли твоего Иисуса, Которому веришь, — отвечал ему со злой усмешкой, жестокосердый язычник, — чтобы он подал тебе пшеницу для пропитания твоих друзей-нищих.

Но сказанное в насмешку стало действительностью. Святой Епифаний имел благочестивый обычай каждую ночь посещать гробницу

святых мучеников и здесь молить Бога о ниспослании того, в чем чувствовалась нужда; свою молитву святой Епифаний подкреплял просьбой святых мучеников о ходатайстве пред Господом, и всегда получал просимое. И теперь, по обычаю, святой Епифаний ночью отправился в гробницу святых мучеников, где со слезами молил милосердого Бога об избавлении гибнущих от голода. Во время своей молитвы он услышал голос, говоривший ему:

— Епифаний! Иди без боязни к Диевой[1] кумирнице и отверзутся пред тобой двери, и ты найдешь внутри золото и серебро; возьми его, купи пшена, ячменя и другого жита у Фавстиниана и питай нищих.

Следует заметить, что эта кумирница, называвшаяся «Диева крепость», была заперта с тех пор, как христианские государи, овладевшие страною, затворили и запечатали царскою властью все кумирницы, чтобы более не совершались в них богомерзкие бесовские жертвы. Среди народа ходили слухи, державшиеся у язычников как твердая вера, что никто из людей не может подойти и коснуться помянутой кумирницы: такого человека ждала (будто бы) внезапная смерть здесь же на месте. И все далеко обходили кумирницу, тем более, что бесы пугали страхованиями людей и даже убивали тех христиан, над которыми имели, по попущению Божию, такую же власть, как и над поклонниками своими язычниками.

Послушный велению Божию святой Епифаний тотчас отправился к кумирнице, двери которой сейчас же пред ним открылись; здесь он нашел множество золота и серебра. На эти, чудесно приобретенные, богатства он начал покупать хлеб у Фавстиниана. Сребролюбивый богач с радостью продал святому Епифанию все находившиеся в доме запасы хлеба, которые чрез подаяние милостивого епископа оказались в домах убогих и нищих. Так у голодных оказалась пища, а богатый дом Фавстиниана был ее лишен и в нем наступил голод. Постыдившись просить у преподобного пищи для своего дома, богач послал за нею своего приятеля Лонгина с золотом и с одиннадцатью кораблями в Калабрию[2]. Но на обратном пути корабли, наполненные хлебом, неожиданно были разбиты в ста ста-

[1] *Диевой* эта кумирница называлась от посвящения ее языческому богу Дию или — что то же — Зевсу.

[2] *Калабрия* — древнее название острова Пороса в Сароническом заливе.

диях от города сильной бурею. Узнав о своей беде, Фавстиниан в великой печали хулил Всевышнего и Его угодника.

— Посмотрите, — говорил он, — какие этот христианский волхв творит мне пакости: он не только на суше своим прельщением отнял от моего дома пищу, но и на море погубил мой хлеб, потопив мои корабли чрез бесов.

Между тем волнующееся море выбрасывало на Саламинийский берег потопленные зерна. Их сбирали нищие. Так сбылись слова псалма: *богатии обнища́ша и взалка́ша, взыска́ющии же Господа не лишатся всякого блага* (слав. Пс. 33, 11). Почти умирая от голода, жена наказанного богача послала к святому золото с просьбой продать для ее дома хлеба, а преподобный отослал к ней обратно золото со словами:

— Теперь берите от меня безмездно, сколько вам нужно, и отдадите, когда наступит жатва.

Сам же богач озлобленный против святого подговорил злонравного диакона Руфина умертвить святителя, обещая ему за то способствовать своим богатством и связями в возведении его на архиерейский престол. Но Бог сохранил Своего угодника от козней нечестивца. Последний подготовил острый нож, который и укрепил концом вверх в горнем архиерейском седалище, стоящем в церкви; затем он закрыл седалище обычным покрывалом: это он сделал в тех видах, чтобы святитель, сев в урочное время при богослужении на седалище, получил смертельную колотую рану. Но вот настало время, когда архиерей по порядку богослужебного чина должен был воссесть на горнем месте; подойдя к последнему, святой Епифаний сказал диакону Руфину:

— Возьми, сын мой, покрывало с седалища.

Но Руфин не слушал, хотя святитель трижды повторил свое приказание. Тогда святой Епифаний сам снял покрывало, причем нож упал и вонзился острием в правую ногу диакона.

Поняв коварные замыслы диакона, святой Епифаний сказал:

— Оставь, сын мой, свои козни, чтобы тебе не прилучилось большее несчастие; теперь же выйди из храма, так как ты недостоин приобщаться Божиих Таин.

Диакон, придя домой, разболелся и на третий день умер. Фавстиниан же вскоре был обвинен пред царем в хуле на него и поса-

жен им в цареградскую темницу. Любящий врагов своих, святитель хотел было ходатайствовать пред государем об освобождении заключенного. Но последний в раздражении запретил святому всякое ходатайство о нем. Святитель умолчал и спустя немного времени оплакал неожиданную смерть Фавстиниана в темнице. По смерти мужа, жена Фавстинианова отдала все богатство в церковь и, согласно своему желанию, была поставлена святым во диакониссы.

Среди восьмидесяти иноков, находившихся в архиерейском доме святого Епифания, был диакон Савин, выдававшийся добродетельной жизнью, умом и искусством составлять красноречиво книги. Он между прочим описал жизнь святого Епифания; в своем повествовании он рассказывает о его молитвенных всенощных стояниях, коленопреклонениях и о чудесах. Во внимание к редкостным качествам этого иеродиакона, архипастырь поставил его судьей по духовным делам. Однажды на суд к нему явились: богатый, говоривший правду, и бедный, дающий ложное показание. Судия, сострадая бедному, защищал его. Во время суда пришел тайно святитель и, спрятавшись в потаенном месте, вышел из него, как только услыхал оправдание судьей неправедного бедняка.

— Чадо, — сказал архиепископ судье, — иди, пиши книги и обдумай слова Писания, чтобы научиться праведно судить, ибо написано: ***Не делайте неправды на суде; не будь лицеприятен к нищему и не угождай лицу великого; по правде суди ближнего твоего*** (Лев. 19, 15).

С того времени святой Епифаний всегда сам судил всех приходящих к нему.

Имея великое попечение о своей пастве, он побеждал еретиков и словами и чудесами. Он сделал немым еретика-епископа Аэтия[1], умершего после того на шестой день, и многие его последователи при виде такого чуда перешли в Православие, припадая к ногам чудотворца. Кроме того, ревнитель правой веры писал царю о всех непокаявшихся еретиках. Царь дал ему власть изгонять их из Кипра. Благодаря всему этому, словесное стадо доброго пастыря было безопасно от хищных волков.

---

[1] *Аэтий*, или *Аэций*, — антиохийский диакон, умер в 370 году, после Ария стоял во главе ариан, отрицавших единосущие Сына Божия с Богом Отцом и открыто утверждавших потому неравенство Второго Лица Пресвятой Троицы с Первым.

Понесши много лет тяжелое бремя святительства и достигши глубокой старости, святой Епифаний приблизился к своей блаженной кончине. Незадолго до нее ему пришлось отправиться в Царьград по следующей причине. Евдоксия, супруга царя Аркадия, царствовавшего на Востоке после своего отца Феодосия Великого, согласившись с Феофилом Александрийским патриархом[1] на изгнание цареградского патриарха Иоанна Златоустого[2], побудили Епифания

[1] *Феофил* занимал патриарший престол с 385-го по 412 год.

[2] Великий отец Церкви *святой Иоанн Златоуст* родился в 347 году в Антиохии. Получив лучшее, по тому времени, научное образование под руководством своей матери, выдающейся по уму и добродетельной жизни женщины, святой Иоанн закончил его в школе известного ритора Ливания; пробыв потом недолгое время адвокатом, Иоанн занялся изучением христианского богословия под руководством Антиохийского епископа, святого Мелетия. Последний и крестил Иоанна; в 380 году он возвел его в должность чтеца. Свое богословское образование Иоанн Златоуст завершил у Картерия, лучшего христианского ученого времени, и у Диодора, впоследствии епископа Тарсийского. После этого Иоанн удалился в пустыню и здесь провел сначала четыре года в сообществе монахов, а потом два года в совершенном уединении. В пустыне Иоанном Златоустом написано «Слово о священстве», вызванное укорами его товарища — епископа Василия за бегство Златоуста от епископства. Это слово, лучшее произведение среди святоотеческих писаний, изображает, каков должен быть христианский пастырь и каковы его обязанности. Расстроенное подвигами здоровье заставило Иоанна покинуть пустыню и возвратиться в Антиохию. В 381 году он был посвящен в диакона и через пять лет — во пресвитера. Побуждаемый милосердием Иоанн Златоуст часто посещал богатых, испрашивая подаяние для бедных, которым он, обходя дома, раздавал милостыню. При этом он сам наблюдал картины нищеты и голода в богатом городе, что, поражая любящую душу Златоуста, находило отклик в его проповедях, дышущих любовью, особенно к обиженным и угнетенным. Свои проповеди, собиравшие огромное число слушателей, святой Иоанн произносил не менее раза в неделю, а иногда и каждый день; большей частью он говорил их без предварительной подготовки, и настолько велика была сила его проповеднического дара, что слушатели нередко, по обычаю времени, прерывали поучение рукоплесканиями. Но часто увещание и обличение проповедника вызывали в них слезы и стоны раскаяния. Лучшие проповеди, сказанные Златоустом в Антиохии, были те девятнадцать, которые он произнес после низвержения недовольными новым налогом антиохийцами находившихся на улице статуй императрицы Плациллы. Такое оскорбление величества угрожало городу полным истреблением, епископ Флавиан отправился к императору ходатайствовать за город, и в его отсутствие смятенную паству утешал Златоуст проповедник. В 397 году Иоанн, смиренный пресвитер Антиохийский, был избран архиепископ Константинополя, по указанию приближенного к императору вельможи Евтропия. Из боязни, что антиохийцы не

своими лукавыми письмами прийти в Константинополь на собор. Феофил клеветал в них на Иоанна, что он будто бы еретик, разде-

---

отпустят любимого священника, Иоанна Златоуста увезли из города обманом. Тяжелое бремя возложил на себя Иоанн с саном епископа Константинопольского. Чуждый и незнакомый двору и вельможам епископ, не устраивавший, как делали это его предшественники, у себя пиров и сам не ходивший на них, возбуждал против себя недовольство многих. Недовольно было и духовенство столичного города, распущенное и не привыкшее к должной дисциплине, которой подчинил его Златоуст. Большую часть денег, отпускаемых на его содержание, святой Иоанн издерживал на бедных, причем выстроил в Константинополе несколько больниц и богаделен. Любовь к бедным святого Златоуста, побуждавшая его увещевать богатых к милостыни и ходатайствовать за них, возбудила в состоятельных слоях населения недовольство, святого архиепископа стали обвинять в возбуждении вражды в бедных против богатых. Вооружил святой Златоуст против себя и императрицу Евдоксию, которая в обличении Златоустом роскоши и суетности Константинопольских женщин увидела намек на себя. Все это повело к тому, что в 403 году составлен был из личных врагов святого Златоуста собор, известный в истории под именем «собора под дубом», которой несправедливо осудил Златоуста (между прочим и за то, что он «не знает гостеприимства»), после чего он был отправлен в ссылку. Но последовавшее за этим народное возмущение и страшное землетрясение, в котором Евдоксия увидела выражение гнева Божия за гонение невинного архиепископа, заставили императрицу вернуть Златоустого. Но так как и по возвращении Иоанн не изменял своего образа жизни, обличая пороки двора и защищая бедных, то в 404 году его постигла вторая ссылка. Сначала он пробыл два года в Кукуз в Армении, отсюда его отправили было в новое место ссылки, но по дороге он скончался (14 сентября 407 года) со словами «слава Богу за все!».

Творения святого Иоанна Златоуста еще в IV и V веках приобрели большую известность во всем христианском мире: они хранились, как драгоценность, в царских чертогах и писались золотыми буквами. До нашего времени многие из его творений не дошли, тем не менее от него сохранилось столько творений, сколько не осталось ни от одного отца и учителя Церкви. По греческому часослову всех творений Иоанна Златоуста, дошедших до нашего времени, насчитывается до тысячи четыреста сорока семи и писем до двухсот сорока четырех. Больше всего сохранилось от Иоанна Златоуста проповедей и церковных бесед. Проповеди святого Иоанна поражают своею стройностью, глубиною мысли и разнообразием содержания. «Не говорю о других, — писал святой Исидор о Златоустом, — сам Ливаний, — столь известный по красноречию, изумлялся языку знаменитого Иоанна, изяществу его мыслей и силе доказательств». Лучшими из проповедей святого Иоанна Златоустого справедливо считаются Беседы антиохийскому народу о статуях, слово о Евтропии, слово «за нищих», слово по удалении из столицы и по возвращении в столицу, похвальные слова апостолу Павлу. В своих проповедях Златоуст учитель предлагал наставления почти о всех частных

ляющий воззрение Оригена[1]. По своей простоте святой поверил им и отправился в Царьград. При его свидании с царем последний принял от него благословение и спросил его, сколько ему лет от рождения.

предметах деятельности христианской. Сверх того, во все продолжение своего общественного служения он объяснял в беседах Священное Писание, преимущественно Нового Завета. Каждая из объяснительной беседы Златоуста состоит из двух частей: в одной он занимается объяснением текстов слова Божия, в другой предлагает нравственные наставления. Собственно догматических сочинений у святого Иоанна Златоуста немного, и все они дышат заботливостью его о нравственном исправлении верующих. Среди последнего рода сочинений дóлжно отметить книгу к Стагирию, где решается вопрос: почему страдание постигает и праведников, несмотря на существование промысла Божия? Заслуживают также внимание пять слов о непостижимом, сказанные в обличение еретиков аномеев, которые стремились на основании собственных умствований уяснить отношение Бога-Отца к Богу-Сыну и учили, что Сын Божий есть тварное существо и сотворен Отцом из ничего. Кроме того, замечательна еще книга Иоанна Златоуста о Святом Духе по учению об исхождении Святого Духа от Отца. В сочинении против иудеев и язычников доказывается Божественность учения христианского исполнением пророчеств и действиями христианского благовестия на сердца людей, а в восьми словах против иудеев показывается, что обряды иудейские отменены, и потому совершать их теперь — значит поступать вопреки воли Божией. Святой Иоанн Златоуст славен еще тем, что учредил особой чин литургии, которая и теперь носит его имя. Святой Прокл, ученик Златоустого и впоследствии один из его преемников по Константинопольской кафедре, так пишет об этом установлении святого: «святой Василий (Великий), поступая с людьми как с больными, представил литургию в сокращенном виде. Спустя немного времени отец наш, златой по языку Иоанн, с одной стороны, как доброй пастырь, ревностно заботясь о спасении овец, с другой, взирая на слабость человеческой природы, решился исторгнуть с корнем всякий предлог сатанинский. Потому он, опустив многое, учредил совершение литургии сокращеннейшее». Сокращенная Иоанном литургия первоначально не имела всех песнопений, какие она имеет теперь, но они не изменили существенного порядка литургии.

[1] *Ориген* — знаменитый христианский учитель Александрийской Церкви († 254 год), — чудо своего века по громадности своего ума и глубине учености. Многие замечательнейшие из отцов Церкви с глубоким уважением относились к богословским трудам и заслугам Оригена; но впоследствии он, еще при своей жизни, на двух местных Александрийских соборах и, по кончине, на местном Константинопольском соборе 543 года, был осужден как еретик. Не высказывая своих неправославных мнений, как непреложные истины, Ориген, тем не менее, неправо мыслил о многих истинах вероучения христианской Церкви, почему некоторые считали сомнительною твердость его в главнейших христианских догма-

— Шестидесяти лет, — отвечал святой Епифаний, — принял я архиерейский сан, в архиерействе пробыл пятьдесят пять лет и три месяца. Таким образом, — всего мне сто пятнадцать лет и три месяца.

Царь почтил его честные седины и святолепное лицо. Царица же Евдоксия, призвав святого к себе, сказала ему:

— Отче Епифаний, ты знаешь, что все Римское царство в наших руках: и вот сегодня я дам тебе всю церковную власть, если ты послушаешь меня, и исцелишь скорбь сердца и сделаешь то, что я думаю.

— Говори, дочь моя, — отвечал святитель, — по силе нашей постараемся сделать то, что будет на спасение твоей души.

Тогда царица, думая преклонить святого на свой замысел лукавством, начала так говорить ему о святом Златоусте:

— Вот, этот Иоанн сделался недостойным управлять Церковью и носить столь великий сан, так как восстал на царя и не воздает подобающей нам чести. Кроме того, многие говорят о нем, что он издавна еретик. Для этого мы решили собрать собор и, извергнув его из сана, поставить вместо него другого, могущего добро устроить церковь, чтобы отныне наше царство было мирным.

Говоря это, царица дрожала от великого гнева.

— Нет нужды, — продолжала она, — утруждать многих отцов призывом их сюда на собор; но пусть твоя святость, отче, определит

тах. Развивая неправославное учение о предсуществовании душ, он неправо мыслил о Христе, полагая, что Бог создал определенное число духовных существ равного достоинства, способных уразумевать Божество и уподобляться Ему; один из этих сотворенных духов с такою пламенною любовью устремился к Божеству, что неразрывно соединился с Божественным Словом или стал Его тварным носителем; это, по мнению Оригена, и есть та человеческая душа, посредством которой Бог-Слово мог воплотиться на земле, так как непосредственное воплощение Божества, по его *ошибочному* мнению немыслимо. Держась еретического воззрения на воплощение Бога-Слова и сотворение мира и человека, Ориген в неправославном смысле понимал и смерть Христову, представляя ее чем-то повторяемым духовно в духовном мире и имеющим там действие на освобождение Ангелов и приписывая в деле спасения слишком много действию обыкновенных сил, коими одарена наша природа. Неправо мыслил Ориген и в некоторых пунктах своего учения о воскресении и будущей жизни, например о том, что диавол может спастись, и в толковании Священного Писания слишком многое преувеличенно понимал в таинственном смысле, уничтожая через то исторический смысл Писания.

изгнать его из Церкви и поставить вместо него другого, кого укажет тебе Бог. Я же устрою, чтобы тебя слушали.

— Дочь моя, — отвечал ей святитель, — выслушай твоего отца без гнева! Если Иоанн, как вы говорите, еретик, и если он не покается в ереси, то недостоин будет патриаршего сана, и с ним поступим, как повелишь. Если же вы хотите его изгнать за ту только одну вину, что похулил тебя, то Епифаний не даст своего соизволения на это. Ибо царям подобает быть незлопамятными, но добрыми, кроткими и прощающими хулы на себя, так как и вы имеете над собой Царя на небесах и хотите от Него прощения вашим согрешениям. *Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд* (Лк. 6, 36).

После этих его слов еще более усилился гнев самолюбивой царицы. Вся в слезах от сильного раздражения, она гневно произнесла:

— Если ты учинишь препятствие к изгнанию Иоанна, то я открою идольские храмы и сделаю то, что многие, отступив от Бога, начнут поклоняться идолам, и будет последнее хуже первого.

Епифаний, удивившись ее сильному гневу, сказал:

— Я чист от осуждения того.

Произнеся это, он вышел из царской палаты. В городе же всюду разносился слух о совещании Епифания с царицею по поводу извержения Иоанна и о соглашении его с ней. Этот слух дошел и до того, кого ближе всех касался. Константинопольский святитель тотчас же написал Епифанию следующее:

— Брат Епифаний, я слышал, что ты дал совет на мое изгнание; знай же, что ты более не увидишь своего престола.

Святой Епифаний на это ответил:

— Страстотерпче Иоанне, будучи обидим, побеждай, но и ты не доедешь до того места, в которое тебя изгонят.

И сбылось пророчество обоих.

Видя желание неправедно осудить святого Иоанна, святой Епифаний не захотел быть участником такого беззаконного суда. Сев тайно со своими приближенными на корабль, он возвратился восвояси. Во время плавания по морю, чувствуя свое старческое изнеможение и предвидя свое наступающее отшествие к Богу, он так начал беседовать с своими учениками:

— Дети мои, соблюдите мои заповеди, и любовь Божия пребудет с вами: вы знаете, в скольких скорбях прошла моя жизнь, и я не вменял их в скорби, но всегда радовался в них по Боге, и Бог меня не оставил, но сохранял меня от всякой неприязненной напасти: *Любящим Бога все содействует ко благу* (Рим. 8, 28). Однажды, мои возлюбленные, когда я жил в пустыне и молился ко Христу Богу об избавлении меня от козней сопротивного, внезапно по Божиему попущению приступило ко мне множество бесов; ударив меня о землю и взяв за ноги, они влачили по земле; некоторые же из них били меня. Это они делали со мной десять дней, а потом исчезли. И с того часа я не видал их во всю свою жизнь. Только злые люди, еретики причиняли мне неприятности. Будьте внимательны, о чада мои, и послушайте слов Епифания грешного. Имений не желайте, и много имений приложится вам. Не питайте ненависти ни к одному человеку, и будете возлюблены Богом. Не клевещите на брата, и зависть диавольская не будет обладать вами. Бегайте, как ядовитых змей, ересей, о которых я вам писал в книге «Панарий»[1]. Отвращайтесь и сохраняйте себя от мирских похотей, которые и тело и ум разжигают. Знайте, что они сатанинское ухищрение, ибо если даже у неосторожных плоть и не поднимает брани, однако ум все-таки мечтает о дурном. Если же наш ум трезв и памятует о Боге, тогда легко можем победить врага.

После этих и весьма многих других духовных увещаний своим ученикам преподобный предсказал Полувию, что он вскоре будет

[1] Его произведения — «Панарий» (πανάριον — аптека, ящик с лекарствами) представляет собой изложение и опровержение двадцати дохристианских и восьмидесяти христианских ересей. Обличению ересей посвящено еще другое сочинение Епифания, озаглавленное — «Анкорат» ((Ἀγκυρωτός от ἄγκυρα — якорь), в котором раскрывается православное учение о Троице, воплощении, воскресении мертвых и будущей жизни, главным образом против еретиков ариан, полуариан, духоборцев и аполлинаристов. Святому Епифанию принадлежат еще следующие произведения: а) «О камнях», объясняющие двенадцать камней на наперснике Иудейского первосвященника; б) «О двадцати двух пророках Ветхого Завета и трех Нового Завета и о двенадцати апостолах и семидесяти учениках Христовых», здесь находится немало ценных устных церковно-исторических преданий; в) «Книга о весах и мерах (библейских), содержащая, кроме сведений о библейском измерении, некоторые указания о греческих переводах Библии; г) примечание к книге «Физиолог» (наблюдения над свойствами библейских животных) может быть, двенадцать проповедей, подлинность которых оспаривается.

епископом города Ринокирска, находящегося в Верхней Фиваиде. Корабельщикам же предсказал об очень скорой буре, причем велел не ужасаться, а надеяться на Бога. Одному же из них сказал:

— Не искушай, чтобы не быть искушенным.

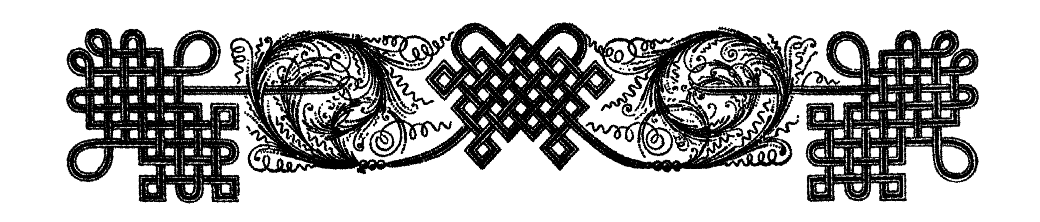
Все это святой говорил в одиннадцать часов дня. По захождении же солнца поднялась великая буря, продолжавшаяся двое суток и приведшая всех пловцов в великий страх. Святой же на предсмертном одре молился Богу о сохранении корабля и всех, находящихся в нем. А на третий день он повелел своим ученикам возжечь уголья, положить на них фимиам и помолиться Богу. Помолившись потом и сам, он всех их обнял, поцеловал и сказал такие последние слова:

— Спасайтесь чада, ибо Епифаний больше не будет с вами в этой жизни.

По произнесении их, он предал свой дух в руки Божии[1]. Его смерть соединила скорбь с радостью. Горько оплакивающие умершего его ученики и корабельщики были обрадованы внезапным и совершенным прекращением бури на море. При этом тот корабельщик, которому святой сказал: не искушай, да не искушен будешь, по своему любопытству пожелал узнать, обрезан ли Епифаний или нет. Когда он начал обнажать честное тело святого, то умерший чудотворец, подняв свою правую ногу, столь сильно ударил ею в лицо любопытного, что он далеко упал от тела и умер. Всех объял страх, а товарищи-корабельщики, жалея наказанного, положили его при ногах Епифания. Лишь только его тело коснулось их, как умерший корабельщик ожил. И был еще больший ужас на всех. Приплыв в Саламин, ученики святого возвестили в городе о его преставлении. И тотчас отовсюду стекалось множество народа с плачем и рыданиями. Взяв честнóе тело своего отца, внесли его осиротевшие дети в созданную им церковь. У гроба святого совершалось множество чудес над болящими всеми недугами. Между прочим получили прозрение три слепца. На десятый день со всего острова сошлись святители, священники, игумены и бесчисленное множество народа и с честью погребли честные останки святого Епифания в той же церкви, воспоминая труды, чудеса и богодухновенное учение преставившегося архипастыря и славя в Троице Единого Бога, Ему же слава вовеки. Аминь.

---

[1] Святой умер в апреле 403 года, а погребен 12 мая.



День тринадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ГЛИКЕРИИ
и с нею ЛАОДИКИЯ,
стража темничного

В первый год царствования нечестивого императора римского Антонина[1], при управлении Грециею игемона Савина, христиане, проживавшие в фракийском городе Траянополе, ежедневно собирались в свой храм; здесь они усердною молитвою испрашивали от Бога мира и увеличения верующих, так как тогда было немного боящихся Бога христиан, да и те тяжко бедствовали по случаю гонений. Гонения же были воздвигнуты на христиан потому, что император Антонин, будучи язычником, приносил жертвы нечистым идолам и повсюду разослал приказ, которым повелевал умерщвлять всех тех, кто не будет приносить жертв языческим богам. Когда это повеление царское дошло до Фракии, то игемон Савин отправился с этим приказом в город Траянополь и назначил для граждан этого города день, в который они должны были принять участие в празднестве в честь и бога Дия[2]; празднество это называлось «лампадофория»[3],

---

[1] *Антонин Пий* управлял Римскою империею с 138 по 161 год.

[2] *Дий*, или *Зевс*, — верховный бог древнегреческой религии, считавшийся родоначальником прочих богов.

[3] *Лампадофорией* (λαμπαδηφορία), или *лампадодромией* (λαμπαδηδρομία), у древних греков назывался собственно бег с факелами. В этих бегах принимали участие главным образом юноши. Бега эти устраивались на призы, которые выигрывали юноши, пробежавшие известное расстояние с зажженным факелом или светиль-

то есть свещеношение, и должно было начаться спустя три дня по прибытии Савина в Траянополь.

В этом городе проживала одна христианская девица, по имени Гликерия, дочь Макария, бывшего ранее римским анфипатом[1]. Гликерия переселилась сюда из Рима вместе с родителями своими, а затем осиротела; здесь она уверовала во Христа и присоединилась к христианам; она ежедневно вместе с ними посещала храм Божий и усердно молилась здесь как Господу Иисусу Христу, так и Его Пречистой Матери, к Которой она имела особенно сильную любовь, как к Матери Сына Божия; подражая Ее непорочному девству, Гликерия обручила себя Господу Иисусу Христу в невесту. Она часто поучала христиан, говоря так:

— Братия, сестры и отцы и все прочие, заменяющие для меня мою мать земную! Послушайте меня: припомните, какому Царю мы служим, образ какого Царя мы носим на себе и каким знамением мы ограждаем себя. Будем же всячески стараться исполнять и заповеди этого Царя, дабы получить нам спасение вечное, которое будет дано лишь тем, кто честно и мужественно исполнит все обязанности христианского звания.

Христиане же отвечали ей:

— Мы все готовы, хоть сейчас, положить души наши ради Господа нашего.

На это Гликерия говорила им:

— Прошу вас, помолитесь обо мне ко Господу, дабы Он укрепил и меня на подвиг вместе с вами, дабы Он сподобил и меня пострадать ради имени Его. Помолитесь обо мне ко Господу, да причтет Он и меня к лику нетленных невест Своих, пребывающих в Его небесном чертоге.

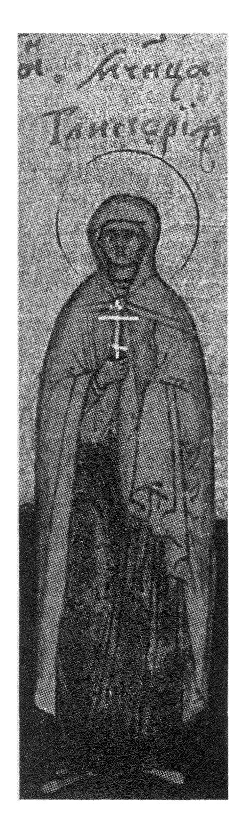
И молились о ней христиане.

Между тем, спустя три дня по прибытии Савина в Траянополь, началось языческое нечестивое празднование; граждане-язычники, проживавшие в том городе, собравшись вместе, с зажженными свечами устремились все к капищу Дия. Увидав это, блаженная девица Глике-

---

ником. Лампадофории соединялись с различными религиозными празднествами и торжествами, обычно в честь богов света и огня (Прометея, Пана), а также и верховного бога Зевса.

[1] *Анфипат* — градоначальник.



рия воспылала ревностью о Христе, Господе Боге своем; сотворив на себе крестное знамение, она с поспешностью пошла к капищу Диеву и, став пред собранием язычников, громко сказала игемону:

— Честный игемон! Вот, я желаю начать приношение жертв для Бога истинного. По своему происхождению я славнее всех жителей города этого, потому что отец мой занимал почетную должность анфипата славного города Рима. Поэтому мне и следует первой принести жертву Богу.

Игемон же сказал ей:

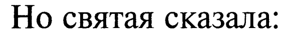
— Но где же твоя лампада, при помощи которой ты разожгла бы свою жертву?

Святая Гликерия отвечала на это:

— Моя лампада начертана у меня на челе моем; она неугасима и просвещает всякую жертву, приносимую Богу истинному.

Однако игемон не понял сказанного Гликериею. Поэтому, обратившись к ней, он сказал:

— Хорошо. Подойди и принеси жертву раньше всех.



Но святая сказала:

— Бог вечный не требует, чтобы Ему воскуряли лампады, издающие дым. Поэтому, прикажи погасить лампады у всех, дабы не было видно этого мерзкого дыма. Вот тогда вы и увидите мою жертву непорочную, которую я намереваюсь принести Богу своему.

Игемон приказал погасить все лампады.

В это время святая Гликерия, став на возвышенном месте, так что была видима всем народом, открыла чело свое и показала всем знамение креста Христова, начертанное на челе ее; затем сказала во всеуслышание предстоявших:

— Видите ли вы теперь пресветлую лампаду, сияющую на челе моем?

Затем, подняв очи к небу и воздев свои руки, сказала:

— Боже всесильный, прославляемый рабами Своими, явившийся в пещи вавилонской трем отрокам Своим и избавивший их от огня (см.: Дан. 3), заградивший уста львов (см.: Дан. 6), сделавший победи-

телем раба Твоего Даниила, разрушивший идола Вила[1], умертвивший змия[2] и сокрушивший образ бесовский на поле Деире! (см.: Дан. 3). Ты, Иисусе Христе, Пречистый Божий, Агнец Святой! Молю Тебя, приди и помоги мне, смиренной рабе Твоей, сокруши идола этого, сделанного руками человеческими, и уничтожь эти мерзкие и суетные бесовские жертвы.

В то время, как святая молилась так к Богу, внезапно произошел гром, причем идол Диев упал на землю и разбился на малые части (он был сделан из камня).

Игемон и жрецы, видя это, распалились яростью и приказали народу побить святую камнями. Однако камни святой не касались, падали около и, образуя как бы крепость вокруг, защищали ее. Нечестивые язычники, не познав силы Божией, называли святую волшебницей. Но она сказала:

— Сила Христова, действующая через меня, обличает заблуждение ваше; помощь же Бога моего обратит в ничто все мучения, которые вы замыслите на меня.

После этого игемон приказал, связав святую, отвести ее в темницу. Стражам же темничным игемон велел с великим вниманием наблюдать за святой, сказав им:

— Смотрите, как бы она не убежала из темницы по волхвованию своему. Тогда она скажет, что это ее Бог избавил ее; а через это она может прельстить многих.

Святая же девица сказала игемону:

— Безумный, нечестивый и безрассудный человек! Неужели ты не понимаешь, что я связана заповедями Господа Бога моего и пригвождена к закону Его? Я не могу отрешить себя от этих, приятных для меня, уз; потому не могу я и бежать от страдальческого

---

[1] *Вил*, или *Ваал*, — верховное божество вавилонян, бог солнца и света вообще. В честь его в Вавилоне был построен большой храм, имевший вид высокой четырехугольной башни. Здесь, в нижнем этаже, находилась постель и золотой стол, на который ежедневно жрецы полагали пищу, назначавшуюся для Вила. Вавилоняне считали Вила живым богом, который ест и пьет. Но обман этот был раскрыт пророком Даниилом, о чем можно подробнее читать в книге пророка Даниила (14, 1–22).

[2] *Змий*, пользовавшийся большим почитанием со стороны вавилонян и имевший золотое литое изображение в той же башне, что и Вил, был поражен и рассеян в прах пророком Даниилом (см.: Дан. 14, 23–27).

подвига, на который я сама по своей воле иду ради Христа, Спасителя моего.

После того как святая изрекла слова эти, она была отправлена в темницу.

В то время как святая Гликерия находилась в темнице, к ней пришел иерей Божий Филократ, желавший навестить узницу Христову. Святая сказала ему:

— Осени меня крестным знамением; украсив меня этим знамением, как бы неким помазанием, помолись обо мне, дабы я угодила Богу моему и Царю, Которому ты служишь; помолись обо мне, дабы я, будучи ограждена знамением честного креста, победила злобу диавола.

Пресвитер, знаменав Гликерию честным крестом, сказал:

— Да поможет тебе знамение Христово; да будет для тебя духовным миром Сам Христос, помазующий тебя Своею благодатью, дабы ты мужественно выдержала подвиг свой.

Укрепив о Господе Гликерию и преподав ей мир, Филократ вышел из темницы.

Утром следующего дня игемон Савин прибыл на двор царский, намереваясь здесь мучить святую Гликерию. Подозвав ее к своему судилищу, он сказал ей:

— Согласна ли ты теперь, Гликерея, принести жертву великому богу Дию, которому поклоняется и приносит жертвы и сам император наш?

Святая отвечала:

— Как же я могу поклониться ему или принести жертву после того, как бог ваш, упав на землю, разбился на части, не будучи в состоянии оказать себе самому помощь? Я знаю только одного Бога, живущего на небесах, Который помог мне сокрушить нечистого идола вашего. Вот этому-то Богу и следует поклоняться, приносить жертвы и благоугождать.

Игемон снова сказал:

— Принеси жертву, если не желаешь подвергнуться мучениям.

Святая же отвечала:

— Меня будет мучить мой Бог, если я послушаю тебя.

Игемон сказал:

— Значит, ты хочешь умереть?

Мученица отвечала:

— Я хочу своими телесными страданиями уврачевать свои душевные болезни.

Тогда игемон приказал повесить святую за волоса на мучилищном дереве и строгать железными когтями тело ее до тех пор, пока она не умрет.

Когда святая была повешена и мучима, то совершенно не ощущала боли от мучений и сказала игемону:

— Нечестивый и преисполненный всякой злобы, слуга диавола! Все муки, которым ты подвергаешь меня, ничто для меня, потому что я совершенно не чувствую их. Близ меня Господь и Бог мой, Иисус Христос, Который помогает мне. Приготовь для меня еще бóльшие муки, потому что боли от этих мук я совершенно не чувствую.

В то время как святая говорила это, слуги, мучившие святую, изнемогли. Игемон же, видя, что муки, придуманные им для Гликерии, были препобеждены святою, приказал снять Гликерию с мучилищного дерева и бить ее в лицо.

Будучи биема, святая сказала:

— Мой Бог есть свет мой, Христос же — крепость моя. Он оградит благостью рабу Свою.

Затем, посмотрев на небо, святая сказала:

— Молю Тебя, Владыко, просвети лице мое и помоги мне мужественно воспринять удары эти. Укрепи меня Ты, Господи, ибо Ты Бог истинный, сокровищами Святого Духа обогащающий всех, небоязненно исповедующих пред мучителями пресвятое имя Твое. Ты — Господь, помогающий всем, угождающим Тебе на земле, Ты — охраняющий святых Твоих, посредством которых и я познала Тебя, Бога истинного, и возлюбила Создателя моего. Услышь ныне меня, смиренную рабу Твою, подвизающуюся за имя Твое, и помоги мне избавиться от сетей диавола и уст змия.

В то время как святая говорила слова эти, мучители без милосердия сокрушали ее по устам. Но вдруг среди них показался Ангел Господень, который настолько устрашил мучителей, что все они попадали на землю как мертвые. Игемон же, не видавший Ангелов, сказал святой:

— Скажи мне, Гликерия: почему ты не повинуешься приказанию царскому?

Святая отвечала на это:

— Какого же царя я должна слушаться?

Игемон сказал:

— Самодержца римского, приказавшего исполнять этот древний закон, предписывавший поклоняться богам нашим.

Но святая сказала:

— Я слушаю Вседержителя Бога и закону Его повинуюсь. Я храню закон Его и потому приношу в жертву себя саму, подобно тому как в древности Авраам принес Богу в жертву Исаака, сына своего (см.: Быт. 22, 1–19), за что Авраам был благоугоден для Бога истинного; за эту жертву Бог ниспослал ему благословение и сказал ему, что он будет отцом многих народов.

Игемон сказал:

— Исполни же, наконец, то, что я приказываю тебе, если не хочешь погибнуть лютою смертью, как женщина обольщенная.

Но мученица отвечала:

— Христос, Начальник нас, христиан, и первый наш Подвигоположник, укрепляет на подвиг не только мужчин, но и женщин, и тех из них, которые мужественно подвизались, воюя с отцом твоим, диаволом, Он награждает светлым венцом.

После этого игемон приказал отвести мученицу в темницу и велел морить ее там голодом и жаждою в продолжение многих дней.

Святая пошла в темницу с радостью, вознося хвалы Богу. Когда она взошла во внутреннее отделение темницы и когда за нею были затворены двери, то она в таких словах стала прославлять Господа: «Благословен Ты, Господь и Бог наших отцов! Благословен Ты, Боже, познаваемый святыми Твоими, верно хранящими заповеди Твои, явивший Себя святому апостолу Петру, выходившему из Рима[1], по-

---

[1] Здесь имеется в виду следующий случай из жизни святого апостола Петра, рассказанный в житии его (под 29 июня). Когда Петр пребывал в Риме (незадолго до своей кончины), римские власти разыскивали его, чтобы предать смерти. По усиленной просьбе римских христиан, Петр решил скрыться от преследования врагов и с этою целью тайно ночью вышел из Рима. Когда Петр был уже близ городских ворот, ему явился Господь. Поклонившись Ему, Петр сказал: «Господи! Куда Ты идешь?» Господь ответил Петру: «Я иду в Рим, чтобы предать Себя на распятие вторично». Из этих слов Господа Петр понял, что Господь призывал его к страданию, и возвратился в Рим. Здесь он и пострадал в скором времени после этого.

срамивший противника его Симона волхва[1], оказавший помощь Давиду, которому Ты покорил под ноги Голиафа (см.: 1 Цар. 17, 4–51). Ты, Пречестнейший и Пречистейший Боже, услышь меня и приди на помощь мне, рабе Твоей. Избавь меня от козней вражьих и от соблазна этого нечестивого игемона».

Спустя три дня после этого игемон сказал трибуну: «Возьми мой перстень и наложи им печать на то отделение темницы, в которое заключена та волшебница».

Трибун тотчас пошел, запечатал дверь темницы и приказал темничной страже внимательно следить за тем, чтобы никто не подавал мученице ни пищи, ни пития. Но Ангелы Божии приносили святой мученице пищу и питие и укрепляли невесту Христову.

Спустя несколько дней после этого игемон, намереваясь идти в город Ираклию, пришел в темницу повидать мученицу, так как хотел взять ее с собою. Увидав свою печать на двери темничной, он подумал, что Гликерия уже умерла от голода и жажды, потому что много дней прошло с тех пор, как она была заключена в темницу. Но, открыв двери и увидав святую живою, разрешенною от уз, увидав также и блюда, стоящие пред Гликерией (в них находился чистый хлеб, молоко, была также и вода в чаше), игемон весьма изумился всему этому, так как не уразумел, окаянный, того, что Сам Бог питал рабу Свою. Затем игемон приказал, выведя мученицу из темницы, вести ее за собою в город Ираклию[2]. Святая же воздала за все благодарение Господу, сказав так: «Владыко Боже! Ты, научающий нас познанию истины Твоей, промышляющий о верных рабах Своих, пославший Даниилу пищу, когда он находился во рву[3], по-

---

[1] *Симон волхв* — современный апостолу Петру иудей; происходил из Самарии, затем обучался философии и магии в Александрии; прославился как волшебник, обладавший магическою силою. Симон волхв неоднократно ставил препятствия проповеднической деятельности апостола Петра, но всегда был им побеждаем. Историю борьбы апостола Петра с Симоном волхвом можно читать в Деян. 8, 9–25 и в повествовании о жизни святого апостола Петра (под 29 июня).

[2] С именем Ираклии известно в древности около двадцати городов; в данном случае разумеется Ираклия, находившаяся во Фракии и лежавшая близ Пропонтиды (Мраморного моря).

[3] Однажды Даниил в царствование Кира, царя персидского, убил без меча и без жезла змия, которого вавилоняне почитали за бога. Тогда вавилоняне сильно восстали против Даниила и выпросили у царя, чтобы он позволил им бросить

сылавший пищу и Илии пророку (см.: 3 Цар. 17, 2–6), когда он обитал близ потока, обращающий к истине заблуждающих, просвещающий слепых! Благодарю Тебя за то, что Ты вспомнил и меня, смиренную рабу Твою, и напитал меня во время голода щедрою рукою Твоею от неисчислимых сокровищ Твоих».

Говоря такие слова, святая шла в город Ираклию. Игемон же, прибыв туда заранее, уже приносил жертву в храме, посвященном богу Дию.

Между тем христиане, проживавшие в городе Ираклии, узнав, что к ним идет Гликерия, пострадавшая за Христа в Траянополе, вышли навстречу ей со своим честны́м епископом Дометием. Отойдя от города за три поприща и увидав святую, они громогласно прославили ее за страдания о Христе, епископ же во всеуслышание принес Богу молитву, говоря так: «Господи Иисусе Христе, свете неугасимый, просветитель всех, пребывающих во тьме, Вождь заблуждающим, проведший Моисея через море, как посуху, фараона же потопивший в море (см.: Исх. 14), молим Тебя: будь Вождем и рабе Твоей, помоги ей до конца мужественно исповедать честное и всесвятое имя Твое!»

Между тем святая была введена в узах в город воинами, сопровождавшими ее.

Утром следующего дня игемон решил предать сожжению мученицу в том случае, если бы она не принесла жертв богам. Вызвав ее пред свое судилище, он сказал ей:

— Не надумала ли ты, Гликерия, принести жертву богам нашим?

Святая отвечала:

— В законе, данном нам Богом истинным, написано: *Не искушай Господа Бога твоего* (Втор. 6, 16), перестаньте же меня уговаривать. Я уже сказала, что я всецело присоединилась и всецело служу Хри-

---

Даниила в ров. В этом рве находилось семь львов, которым не давали пищи, чтобы они съели Даниила. В Иудее в это время был пророк Аввакум. Он сварил пищу и понес в поле отдать жателям. Но ему явился Ангел и сказал: «Отнеси обед, который имеешь, в Вавилон Даниилу, в львиный ров». «Господи, — отвечал Аввакум, — Вавилона я не видел и не знаю, где ров находится». Тогда Ангел поднял Аввакума за волосы его головы и поставил в верху рва в Вавилоне. Аввакум воскликнул: «Даниил, Даниил! Возьми обед, который послал тебе Бог». Даниил ответил: «Вспомнил о мне, Боже, и не оставил любящих Тебя». Затем Даниил встал и съел обед, принесенный Аввакумом (Дан. 14, 29–42).

сту, Богу и Господу моему, и отвергаюсь диавола, которому ты служишь. Но если я соединена со Христом, если я обручила себя Христу, то неужели, думаешь ты, я когда-либо отрекусь от Христа, Бога моего, и изберу вместо жизни вечной смерть? Ты можешь делать со мною все, что тебе угодно; но я презираю и буду презирать все суетные блага земные, так как я хочу приобрести и снискать себе блага небесные.

После того как святая окончила говорить, игемон приказал бросить ее в пещь огненную.

Когда пещь была разожжена, святая оградила себя крестным знамением и сказала:

— Господи Боже, Всесильный! Благословлю Тебя, и прославляю имя святое Твое за то, что Ты даровал мне настоящий день и час этот в веселие вечное, за то, что Ты написал исповедание мое пред Ангелами и человеками. Молю тебя — исполни желание души моей: яви этому нечестивому и мерзкому игемону, что Ты действительно Помощник мой.

Во время произнесения этих слов святая была брошена в пещь. Но тотчас с неба снизошла роса и угасила пламень пещи. Святая же, стоя посреди пещи, как чистая агница, воспевала такие слова: «Свят Ты, Боже! Благословен Ты, пославший мне, смиренной рабе Твоей, помощь с неба; пусть уразумеют все, что Тебе подчинена всякая тварь; пусть уразумеют все, что по Твоей воле пламя пещи этой потеряло свою силу».

Сказав так, святая вышла из пещи невредимой.

Игемон же, думая, что Гликерия по своему волшебству не получила вреда от огня, приказал содрать кожу с головы ее. Когда слуги игемоновы приступили к выполнению приказания игемона, святая мученица воззвала к Богу, говоря так: «Господи Боже, произведший свет! Ты, благоволивший процветать правде среди мучений сих, покажи нечестивому игемону Савину, что всякий, твердо надеющийся на Тебя и уповающий на силу Твою, никогда не устрашится мучений за имя Твое, но даже желает еще большего мученического подвига, дабы воспринять более славный мученический венец. Славлю и благодарю Тебя за то, что Ты открыл внутреннее существо души моей, после того как была снята кожа с головы

моей, так что я, осияваемая Твоим светом, могу теперь сказать о себе: ***Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего*** (Пс. 118, 18).

Игемон же, видя поругание для себя в этих словах святой, приказал отвести ее в темницу и, связав по рукам и ногам, велел положить ее нагую на острый камень.

Когда наступила полночь, в темницу снизошел Ангел Господень. Осияв темницу, он разрешил святую от оков и исцелил ее, восстановив снова на голове ее кожу, содранную мучителями, так что на лице святой не было видно совершенно никаких ран, и святая была здорова и имела цветущее лицо.

Утром следующего дня игемон приказал снова привести к себе святую на допрос. Когда страж темничный Лаодикий, открыв дверь темницы, увидел, что святая была освобождена от оков, то пришел в страх и ужас; не думая, что это была Гликерия, он вознамерился убить себя, так как подумал, что Гликерия убежала из темницы (так поступить страж хотел потому, что весьма боялся наказания от игемона). Но святая сказала ему:

— Не причиняй себе зла, ибо это я — Гликерия.

Страж же, находясь в испуге, сказал:

— Помилуй меня, спаси меня, дабы я не умер от страха, так как я верую в Бога, помогающего тебе.

Святая же сказала ему:

— Следуй за Христом и ты спасешься.

Страж же, выйдя из темницы, возложил на себя узы, которыми была скована мученица, и, неся их на себе, пошел к игемону.

Когда игемон увидал его, то сказал:

— Что это ты сделал, Лаодикий? Где узница, порученная твоему наблюдению?

Лаодикий сказал на это:

— Вот, она предстоит тебе. Нынешнею ночью она была осияна Божиим светом и исцелена Ангелом, посланным от Бога, который освободил ее от оков; оковы эти надел я на себя; вместе с тем она получила первоначальную красоту лица своего и была совершенно исцелена Ангелом от ран. Видя все эти чудеса Божии, я уверовал в Бога и желаю быть соучастником смерти Гликерии.

Тогда игемон, преисполнившись гнева, сказал:

— Пусть будет усечен этот окаянный, и тогда мы увидим, придет ли Христос на помощь к нему!

Когда приблизилось время усечения мечом, Лаодикий, подняв очи свои к небу, громко воззвал:

— Бог и Господь христиан! Сопричти меня во Царствии Твоем ко святой рабе Твоей Гликерии.

Святая же Гликерия молилась о нем к Богу, говоря так: «Отец Господа нашего Иисуса Христа, исцеливший болезни смертные, освободивший человека, плененного грехом, от уз адовых, Ты и раба Твоего Лаодикия освободи от власти диавола; помоги ему до конца довести подвиг своего исповедания и приими душу его в мире».

Лаодикий же, слышавший молитву Гликерии, сказал: «Аминь».

После этого он был усечен во главу; тело же его честное христиане, взяв тайно, похоронили с честью.

Между тем игемон, обратясь к Гликерии, сказал ей:

— Мы знаем, что отец твой был анфипатом римским, знаем также, что и мать твоя была столь же благородного происхождения; но кто тебе помогает, мы этого не знаем; скажи нам об этом сама.

Святая отвечала:

— Мне помогает Христос, Спаситель мира и Источник всякой радости, посылавший мне пищу в темнице, разрешивший меня от оков и восстановивший красоту лица моего, попранную тобой.

После этого игемон приказал отдать святую зверям на съедение.

Святая шла к зверям с весельем и радостью, как бы на некий пир. Когда она прибыла к тому месту, на которое выпускаются звери, то остановилась. Тотчас на Гликерию была выпущена большая львица, грозно рыкавшая; но, подойдя к святой, она тихо легла у ног ее и начала их лизать. Святая же, подняв очи свои на небо, сказала: «Благодарю Тебя, Боже всесильный, Боже отцов, Боже милосердия! Благодарю Тебя, укротившего ярость зверя, дабы показать всем Божественную силу Твою! Благодарю Тебя за то, что ты сделал для меня легкими все, даже самые жестокие, мучения. Услышь меня, Боже, и воздай сему злому игемону по делам его, меня же не лиши венца благодати Твоей вместе с прочими святыми Твоими».

После того как святая помолилась так, был слышан с неба голос, говоривший: «Я услышал молитву твою! Приди ко Мне с миром! Вот тебе отверзаются двери Царствия небесного!»

Вскоре была спущена другая львица, которая, подойдя к святой, угрызла ее, причем тело святой не было растерзано львицей. Так предала святая душу свою в руки Божии[1]. Звери же тотчас возвратились в свои клети. В тот же час игемон сильно разболелся тяжким недугом — отек весь водянкою и весьма раздулся, так что умер на улице, ибо его не успели принести в дом. Епископ же Дометий взял многострадальное тело святой мученицы Гликерии и похоронил его на одном красивом месте вблизи Ираклии. Впоследствии от честных мощей святой Гликерии истекло цельбоносное миро[2], врачевавшее многоразличные недуги, во славу Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога в Троице славимого, Которому воссылается честь, слава и поклонение, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА **АЛЕКСАНДРА**

В правление нечестивого императора римского Максимиана[3] по всем странам империи Римской было воздвигнуто жестокое гонение на христиан. Один из сотников, усердный служитель богов языческих, по приказанию императора выстроил капище скверному богу своему Дию[4] невдалеке от Рима, приблизительно на расстоянии одного поприща от него. Вместе с тем было предписано всем хри-

---

[1] Кончина святой мученицы последовала около 177 года.

[2] Очевидцем истечения мира от гроба святой мученицы Гликерии был между прочим император Маврикий (царствовал с 582 по 602 год). При нем было следующее чудо, совершившееся на гробнице святой мученицы: епископ Ираклийский пожелал заменить медный сосуд, в который истекало святое миро, серебряным, с каковою целью и купил его в Константинополе. Но когда сосуд этот был поставлен при гробе святой, миро остановилось. После усиленных молитв и заменения сосуда старым, оно опять потекло. Оказалось, что серебряный сосуд ранее принадлежал человеку, занимавшемуся волхвованием, и употребляем был им на дела нечестия.

[3] *Император Максимиан* правил с 285 по 305 год.

[4] *Дий*, или *Зевс*, — верховный бог древнегреческой религии, считавшийся родоначальником прочих богов.

стианам приносить жертвы богам языческим, а также собраться на обновление Диева храма. Царские посланники всюду разъезжали и громогласно возглашали:

— Слушайте, друзья богов! Утром следующего дня вы должны собраться вместе с императором в храме бога Дия.

Все язычники, слышавшие эти возгласы царских вестников, готовились к утру, намереваясь идти в капище Диево. Утром многие из язычников, сделав закупки в городе, отправились к капищу, отчасти ради поклонения и принесения жертв Дию, а отчасти для продажи купленного.

В это время один знатный и богатый муж, по имени Тивериан, саном трибун[1], имея у себя под начальством многих воинов, порученных его управлению воеводою Филаксом, призвав к себе этих воинов, сказал им:

— Слушайте, братия! Знаете ли вы приказ царский, повелевающий быть нам сегодня вместе с царем в храме Диевом? Будьте же готовы.

В то время как он говорил это, ему было доложено, что император уже прибыл к тому храму. Тотчас же все поспешно направились к капищу, дабы соприсутствовать императору. Но один из тех воинов, по имени Александр, с детства наставленный во благочестии христианском, боявшийся Бога, сказал трибуну:

— Ты хорошо сделал бы, если бы сказал, что мы должны идти и поклониться Богу истинному, пребывающему на небесах; те же, которых вы называете богами, не суть боги, но бесы.

---

[1] *Трибун* — начальник трибы, или полка.

Тивериан сказал ему:

— Мы сегодня будем приносить жертвы не всем богам, но только одному Дию, хотя у нас и много богов, которых почитает и сам царь, и мы.

Блаженный Александр отвечал на это:

— Дий, которого ты называешь богом, таков же, как и прочие бесы льстивые, увлекающие в погибель поклонников своих, прельщающие их на дела мерзкие и беззаконные, которыми осквернялись и сами боги ваши, как вы говорите о них, именно, иногда они, будучи распаляемы плотским вожделением, прельщали женщин и творили с ними мерзкие дела, оскверняя не только землю, но и море, и воздух[1]. Но кто когда слышал или видел, чтобы бог занимался блудодеянием? Наш же Бог — есть Бог невидимый плотскими очами, но познаваемый лишь одною верою, Бог Пречистый, Всесильный, Создатель неба и земли. Наш Бог не требует Себе таких жертв, которые вы приносите своим нечистым демонам; взамен этих жертв Он требует от нас жертвы чистой и бескровной.

Выслушав Александра, Тивериан сказал:

— Оставь свое безумие, Александр! Не хули богов, наших благодетелей, чтобы царь, услыхав об этом, не прогневался на меня за то, что я позволяю быть в полку своем такому богохульнику!

Сказав это, Тивериан отправился к царю, Александр же пошел в дом свой.

Когда наступило время жертвоприношения, царь начал приносить жертву мерзкому богу своему Дию в том храме. В это время Тивериан сказал царю, что один из его воинов, по имени Александр, не исполняет приказания царского, не приносит жертву богу Дию, но поносит и хулит богов. Тотчас царь приказал послать за ним и велел привести его к себе в железных оковах.

В это время был шестой час дня[2]. Александр лежал в это время на постели своей, предавшись сну. Вдруг явился ему в сонном видении Ангел Господень и сказал: «Александр! Мужайся и крепись, так как тебе предстоит много пострадать за имя Иисуса Христа. Вот для тебя

---

[1] Святой Александр в данном случае имеет в виду грубые и грязные рассказы греческой мифологии о похождении богов. По взгляду древних греков их боги обладали такими же недостатками, как и люди.

[2] По нашему счету — двенадцатый час дня.

уже приготовлены немалые муки; вот воины уже идут за тобою, чтобы взять тебя. Но ты не бойся их; пусть не страшится их сердце твое, потому что я послан на помощь тебе. Встань же и помолись Богу, и я буду с тобою во все время твоего подвига».

Встав с постели, Александр начал петь псалом Давидов: *Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю* (Пс. 90, 1–2), и прочие слова псалма того до конца. Затем, выйдя из дому, Александр встретил воинов, шедших за ним; воины эти были его товарищами по полку, увидав святого Александра, все они попадали на землю от страха, ибо лицо святого сияло, как молния. Но святой сказал им:

— Встаньте, братия! Чего вы испугались?

Воины же сказали:

— Нам показалось, что ты был окружен силою Божию; потому мы и пали на землю от страха.

Но святой сказал им:

— Слушайте меня, братия! Бог неба и земли посетил раба Своего; но вы не смущайтесь: делайте то, что приказано вам; вы ведь посланы за тем, чтобы взять меня связанным и представить на допрос царю.

Воины же сказали на это:

— Мы условились ничего не говорить тебе. Откуда же ты узнал об этом, — скажи нам.

Святой отвечал:

— Не должно мне много говорить с вами, так как я с поспешностью стремлюсь на предлежащий мне подвиг, приготовленный мне Царем небесным. Мне придется идти из Рима до Византии.

Сказав это, святой преклонил колена и в таких словах помолился ко Господу: «Господи Боже отцов наших, хвалимый и благословляемый вовеки! Я прошу и молю Тебя — ныне, не отдели меня от лика праведников своих, не отринь меня, грядущего к тебе, так как ты открыл мне святое и страшное имя свое. Ты, Господи, Помощник и Заступник мой, пошли мне Ангела твоего, дабы он помог мне и научил меня, что мне отвечать пред мучителем».

После того как святой окончил свою молитву, воины возложили руки на него и сковали его железными узами; потом повели его к

императору Максимиану. Мать же святого, по имени Пимения, не знала еще того, что сын ее, Александр, взят на допрос к царю. Был же святой крепок телом, ростом высок, лицом красив и юн, ибо имел всего только восемнадцатый год от рождения своего. Когда святой был представлен на допрос к царю, то Максимиан спросил его:

— Ты ли тот самый, который дерзнул оскорбить меня? Ты ли тот, кто не повинуется начальнику своему и не желает поклониться великому богу моему Дию?

Святой отвечал на это:

— Я поклоняюсь Богу моему, пребывающему на небесах, и Его Единородному Сыну, Господу Иисусу Христу, и Святому Духу. Иного бога я не знаю и не буду исповедовать. Поэтому не спрашивай меня о другом боге. Власти же твоей я нисколько не боюсь и не страшусь, не боюсь я ни твоих угроз, ни твоих мучений, которым ты предашь меня.

Услыхав это, Максимиан весьма разгневался и сказал:

— Что может сделать тот Бог, Которого ты исповедуешь?

Отвечал святой:

— Бог мой есть Бог невидимый и всемогущий, так что нет ничего, что не было бы возможно Богу моему.

Максимиан сказал на это:

— Может ли быть Богом тот, кто был распят людьми и умер, будучи умерщвлен?

Святой отвечал:

— Умолкни, сатана, потому что ты не смеешь своими скверными устами поминать пречистое и пресвятое имя Господа моего Иисуса Христа, по Своей воле претерпевшего и распятие, и смерть! О, безумный! Если ты называешь его распятым и преданным смерти, то почему же ты не говоришь и о том, что Он воскрес из мертвых и даровал жизнь многим мертвым?

Максимиан сказал:

— Я хочу пощадить юность твою, потому что вижу, что ты очень молод.

Но святой отвечал:

— Пожалей лучше себя самого и потрудись выпутаться из сети, в которую ты вовлечен диаволом. Что же касается до меня, то я не боюсь никаких мучений, так как имею своим помощником Бога.

Максимиан сказал:

— Я уже сказал, что я хотел бы пощадить тебя. Подойди же и принеси жертву; тогда ты будешь постоянно находиться в царской палате и будешь даже занимать здесь первое место.

Святой отвечал:

— Какому же богу ты прикажешь поклониться?

Отвечал Максимиан:

— Поклонись и принеси жертву великому богу Дию.

Святой, подняв руки свои к небу, начал молиться так: «Господи, Иисусе Христе! Не оставь меня, смиренного раба Твоего, помоги мне, грешному и недостойному».

Когда он молился так, то, подняв очи свои на небо, увидел, что небеса были отверсты; увидел он и Сына Божия, сидевшего одесную Отца. От такого видения святой преисполнился великой радости духовной. Затем снова спросил Максимиана:

— Какому богу желаешь, чтобы я принес жертву?

Максимиан сказал:

— Принеси жертву великому богу Дию.

Отвечал святой:

— Разве ты не знаешь, что некогда был человеком тот, кого ты называешь богом, и притом был развратным и мерзким человеком, ибо однажды, распалившись плотскою страстью к женщине, принял на себя образ вола и своим волшебством прельстил и осквернил женщину?[1]

Максимиан, услышав это, рассмеялся и сказал:

— Это доказывает силу богов наших, ибо они являются людям в том виде, в каком пожелают сами.

Святой же сказал ему:

— Окаянный! Ты хвалишь скверные и мерзкие дела богов своих, потому что и сам ты уподобляешься им нечистыми делами своими, ибо не хочешь познать Бога истинного, даровавшего тебе и честь, и царство.

Максимиан сказал:

— Власть царскую дали мне мои боги.

Святой сказал:

---

[1] В данном случае святой Александр также имеет в виду рассказы греческой мифологии о похождении богов.

— Я удивляюсь тебе, как ты, считая себя умным, губишь себя самого, так как ты веруешь в бесов и служишь идолам немым и бездушным, оставив Бога живого и бессмертного. Для чего ты следуешь за сатаною, отцом твоим? Обратись лучше от тьмы к свету, дабы не погибнуть тебе в геенне огненной и навеки.

Тогда Максимиан, преисполнившись гнева, передал Александра трибуну Тиверию, приказав ему мучить святого. Вместе с тем Максимиан приказал Тивериану мучить не только Александра, но и всех вообще христиан; с этою целью он послал трибуна во Фракию, приказав ему везде преследовать христиан. Максимиан приказал вести Александра за собою до Византии. Когда святой Александр услышал об этом, то сказал царю:

— Благодарю тебя, мучитель, за то, что ты хочешь сделать имя мое известным по многим странам. Да сподобит меня Господь и Бог мой претерпеть за имя это святое всякие болезни и мучения по всем концам земным.

Максимиан же приказал удалить святого от лица своего. Трибун Тиверий принял его в свое распоряжение, и утром следующего дня приказал, повесив святого на мучилищном дереве, строгать тело его железными когтями. Александр во время мучения не испустил ни одного вздоха, но, подняв очи к небу, воссылал благодарение Богу. Затем, сняв святого с мучилищного дерева, трибун Тивериан приказал оковать его железными узами и поручил своим воинам вести его во Фракию.

В то время, когда святой Александр был веден воинами во Фракию, Ангел Господень явился в сонном видении его матери, Пимении, и сказал ей: «Пробудись, поднимись с постели, возьми твоих слуг и животных и последуй за сыном твоим во Фракию; туда ведут сына твоего для того, чтобы он пострадал за имя Христово; ты же, по кончине его, предай погребению честное тело его».

Блаженная Пимения, пробудившись, не стала печалиться и плакать, а, наоборот, преисполнилась великой духовной радости о сыне своем. Тотчас же встав и приготовив все необходимое для путешествия, с поспешностью пошла она тем же путем, каким шел и сын ее. Пимения догнала Александра в городе Катаргене.

Войдя в этот город, она увидала, что сын ее предстоял Тивериану, который судил его. Увидав, затем, что Александра начали подвергать

истязаниям и мучениям, и весьма возрадовавшись о подвиге возлюбленного сына своего, Пимения велегласно воззвала, сказав так:

— Бог Всевышний, Пастырь добрый, да поможет тебе, сын мой!

Когда Тивериан услышал ее голос, то спросил:

— Чей это голос?

Однако никто не мог сказать, откуда происходил этот голос, так как народа, стоявшего около места того, было слишком много. Затем Тивериан сказал мученику:

— Окаянный, принеси жертву богам!

Святой же отвечал:

— Я согласен принести Богу жертву хвалы.

Мучитель сказал на это:

— Разве ты не говорил мне, что ваш Бог не требует Себе никаких жертв?

Святой отвечал:

— Действительно, Бог мой не требует тех жертв, которые вы приносите своим идолам, но Он требует жертвы в правде и святости, потому что Он Бог святой и праведный.

Тогда Тивериан приказал опалять свечами тело святого, сказав:

— Посмотрим, придет ли Бог его спасти его от моих рук.

Святой же, будучи опаляем, подняв очи свои к небу, сказал: «Слава Тебе, Господи Иисусе Христе, пославшему Архангела твоего Михаила в Вавилон и трех отроков от огня пещи избавившему (см.: Дан. 3), Ты, Господи, избавь и меня от болезненной муки этой и посрами мучителя, дабы я вместе с псалмопевцем Давидом мог сказать: *Мы вошли в огонь и воду, и Ты вывел нас на свободу* (Пс. 65, 12).

Тивериан, увидав, что огонь нисколько не вредил мученику, весьма устыдился и приказал воинам связать Александра и вести его за собою в дальнейший путь. Мать же святого, увидав, что сын ее отведен воинами от мучителя, упросила воинов допустить ее к свиданию с сыном. Воины не воспрепятствовали ей. Святой мученик, увидав мать свою, сказал:

— Хорошо сделала ты, госпожа моя, что пришла сюда. Сопутствуй мне до того самого места, на котором я окончу подвиг свой[1], как открыл мне Господь.

Некоторые же из воинов говорили при этом:

---

[1] То есть до города Византии.

— Блажен ты, Александр, потому что велика твоя вера; велик и Бог христианский. Вот уже как много мук принял ты и однако же, нисколько не ослабел в своем исповедании.

Так говорили они во время путешествия, предпринятого по приказанию Тивериана.

Когда путешественники подошли к источнику, случайно протекавшему на пути, то остановились и приступили ко вкушению пищи. Вместе с тем они начали упрашивать и Александра вкусить пищи с ними, тем более, что он уже четырнадцать дней не вкушал хлеба и не пил воды. Святой же, заменяя для себя пищу молитвой, преклонив колена, начал петь псалом: *Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя: помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю* (Пс. 120, 1–2). Затем начал молиться так: «Господи Иисусе Христе, соблюди меня, агнца твоего, непорочным, дабы не возрадовался враг мой о мне, ибо я познал пресвятое Имя Твое. Не посрами меня, Владыко, пред мучителем, но пошли на помощь мне святого Ангела твоего и десницу Твою, и будь мне Защитником, Помощником и Покровителем».

Когда святой окончил свою молитву, ему явился Ангел Господень и сказал: «Не бойся, Александр! Господь услышал молитву твою, и я послан от Бога тебе на помощь».

Когда Ангел говорил эти слова, воины слышали, что кто-то говорил Александру, но кто именно, они этого не видели; поэтому они весьма испугались и от страха и ужаса упали лицами своими на землю. Блаженный же Александр сказал им:

— Что вы видели, братия, что так испугались?

Они же сказали:

— Мы слышали голос Бога твоего, говорившего к тебе; поэтому мы и испугались и от страха пали на землю.

В то время как воины говорили святому слова эти, к месту тому приблизился Тивериан, сопровождаемый вельможами городскими. Тивериан спросил вельмож:

— Как называется место это?

Они сказали ему:

— Оно называется Судным местом.

Тивериан сказал на это:

— Если это Судное место, то на нем следует произвести суд. Приведите же ко мне христианина Александра.

Когда святой предстал Тивериану, то последний сказал ему:

— Неужели ты все еще пребываешь в своем безумии и все еще не хочешь поклониться богам нашим? Я вижу, что сердце твое ожесточено; однако я весьма сожалею тебя и потому хочу обратить тебя к почитанию богов, владык всей вселенной.

Мученик отвечал на это:

— Нечестивый, ослепленный умом, сын диавола, служащий отцу своему — сатане. Как ты можешь сожалеть меня и быть милосердым для меня? Ведь сатана, отец твой, ни к кому не милосерд, наоборот, он хочет всех вовлечь в геенну огненную и погубить вместе с собою.

Тивериан сказал:

— О злой и нераскаянный! Как ты осмеливаешься так говорить мне? Разве я равен тебе, что ты говоришь мне такие дерзости? Не за то ли ты бесчестишь меня, что я щажу тебя? Но не следовало бы тебе еще более почитать и уважать меня за мою благость и милосердие, а не поносить меня бранными словами!

Святой отвечал:

— Воистину, ты подобен отцу твоему, сатане, так как имеешь сердце ожесточенное, как какой-либо твердый камень. Не понимаешь ли ты того, что место это называется Судным. А это очевидно показывает, что тебя в скором времени постигнет праведный суд Бога, Который будет судит всех, живых и мертвых, и Который воздаст каждому по делам его. Вот тогда ты и узнаешь, что я говорил тебе истину. Бог будет судить тебя за то, что ты без милосердия мучаешь меня. Он знает, сколь люто и незаслуженно ты мучаешь меня. Но знай, что муки эти принесут мне славу, тебе же приготовят погибель вечную.

Слыша такие слова, Тивериан распалился еще большею яростью и приказал расстелить по земле железные колючки и влачить по ним мученика. Святой же во время столь лютого мучения молчал, как будто совершенно не ощущал никакой боли. Видя, что мучения не достигают цели, Тивериан еще более разгневался и приказал четырем воинам бить святого суковатыми палками. Во время мучения святой, принимая побои, сказал Тивериану:

— О нечестивый! Только эти муки ты изобрел для меня. Прибавь другие, более тяжкие, потому что от этих мук я совершенно не чувствую никакой боли, ибо мне помогает Христос, Бог мой.

Тивериан сказал на это:

— Я разрублю тело твое на части, брошу их в огонь, развею в пепел, так что на земле не останется и памяти о тебе. Тогда я посмотрю, придет ли Христос на помощь тебе и спасет ли тебя из рук моих.

Отвечал святой:

— Христос мой тотчас же погубит тебя. Твое тело будет раздроблено на части и твои кости будут раскиданы по земле; ты более уже не увидишь Рима, как не увидишь и лица твоего нечестивого императора, потому что Господь потребит память о тебе с земли. И все это будет тебе в наказание за то, что ты не познал Бога истинного и не почтил, окаянный, Того, Кто дал тебе эту честь и эту власть. Но если бы ты познал Бога, то ты мог бы стяжать себе на небе жизнь вечную; ныне же ты, оставив Бога истинного, возлюбил сердцем своим отца своего, сатану; вместе с ним ты будешь свержен в геенну огненную. Я же всегда буду прославлять Владыку и Спасителя моего, Господа Иисуса Христа, Который избавит меня от рук твоих и сподобит меня благодати Своей в Царстве Своем вечном.

Услыхав такие слова, мучитель изменился в лице своем от гнева и ярости. Однако приказал прекратить мучения.

Между тем день склонился к вечеру. Когда наступила ночь, Тивериан расположился на ночлег в том месте. Уснув, он увидал в сонном видении Ангела Божия, явившегося ему в грозном виде с мечом в руках. Ангел сказал ему: «Нечестивый! Вот, я пришел к тебе, ибо ты предал лютым мукам раба Божия Александра, знай, что я мог бы поразить тебя вот этим мечом. Но я подожду еще некоторое время. Пробудившись, иди с поспешностью чрез Иллирию в Византию, ибо приблизилось время кончины раба Божия Александра».

Тивериан от страха пробудился. От ужаса он трепетал всем телом своим. Подозвав к себе своих советников, сопутствовавших ему, он пересказал им о своем видении. Они же сказали ему:

— Мы давно уже хотели сказать тебе, чтобы ты не мучил столь люто и несправедливо человека того. Но мы не осмеливались этого сделать. Мы слышали, что велик Бог христианский и что Он осуждает на вечные мучения в огне неугасимом тех, кто мучает рабов Его.

После этих слов Тивериан пришел еще в больший страх и ужас и тотчас же приказал воинам своим вести мученика вперед. Сам же

пошел сзади него. Тивериан проходил мимо многих городов, однако не заходил и не останавливался в них, так как, согласно повелению Ангела, весьма спешил в Византию. Но сонное видение еще много дней не выходило из головы его; поэтому Тивериан был в большом страхе и не осмеливался причинять мучений святому Александру.

Когда Тивериан проходил через Иллирию и приблизился к городу Сардикии, навстречу ему вышел градоначальник и вельможи городские; но Тивериан не вошел в город, а прошел мимо него. Бывшие же в городе том христиане, услыхав, что трибун Тивериан, шедший из Рима, вел с собою мученика, вышли из города, но не для того, чтобы встретить трибуна, а для того, чтобы видеть мученика. Увидав, что мученик шел отдельно, христиане подошли к нему и, припав к ногам его, сказали:

— Помолись о нас Богу, страдалец Христов!

Он же сказал им:

— Молитесь и вы за меня, братия, дабы я совершил до конца подвиг свой о Христе Иисусе и сподобился восприять обещанный мне венец из Его святой десницы.

Затем мученик был поведен воинами в дальнейший путь. Миновав город Клисуру, путешественники приближались к месту, называвшемуся Вономасийским полчищем, отстоявшему от Филиппополя за сорок поприщ, где и остановились. Тивериан к этому времени уже начал забывать то страшное видение, которое он имел относительно мученика Александра. Позвав святого к себе на допрос, он спросил его:

— Неужели, Александр, ты до сих пор все еще пребываешь в безумии своем? Не желаешь ли принести жертву милосердым богам нашим Дию и Асклепию[1], владеющим вселенной?

Святой отвечал:

— Ослепленный умом, сын сатаны! Что еще желаешь ты слышать от меня? Ведь я сказал тебе, что бесам я не принесу жертвы.

Тивериан сказал:

— Нет, я и не убеждаю тебя принести жертву бесам; я прошу тебя только принеси жертву Дию и Асклепию, нашим великим богам.

Святой отвечал:

---

[1] *Асклепий* считался у древних греков богом врачевания.

— Безумный! Неужели ты не понимаешь того, что твой Дий и Асклепий суть бесы?

Тивериан сказал:

— Нет, они боги мои. И вот, я сделаю так, что имя твое будут поносить по всей земле за такое столь великое поругание и меня, и богов моих.

Святой отвечал:

— Я сам желаю того, чтобы имя Христово через меня прославилось по всей земле.

Тогда Тивериан сказал воинам, предстоявшим ему:

— Уведите его от лица моего, ибо я не могу выносить его поруганий. Ведите его в Филиппополь и заключите его там в темницу, держите его в темнице до тех пор, пока я не приду в город тот.

Мученик, согласно приказанию Тивериана, был приведен воинами в Филиппополь и заключен здесь в темницу.

Между тем, граждане города того, узнав, что в их город скоро прибудет Тивериан, вышли навстречу ему. Войдя в город, Тивериан готовился к принесению жертвы Дию и Асклепию. Христиане же, проживавшие в городе том, узнав, что в их городе в темнице находился святой мученик Александр, подошли к темнице и стали упрашивать темничного сторожа пропустить их в темницу, дабы они могли видеть мученика Христова. Сторож не препятствовал им, потому что и сам боялся Бога. Войдя внутрь темницы и увидав, что святой был заключен в оковы, христиане припали к ногам его и целовали узы его, говоря: «Благослови нас, страстотерпец Христов, благослови также и отечество наше, ибо мы — христиане; мы проживаем в городе этом, одержимые всегда великим страхом, ибо игемон города этого постоянно разыскивает нас, дабы муками отвратить нас от Христа. Однако он до сих пор не мог отвратить нас от исповедания имени Христова. По благодати Божией нас здесь много; в числе нас, христиан, есть даже наиболее славные и именитые здешние граждане. Мы надеемся, что сила Христова победит нечестивую веру эллинскую и в конце концов весь город наш единогласно будет прославлять имя Христово. Ты же, страдалец Христов, претерпи до конца подвиг свой за Христа.

Между тем, Тивериан, принося идолам свою мерзкую жертву, вспомнил об Александре, содержавшемся в темнице, и сказал вельможам городским:

— Вы должны знать, что я имею с собою христианина, преданного мне для испытания; я принуждал его различными муками к поклонению богам нашим, но нисколько не успел в этом. На мои вопросы он отвечает очень грубо и постоянно поносит и меня, и богов наших. Пусть его приведут сюда. Быть может, он устыдится всех вас, здесь присутствующих, и принесет жертву богам.

Тотчас был приведен Александр. Тивериан, сидя рядом с игемоном, сказал мученику:

— Скажи мне, Александр: ты все еще до сих пор не соглашаешься приносить жертв богам нашим? Вот все христиане, проживающее в этом городе, уже поклонились Дию и Асклепию, только ты один противишься нам.

Святой же отвечал:

— Ты лжешь, окаянный, как и отец твой, сатана: ни один из здешних христиан не исполнил еще вашего нечестивого приказания. Что же касается меня, то ты все равно от меня ничего не услышишь, кроме того, что я тебе сказал уже раньше, а именно, что я — христианин, и что я не принесу жертвы скверным бесам вашим. Вот и теперь опять я, во всеуслышание всех, здесь собравшихся, повторяю, что я раб Бога небесного и что я никогда не отрекусь от Христа, Бога моего.

Тивериан, устыдясь, сказал воинам: «Связав его железными оковами, ведите предо мною; я же в скором времени пойду за вами».

И веден был святой в дальнейший путь.

Подойдя к одному источнику, называвшемуся Сирмием, мученик умыл лицо и руки свои. Затем, обратясь к востоку, начал молиться, говоря: «Благодарю Тебя, Господи Боже мой за то, что Ты в Филиппополе сподобил меня исповедать пресвятое имя Твое».

Воины же не дали ему еще помолиться и принудили его продолжать путь.

Когда дошли до места, называвшегося Полчищное (здесь бывали празднества языческие), Тивериан догнал путников. Подозвав к себе Александра, Тивериан сказал ему:

— Разве ты не знаешь, Александр, что я с кротостью говорил тебе пред игемоном, увещевая тебя принести жертву богам нашим; но ты, в присутствии столь избранного общества, презрел мою просьбу. В таком случае, хоть теперь исполни приказание мое, и освобожу тебя от мучений.

Отвечал святой:

— То, что я сказал тебе пред игемоном, скажу и на всяком месте. Поэтому ты, сын сатаны, обольщенный диаволом, не думай, что отвратишь когда-либо меня от исповедания имени Христова.

Тогда Тивериан приказал воинам вбить в землю четыре кола и, растянув мученика в четыре стороны, велел дать ему двести ударов. Мученик же, с безмолвием принимая наносимые ему раны, молился ко Господу Богу своему. В это время с неба послышался голос, говоривший: «Мужайся, Александр, и не бойся мучений, ибо они временны и скоропреходящи. Я же всегда с тобою».

Услыхав голос с неба, Тивериан весьма убоялся, тотчас же приказал прекратить мучения и затем отправился в дальнейший путь. Дойдя до города, называвшегося Карасура и находившегося между Филиппополем и Вереею, Тивериан вошел в него; воины же вместе с Тиверианом не вошли в город, но остановились под тенью дерев вблизи города. Был шестой час дня. Так как было очень жарко, то святой сказал воинам:

— Братия, я очень хочу пить.

Но они ему отвечали:

— И мы очень хотим пить, но откуда же мы достанем здесь воду?

Святой сказал им:

— Подождите здесь немного, ибо может Бог и на месте сем дать нам воду.

Сказав это, святой преклонил колена свои и помолился ко Господу такими словами: «Господи Иисусе Христе, изведший некогда в пустыне из камня воду жаждавшему Израилю (см.: Исх. 17, 1–7), призри и ныне милостиво на раба твоего и дай нам на месте сем воду, чтобы мог утолить жажду я и все те, которые находятся со мною. Через это будет прославлено святое имя Твое».

Когда святой помолился так, вдруг земля расступилась и под дубом истек источник воды чистой и прохладной. Увидав такое чудо, воины сказали:

— Воистину велик Бог христианский, исполняющий просьбы верных рабов Своих.

Затем мученик и воины те вкусили воды от источника и прославили Христа Бога.

Пройдя затем, достаточно значительный путь, воины подошли к одной реке, называвшейся Арзоном. Так как все утомились от дол-

гого пути, то расположились здесь на отдых. Сел отдыхать и Александр. Здесь догнал воинов Тивериан и, увидев, что мученик сидел, с гневом сказал воинам:

— Почему вы, окаянные, позволяете сидеть нечестивому человеку тому?

Затем, поднявшись, пошли по направлению к городу Вереи.

Когда приближались к этому городу, граждане с честью встретили Тивериана. В городе этом было очень много христиан — больше половины, однако они, боясь мучений от язычников, в тайне содержали исповедание имени Христова. Увидав мученика Христова, шедшего отдельно от трибуна, они подошли к нему и сказали:

— Радуйся, страстотерпец Христов! Мужайся и крепись, потому что нечестивые мучители никогда не победят всемогущей силы Господа нашего Иисуса Христа.

Между тем Тивериан, подозвав к себе мученика, сказал ему:

— Послушай меня, Александр, как своего родного отца: принеси теперь жертву богам нашим вместе со мною. Если ты сделаешь это, то, обещаю тебе пред всеми здесь присутствующими, что освобожу тебя, и если ты пожелаешь, можешь занять место начальника в моем полку; если же не пожелаешь быть начальником полка, то пойдешь, куда пожелаешь.

Святой же, улыбнувшись, сказал ему:

— О, если бы ты знал, как горько для меня то утешение, которым ты меня утешаешь! Ибо сии слова твои наносят душе моей великое мучение. Но Бог поможет мне не слушать твоего совета. Я тебе уже много раз говорил раньше и теперь говорю и еще раз повторю, что я — христианин и твоим бесам не принесу жертвы.

И пошел Тивериан оттуда далее. Мученик следовал за ним, будучи окован узами железными. Пришли к другому месту, расположенному на берегу той же реки Арзона. Место это отстояло от Вереи на четырнадцать поприщ. Здесь было много гостиниц и страннoприимных домов. Тивериан заночевал здесь, ожидая мученика, которого сопровождало от города Вереи много христиан.

Когда воины прибыли вместе с мучеником к тому месту, на котором был Тивериан, то мученик стал просить у Тивериана позволения помолиться в продолжение небольшого времени Богу своему. Тивериан дозволил ему. Святой, увидав по близости большое ореховое

дерево, подошел к нему и, став под его ветвями, преклонил колена, молясь Богу в таких словах:

«Господи Иисусе Христе! Пошли святого Ангела твоего и возьми душу мою, ибо я более не могу выносить мучений, так как тело мое изнемогло».

Тивериан, увидав, что мученик молится, сказал воинам:

— Удивляюсь, откуда Александр научился волшебным молитвам. Он вырос ведь на моих глазах. Я сам определил его в сан воина и никак не мог предполагать, что он знает волшебство.

Затем, призвав к себе Александра, сказал ему:

— Александр, принеси жертву богам!

Святой отвечал:

— Воистину ты помрачен умом, ибо снова желаешь слышать от меня то, что я тебе говорил уже много раз.

После этих слов святого Тивериан приказал слугам своим поливать спину мученика кипящим маслом. Но Ангел Господень, невидимо явившись близ мученика, разбил сосуд, в котором было масло; при этом масло возлилось на слуг мучителя и сильно обожгло их. Тивериан же, увидав, что маслом обожжен не мученик, а его слуги, весьма разгневался и приказал четырем воинам растянуть мученика под ореховым деревом и бить его палками без милосердия. Биение продолжалось до тех пор, пока изнемогли воины. Когда мучители прекратили биение, святой Александр сказал: «Владыко Господи! Благослови дерево это и дай ему целебную силу, ибо я пострадал под ним за святое имя Твое».

С того времени плоды и листья дерева возымели целебную силу и исцеляли веровавших от многоразличных болезней и недугов.

Затем снова воины повели мученика в путь, идя пред Тиверианом. Когда прошли Андрианополь, то приблизились к одному месту, называвшемуся Вуртодексион. Здесь святой встретил мать свою блаженную Пимению, прибывшую сюда ранее мученика, увидав своего возлюбленного сына, она пала к ногам его, плача и рыдая. Затем, поднявшись, облобызала его. И сказал ей святой:

— Не плачь, мать моя, ибо я надеюсь на Господа моего, что Он утром следующего дня поможет мне окончить подвиг мой.

Здесь догнал воинов Тивериан. Так как день склонялся уже к вечеру, то Тивериан здесь остановился на ночлег и предался сну.

В восьмой час ночи[1] он поднялся с ложа своего и пришел к реке, называвшейся Зионкел, где была гостиница. Солнце уже взошло. Отдохнув здесь несколько от пути, Тивериан сказал мученику:

— Я тебя предавал уже многим мукам, и, однако, ты не хотел обратиться к почитанию богов моих. Знай же, что ныне я предам тебя смерти, если ты не исполнишь моего приказания.

Сказав так, Тивериан удалился от того места. Приближаясь к Византии и подойдя к городу Дризиперу, расположенному при реке Еригоне, Тивериан решил произвести здесь окончательный суд над мучеником и сказал ему:

— Вот смерть твоя, Александр, пред тобою. Что ты скажешь: принесешь ли жертву богам нашим или нет. Вот я здесь умерщвлю тебя и брошу твое тело в реку, чтобы его пожрали рыбы.

Святой же отвечал ему:

— Я бы весьма возблагодарил тебя, если бы ты сделал то, что говорил; тогда бы я скорее избавился от рук твоих. Богам же твоим мерзким я ни в каком случае не принесу жертвы, хотя бы ты мог погубить меня и тысячами смертей.

Тогда мучитель приговорил Александра к смерти и передал его воинам, приказав отсечь ему голову и бросить тело его в реку. Затем отправился в дальнейший путь; воины же остались здесь для того, чтобы исполнить приказание Тивериана. Сюда стеклось весьма много народа, желавшего видеть кончину мученика Христова; было здесь немало и христиан. Святой мученик, обратившись к палачу, попросил его несколько повременить усечением и дать ему помолиться; при этом мученик попросил воды. Некто из народа, пришедшего посмотреть на зрелище то, взяв сосуд, зачерпнул воды из реки и принес ее к мученику. Святой же, умыв водою лицо и руки свои, обратился к востоку; затем, оградив себя честны́м знамением креста, начал молиться, говоря так: «Слава Тебе, Боже отцов наших! Слава Тебе, Бог Авраамов, Исааков и Иаковлев! Слава Тебе, Которого трепещет вся тварь и Которому все поклоняется, ибо Ты — Творец неба и земли! Тебе, Богу всех, Богу невидимому и нетленному, со страхом предстоят Серафимы, не смея воззреть на Тебя, и восклицают непрестанно: *Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его!* (Ис. 6, 3). Тебя благословляет солнце, обходящее

[1] На наш счет — в два часа ночи.

небо, благословляет земля и все, что на ней, люди и животные, всякое дыхание жизненное воспевает Тебя, ибо Ты Единый Бог истинный, Отец, и Сын, и Святой Дух, пребывающий вечно. Вспомни о боящихся Тебя, Владыко, и о воссылающих благодарение всесвятому имени твоему. Не презри и меня, раба твоего, смиренного и недостойного, Человеколюбче Господи».

Затем, обратившись к христианам, святой сказал:

— Братия и отцы! Вспоминайте труды мои, ибо я не поленился пострадать ради имени Господа нашего Иисуса Христа, дабы Он был милосерд ко мне и ко всем прочим христианам. Знайте, что тот долгий путь, который я совершил от Рима до этого места, всюду связываемый узами и облагаемый веригами, влекомый с побоями, всячески мучимый, — этот тяжелый путь я совершил не своею силой, но помощью Господа нашего Иисуса Христа. Силою Господа Иисуса Христа я победил и мучителя Тивериана, и помощника его, диавола. Вот я ныне ухожу отсюда, чтобы предстать Владыке моему. Вы же помолитесь обо мне, дабы я снискал себе от Господа милость.

Затем святой попросил палача подождать еще непродолжительное время и, преклонив колена, начал молиться Богу в таких словах: «Господи Иисусе Христе! Услышь раба Твоего, страдающего за имя святое Твое! Ниспошли благодать телу моему; сделай так, чтобы оно, где бы ни было положено, подавало всюду исцеления больным во славу пресвятого имени Твоего».

Тотчас же послышался голос с неба, обещавший исполнить просьбу мученика.

Потом мученик сказал воинам:

— Братия! Исполняйте же поскорее то, что повелено вам!

Палач же, по имени Целестин, сказал святому:

— Мученик Христов! Помолись Богу своему, дабы не поставил Он этого мне во грех, ибо мне приказано убить тебя.

Сказал ему святой:

— Делай так не по своей воле, но по приказанию других. Тот будет иметь грех на себе, кто приказывал, ты же поскорее сделай то, что повелено, ибо я спешу отойти ко Господу моему.

Целестин завязал глаза святому чистым полотенцем и, вынув меч из ножен, уже хотел нанести удар мученику. Но, увидав святых Ан-

гелов, пришедших взять душу мученика, весьма испугался и стоял, не зная, что делать. Святой же, ожидая в скором времени усекновения головы своей, сказал палачу:

— Делай, брат, то, что тебе повелено.

Но палач отвечал:

— Я боюсь, раб Божий, ибо я вижу неких дивных мужей, стоящих близ тебя.

Тогда святой воззвал к Богу, говоря так: «Господи, Иисусе Христе! Сподоби меня скончать подвиг свой в час этот!»

После этого Ангелы отошли от святого на небольшое расстояние. Тогда палач Целестин отсек честную главу мученика, и тотчас святая душа его была взята на небо ангельскими руками; Ангелы возносили ее на небо во гласе хваления Бога. Глас тот ангельский был слышен всеми христианами, стоявшими близ места того.

Так святой мученик Христов Александр окончил подвиг страдания своего[1], тело же его честное было брошено воинами Тиверияновыми в реку, согласно приказанию мучителя. Но, по Божию усмотрению, честное тело мученика было извлечено из воды четырьмя псами на берег. Псы лизали святое тело и, сидя близ него, охраняли его от хищных птиц и зверей. Когда же к тому месту пришла мать мученика, блаженная Пимения, то она взяла многострадальное тело сына своего возлюбленного и, помазав его ароматами и обвив чистою плащаницей, похоронила с честью при реке Еригоне. От гроба мученика всем, с верою притекавшим, подавались нескудные исцеления.

В скором времени святой мученик явился матери своей в видении, утешил ее и возвестил ей, что скоро и она преставится лицу Божию. С нею этот святой мученик предстоит ныне пред престолом славы Божией в сонме прочих святых мучеников, молит о нас Господа Человеколюбца и славит Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога в Троице, прославляемого и восхваляемого всею тварью, видимою и невидимою, ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.

[1] Кончина святого мученика Александра последовала в конце III или в начале IV века.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО **ПАВСИКАКИЯ**, епископа Синадского

Родиной блаженного Павсикакия был город Апамея[1], и он происходил от знатных, благородных и усердных в истинном христианском благочестии родителей. Во время своего воспитания, будучи еще в юном возрасте, он предался строгому посту, молитве и другим суровым подвигам, почему и принял впоследствии иночество. Питаясь только небольшим количеством хлеба и водою и достигши чрез молитву дара врачевания, он исцелял телесные, а вместе с тем и душевные недуги. Так, вступив в брань с бесами, он заочно изгонял их из бесноватых, возвращал зрение слепым, выпрямлял скорченных и совершал другие дивные чудеса. Когда об этом распространилась молва, то он стал известен и Константинопольскому архиепископу, блаженному Кириаку[2], который, совершив над ним епископское рукоположение, назначил его епископом Синадской церкви[3].

Став епископом, святой Павсикакий немедленно же пращею[4] слова изгнал из своей паствы церковных волков[5] и, как зараженные члены тела, словесным мечом своим изрубил и повыбрасывал их вон, чтобы они не причинили какого-либо вреда и здоровым членам. Заботясь так ревностно о своей пастве и тем содействуя ей в деле спасения, преподобный совершил путешествие в город Константинополь и исцелил там императора Маврикия[6] от недуга, которым он был тогда одержим, за что император с золотою печатью послал ему в его город заслуженное им вознаграждение в количестве

---

[1] Город *Апамея* находился в юго-западной Сирии при реке Оронте. Этот город был в древности главным городом Сирийской области Апамены и получил свое название от Апамы, супруги Селевка I, правителя Сирии.

[2] *Кириак* был патриархом в Константинополе с 592 по 606 год.

[3] *Синад*, или *Синады*, — город на севере Фригии, ныне развалины близ Ескипара — Гассаф.

[4] *Праща* — ручное орудие для метания камней. «Праща слова» — сила слова.

[5] Под именем *церковных волков* разумеются еретики и вольнодумцы, а также люди, ведущие зазорный образ жизни и упорные в своей развращенности.

[6] *Император Маврикий* управлял Византийской империей с 589 по 602 год.

одной литры[1] золота. Когда преподобный возвращался из Константинополя в Синаду, то, находясь в Силоне[2], он молитвою извел из земли источник воды, и его спутники утолили жажду. Прожив так благочестиво и богоугодно и совершив спасение многих, святой Павсикакий оставил эту жизнь и отошел к возлюбленному им Господу[3].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
ГЕОРГИЯ ИСПОВЕДНИКА

Святой мученик и исповедник Христов Георгий родился в городе Константинополе. За поклонение честным иконам и почитание их он схвачен был иконоборцами и приведен к нечестивому императору Феофилу[4]. Последний то угрозами, то убеждениями стал принуждать его отречься от Христа и от поклонения святым иконам, но святой не согласился на это. Возмущенный гнусными и лживыми словами мучителя, он сказал ему: «Всякому истинному христианину надлежит поклоняться честным иконам и чтить их, так как почитание их переходит на первообраз».

За такие слова святому Георгию привязали на шею веревку и стали влачить его по улицам города, как злодея, потом заключили в темницу и, наконец, отняв и разграбив все его имущество, вместе с женою его Ириною и детьми отправили в ссылку, где, перенесши множество бедствий, он с радостью отошел ко Господу[5].

---

[1] *Литра* — мера веса, равняющаяся семидесяти двум золотникам.

[2] *Силон*, или по греческому прологу *Солон*, по местоположению своему неизвестен.

[3] Преподобный Павсикакий скончался в 606 году.

[4] *Византийский император Феофил*, сын и преемник императора Михаила II, под влиянием своего воспитателя Иоанна Грамматика с детства проникшийся сильным отвращением к иконам, жестоко преследовал иконопочитателей, хотя и не предавал их смерти. Царствовал с 829 по 842 год.

[5] Время кончины святого Георгия неизвестно. Во всяком случае, он скончался еще при Феофиле, следовательно, в конце первой половины IX века.

День четырнадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ИСИ́ДОРА

В первый год царствования императора Декия[1] вышел указ царский по всем областям и странам империи Римской, предписывавший пересчитать воинов и собрать их в полки. По этому случаю подъехали корабли воеводы Нумерия к острову Хиосу[2] для того, чтобы собрать здесь всех юношей, предназначавшихся к военной службе.

В это время на острове Хиосе проживал святой Исидор, происходивший из города Александрии, крепкий телом и мужественный духом, по вере же христианин. Он проводил жизнь богоугодную, всегда подвизаясь в посте и доброделании; он был чужд суетных дел и нечистых удовольствий мира сего; равным образом он сторонился и нечистых дел еллинских. Этот Исидор за свою храбрость и мужество был записан в число воинов и сопричислен к полку Нумериеву.

В скором времени от императора вышло новое приказание — принудить всех христиан поклоняться богам римским; тех же, кто не поклонялся, до́лжно было принуждать к тому мучениями: особенно приказано было наблюдать за воинами; если среди них находился христианин, было предписано принуждать его к поклонению и приношению жертв идолам, согласно древнему римскому обычаю.

---

[1] *Декий* царствовал с 249 по 251 год.

[2] Остров *Хиос* находится на Средиземном море (в северной его части).

В это время один сотник, по имени Иулий, подойдя к воеводе Нумерию, донес ему, что блаженный Исидор был христианином. Воевода тотчас же приказал взять святого. Когда святой был представлен пред судилище Нумериана, то он спросил его:

— Какое имя твое?

— Я называюсь Исидором, — сказал святой.

Воевода сказал:

— Это ты не повинуешься приказу императора нашего Декия и не хочешь приносить богам жертв?

Святой Исидор отвечал на это:

— Кто боги ваши, чтобы мне, христианину, принести им жертву? Не идолы ли они глухие, слепые и ничего не чувствующие?

Воевода сказал на это:

— О злой и нечестивый хулитель! Поистине, ты достоин великих мучений и казни!

Святой сказал:

— Действительно, я достоин пострадать за имя Бога моего; ради Его пресвятого имени я согласен принять всякое мучение и самую смерть, дабы Владыка мой сподобил меня одной участи со святыми мучениками, пострадавшими за святое имя Его ранее меня. Но я верую и твердо надеюсь, что все, верующие в Него и уповающие на имя святое Его, никогда не умрут, как сказал Сам Господь наш Иисус Христос: *Верующий в Меня, если и умрет, оживет* (Ин. 11, 25).

— Принесешь ли ты, Исидор, — сказал Нумериан, — жертву богам, если хочешь остаться живым или нет?

Святой отвечал:

— Если бы ты и умертвил меня, то над душою моею у тебя нет власти. Поэтому мучь меня, как хочешь, ибо я имею Помощником своим истинного и живого Бога и Господа Иисуса Христа, Который и ныне со мною и по смерти моей со мною будет, и я буду с Ним. Я не перестану исповедовать имени Его пресвятого до тех пор, пока в моем теле будет пребывать дух жизни.

Воевода сказал:

— Ты хоть один раз принеси жертву, повинуясь приказанию царскому, а потом поступай, как хочешь.

Но святой отвечал:

— Не думай, нечестивый, что ты прельстишь меня коварством своим. Тот, кто один раз отвергся от Христа и Бога своего, может ли называться Его верным рабом? *Неверный в малом неверен и во многом* (Лк. 16, 10), но я не позволю себе даже в мысли моей подумать о чем-либо, неугодном Господу.

Воевода сказал:

— Я советую тебе, Исидор, к твоей же пользе. Послушай же меня. Если же ты меня не послушаешь, то я предам тебя лютым мукам и буду мучить тебя до тех пор, пока ты не исповедуешь величие богов наших.

Вслед за тем воевода приказал своим воинам растянуть святого и бить его четырем воинам без милосердия.

Когда мучители били святого, то окружавшие его из народа сказали ему:

— Подчинись, Исидор, воле императора, если не желаешь окончить жизнь свою среди мучений.

Но святой отвечал:

— Я повинуюсь воле и приказанию Бога моего, Царя небесного, пребывающего вечно. Этого Бога я исповедую и почитаю; я не отрекусь от Него, и не буду отвержен Им в день суда.

После биения мучитель долгое время соблазнял святого к идолопоклонству и ласками, и угрозами, но совершенно не имел успеха и лишь слышал от мученика брань и укоры — как себе самому, так и богам своим. Наконец, преисполнившись гнева, сказал:

— Я прикажу изрезать твой скверный язык на части.

Святой отвечал:

— Хотя бы ты и изрезал язык мой, все равно исповедание имени Христова от уст моих ты не отнимешь.

И отрезан был язык у святого, по приказанию мучителя. Однако святой и по отрезании языка говорил достаточно отчетливо, прославляя Христа, Бога истинного: воевода же от страха пал на землю и сделался немым. Когда его подняли с земли, то он не мог сказать ни одного слова и выражал свои мысли лишь маханием руки. Затем, попросив бумагу, написал на ней:

— Я приказываю усечь мечом Исидора, не повинующегося указу царскому.

Когда слова эти были прочитаны мученику, то он с радостью воззвал, говоря:

— Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, за то, что Ты не лишил меня благодати Твоей! Славлю Тебя, Владыко мой, моя жизнь, мое дыхание! Воспеваю Тебя, Господи, сила моя, просвещение ума моего! Прославляю Тебя, давшего мне язык, которым я непрестанно славлю Твое величие!

Палач же, взяв мученика, повел его на место усекновения. Святой Исидор шел с радостью и поспешностью, устремляясь как агнец на заклание свое. Затем, посмотрев на небо светлым лицом и радостными очами, святой сказал:

— Владыко Святой! Славлю Тебя за то, что Ты по милости Своей ныне примешь меня в селения Твои и в места упокоения.

Придя же на место, на котором должно было совершиться усекновение главы мученика, святой попросил у палача позволения помолиться. Затем, помолившись достаточное время, преклонил под меч честну́ю главу свою[1] и, таким образом, был усечен за исповедание имени Иисуса Христа, Сына Божия, преклонившего на кресте пречистую главу Свою за нас грешных.

После усечения честное тело святого мученика было брошено мучителями без погребения, на съедение псам и зверям. Но один из числа друзей святого, по имени Аммоний, тайный христианин, взяв тело святого мученика, ископал могилу вместе с прочими верными братиями и положил честное тело Исидора в земле, как некое многоценное сокровище. Этот христианин и сам явил себя подражателем доблестного подвига Исидора; плывя по проливу Геллеспонту, он в Кизике[2] принял венец мученический. Честные же мощи свя-

---

[1] Кончина святого мученика Исидора последовала в 250 году.

[2] *Кизик* находился на полуострове Пропонтиды (Мраморного моря) Арктониссе.

того Исидора были взяты впоследствии из земли некою благочестивою женщиною, по имени Миропиею[1], пришедшею сюда из города Ефеса; помазав честные мощи драгоценными мазями и обвив чистою плащаницею, она положила их на почетном месте. Когда гонение на христиан прекратилось, в честь святого мученика Исидора была воздвигнута церковь, в которой подавались многоразличные исцеления болящим от святых мощей мученика Христова, во славу Христа Бога нашего, прославляемого вовеки вместе со Отцом, и Сыном, и Святым Духом. Аминь.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО **СЕРАПИОНА СИНДОНИТА**

В Египте проживал один старец, по имени Серапион, носивший прозвище «Синдонита»[2], так как прикрывал свою наготу телесную только одним плащом. С юных лет он проводил жизнь иноческую; он не имел никакого имения, не имел даже и келлии; у него не было пристанища и он проживал как птица небесная. Никогда он не входил в дом для того, чтобы отдыхать в нем или покоиться на ложе. Он носил на себе лишь один небольшой плащ и имел всего только одно небольшое Евангелие; Серапион ходил с места на место и останавливался ночевать там, где застигала его ночь. Утром следующего дня, встав от сна, он не оставался на том же месте, но снова продолжал путешествие свое, как бесплотный, почему многие и называли его «бесстрастным». Много раз его встречали поблизости от того селения, где он останавливался. Видели, как он, сидя при дороге, плакал, и спрашивали его:

— О чем ты плачешь, старец?

Он же отвечал вопрошавшим:

— Господин мой поручил мне Свое богатство. Но я потерял его, и вот Он хочет наказать меня.

---

[1] Память ее празднуется святой Церковью 2 декабря.

[2] Наименование «Синдонита» было усвоено преподобному Серапиону потому, что он носил только один синдон (σινδὼν) — грубую льняную одежду.

Это говорил святой приточно, Господином называя Бога, богатством — душу свою, по образу Божию созданную и искупленную Кровью Сына Божия.

Слышавшие же такой ответ, не понимая сказанного, думали, что старец говорит о золоте; поэтому и кидали ему, кто что мог, — кто хлеб, кто овощи, и говорили:

— Возьми, брат, хотя это; о богатстве же, которое ты потерял, не скорби, ибо может Бог вернуть тебе его.

А старец отвечал:

— Аминь! Аминь!

Когда же Серапион прибыл в Александрию, то встретил некоего нищего, совершенно нагого, дрожавшего от холода. И стал старец думать про себя:

— Как это может быть, что я, воображающий себя постником и верным исполнителем заповедей Христовых, ношу одежду, а этот нищий, в образе которого — Сам Христос, мучается от холода? Как же я могу не пожалеть его! Поистине, если я не покрою наготу его и попущу ему умереть от холода, то я буду осужден в день суда как убийца.

Затем, сняв с себя плащ, Серапион отдал его нищему, а сам сел нагой близ места того, держа лишь на груди своей святое Евангелие, с которым никогда не расставался.

Случилось, что здесь проходил некто, знавший старца. Увидав Серапиона нагим, проходивший спросил его:

— Отец Серапион! Кто обнажил наготу твою?

Серапион же, показывая на святое Евангелие, отвечал:

— Оно обнажило меня.

Потом блаженный встретил некоего человека, который был веден за долг в темницу. Пожалев его, но не имея ничего, чтобы он мог ему дать, преподобный продал Евангелие, которое носил с собою, и отдал вырученные деньги, уплатив долг человека того. Затем Серапион пришел в хижину, в которой иногда пребывал. Ученик преподобного, увидев его нагим, спросил его:

— Где твой плащ, честной отец?

Старец отвечал:

— Я послал его туда, где вместо его мы найдем во много раз лучшее.

Ученик снова сказал:

— А Евангелие малое где?

Старец отвечал:

— Чадо, оно (Евангелие) каждый день говорило мне: *Продай имение твое и раздай нищим* (Мф. 19, 21), чтобы приобрести его в день судный. Я послушал его и сделал так, как оно советовало мне. Я продал его и вырученные деньги отдал нуждающемуся, дабы приобрести себе милость у Бога нашего Иисуса Христа за то, что я послушал Его святое Евангелие.

Спустя некоторое время один из знакомых дал преподобному старый худой плащ, дабы он мог прикрыть им наготу тела своего.

Этот нестяжательный старец пришел однажды в Грецию и пробыл в Афинах три дня; он весьма хотел есть, но ни от кого не мог получить куска хлеба, потому что никто ему ничего не подал, купить же хлеба ему было не на что. Исполняя слова Христовы, он никогда не носил с собою ни монет, ни сумы для денег, ни одежды (см.: Мф. 10, 9–10), за исключением лишь худого плаща, которым прикрывал наготу свою. В четвертый день пребывание в Афинах Серапион сильно взалкал. Став на возвышенном месте в городе, он начал плакать и громко взывать:

— Мужи афинские! Помогите мне!

К нему подошли философы и начальники города и спросили его:

— Откуда ты пришел, старец? И какое горе у тебя?

Он же отвечал:

— Я — родом египтянин. Когда я вышел из места родины своей, то впал сразу в три долга, теперь два заимодавца оставили меня, потому что им нечего было взять с меня, третий же заимодавец не оставляет меня и до сих пор, но истязует меня, требуя с меня долг свой.

Философы же спросили его:

— Кто эти заимодавцы твои и кто истязует тебя? Скажи нам, и мы тебе поможем.

Тогда старец сказал им:

— С юных лет смущала меня похоть плотская, сребролюбие и страсть к объядению; от двух я уже избавился, и они уже не смущают меня, ибо я не чувствую вожделения плотского; не имею я и имущества или богатства; жажда же пищи не оставляет меня: вот

уже четвертый день, как я ничего не имел во рту; потому жажда пищи не оставляет меня, смущая меня и требуя себе обычного долга.

Некоторые из философов подумали, что он их обманывает, и дали ему золотую монету, но наблюдали издали за ним, что он будет делать.

Старец же, взяв монету, поспешно пошел к хлебным торговцам и, положив монету пред ними, взял один хлеб и ушел оттуда, и более уже не являлся в город тот. Тогда философы убедились, что старец этот был действительно добродетельным мужем. Подойдя к хлебным продавцам, они дали им монету соответственно стоимости хлеба, купленного старцем, а золотую монету взяли себе.

Блаженный Серапион, придя в Лакедемонию[1] и узнав, что один из здешних градоначальников был манихеем[2], но проводил вместе с тем жизнь добродетельную, — пошел к нему и продал себя ему в рабы. Через два года по благодати Божией Серапион убедил его отречься от ереси, так что он присоединился ко святой Церкви Православной со всем домом своим. Тогда все возлюбили старца здесь не как верного раба, но как отца родного, и весьма почитали его, радуясь о своем спасении от ереси, и прославляли Бога. Старец же, прожив здесь столько времени, сколько считал нужным для спасения души людей тех, и возвратив им деньги, полученные от них, ушел оттуда, по обычаю своему, обходя многие страны и города.

Повествуется об этом старце и то, что он, когда был еще юношей, продал себя одному греку скомороху за двадцать сребренников и, храня деньги эти, жил у грека того до тех пор, пока не обратил его и весь дом его ко Христу Богу. Случилось же это потому, что скоморох видел, как раб его постоянно все дни проводил в посте, вкушая

---

[1] *Лакедемония*, или *Лакония*, — юго-восточная область Пелопоннеса, граничила на севере с Арголидой и Аркадией, на востоке — с Миртойским морем, на юге — с Лаконским, или Гифеатским заливом, на западе — с Мессенией.

[2] *Манихейство* — еретическое лжеучение, представляющее собою смесь христианского учения с началами религии Зороастра. Основателем манихейства был Манес, маг персидский. Манес учил, что от века существуют два независимых царства — добра и зла, которые находятся в постоянной борьбе друг с другом. Человек также, по учению Манеса, состоит из смешения двух элементов — света и тьмы и имеет как бы две души — добрую и злую, которые постоянно борятся между собою. В жизни манихеи были весьма воздержны: они проповедовали безбрачие и постоянный пост. Манихейство было довольно сильно распространено в III и IV веках.

хлеб и воду лишь вечером и то в небольшом количестве, по ночам же всегда вставал с постели и молился Богу со слезами; видя все это, скоморох пришел в умиление и, уверовав во Христа, Бога истинного, крестился, а за ним крестилась и жена его и весь дом его. После этого грек тот сказал Серапиону:

— Иди, брат, ибо мы хотим освободить тебя от твоего рабства, как ты освободил нас от рабства диаволу.

Он же сказал им:

— Так как Бог мой даровал вам спасение, то открою вам тайну мою: я не был рабом, но свободным египтянином; но увидав, что вы заблуждаетесь и близки от погибели, я сжалился над вами и по этой причине продал себя вам в рабство, дабы при помощи Божией наставить вас на путь спасения. Но так как вы теперь уже наставлены на этот путь, то возьмите обратно серебро ваше; я же пойду позабочусь о спасении других людей.

Но они долгое время упрашивали его, говоря:

— Мы готовы почитать тебя, как отца и господина нашего; поэтому будь отныне нам господином, а мы будем рабами твоими. Только не уходи от нас!

Однако никак не могли уговорить его остаться на месте том. Притом они не хотели взять от старца сребреники и говорили ему:

— Честно́й отец, раздай это нищим; с нас же достаточно и того, что ты направил нас на путь спасения.

Но человек Божий отвечал им:

— Вы сами можете раздать то, что принадлежит вам; я же чужое серебро не могу раздавать нищим.

Они же снова стали упрашивать его, чтобы он хотя бы через год посетил их. После того преподобный ушел оттуда в другую страну.

Однажды, встретив корабль, отправляющийся из Александрии в Рим, Серапион сел на него, желая приехать в Рим. Корабельщики же, отплыв от берега, не спросили старца, — уплатил ли он следуемую сумму за перевозку? они думали друг о друге, что кто-либо из них принял от старца деньги и вещи; хотя они и видели, что он был в очень бедном плаще, однако думали, что у него найдутся деньги для уплаты за перевозку.

Когда корабельщики отплыли от берега стадий около пятисот, то приступили вечером ко вкушению пищи. Не видя же, чтобы старец

вкушал пищу, они подумали, что он постится в тот день. То же самое видя и на другой и на третий день и не понимая, отчего старец не вкушал пищи, подумали, что он впервые вышел в море и страдал от морского ветра. Увидав, что старец не вкушал пищи и на четвертый и на пятый день, спросили его:

— Человек! Почему ты ничего не ешь?

Он же отвечал им:

— Потому я не ем, что мне нечего есть.

Поговорив между собою относительно того, кто принимал в корабль вещи человека того, и узнав, что он не уплатил денег за перевозку, корабельщики начали роптать на преподобного, с гневом говоря:

— Зачем ты вошел сюда, не имея ничего с собою? Что ты будешь здесь есть? Чем уплатишь нам за провоз?

Старец же отвечал им:

— Я ничего не имею с собою, кроме этого худого рубища, как это вы видите и сами. Если вы не хотите везти меня с собою, отвезите меня назад и доставьте меня туда, откуда вы меня взяли.

Но корабельщики сказали старцу:

— Если бы ты давал нам и сто золотых монет за то, чтобы мы возвратились обратно для тебя одного, то и тогда мы не согласились бы на это, тем более, что сейчас дует попутный нам ветер.

И позволили старцу быть на корабле, питая его Бога ради.

Преподобный же, придя в Рим, обходил дома всех тех граждан, о которых слышал, что они проводили жизнь благочестивую. Беседуя с ними, он получал для себя пользу духовную. Ради этого он и странствовал, собирая богатство духовное, дабы купить им себе блага небесные в покое вечном. Эти блага он и получил по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается слава во веки веков. Аминь[1].

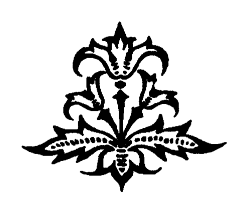
[1] Кончина святого Серапиона последовала в V веке.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
МАКСИМА

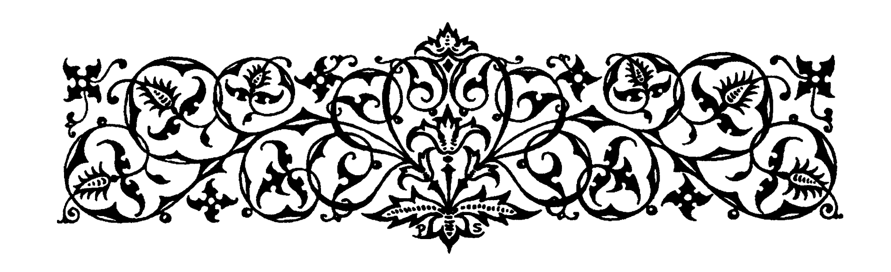
Святой мученик Христов Максим, имея в сердце своем ревность по Боге, увидел однажды, что идолопоклонники не только сами предаются служению идолам, но и других склоняют к этому, заставляя их преклоняться пред языческим храмом. После этого он стал молиться Богу о том, чтобы Он прекратил гонение на христиан, и многих неверующих сам крестил. Один раз, когда совершалось служение идолам, и все язычники усердно стали сходиться и приносить в жертву своим богам не только животных, но и людей, святой мученик, не вынося такого зрелища, вошел в среду идолослужителей и всенародно обличил их, назвав идолов их деревом и камнем, бессильными даже самим себе оказать помощь. Тогда язычники схватили его и сильно сперва избили, а потом побили его камнями. Так и скончался святой мученик[1].

В тот же день **память святого Исидора**, Христа ради юродивого, **Ростовского** чудотворца, преставившегося в 1474 году.

В тот же день **память преподобного отца нашего Никиты**, затворника Печерского, потом епископа Новгородского, скончавшегося в 1108 году.



[1] По месяцеслову императора Василия святой мученик Максим скончался в гонение Декия 14 мая 250 года.



День пятнадцатый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ПАХОМИЯ ВЕЛИКОГО

Пахомий родился в Верхнем Египте — в Фиваиде, именно в окрестностях города Эсне[1], в последнем десятилетии III века[2]. Родители его были ревностные язычники. С христианами он познакомился гораздо позднее, во время своей кратковременной службы в войске. Задатки чистой жизни сказались в нем очень рано, еще до познания Христа.

Однажды родители поручили Пахомию отнести рабочим котелок с говядиной. Заночевав по необходимости в том месте, Пахомий встретил искушение. Одна из дочерей хозяина, девушка очень красивая, убеждала его согрешить с нею. Целомудренный Пахомий ответил ей строго: «Невозможно мне совершить это худое дело; разве глаза мои — глаза собаки, чтобы мне согрешить с моею сестрою?»

Немедленно он пошел домой. Впоследствии он сам рассказывал об этом случае монахам, убеждая их тщательно предусматривать соблазны и побуждать искушения.

Святой Пахомий не был чужд книжного образования. Его последующая деятельность доказывает это. Притом родители его были

---

[1] Метафраст и потом святой Димитрий Ростовский думали, что это — Оксиринх, славившийся благочестием своих жителей, заключавший в своих пределах, по свидетельству Руфина, до десяти тысяч девственников и до двадцати тысяч девственниц. Но рассказ новооткрытых документов прямо указывает имя этого города — *Эсне*.

[2] Около 295 года.

люди состоятельные, а среди египтян была развита любовь к просвещению. Детей очень рано, в возрасте пяти – восьми лет, посылали в школу. Здесь они учились читать и писать, причем преподавались им и правила нравственности: эти правила заключались в самых прописях.

Когда Пахомию исполнилось двадцать лет, он был взят в войско. В это время у императора Константина была война с каким-то «тираном», вероятно с Максенцием, в 315 году. Пахомий со своими товарищами — новонабранными воинами отправился в путь. К вечеру достигли города Эсне. Здесь Пахомий и его товарищи были оставлены в здании темницы под охраной стражи. Скоро явились сюда христиане с запасами хлеба и всяких кушаньев и усердно просили путников подкрепить свои силы. Когда Пахомий потом спрашивал, почему эти люди так заботятся о них, совсем не зная их, ему отвечали, что это христиане и что они поступают так ради Бога. Это оказало сильное действие на впечатлительную душу Пахомия.

На другой день Пахомий и его спутники отправились далее, к городу Антиноэ[1]. Здесь очень многие молодые воины предавались всяким утехам и чувственным удовольствиям. Они хотели соблазнить и Пахомия, но он стал выше соблазна и настойчиво отвлекал от зла своих товарищей.

В это время император Константин одержал победу над своими врагами и отдал приказ распустить войско. Вместе с другими и Пахомий освободился от необходимости участвовать в походе. Теперь для него настало время сделаться христианином. Он пламенно желал служить верно Христу Богу, хранить себя чистым от всякой скверны плоти и духа и делать по силам своим добро ближним. Обет совершенной верности Христу он дал еще в заключении в городе Эсне, пораженный милосердием христиан.

Отпущенный на свободу, святой Пахомий отправляется теперь в уединенное селение Шенесит (Хиновоск). Здесь он оглашается в истинах веры Христовой и принимает святое крещение в здешней церкви. В окрестностях селения Шенесит Пахомий жил довольно долго. Он поселился здесь в старинном, тогда уже пустом, храме Сераписа. Надобно заметить, что при широком распространении хри-

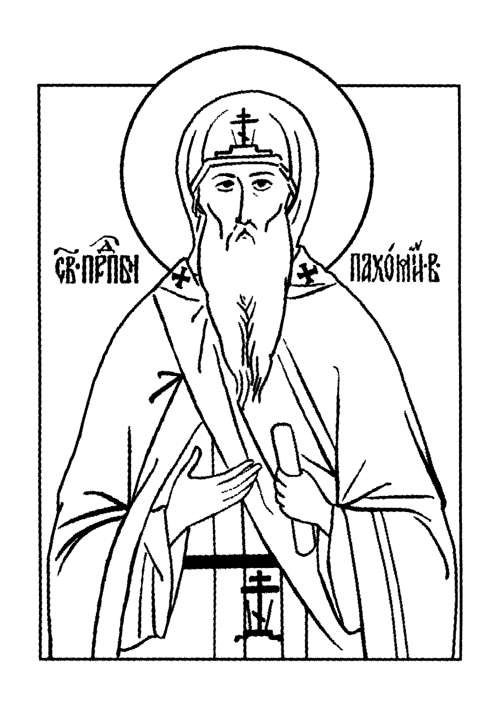
[1] Город на правом берегу Нила, против Ермополя, построенный императором Адрианом в честь своего любимца Антиноя.

стианства могло запустеть много храмов языческих. Средства к пропитанию он добывал усердным трудом, возделывая овощи и несколько пальм. Эти овощи и плоды были пищей и для тех, кто случайно или нарочито приходил сюда, также и для бедных, живших в Шенесите. Пахомий преуспевал здесь в любви к ближнему. Многие искали у него утешения. Слава его распространялась и дальше Шенесита. Благочестие, любовь к ближнему и рассудительность Пахомия уже и в это время привлекали к нему многих на постоянное жительство. В это время ревность об угождении Богу очень многих побуждала оставлять шумные города и села, и если являлся где-нибудь особенно усердный подвижник, к нему устремлялись любители пустынного жития. Мы видим, что вскоре Пахомий начинает искать большего уединения, ищет себе самому руководителя в подвигах духовных. Может быть, именно опыт руководительства своими сожителями и пробудил в Пахомии потребность в руководителе и для себя самого. Живя в окрестностях Шенесита, Пахомий был во многом полезен жителям этого селения. Когда в селении стала свирепствовать какая-то страшная, заразительная болезнь, от которой очень многие умирали, Пахомий служил больным и даже доставлял жителям в большом количестве сучья акации, чтобы, сжигая их, они могли очищать воздух.

В первые годы своей иноческой жизни Пахомий еще не вполне ясно отличал православное учение от еретических измышлений, не вполне верно знал, где истинная Церковь Христова. Его старались привлечь на свою сторону последователи еретика Маркиона[1]. Но он знал, что есть и иные, отличные одно от другого, учения, усиливающиеся доказать свою истинность. Смущенный этим разногласием, он со слезами молил Бога открыть ему, где истина. В восхищении он слышал голос, что истина хранится в той церкви, которою управляет Александр, епископ Александрийский. Конечно, Пахомий теперь всем сердцем стал желать познать эту истину и всегда вполне быть верным ей.

Потребность в руководителе побудила Пахомия оставить свое жилище в окрестностях Шенесита. Побуждением к этому было еще желание всецело посвятить себя Богу, духовному очищению и со-

[1] *Маркион*, еретик II века, учил, что в мире существуют два самостоятельных начала: доброе — благой Бог, и злое — материя, находящаяся под владычеством диавола.



вершенствованию. Пахомий боялся и того, что его постоянные заботы о различных нуждах мирян, заботы более всего приличные священникам и верным мирянам, могут соблазнить более слабых иноков: они, по примеру Пахомия, могли бы увлечь ее служением миру и в то же время не суметь сохранить себя не оскверненными от мира. Пахомий оставил окрестности Шенесита, прожив здесь три года. Уходя отсюда, он просил одного старого монаха возделывать здесь овощи и пальмы ради приходивших сюда бедняков.

Вот, Пахомий разыскал келию славного своими подвигами старца Паламона. Этот старец жил в некотором удалении от городов и селений. Он пользовался уважением во всей окрестной стране. Около него жили и другие монахи, следовавшие его советам и подражавшие ему в образе жизни. Но очень многие вскоре уходили отсюда, чувствуя, что им не по силам такой строгий образ жизни. Когда Пахомий постучался к авве Паламону, старец спросил:

— Зачем ты стучишь?

Пахомий отвечал, что и он хочет быть монахом.

Старец возразил ему, убеждая его идти обратно, чтобы испытать себя, может ли он вынести тот строгий образ жизни, какой ведут ученики Паламона. Он говорил Пахомию:

— Я должен сначала сказать тебе, какова мера жизни монашеской. Вот она. Во всякое время мы бодрствуем половину ночи, размышляя о слове Божием; очень часто мы остаемся с вечера до утра работать своими руками, делать веревки, чтобы бороться со сном и снабжать себя тем, что нужно для поддержания нашего тела. То, что остается сверх нашей нужды, мы отдаем бедным. Что же касается

того, чтобы есть масло или что-нибудь вареное, пить вино, мы не знаем, чтó это значит. Мы постимся всякий день до вечера в продолжение летнего времени, а зимою мы постимся по два дня подряд или по три. Правило общих молитв — шестьдесят раз молиться днем и шестьдесят раз ночью, кроме тех молитв, кои мы творим в каждое мгновение и которых счета мы не знаем.

Авва Паламон убеждал Пахомия еще испытать себя и тогда уже снова явиться к нему.

Пахомий решительно ответил старцу:

— Я во всем испытывал себя в продолжение многих дней, прежде чем явиться к тебе.

Тогда Паламон открыл дверь, братски облобызал Пахомия и поспешил объяснить ему, что все это он говорил не из тщеславия, а ради его спасения, что этого они не сообщают людям мирским. Однако авва Паламон опять высказал желание, чтобы Пахомий возвратился в свое прежнее жилище, чтобы там еще испытать себя.

Но Пахомий возразил:

— Я уже испытал свою душу во всем и уверен, что при помощи Божией, по твоим святым молитвам, сердце твое будет спокойно относительно меня.

Старец ответил ему:

— Очень хорошо.

Пахомий тотчас же был принят. Авва Паламон несколько дней особенно внимательно наблюдал за Пахомием, чтобы испытать его в молитве, в бодрствовании, в посте. Когда нужно было есть хлеб, старец оставлял Пахомия есть одного.

После трехмесячного испытания авва Паламон облек Пахомия в монашеские одежды, опоясал его иноческим поясом[1], пред чем оба подвижника вместе молились целую ночь. Теперь Паламон особенно старался приучить Пахомия к ночному молитвенному бодрствованию. С вечера они заготовляли материал для ручного труда, потом долго с усердием молились, наконец принимались за работу, стараясь не потерять молитвенной настроенности духа и не поддаться сну.

---

[1] О существовании особенных иноческих одежд в первое время иночества мы знаем уже из изречений святого Антония Великого. См. книгу архимандрита Палладия «Новооткрытые изречения преподобного Антония Великого. По коптскому сборнику сказаний о преподобном» (Казань, 1898 год), стр. 30.

Когда наступил праздник Святой Пасхи, Паламон сказал Пахомию, что в этот день он будет дважды вкушать пищу. Приготовляя пищу, Пахомий влил в соль немного масла и поставил на стол. Но Паламон не захотел такого ослабления поста даже и в день Пасхи. С великой скорбью он говорил: «Мой Бог был распят за меня, а я буду есть масло, которое дает крепость телу!»

Он хотел было совсем отказаться от пищи до другого дня. Старец только тогда согласился принять пищу, когда Пахомий убрал соль, содержавшую немного масла, и подал ему соль, посыпанную золой. Пахомий с великим смирением просил прощения. Конечно, они оба вкусили хлеба с солью. Слезы текли по ланитам строгого старца и смиренного ученика, желавшего во всем подражать своему любимому учителю.

Пахомий часто уединялся среди гор и здесь целые ночи проводил в пламенной молитве. Место, где он молился в летний зной, воздевая руки к небу и не позволяя себе опустить их, иногда покрывалось даже грязью от обильного пота, падавшего с его тела. Пахомий не обращал внимания на то, что иногда в его ноги вонзались колючие иглы терновника. Какие бы неудобства пустынной жизни ни встречались, он с благодушием сносил все, взирая постоянно на те мучения, какие терпел ради нашего спасения Господь Иисус Христос.

Во всем строгие к себе и вместе смиренные, Паламон и Пахомий не дерзали просить себе от Бога знамения, никогда не надеялись на свою праведность. Из последнего времени жизни аввы Паламона известен следующий случай, показывающий, как был строг к себе учитель Пахомия даже и тогда, когда силы его от старости и подвигов очень ослабели.

Однажды Паламон сильно заболел. Иноки пригласили к нему опытного врача. Но врач отказался лечить старца, сказав, что ему прежде всего необходимо улучшить питание. Братья стали убеждать старца послушаться врача. Он согласился принимать пищу, назначенную больным. Когда Паламон и после этого не выздоровел, он начал с глубоким убеждением говорить инокам:

— Не думайте, что здоровье приходит от тленной пищи: ведь сила и здоровье приходят от Христа; ведь мученики Христовы давали отсекать свои члены, терпели огонь и всякие виды мучений, пока, наконец, их не обезглавливали. А я! Я не могу выносить лег-

кую болезнь, я просил врача заботиться о мне; я пользовался лекарствами; потом, согласившись пользоваться ими, я не получил отсюда никакой пользы. Мне остается одно — снова начать свои подвиги; это лучшее лекарство, и Тот, по чьему пути я иду, конечно, будет знать мое намерение, будет пещись о мне больше, чем я сам мог бы сделать.

Авва Паламон с прежним усердием и постоянством предался иноческим подвигам, ограничивая все свои потребности. Милосердый Господь на некоторое время восстановил его здоровье.

Однажды Пахомий ходил по пустыне. Наконец, он достиг развалин селения Тавенниси, немного к югу от Шенесита в округе Тентирском[1]. Здесь Пахомий услышал голос: «Пахомий, Пахомий, подвизайся и пребывай на этом месте; построй себе обитель, и множество людей придут к тебе, чтобы сделаться монахами около тебя, и получат они пользу душам своим».

Пахомий немедленно идет к авве Паламону и сообщает ему об этом. Тогда они оба отправляются в Тавенниси и строят здесь обитель, строят собственно небольшое иноческое жилище. Паламон пошел опять на место своих прежних подвигов. При этом он указал на близость своей кончины и предрек будущую славу Пахомиева монастыря. Старец уверял своего любимого ученика, что Господь пошлет ему силу и терпение для управления многочисленными братиями. После продолжительной молитвы они расстались. Паламону сопутствовали некоторые ученики его, приходившие навестить своего учителя.

Прошло некоторое время, и авва Паламон опасно заболел. Ученики его послали за Пахомием. Он быстро отправился к старцу и остался при нем, чтобы служить ему до самой смерти его. Наконец, старец почил смертью праведника в десятом часу двадцать пятого дня месяца Авива. Ученики его провели всю ночь в чтении и пении псалмов над старцем. Утром они совершили обычную молитву и потом отнесли тело почившего на гору, на некотором расстоянии от его келии; там они похоронили его, совершив еще раз усердное моление об упокоении души усопшего старца со святыми. Все они теперь были в великой печали. Лишившись советов и утешений вели-

[1] Теперь селения Тавенниси совсем не существует.

кого старца аввы Паламона, они считали себя сиротами. Пахомий возвратился в свою келию в Тавенниси, скорбя о почившем наставнике, и в своем уединении предался усиленным подвигам благочестия. Вскоре он сам делается руководителем других на пути ко спасению.

Когда Пахомий один жил в Тавенниси, к нему пришел старший брат его, Иоанн. Пахомий с любовью принял брата. Прошло уже много лет со дня их разлуки, так как Пахомий не возвращался домой после того, как был взят в войско. Благочестивая беседа Пахомия сильно подействовала на Иоанна, и он остался в Тавенниси навсегда.

Оба брата теперь трудились уже общими силами. Добытое усердным трудом они отдавали нуждающимся. Они проводили очень строгую жизнь. Одетые в грубое шерстяное платье, они уходили в жаркие места, где стояли до утра на молитве, не сгибая ни колен, ни рук, простертых к небу. Такую всенощную молитву они совершали очень часто, хотя ноги их иногда пухли от напряжения, а москиты до крови кусали их руки. Если братьев-подвижников одолевал сон, они садились на том же месте, где совершали свою молитву, но не позволяли себе опираться на что-нибудь. В продолжение дня они до тех пор занимались телесным трудом, пока зной от палящих лучей южного солнца не делался невыносимым.

Ради будущих своих сожителей Пахомий начал заботиться об устройстве ограды вокруг того места, где он подвизался с братом. Пахомий желал, чтобы ограда заключила в себе как можно больше места: он ожидал к себе, по обетованию, много других иноков. Но Иоанн, заботясь о безмолвии и тесноте иноческой, хотел делать ограду поменьше и однажды сказал Пахомию: «Перестань величаться и расширяться! Это не нужно!» Пахомий, услышав это, прогневался на брата, но промолчал, почитая старшего. Ночью же, затворившись в келье, начал плакать и каяться: «Горе мне, гнев все еще обладает мной! Помилуй меня, Господи, да не погибну! Как я буду учить тех, которых Ты, Господи, обещал через меня призвать к иноческому житию, если не смогу прежде победить свои страсти?»

С этого времени подвижники старались еще больше смиряться один пред другим. Иоанн более и более преуспевал в подвигах.

Скоро достигши высокого духовного совершенства, он умер, оплакиваемый братом Пахомием.

Пахомий в это время был уже совершенным подвижником. Поэтому и искушения бывали у него очень сильные, но верой, молитвой и терпением он всегда отражал самые страшные козни врага.

Вот что случалось с ним. Иногда, когда он хотел преклонить колена для молитвы, пред ним, по действию демонов, являлась как бы яма; но Пахомий безбоязненно молился. Иногда на дороге окружали его демоны подобно почетной страже и громко кричали: «Освободите дорогу для человека Божия».

Диавол очень желал внушить Пахомию тщеславие и гордость; но он был совершенно нечувствителен к этому искушению. То вдруг диавол делал, что келия Пахомиева тряслась и колебалась, как будто готова была упасть; но Пахомий нисколько не смущался этим и с глубочайшим спокойствием повторял слова псалма: *Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах. Посему не убоимся, хотя бы поколебалась земля, и горы двинулись в сердце морей* (Пс. 45, 2–3).

Однажды демоны являлись Пахомию в виде работников, усердно старавшихся сдвинуть дубовый лист с места при помощи канатов как будто тяжелый камень, но — без успеха. Это они делали, стараясь рассмешить подвижника, но молитва Пахомия заставила их исчезнуть. Много раз, когда Пахомий садился есть скудную пищу, бесы являлись ему в виде нагих женщин; но Пахомий закрывал глаза и отвращал от видения сердце и — демоны исчезали. Однажды Господь послал ему инока Аполлона[1]. Придя к Пахомию и выслушав его рассказ о бесовских нападениях, этот благочестивый, опытный и добрый инок решительно сказал ему:

— Будь мужественен Пахомий: не бойся никакого действия со стороны духов, ибо помощь Божия даст тебе победу над ними.

Этот старец остался с Пахомием к великому утешению для обоих. Впрочем, старец Аполлон скоро скончался.

Однажды, когда Пахомий собирал тростник для своего рукоделия, Ангел Господень явился и сказал ему: «Пахомий, Пахомий, Пахомий! Воля Божия — чтобы ты служил роду человеческому и воссоединял людей с Богом».

---

[1] Арабское «житие» называет его именем — *Амриарагабул*. Другая переделка этого имени — *Иеракаполлон*.

Когда Ангел Господень удалился, Пахомий остался и смотрел вслед его, говоря: «Это — дело Господне».

Собрав немного тростника, он пошел в свое обиталище.

Вскоре после явления Ангела к преподобному Пахомию пришли три человека — Пшентаиси, Сурус и Пшои. Они сказали Пахомию: «Мы хотим сделаться монахами вблизи тебя и быть рабами Христовыми».

Убедившись в их искреннем благочестии, Пахомий с любовью и радостью принимает их и дает им монашескую одежду.

Эти три инока с увлечением и постоянством предаются самым трудным подвигам, руководимые примером и наставлениями святого Пахомия. Их поразило его трудолюбие. Авва Пахомий сам заботится о всем, сам очищает и поливает сад, отворяет дверь приходящим и беседует с ними, с усердием служит больным. О новых иноках он говорил: «Это — молодые растения, не достигшие еще той меры, чтобы служить другим».

Освобождая новых иноков от всякой внешней заботы, Пахомий внушал им, чтобы они усердно занимались делами, которые прямо ведут к очищению сердца, к укреплению воли в добро. Когда первые ученики открыто выражали Пахомию свое сожаление по поводу его постоянных трудов для них, он говорил им с глубокою верою: «Какой человек может привязать животное к машине[1] и пренебрегать им дотоле, пока оно не упадет и не умрет? Когда Господь увидит, что я утомлен, Он пошлет нам людей, которые будут помогать нам во всяком добром деле».

Для утверждения первых своих учеников в добродетели, святой Пахомий наложил на них некоторые правила. Единообразие в пище и одежде было признано необходимым и в этом маленьком общежитии.

Слух о благочестии и мудрости святого Пахомия более и более распространяется по Египту. К нему являются то те, то другие люди, проникнутые жаждой высших подвигов. Приходили иногда и отшельники, уже достигшие высокого духовного совершенства, чтобы отдать себя под руководство святому Пахомию. Так явились пять славных подвижников, которые прежде проводили отшельни-

---

[1] Разумеется гидравлическая машина, к которой привязывают животное, чтобы заставить его вращать колесо, поднимающее воду.

ческую жизнь. Это были: авва Печош (или Пекусий), авва Корнилий, авва Павел, авва Пахомий и авва Иоанн. Пахомий всех их принял с радостью. Являлись иногда люди с худым настроением души и с дурными навыками. Замечая, что их нельзя уврачевать, но что они могут своим примером развратить других иноков, Пахомий удалял их из своего общежития. К святому Пахомию стремились многие, и он был для них постоянным руководителем и наставником.

Движимый любовью к ближним, святой Пахомий, с помощью своих иноков, в ближайшем к монастырю селении построил церковь, чтобы жители этого селения могли приступать чаще к причащению святых Тайн и назидаться слушанием слова Божия. По бедности обитателей, святой Пахомий принял на себя все издержки по совершению Евхаристии. Сам он с братиями и читал в этой церкви. Когда нельзя было найти пресвитера, Пахомий приходил в церковь и назидал присутствующих чтением слова Божия. Иноки в церкви так благоговейно держали себя и Пахомий так усердно исполнял обязанности чтеца, что посетители этой церкви постепенно оставляли грехи, заботились об очищении сердца, делались христианами не по одному лишь имени. На авву Пахомия они смотрели не как на человека, но как на Ангела Божия.

Количество иноков в Тавеннисийском общежитии более и более увеличивалось. Когда оно достигло до ста человек, Пахомий пришел к мысли, что необходимо построить церковь и в самом монастыре. Когда была устроена церковь, братия отправлялись, как и прежде, в субботу в церковь, находившуюся в селении, а в воскресенье пресвитер приходил в монастырь и здесь совершал литургию. Впоследствии выходы братии в село для участия в совершении литургии в субботу прекратились.

Между иноками Пахомиева монастыря никто не имел пресвитерского сана. И сам Пахомий не хотел принять этот сан. Он часто говорил братии: «Хорошо для нас и не просить о подобном деле, чтобы между монахами не было ни зависти, ни спора, ни непослушания, ни разделения, вопреки воли Божией. Как огонь на гумне, если бы не поспешили погасить его, погубил бы труд целого года: то же самое представляет помысл гордости в своем начале. Хорошо, чтобы мы покорялись Церкви Божией твердо и спокойно. И во вся-

кое время, кого только мы найдем посвященным епископами, его и будет довольно для нас для этого дела.

К преподобному Пахомию являлись и пресвитеры, желавшие сделаться монахами. Святой авва не отказывал им в приеме в монастырь. Конечно, они должны были во всем безусловно подчиняться правилам жизни монашеской и обычаям общежития. Пахомий в своем служении спасению ближних обращался к их содействию, если они оказывались неизменно скромными и послушными. Сам Пахомий ни за что не соглашался сделаться священником, хотя его достоинства всеми высоко ценились.

Известен следующий случай из его жизни. Однажды святой Афанасий, архиепископ Александрийский, обозревал паству. Его везде торжественно встречали. Навстречу ему выходили епископы, пресвитеры и народ. Некоторые епископы, пресвитеры и множество клириков сопровождали его. Вышел навстречу великому святителю и сам Пахомий со своими иноками. Они пели псалмы до тех пор, пока не вошел в обитель архиепископ. В это время Серапион, епископ Тентирский, взял архиепископа Афанасия за руку и сказал ему:

— Прошу твою любовь сделать священником авву Пахомия, отца монахов, чтобы он управлял всеми монахами моего округа.

Услышав это, святой Пахомий мгновенно скрылся. Архиепископ сел. Многочисленная толпа окружила его. Святой Афанасий сказал громко, обращаясь к епископу Серапиону:

— Я слышал о вере Пахомия, будучи еще в Александрии, прежде моего посвящения.

Потом святой Афанасий встал, сотворил молитву и сказал ученикам Пахомиевым:

— Приветствуйте вашего отца и скажите ему: ты скрылся от меня и избежал того, что может возбудить зависть и соревнование; ты избрал добродетель, которая пребудет вечно со Христом. Пусть Господь наш даст тебе по желанию твоему.

Конечно, смирение преподобного Пахомия располагало и братий Тавеннисийского общежития также к смирению. Подобно своему великому авве они не искали и даже боялись возвышения. Ни греческие, ни коптские историки не указывают между ними пресвитеров.

С умножением иноков в Тавенниси явилась возможность укрепить здесь стройный чин общежития, подвести все действия иноков под строгие общежительные правила. Сам преподобный Пахомий был для киновитов[1] и учителем и судией, был и правилом и образцом для деятельности каждого.

О благе всех и каждого печется прежде всех сам великий авва Пахомий. Он постоянно убеждает иноков не ослабевать в молитве, не переставать призывать имя Божие, чтобы без молитвы не быть застигнутым врасплох сатаною. Святой Пахомий пользовался всяким случаем, чтобы сказать слово назидания тому или другому брату. Но, кроме этих частных бесед, он обыкновенно говорил еще три общих поучения в течение недели — одно в субботу и два в воскресенье. Он заповедал, чтобы и всегда начальник монастыря составлял и произносил три поучения в неделю. Кроме трех поучений начальника монастыря, во время субботних и воскресных собраний иноков, обязательно в два седмичные поста, то есть в среду и пятницу, говорили поучения своим монахам начальники домов.

Иноки всякий вечер собирались для духовной беседы и вообще любили назидать друг друга теми уроками, какие каждый извлекал из чтения слова Божия и из наблюдений над жизнью тех или других людей. Иноки любили повторять изречения Священного Писания и размышлять о них. Поэтому и при взаимных беседах они всегда могли назидать друг друга мыслями и словами Библии. Праздных бесед и пересудов мы не видим в Тавенниси.

В общежитии было много домов; каждым из них заведовал особый начальник, у которого был свой помощник, занимающий второе место после него. Он заменял начальника в случае его отсутствия или болезни.

Святой Пахомий позаботился о том, чтобы каждого вступающего в монастырь брата встречали иноки особенно благочестивые и мудрые. Эти иноки-привратники каждого нового брата встречали, устраивали и в течение трех лет искуса, до облечения его в монашескую одежду, усердно назидали своими беседами, предохраняя его от всякого зла. Таким образом, новоначальные в Тавенниси нахо-

---

[1] *Киновиями* (от греч. κοινός — общий и βίος — жизнь) — называются общежительные монастыри, в которых братия содержатся на счет монастыря и взамен того предлагают свой труд на общую пользу монастыря.

дили опытных и постоянных руководителей и могли благочестиво настроиться в первые же годы своей жизни в монастыре. Святой Пахомий и сам внимательно наблюдал за новоначальными. Как радовали его успехи и усердие молодых иноков! Как внимателен он был к их нуждам! Как предохранял он их от всякого соблазна и искушения совне, так же как и от увлечения какими-нибудь нечистыми помыслами!

О больных братиях в Тавенниси очень много заботились. О них имели попечение и особо назначенные для служения в больничном доме иноки с их начальником, имел попечение и сам преподобный Пахомий.

При братской трапезе прислуживали особые иноки. Они сменялись через три недели. От этих иноков требовалось постоянное усердие, тем более, что братия вкушали пищу не в одно время. Иноки, служившие при трапезе, в течение трех часов приготовляли, распределяли и раскладывали хлеб, различные овощи и маслины. В дозволенные дни подавали за трапезой сыр, яйца, овощи вареные, похлебку из вареных зерен. Каждый брат подходил к столу в то время, когда желал, и принимал свою часть. Но это было только один раз в день: одни ели в шестом часу, другие — в седьмом, иные — в восьмом, иные — в девятом, в десятом, в одиннадцатом, иные же к вечеру, когда показывались на небе звезды. Некоторые иноки были так строги к себе, что вкушали пищу только один раз в два дня. Вообще пост[1], согласно первоначальному уставу, не налагался ни на кого против воли. Только более близких к себе иноков святой Пахомий склонял поститься, то есть совсем воздерживаться от пищи, по средам и пятницам. Но многие иноки сами налагали на себя усиленный пост.

При многочисленности монахов в Тавеннисийском общежитии было и много различных должностей, послушаний. Исполнение некоторых должностей было особенно трудно. Все проходившие то или другое «послушание» в монастыре, особенно начальники, были очень усердны. Преподобный Пахомий по прошествии некоторого времени иногда сменял тех, кто исполнял известное «послушание», заменяя их другими. В этом случае он желал достигнуть двух целей. Во-первых, он стремился к тому, чтобы вновь назначенный извлекал из своего «послушания» плоды духовные, чтобы он мог полу-

---

[1] *Пост*, от греч. νηστεία, — означает совершенное невкушение пищи.

чить от Господа награду за свой ревностный труд на пользу братства. Святой Пахомий был того мнения, что всякое «послушание» в обители, исполняемое с усердием, доставляет иноку награду не ниже той, какую получит монах, если будет ревностно поститься, бодрствовать и молиться Богу. Во-вторых, Пахомий желал, чтобы имели возможность отдохнуть после труда ревностные труженики хотя некоторое время. Однако братия, усердно занимавшиеся исполнением своих «послушаний», неохотно соглашались на отдых, дозволенный великим аввою. Они были убеждены в том, что этот мир не есть место отдыха, а напротив — место напряженного труда, постоянной борьбы и самоотверженных подвигов, и что только тот, кто здесь трудится, в будущей жизни получит истинное упокоение и нескончаемое блаженство. И всякий продолжал с усердием заниматься тем делом или ремеслом, какое знал, или вообще какою-нибудь работою для монастыря, в точности подчиняясь распоряжениям начальника.

От всякого инока, какую бы должность ни проходил он в монастыре, требовалось полное подчинение начальнику и безусловное, точное исполнение устава. Это было главным отличием жизни киновии от жизни отшельнической в тесном смысле этого слова. В полном послушании был и залог духовного совершенствования киновитов. В послушании было великое нравственное преимущество киновии. Нарушение распоряжений начальника или предписаний устава, хотя бы и по ревности о подвижничестве, всегда могло вести к ропоту со стороны других и быть причиною всяких беспорядков в общежитии. Поэтому Пахомий строго наказывал нарушителей долга послушания, чем бы они ни оправдывали себя. Такие случаи бывали и в Тавеннисийском общежитии, хотя очень редко.

Для покупки необходимых вещей и продажи монастырского рукоделия выбирались особенно благонадежные иноки, украшенные всякими добродетелями, чтобы мир не мог их соблазнить, а они служили бы назиданием для мира. Обращалось особенное внимание на то, чтобы они не были пристрастны к стяжаниям, хотя бы от этих стяжаний монастырь мог получить значительную пользу.

Когда в Тавенниси количество иноков увеличивалось более и более, здесь должны были умножаться и различные хозяйственные учреждения. Должно было умножиться и количество лиц, проходив-

ших те или другие «послушания» ради удовлетворения различных нужд монастыря. Когда количество иноков и монастырей в Пахомиевой киновии умножилось, мы видим там очень много иноков, на которых были возложены различные обязанности по монастырю. Мы видим здесь правильно устроенные хлебные, сначала только в Тавенниси, а потом в монастырях Певоу (самом главном) и Фенум. В этих хлебных иноки работали при самой глубокой тишине, содействовавшей и успеху работы и самособранности духа. Не было здесь разговоров. Даже спросить воды или муки нельзя было: нужное требовали стуком о квашню. Во время работы читали на память заученное из слова Божия.

В одно время в Тавеннисийском общежитии было пятнадцать портных, семь кузнецов, четыре плотника, пятнадцать красильщиков, двадцать дубильщиков кож, двенадцать погонщиков верблюдов, двадцать садовников, пятнадцать сапожников, двенадцать иноков, приготовлявших покрывала, десять ночных стражей и десять переписчиков. Иноки своим трудом приготовляли для обители все необходимое, и лишь немногое им приходилось покупать в городах. Особенно распространено было среди киновитов выделывание рогож, и это не только было хорошим рукоделием для монахов, но и могло усиливать денежные средства киновии, а деньги необходимы были и здесь.

Деньги хранились, по заповеди святого Пахомия, в одном месте, в распоряжении эконома. Этот эконом и удовлетворял все братские нужды. Но иноки не могли иметь свои деньги. Между монахами было много таких, которые пришли в монастырь еще в детстве со своими родителями. Выросши, они не умели различать золота от серебра и были совершенно равнодушны к деньгам.

Нужды братий были очень скромны. Нестяжательность была так велика, что всякий имел только одну одежду и одно покрывало из овечьей или козьей кожи. Разорванную одежду особо назначенный инок должен был чинить, вымывать и потом хранить в складе поношенной одежды. Когда кто-либо из монахов хотел вымыть свое платье, он брал себе одну из этих починенных одежд, а вымыв свое платье, возвращал эту одежду заведовавшему ею иноку.

В киновии было очень много переписчиков. Эти опытные писцы усердно списывали те книги, какие были особенно полезны мона-

хам, по указанию начальника. Трудились они с успехом: монастырские книгохранилища увеличивались, и каждый инок мог найти здесь для себя пищу духовную.

При всяких сношениях с миром иноки должны были соблюдать особенную осторожность. Во время пути они должны были повторять про себя известные им изречения святого Писания и размышлять о них. В путешествие отправлялись всегда несколько человек вместе, по крайней мере двое. Если на пути встречалась женщина, желавшая говорить с ними, то старший инок приближался к ней и, опустив глаза, с великою скромностью вел недлинный разговор. Встречая на пути начальника или воина, каждый инок сходил со своего осла и молился в стороне, уступая дорогу путнику.

В мирских домах иноки обыкновенно не вкушали пищи. В крайнем случае вкушали лишь то, что было разрешено монастырским уставом.

Чтобы мир не оказывал худого влияния на монахов через письменные сношения, письма в монастыре получал начальник, и если он видел, что письмо заключает в себе добрые мысли, то передавал его по назначению. Никто в монастыре не мог рассказывать того, чтó он видел или слышал в мире, если это не вело к общему назиданию. Что-нибудь назидательное можно было сообщать лишь с дозволения начальника. Вообще говорливость не поощрялась среди иноков.

Странники принимались в особом помещении. Никто из братии не мог принимать их у себя в келии. Даже о приходе кого-нибудь из родных никто не мог передавать монахам: о приходе странников говорили кому следует только привратники. В гостинице странникам оказывали самый радушный прием. Для женщин было отдельное от мужчин помещение. Даже чужих монахов преподобный Пахомий не помещал вместе со своими иноками, не позволял пускать их даже в общую трапезу, хотя и оказывал им все знаки братской любви и позволял им входить в церковь во время общей молитвы, если только они были православные, а не еретики.

Слава святого Пахомия более и более распространялась по Египту. О великих подвигах его узнала наконец и родная сестра его Мария, просвещенная уже христианскою верою и остававшаяся девою. Очень желая увидеть брата Пахомия, она отправляется в Тавен-

ниси. Сообщили о ее приходе Пахомию. Отрекшийся от всяких земных пристрастий, избегавший свиданий с женщинами, святой Пахомий отказывает сестре в свидании, но в то же время через монаха привратника указывает ей новый путь жизни. Он говорит ей, что настоящая жизнь есть лишь приготовление к жизни будущего века, а жизнь в удалении от мира, жизнь монастырская, может дать все средства ко спасению. Пахомий обещает сестре, что для нее иноки построят уединенное жилище, если она захочет проводить жизнь монастырскую. Тогда, говорит он, и другие женщины, поселившись с нею, могут отдаться всецело заботе о достижении духовного совершенства. Грустно было для Марии слышать, что брат ее сам не хочет беседовать с нею. Она заплакала. Но слова Пахомия, переданные ей через монаха привратника, содержали и много утешительного. Она согласилась на то, к чему призывал ее Пахомий. Тогда Пахомий послал монахов построить для нее жилище вблизи селения, на довольно значительном расстоянии от монастыря мужского, на другой стороне Нила.

Спустя короткое время уже большое количество женщин являются к Марии, чтобы навсегда остаться жить с нею. Сестра преподобного Пахомия делается для них матерью, старицей. Она руководит их на пути ко спасению до самой своей смерти.

Со своей стороны и авва Пахомий с великим усердием заботится об этом монастыре. Для ближайшего руководства духовною жизнью в женской обители он назначает старца Петра. Пахомий сам написал особую книгу с правилами монашеской жизни, и эти правила сестры обители должны были усердно изучать и исполнять.

Конечно, могли быть случаи, когда кому-либо из иноков нужно было посетить ту или другую сестру. Свидания эти в случае необходимости разрешались самим Пахомием. Получив разрешение Пахомия, инок являлся к заведовавшему женским монастырем старцу Петру. Старец посылал за матерью монахинь, за тою монахиней, которую нужно было видеть иноку, и еще за третьей монахиней: все садились, и тогда начинался разговор, причем, конечно, все имели в виду то, что длинные и особенно праздные беседы неприличны монашествующим.

Если какая-нибудь инокиня умирала, сестры относили ее в место их молитвенных собраний. Мать инокинь одевала ее погребальным

саваном. Авва Петр сообщал о смерти монахини Пахомию. Назначенные им иноки, проводившие безукоризненную жизнь, отправлялись в женский монастырь. Они останавливались у ворот молитвенного дома и здесь пели священные песнопения. Наконец усопшую погребали, причем к гробнице сопровождали ее с пением сестры в предшествии матери, а старец шел сзади их. Расходились, зарыв усопшую в землю и совершив над нею последнюю молитву. Иногда сестер погребали в самом монастыре, а иногда относили их к ближайшей горе.

Еще в одном случае иноки Тавеннисийского мужского общежития оказывали большую помощь женскому монастырю. Когда являлась надобность исправить или вновь построить какое-либо здание в женском монастыре, Пахомий посылал для этого самых благочестивых монахов. Они находились там под неусыпным надзором старца Петра. Они не могли оставаться в женской обители вкушать пищу, но в тот же день возвращались в свою обитель.

Количество сестер в женском общежитии скоро умножилось до четырехсот. Обычная пища инокинь, их посты, их одеяния, за исключением головного покрывала — все соответствовало принятым в мужском общежитии обычаям. Инокини трудились и на пользу мужского общежития: они приготовляли шерстяные одежды для иноков. В свою очередь они получали необходимые для них припасы от эконома мужского общежития.

Известен один важный случай из жизни женского монастыря. Одна из монахинь как-то вышла за ограду монастыря. Она встретилась с мирянином портным и, удивляясь, спросила его о причине прихода в эти места. Тот ответил, что желал бы иметь работу. Сестра возразила, что они имеют собственных портных. Портной удалился. Свидетельницей этого разговора была одна монахиня. Поссорившись как-то с той монахиней, она стала порицать ее и припоминала с укоризною ее разговор с портным. Молодая инокиня, взволнованная ложным обвинением, горячо плакала. Она преувеличенно представляла себе тот позор, какой, по ее мнению, ожидал ее теперь в монастыре. Угнетаемая скорбью, она тайно пошла к реке, бросилась в ее волны и утонула. Узнав об этом, другая сестра, позволившая себе незаслуженно укорять несчастную молодую инокиню, впала в великое отчаяние и лишила себя жизни, задушив себя веревкой.

Скоро узнал об этом преподобный Пахомий. Глубоко опечаленный этим случаем, старец запретил поминать их в молитвах домашних, совершать литургию и подавать милостыню за них. Пахомий строго отнесся и ко всем сестрам общежития. Ввиду того, что они не употребили должного старания, чтобы найти невинную и обидчицу, примирить и успокоить их, и пренебрегли их положением и спокойствием, а может быть, и поверили клевете одной из сестер, старец отлучил их от святого Причащения на семь лет.

Множество людей приходили к Пахомию отовсюду, чтобы навсегда подчиниться ему. Количество монахов в Тавенниси слишком умножилось. Стало очень тесно. По внушению Божию, святой Пахомий пошел искать еще места, удобного для построения новой обители. Очень удобное место оказалось к северу от Тавенниси, не в далеком расстоянии отсюда. Место это называлось Певоу[1]. Здесь и был устроен новый монастырь, очень обширный и вскоре сделавшийся средоточием всего общежития.

Монастырь этот был обнесен оградою. Епископ области Диоспольской благосклонно относился к монахам. По его мысли преподобный Пахомий устроил здесь и церковь.

Теперь явилась возможность принимать в общежитие всех, желавших поселиться здесь навсегда. Из старого монастыря в новый Пахомий переселил много монахов, притом именно таких, которые хорошо привыкли к порядкам общежития и могли быть опытными руководителями и служить добрым примером для новых братий. И здесь были назначены свой начальник, эконом и братия для исполнения различных послушаний. Все с усердием должны были исполнять законы общежития, помня, что они назначены одинаково как для новоначальных, так и для самих начальствующих.

Прошло некоторое время, и два монастыря не могли уже вмещать всех желавших здесь подвизаться. Постепенно устроилось еще семь монастырей. Количество иноков в Тавеннисийском общежитии дошло до семи тысяч человек. Конечно, одни монастыри были более населены, другие — менее. И все это множество иноков, рассеянных по многим обителям, было единым иноческим братством.

---

[1] *Монастырь Певоу* находился немного к северу от Тавенниси, на восточном берегу Нила, в области Диоспольской.

Святой Пахомий часто посещал все монастыри. Сам он стал жить в монастыре Певоу, где сосредоточивалось общее управление всех монастырей. Этот монастырь был самым многолюдным. Отсюда иноки других обителей получали необходимые им предметы. Эконому этого монастыря давали отчет в работах. Сюда иноки всех монастырей собирались дважды в год, принимали здесь участие в молитвах и слушании поучений и получали благословение преподобного Пахомия на свои подвиги. В монастыре Певоу совершали и крещение оглашенных во дни святой Четыредесятницы. Тогда оглашенных приводили сюда из всех монастырей. Таким образом, были между иноками люди, еще не принявшие святого крещения, но готовившиеся к нему, были *оглашенные*. В Певоу их приводили для крещения вероятно потому, что там были священники, а в других монастырях не было священников. Конечно, это общение всех монастырей было в высшей степени полезно для монахов: оно связывало всех иноков Пахомиевых обителей самыми тесными узами духовной любви, оно ободряло малодушных, возбуждало ревность в ослабевших, а для усердных и преуспевших подвижников было очень важно, что они видели высокие образцы подвижнической жизни и научались соревновать им и скромно смотреть на свои подвиги. Но всего важнее были эти путешествия в Певоу тем, что они давали возможность всем инокам видеть обычную жизнь святого Пахомия и слушать его наставления. И во время своих путешествий для обзора обителей святой Пахомий учил монахов не только словом, но и примером. Он готов был повиноваться всякому, смирялся пред низшими и с удовольствием бы принял урок от самого юного члена общежития. Вот один из множества подобных случаев.

Преподобный Пахомий особенно часто ходил в Тавенниси. Во время этих посещений он не оставлял своего обычного ручного труда. По распоряжению аввы Феодора, здесь употребляли особенный способ плетения рогож: веревки не следовало сильно стягивать; в этом случае и труда было меньше, и рогожи выходили лучше. Когда Пахомий плел здесь свою рогожу, один мальчик, живший в монастыре, исполнявший в эту седмицу свою череду на этом послушании, откровенно заметил ему, что он не так плетет, как распорядился авва Феодор. Пахомий с кроткою радостью выслушал замечание отрока и просил научить его, как именно следует работать. Мальчик

показал Пахомию, как у них работают. Авва Пахомий тотчас же стал именно так плести рогожу.

Большой страх возбудили среди тавеннисиотов жившие по близости варвары, которые не только теперь, но и позднее делали нападения на селения и на монастыри и причиняли им великий вред: грабили, расхищали, вымогали с обитателей выкуп или уводили их в рабство. Иноки северных обителей от них разбежались. Ради того, чтобы северные обители не разрушились совсем и монахи не разорялись совершенно, преподобный Пахомий посылает в северные обители большое количество иноков. Сам он остался в монастыре Певоу, а своего любимого ученика Феодора послал с книгами для чтения к инокам северных монастырей. Отправляя туда Феодора, Пахомий утешал его надеждою на помощь Божию. Пахомий дал обет — в случае удаления варваров послать в церковь, разграбленную ими, книги, много пшеницы и вообще то, в чем эта церковь нуждается. На другой день варвары, совершенно разбитые императорским войском, удалились. Это успокоило монахов.

Когда варвары еще не были поражены, они нашли одного отшельника и заставляли его поить их вином. Но когда он хотел налить им вина, они требовали, чтобы он сначала принес жертву их богам. Инок не соглашался. Варвары стали грозить ему, что убьют его, если он не исполнит их требования. Несчастный отшельник не имел мужества, чтобы отказаться от принесения жертвы богам языческим. Он исполнил требование варваров. После этого он стал поить варваров вином. Они от опьянения уснули. Это дало иноку возможность убежать от них. Но сердце отшельника было безутешно. Он был так подавлен своим горем, что не мог даже молиться. Вспомнив о доброте и мудрости Пахомия, этот инок поспешно пошел к нему, решившись отдать себя вполне на суд великого старца. Он с глубокою скорбью объявил святому Пахомию, что после своего наружного отречения от Христа чрез принесение жертвы ложным богам он уже не видит возможности покаяться и получить прощение грехов, поэтому он уже целый месяц не молится Богу.

Пахомий отечески укорил его за то, что он как бы бросил в огонь тот венец, который держал над главою его Ангел и уже хотел возложить на него. Видя искренние слезы невольно изменившего Христу монаха, Пахомий указал ему путь к успокоению. Он предложил ему

молиться как можно больше ночью и днем, всегда поститься до вечера, никогда не есть ничего вареного, кроме случаев сильной болезни. Тогда он может обрести милость у Бога, получить прощение и сделаться снова верным рабом Христовым. Вера Пахомия ободрила этого монаха: он перестал уже отчаиваться и начал искренно и с надеждою на милость Божию каяться в своем грехе.

Долгое время в Тавеннисийском общежитии подвизались одни копты[1]. Наконец слава святого Пахомия дошла и до греков и римлян. И из них некоторые стали стремиться в общежитие под руководство мудрого аввы Пахомия и делались здесь монахами. Святой Пахомий и о них усердно заботился: они были для него дороги не менее коптов.

Некоторым затруднением для Пахомия при обращении с монахами-греками (их было больше, чем римлян) было незнание греческого языка. Равным образом и другие иноки копты не знали этого языка. Даже на самом близком расстоянии от Александрии[2] разговорным языком был не греческий, а коптский язык. Даже сравнительно недалеко от Александрии жившие подвижники, как, например, святой Антоний Великий, родившийся около Ираклеополя великого, святой Пимен Великий, всю жизнь проведший в Нижнем Египте, в Ските, Теренуофе и северном Диолке, не говорили по-гречески, а тем более трудно было встретить знающего греческий язык монаха в Фиваиде[3]. В деле попечения о греках преподобному Пахомию помогал Феодор, бывший чтец Александрийской церкви. Но и сам святой Пахомий позаботился о том, чтобы научиться греческому языку.

Святой Пахомий учил иноков и словом, и примером. Тем сильнее действовало его слово, что иноки видели в нем пример всех добродетелей. Постоянное молитвенное настроение Пахомия, его глубокое смирение, его строгость к себе самому, строгость даже во время болезни, его любовь ко всем, его проницательность и мудрость — все это привлекало сердца братии к нему, заставляло всех без рассуждения подчиняться его слову, принимать его советы.

---

[1] *Копты* — египтяне (христиане).

[2] *Александрия* — знаменитый по своей образованности, политическому значению и торговле город, основанный греческим императором Александром Великим в Египте около 333 года до Рождества Христова.

[3] *Фиваида* — область в Верхнем Египте.

Смирение Пахомия было чрезвычайно велико, хотя и совершал он необыкновенные подвиги, хотя и воздавали ему величайшую честь и иноки, и миряне, и даже епископы, иногда присылавшие к нему монахов, чтобы он произнес над ними свой суд. Святой Пахомий боялся осуждать других даже в мыслях. Сподобляясь неоднократно видений и откровений от Бога, он говорил о них братиям тогда, когда от своего рассказа ожидал нравственной пользы для братии.

Однажды братия просили его рассказать какое-нибудь из его видений. Замечателен ответ его. Не желая говорить о бывших ему видениях, с целью предостеречь от превозношения тех иноков, которых Господь сподоблял особенных духовных дарований, святой Пахомий сказал: «Тот, кто исполнен грехов, не получит благодати духовных видений. Но если ты желаешь иметь прекрасное и замечательное видение, то я укажу тебе на одно из них: когда ты увидишь человека благочестивого, скромного сердцем, чистого — вот прекраснейшее из видений: ты видишь Бога невидимого в этом видимом человеке. Не спрашивай другого видения, которое было бы предпочтительнее этого».

Смиренный Пахомий ни в чем не хотел иметь преимущества пред братиями. Он называл истинно справедливым того брата, который не давал ему большей, по сравнению с другими, доли кушанья. И трудиться он желал наравне с другими. Он не допускал, чтобы кто-нибудь облегчил его труд.

Однажды великий авва отправляется с братиями на работу. Каждый со своим спутником должен был взять известное количество хлеба. Пахомиев спутник хотел один все нести. Но Пахомий не согласился на это, говоря, что начальник во всем должен нести те же труды, что и братия.

В высшей степени нестяжательный, Пахомий носил очень бедное платье. Оно заменяло ему и покрывало в холодное время. В этом платье он принимал приходивших к нему священников и монахов.

Один брат, по имени Афанасий, заведовавший монастырской одеждой, обратился к святому Феодору с просьбой отдать ему в склад платье аввы, когда он снимет его, и положить вместо этого одеяния другое, новое и приличное для начальника.

Феодор послушался Афанасия и заменил одну одежду другой.

Но вот Пахомий ищет свою прежнюю одежду. Феодор указывает на новую, но Пахомий настаивает на том, чтобы ему возвратили его старую одежду. На просьбу старца, троекратно повторенную, Феодор ответил, что теперь нельзя уже найти этой одежды. Феодору, однако, стало очень жалко, что он лишил старца той одежды, которая была для него и покрывалом в холодное время. Он даже плакал об этом. Но и Пахомий не считал себя правым в этом случае. Он долго просил у Господа прощения в том, что, уча других послушанию, он сам не оказал послушания тому, кто в монастыре распоряжается одеждою. Какое великое смирение!

Когда однажды Пахомий заболел, Феодор привел его туда, где больные иноки вкушали пищу. Для него приготовили хорошую похлебку. Он заметил брату, приготовлявшему это кушанье:

— Ты не умеешь приготовлять кушанья; дай мне немного воды.

Поданную воду Пахомий влил в это блюдо. Тогда же пред началом еды Феодор полил ему воды на руки. Пахомий в свою очередь возлил ему воды на ноги.

После еды зашел между ними разговор. На вопрос Феодора: почему он испортил кушанье водой, Пахомий ответил ему:

— Брат, приготовивший мне пищу, приготовлял ради меня с большим усердием, а такое усердие между людьми не бывает продолжительно. И я сказал себе: я сейчас в этот раз буду есть хорошо, а наступит завтрашний день, я буду болен, я буду еще ожидать, что брат даст мне хорошо поесть, и по этой-то причине сердце мое будет в смущении. Вот поэтому-то я и испортил поданное мне хорошее кушанье, чтобы в другой раз, если он будет небрежен и не приготовит, по-прежнему хорошо, это было для меня уже безразлично.

Феодор спросил старца, почему он возлил ему воды на ноги. Замечательный ответ дал ему святой Пахомий.

— Я поступил так для того, чтобы, если в другом мире скажут мне: Феодор возливал воду на твои руки, мне быть вправе сказать: я сам умыл ему ноги.

Больной Пахомий не хотел вкусить кушанья с маслом. В другой раз во время болезни он не согласился покрыться лучшим покрывалом вместо рогожи и принять горсть фиников. Какая строгость к себе самому!

С особенною любовью относился Пахомий к больным инокам. Более всего он заботился о спасении души заболевшего брата. Он убеждал больного благодарить Бога, возбуждал в нем благочестивые мысли, предостерегал от пристрастия к земле, от увлечения нечистыми помыслами, внушал ему просить прощения у Бога и бодро смотреть на свое будущее, возлагая упование на Господа. Он всегда заботился и о теле больного брата. Больных в общежитии никогда не принуждали к усиленному посту, хотя и не препятствовали им поститься. Пахомий иногда находил нужным ослабить пост, если видел, что пост очень истощает силы больного и не дает ему поправиться.

Так, один брат был болен во дни Четыредесятницы. Однако он не соглашался ни есть ничего вареного, ни пить вина. Он не хотел позволить себе послабление, если бы ему предстояло даже умереть от чрезмерного воздержания. Мудрый авва Пахомий советовал ему, если он не хочет совсем оставить этот пост, отложить свое пощение до времени полного восстановления сил, когда он будет иметь возможность провести в строгом посте такое число дней, какое должен бы был поститься теперь.

Среди служивших в больнице иноков бывали и такие, которые не хотели исполнять некоторые просьбы больных, казавшиеся им непозволительными для монаха прихотями. Но святой Пахомий смотрел на это иначе. Он готов был доставить больному возможное утешение.

Однажды, например, сам Пахомий тяжко заболел. В больнице ему предложили съесть немного вареных овощей. В это время в больнице лежал тяжко больной монах, тело которого представляло кожу да кости: так он исхудал после продолжительной болезни. Когда этот инок попросил больничных братий дать ему немного мяса, те не соглашались на это. Тогда больной просил отнести его к авве Пахомию. Великий авва был поражен крайним истощением инока и отсутствием благоразумного сострадания в больничных братиях. Он строго сказал им: «Безумные, где страх Божий? Ведь Бог сказал: „Возлюби ближнего как самого себя“. Ужели вы не видите, что этот брат почти мертв? Почему вы не дали ему того, чего он у вас просил? Я теперь не могу ни есть ни пить. Ведь есть различие между болезнями, и одна болезнь бывает более жестокою, чем другая».

Пахомий не мог удержаться от слез при виде тяжко больного инока и бессердечной ревности других о строгом соблюдении устава о пище. Теперь иноки поняли свою неправду. Они тотчас послали купить козленка и приготовили из него кушанье, которое подкрепило ослабевшее тело больного брата и ободрило его унылую душу.

Пахомий старался в своих учениках возбуждать упование на Бога. Вот один случай, подтверждающий это.

Как-то вечером прибыли братия, чтобы нагрузить лодку тростником. Феодор боялся, что приготовленного им рагу[1] недостанет для всех. Пахомий понял его мысли и предостерегал его от чрезмерной заботы о пище и малодушного опасения относительно ее, указывая на Божие попечение о человеке. Упование не посрамило Пахомия.

Случился однажды в монастыре недостаток в пшенице. Это очень огорчало и озабочивало иноков. Желая уничтожить их опасения за ближайшее будущее, Пахомий указывал им на два прекрасные ковра, пожертвованные одним добрым человеком: в крайнем случае их можно продать и вырученные деньги расходовать на покупку пшеницы. Целую ночь Пахомий провел в горячей молитве.

На другой день утром постучался в ворота монастыря начальник одного города. Когда привратник отпер ему, он сказал, что дал обет отдать нуждающимся известное количество хлеба и что в эту ночь он узнал во сне, что именно братия этого монастыря нуждаются в хлебе; пусть кто-нибудь примет привезенный им хлеб. Когда об этом сообщили самому Пахомию, он очень обрадовался и сказал начальнику города, что они действительно нуждаются в хлебе, но им нужна отсрочка в уплате денег. Добрый христианин сказал: «Я не за деньги привез это, но ради того, что вы люди Божии. Пошли же братию внести это».

Пахомий, искренно благодарный доброму человеку, оказавшему помощь обители во время крайней нужды, дал ему в благословение монастырского хлеба и овощей. Начальник города с радостью принял это и ушел довольный тем, что оказал помощь рабам Божиим. Братия удивились и обрадовались неожиданному дару монахолюбивого начальника.

Пахомий боялся, как бы иноки не пристрастились к какой бы то ни было красоте на земле. Он боялся даже, чтобы стройность, изя-

[1] Род растительной пищи.

щество и красота храма не развлекали монахов. Усердно предостерегал святой Пахомий учеников своих от тщеславия. Он убеждал своих монахов творить подвиги в тайне, ради Бога, а не ради похвалы человеческой. Советовал им по внешности не выделяться из среды братии. Вот несколько случаев, показывающих, как настойчиво он боролся с этим врагом подвижников.

Один инок проводил много ночей в непрерывном молитвенном бодрствовании, услаждаясь надеждою заслужить особенное уважение от людей. Пахомий убеждал его изменить образ жизни, говорил, чтобы он ходил в трапезу, когда призываются туда братия, и вкушал с ними пищу, только не до полного насыщения; чтобы совершал такое количество молитв, какое назначено всем инокам, чтобы по выходе из келии был ко всем любезен и не казался мрачным. Конечно, не следует покидать и своих подвигов, так как и это было бы угождением сатане; но надобно все делать ради Бога, не давая диаволу места в сердце своем. Когда этот инок продолжал действовать попрежнему, опасаясь, как бы не показаться братиям слабым и жалким, Пахомий опять настойчиво советовал ему ослабить свои подвиги. Много раз он напоминал тщеславному иноку свои прежние наставления и, наконец, сказал ему, что он дойдет до состояния безумия, если будет упорствовать в своем пристрастии к внешним подвигам ради уважения от других, а не ради умерщвления страстей. Но монах делал по-своему, и предсказание Пахомия исполнилось. Тщеславный монах, более и более надмеваясь гордостью по причине своего наружного благочестия, дошел до безумия, до самозабвения. Он готов был даже убить святого Феодора, когда авва послал его отвлечь этого инока от его тщеславной и Богу неугодной молитвы. К счастью, руки его, протянутые с обрубком дерева, онемели, и он только неистово кричал на Феодора, называя его врагом Божиим. Долго он был в таком жалком состоянии. Наконец, он исцелился от своего безумия и вместе от прежней упорной гордости.

Святой Пахомий сидел однажды с некоторыми старцами вне келии, беседуя с ними о слове Божием. В это время один брат пред дверью своей келии приготовлял рогожу. Он работал с особенным старанием и в этот день успел сплести две рогожи. Он ожидал себе похвалы от аввы Пахомия. Видя его душевное состояние, Пахомий сказал своим собеседникам: «Не видите ли вы этого несчастного

брата? Он потерял сегодняшний труд, так как возлюбил славу от людей более, чем славу от Бога; он самого себя утомил и душу свою лишил всякого успеха и прибыли».

Пахомий призвал этого инока и строго укорял его за его мысли. Потом, смягчая свое обличение, Пахомий велел ему принести эти две рогожи, когда братия соберутся в церкви, и просить у иноков прощения и молитв. То же он должен был сделать и в трапезе во время обеда. Чтобы еще более уврачевать его душу, Пахомий велел ему безвыходно сидеть в келии, ежедневно приготовлять по две рогожи вместо одной, есть только хлеб и соль, ни с кем не разговаривать, кроме одного брата, который будет доставлять ему хлеб, и усердно просить у Бога прощения в своем грехе. Это наказание было направлено прямо против главной страсти монаха: он должен был в наказание делать то, что прежде делал по тщеславию. Наказание постоянно напоминало ему допущенный им грех и должно было возбудить в его сердце живейшее раскаяние. Он дорожил похвалою Пахомия: конечно, он не мог не понять, что великий авва не без основания так строго наказал его, обличив прежде пред всеми.

Еще один замечательный случай. Однажды святому Пахомию пришлось зайти в монастырь, где иноки были заражены еретическими воззрениями. Здесь монахи передали Пахомиевым ученикам, что их начальник предлагает Пахомию вместе перейти через реку, чтобы показать, кто из них прав, кто более угоден Богу. Когда ученики сказали об этом Пахомию, он очень опечалился тем, что его монахи выслушали и передают такое поручение. Пахомий сказал им строго: «Еретик может перейти через реку по поверхности воды, как проходят по суше, по попущению Божию и при помощи сатаны, желающего утвердить его в его нечестивом веровании и других склонить к этому верованию. Теперь идите и скажите этим людям: „Служитель Божий Пахомий говорит: мои труды и заботы направлены не к тому, чтобы перейти через реку пешком, но к тому, чтобы избежать наказаний Божиих и перейти через ту огненную реку, через которую мы все, люди, должны перейти перед престолом Господа нашего Иисуса Христа. Сверх того Евангелие говорит: *Не искушай Господа Бога твоего* (Мф. 4, 7)“».

Святой Пахомий в предложении еретиков видел козни сатаны, желавшего чудесным явлением поколебать в монахах веру и возбу-

дить в них тщеславие. Он убеждал учеников и не склоняться когда-нибудь на что-нибудь подобное и не поддаваться тщеславию.

Когда в каком-нибудь подвижнике проявлялась хотя бы одна добродетель, не испорченная тщеславием, святой Пахомий радовался и этому малому преуспеянию брата и тщательно лелеял его добродетель, видя в ней залог его спасения.

Святой Пахомий не желал, чтобы иноки предавались строгим подвигам по принуждению, а не по собственному влечению. Об этом красноречиво свидетельствует следующий случай из жизни киновии.

Однажды, когда святой Пахомий после посещения других монастырей возвращался в ту обитель, где он постоянно жил, братия вышли приветствовать его. При самой встрече один юноша громко заявил ему, что с того дня, как Пахомий их оставил, им не готовили ничего ни из зерен, ни из овощей. Святой Пахомий кротко и приветливо ответил ему:

— Не печалься, сын мой; отныне я займусь вашими делами и позабочусь о вашей пище.

Войдя в монастырь и сотворив в церкви молитву, Пахомий пошел прямо в поварню. Повара плели рогожи, Пахомий спросил главного повара:

— С какого времени ты не готовил похлебки для братии?

Оказалось, что уже два месяца, как он ни разу не готовил им похлебки. Пахомий спросил его:

— Почему ты так поступал, когда правила повелевают подавать похлебку братии во все субботы и воскресенья?

Главный повар ответил, что братия из любви к подвигам не едят похлебки, довольствуясь небольшим количеством овощей и масла; прежде похлебка, приготовленная с маслом, выбрасывалась вон; теперь он назначил одного брата доставлять на трапезу маслины, овощи, уксус, а сам он и другие с ним трудятся над изготовлением рогож. За это время было приготовлено в поварне пятьсот рогож.

Пахомия глубоко опечалило самоволие заведовавшего кухнею монаха. Приказав сжечь самовольно приготовленные рогожи, святой Пахомий строго заметил этому иноку, что он своим сверхдолжным усердием оказал пренебрежение к правилам. Притом же и воздержание иноков в этом случае было уже не делом свободного про-

изволения, а следствием необходимости: никто уже не имел возможности проявить свое усердие, все постились поневоле.

— Что касается меня, — говорил святой Пахомий, — я бы предпочел приготовить кушанья разных видов и сварить всякого рода плоды и поставить все это пред братиями, чтобы им, если они будут обуздывать свои желания и добровольно, ради подвига, отказываться есть это, совершить великое и доброе дело пред Богом. Если на трапезе не подавать разрешенного уставом, то немощные братии не могли бы достаточно подкреплять свои упадшие силы: они могут совершенно ослабеть. Притом между братиями есть много новоначальных, из которых некоторые очень юны и слабы телом: они не могут в иноческих подвигах сравниться с совершенными. Им было бы особенно тяжело, если бы даже по субботам, воскресеньям и праздникам их лишали вареного: они могут предаться унынию от непривычной для них строгости жизни.

Какой правильный взгляд на дело! Какая благоразумная строгость к нарушителям правил, какая забота о сохранении порядка в общежитии, какая любовь к немощным братиям слышится в этом выговоре повару, нарушившему правила о пище по чрезмерной ревности о воздержании!

Святой Пахомий всегда имел в виду, что чрезвычайная строгость может привести некоторых подвижников в отчаяние. К инокам новоначальным, неопытным, он относился с особенною предупредительностью и нежностью, видя в них «молодые растения», требующие ухода и поддержки. Пахомий порицал своего любимого ученика Феодора за его суровость к его брату Пафнутию. Только любовь и мудрость Пахомия удержали Пафнутия в монастыре. Вот случай подобной предусмотрительности и любви в отношении к монаху чужого монастыря.

Невдалеке от Тавенниси был небольшой монастырь, не принадлежавший к общежитию. Начальник этого монастыря часто приходил к святому Пахомию слушать его мудрые наставления, чтобы потом передавать их своим монахам. Один инок этого монастыря усиленно домогался должности, которой не был достоин. Начальник однажды ответил на его просьбы, что Пахомий советовал не давать ему этой должности, потому что он недостоин ее, хотя Пахомий не говорил этого. Самолюбивый монах почти насильно повлек своего

авву к святому Пахомию для объяснений. Бледный, в глубокой задумчивости следовал начальник за своим монахом, смущенный его необузданным гневом.

Они застали Пахомия строившим монастырскую ограду. Вне себя от гнева, монах кричал Пахомию:

— Сойди, чтобы доказать мой грех, Пахомий — лжец!

В высшей степени кроткий и терпеливый, Пахомий ничего не ответил грубому монаху. Однако монах продолжал свою брань. Пахомий понял его душевное состояние и спокойно отвечал:

— Прости меня, я согрешил; а ты никогда не согрешал?

Гнев монаха утих. Затем Пахомий отвел в сторону начальника монастыря и разузнал от него, в чем дело. Авва дал ему такой совет:

— Послушайся меня и исполни его просьбу, чтобы душу его вырвать из рук врага.

Начальник монастыря последовал этому совету. И он, и его монах были утешены и успокоены Пахомием.

Через несколько дней этот монах раскаялся в своей грубости относительно Пахомия и пошел к нему просить прощения. Он признался, что Пахомий выше, чем говорят о нем, и поведал ему следующее: «Бог знает, что если бы ты не был великодушен ко мне и сказал бы мне одно грубое слово, то я, грешный, оставил бы монашество и снова сделался бы мирянином. Будь же благословен, человек Божий, потому что Господь оживил меня через твое великодушие».

Святой Пахомий часто напоминал монахам о той ревности, какую они должны иметь. Каждым случаем он пользовался, чтобы возбудить в них усердие к подвигам, к плачу о грехах, к духовному преуспеянию.

Проходя однажды со своим учеником Феодором вблизи гробниц, Пахомий увидел, что здесь несколько женщин безутешно плакали. Он сказал Феодору:

— Не видишь ли ты этих женщин, проливающих слезы о мертвых, которых они не могут воскресить? Тем более мы, которых называют монахами, не должны ли плакать о наших душах, которые умерли по причине греха и которые воскресит Христос по Своему человеколюбию! Во всяком случае, слезы похвальны, если они проливаются с добрым намерением.

Преподобный Пахомий и его монахи радовались не только о своем спасении и благополучии, но и о спасении ближних и об истинном их благополучии. Неправильные учения смущают верующих, производят волнения и разделения в Церкви: святой Пахомий скорбит об этом. Торжествуют православные — ослабевает ересь: какая радость наполняет сердца тавеннисиотов с преподобным Пахомием во главе! Голод или какое другое общественное бедствие постигает страну: общая скорбь Египта доходит вскоре до тавеннисийского начальника, и здесь чужое горе вызывает живейшее сострадание.

Так, однажды преподобному Пахомию сказали, что в Египте большой голод, к которому присоединилась еще неразлучная почти спутница голода — моровая язва. Шел уже второй день, как Пахомий оставался без пищи. Но он так живо почувствовал страдания многих от голода, что до другого дня совсем не прикасался к пище и говорил с величайшим сочувствием к страждущим: «Я не могу есть, когда мои сочлены голодны и не имеют хлеба».

И во все время, когда голод продолжался в Египте, Пахомий был в великой скорби, предавался самому строгому посту и молился о прекращении народного бедствия.

Глубоко сочувствовавший всем людям и особенно инокам, святой Пахомий за всех усердно молился. Он молился, чтобы Господь помогал инокам исполнять их высокие обеты и сделаться каждому из них чистым храмом Святого Духа. Молясь за других людей, он прежде всего молился за тех, кто творит добро, чтобы Господь изгладил из их сердца всякое попечение о земном, кроме того, что необходимо для жизни. Молился великий авва и за тех, кто порабощен еще греху или омрачен ересью, чтобы Господь дал им покаяние. Молился он за царей и за всех правителей, чтобы они жили в любви у Бога и у всех людей, чтобы творили суд обидимым, чтобы не пристращались к тленной славе, чтобы походили на тех царей, которые творили волю Божию и были угодны Богу, каков был, например, царь Давид. Молился Пахомий и за пастырей, чтобы Господь помог им быть верными преемниками апостолов, ходить по всем заповедям Господним непорочно, украшаться истинным ведением, твердою, апостольскою верою, чистотою и благочестием.

Святой Пахомий, молившийся о благополучии мира, всем подавал помощь, когда это было возможно. Много людей обратилось

доброй жизни под влиянием его святой жизни и его кроткого вместо твердого слова. Много иноков спаслось под его ближайшим руководством. Мало этого. Святой Пахомий, при Божием содействии, оказывал людям чудесную помощь в их телесных недугах.

Некий пресвитер Дионисий привел к вратам обители кровоточивую женщину, которая ни от кого не получала помощи и получила теперь совершенное исцеление чрез прикосновение к краю одежды святого Пахомия. Преподобный Пахомий исцелил, чрез помазание елеем, приведенную одним человеком дочь его, причем сказал отцу ее, что она не живет в девственной чистоте, и заповедал ей чрез отца быть целомудренною. Другой человек привел к святому Пахомию своего сына, одержимого духом нечистым. Юноша был исцелен. И еще одного бесноватого вскоре исцелил великий Авва. Был еще подобный же случай исцеления.

Святой Пахомий однажды молился за человека, одержимого нечистым духом, но ему был глас свыше, чтобы он прекратил свою молитву за него, так как это несчастие постигло его для его же душевной пользы.

В монастыре Певоу был болен один брат. Уже три дня он боролся с болезнью. Явившись к Пахомию, он со слезами просил молитв о своем исцелении, указывая на то, что многие миряне получают исцеление. Пахомий возразил ему на это: «Вера мирян дает исцеление их телу, а через исцеление, которое Бог дает им, они располагаются делать добро. Что же касается до нас, служителей Христовых, наша вера есть нетленное упокоение, которое Бог дает нам в другом мире; без болезни, без скорби мы вели бы себя против заповеди».

Это наставление Пахомия утешило больного инока.

Спустя некоторое время, когда болезнь его все продолжалась, он в сопровождении братии пришел к Пахомию. Все стали просить молитв великого аввы об исцелении этого брата. Пахомий начал молиться, но тотчас же услышал глас: «Не молись за этого брата, потому что Господь послал ему эту болезнь, чтобы спасти его от козней диавола».

Все братия тогда восхвалили Господа, Который печется о Своих рабах и устрояет их спасение.

Хотя рукою Пахомия Господь совершал много исцелений, но великий авва всегда считал высшим и более необходимым исцеление

души от служения идолам, от лжи, от блуда и нечистоты всякого рода, вообще от всякого греха. И подавая исцеление телу, он всегда стремился уврачевать вместе и душу человека.

Велики были плоды деятельности святого Пахомия. Иноки под его руководством достигают высокого совершенства. Даже ленивые и закоснелые в пороках исправляются и стараются достигнуть высшей степени совершенства. Среди великих подвижников трудно было чем-нибудь особенным выделиться. Потому-то так мало имен этих иноков дошло до нас. Вот некоторые выдающиеся подвижники.

Пример трудолюбия, терпения, отрешения от тела мы видим в садовнике Ионе. Восемьдесят пять лет он провел в монашеских трудах. Все деревья в саду были им посажены, но он никогда не вкушал их плодов. Эти плоды доставляли подкрепление и утешение приходившим к Ионе инокам. Платье его было самое нищенское, нечто вроде кожаного покрывала, едва прикрывавшего тело. Одежду из грубой шерсти он надевал только пред принятием святых Таин, а потом немедленно снимал; этой одежды достало ему на всю жизнь. Он никогда не ел ни одного кушанья, приготовленного на огне. Свою обычную пищу, состоявшую из хлеба и уксуса, он принимал только вечером, и то — не до полного насыщения. Он совсем не думал о телесном покое, и даже во время болезни, даже тогда, когда он был близок к смерти, его не могли убедить отправиться в больницу: он считал себя недостойным пользоваться услугами других. Целый день работая в саду под палящими лучами солнца, Иона только к вечеру прекращал этот нелегкий труд. Когда наступала ночь, он уходил в свою келию, садился посреди на своем стуле и до полуночи вил веревки, устами и сердцем прославляя Бога. Потом только на короткое время он засыпал, оставаясь на своем стуле, причем веревок не выпускал из рук. Бодрый духом, авва Иона скоро вставал, чтобы отдаться молитве и потом приняться за работу в саду. Ночью во время молитвы и рукоделия он никогда не зажигал светильника. Он совершил еще много других дел, достойных удивления. Он умер, сидя на своем стуле: веревки оставались в его руках. Желая похоронить его, братия не могли соединить его ног, не могли пригнуть руки к телу, не могли также снять с него обычную его кожаную одежду, чтобы надеть на него чистое платье из шерсти. Его

похоронили в том виде, как он умер, облекши только в шерстяной саван.

В Пахомиевом общежитии был один инок, пораженный проказою, по имени Афинодор. Этот инок — редкий пример терпения, благодушия и трудолюбия при постоянной, жестокой болезни. Живя вдали от других, как прокаженный, Афинодор питался только хлебом и солью, да и то через два дня к вечеру. Подобно всем монахам общежития он ежедневно плел по рогоже, хотя руки его, поврежденные проказою, от работы обагрялись кровью. Днем он никогда не позволял себе лечь отдохнуть. Понемногу он выучивал на память отделы Священного Писания. Перед отходом ко сну он долго молился, а в полночь шел на общую братскую молитву. Но всего удивительнее было в нем терпеливое перенесение болезни. Святой Пахомий нередко посылал его в различные монастыри, уверенный в том, что один вид этого инока пробудит благочестивую ревность во многих. Как-то к нему в келию вошел один добрый инок. Он был очень растроган терпением и болезненным видом аввы Афинодора. С братскою любовью этот инок убеждал его перестать трудиться над плетением рогож, так как это причиняет его рукам страшную боль. Инок говорил, что каждый из них с радостью будет трудиться за него и что это нисколько не будет отягощать их. Они и так ради Господа служат больным и странникам. Но терпеливый Афинодор, проникнутый сознанием важности труда для каждого человека и особенно для монаха, решительно сказал своему благожелателю, что для него невозможно перестать работать. Сердобольный брат советовал ему хотя растирать руки маслом, чтобы они несколько смягчились и перестали трескаться. Афинодор последовал этому совету. Но руки его от масла сделались нежнее; он во время работы чувствовал уже еще большую боль. Пахомий заметил, что этот брат прибегает к помощи масла. Авва с братским укором заметил Афинодору, что он должен не возлагать надежды на масло, а всецело отдать себя на волю Божию, так как не без промысла Божия, не без пользы для него и для других эта болезнь постигла его. Афинодор признал себя виновным и просил у Пахомия прощения. Он целый год потом оплакивал этот грех. Так строги были к себе иноки Пахомиева общежития. Святой Пахомий знал, к кому можно быть строгим и кому следует оказывать снисхождение.

Однажды являются к Пахомию двое юношей. Они оба желали сделаться монахами. Один из них, Сильван, юноша шестнадцати или семнадцати лет, доселе жил в плотской нечистоте. Пахомий принял их с такими мыслями: «Я сделаю их монахами, и если юноша, проводивший дурную жизнь, принес покаяние, я буду хранить его; если же он не раскаялся, я изгоню его».

Авва Пахомий наедине говорил с Сильваном, и юноша откровенно рассказал о своих прежних грехах. Он обещал сделаться другим человеком и более не грешить. Но прошло немного времени и Сильван предался прежним грехам. Авва Пахомий намерен был уже изгнать его, чтобы пример его не развратил кого-нибудь в монастыре. Авва призвал к себе одного благочестивого инока и поручил ему отправиться с Сильваном и еще с пятью иноками в указанный им монастырь и ожидать его там.

На другой день он предполагал здесь объявить Сильвану свое решение об изгнании его из общежития. Но благодать Божия именно накануне этого дня, ночью, коснулась сердца юноши, он твердо решил переменить свой образ жизни и исправить свое сердце. Еще ночью он встал с постели, нашел благоговейного брата, который сопровождал его в этот монастырь, сел подле него и стал горько плакать. На вопрос брата о причине этих слез Сильван ответил ему: «Я плачу, потому что я не пребываю в страхе Божием; если бы я боялся Господа, я соблюдал бы слова аввы нашего Пахомия, человека Божия».

Добрый инок старался утешить его. Он дал юноше такой совет: «До этого дня ты пребывал без страха Божия, но теперь предай душу свою всему тому, что он тебе приказал, и ты приобретешь страх Божий, если соблюдешь это».

Утром пришел в этот монастырь святой Пахомий с двумя монахами. Он тайно призвал к себе Сильвана и беседовал с ним с утра до седьмого часа дня. В этой беседе он раскрыл юноше его душевное состояние, указал ему его великую виновность и объявил, что более держать его в монастыре не может. Страшно поразили юношу слова великого аввы. Он уже думал о самоисправлении, об очищении сердца, о духовном возрождении, а теперь слышит, что его сейчас изгонят из среды монахов, которых он любил и уважал вполне искренно. С горькими слезами Сильван упал к ногам Пахомия. Умоляя старца о

пощаде, он говорил: «На этот раз я принесу покаяние и буду исполнять все то, что́ ты прикажешь мне, не ради тебя одного, но ради Бога, Который обитает в тебе и Который открыл тебе мою нечистоту».

Он просил старца не изгонять его из монастыря, если он не нарушит более своего обещания. Искренность покаяния Сильвана была очевидна. Пахомий на короткое время ушел от него в уединенное место и молился о нем, чтобы Господь дал ему твердость в исполнении его обещания. Потом он призвал к себе благочестивого инока Санамона и поручил ему заботиться о Сильване, причем рассказал ему о поведении этого юноши, прося молчать об этом. Пахомий предупредил этого инока, что ему предстоит много трудов при исправлении Сильвана, и только тогда вручил ему юношу, когда добрый подвижник изъявил согласие тщательно заботиться о его духовном перерождении. Потом Пахомий призвал Сильвана и дал ему наставление, убеждая всегда быть с этим старцем, подражать его жизни, никуда от него не отлучаться и ничего не делать без позволения. Сильван обещал исполнить заповедь Пахомия. Начальнику этого монастыря Пахомий сказал, чтобы он ни в каком случае не разлучал этих двух иноков; но не открыл ничего о прежнем поведении Сильвана. Пламенея теперь любовью к Богу, Сильван просил себе помощи свыше и обещал полную готовность терпеть всякую скорбь и обиду, как нечто заслуженное, обещал, что будет бодрствовать неусыпно над своим сердцем.

Сильван исполнил свой обет. Он все усиливает свои подвиги. Он ест только один раз в день и пьет воду не до полного утоления жажды. Он усердно молится и даже большую часть ночи проводит в молитве, а когда его уже одолевает сон, он садится на своей рогоже, не позволяя себе опереться о стену. Все это он делает без всякого тщеславия, с величайшею скромностью имея в виду лишь очищение сердца своего, подавление порочных стремлений и приобретение совершеннейшей любви к Богу. Его скромность простирается до того, что он выбирает себе в пищу худшие овощи и старается получить худший тростник для плетения рогож и корзин, считая себя худшим из всех монахов.

В непродолжительное время Сильван достиг совершенной чистоты духа. Сам Пахомий радовался, видя духовное преуспеяние юного подвижника, принесшего плоды покаяния.

Однажды братия того монастыря, где жил Сильван, собирали тростник. Пахомий на этот раз был с ними, назидая их словом Божиим. Наконец он сказал инокам:

— Я желаю сообщить вам о том чуде, которое Господь сотворил между вами. Есть среди вас один, который обратился и сделался новым человеком посредством второго рождения, так что он стал совершенным по чистоте сердца.

Пахомий указал и на то, что при высокой степени духовной чистоты этот брат совершенно чужд гордости и что нет ни одного из братии, который бы походил на него по чистоте и возвышенности души. Иноки удивились, узнав, что Пахомий говорил им о Сильване. Все братия теперь стали выражать Сильвану величайшее уважение. Один за другим они стремились к нему, чтобы услышать от него слово назидания. Они называли его теперь не иначе, как авва Сильван. Но скромный инок с великою кротостью говорил им: «Правда ли, что я ваш авва?»

Он трудился с величайшим напряжением сил, чтобы стать на такую высоту. После этого он не долго жил. Он умер в мире с Богом и совестью.

Святому Пахомию Господь открывал и будущие судьбы иночества. Однажды многие братия отправились с Пахомием резать тростник. Некоторые из иноков провожали их. Между ними был и любимый ученик Пахомия, святой Феодор. Когда уже нужно было отчалить от берега, Пахомий сказал Феодору: «Поспеши войти в лодку».

Феодор, не спрашивая о причине, тотчас исполнил приказание старца, вошел в лодку и даже не подумал о том, чтобы взять с собою книгу, какую читал он в те дни ради назидания. Он рад был, что старец дал ему возможность проявить послушание, которое и не спрашивает, куда и зачем ведут, подобно Аврааму, вышедшему из своей земли по повелению Божию, хотя он и не знал, куда он идет. Когда уже нагрузили лодку тростником, Пахомий увидел нечто очень страшное. Ему представилось, что некоторые из иноков находятся в пасти львов, иные в пасти крокодилов, другие среди огня, а некоторые под горою, на которую напирают волны, — они стараются взойти на гору, но все их усилия оказываются тщетными. Они все восклицали: «Господи, помоги нам!»

Увидев иноков в таком затруднении, Пахомий бросил на землю тростник, который нес на плечах, простер руки к небу и начал очень громко молиться, прося у Господа помощи для этих несчастных. Видя это, все иноки также бросили ношу и начали молиться. Эта напряженная молитва множества иноков продолжалась до вечера. Пахомию было открыто, что это видение относится к тому времени, когда его уже не будет в живых. Вечером за трапезой Пахомий ничего не ел. Святой Феодор, посланный во время сбора тростника с одним иноком по какому-то делу, ничего не знал о случившемся. Потом ему сообщили о видении Пахомия. Узнав, что старец ничего не ел, Феодор размочил хлеб, приготовил и еще какое-то кушанье и чрез одного брата передал Пахомию, что желает его видеть. Услышав, что Феодор его зовет, Пахомий немедленно пошел к нему. Думая о судьбе многих иноков, старец все еще продолжал плакать. И Феодору он сказал, что и он должен плакать пред Господом. Один брат в это время заметил, что Феодор еще ничего не ел. Пахомий ответил ему: «Что общего у вас с ним? Пусть он не ест и плачет».

Сам старец, чтобы еще больше не огорчить своего любимого ученика, ел предложенную Феодором пищу, хотя печаль еще была очень сильна в его сердце.

В последние годы своей жизни святой Пахомий имел еще другое видение относительно судьбы иночества. Однажды, затворившись в своей келии, Пахомий молился с одиннадцатого часа (по нашему — с пятого часа вечера) до полуночи. Вдруг яркий свет осиял его комнату. Он слышит голос: «Поколение, которое будет следовать за тобою, будет проводить такую жизнь, которая будет угодна Богу, как в эти дни».

Потом ему было открыто, как широко распространятся монастыри. Но вот в восхищении он видит какой-то очень глубокий, крутой и мрачный ров. В этом рву ходили в бесчисленном количестве иноки, не различая один другого и наталкиваясь друг на друга. Некоторые делали страшные усилия, чтобы вылезти из этого рва. Одни из них успевали достигнуть до половины глубины, но потом стремглав падали. Многие жалостно взывали о сострадании. Некоторым удавалось наконец достигнуть до самой верхней точки этой бездны — до самого отверстия, откуда свет освещал для Пахомия этот страшный мрак; великую хвалу воздавали они тогда Богу. Придя

в себя, Пахомий понял, что в этом видении ему открыто будущее состояние душ иноков, которые худо ведут себя — по своей ли небрежности или по вине худых руководителей. Пахомий с великою скорбью взывал к Богу, прося Его милости к монастырям и монахам. Он почти отчаивался за них. В ответ на свои вопли к Богу он услышал голос: «Пахомий, не забывай, что ты человек: все зависит от Моего милосердия».

Простершись на земле, Пахомий молил Бога о милосердии к нему. Тогда он был утешен явлением Самого Христа Спасителя в виде человека молодых лет, неизреченной красоты, с терновым венцом на главе. Христос открыл ему, что его ученики будут взирать на него как на светильник, от которого им и можно заимствовать свет для себя. Их поведение будет согласно с правилами. Их внутреннее настроение будет доброе. Им будут подражать последующие иноки. Но настанет время, когда вера ослабеет и пороки усилятся. Нерадение и пристрастие к чувственным благам будут отличать иноков того времени. Духовный мрак усилится. Они будут бороться друг с другом за обладание мирскими благами. Истинных подвижников будет очень мало. Они не будут иметь руководителей. Сами себя они должны будут возбуждать к деланию добра, к удалению от зла. Конечно, их подвиги будут иметь мало цены по сравнению с подвигами первых монахов. Однако они получат награду наравне с первыми, потому что им придется немало страдать от тяжелых для иноков условий современной им жизни.

Пахомий был очень рад, когда ему было открыто все это. Много дней он оставался без пищи. На другой день, когда братия собирались на молитву, авва пошел вместе с ними в церковь. Здесь, после молитвы, он предложил трогательную беседу собравшимся инокам.

Настоящая жизнь, говорил он, быстро проходит, и смерть приближается к нам. Смерть может внезапно постигнуть нас, когда мы совсем еще не готовы. Человек поэтому всегда должен усердно исполнять заповеди Божии, не оставляя без внимания ни одной. Мысль о блаженстве праведных и о мучениях грешных всегда должна быть с нами. При виде могил наших братии мы не можем не думать о тленности человека, о том, что настоящая жизнь не заключает в себе чего-нибудь такого, чем можно было бы гордиться, к чему можно было бы иметь пристрастие. Святой Пахомий настой-

чиво предупреждает иноков, что именно они, отрекшиеся от мира, будут более всех жалки, если будут поступать вопреки своему долгу, если будут вместо Бога служить диаволу и греху. Великий авва приглашает своих учеников усердно трудиться для своего спасения, делать все возможное и всегда возлагать упование на Бога.

Сильно ослабев от подвигов, преподобный Пахомий вскоре после праздника Пасхи подвергся тяжкой болезни, от которой уже много иноков умерло. Когда к кому-либо приступала эта болезнь, он начинал чувствовать сильнейший жар, глаза делались красными, изменялся цвет лица, появлялось какое-то удушье. Во всех монастырях один за другим умирали иноки, а еще более было больных. Когда заболел Пахомий, Феодор с сыновнею любовью служил ему. Болезнь великого аввы длилась много дней. Он постепенно ослабевал. Жар был необычайный. Старец по три дня совсем не принимал пищи и даже воды. Однако он продолжал вести беседы с братиями. Дней сорок Пахомий пролежал в больнице. О нем заботились наравне со всеми больными. Он так ослабел, что его страшно тяготило толстое покрывало. Он просил Феодора покрыть его более легким одеялом. Феодор немедленно принес легкое и притом новое одеяло и покрыл им старца. Пахомий заметил, что для него сделано предпочтение, и нашел это несправедливым. Старец боялся, что это может кого-нибудь ввести в соблазн. Тогда Феодор снял с него это покрывало и одел его другим, наравне со всеми больными.

Преподав инокам и особенно их начальникам много полезных наставлений, святой Пахомий скончался в четырнадцатый день месяца Пашонс[1], вероятнее всего — в 348 году, пятидесяти трех лет от роду.

Рука Феодора закрыла глаза великого Пахомия. Братия бросились к святым останкам, со слезами лобызали уста и святое тело аввы Пахомия. Они читали молитвы об упокоении его и весь этот день, и целую ночь. Утром была принесена за него бескровная жертва. Затем братия с пением отнесли тело Пахомия к горе и похоронили по обычаю. Это было в пятнадцатый день месяца Пашонс.

---

[1] Месяц Пашонс соответствует нашему маю, начинаясь 26 апреля. Поэтому 14 Пашонс — 9 мая.

Возвратившись в монастырь, братия с великою скорбью говорили друг другу:

— Поистине, мы сегодня осиротели.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО **ЕВФРОСИНА**, Псковского чудотворца

Святой Елеазар[1] происходил из великого острова России, между севером и западом находящегося в уделе Иафета, из северной страны, из окрестностей богохранимого великого города Пскова[2]. Он родился и получил воспитание в селе Виделебье[3], находящемся на расстоянии тридцати поприщ[4] от города Пскова. Кто были по плоти его родители, неизвестно, известно только одно то, что он родился духовным рождением, и отцом он имел Бога, Который и родил его водою и Духом, а матерью его была Православная отеческая Церковь, почему он и воспитан был в правой вере и наставлении. По достижении возраста родители отдали его в научение Божественным книгам, и он вскоре настолько ясно уразумел Божественные Писания, что мог не только словесно изъяснить их, но и составлять собственные поучительные сочинения. При этом он из-

---

[1] Такое имя носил в миру Евфросин.

[2] Описание местности, из которой происходит преподобный, изложено так витиевато, что трудно доискаться смысла в словах. Местность эта названа островом, вероятно, потому, что на севере ее находится Финский залив и Ладожское озеро, соединяемые рекою Невою, на востоке протекает река Волхов, соединяющая Ладожское озеро и озеро Ильмень, а на западе находится Чудское озеро, соединяемое с Финским заливом рекою Наровою, и далее на юге — продолжение Чудского озера, озеро Псковское. Последнее сближается на юге с озером Ильменем реками Великою и Шелонью. На севере этой местности жили инородческие племена водь и ижора, а на западе — чудь, ливь и литовцы, а сама она была населена славянскими, которые и наименованы, надо думать «уделом Иафета».

[3] *Виделебье* — село в Псковском уезде. Оно было местом рождения и преподобного Никандра Псковского, память которого празднуется 21 сентября.

[4] *Поприще* — мера расстояния в шестьсот девяносто саженей.

учил и философские науки, так что даже старики удивлялись его мудрости и с похвалою отзывались о нем. Никогда он не обнаруживал склонности ни к играм, ни зрелищам, но больше всего любил чтение Божественных Писаний и церковные песнопения, причем с юных лет стал предаваться строгому воздержанию, отказавшись совсем от употребления в пищу сладкого. Увидя такое воздержание отрока, родители говорили ему:

— Сын наш! Зачем ты изнуряешь тело свое таким суровым образом жизни и этим причиняешь нам великую скорбь?

— Родители мои, — отвечал на это отрок, — в Писании сказано, что пища и питье не приближают нас к Богу (см.: 1 Кор. 8, 8), а только пост, молитва, чистота телесная и воздержание — вот что приближает нас к Богу.

После этого родители Елеазара пожелали сочетать его законным браком, но рассудительный отрок убежал от родителей своих, как серна от тенет[1]. Родители долго повсюду со слезами разыскивали его и нигде не могли найти, но благодать Божия хранила его. Вскоре отец его скончался, и мать осталась вдовою. Тогда милостивый Бог, хотящий всем людям спастись и в разум истины приити, вложил в сердце его благую мысль о том, как бы ему устроить свое спасение и удалиться от мира. Эту мысль он немедленно же и исполнил. Отправившись в монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, что на Снежной горе — так называлась местность на берегу реки Великой в расстоянии трех поприщ от города Пскова, — он от игумена этого монастыря принял иноческое пострижение, причем навсегда отказался от помыслов, влекущих к миру и всецело отдался обетам иноческого звания. При пострижении ему дано было имя Евфросина.

Приняв иночество, преподобный Евфросин стал ревностно подвизаться в посте, бодрствовании, молитве и всенощных молитвенных стояниях и в то же время неленостно служил братии и в поварне, и в пекарне, и на всех других монастырских работах, как это было принято в монастыре, чем приобрел расположение к себе всех живших в обители иноков. Вскоре слово о преподобном, вследствие такой добродетельной жизни его, стало распространяться повсюду. С огорчением узнал он об этом, так как отвращался от славы людской и считал ее грехом и посрамлением для себя, а потому стал по-

[1] Тенетами называется сеть для ловли птиц и зверей.

мышлять о том, чтобы избежать этой славы и, избрав для этого пустынную и безмолвную жизнь, подвизаться только для Бога. О таком своем намерении он сообщил духовному отцу своему, и последний, видя, что он процветает в добродетелях, благословил его и сказал ему: «Иди с миром, сын мой! Господь да будет с тобою; да вразумит Он тебя и наставит на ту благую деятельность, к которой призвал тебя».

После этого блаженный Евфросин, приняв благословение от своего духовного отца, вышел из обители Пречистой и стал обходить многие места, ища такого, где бы ему можно было в уединении предаться безмолвному житию. По особому усмотрению Божию он услышал о том месте на берегу реки Толвы, которое находится на расстоянии двадцати пяти поприщ от города Пскова и на котором по благодати Христовой стоит ныне монастырь[1]. Владельцы этого места чрез некоторых благочестивых людей стали приглашать его и не по своей воле, а больше по воле Господа, Которому угодно было, чтобы и здесь прославилось святое имя Его. На этом месте и поселился преподобный на безмолвное, уединенное житие, как сказал Божественный пророк: *се удали́хся бегая и водвори́хся в пусты́ни. Ча́ях Бога, спасающаго мя от малодушия и от бури* (слав. Пс. 54, 8–9). Он поставил себе здесь шалаш и с усердием стал предаваться иноческим подвигам, отражая козни невидимого врага постом, бодрствованием, молитвою, всенощным стоянием и земными поклонами. Однажды во время летнего зноя, когда преподобный вышел из шалаша и лег на землю, чтобы немного отдохнуть от своих подвигов, то тотчас же впал в летний сон, и в это время явились ему вселенские учители, Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, и указали место для построения храма во имя их в той местности, где он подвизался. Когда затем он пробудился от сна, то никого уже не увидел, и такое необыкновенное видение привело его в недоумение.

После этого прошло много времени, и мать преподобного проведала от некоторых людей о месте его пребывания. Взяв с собой все необходимое для путешествия, она пришла к тому месту на берегу реки Толвы, где жил преподобный. Подойдя к его шалашу, она стала просить, говоря:

---

[1] Разумеется Спасо-Великопустынский Елеазаров монастырь в Псковской губернии на реке Толве в тридцати верстах от Пскова.

— Дорогое чадо мое! Утешь старость матери твоей, покажи мне ангельское лицо твое, не дай мне со скорбью сойти в могилу, где почивают и отцы наши.

Чрез щель святой Евфросин увидел мать свою и, узнав ее, сказал ей:

— Не скорби, мать моя, уйди отсюда и не утруждай старости твоей. Если ты желаешь увидеть меня здесь, то не увидишь уже в той жизни. Иди же в монастырь и, подвизаясь, спаси душу твою.

Так и не достигла мать преподобного исполнения своего желания. Со скорбью она ушла от него, поступила в один из монастырей и, проводя дни свои в благочестивых подвигах, оставалась в нем до самой кончины своей. Преподобный же Евфросин, доблестно и славно проведя жизнь свою, преставился ко Господу[1].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО **АХИЛЛИЯ**, епископа Ларисийского

Этот преподобный жил в царствование императора Константина Великого и происходил от благочестивых родителей. Предавшись благочестивой и богобоязненной жизни и изучив светские науки и высшую философию, он украсил себя всякими богоугодными деяниями, почему и поставлен был епископом верхней Ларисийской Фессалии[2] для христиан, обитавших во всей Элладе. Присутствуя на Вселенском соборе в Никее[3], он обличил Ария и его

---

[1] Преподобный Евфросин скончался 15 мая 1481 года девяноста пяти лет от роду. Мощи его сперва почивали в основанном им Спасо-Великопустынском Елеазаровом монастыре. Впоследствии этот монастырь был перенесен на гору, в нем была построена новая соборная каменная церковь во имя Трех Святителей и в нее были перенесены мощи преподобного, почивающие ныне под спудом близ стены за первым клиросом.

[2] *Фессалия* — область в древней Греции. Верхняя Фессалия названа *Ларисийской* от города Ларисы, расположенного на реке Пенее.

[3] Город *Никея* находился в Малой Азии в древней Римской провинции Вифинии на восточном берегу озера Аскании.

единомышленников[1]. Возвратившись затем снова в Ларису, он разрушил много идольских капищ, изгнал из бесноватых бесов и совершил великое множество других чудес. Кроме того, он вновь построил церковные здания и богато украсил их, после чего с миром отошел из этой жизни[2].

В тот же день **память во святых отца нашего Исаии**, епископа **Ростовского**, преставившегося в 1090 году.

В тот же день **убиение святого благоверного царевича Димитрия**, Московского и всея России чудотворца, в 1591 году.

В тот же день **память преподобного Исаии**, **Печерского** чудотворца, скончавшегося в 1115 году.

[1] В месяцеслове императора Василия говорится, что преподобный Ахиллий, посрамляя на I Вселенском соборе еретиков, возбудил всеобщее удивление.

[2] Преподобный Ахиллий скончался около 330 года. Мощи его с 978 года находятся в Болгарии в селе Агил, названном его именем.

День шестнадцатый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ФЕОДОРА ОСВЯЩЕННОГО,
ученика Пахомиева

Святой Пахомий был уже везде известным аввою, когда Феодор Освященный был еще мальчиком. Он получил сведения о Пахомии, живя уже в одном из монастырей и с юношеским жаром стремясь к высшему совершенству.

Феодор был сын богатых и знатных родителей[1]. На двенадцатом году от рождения он ежедневно ходил в школу, по желанию отца. Он был более всех детей любим матерью за свой ум и благочестие. Однажды в праздник Богоявления его родители приготовили прекрасные кушанья, поставили разные вина, во всех комнатах разостлали ковры. Юной Феодор, увидав торжественную обстановку дома и роскошной стол, пришел в сильное смущение от одной мысли. Он сказал себе: «Если ты будешь есть эти кушанья, то Бог не дарует тебе благ будущей жизни». Крайне взволнованный этою мыслию, мальчик уходит в уединенное место, становится на колени и со слезами молится Спасителю.

— Я не хочу, — говорил он, — этой тленной пищи, которая ведет к гибели; но я желаю Тебя Единого с теми благами, которые Ты назначил верным в другом мире.

Он долго со слезами повторял эти слова. В это время мать ищет его по всему дому. Ожидали Феодора к столу, и никто не начинал

[1] Родился он около 316 года.

есть. Найдя его и заметив на лице его слезы, мать с нежною любовью говорит ему:

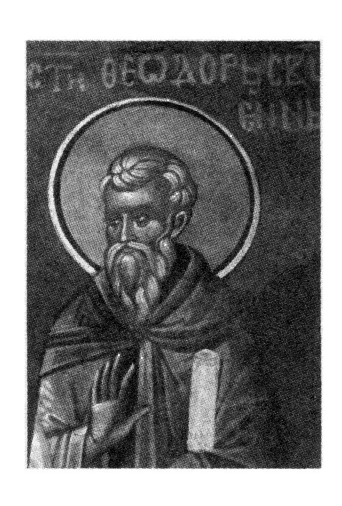
— Ты плакал, сын мой! Где ты был? Мы тебя искали.

Феодор ответил, что с ним ничего не случилось. Мать зовет его обедать, прибавляя, что, если он не станет есть, то и никто не сядет за стол. Феодор решительно отказался от вкушения праздничной пищи. Он еще некоторое время жил в доме родителей, предаваясь посту, молитве и плачу. От этих слез у юного Феодора даже заболели глаза. Он в это время продолжал ходить в школу. Но вот приходит конец этого года. Недалеко от селения, где жили родители Феодора, был один монастырь. Здесь каждый брат жил отдельно от других, в своей келлии. Феодор явился сюда и стал жить отшельником. Его здесь скоро все полюбили за его ум, благочестие и скромность.

В том монастыре, где поселился преподобной Феодор, было обыкновение каждый день вечером после трапезы собираться вместе для духовной беседы. Говорили о том, что кому пришлось узнать из Священного Писания или услышать, если это могло послужить к общему назиданию. Эти беседы могли давать обильную пищу для души и предохраняли от праздных бесед или увлечение дурными помыслами. Во время одной из таких бесед, один инок, посетивший недавно Пахомиев монастырь, вспомнил объяснение одного места из Священного Писания, слышанное им от Пахомия. Этот инок с восторгом рассказывал о порядках Тавеннисийского общежития, о том, с какой любовью его там встретили, а более всего о самом Пахомии. Особенно внимательно по обыкновению слушал юный Феодор, сам всегда хранивший молчание. После такой восторженной речи о Пахомии Феодор воспламенился желанием увидеть великого авву. Оставшись один, он с великим жаром молился. Вот содержание молитвы юного подвижника:

— Боже, Господи, Творец всякой вещи! Если Ты услышишь меня и даруешь мне то, о чем я Тебя прошу; если Ты дашь мне возможность увидеть Твоего служителя Пахомия, то я буду служить Тебе во все дни жизни моей и не уклонюсь от Тебя до дня моей смерти. Да будет воля Твоя, но сделай меня достойным видеть Твоего служителя!

Он целую ночь не мог уснуть, отдаваясь размышлениям о свидании с великим учителем монахов. До утра он не один раз вставал, со



слезами умолял Господа сделать его достойным видеть Пахомия. Потом он пошел в келлию того брата, которой был в Тавенниси, и просил его непременно рассказать ему подробнее о жизни Пахомия, о тех правилах, какие он дал инокам. Брат подробно ознакомил его с тем, чтó он знал о Пахомии, его жизни и правилах. С этого времени Феодор еще напряженнее молился Богу, чтобы Он удостоил его увидеть Пахомия. Феодор надеялся при посредстве Пахомия лучше познать Бога и Его святую волю.

В это время Феодор заболел. Родители носили ему пищу. Феодор отказывался от нее. Но вот болезнь его усилилась. Родители взяли его из монастыря домой. Он и не заметил этого, будучи от болезни некоторое время без сознания. Придя в себя, он очень огорчился тем, что увидал себя снова в доме родителей. Родители, убедившись в твердости его решения, возвратили его в монастырь. Теперь уже сами иноки усердно заботились о юном подвижнике до самого его выздоровления.

Прошло еще четыре месяца, и Феодор не прекращал своей молитвы о свидании с Пахомием. В это время в монастырь, где жил Феодор, пришел авва Печош (или Пекусий), инок Пахомиева монастыря. Ему поручено было во время пребывания здесь служить инокам. Его смирение, его молитвенное настроение, все его поведение вызвали у всех иноков удивление и уважение, и сердца всех невольно располагались к Печошу. Конечно, и Феодор познакомился с ним. Он увидел, что при посредстве этого аввы ему легче всего осуществить свое желание. Он и просил Печоша помочь ему в этом. Печош, однако, не решился взять Феодора с собою, опасаясь гнева родителей отрока. Феодор был тверд в своем намерении. Когда авва Печош с некоторыми иноками сел в лодку, чтобы отправиться в Пахомиев монастырь, Феодор идет вслед за ними пешком. Все еще не замечаемый, он шел по берегу Нила не на большом расстоянии от лодки. Наконец некоторые иноки заметили его. Они указали на него авве Печошу, вспомнив, что именно он просил авву взять и его с собою в лодку. Прибыли наконец в Тавенниси. Увидев стены обители,

Феодор возблагодарил Господа за исполнение своего желания и в радости целовал эти стены. Увидев самого Пахомия, он со слезами восторженной радости приветствовал великого старца. Пахомий указал ему на Господа, Который исполнит всякое желание его благочестивого сердца, потому что он ради Господа оставил мир. Феодор остался в Тавенниси, готовой исполнять все правила иноческой жизни и подчиняться во всем воле своих руководителей. Ему было только четырнадцать лет. Шел уже пятый год со дня основания Пахомиева общежития.

По рассказу епископа Аммона, приход Феодора в Тавенниси был предсказан с точностью самим Пахомием.

Поселившись в Тавенниси, Феодор стал проявлять величайшую ревность об угождении Богу. Счастлив был юный подвижник, что поучение и частные беседы Пахомия указывали ему верный путь к достижению иноческого совершенства, а весь строй жизни в общежитии не давал ослабеть его ревности.

Однажды в беседе с братиями преподобный Пахомий высказал такую мысль: «Если бы человек владел истинным ведением, то он не согрешил бы ни против Бога, ни против своего ближнего». Душа Феодора воспламенилась желанием приобрести это истинное ведение. Вместе с тем он очень скорбел, думая, что ему трудно будет достигнуть исполнение своего желания. Он усердно просил Бога даровать ему истинное ведение, смиренно сознаваясь в своем недостоинстве, в своем бессилии познать истину.

— Господи, — говорил он в молитве, — Господи, к Которому я прибег! Дай мне ведение, как Ты обещал тем, кто возлюбит Тебя, чтобы мне делать все то, чтó может было угодно Тебе.

Феодор даже часто плакал о том, что он далек от истинного ведения. Пахомий в глубине души радовался этим слезам юноши, поощрял его стремление к приобретению истинного ведения. При встречах он не раз говорил Феодору:

— Старайся приобрести истинное ведение.

Однажды ночью он призвал Феодора, когда ярко светила луна. От этого чудного неба с его светилами обращая мысль юноши к невидимому Творцу всяческих, авва Пахомий сказал Феодору:

— Бойся Его во все дни твоей жизни; знай, что именно Он сотворил нас со всеми творениями, и что мы в Его руке. Когда ты будешь

иметь страх Божий и думать, что Бог видит тебя в каждое мгновение, смотри, не согрешай против Него, и таким образом тебе будет послана от Него верная помощь. Воздавай Ему славу каждый день.

Обильные слезы подтверждали искренность их беседы. Молитвою они закончили обмен мыслей о Боге и об угождении Ему.

Подобные беседы они вели не один раз. Для Феодора, юноши чрезвычайно восприимчивого, пылавшего святою ревностью об угождении Богу, каждое слово святого Пахомия имело большое значение: в его душе не только укреплялись благочестивые чувствования и стремления, но и развивалась духовная мудрость. Пахомий своими беседами, особенно близким общением с Феодором, преднамеренно или ненамеренно, приготовлял Феодора к будущему служению монахам уже в качестве их руководителя в духовной жизни.

Как внимателен был преподобной Пахомий к каждому делу и даже слову Феодора, как твердо он вел юного подвижника к высшему совершенству!

Однажды Феодор встретил одного брата с ковром на плечах, возвращавшегося с какого-то монастырского послушания. Феодор спросил его, откуда он идет. Пахомий услышал этот вопрос. Подозвав к себе Феодора, он сказал ему:

— Феодор, смотри, будь господином своего сердца в каждое мгновение. Не спрашивай у брата: откуда ты идешь? Это может войти в привычку. Что за надобность так говорить? Ведь это слово не служит ни для утешения, ни для спасения.

Феодор часто вспоминал это наставление своего учителя, придавая ему большое значение: он знал, что верность в малом ведет к верности и в большом и требуется заповедью Спасителя.

Как-то Феодор стал жаловаться Пахомию на то, что у него сильно болит голова. Пахомий на это сказал ему, что верующий человек не должен никому говорить о своих телесных недугах, кроме тех случаев, когда болезни нельзя скрыть от других, но и подобные болезни надобно переносить с должным терпением. Ведь и вольные и невольные страдания составляют как бы мученичество. Да и вообще нужно умерщвлять свое тело из любви к Богу. Это наставление Пахомия преподобный Феодор принял с глубочайшею верою и стал уже скрывать от людей ту головную боль, которою долго страдал. Ему пришлось еще двадцать лет выносить эту боль, но уже никто не слышал от него

жалобы. Феодора посещали и другие болезни, более или менее продолжительные, — например, боль в ушах, лихорадка, глазная болезнь: он все переносил молча и благодушно. И вообще никто из иноков не умерщвлял себя так, как Феодор, который тщательно скрывал свои подвиги от людей. Ежедневно он вкушал пищу лишь поздно вечером, а иногда постился по два дня сряду, вкушая пищу лишь к концу второго дня. Иногда он принимал пищу, но не употреблял воды по два дня сряду. Вареную пищу он вкушал только в случае болезни. От употребления приятных на вкус плодов он вообще удерживался. Но если братия вкушали финики, он также ел их вместе с монахами, даже брал с собою довольно много, но съедал потом не более двух. Ночи он любил проводить в бодрствовании. Преподобный Феодор в короткое время успел стяжать много плодов духовных.

Феодор всею душою привязался к своему великому старцу преподобному Пахомию и к своим сподвижникам инокам. Все они были родные ему по духу, и все они также любили его. Но юный подвижник совсем был чужд пристрастия к родным по плоти: они почти не существовали для Феодора, они не могли отвлечь его от любви к Пахомию и монахам.

Как Феодор боялся родственных пристрастий, показывает следующий случай. Шел уже десятый год с того дня, как он пришел в Тавенниси. Его мать, давно желавшая видеть сына, пришла сюда с письмом от епископа области Эсне. Святитель просил Пахомия разрешить этой женщине свидание с ее сыном. Прочитав письмо епископа, Пахомий говорит Феодору, чтобы он шел на свидание с матерью, так как этого очень желает мать и просит об этом епископ. Но Феодор не решился послушаться этого приказания и сказал святому Пахомию:

— Я спрошу тебя об одном. Скажи мне: если я пойду к матери, то не окажусь ли я согрешившим пред Господом, потому что не повиновался заповедям, написанным в Евангелии, так как Владыка наш сказал: *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, недостоин Меня* (Мф. 10, 37)?

Пахомий сказал, что он вовсе не хочет принуждать его нарушить заповедь Евангелия об отречении от родственных пристрастий ради совершенного угождения Богу, но предлагал ему идти на свидание с матерью потому, что знал о ее слезах и опасался, что и сам Феодор будет опечален скорбью матери. Пахомий, признаваясь, что и он

сам очень рад точному исполнению его учеником заповеди Божией, выразил мысль, что и епископ будет рад этому, так как именно епископы учат тому, что заключается в Евангелии. Некоторые из братий, желая доставить хотя малое утешение матери Феодора, придумали общую работу для монахов вне монастыря. На эту работу отправился и Феодор. Мать была утешена тем, что хотя издали увидела между монахами своего сына подвижника.

Однажды, когда Феодор был вне монастыря на каком-то послушании, явился в монастырь родной брат его Пафнутий. Он изъявил желание сделаться монахом, но с тем условием, чтобы ему быть вместе с Феодором. Когда Феодор возвратился в обитель, ему передали слова брата. Но ревностному монаху казалось нехорошим, что брат его хочет быть монахом как будто только ради него. Поэтому он не хотел и видеть брата. Однако Пахомий убедил его не отказывать брату в свидании. После взаимного приветствия Феодор сказал брату:

— Если ты пришел сюда ради меня, то возвратись туда, откуда пришел; если же ты пришел ради Бога, то почему не соглашался сделаться монахом прежде, чем я пришел бы к тебе?

С этими словами Феодор тотчас оставил брата. Но Пафнутий пошел вслед за ним и, догнав его, сказал ему со слезами:

— Сколько дней я ожидал твоего прихода, а ты, явившись, говоришь мне такое жестокое слово!

Феодор ответил ему:

— Если ты ради меня пришел, чтобы сделаться теперь монахом, то ты мог бы оставить монастырскую жизнь, если бы я ее оставил. Но если ты так поступаешь по страху Божию, то вынесу ли я эту жизнь или нет — ты будешь оставаться в монастыре постоянно.

Феодор ввел брата в обитель. Вскоре же, спросив келлию Феодора, Пафнутий вошел туда и сел. Увидев в своей келлии брата, Феодор сильно смутился и сказал ему:

— Оставайся здесь, но я уже не хочу здесь жить из опасения, чтобы нам не быть похожими на людей находящихся друг с другом в плотском родстве. Позволь мне жить вблизи тебя наравне со всеми братиями, потому что в этой обители нет различия, мы все — служители Божии и дети нашего аввы.

Суровые слова Феодора страшно огорчили его брата. Пафнутий тотчас пошел к святому Пахомию и со слезами просил отпустить его

обратно домой, так как для него невыносимо такое небратское обращение Феодора. Тогда Пахомий призвал Феодора и строго сказал:

— Почему ты говорил с ним жестоко? Неужели ты не знаешь, что это молодое растение? Не думаешь ли ты, что всякий, кто придет с тем, чтобы сделаться монахом, будет уже иметь страх Святого Духа? Ведь есть люди, которые приходят, чтобы спасать свои души, а другие приходят по иным побуждениям.

Пахомий указал Феодору, что иноки, во всяком случае, должны относиться к подобным людям с полным терпением, ожидая, что и они познают наконец путь Божий и оставят свое плотское мудрование. Наконец Пахомий просил Феодора быть руководителем брата в жизни монашеской, пока он сам не приобретет истинного понимания обязанностей инока.

Находясь под непосредственным руководством святого Пахомия и с неутомимою ревностью исполняя все его наставления, Феодор скоро сделался образцом для подражания всем инокам. Преподобной Пахомий даже посылал к нему многих иноков за наставлением и утешением. Своим мудрым, полным любви словом, святой Феодор успевал утешать и успокаивать многих.

Один инок не мог снести строгих замечаний святого Пахомия. Он готов был даже покинуть братство. Только святой Феодор нашел способ успокоить его.

— Не ты один терпишь, — сказал Феодор, — я также печален сердцем из-за него, потому что он часто укорял меня. Тетерь останемся вместе, чтобы утешать друг друга, пока не увидим, не перестанет ли он укорять нас; а в противном случае мы пойдем в другое место.

Эти слова успокоили душу инока. Тем временем Феодор все сообщил Пахомию тайно от других. Спустя месяц Феодор пригласил этого брата к Пахомию. Конечно, Пахомий с великою кротостью и отеческою нежностью встретил двух монахов. Они оба успокоились: опечаленный прежде Пахомием инок рад был, что авва изменил свое отношение к нему, а Феодор радовался его успокоению и благодарил Бога, пославшего ему случай послужить орудием спасения для скорбевшего монаха.

Вот еще случай, свидетельствующий о той предусмотрительной любви к братиям, какая отличала и Пахомия, и Феодора. Один мо-

лодой монах пожелал непременно отправиться на свидание с родителями. Пахомий очень опасался, что он уже не возвратится в монастырь. Поэтому мудрый авва не отпускает его одного, а в спутники дает ему Феодора.

— Соглашайся с ним во всем, чтобы он возвратился сюда с тобою, — говорил Пахомий Феодору.

Родители молодого инока с любовью встретили сына и его спутника. В особой комнате подали им пищу, разрешенную монашескими обычаями. Молодой инок просил есть и Феодора. Он сначала отказывался. Но брат сказал, что, если Феодор не будет с ним есть, то он уже не возвратится в монастырь. Феодор вспомнил заповедь Пахомия, протянул руку к пище и немного съел. Но исполняя таким образом последнюю заповедь Пахомия, Феодор хорошо помнил и одну из первых, очень важную. Авва некогда говорил ему, что он сам во время своей монашеской жизни не позволял никому из мирян видеть, как он ест. Следовательно, монаху, по мысли преподобного Пахомия, нельзя вкушать пищу в мирском доме, кроме случая крайней необходимости. Это долго вызывало в душе Феодора раскаяние, и он молил Бога простить ему грех, допущенный ради того, чтобы молодому монаху не дать возможности совсем остаться в мире. Так был строг к себе преподобный Феодор.

Строгость святого Феодора к себе, недоверие к своему мнению — отличительные качества его. Вот случай, при котором особенно ясно выразилась его строгость к себе. Один брат ел много порея. Думая, что молодому монаху не полезно есть много порея, потому что он укрепляет тело, Феодор кротко оговорил его. Потом Феодор стал размышлять о том, хорошо ли он поступил; может быть, монах сам исправился бы. Однако слова Феодора очень сильно подействовали на молодого инока: он уже до самой смерти, в продолжение двадцати девяти лет, совсем не употреблял порея. Узнав о воздержании этого инока, Феодор и сам уже до самой смерти не ел порея, чтобы не оказаться пред Господом виновным в нарушении того правила, какое наложил на другого.

По этому свойству самоотвержение и самого тонкого благородства, святой Феодор, как и во всем прочем, являлся истинным учеником святого Пахомия.

Нелегко было святому Пахомию управлять многочисленным братством, рассеянным по девяти монастырям. Ему нужен был по-

мощник. Феодор Освященный, лучший из учеников великого старца, мог быть и лучшим помощником в деле служения спасению иноков. «Житие» Пахомия передает, что он имел откровение свыше, утвердившее его в решении сделать преподобного Феодора своим помощником.

Феодор Освященный отличался не только добродетельною жизнью, но и особенным даром слова и познаниями в Священном Писании. Святой Пахомий однажды поручил ему сказать братиям поучение в день воскресный. Феодор без всякой гордости занимает место Пахомия и произносит поучение, считая для себя законом волю старца. Сам Пахомий с глубоким вниманием слушал одушевленную речь своего ученика, заняв место в ряду всех монахов. Но некоторым из иноков не понравилось, что Феодор, этот молодой инок, учит их вместо Пахомия. У них явилась сильнейшая зависть. Они даже оставили собрание. Окончилось поучение. Пахомий призывает ушедших от поучения монахов и упрекает их в том, что они по своей гордости не стали слушать поучение Феодора, между тем как об этом он сделал распоряжение при них же, и к тому же он сам внимательно и с пользою для души слушал речь своего ученика. Пахомий уверял их, что они не получат никакой милости от Бога, если не принесут искреннего покаяния. Конечно, многих вразумила строгая речь старца, многие приняли его совет изгонять из сердца зависть и гордость. Однако были и такие иноки, которые после обличения старца еще сильнее возненавидели Феодора, так что даже не могли спокойно смотреть на него. Сам Феодор не только не питал к ним ни малейшей вражды, но всегда обращался с ними с особенным вниманием и любовью.

Вскоре святой Пахомий поставил Феодора строителем в Тавенниси. Сам великий старец поселился в другом монастыре Певоу. Он надеялся, что Феодор будет управлять в его духе и что от его мудрых бесед и назидательного примера будет большая польза для монахов.

Какой духовной высоты достиг в это время Феодор, видно из свидетельства опытного и ревностного аввы Корнилия, одного из первых учеников Пахомиевых. Корнилий, смотревший на преподобного Пахомия, как на Ангела во плоти, видел в Феодоре лучшего из учеников Пахомиевых и говорил, что он желал бы в будущей жизни занять место именно после Феодора.

Сделавшись начальником в Тавенниси, святой Феодор часто ходил в Певоу просить себе советов у аввы Пахомия или послушать его общих поучений. Возвратившись к своим инокам, он передавал им слышанное от Пахомия. Авва Пахомий имел обыкновение по окончании поучения заставлять монахов повторять сказанное. И святой Феодор усвоил это обыкновение. С своей стороны труд произнесения поучений он считал для себя необходимым, чувствуя великую сладость от усвоения и сообщения другим слова Божия.

Пахомий также иногда ходил в Тавенниси и здесь беседовал со всеми или с кем-нибудь отдельно о спасении души. Его мудрость, его добродетели, особенно смирение пред всеми, даже пред самыми юными членами братства, все это было источником назидания для всех. Но особенно Феодор дорожил этими посещениями и слагал в сердце своем уроки от жизни или от слова великого старца.

Пахомий тщательно следил за всеми действиями Феодора, чтобы благовременно подавать ему добрый совет. Когда Феодор не строго смотрел за соблюдением всех правил, назначенных Пахомием, Пахомий указывал ему, что необходимо требовать от иноков послушания всецелого, послушания даже и в малых делах, потому что нарушение малейшего правила расстраивает порядок монастырской жизни и ведет к развитию в монахах духа непослушания. Когда два инока позволили себе разговаривать во время работы в хлебной, а Феодор не обратил на это внимания, Пахомий строго и настойчиво говорил ему, что он должен следить за исполнением правил внешнего поведения.

Когда Феодор, совершенствуясь более и более, наконец достиг высокой степени чистоты сердца и мудрости духовной, преподобный Пахомий вызывает его из Тавенниси к себе в Певоу, желая, чтобы Феодор разделял с ним труды управления всеми монастырями, чтобы он был таким же помощником для него, каким был Иисус Навин для Моисея. Теперь Пахомий нередко дает Феодору очень важные поручения. Он посылает его вместо себя для наблюдения за духовным состоянием братий, для врачевания их духа. Феодор имел право во всех монастырях распоряжаться приемом иноков и изгнанием из обители тех, кто, будучи неисправим, своим поведением производил в братстве соблазн. Объясняя Священное Писание, Пахомий сажает Феодора рядом с собой. Теперь Феодор еще

чаще прежнего проповедует вместо Пахомия. Слово его оказывает самое благотворное действие на слушателей. Та любовь, какую Феодор, по свидетельству древнего жизнеописателя, имел не только к каждому монаху, но и ко всякому человеку, давала ему возможность и проникать в духовные нужды братий и помогать им мудрым и теплым словом. Пахомий со своей стороны был для него опытным советником и строгим обличителем: он желал, чтобы Феодор не останавливался на той ступени нравственной чистоты и духовной мудрости, какой он так скоро достиг, но чтобы он совершенствовался более и более, чтобы сделался всецело чистым по духу и не мог уже потерять этой чистоты.

Преподобной Феодор часто поучал иноков. При этом он нередко обращался к инокам с речами, в которых обличал или общие многим недостатки, или недостатки, проступки отдельных лиц, не называя виновных по имени. Случалось, что они сами приносили покаяние пред всем собранием и просили прощение у братий.

По смерти преподобного Пахомия и его преемника аввы Петрония, жившего не долго после Пахомия, святой Феодор был мудрым руководителем на пути ко спасению для всех монастырей Тавеннисийских, частью помогая в управлении ими авве Орсисию, частью же вместо его управляя монастырями, хотя и в полном единении с ним, как бы в качестве его соправителя. И жизнью и словом великую пользу он приносил инокам и прославился еще чудесами своими. За его подвиги и за его мудрость к нему с особенным уважением относился святой Афанасий Великий, архиепископ Александрийский[1]. Скончался он лет двадцать спустя после смерти преподобного Пахомия[2]. Иноки с аввою Орсисием во главе долго оплакивали его. Их скорбь искренно разделял и святой Афанасий. В утешение инокам, святитель Александрийский прислал им большое послание, в котором много и красноречиво говорил о добродетелях и подвигах аввы Феодора Освященного.

---

[1] Вероятнее всего, в 368 году.

[2] *Святой Афанасий*, архиепископ Александрийский, жил в IV веке. Прославился как ревностный защитник православного учения о Лице Сына Божия и усердный обличитель арианской ереси. В сане диакона принимал горячее участие в заседаниях I Вселенского собора (в Никее, в 325 году), осудившего арианскую ересь.

ПАМЯТЬ БЛАЖЕННОЙ ОТРОКОВИЦЫ
МУЗЫ

Святой Григорий Двоеслов, папа Римский[1], поведал своему архидиакону Петру такое сказание о блаженной отроковице Музе (со слов Прова, брата Музы):

«Когда Муза была еще юной отроковицей, ей ночью явилась в сонном видении Пресвятая Богородица Приснодева Мария; Матери Божией сопутствовали многие отроковицы столь же юного возраста, как и Муза. Богоматерь спросила Музу:

— Не желаешь ли ты жить вместе с этими отроковицами и всегда следовать за Мной?

На это Муза отвечала:

— Весьма желаю, Госпожа моя.

Тогда Матерь Божия сказала Музе, чтобы она воздерживалась от детских игр и от всего небогоугодного, так как через тридцать дней Муза придет к Ней и присоединится к лику прочих юных дев.

С этого времени Муза переменила жизнь свою: оставив детские игры и забавы, она всецело посвятила себя жизни богоугодной.

Видя такую перемену в жизни дочери своей, родители Музы весьма удивились. Когда же они спросили ее о причине такой перемены, то Муза сказала им, что она видела во сне Пресвятую Богородицу; сказала им о заповеди, которую дала ей Матерь Божия; поведала также и о том, в какой день она отойдет от жизни этой и присоединится к сонму прочих дев, сопутствовавших Матери Божией.

При наступлении двадцать пятого дня после явления Музе Матери Божией, отроковица впала в тяжкую болезнь; она вся пылала как в огне. На тридцатый день, когда приблизилось время престав-

---

[1] *Святой Григорий Великий (Двоеслов)* — знаменитый учитель Западной Церкви, живший в VI веке. Из его сочинений особенно замечательны: «Диалог о жизни Италийских отцов» (за это сочинение, написанное в диалогической, то есть разговорной, форме, святой Григорий и получил прозвание Двоеслова); «Правило пастырское», содержащее в себе рассуждения о том, каков должен быть пастырь и как он должен исполнять свои обязанности; Чин литургии Преждеосвященных Даров; беседы на Евангелие и книгу пророка Иезекииля и других. — Память его празднуется святой Церковью 12 марта.

ления блаженной отроковицы, Муза снова увидела Матерь Божию, пришедшую к ней в сопровождении тех же отроковиц. Матерь Божия стала звать к Себе Музу. Блаженная же отроковица ответствовала Ей тихим голосом:

— Иду, Госпожа моя, иду!

С этими словами блаженная Муза предала душу свою в руки Пресвятой Богородицы и, оставив эту земную жизнь, вселилась в обителях вечных с прочими девами, сопутствовавшими Матери Божией»[1].

Когда архидиакон Петр выслушал эту повесть, то спросил святого папу Григория:

— Я хотел бы знать, честной владыка, могут ли быть приняты на небесах души праведников прежде, чем они разлучатся от тела?

Святой же Григорий отвечал:

— Мы не можем сказать о всех без исключения праведных людях, что души их будут приняты на небесах; точно так же не можем и сказать, чьи души не будут приняты на небесах. Но, вероятно, есть люди праведные, души которых находятся как бы в некоем отдалении от Царствия небесного. Причину этого следует видеть именно в том, что те люди в продолжение земной жизни своей не достигли известного совершенства в добродетельной жизни. Что же касается того, что души праведников, живших богоугодно на земле, когда отрешаются от союза с плотью, то поселяются в обителях небесных, то эта истина — яснее самого света солнечного, ибо Сам Господь наш Иисус Христос говорит: *Ибо, где будет труп, там соберутся орлы* (Мф. 24, 28), то есть, где будет Господь наш Иисус Христос с принятою на Себя человеческою плотью нашею, там, без всякого сомнения, будут и души праведников. И святой апостол Павел весьма желал *разрешиться и быть со Христом* (Флп. 1, 23). Верующий в то, что Господь пребывает на небесах, должен веровать и в то, что и Павлова душа пребывает на небесах со Христом. Тот же апостол очевидно для всех свидетельствует, что души праведников по разлучении с телом водворятся в отечестве небесном, ибо он говорит: *Знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный* (2 Кор. 5, 1). Богу нашему да воссылается слава, честь и поклонение, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

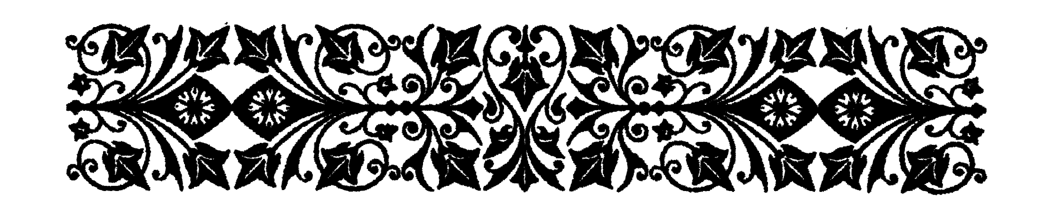
---

[1] Кончина святой отроковицы Музы последовала в V веке.

В тот же день **память во святых отца нашего Георгия**, епископа Митиленского, поставленного во епископа в 842 году.

В тот же день **память святых мучеников Вита, Модеста и Крискентии**, пострадавших в царство Диоклетианово.

В тот же день празднуется **перенесение мощей преподобного Ефрема Перекопского**, Новгородского чудотворца, скончавшегося 26 сентября 1492 года. Перенесение мощей было в 1545 году, 16 мая.



День семнадцатый

ПАМЯТЬ СВЯТОГО АПОСТОЛА АНДРОНИКА и ИУНИИ, помощницы его

Святой апостол Андроник принадлежит к лику семидесяти апостолов; он уверовал во Христа ранее святого апостола Павла, которому он приходился сродником, как об этом свидетельствует апостол Павел в послании к Римлянам, говоря: *Приветствуйте Андроника и Юнию, сродников моих и узников со мною, прославившихся между апостолами и прежде меня еще уверовавших во Христа* (Рим. 16, 7). Святой Андроник был епископом Паннонии[1]; однако он не был проповедником и учителем только одного какого-либо города или одной какой-либо страны, — но он учил по всей вселенной; он путешествовал по разным странам, всюду проповедуя имя Христово и искореняя обольщение бесовское. Помощницею во всех его проповеднических трудах была преславная Иуния. Андроник, вместе с Иуниею умер для мира ради Христа, дабы многих привести к познанию Бога истинного. И действительно, Андроник вместе с Иуниею своей проповедью разрушил многие храмы идольские и вместо них

[1] Именно он был епископом Сирмии Паннонской. Паннония представляла собой одну из значительных южнодунайских областей Римской империи, границы ее составляли: на западе — Альпы, на юге — река Сава, на востоке и севере — река Дунай. — В истории христианской Церкви Паннония замечательна как место проповеднической деятельности святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, первоучителей славянских.

создал церкви христианские, всюду прогоняя из людей духов нечистых и врачуя недуги немощных и больных. Когда же святые Андроник и Иуния, исполняя общий долг всех людей, приняли конец смертный, то они были награждены от Господа венцом апостольства и страдальческого подвига, так как они много пострадали от язычников. Честные мощи их были обретены вместе с мощами многих других святых мучеников в Евгении[1]. Об этих мощах было возвещено христианам по особому откровению Божию, как об этом подробно сказано в повествовании 22 февраля.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
СОЛОХОНА

Святой мученик Солохон жил во времена царя Максимиана[2], был родом египтянин, званием же был христианин. Он служил в чине воина у трибуна Кампана, имевшего под своим начальством три тысячи воинов. Когда, по приказанию царскому, Кампан со своим полком прибыл из Египта в Халкидон[3], то было повелено всем полководцам вместе с их воинами приносить жертвы

---

[1] Кончина святых Андроника и Иунии последовала во второй половине I века. *Евгениею* называлась местность в Константинополе, замечательная тем, что здесь было обретено много честных мощей в царствование императоров Аркадия (с 395 по 408 год) и Гонория (с 395 по 423 год). В числе прочих мощей были обретены и мощи святых Андроника и Иунии. В XII веке здесь был выстроен в честь апостола Андроника храм императором Андроником I (правил с 1183-го по 1185 год). — Память святого Андроника совершается еще 30 июля вместе с памятью апостолов из семидесяти: Силою, Силуаном, Крискентом и Епенетом.

[2] *Максимиан*, император Римский, царствовал с 284 по 305 год.

[3] *Халкидон*, или, правильнее, *Калхедон*, — первоначально мегарская колония на берегу Мраморного моря. При христианских императорах Халкидон был столицей малоазийской области Вифинии. В истории христианской церкви Халкидон замечателен как место IV Вселенского собора, созванного в 451 года императором Маркианом (с 450 по 457 год) для осуждения монофизитской ереси (монофизитская ересь была основана Евтихием, архимандритом Константинопольским, учившим, что человеческое естество в Иисусе Христе было совершенно поглощено Божественным естеством и потому в нем следует признавать лишь одну природу Божественную).

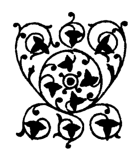
идолам. Исполняя приказ царский, Кампан приступил к жертвоприношению.

В то время, как воины полка Кампанова приносили жертвы идолам, святой Солохон вместе с двумя воинами, Памфамиром и Памфалоном, исповедал себя христианином и во всеуслышание заявил, что он ни в каком случае не отречется от Христа, даже если бы его предали самым жестоким мукам, но обещал до конца жизни своей пребывать верным Христу. Когда после этого святые преданы были разным лютым мукам и были жестоко избиваемы, то Памфамир и Памфалон предали души свои в руки Божии, святой же Солохон продолжал мужественно во всеуслышание исповедывать имя Христово. Узнав об этом, Кампан весьма разгневался и приказал своим слугам раскрыть мечом уста мученика и вливать ему в рот кровь идоложертвенную. Но мученик крепостью зубов своих сокрушил железо, затем расторг свои узы и предстал свободным пред мучителем, величая имя Христово и порицая нечестие Кампаново. В это время послышался с неба голос, укреплявший святого в страданиях и призывавший его к мужеству. Вслед за тем святой был предан многим другим мукам: мучители били его без милосердия, влачили за ноги по черепицам и острым камням; затем повесили его за правую руку к дереву, прикрепленному к дому, к левой же ноге его привязали большой камень; в таком положении висел святой от шестого часа до часа девятого; при этом мучители всячески увещевали Солохона отречься от Христа, но он не исполнил их нечестивого желания. Когда святой к вечеру был снят с мучилищного древа и поставлен на землю, то, к всеобщему удивлению, он мог стоять как здоровый. Наконец уже поздним вечером Кампан, придя в ярость, взял в руки трость, которой писали, и с гневом вонзил ее в ухо святому, так что она прошла сквозь всю голову его. Когда воины ушли с места мучения, то сюда пришли христиане, которые и взяли честнóе тело святого мученика, весьма ослабевшего от мучений; положив его на постель, они принесли его в дом одной вдовы христианки. Здесь святой вкусил немного хлеба и выпил воды. Немного укрепившись, он начал беседовать с христианами, окружавшими постель его, увещевая их быть непоколебимыми и мужественными в исповедании веры Христовой. Затем, подняв очи свои к небу и помолившись достаточное время

Богу, святой предал дух свой Христу[1], Богу нашему, Которому воссылается слава вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
СТЕФАНА,
архиепископа Цареградского

Преподобный Стефан был сыном знаменитого греческого императора Василия Македонянина[2]. Будучи еще в молодых годах, он по избранию Церковного Собора и всего духовенства, больше же всего по воле Божией, был поставлен патриархом Цареграда[3]. Приняв на себя все заботы о церквах Божиих, святой Стефан бдительно стоял на страже их и как истинный пастырь, а не наемник, не только питал овец своих духовно, но и избавлял от власти сильных людей тех бедных, сирот и вдов, которые подвергались от них обидам. Своим воздержанием он до истощения довел тело свое. Проведя жизнь в таких богоугодных подвигах и наставив в благочестивой жизни овец Христовых, он, как благоуханный цветок, отошел ко Господу 17 мая 893 года и был погребен в Сикеллийском монастыре, местоположение которого неизвестно.

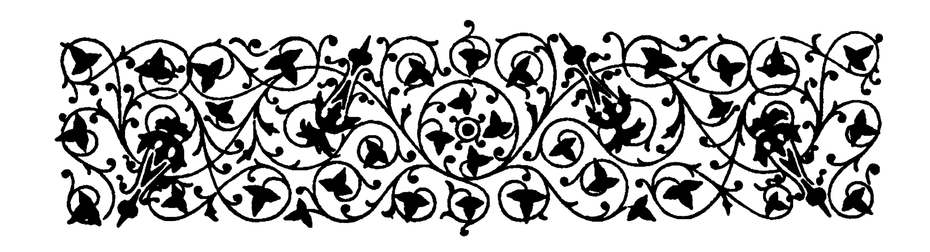


---

[1] Кончина святых мучеников Солохона, Памфамира и Памфалона последовала в конце III века или в начале IV века.

[2] *Император Василий I Македонянин* царствовал с 867 по 886 год.

[3] *Святой Стефан* был посвящен в патриарха епископом Феофаном 17 декабря 886 года, а перед этим по свидетельству его современника Льва Грамматика он был синкеллом, то есть ближайшим советником, у патриарха Фотия.



День восемнадцатый

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА ФЕОДОТА и с ним семи дев: ФАИНЫ, КЛАВДИИ, МАТРОНЫ, ТЕКУСЫ, ИУЛИИ, АЛЕКСАНДРЫ и ЕВФРАСИИ

Испытав на себе многие благодеяния святого мученика Феодота, — говорит Нил, списатель жития святого мученика, — я считаю себя обязанным не только словом похвалить его страдальческие подвиги, но и делом возблагодарить его; и хотя я ни словом, ни делом не могу выполнить этого в совершенстве, однако постараюсь сделать то, что могу, ибо мне кажется весьма необходимым предать письмени к сведению боголюбцев и их душевной пользе историю жизни святого мученика Феодота, а также и историю его страданий. Некоторые говорят о нем, что он первоначально жил так, как живут большинство и прочих грешных людей мира этого, ибо он также заботился о снискании благ мира этого, говорят, что, вступив в законный брак, он купил гостиницу ради прибытка имения. Однако его мученическим подвигом венчается и украшается вся жизнь его. Пусть говорят о нем, что хотят, я же буду рассказывать о нем все то, что я, сожительствовавший ему, видел очами своими, а также передам и о тех беседах, которым я сподоблен был от святого.

Еще задолго до своего мученического подвига, святой творил много добрых дел. Так, он всемерно боролся против вожделений

плотских; хотя он и пребывал в законном супружестве, но он вел борьбу с плотью своею, покоряя ее духу, согласно слову апостольскому: *Имеющие жен должны быть, как не имеющие* (1 Кор. 7, 29), святой настолько преуспел в этой добродетели, что мог быть учителем чистоты и целомудрия многим другим. Святой всячески воздерживался от сластолюбия и всякой греховной нечистоты и порабощал тело свое духу постом и воздержанием. Считая пост началом и основанием всякого благого дела, святой вооружался им, как бы щитом, готовясь на брань духовную. Умерщвление тела святой считал обязанностью каждого христианина; жажду богатств и приобретение имений святой препобеждал усердным раздаянием всех богатств своих нищим. Поучительно в житии его то, что он, несмотря на обладание гостиницей, совершал обильную куплю духовную и приобрел для Бога много душ человеческих; причиною же этого было то, что святой Феодот под видом корчемничества исполнял обязанность апостольства; своими богодухновенными учениями и беседами он привел ко Христу много эллинов и иудеев, и много грешников побудил раскаяться в грехах своих. Святой Феодот имел и дар исцеления недугов: возложением рук своих и молитвою он исцелил много болезней телесных, словом же своим врачевал язвы душевные.

Поводом к страданию святого Феодота за имя Христово было следующее. Некий игемон, по имени Феотекн, принял под свое начальство область Анкиры Галатийской[1]. Игемон этот был человеком очень жестоким и нечестивым; он потешал себя зрелищем крови и убийства, нечестие же его было столь велико, что его трудно передать и человеческими словами. Феотекн, принимая власть игемона от царя Диоклетиана[2], обещал ему в скором времени обратить к язычеству всех христиан, проживавших в Анкире.

И действительно, когда Феотекн прибыл в Анкиру, то от одной вести о его прибытии христиане пришли в столь великий страх и трепет, что тотчас же бежали из того места; селение то опустело, пустыни же и горы населились беглецами. Феотекн посылал от своего имени одного за другим вестников, всюду разъезжавших и возвещавших строгое приказание императора, повелевавшее разорять

---

[1] *Галатия* — малоазийская область.

[2] *Император Диоклетиан* управлял Римской империей с 284 по 305 год.

христианские церкви и сравнивать их с землею, всех же, исповедующих имя Христово, заключать в узы и ввергать в темницы, где христиане будут пребывать в ожидании лютых мучений; при этом имущество христиан должно было отбираться и разграбляться. В это время Церковь Христова уподоблялась кораблю, весьма бедствующему посреди больших волн и боящемуся потопления в глубине морской, ибо нечестивые язычники нападали на дома христиан, расхищали их имущество, извлекали без всякого стыда из домов мужчин и женщин, юношей и девиц и влекли их или к местам своих нечестивых жертвоприношений или же в темницу. Трудно и пересказать все те беды, которые пришлось вынести в то время христианам. Многие священники из страха мучений бежали от храмов своих; двери храмов оставались открытыми; впрочем, сами беглецы не находили себе места, где бы могли укрыться от преследования язычников. Когда имущество христиан было разграблено, наступил голод, столь же тяжелый, как и самые мучения язычников. Тогда многие из христиан, скрывавшихся в горах и пустынях, не будучи в силах перенести мучений голодной смерти, приходили к язычникам и отдавались в их руки, надеясь на милость с их стороны. Тяжело было тогда всем беглецам, пытавшимся найти себе приют в пустынях и горах: в особенности тяжело было здесь тем из христиан, которые ранее жили в довольстве и изобилии и не видели нужды; теперь таким христианам приходилось грызть корни, которые они находили в пустынных местах, и питаться разными сорными травами.

В это именно время блаженный Феодот весьма много потрудился ради исполнений заповедей Господних, предавая себя без страха многим опасностям; он корчемствовал не с тою целью, чтобы приобрести золото, как говорят о нем некоторые, но приобрел себе гостиницу затем, чтобы доставить в ней убежище и упокоение всем гонимым христианам. Кроме того, он весьма заботился о христианах, находившихся в узах, спасавшихся же бегством христиан от мучителей-язычников, скрывал у себя; он питал также всех христиан, скрывавшихся по горам и пустыням; тела же святых мучеников, выкинутые язычниками на съедение псов, зверей и птиц, он погребал тайно (следует заметить, что игемон приказал предавать смерти тех христиан, которые погребали тела братий своих; поэтому блаженный Феодот похищал их и тайно предавал погребению). Таким образом дом свя-

того Феодота был и гостиницею и вместе с тем убежищем для христиан, так как Феодот, считавшийся корчемником, не навлекал на себя у язычников подозрения в том, что он был христианином. И был святой для всех всем: для гонимых покровителем, для алчущих — питателем, для недугующих — врачом, для сомневающихся — крепким утверждением, учителем веры и благочестия, наставником богоугодной жизни и возбудителем к подвигу мученическому.

В это время нечестивый игемон Феотекн приказал всюду окропить идоложертвенною кровью всякую пищу и всякое питие, продававшееся на торжищах. Так сделал он ради христиан, намереваясь принудить их, хотя бы против их воли, вкушать пищу, оскверненную идоложертвенною кровью; вследствие этого в христианских храмах нельзя было приносить жертвы Богу истинному, так как во всем городе не было хлеба и вина, не оскверненного язычниками. Узнав об этом, святой Феодот стал раздавать верным жито, пшеницу и вино, заранее купленные им и имевшиеся у него в изобилии. Раздавая пищу и питие всюду и у себя питая многих христиан, Феодот уподобил гостиницу свою кораблю Ноеву, спасавшему всех, находившихся в нем, от вод потопа (см.: Быт. 7). Ибо подобно тому как тогда, при Ное, никто не мот спастись от вод потопа, кроме тех, кто находился в ковчеге Ноевом, так и теперь в городе нашем (говорит списатель жития святого Феодота), ни один из христиан не мог сохранить себя от осквернения идоложертвенными мерзостями, если не шел в дом Феодота. Таким образом гостиница Феодотова превратилась в странноприимницу, и в храм молитвенный, и в алтарь для иереев Божиих, которые совершали здесь бескровную Божественную Жертву. К дому Феодотову все прибегали, как к кораблю во время потопа. Таково было корчемствование этого блаженного Феодота, такова была его купля и приобретение. Но довольно об этом. Поведаем и о других деяниях святого мученика.

Во время этого гонения, поднятого на христиан, случилось одному другу Феодотову, по имени Виктору, быть взятым язычниками и по следующему поводу: некоторые из жрецов Артемидиных[1] наклеветали на Виктора игемону, сказав, что Виктор хулил богиню их, выразившись так, что Аполлон[2] насиловал единоутробную сестру свою

[1] *Артемида*, или *Диана*, — богиня охоты и покровительница лесов.

[2] *Аполлон* — бог солнца, покровитель искусств.

Артемиду и осквернил ее в Деле пред жертвенником[1], и заметив, что эллинам следовало бы стыдиться таких богов своих — блудников, позволявших себе делать такие мерзкие дела, о которых и слышать не могут целомудренные люди. Взяв Виктора, оклеветанного так, игемон приказал заключить его в темницу. К узнику приходили многие эллины, которые с лестью увещевали его, говоря так:

— Исполни приказание игемона; тогда ты будешь почтен великою честью, будешь другом царя, получишь от него много различных богатств и станешь жить в палатах царских. Но если не послушаешь игемона, подумай о том, какие мучения ожидают тебя; тогда весь дом твой и имущество твое будет разграблено, все родственники твои будут истреблены, и самое тело твое после многих лютых мучений будет предано горькой смерти и выкинется на съедение псам.

Это и многое другое говорили они Виктору.

Блюститель же благочестия, Феодот, придя ночью в темницу к Виктору, укреплял его на предлежащий подвиг, говоря ему так:

— Ни в каком случае, Виктор, не слушай тех льстивых речей, которые говорят тебе нечестивые язычники, не принимай их совета лукавого, не ходи в след их, не оставляй нас, не предпочитай скверну и нечестие целомудрию и не люби неправду больше правды. Не делай этого, о друг мой! Не делай, зная, что те нечестивцы своими лукавыми и льстивыми обещаниями стараются вовлечь тебя в пагубу. Не таковыми ли обещаниями иудеи прельстили Иуду предателя? Принесли ли ему пользу те тридцать сребреников, которые он получил от них? Ничего другого он не приобрел себе теми тридцатью сребрениками, кроме веревки, на которой удавился (см.: Мф. 27, 3–5). Никогда не думай, что ты получишь что-либо доброе от злых, так как обещания их уготовляют смерть вечную.

Этими и им подобными словами укреплял в благочестии святой Феодот Виктора. И Виктор действительно мужественно выдерживал подвиг свой до тех пор, пока помнил слова, которыми его увещевал святой Феодот. Все, взиравшие на страдание святого восхваляли славный подвиг его. Когда же приблизился самый конец его муче-

---

[1] Имеются в виду сказания греческой мифологии о похождении богов. Необходимо заметить, что древнегреческая религия наделяла своих богов не только различными благодетельными силами, искусством, знанием, но и недостатками, свойственными людям самой невысокой нравственности.

нического подвига и наступало время отшествия его из этого мира, Виктор попросил мучителя прекратить на время его страдание, чтобы он имел время размыслить сам в себе. Тотчас же слуги игемона прекратили мучение и отвели Виктора в темницу. Но Виктор умер в темнице от ран, оставив в неизвестности конец своего исповедания.

После этого блаженный Феодот отправился в селение, называвшееся «Малос» и отстоявшее от города на четырнадцать стадий. Пошел же сюда святой потому, что узнал, что здесь окончил свой мученический подвиг и был брошен в реку, называвшуюся Галиос, святой мученик Валент, страдавший ранее в Мидикинах. Феодот отправился к селению этому, однако не вошел в него, но остановился около него, на реке, в расстоянии двух поприщ от того селения. Найдя мощи святого мученика, Феодот с честью похоронил их. Когда он возвращался оттуда, то встретил некоторых христиан, которые, увидав его, весьма благодарили его, как благодетеля всех христиан; в особенности они благодарили его за одно великое благодеяние, оказанное им святым, а именно: когда был разорен алтарь Артемидин, то эти христиане были преданы игемону на мучение; но святой Феодот выкупил их после многих хлопот, и выкупил их немалою ценою. Вот за это христиане теперь и кланялись ему, приветствуя его и воссылая ему благодарность. Святой же, высказав радость по поводу свидания с ними, предложил им вкусить вместе с ним пищи. Найдя одно возвышенное и красивое место, они возлегли на траве; на том месте росло много красивых деревьев, было много цветов и всюду слышалось пение птиц. Прежде нежели приступить к вкушению пищи, святой послал двух из них в селение за священником, которой бы благословил им трапезу и вместе с ними вкусил бы пищи, а затем напутствовал бы их обычными молитвами (следует заметить, что святой Феодот привык всегда вкушать пищу с благословения священника и даже, если позволяла возможность, в его присутствии). Когда посланные приближались к тому селению, то увидали священника, выходившего из церкви после пения шестого часа; однако они не знали, что это пресвитер того селения. Заметив, что на путников громко лаяли собаки, бывшие в том селении, священник подошел к ним и, отогнав собак, приветствовал их, а затем спросил:

— Христиане ли вы? Если вы христиане, то войдите в дом мой, дабы мы возвеселились любовью о Христе.

Они же отвечали на это:

— Да, мы христиане и христиан ищем.

Священник же, улыбнувшись, сказал сам в себе:

— Фронтон! (таково было имя его). Вот видишь, как сбываются твои сонные видения!

Затем, обратившись к путникам, сказал:

— Этой ночью я видел во сне двух мужей, очень похожих на вас; они сказали мне: «Мы принесли сокровище в эту область»; так как мне кажется, что вы очень похожи на тех мужей, то скажите: какое же сокровище вы принесли с собою?

Мужи те отвечали:

— Действительно, мы имеем с собою мужа, блаженного Феодота, более драгоценного, чем какое-либо сокровище; если желаешь, то можешь увидеть его, но сначала покажи нам священника этого селения.

Он же отвечал:

— Я тот, кого вы ищете. Пойдем же и приведем в дом мой человека Божия.

После этого все отправились к святому Феодоту.

Когда священник увидел Феодота, то с любовью приветствовал его; приветствовал также и прочих христиан, а затем начал упрашивать всех идти к нему в дом. Но святой Феодот не хотел идти, говоря:

— Я тороплюсь поскорее прийти в город, ибо для христиан наступил ныне великий подвиг; поэтому я должен по мере сил послужить братиям моим, находящимся в бедах и в большой опасности.

После этого священник сотворил молитву, а затем все приступили к вкушению пищи. По окончании обеда Феодот святой сказал пресвитеру с улыбкою на лице:

— Как красиво это место и как оно удобно для погребения святых мощей!

Священник же отвечал ему:

— Потрудись доставить нам сюда честные мощи!

Святой Феодот отвечал на это:

— Потрудись только, отче, построить на этом месте храм молитвенный, в котором можно было бы поместить святые мощи, и в скором времени к тебе будут принесены мощи мученические.

Затем святой снял перстень с руки своей и, отдавая перстень священнику, сказал:

— Господь да будет Свидетелем между мною и тобою, что вскоре сюда будут принесены мощи мученические.

Это говорил святой, пророчески предсказывая положение здесь своих мощей, ибо всею душою стремился к подвигу мученическому.

Вслед за тем святой Феодот пришел в город свой и в дом свой и нашел здесь все в великом разграблении и разрушении, как будто бы здесь было большое землетрясение.

В городе том проживали семь благочестивых девственниц, с юных лет воспитанных в благочестии и страхе Божием, соблюдавших чистоту телесную и душевную и обручивших себя нетленному и бессмертному жениху Христу, Сыну Божию. Проводя благочестивую и богоугодную жизнь, эти девственницы достигли старости; старшей из них была Текуса, приходившаяся теткой святому Феодоту. Взяв этих святых девственниц, игемон предал их многоразличным мукам; но так как муки не могли поколебать веры их, то он отдал их блудным юношам на осквернение, понося их и ругаясь над благочестием христианским. Когда те девственницы были ведомы на осквернение, то, вздохнув из глубины сердечной, подняв очи свои на небо и воздев кверху руки свои, они начали молиться Богу в таких словах:

— Господи Иисусе Христе! Ты знаешь, с каким вниманием и усердием мы соблюдали девство свое до тех пор, пока это было в нашей власти; но вот ныне бесстыдные юноши получили власть над телами нашими. Сохрани же нас чистыми, какими Ты Сам знаешь путями.

Когда святые девственницы молились со слезами Богу в таких словах, один бесстыдный юноша привлек к себе старшую из девственниц, Текусу, намереваясь осквернить ее. Она же, ухватив его за ноги, со слезами сказала ему:

— Чадо! Какое наслаждение может доставить вам наше тело, изможденное старостью, постом, болезнями и мучениями, как вы это сами видите! Мне уже более семидесяти лет. И прочие сестры мои

немного моложе меня. Не подобает вам, столь юным людям, прикасаться к телам как бы уже мертвым, которые в скором времени вы увидите съедаемыми зверями и птицами, так как игемон уже почти приговорил нас к смерти. Не делайте нам зла, и вы получите за это награду от Бога нашего, Господа Иисуса Христа.

Говоря так, святая Текуса сняла покрывало с головы своей и, показав юноше седину головы своей, опять сказала ему:

— Чадо! Постыдись, ибо и ты имеешь мать, как думаю, столь же состарившуюся, как и я, если она еще находится в живых; если же она умерла, то, вспомнив о ней, оставь нас, и ты получишь награду от Владыки нашего Христа, ибо надежда на Него не суетна.

Таковые слова Текусы привели этого юношу и его товарищей в умиление; оставив свое плотское вожделение, юноши те начали плакать и отошли от святых девственниц, не причинив им никакого зла.

Когда Феотекн узнал, что те девственницы не были осквернены, то оставил мысль о насильственном осквернении их и приказал сделать их жрицами богине Артемиде, обязанностью которых было — омывать, согласно языческому обычаю, идолов в ближайшем озере.

Наступил день омовения идолов, весьма торжественно праздновавшийся язычниками. Положив идолов, каждого на особую колесницу, язычники всенародно повезли их с пением и ликованием к озеру. Язычники везли, по повелению игемона, и святых девственниц пред идолами, каждую на отдельной колеснице; девственницы были обнажены для потехи и поругания язычников. Все граждане вышли на празднество это, дабы слушать звук труб, кимвалов и пение женщин, шедших по улицам с открытыми головами и распущенными волосами. От шума и топота толпы народной, а также и от трубных звуков, казалось, сотрясалась вся земля. Вместе со всем народом шел и игемон Феотекн — порождение ехидны, слуга диавольский. Язычники взирали на обнаженных девственниц, причем одни из них предавались смеху, другие удивлялись терпению и мужеству их, некоторые же, сожалея о них, изможденных ранами, телах, в умилении плакали и сокрушались сердцем.

Когда при таких обстоятельствах совершалось это нечестивое празднество, святой Феодот был в весьма великой печали ради святых девственниц, так как боялся, как бы какая из них, по слабости

естества женского, не ослабела в страдальческом подвиге и не потеряла надежды на помощь Господа Иисуса Христа. Помыслив об этом, Феодот весьма усердно начал молиться за святых подвижниц, прося Бога укрепить святых девственниц в подвиге их. Для молитвы святой Феодот затворился вместе с родственником своим Полихронием, с юным Феодотом, также родственником, и вместе с прочими другими христианами в доме одного убогого христианина, по имени Феохарида, находившемся близ церкви в честь святых патриархов: Авраама, Исаака и Иакова. Пав ниц, Феодот и прочие христиане, молившиеся вместе с ним, лежали на земле, молясь от первого часа дня до шестого, до тех пор, пока жена Феохарида не возвестила, что тела честных девственниц были потоплены в озере[1]. Услышав такую весть, святой Феодот несколько приподнялся от земли; затем, стоя на коленях, поднял руки свои на небо и, обливаясь многими слезами, как каплями дождевыми, молился в таких словах:

— Благодарю Тебя, Владыко, за то, что Ты услышал голос плача моего и не сделал суетными слезы мои!

Затем начал расспрашивать жену Феохарида, — каким образом девственницы были потоплены в воде и на каком месте — при береге ли или посреди реки. Она же сказала ему:

— Я стояла близ того места вместе с прочими другими женщинами и видела, что игемон долго увещевал девственниц послужить идолам омовением их и обещал им многие дары, — однако игемон нисколько не успел в своей просьбе, но был еще более постыжен укорительными словами святой Текусы. Жрецы же Артемиды и Афины[2] предлагали им белые одежды и разукрашенные венцы, дабы в этих одеждах и венцах они совершили бы омовение идолов. Но мученицы, взяв те одежды и венцы, бросили их на землю и начали топтать их ногами. Тогда игемон приказал навязать на шею святым тяжелые камни, затем, посадив их на лодки, приказал их отвезти на глубокое место и бросить их в воду. Они были брошены в воду стадиях в двух от берега.

Услыхав об этом, святой до вечера советовался с Полихронием и Феохаридом, каким бы образом им вынуть из воды честные тела

---

[1] Кончина святых дев-мучениц последовала в начале IV века.

[2] *Афина*, или *Минерва*, — богиня мудрости.

святых мучениц, дабы предать их погребению. При захождении солнца, к ним пришел один юноша христианин, по имени Гликерий, и сказал, что игемон поставил при озере стражу из воинов, причем приказал наблюдать страже, как бы не были взяты из озера тела мучениц. Услыхав об этом, святой Феодот весьма опечалился, так как ему не легко было теперь взять тела святых мучениц, отчасти по причине стражи, а отчасти по причине тяжелых камней, привязанных к шеям святых; камни эти были настолько тяжелы, что их едва можно было везти на колесницах. Вечером Феодот отправился к близлежащей церкви святых патриархов, вход в которую был загорожен язычниками, дабы не могли пройти в нее христиане. Придя к церкви, святой повергся пред ней на землю и долго молился. Затем, встав, направился ко входу в церковь; но увидав, что вход в нее загорожен, остановился и снова встал здесь на молитву. Услыхав где-то в стороне от себя крик и говор и подумав, что это язычники преследуют его, святой тотчас поднялся и пошел к дому Феохаридову. Здесь он уснул на непродолжительное время. Во сне явилась ему его тетка, святая Текуса, и сказала:

— Ты спишь, сын Феодот, и нисколько не заботишься о нас. Разве ты не помнишь, как я тебя учила, когда ты был еще юношею? Разве ты не помнишь, как я руководила тобой в добродетельной жизни, заменяя тебе отца и мать? И когда я была живой, ты никогда не оскорблял меня, но всегда почитал меня, как родную мать. Но вот теперь, после кончины моей, ты позабыл меня, хотя ты должен бы послужить мне до конца жизни своей. Но, я прошу тебя, не оставь тел наших в воде, дабы они не сделались добычею рыб, но потрудись поскорее извлечь их из воды, так как и ты сам спустя два дня отправишься на подвиг мученический. Встав с постели, иди к озеру, но берегись предателя.

Сказав это, святая оставила Феодота.

Пробудившись, Феодот передал прочим христианам, находившимся в доме том, о своем видении, и все начали со слезами молиться Господу, прося Его помочь найти тела святых мучениц. Блаженный же Феодот, размышляя о видении, недоумевал, что означали последние слова, сказанные ему Текусой: «берегись предателя». Но потом слова эти оправдались, как это будет видно из нижеследующего повествования.

Когда наступило утро, Феодот послал упомянутого юношу Гликерия вместе с Феохаридом разузнать поточнее относительно воинов, стоявших близ реки, так как думал, что они ушли, по причине праздника богини Артемиды, который в тот день отправляли язычники. Посланные отправились, но увидали, что воины еще не ушли; возвратившись, они возвестили об этом прочим христианам, и все провели тот день в посте и молитве. При наступлении вечера христиане, еще не вкусив пищи, направились к озеру, захватив с собой острые серпы, которыми бы могли разрезать веревки, обвязанные вокруг шеи святых мучениц. Было в это время очень темно, так как в эту ночь не светила ни луна, ни звезды. Когда все приблизились к тому месту, на котором исполнялись смертные приговоры над злодеями и разбойниками (а место это было очень страшным, так что никто не осмеливался проходить здесь по захождении солнца; здесь валялись трупы, кости и головы, отсеченные от тел, причем некоторые из голов были воткнуты на палки), то все пришли в большой страх; однако скоро ободрились, так как услыхали голос, говоривший:

— Иди с дерзновением, Феодот!

Выслушав слова эти с благоговением, все осенили себя знамением крестным. И тотчас явился в воздухе с восточной стороны пресветлый крест, испускавший во все стороны огненные лучи. Увидав этот крест, все обрадовались и пришли в страх; а затем, пав на колена, все поклонились святому кресту и помолились Господу. Встав после молитвы, все направились к озеру; но так как в это время видение креста скрылось, то снова стало так темно, что никто не мог видеть друг друга. В это время пошел дождь, вследствие чего дорога сделалась скользкой, что весьма затрудняло путь. Тогда все стали на молитву, испрашивая у Бога помощи в такой беде, и тотчас явилась лампада огненная, показывавшая путь; вместе с тем явились святому Феодоту и два честных мужа в белых одеждах, имевших седые волосы на головах и бородах и сказали ему:

— Дерзай, Феодот, ибо Господь и Бог наш Иисус Христос написал имя твое в числе имен мучеников, услышав молитву твою слезную о обретении тел невест Его святых. Мы посланы Им тебе на помощь; мы принадлежим к лику тех отцов, пред церковью которых

ты молился прошедшею ночью. Когда ты придешь к озеру, то ты увидишь здесь мученика Сосандра, вооруженного, приводящего в страх и прогоняющего воинов, охраняющих озеро; однако тебе не следовало бы вести с собою предателя.

Сказав так, святые сделались невидимыми.

Так и не узнал святой Феодот, кто же был предателем из числа шедших с ним.

Следуя за явившейся лампадой, все подошли к озеру. В это время поднялся гром, засверкала молния, полил сильный дождь, началась страшная буря; воины, стоявшие на берегу озера, весьма устрашившись, бежали оттуда, при этом они устрашились не столько грома, молнии и бури, сколько страшного видения; ибо они видели очень большого мужа, имевшего в руках броню, щит и копье; на голове же у него был шлем; от мужа того исходило кругом яркое сияние. Это был мученик Сосандр. Ужаснувшись такого видения, воины бежали, будучи объяты великим страхом. Между тем вода, находившаяся в озере, была прогнана ветром с одной стороны озера на другую, так что дно озера обнажилось и глазам христиан предстали тела святых мучениц, лежавшие на дне озера. Подойдя к святым мученицам, христиане отрезали серпами веревки, которыми были привязаны камни к шеям мучениц; потом, взяв честные тела, положили их на колесницы и повезли к храму святых патриархов, где и похоронили с честью. Имена же те мученицы носили следующие: Текуса, Александра, Клавдия, Фаина, Евфрасия, Матрона и Иулия. Пострадали же эти святые девственницы в восемнадцатый день месяца мая.

Утром следующего дня в городе стало известно, что тела святых мучениц были взяты христианами из озера. Узнав об этом, игемон, жрецы идольские и все прочие язычники-идолопоклонники преисполнились великой ярости, так что влекли к допросу каждого христианина, которого случайно встречали на улице. В это время было взято на допрос и предано лютой, мучительной смерти много христиан; они были растерзаны мучителями, как бы звериными зубами. Когда святой Феодот узнал об этом, то хотел отдать себя в руки язычников, но его удержали от этого родственники. Полихроний же, переменив одежды и приняв вид земледельца, пришел на городскую площадь, чтобы узнать о всем, происходившем в городе,

но тотчас был схвачен язычниками и представлен на допрос к игемону. Полихроний принял от мучителей много побоев и ран, но пребывал в молчании. Когда же увидал меч, занесенный над его головою, то весьма испугался и рассказал мучителям о том, как корчемник Феодот извлек из озера тела святых мучениц и похоронил их при храме, построенном в честь святых патриархов. Узнав об этом, язычники тотчас отправились к тому месту, где были похоронены честные тела святых мучениц, разрыли их могилы и предали тела сожжению; после этого язычники отправились на поиски Феодота, о чем и было ему возвещено тайно вечером того же дня. В это время святой Феодот понял, что Полихроний, — его родственник и друг и был тем предателем, которого заповедали остерегаться святые патриархи. Решив предать себя мучениям, Феодот так говорил своим родственникам:

— Помолитесь о мне Господу Иисусу Христу, Богу нашему, дабы сподобил Он меня венца мученического.

И молились все с ним в продолжение целой ночи, причем святой Феодот молился в таких словах:

— Господи Иисусе Христе, надежда для отчаявшихся, — помоги мне совершить мужественно свой подвиг мученический и приими кровь мою, которую прольют мои мучители, как жертву, приносимую Тебе за всех гонимых христиан. Облегчи их страдания, утиши лютую бурю гонения, дабы верующие пребывали в тишине и покое.

Когда наступил день, святой решил идти к мучителям и предать себя в их руки. Узнав об этом, все родственники его возрыдали и восплакали и, обнимая его, говорили:

— Да получишь спасение, светило и украшение Церкви, честной Феодот! По окончании своих страданий, да сделаешься причастником света небесного, да будешь сопричтен к сонму Ангелов и Архангелов и да осияет тебя слава Святого Духа и Господа нашего Иисуса Христа, сидящего по правую сторону Бога Отца. Да даруются тебе все эти блага за тот подвиг, на который ты выступаешь. Но знай, что для нас, остающихся посреди таких бед, твое отшествие принесет много горя и слез.

Когда все плакали, говоря такие слова, святой Феодот обнимал и лобызал каждого последним целованием; затем приказал отдать свое тело, если удастся его тайно взять от мучителей, священнику Фрон-

тону, который придет из селения Малос с его перстнем. Наконец, святой Феодот оградил себя крестным знамением и мужественно вышел из своего дома.

На пути ему встретились двое из числа старших граждан того города. Желая доказать ему свою любовь и уважение, они советовали ему поскорее где-нибудь скрыться и говорили:

— Жрецы Афины и Артемиды вместе с прочими язычниками клевещут на тебя игемону, говоря, что ты советуешь всем христианам не поклоняться бесчувственному камню и дереву; говорят они про тебя и многое другое; а Полихроний сказал про тебя, что ты тайно похитил тела девственниц. Скройся же, Феодот, пока еще не поздно, ибо безумие — отдавать самого себя в руки мучителей.

Святой же отвечал им:

— Если вы — мои друзья и если вы действительно хотите показать свою любовь ко мне, то не препятствуйте мне на пути, по которому я иду, но, наоборот, идите к судилищу и скажите там старейшинам: «Вот, Феодот, на которого клевещут жрецы и народ, стоит здесь, пред дверями».

Сказав так, святой с поспешностью отправился вперед и став посреди судилища, с радостным лицом стал смотреть на орудия мучений; здесь была и разожженная печь, и котлы с кипящею водою, и колеса, и много других орудий мучения. Взирая на все это, святой нисколько не ужасался сердцем и не смущался в мыслях своих, но продолжал стоять с веселым лицом, всем являя свое мужество. Когда игемон увидал святого, то сказал ему:

— Ты нисколько не пострадаешь ни от одного из числа всех, находящихся здесь орудий мучения, в том случае, если принесешь жертвы богам; тогда ты будешь свободен от всех преступлений, в которых тебя обвиняют и жрецы, и весь город наш; кроме того, — тогда ты будешь другом нам и любезным царю, который окажет тебе большие почести; только отрекись от Иисуса, Которого распял в Иудее Пилат, правивший прежде нас. Подумай об этом, Феодот! Ты мне кажешься человеком благоразумным; благоразумный же человек должен поступать во всем с осмотрительностью и рассуждением. Отступи от всякого безумия; убеди также и прочих христиан оставить безумие свое, и тогда ты будешь начальником всего этого города; ты будешь тогда жрецом главного бога нашего Аполлона,

дарующего людям многие блага, предсказывающего будущее и исцеляющего недуги врачевством своим; если ты будешь служить этому богу, то ты получишь право назначать и прочих жрецов для служения всем остальным богам. Через тебя будут проходить все назначения на все важнейшие должности, ты будешь ходатаем пред судиями; ты будешь писать послания ко всем народам от имени царя о разных нуждах народных; ты будешь весьма богат, и все родственники твои будут в великом почете. Если тебе нужны богатства и имения, то я могу дать их тебе, хоть сейчас.

В то время, как игемон говорил это, среди народа раздался громкий возглас, одобрявший слова игемона и увещавший Феодота принять от игемона богатство и почести. Но святой Феодот так ответствовал игемону Феотекну:

— Прежде всего, я прошу помощи у Господа моего, Иисуса Христа (Которого ты назвал простым человеком), в том, чтобы Он сподобил меня обличить заблуждение ваше и показать суету богов ваших; вместе с тем в кратких словах я поведаю тебе тайну воплощения Господа моего и чудеса, сотворенные Им. О Феотекн! Я должен бы говорить тебе о вере моей и о делах моих; но я обличу пред всеми вами, к стыду вашему, дела богов ваших, о которых стыдно и говорить. Тот, которого вы называете Дием[1] и которого вы считаете богом, более славным всех прочих ваших богов, предавал себя столь гнусному плотскому вожделению, что может считаться началом и концом всякого зла. Ваш стихотворец Орфей[2] повествует, что Дий убил своего родного отца Сатурна[3], мать же свою родную Рею взял себе в жены и родил от нее дочь Персефорону; но он не остановился на этом; он прелюбодействовал и со своею дочерью и, кроме того, имел своею женою сестру Юнону[4]; точно так же и Аполлон осквернил свою сестру Диану пред жертвенником на острове Делосе. Рав-

---

[1] *Дий*, или *Зевс*, — верховный бог древнегреческой религии, считавшийся родоначальником прочих богов.

[2] *Орфей* — одно из видных действующих лиц древнегреческой мифологии. Орфей считался сыном фракийского царя Эагра и музы Каллиопы. Его лира, по сказанию мифологии, издавала такие чудные звуки, что дикие звери выходили из своих логовищ и следовали за ним. Орфей считался искусным стихотворцем, основателем древнегреческой поэзии.

[3] *Сатурн* — бог земли и посевов.

[4] *Юнона* считалась покровительницею семейной жизни.

ным образом и Марс[1], вознеистовствовал плотскою страстью к Венере[2], Вулкан[3] к Минерве, — родные братья на родных сестер. Неужели ты не видишь, игемон, сколь мерзостны беззакония богов твоих? Разве закон ваш не наказывает всех, делающих такие преступления? А вы хвалитесь такими делами блудодейных богов ваших и не стыдитесь поклоняться отцеубийцам, кровосмесникам, прелюбодеям, осквернителям детей, волхвам (обо всем этом написали все стихотворцы ваши, похваляя мерзостные дела ваших богов). Дела же и чудеса Господа нашего Иисуса Христа чисты и не имеют ни одного порока. О таинстве воплощения Господа нашего Иисуса Христа предвозвестили все святые пророки, говоря, что в последние времена придет к людям Бог с небес, будет жить с людьми, как человек, будет творить знамения и чудеса несказанные, исцеляя многоразличные недуги и сподобляя людей Царствия небесного. И не только о воплощении Господа, но и о Его вольном страдании за нас, о Его смерти и погребении предсказали заранее с большою точностью те же святые пророки; свидетели этому халдеи и мудрые волхвы персидские, которые по звезде нашли место Его рождения и пришли к Нему с дарами, дабы поклониться Ему, как Богу. Свидетелями же воскресения Его были воины римские, охранявшие гроб Его. Они сами видели, как воскрес Господь из гроба; об этом они и возвестили архиереям. Но кто может пересказать все чудесные и славные дела, которые сотворил Господь наш, Иисус Христос, во время земной жизни Своей? Прежде всего, Он претворил воду в вино, затем, — пятью хлебами и двумя рыбами насытил пять тысяч народа в пустыне, болящих исцелял, ходил по морю как посуху; Его власти боялось естество огня; слепорожденному Он дал зрение, хромых делал быстроходными людьми; по Его повелению воскресали мертвые; он воскресил и вернул к жизни четверодневного Лазаря. Все эти преславные и предивные чудеса очевидно для всех показывают, что Иисус Христос был Богом истинным, а не простым человеком.

Когда святой в таких словах свидетельствовал о Божестве Господа нашего Иисуса Христа, все язычники, стоявшие близ того места, пришли в великое смятение и зашумели, как шумит море от ветра.

---

[1] *Марс* — бог войны.

[2] *Венера*, или *Афродита*, — богиня любви и красоты.

[3] *Вулкан* — бог огня и металлов.

Жрецы рвали на себе волосы, раздирали одежды, разрывали венки; а народ волновался все более и более и с гневом вопрошал игемона, для чего он позволял такому богохульнику, достойному смерти, говорить столь много, а не предавал его казни и мучению?

Тогда игемон, придя в еще больший гнев, приказал воинам совлечь одежды со святого, повесить его нагим на мучилищном дереве и терзать железными орудиями тело его; игемон и сам поднялся с места своего, намереваясь своими руками мучить святого. В это время поднялась целая буря от вопля народного; народ кричал, требовал и приказывал слугам игемоновым начинать мучение; слуги приготовляли орудие мучений; и лишь только один святой мученик продолжал стоять спокойно, нисколько не смущаясь душою своею и не устрашаясь сердцем. Феодот был столь спокоен, что, казалось, мучения уготовлялись не для него.

Потом святой был повешен на дереве. Когда воины начали терзать без милосердия тело святого железными когтями, то он как бы сиял радостным лицом своим, ибо имел помощником своим Господа Иисуса Христа. Так мучим был святой долгое время. Уже слуги изнемогли и их сменили другие. Мученик же пребывал непоколебимым в исповедании имени Христова, так что казалось, что он страдал не в своем, а как бы в чужом теле; все свои помышления он устремил к Господу Иисусу Христу, помогавшему ему.

Спустя некоторое время игемон Феотекн приказал возлить на раны святого самый крепкий уксус, смешанный с солью, а затем велел свечами опалять честные ребра мученика. Мученик, опаляемый огнем, ощутив смрад, исходивший от опаляемого со всех сторон тела своего, начал отворачивать лицо свое в сторону; заметив это, игемон тотчас подошел к нему и сказал:

— Где же ныне, Феодот, все дерзновенные слова твои? Я вижу, что ты препобеждаешься муками. Но если бы ты не хулил богов наших и если бы ты поклонился им, то ты теперь не страдал бы так. Но разве я не советовал тебе — человеку незнатного происхождения, занимавшемуся корчемничеством, — не противиться повелению царя, имеющего в своих руках власть над твоею жизнью и смертью?

Отвечал на это святой мученик:

— Не думай, игемон, что меня препобеждают мучения твои, видя, что я отвратил в сторону лицо мое, дабы не обонять смрада от

опаляемого тела моего. Прикажи лучше слугам своим с большим усердием исполнять то, что им повелено, так как кажется мне, что они слишком лениво исполняют свои обязанности. Ты же сам придумай какие-нибудь еще, более лютые муки для меня, дабы узнать, как велика сила Господа моего Иисуса Христа, укрепляющего меня посреди этих мучений. Укрепляясь и уповая на помощь Бога моего, я презираю не только тебя, но и твоего царя, как самого последнего пленника.

Когда святой говорил так, игемон приказал воинам бить мученика по устам и сокрушать челюсти и зубы его. Святой же, принимая побои, говорил игемону:

— Если ты разрежешь на части и язык мой, то все равно нисколько не успеешь в начинаниях своих, ибо Бог и Господь наш Иисус Христос слушает и молчащих рабов Своих.

После того как святой был мучим и терзаем воинами достаточное время, так что все слуги игемоновы утомились, игемон приказал снять Феодота с мучилищного дерева и заключить его до следующего мучения в темнице.

Воины повели святого Феодота через весь город в темницу. Все тело святого было изъязвлено ранами, через что Феодот показывал всем свою победу над мучителем и над диаволом. Святого окружало во время шествия в темницу весьма много народа, смотревшего на мученика Христова, как на некое любопытное зрелище. Святой же во всеуслышание исповедовал силу Господа нашего Иисуса Христа, говоря так:

— Смотрите, как велика и славна сила Христа Господа моего. Вот, вы сами видите, что, по Его устроению, страждущие за Его святое имя, не ощущают боли от ран и мучений; вы видите, что Он делает немощную плоть человеческую крепчайшей огня; вы видите, что Он дает столь великое мужество и крепость людям незнатного происхождения, так что они вменяют ни во что приказания самих царей и князей. Владыка наш дает благодать Свою всем верующим в Него, незнатным и знатным, рабам и свободным, варварам и эллинам.

Затем, показав на раны свои, снова сказал:

— Верующие должны приносить такую жертву Богу и Господу нашему Иисусу Христу, Который и Сам пострадал за всех нас.

Когда святой сказал это, то был введен в темницу и заключен здесь в тесном и узком месте.

По прошествии шестнадцати дней после того, как святой Феодот был заключен в темницу, игемон приказал приготовить в центре города, на том месте, где обычно происходили зрелища, судилище. Святой мученик был выведен из темницы и представлен на судилище. Увидав его, игемон сказал ему:

— Подойди к нам поближе, Феодот, потому что мне кажется, что ты, будучи достаточно наказан ранее, оставил теперь всю гордость свою и переменился к лучшему. Воистину, ты неразумно поступил, навлекши на себя столь великие мучения. Мы же не хотели тебя мучить. Но теперь, оставив свое упорство, познай силу и могущество богов наших; тогда мы наградим тебя теми дарами, о которых мы говорили раньше. Мы обещали тебе эти дары ранее, обещаем их и теперь; ты получишь их, если поклонишься богам нашим; но если ты не поклонишься богам, то тотчас же увидишь и огонь, приготовленный для тебя, и острые железные орудия, и уста зверей, готовых тебя растерзать.

Святой же мученик отвечал на это:

— О Феотекн! Можешь ли ты придумать такое мучение, которое сокрушило бы силу Господа моего Иисуса Христа, укрепляющего меня посреди мучений? Но хотя мое тело уже достаточно изъязвлено орудиями мучений, как это ты и сам видишь, — испытай снова крепость мою; отдай меня на новые мучения, и ты увидишь, что я мужественно перенесу и их, как и раннейшие мучения.

Тогда игемон приказал снова повесить святого на мучилищном дереве и терзать тело его железными орудиями, возобновляя старые его раны. Во время мучений святой велегласно исповедовал имя Христово. Затем мучитель приказал воинам снять святого с мучилищного дерева и влачить по разожженным черепкам. Потом святого снова повесили на дерево и снова терзали железными орудиями, так что на теле мученика не осталось ни одного целого, неизъязвленного места: он весь был как бы сплошною язвою; лишь язык его был цел, которым он и славил Бога, мучителей же и воинов поносил, как немощных. Не зная, каким еще мучением предать святого, игемон издал приказ, приговаривавший святого к смерти, и гласивший следующее:

— Мы приказываем усечь мечом Феодота, защитника галилейской веры, врага богов наших, противника повелениям царским и хулителя моего; тело же его должно быть предано сожжению, дабы христиане не могли похоронить его.

И веден был святой за город, на поле, для усекновения. За ним следовало весьма много народа, как мужчин, так и женщин, желавших видеть его кончину. Дойдя до назначенного места, святой начал молиться Богу в таких словах:

— Господи Иисусе Христе, Творец неба и земли, не оставляющий всех, уповающих на святое имя Твое! Благодарю Тебя за то, что ты сподобляешь меня быть гражданином отечества небесного и причастником Царствия Твоего. Благодарю Тебя за то, что Ты помог мне победить змия и стереть главу его. Молю Тебя, — ниспошли облегчение верным рабам Твоим от бед, окружающих их; пусть прекратится с моею смертью гонение, воздвигнутое на Церковь Твою нечестивыми язычниками. Ниспошли мир Церкви Твоей и избавь ее от наветов вражиих.

Оканчивая молитву и произнося: «Аминь», святой обернулся и увидел христиан, плакавших о нем. Тогда святой сказал им:

— Не плачьте о мне, братия, но лучше прославьте силу Господа нашего Иисуса Христа, помогавшего мне мужественно скончать подвиг мой и победить врага. Я же буду на небесах с дерзновением молить о вас Богу.

Сказав так, мученик преклонил под меч честную главу свою и был усечен в седьмой день месяца июня[1].

Между тем слуги игемоновы принесли к тому месту много дров, разложили костер и возложили на него тело мученика Христова, намереваясь сжечь его по повелению игемона. Но внезапно поднялась, по усмотрению Божию, великая буря, явился свет, блиставший кругом тела мученика, как молния, так что никто из воинов не осмеливался подойти к дровам и разжечь их.

[1] Кончина святого мученика Феодота последовала в 303 году или 304 году. — Память святого мученика совершается также 7 июня, в день кончины его. Житие же его предложено 18 мая потому, что его мученический подвиг тесно связан с мученической кончиной воспоминаемых в этот день святых семи девственниц.

Когда игемон узнал об этом, то приказал воинам не отходить от места того и охранять тело мученика, чтобы его не похитили христиане. Исполняя приказание игемона, воины устроили себе палатку из вербовых ветвей и из тростника и сели в той палатке, охраняя от христиан тело мученика.

Между тем, по устроению Божию, случилось, что мимо того места проходил священник Фронтон, имевший на руке своей перстень мученика Феодота. Он шел из своего селения в соседнее селение и ничего не знал о случившемся с святым Феодотом. Фронтон вез на осле очень вкусное вино, уже давно приготовленное; вино это Фронтон намеревался продать в городе, так как имел свой виноградник и питался от него с семьею своею. Когда Фронтон подошел к тому месту, где стояла палатка с воинами и где лежало тело мученика, осел преткнулся и упал на землю. Увидав это, воины пошли на помощь Фронтону и сказали ему:

— Куда ты идешь, странник? Ведь наступила уже ночь. Лучше останься с нами, тем более, что здесь есть и пастбище для скота.

Священник согласился с ними переночевать и направился в их палатку (следует заметить, что тело мученика было покрыто сучьями и сеном). При палатке был разведен огонь и уже была готова пища. Воины пригласили Фронтона вкусить вместе с ними. Фронтон же, взяв у них сосуд, наполнил его вином и предложил воинам пить из него. Отведав вина, воины похвалили его, так как вино действительно было очень хорошее. Затем воины спросили Фронтона:

— Сколько лет этому вину?

Фронтон отвечал:

— Лет пять уже есть.

Воины пили вино, не зная, что гость их был христианином и притом священником; за трапезой воины беседовали с Фронтоном о том, что случилось в последние дни; они рассказали ему, как были утоплены семь девственниц за то, что не хотели омыть идолов, как корчемник Феодот взял ночью их тела из озера и предал погребению, как его искали за это городские власти, как он сам пришел на судилище и предал себя на мучение, как мужественно переносил их, как бы обладавший железным телом. Затем они сказали:

— Вот здесь лежит обезглавленное тело того, кого мы стережем по приказанию игемона.

Слушая их речи, священник возблагодарил Бога, сподобившего его узнать о страдании и кончине святого мученика Феодота. Потом священник начал обдумывать, как бы ему взять отсюда честное тело мученика Христова. Наполнив сосуд доверха, он подал его воинам и сказал им, что они могут пить вина сколько хотят. Когда воины, упившись, уснули, то Фронтон подошел к честному телу мученика Христова, обнажил его и начал со слезами лобызать его; затем, сняв перстень со своей руки, возложил его на перст мученика с такими словами:

— О святой мученик Христов, Феодот! Ты действительно исполнил то, о чем я просил тебя.

Затем Фронтон крепко привязал к ослу своему честное тело и главу мученика и пустил осла одного обратно в свое селение. И осел шел к селению Фронтонову, неся на себе честное тело мученика; Фронтон же снова положил сучья и сено на том месте, где лежало тело мученика, и, войдя в палатку, уснул.

Утром следующего дня Фронтон встал очень рано и начал как бы сожалеть об осле, говоря:

— Мое животное убежало отсюда: не украл ли кто его?

Воины сочувствовали Фронтону, не зная, что честное тело мученика было взято отсюда, так как видели, что сучья и сено лежали на своем месте. Оставив у них вино, священник вышел из их палатки, как бы с целью поискать осла своего, но уже не возвратился к ним, так как пошел в свое селение.

Осел же, по Божию устроению, пришел на то самое место, на котором некогда беседовал святой Феодот с Фронтоном и хвалил это место, как весьма красивое и удобное для упокоения здесь святых мощей; на этом самом месте мученик Христов советовал Фронтону выстроить церковь и обещал прислать в нее мощи мученические. Дойдя до этого места, осел остановился и не двинулся вперед до тех пор, пока не пришел его господин Фронтон и не снял с него честные мощи. Затем Фронтон призвал сюда христиан и с честью похоронил святые мощи мученика, а впоследствии здесь построил и церковь во имя святого мученика Феодота, во славу же Христа, Бога нашего.

Все это записал я, смиренный Нил (говорит списатель жития святого мученика Феодота); написал же это я для всех возлюбленных о Христе братий с большим вниманием и усердием, ибо я знал

историю жизни святого мученика и был с ним вместе в темничном заключении. Вы же читайте с верою и с любовью, дабы получить одну участь в Царствии небесном со святым мучеником Феодотом и со всеми святыми, подвизавшимися за благочестие и дабы радоваться на небесах во Христе Иисусе Господе нашем, Которому воссылается слава, честь и поклонение вместе со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ

ПЕТРА, ДИОНИСИЯ, АНДРЕЯ, ПАВЛА, ХРИСТИНЫ, ИРАКЛИЯ, ПАВЛИНА и ВЕНЕДИМА

Во время гонений, поднятых на христиан язычниками, верные воины Христовы полагали души свои за Господа своего, так что вся вселенная обагрялась кровью мученической. В это время был взят язычниками и христианин Петр, красивый юноша, крепкий сколько телом, столько же и духом; взят он был в Лампсаке, городе геллеспонтском. Когда Петр был приведен на допрос к игемону Опитимину, то игемон спросил его:

— Ты христианин?

— Да, я — христианин, — отвечал Петр.

Игемон сказал:

— Ты имеешь пред глазами своими указы наших непобедимых царей; принеси же жертву великой богине нашей Венере.

Юноша отвечал:

— Удивляюсь тебе, игемон, как ты решаешься убеждать меня поклониться скверной и блудной женщине, позволявшей себе делать столь мерзкие дела, что о них стыдно и говорить? Разве вы теперь не преследуете и не караете законом тех, кто позволяет себе делать таковые дела, какие вы приписываете богине вашей Венере? Но если вы считаете свою богиню блудницею, то как же я могу поклониться и принести жертву мерзкой блудодейце? Нет, мне дóлжно покло-

няться Богу живому и истинному, Царю всех веков, Христу Господу моему; Ему единому подобает возносить жертву моления, хвалы и умиления.

Услышав такие слова, игемон приказал воинам привязать юношу к колесам и терзать тело его деревянными и железными орудиями, сокрушая кости его. Но раб Божий Петр, сколь яростнее был мучим, столь тверже и крепче утверждался в надежде на помощь Господа Иисуса Христа, посмеиваясь безумию игемонову. Потом Петр поднял очи свои к небесам и начал молиться так:

— Благодарю Тебя, Господи, за то, что Ты дал мне такую крепость и твердость посреди мучений; сподоби же мне мужественно довести до конца подвиг свой и победить врага нечестивого.

Поняв, что муками ничего нельзя было сделать с мужественным юношею Петром, игемон приказал отсечь ему голову мечом.

В это же время был взят и заключен в темницу и Дионисий, исповедовавший также веру христианскую. Когда игемон собирался идти из Лампсака в Троаду, — город, лежащий близ геллеспонтской области, к нему приведены были два воина, христианина, происходившие из Месопотамии[1], по имени Андрей и Павел; вместе с ними был приведен и христианин Никомах, который велегласно и непрестанно взывал:

— Я — христианин!

Игемон, увидав Никомаха, в слух всех исповедовавшего себя христианином, спросил Андрея и Павла:

— А вы что скажете?

Они отвечали:

— И мы — христиане.

Тогда игемон сказал Никомаху:

— Принеси жертву богам согласно приказу царскому.

Никомах отвечал:

— Неужели ты не знаешь, что христиане не приносят жертв бесам?

И тотчас игемон приказал воинам обнажить Никомаха, повесить его на мучилищном дереве и терзать тело его железными орудиями.

---

[1] *Месопотамия* — каменистая и песчаная страна, находившаяся между реками Тигром и Евфратом и простиравшаяся от Армении на севере до Персидского залива на юге.

Когда Никомах уже был недалек от своей кончины и уже немного потерпеть оставалось ему, чтобы получить венец мученический (который был как бы уже в руках его), он неожиданно лишил себя этого славного венца. Оставив доброе исповедание, он отрекся от Христа и воззвал во всеуслышание:

— Я никогда не был христианином! Я согласен принести жертву богам.

И тотчас воины прекратили мучение его и сняли его с мучилищного дерева.

Когда окаянный этот богоотступник принес жертву идолам и поклонился им, то на него напал бес и сильно ударил его об землю, так что Никомах стал с яростью бесноваться, кусая язык свой и испуская кровавую пену до тех пор, пока не испустил свою окаянную душу.

В то время как все это происходило, одна девица, имевшая шестнадцать лет от роду и называвшаяся Христиной, стоявшая в народе, обратилась к бесновавшемуся Никомаху и сказала ему:

— О окаянный и погибающий человек! Вот ты из-за одного лишь часа стяжал себе теперь вечную и несказанную муку.

Услыхав это, игемон приказал взять ту девицу и поставить пред судилищем; затем спросил ее:

— Ты христианка?

Девица отвечала:

— Да, я — христианка, и вот теперь я плачу и скорблю о погибели окаянного человека, который не хотел перенести маловременного мучения, дабы приобрести себе вечный покой.

Игемон сказал ей:

— Вот, он теперь получил покой, так как принес жертву богам; но чтобы вы, христиане, не поносили его, великая богиня наша Диана и Венера изволили взять его отсюда. Но я хочу, чтобы и ты принесла жертву богиням этим, если не хочешь быть поруганной и сожженной на огне.

Святая отвечала на это:

— Бог мой для меня важнее тебя, и потому я не боюсь твоих угроз. Я уповаю на Бога моего и верю, что Он защитит меня и даст мне терпение во всем.

Тогда игемон приказал отдать ее двум юношам-блудникам, чтобы они осквернили и обесчестили ее. Андрея же и Павла приказал посадить в темницу в то отделение, где находился Дионисий.

Между тем те два бесстыдных юноши, взяв чистую и святую девицу, повели ее с поспешностью в свое жилище, намереваясь обесчестить ее; но лишь только привели ее в свой дом, как их вожделение плотское угасло и они не могли до самой полуночи осквернить ее. Ночью же близ Христины явился светлый юноша, облиставший светом своим весь тот дом. Юноши те от страха пали на землю как мертвые; придя в себя, они припали к ногам святой Христины, упрашивая ее помолиться о них к Богу своему, чтобы их не постигло какое-либо наказание от Него. Она же, подняв их с земли, сказала им:

— Не бойтесь, знайте же, что тот юноша, которого вы видели, есть Ангел святой, посланный мне от Христа, Бога моего, для сохранения моего девства, всегда готовый умертвить всякого, кто прикоснется ко мне.

Таким образом святая девица Христина пребыла в чистоте, будучи защищаема Самим Богом.

Утром следующего дня граждане того города, будучи возбуждены жрецами идольскими, пришли к игемону и стали требовать у него отдать христиан, находившихся в темнице, в их руки. Игемон вывел из темницы Дионисия, Андрея и Павла и сказал им:

— Вы должны принести жертву великой богине Диане.

Но святые отвечали:

— Мы не знаем ни Дианы, ни какого другого беса, из числа тех, которых почитаете вы; мы знаем и почитаем лишь Бога нашего, Господа Иисуса Христа.

Народ, услыхав такой ответ от мучеников, громким голосом опять начал требовать от игемона предать в руки им тех христиан, которые хулят богов их. Игемон же приказал бить мучеников, а затем велел отдать их народу.

Тогда толпа, привязав веревки к ногам святых, повлекла их с громкими кликами за город, намереваясь побить их здесь камнями.

Когда святые мученики были побиваемы камнями, святая Христина, узнав об этом, с поспешностью побежала на место то и, припав со слезами к телам святых, побиваемых камнями, говорила:

— Я хочу умереть вместе с вами на земле, дабы вместе с вами жить и на небе!

Между тем игемону было донесено, что одна девица-христианка, отданная на осквернение двум юношам, была освобождена от их рук каким-то светлым юношею; убежав из дома тех юношей, она пришла на место побиения камнями христиан и припала к их телам. Узнав об этом, игемон приказал предать ее смерти через усекновение мечом.

Таким образом все упомянутые святые мученики, подвизавшиеся против диавола, мира и игемона Опитимина, сподобились быть победителями врагов своих при помощи Христа, Бога нашего, причем Петр был умерщвлен после многоразличных мучений, Дионисий, Андрей и Павел были побиты камнями, святая же девица Христина была усечена мечом. Все это произошло в городе Лампсаке, при царе Декии[1].

Святые же мученики — Ираклий, Павлин и Венедим были гражданами афинскими. Они проповедовали в Афинах с великим дерзновением имя Христово и увещевали всех нечестивцев оставить свое суетное идолослужение и креститься во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. За свою проповедь они были взяты и представлены на допрос ко градоначальнику афинскому. На допросе они исповедали Бога истинного, Творца всей твари, идолов же называли бесчувственными камнями и деревом, произведением рук человеческих. За исповедание имени Христова эти святые мученики были преданы различным мучениям и наконец вместе с учениками своими были ввержены в печь огненную, после чего и скончались[2]. За свой подвиг они восприняли нетленные венцы от Христа Бога нашего, Которому воссылается слава вовеки. Аминь.

---

[1] *Декий* царствовал с 249 по 251 год.

[2] Год кончины святых мучеников — Ираклия, Павлина и Венедима неизвестен. Вероятно, она последовала в IV веке или в V веке.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
СИМЕОНА, ИСААКА и ВАХТИСИЯ

Святые мученики Христовы Симеон, Исаак и Вахтисий происходили из Персии и пострадали в царствование нечестивого царя Сапора[1]. Так как они были христианами, то за это идолопоклонники схватили их и стали принуждать отречься от Христа и поклониться солнцу и огню[2], но они в ответ на это сказали:

— Мы не отречемся от Творца твари и солнцу и огню не поклонимся.

Тогда мучители связали им руки и ноги и жестоко их избили, а потом бросили их в темницу, где в течение семи дней они не принимали пищи. После этого они выведены были из темницы и претерпели различные мучения, наконец им отсекли мечом честные головы. Так и скончались святые мученики.

---

[1] *Сапор II Великий* царствовал в Персии с 310 по 381 год. Известен счастливыми войнами с римлянами; был жестоким гонителем христиан.

[2] Персы почитали верховным богом Мифру, или Солнце. Они поклонялись также огню.

День девятнадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ПАТРИКИЯ
и с ним трех пресвитеров:
АКАКИЯ, МЕНАНДРА и ПОЛИЕНА

Епископский престол святого Патрикия находился в городе Прусse в Вифинии[1]. Однажды он начал открыто обличать заблуждения язычников и проповедовать веру Христову; его проповедь обратила ко Христу многих язычников; за это он был взят язычниками вместе с тремя пресвитерами — Акакием, Менандром и Полиеном, и приведен был на допрос к вифинийскому игемону Юлию, усерднейшему служителю идолов. Последний, отправляясь в это время к теплым источникам[2], повелел вести за собой и христианского епископа с его пресвитерами, связанными железными цепями. Прибыв на источники и омывшись в них, Юлий принес жертвы своему нечистому богу Асклепию[3] и гнусной богине Сотирии[4]. Затем, сев на судилищном месте и призвав свя-

[1] Малоазийской области.

[2] *Игемон Юлий* отправлялся к теплым источникам с лечебными целями. Эти источники, действительно, обладали целебными свойствами, благодаря примеси к их водам различных минеральных веществ. Много таких источников было известно в древности в Италии и на острове Сицилии.

[3] *Асклепий*, или *Эскулап*, — греко-римский бог, считавшийся покровителем врачебного искусства.

[4] *Сотириас*, с греческого σωτηρία — спасительница, — общее название богинь, врачевавших болезни, по мнению язычников. Обыкновенно это имя усвоялось богиням *Афине* или *Афродите*.

тителя Патрикия с пресвитерами, Юлий сказал ему:

— Безумец, призывающий Христа и верящий пустым басням! Смотри, сколь велико всемогущество богов наших! Смотри, какую целебную силу этим источникам дали они на пользу нашу! И прежде всего уразумей, сколь велико могущество и сколь велика милость отца нашего Асклепия! Если хочешь, избегнуть уз и мучений и спокойно жить в своем отечестве, то, падши, поклонись ему со смиренною мольбою и принеси ему жертву.

Святой же Патрикий отвечал ему на это:

— О, сколь много зла изрек ты в своей краткой речи, игемон!

Игемон же с гневом сказал ему:

— Что же преступного сказал я? В чем ты можешь меня обличить, окаянный! Ты и сам должен признать то, что очевидно само собою без всякого обмана и хитрости: разве ты не своими очами видишь исцеления, даруемые от теплых источников силою всемогущих богов наших?

Отвечал святой Патрикий:

— Пресветлый игемон! Если хочешь узнать истину о происхождении, истечении и целебной силе источника этих теплых вод, то я возвещу тебе обо всем этом, если соизволишь выслушать меня с кротостью.

Сказал на это игемон:

— Хотя и ничего другого я не думаю услышать от тебя, кроме басни, наполненной вымыслами, все-таки говори, пусть услышу, что ты хочешь сказать.

Отвечал святой:

— Не вымысел, но истину я хочу сказать тебе.

Сказал игемон:

— Какой же иной источник силы теплых вод укажешь ты, кроме силы богов наших?

Святой ответствовал:

— Я — христианин, и всякий, кто исповедует эту святыню христианства и поклоняется Единому истинному Богу, разумом своим может познавать тайны Божии; потому и я, хотя и грешен, но, исповедуя себя рабом Христовым, знаю и могу тебе сказать истину относительно этих вод.

Сказал игемон:

— Неужели ты будешь столь дерзок и безрассуден, чтобы считать себя умнее философов наших?

Отвечал святой:

— *Мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их* (1 Кор. 3, 19). Христос Господь наш, прославляя Отца Своего, сказал: *Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам* (Лк. 10, 21). И апостол говорит: не уразумели истины: *ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы* (1 Кор. 2, 8).

Сказал игемон святому:

— Ты говоришь неудобопонятное. Лучше скажи, по силе и устроению кого текут эти теплые целебные воды? Что касается до меня, то я приписываю это промышлению богов наших, восхотевших таким образом оказать помощь людям.

Отвечая на это, святитель Христов Патрикий сказал игемону:

— Прежде чем стану говорить, прикажи, игемон, снять ограду[1], дабы все могли слышать мои слова.

По повелению игемона, снята была ограда и народ заполнил место вокруг. Затем святой начал громогласно говорить следующее:

— Огонь и воду создал из ничего Своим Единородным Сыном Тот же всемогущий и вечный Бог, Который есть Творец рода человеческого. Из огня Он словом Своим сотворил свет, солнце и прочие светила и назначил им светить днем и ночью: до той степени простерлась Его всемогущая сила, до какой было угодно Ему. Из воды образовал Он небесную твердь и на воде же утвердил землю. Промыслом Своим всепредусматривающим Он устроил на небе и на

---

[1] Обыкновенно то место, на котором восседал и производил суд над христианами игемон, огораживалось, так как в большинстве случаев суд над христианами происходил на открытом воздухе.

земле все то, без чего нельзя жить человеку, которого также Он создал. Провидя же, что созданные Им люди прогневают Его, Бога Создателя своего и, оставив почитание Бога истинного, создадут себе бездушных идолов и будут им поклоняться, — Он по причине этого уготовал два места, куда переселятся люди после своей земной жизни. Первое место Он просветил вечным светом и преисполнил обильными и несказанными благами, другое же наполнил беспросветною тьмою, неугасимым огнем и вечными муками; в светлое место переселятся те, которые, исполняя Его заповеди, будут благоугождать Ему; в темное же место будут ввергнуты те, которые нечестивой своей жизнью прогневают Творца своего и тем заслужат себе наказание. И так те, которые будут поселены в месте светлом, будут жить жизнью бессмертною в непрестанной и бесконечной радости, а находящиеся в темном месте будут непрестанно мучиться бесконечные веки. Отделив же огонь от воды и свет от тьмы, Создатель каждое из них отдельно образовал и определил каждое к своему месту. Огонь же и вода находятся как над твердью небесною, так и под землей; та вода, которая видима на земле, собранная во вместилища свои, называется морем (см.: Быт. 1, 10), а та, которая находится под землею, именуется бездною; от этой бездны на пользу людям, живущим на земле, и вообще на пользу всему живущему посылаются воды в высоту сквозь земные недра, как бы посредством водопроводных труб; выходя на поверхность земли, они образуют или источники, или колодцы, или реки. Те из вод, которые в своем течении под землей проходят около огня, вытекают на поверхность теплыми, а те, которые протекают далеко от огня, выходят на поверхность земли холодными. Потому-то и эти воды теплы, так как при своем течении они близко подходят к подземному огню; есть же в иных местах воды студенейшие, смерзающиеся в лед, так как находятся в далеком расстоянии от огня. Итак, подземный огонь назначен на мучение нечестивых душ; вода же преисподней, обратившаяся в лед, именуется тартаром[1], в кото-

---

[1] Рассуждая о *тартаре*, святой Патрикий применяется к пониманию окружавших его язычников и излагает им их же собственный взгляд на тартар. — Тартар (ὁ τάρταρος) по представлению древнегреческой мифологии — темная бездна, удаленная от поверхности земли на столько же, на сколько небо удалено от земли. По представлению греков, тартар был окружен тройным слоем мрака и железною стеною; он служил местом заключения низверженных богов.

ром боги ваши и те, кто им поклоняются, получат нескончаемую муку, как и из стихотворцев ваших один воспел, говоря: «пределы (конечные) земли и моря не что иное, как только крайние пределы, где Иапет и Сатурн[1] (таковы имена этих богов ваших) не услаждаются ни блеском светлого солнца, ни прохладными ветрами»; другими словами: богов ваших, обитающих во тьме и в тартаре, не освещает и не согревает свет солнечный, а обитающих в огне не прохлаждает ветер. — Тартар же под землею помещен настолько глубже всех иных бездн, насколько небо выше всех высот земных. А что, под землею уготован огонь для нечестивых, это подтверждают и кипящие источники, которые в Сицилии[2] выходят из-под земли[3].

Выслушав эти слова святого, игемон спросил его:

— Значит, Христос ваш есть Создатель всех тех вещей, о которых ты говорил?

Отвечал святой Патрикий:

— Воистину Христос, а не кто другой, есть Создатель всей твари; ибо написано: *Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть* (Ин. 1, 3). И еще: *вси бо́зи язык — бе́сове, Господь же небеса сотвори* (слав. Пс. 95, 5).

Игемон же снова спросил святого:

— Христа ли ты называешь Создателем небес?

Ответствовал святой:

— Христа называю я Создателем всей твари, потому что написано: *взираю я на небеса Твои — дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил* (Пс. 8, 4).

Сказал игемон:

— А если я ввергну тебя в эти горячие воды, Создателем которых

---

[1] *Иапет* — один из титанов — детей Урана (неба) и Геи (земли). По представлению греческой мифологии, Иапет (вместе с Кроном) восстал на верховного бога — *Зевса*, за что и был заключен последним в тартар. — *Сатурн* — древнеримский бог, считавшийся покровителем земли и посевов. Согласно представлению греческой мифологии, Сатурн, так же как и Иапет, был низвергнут Зевсом с неба и заключен на время в тартар.

[2] *Сицилия* — один из больших островов Средиземного моря, составляющий ныне часть Итальянского королевства.

[3] Остров Сицилия благодаря большому количеству трещин и впадин в известковых горах, покрывающих его, имел много горячих ключей.

ты называешь Христа, а не богов наших, то сохранит ли тебя Христос невредимым от огня их?

Отвечал святой:

— Я знаю силу Христа моего; я знаю, что Он может сохранить меня целым и невредимым от вод сих, если пожелает: я же сам хотел бы при посредстве вод тех освободиться от временной жизни сей, дабы вечно жить со Христом; тем не менее да совершается надо мной не моя, а Его святая воля, без которой ни один волос не спадет с головы человеческой, без которой ни одна птица не попадет в сеть. Но пусть узнают все слушающие сейчас слова мои, что тех, которые с тобою поклоняются бесчувственному камню, как богу, ожидает вечное мучение в подземном неугасимом огне и преисподнем тартаре.

Услышав это, игемон пришел в великий гнев и тотчас повелел святого, обнажив, ввергнуть в то самое место источника, откуда бьет кипящая вода. Святой же, будучи ввергаем, воззвал к Богу, говоря:

— Господи Иисусе Христе, помоги мне, рабу Твоему!

Когда святой был брошен в воду, то капли воды, брызнувшей из источника, были жгучее огненных искр и, достигши стоявших вокруг, причинили им сильные ожоги. А святой Патрикий пребывал невредимым в тех водах, как в прохладном месте, и, ликуя, восхвалял Христа Бога.

Видя это, мучители распалились еще большею яростью. Игемон повелел воинам вынуть святого из воды и секирою отрубить ему голову, вместе с тремя пресвитерами.

Приготовившись к усекновению, Христов мученик и исповедник воздел руки свои к небу и сказал:

— Боже, Царь всего и Владыка, содержащий в Своей власти всю тварь видимую и невидимую, приклоняющий слух Твой ко всем, истинно призывающим Тебя, создавший и воды эти во спасение праведным и в наказание нечестивым! Предстань ныне мне, умирающему во свидетельство за исповедание веры Твоей!

Окончив молитву, святой преклонил для усекновения святую главу свою и скончался мученически. Усекновены были с ним и три его святых пресвитера: Акакий, Менандр и Полиен, и все вместе предстали Христу Богу в славе святых. Убиен же был святой Патри-

кий со служителями своими месяца мая в девятнадцатый день[1] и принял венец победных почестей от Христа Иисуса, Господа нашего, Которому подобает со Отцом и Святым Духом честь и слава ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
КАЛУФА ЕГИПТЯНИНА

Святой мученик Христов Калуф пострадал в царствование Максимиана[2]. Он был родом из египетского города Фив[3] и за исповедание веры во Христа схвачен был и предан игемону. Последний велел привязать ему на шею большой камень и повесить его вниз головою, после чего палачи стали бить его, но святой мученик говорил им:

— Я желаю блаженства будущей жизни и ради этого терпеливо переношу побои и страдания.

После такого истязания святого сняли с дерева и стали принуждать его принести жертву идолам, но он отказался сделать это. Тогда его бросили в огонь, где он и принял кончину временной жизни.

[1] Время их кончины с точностью неизвестно, полагают, что она последовала в половине IV века.

[2] Здесь разумеется *Максимиан Геркул*, соправитель Диоклетиана, с титулом августа управлявший Италиею и Африкою с 284 по 305 год.

[3] Город *Фивы* находился в Верхнем Египте и расположен был на обоих берегах реки Нила.

ПРЕСТАВЛЕНИЕ БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ **ИОАННА УГЛИЧСКОГО, в иноках ИГНАТИЯ**, Вологодского чудотворца

Святой благоверный князь Иоанн был сыном благоверного и христолюбивого князя Андрея Васильевича Угличского[1] и благоверной княгини Елены. Святое крещение он принял в городе Великих Луках[2] и, достигши возраста, скоро научился грамоте. Он обладал кротким и мирным характером, не любил детских игр и, соблюдая во всем умеренность, прожил в доме отца своего до тридцати лет. В это время ненавидящий добро враг рода человеческого внушил великому князю Иоанну Васильевичу Московскому[3] ненависть к родному брату его, благоверному князю Андрею Васильевичу Угличскому и его сыновьям, Иоанну и Димитрию, и он повелел схватить их, наложить на них тяжелые оковы, свезти в город Переяславль[4] и заключить в темницу. После этого они были переведены

---

[1] Город *Углич*, ныне уездный город Ярославской губернии, расположен на реке Волге.

[2] Город *Великие Луки*, до XV века называвшийся просто Луки, без прилагательного «Великие», принадлежит к числу древнейших русских городов: о нем упоминается в Новгородской летописи под 1166 годом. Ныне — это уездный город Псковской губернии, расположенный по обоим берегам реки Ловати и на острове Дятловке.

[3] *Великий князь Иоанн III Васильевич* княжил в Москве с 1462-го по 1505 год. Он заподозрил брата своего Андрея в измене по поводу того, что последний не выслал войска в помощь ему против татар, и за это заключил его с семейством в темницу.

[4] Во времена святого князя Иоанна в северо-восточной Руси было два города с именем Переяславля. Один находился в нынешней Владимирской губернии и назывался Переяславлем-Залесским, а другой — в нынешней Рязанской губернии и в 1778 году при образовании Рязанского наместничества переименован в Рязань и сделан губернским городом. Последний основан около 1095 года Муромским князем Константином Ярославом Святославичем, а Переяславль-Залесский на нынешнем его месте основан в 1152 году Суздальским князем Юрием Владимировичем Долгоруким. Можно думать, что местом заключения князя Андрея и его семейства был Переяславль-Рязанский, так как в нем около 1513 года упоминается острог, который был окружен деревянною стеною.

сперва на Бело-озеро[1], а потом в город Вологду[2], где, заключенные в оковах в темницу, под крепкой охраной прожили много лет. Блаженный князь Иоанн Андреевич, отличаясь мудростью, утешал брата своего, князя Димитрия, и говорил ему:

— Брат! Не скорби о том, что заключен в темницу и страдаешь от этих оков. Бог внушил дяде нашему, государю великому князю Иоанну Васильевичу, поступить так с нами для того, чтобы доставить пользу душам нашим, ибо чрез это Он сделал для нас невозможным заботиться о суете мира этого. Будем же молиться Господу Богу, чтобы Он послал нам милость Свою с радостью перенести во имя Его страдания наши и избавиться от вечных мучений.

Приобрев таким образом успокоение в страданиях и скорбь о грехах своих, святой князь пробыл в темнице и в оковах тридцать два года и наконец, сильно заболев, почувствовал близость кончины. Он призвал к себе из Спасского монастыря святого Димитрия[3] игумена Мисаила и принял от него иноческое пострижение, причем ему дано было имя Игнатия. Радость и веселие наполнили душу блаженного князя, когда он облекся в ангельский чин. Причастившись пречистых Таин Христовых, он осенил себя крестным знамением и преставился в вечные обители. Это произошло в девятнадцатый день месяца мая 1522 года[4]. После смерти преподобного князя из тела его изошло благоухание, которое и наполнило весь город. Тогда жители города приготовили к погребению тело его, отнесли для погребения в монастырь преподобного отца Димитрия Прилуцкого, в храм Всемилостивейшего Спаса и похоронили под алтарем близ Димитрия Чудотворца. На этом месте преподобные и до настоящего времени подают исцеление тем, кто приходит к ним с верою.

---

[1] *Бело-озеро* — ныне Белозерск, уездный город Новгородской губернии. Князья-братья были переведены на Бело-озеро после смерти их отца, последовавшей 7 октября 1443 года. Мать их, княгиня Елена, скончалась еще раньше, в 1442 году.

[2] *Вологда*, ныне губернский город, расположен на реке Сухоне, притоке реки Северной Двины.

[3] Здесь разумеется *Спасо-Прилуцкий монастырь*, основанный в 1371 году в пяти верстах от Вологды преподобным Димитрием, который первый ввел в Вологодском крае общежитие. Память преподобного Димитрия празднуется 11 февраля.

[4] Преподобный князь скончался сорока пяти лет от рождения.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ИОАННА, епископа ГОТФСКОГО

Святой отец наш Иоанн жил в стране Готфской[1] в царствование императора Константина[2]. Он родился по молитве своих родителей, как в древности пророк Самуил (см.: 1 Цар. 1, 9–20), и, с юных лет предавшись иноческим подвигам, стал жилищем Христа. Он совершил путешествие в Иерусалим и, обойдя в течение трех лет все святые места, возвратился в отечество. В то время император Константин перевел тамошнего епископа в Ираклию Фракийскую[3], и православные христиане готфские усиленно стали просить святого Иоанна быть у них епископом. Они препроводили его в Иверию[4], где он принял епископское рукоположение и после этого снова возвратился в родную страну. Когда в его стране произошли неустройства, произведенные каганом[5], который истребил мечом много невинного народа, то он едва нашел возможность бежать и прибыл в Амастриду[6], где и прожил четыре года. Услышав о смерти кагана, он сказал бывшим при нем:

— Чрез сорок дней я пойду судиться с ним пред Христом.

---

[1] Под именем *Готфской страны* разумеется здесь подвластная тогда готам область на южном берегу Крымского полуострова, известная под названием Тавроскифии. Местом жительства святого Иоанна был Парфенитский порт при подошве горы Аюдага.

[2] Это был *император Константин Копроним*, известный в истории гонением на иконы; царствовал с 741 по 775 год.

[3] *Город Ираклия Фракийская*, иначе Перинф, находился на берегу Пропонтиды, или Мраморного моря. Готфский епископ в 754 году подписал определение иконоборческого собора, и за это Константин Копроним поставил его митрополитом Ираклийским.

[4] *Иверия* — нынешняя Грузия. В то время она не была заражена иконоборческою ересью, чем и объясняется то обстоятельство, что святой Иоанн препровожден был для епископского посвящения в эту страну.

[5] *Хазары* заняли своим гарнизоном Дори, главный город епархии святого Иоанна, и он убедил властителя Готфии выгнать хазар, но каган Хазарский вновь овладел городом, многих казнил, а Иоанна отдал под стражу, от которой при помощи готфских христиан он бежал за море, в Амастриду.

[6] Город *Амастрида* находился в древней римской малоазийской провинции Пафлагонии на берегу Евксинского, или Черного, моря.

Так действительно и случилось. Спустя сорок дней после этого святой Иоанн поучал народ, наставляя его к душевному спасению, и в это время предал дух свой Господу[1]. Тотчас же согласно его предсказанию к пристани прибыл корабль, и тогда святейший епископ амастридский Георгий, положив тело его во гроб, со свечами и каждением в сопровождении всех жителей города проводил на корабль. На корабле тело святого было доставлено в монастырь его Парфенит[2] и погребено здесь на месте погребения иноков монастыря. На этом месте после погребения святого Иоанна совершалось и даже до настоящего времени совершается много чудес. Преподобный совершал много чудес и при жизни своей.

В тот же день **память преподобного Корнилия Комельского**, Вологодского чудотворца, скончавшегося в 1537 году в основанной им Комельской обители (в пяти верстах от города Грязовца), где и почивают его святые мощи.

---

[1] Святой Иоанн скончался 26 июня в конце VIII века, около 790 года.

[2] В прологе местом погребения святого Иоанна ошибочно назван Парфенон. Последний находился близ Херсонеса крымского, а тот монастырь, где было погребено тело святого, расположен был у подошвы горы Аюдага. Здесь святой Иоанн жил и здесь же построил большой храм во имя святых апостолов Петра и Павла, возобновленный в 1425 году митрополитом всей Готфии Дамианом и ныне не существующий.

День двадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ФАЛАЛЕЯ

В царствование Нумериана[1] игемон Феодор воздвиг гонение на Церковь Божию в городе Эгее[2] и предавал различному роду смерти верных рабов Христовых. В это время был взят мучителями и христианский юноша, по имени Фалалей, прекрасный лицом и телосложением, с белокурыми волосами, лет восемнадцати от роду, по занятию врач, безмездно лечивший всякие болезни. Юноша был поставлен пред нечестивым судилищем в храме Адриана[3]. Посмотрев на него и удивившись красоте его, игемон сказал окружающим:

— Где взяли вы этого прекрасного юношу?

Те же отвечали:

— Идя в город Аназарв[4], мы увидели его впереди нас; он же, заметив нас, быстро скрылся в дубраве. Мы начали старательно отыскивать его и едва нашли его, сидящего под дикою маслиною; затем мы взяли его и привели к тебе на суд.

Сказал игемон святому:

— Скажи нам, юноша: какой ты веры, из какого города, кто твои родители и как тебя зовут?

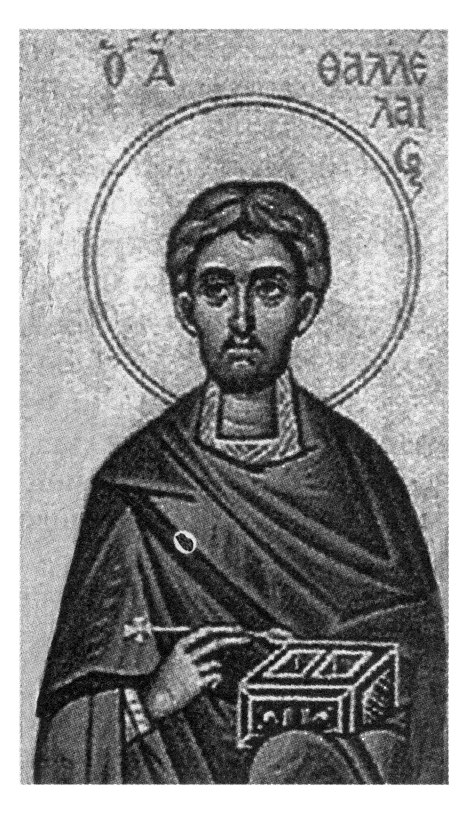
---

[1] *Император римский Нумериан* царствовал с 283 по 284 год.

[2] *Эгея*, или *Эг*, — приморский город в Киликии — малоазийской области. С именем Аяскала он сохранился и до настоящего времени.

[3] То есть в храме, построенном в честь императора Адриана (царствовал с 117 по 138 год). Следует заметить, что древние римляне имели обычай строить в честь своих императоров храмы, а также ставить их статуи в храмах и на площадях.

[4] Город *Аназарв* находился в Киликии.



Отвечал святой:

— Я — христианин, имя мое — Фалалей, родом из Ливана[1], отец мой, по имени Берукий, был воеводой; мать мою зовут Ромилия; имею еще и брата, состоящего в церковном причте, в сане иподиакона; научился я врачебному искусству от врача Макария. Когда все христиане, жившие в Ливане, бежали в горы и пустыни по причине гонения от язычников, я был взят и приведен к Эдесскому[2] игемону Тиберию; будучи от него мучим, я исповедал имя Отца и Сына и Святого Духа — Бога истинного и всеблагого, Создателя всех, и помощью Господа моего был избавлен из рук мучителей и бежал: ныне же, будучи взят опять, нахожусь в твоей власти. Делай со мной, что хочешь, ибо подобает мне умереть за Христа, небесного Бога, Спасителя моего.

Сказал игемон:

— Надеешься ли ты, окаянный, избежать рук моих, как избежал рук Тивериевых?

Отвечал святой:

— Не хочу уже больше бежать, ибо верую в Господа моего Иисуса Христа и надеюсь на Него, что Он не попустит мне быть посрамленным, но поможет мне претерпеть муки до конца.

Вблизи святого стояли два палача, Александр и Астерий; игемон приказал им, чтобы они, провертев сверлом голени мученика и продев в отверстие веревку, повесили бы его. Но у них, по устроению

---

[1] *Ливан* — гора в Сирии; принадлежит к той горной системе, которая начинается Синаем, тянется к северу через Аравию, Палестину и Сирию параллельно восточному берегу Средиземного моря и примыкает к Тавру. Ливан образует среднюю, высшую часть этой горной системы.

[2] *Эдесса* — город в Македонии.

Божию, отверзлись душевные очи и они, вместо святого, просверлили и повесили дерево. Один же из верующих, ученик святого Фалалея, по имени Тимофей, стоявший там и видевший все, что происходило, кивнул святому головой, сказав:

— Видишь ли, что они делают?

Отвечал ему святой:

— Молчи, брат; со мною Христос, помогающий мне.

Игемон же, взглянув, увидел не мученика, а дерево висящее и сказал палачам:

— Что это вы сделали? Я велел вам повесить человека, а вы повесили дерево?

И, разгневавшись, игемон, думая, что они насмехаются над ним, повелел обоих бить без милосердия. Они же, подвергаясь ударам, говорили:

— Да будет благословенно имя Господне, потому что отныне и мы становимся христианами, ибо веруем в Господа Иисуса Христа и страдаем за Него!

Услышав такие слова, игемон тотчас повелел усечь их мечом, и они, скончавшись страдальчески, получили венцы у Христа Бога вместе с прочими святыми мучениками.

Святому же Фалалею игемон сказал:

— Принеси жертву богам, и будешь жив, и вкусишь блага мира этого.

Отвечал мученик:

— Не убедишь раба Христова принести жертву бесам.

Игемон же, исполнившись ярости, захотел сам просверлить святому голени, но в ту минуту, когда хотел встать с своего места, почувствовал, что силы его ослабли и он не мог подняться с места. И все язычники, которые находились в Адриановом храме, видя происшедшее, громогласно воскликнули, говоря:

— Велик Бог христианский, творящий таковые чудеса!

Игемон же, преисполнившись стыда, начал просить мученика, говоря:

— Помолись обо мне Богу твоему, Фалалей, чтобы я мог встать со своего места, потому что воистину велик Бог твой.

Когда святой помолился, игемон встал, но, видя в этом не Божественную силу, а волшебство Фалалея, сильно разгневался на свя-

того, скрежеща зубами своими. Тогда, схватив бурав, начал сам сверлить ноги мученика, но тотчас у него отсохли руки. Игемон снова воззвал к мученику, говоря:

— Опять прошу тебя, Фалалей, помолись обо мне, чтобы исцелели руки мои.

Святой своей молитвой дал исцеление его рукам. Тогда игемон сказал окружающим:

— Возьмите с глаз моих этого волхва и утопите его в глубине морской, дабы погиб он.

И сказал ему святой:

— Ты начал следствие обо мне; поэтому ты должен его и докончить.

Отвечал игемон:

— Уйди от меня, волхв, и погибни в ином месте; ибо я еще не сделал тебе никакого зла, а ты уже столько зол причинил мне своим волшебством!

Сказал святой:

— Не думай, мучитель, чтобы я испугался твоей угрозы и отвергся от Бога моего; знай же, что я ни в каком случае не принесу жертвы твоим богам; не поклонюсь бесам, которым ты служишь.

При этих словах взяли святого слуги игемоновы и, посадив его в ладью, поехали с ним на самую средину морской пучины и там его утопили. Будучи же утопляем, святой сотворил такую молитву к Богу:

— Господи Боже мой! Не дай мне ныне умереть, потому что я хочу еще пострадать за Твое святое имя, дабы, совершив еще больший подвиг мученичества, восприиму от Тебя нетленный венец в жизни вечной.

Возвратившиеся после утопления мученика слуги, сказали игемону:

— Мы сделали то, что ты повелел нам: мы кинули Фалалея в море, и он погрузился на наших глазах.

Но пока еще слуги говорили это игемону, пришел святой Фалалей, одетый в белую одежду. Игемон и все, бывшие с ним, увидев святого, весьма изумились. И сказал игемон святому:

— Твое волшебство одолело и море!

Отвечал ему святой:

— Где ныне сила и могущество твоих богов? Где ваша гордость? Вот Господь мой, Иисус Христос, разрушил ваши замыслы и не дал мне умереть, чтобы я еще победил диавола, отца вашего.

Разгневался игемон и сказал находящимся около него:

— Смотрите, как волхв этот и море околдовал, и нас поносит; если мы его отпустим так, то он погубит всех нас своим колдовством.

Был же при игемоне один волхв, по имени Урвикий; тот дал совет игемону, говоря:

— Повели, властитель, отдать его на съедение зверям.

И тотчас игемон, призвав стража, кормившего зверей, приказал ему приготовить место для зрелища, а святому сказал:

— Фалалей, принесешь ли ты жертву богам, или хочешь, чтобы тело твое стало пищею зверям?

Отвечал на это святой мученик:

— Неужели ты еще не познал силы и величия Господа и Бога моего Иисуса Христа? Я же объявлю тебе словами пророческими: *Не умру, но буду жить и возвещать дела Господни. Десница Господня высока, десница Господня творит силу!* (Пс. 117, 16, 17).

Затем повели святого на площадь и отдали на растерзание зверям. Но звери не тронули святого. К нему подошла одна лютая медведица, легла у ног его и начала лизать их. Видя это, игемон заскрежетал своими зубами и зарычал, как лев, от ярости. Затем он приказал выпустить на него голодного льва, а также львицу, но и те, приблизившись, припали к ногам мученика и лизали их. Игемон же от ярости разорвал на себе одежды свои, а народ начал громогласно кричать, говоря:

— Велик Бог христианский! Бог Фалалея, помилуй нас!

Схватив же Урвикия волхва, бросили его зверям, и тотчас тот был растерзан и съеден ими. Игемон, встав с своего места, приказал мученика убить мечом.

И приведен был святой мученик для усекновения на одно нарочито приготовленное место, называемое Едесса, и после молитвы принял кончину, месяца мая в двадцатый день[1], в честь и славу Господа нашего Иисуса Христа, прославляемого со Отцом и Святым Духом, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

---

[1] Кончина святого Фалалея последовала в 284 году.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
АСКАЛОНА

Когда игемон Арриан направлялся из города Ермополя[1] в город Антиною[2], то был приведен к нему на пути один из христиан, по имени Аскалон. Увидав его, игемон сказал:

— Кто это?

Один же из советников игемона, по имени Аполлонид, сказал:

— Я думаю, что это христианин.

Сказал игемон Аполлониду:

— Спроси его, кто он.

Аполлонид спросил святого:

— Кто ты?

Отвечал святой:

— Я — христианин.

Сказал ему игемон:

— Слышал ли ты о царских указах, разосланных по всем странам, которые обязывают христиан приносить богам жертвы?

Отвечал святой Аскалон:

— Да, я слышал о тех нечестивых указах, изданных на соблазн многим.

Сказал игемон:

— Как смеешь ты так поносить царей, называя соблазном их священные и спасительные указы?

Отвечал святой:

— Делай со мною, что хочешь, ибо я не имею тех указов, так как они незаконно издаются не на пользу, но на погибель людям; потому что разве может быть пользы от тех указов, которые призывают к поклонению идолам?

Сказал игемон:

— Тебе мало поносить царей наших: ты и богов наших называешь идолами. Клянусь тебе самими богами, что, если ты не покло-

---

[1] С именем *Ермополя* в Египте известно два города: один (Ермополь Малый) находился в Нижнем Египте, другой (Ермополь Великий) находился в Среднем Египте. В данном случае разумеется последний.

[2] Город *Антиноя* находился в Среднем Египте, лежал напротив Ермополя Великого на противоположном ему берегу реки Нила.

нишься им и не принесешь им жертв, то будешь предан мукам, приготовленным ослушникам.

Отвечал святой:

— Я не боюсь твоей угрозы, а боюсь Того, Кто сказал: *не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне* (Мф. 10, 28). Поэтому надобно бояться Бога, Который может вечно мучить всего человека, а не вас, которые мучите только одно тело, и то не вечно, а на короткое время.

Игемон сказал:

— Послушай меня и принеси жертву бессмертным богам; потому что, если ты не послушаешь, то уже приготовлено и место для мучения, и мучители.

Отвечал святой:

— Увидим, кто из нас явится более сильным: ты ли мучениями убедишь меня, чтобы я назвал идолов богами, или я тебя убежду признать Христа Господа моего истинным Богом и Создателем всего.

Разгневанный игемон повелел бить мученика обнаженного и повешенного на дереве и строгать его железными орудиями. Святой же, когда немилостиво мучили и терзали тело его, так что части его падали на землю, молчал, не издавая стона болезненного и не произнося ни единого звука.

Игемон же сказал ему:

— Не смягчилось ли сердце твое, чтобы принести жертву богам.

Один же ритор[1], по имени Визамон, стоявший тут же, сказал:

— Уже смерть приблизилась к нему, и он впал в умоисступление.

Тотчас святой сказал ему бодро:

— Я не нахожусь в умоисступлении, и от Бога, Создателя моего, не отступлю никогда.

Сказал Арриан:

— Опять ты ожесточаешься сердцем. Однако место это на пути, недостаточно удобно для того, чтобы ты был достойно мучим; отправимся же в город, и там ты получишь за свое неповиновение достойные тебя мучения.

[1] Учитель красноречия.

Сказав это, игемон приказал тотчас развязать мученика и вести его вместе с собою. На пути близ города протекала великая река, по имени Нил. Святой мученик Аскалон был уже привезен в город Антиной, потому что игемон, не спеша, шел позади. Антинойские граждане, вышедшие навстречу игемону, обступили святого, нагого и в ранах лежащего на земле, на берегу реки (ибо от ран он не мог ни стоять, ни сидеть), и соболезновали ему. И тут же, увидев игемона, дошедшего до реки и садящегося в лодку, приготовлялись встретить и приветствовать его. А святой мученик, услышав говоривших, что игемон переправляется в лодке, собрался с силою, встал с земли и, подняв руки к небу, воззвал к Господу, говоря:

— Боже мой, Иисусе Христе, ради Которого я терплю эти муки и ради любви к Которому стою нагим пред всем народом! Услышь меня ныне для прославления святого имени Твоего и распростри всемогущую руку Твою: удержи лодку эту, в которой сидит нечестивый судья, посреди реки и не дай ему достигнуть этого берега, пока не исповедает он Тебя единым истинным Богом, Создателем и Владыкою всего, и пред всем народом не прославит Твое святое имя, Которое он ненавидит.

Когда святой так помолился, внезапно лодка, в которой сидел игемон, остановилась посреди реки и совершенно не могла сдвинуться с места. Видя это, Арриан удивлялся и, вспомнив слова мученика, обещавшего привести его к признанию Христа Бога, сказал своим слугам:

— Как вы думаете о том, что ладья остановилась посреди реки? Не случилось ли это по волшебству того христианина?

Сказав это, игемон приказал привести другую лодку и сел в нее, — и та лодка, из которой игемон вышел, тотчас сошла с своего места; та же, в которую он сел, стала, будто на суше, и никак не могла сдвинуться, хотя и гребцов было много, и паруса были распущены, и ветер был благоприятный. Игемон, видя это, послал сказать мученику:

— Так как ты убоялся мучений, которыми я грозил тебе, то по причине этого ты своим колдовством сделал то, что я не могу переплыть реки и войти в город.

Отвечал мученик посланному:

— Жив Господь Бог мой, и не сдвинется лодка, в которой находится Арриан, до тех пор, пока не исповедует он имени Господа моего Иисуса Христа, как я и прежде сказал ему.

Посланный же сказал ему:

— Если даже и исповедует игемон имя Бога твоего, находясь посреди реки, как ты этого хочешь, то как ты, сидя на берегу, услышишь его голос, ибо река, как видишь, очень широка?

Сказал ему мученик:

— Пусть напишет он исповедание Господа моего на хартии и пришлет ее ко мне, и в ту же минуту лодка сдвинется с своего места и пристанет к берегу.

Возвратившись, посланный объявил игемону слова мученика. Игемон же тотчас, взяв хартию, написал собственноручно следующие слова:

— Один есть истинный Бог, Коего почитает Аскалон, и нет другого, кроме Него. Он Создатель и Владыка всего.

Написав так, игемон отправил хартию к Аскалону. Мученик же, прочитав написанное, помолился Богу — и тотчас лодка с игемоном двинулась и достигла берега.

Вошед в город, игемон сел на судилищном месте и, когда поставили перед него мученика, сказал ему:

— Ты всю свою колдовскую силу богоненавистную воздвигнул против меня, чтобы удержать меня на реке, а я на суше явлю над тобой всю силу власти моей.

И тотчас повелел обнажить мученика, повесить его на дереве и жечь ребра и живот его, пока не растопится все его тело.

Святой же, опаляемый, молчал.

И сказал ему Арриан:

— Как вижу, ты уже умер, Аскалон.

Отвечал святой:

— Если я и умру, тем не менее опять жить буду.

И сказал игемон своим слугам:

— Только утруждаем себя, муча его; я вижу, он скорее умрет, нежели отступит от своей веры. Однако мы сделаем еще, что можем.

Сказав это, игемон приказал привязать к ногам святого большой камень и велел бросить святого в глубину реки. Воины, взяв святого, повели его к реке. И шло вслед за ним много народа, среди

которого было немало христиан, пришедших видеть кончину мученика. Христиане, захватив с собою хлеба, умоляли святого вкусить от него. Он же не хотел, говоря:

— Не буду вкушать ничего из этой тленной пищи этого мира. потому что я приготовился идти и принять то, что *не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9). Старайтесь же и вы, братия, получить блага, уготованные святым Божиим.

Когда святой говорил так, воины посадили его в лодку и, отплыв от берега, начали привязывать к ногам его большой камень. А он, обратившись к стоявшим на берегу христианам, сказал:

— Дети мои, не пренебрегите моим погребением, однако сегодня и на следующий день не ищите тела моего; на третий же день придите в северную часть города и там найдите тело мое с привязанным камнем на берегу; похороните меня вместе с тем камнем.

И все было так. На третий день после потопления мученика христиане нашли его святое тело так, как он сказал им, с камнем, к нему привязанным, и похоронили его с честью, прославляя Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается честь и поклонение с Отцом и Святым Духом ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

ОБРЕТЕНИЕ И ПЕРЕНЕСЕНИЕ ЧЕСТНЫХ МОЩЕЙ

АЛЕКСИЯ,

митрополита всея России и чудотворца

Во дни благочестивого великого князя Василия Васильевича[1], самодержца всероссийского, после того, как прошло около шестидесяти лет со дня кончины святого Алексия, дивный во святых Своих и прославляющий их всеблагой Бог таким образом открыл бесценное сокровище, то есть многоцелебные мощи этого святого великого святителя, митрополита Алексия.

---

[1] Здесь разумеется великий князь *Василий Васильевич Темный*. Он княжил с 1425-го по 1462 год.

Так как первый храм, построенный в этой обители[1] самим святым Алексием во имя святого архистратига Михаила, в память бывшего чуда его в Хонех[2], был деревянный, то случилось, что крыша этого храма, пришедшая от долгого времени в ветхость, обрушилась во время совершения Божественной литургии, причем, по устроению Божию, все, бывшие в это время в храме, остались невредимыми. Тогда великий князь повелел построить каменный храм, и когда внутри прежнего деревянного храма стали копать рвы для фундамента нового храма, то нашли мощи великого святителя святого Алексия неповрежденными и даже одежды на нем неистлевшими. Вскоре после этого был выстроен каменный храм во имя святого Архистратига Михаила с приделом на южной стороне в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Храм этот имел три ступени вверх от земли, но был меньше прежнего деревянного храма, который хотя был и обширнее, но устроен был в одну ступень, и пол в нем был положен прямо на землю. Когда новоустроенный храм был подобающим образом украшен и освящен, то в него внесли многоцелебные мощи святого Алексия и положили в приделе Благовещения Пресвятой Богородицы.

После этого прошло много лет, и в княжение великого князя Иоанна Васильевича[3] при преосвященном митрополите Геронтии[4] стараниями архимандрита этой обители Геннадия стал строиться новый храм с трапезою во имя святого митрополита Алексия, но этот храм не был тогда окончен, так как архимандрит Геннадий поставлен был архиепископом в Великий Новгород[5]. Чрез несколько времени после этого, когда, благодаря усердию того же архиепископа Геннадия, храм и трапеза, а также и другие здания были закончены

---

[1] Под «этой обителью» разумеется Чудов монастырь, устроенный в 1365 году святым митрополитом Алексием в Кремле, на месте двора ханских наместников, которое подарила ему исцеленная им татарская царица Тайдула. Назван Чудовым в память чудесного исцеления святителем последней от слепоты.

[2] Воспоминание этого чуда совершается Церковью 6 сентября.

[3] *Иоанн III Васильевич* был великим князем Московским с 1462-го по 1505 год.

[4] *Митрополит Геронтий* занимал Московскую кафедру с 1473-го по 1489 год.

[5] Это произошло 12 декабря 1484 года. Архиепископ Геннадий принимал деятельное участие в борьбе с ересью жидовствующих. В июне 1504 года «ради немощи своея» он отказался от управления епархиею, поселился в Чудовом монастыре и 4 декабря 1505 года здесь же скончался.

и храм был украшен и освящен, то честные мощи святого Алексия были перенесены из придела Благовещения Пресвятой Богородицы и положены у стены на южной стороне в созданном во имя его храме. В 1534 году великий князь Василий Иоаннович[1] повелел сделать для мощей чудотворца Алексия серебряную раку, на верхней доске ее устроить из серебра образ самого святого Алексия и украсить ее золотом, камнями и бисером. Рака была окончена уже после смерти великого князя, в 1535 году, и тело святого Алексия было положено в нее при сыне его, великом князе Иоанне Васильевиче[2], в день кончины святителя, в двенадцатый день февраля месяца с четверга на пятницу первой седмицы Великого поста.

Рака с мощами святого Алексия стояла на указанном месте около двухсот лет, до 1686 года. Так как храм и трапеза, построенные новгородским архиепископом Геннадием, пришли в ветхость, то в 1683 году по повелению благочестивого царя и великого князя Феодора Алексеевича[3], самодержца всероссийского, и по благословению Иоакима, Святейшего патриарха Московского и всея России, старанием и усердием бывшего в то время настоятеля обители архимандрита Адриана, — которой вскоре после этого был митрополитом царственного города Казани[4], а впоследствии по благоволению Божию возведен был в сан святейшего патриарха царствующего великого города Москвы и всея России[5], — была построена на новом месте новая большая трапеза. Она почти вся вынесена была за пределы обители и только незначительной частью своей и одной северной стеной вошла в обитель вместе с храмами, из которых первый — в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, бывший прежде придельным в храме святого Архистратига Михаила, а второй рядом с первым, как мы уже и видели, — во имя святого митрополита Алексия и при них два притвора, или трапезы, устроенные для

[1] *Василий IV Иоаннович*, преемник Иоанна III, был великим князем Московским с 1505-го по 1533 год, следовательно, год, когда князем была заказана рака для мощей святителя, указан в прологе ошибочно.

[2] *Иоанн IV Васильевич Грозный* был царем московским с 1533-го по 1584 год.

[3] *Феодор III Алексеевич* царствовал с 1676-го по 1682 год.

[4] Казань названа царственным городом, надо думать, потому, что была некогда столицей Казанского татарского царства.

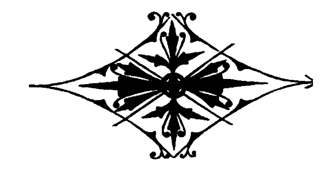
[5] *Патриарх Адриан*, последний из всероссийских патриархов, управлял Русской Церковью с 1690-го по 1700 год.

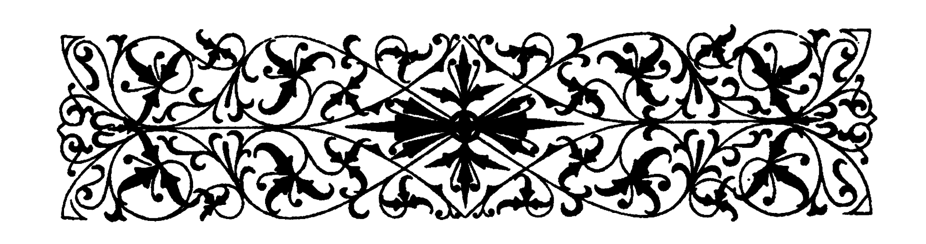
помещения тех, кто приходил к чудотворным мощам, чтобы поклониться им, помолиться и выслушать церковное богослужение. На том же основании между этими двумя храмами был выстроен новый храм во имя святого апостола Андрея Первозванного для иноков обители, чтобы они всегда и особенно в зимнее время могли слушать различные церковные службы отдельно от сторонних посетителей монастырских храмов. Кроме этого, на западной стороне всех этих зданий была устроена другая трапеза, для принятия иноками пищи, чтобы они во всем были отделены от приходящих в обитель суетных мирских людей, думали об одном только Боге и заботились о своем спасении, ревностно упражняясь в молитве, посте и рукоделии, так как в этом и заключается вся жизнь иноческая. Для этого же были устроены и разные входы в храм со вне обители, для мужчин — особый вход в храм святого Алексия, а для женщин — также особый в храм Благовещения Пресвятой Богородицы, чтобы приходящие к многоцелебным мощам святителя входили в эти храмы со вне монастыря и стояли в них, не смешиваясь, каждый пол в особом храме, мужчины отдельно и женщины отдельно. Для иноков же, живших в этой обители, были устроены в эти храмы и трапезы другие входы извнутри монастыря. Это — для того, чтобы иноки могли проводить безмолвную, чуждую суеты жизнь, а также для того, чтобы по преданию святых отцов и по уставу обители иметь монастырские ворота всегда закрытыми и этим воспрепятствовать мирянам безвременно входить в обитель, а инокам во всякое время выходить из нее. Ибо в прежнее время был такой устав обители, чтобы в течение трех дней на неделе, а именно — в понедельник, среду и пятницу иноки отнюдь не были отпускаемы за стены обители, в остальные же четыре дня они уходили в случае какой-либо необходимой нужды, да и то не самовольно, а отпросившись предварительно у настоятеля или того, кто управлял обителью.

Когда храмы и трапезы были совершенно окончены и украшены подобающим благолепием, то руками самих благочестивых царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, всей Великой, Малой и Белой России самодержцев, и их царских сановников в сопровождении Святейшего Всероссийского патриарха Иоакима, находившихся тогда в Москве епископов, всего духовенства и множества народа многоцелебные мощи великого святителя митро-

полита Алексия с каждением и ароматами были перенесены из старого трапезного храма в новопостроенный и положены на приготовленном месте между двумя храмами, Благовещения Пресвятой Богородицы и святителя Алексия. Это произошло в двадцатый день месяца мая 1686 года. Храм в честь святого митрополита Алексия был освящен самим Святейшим патриархом Иоакимом соборне во славу Единого Бога, в Троице прославляемого, Отца и Сына и Святого Духа.

В тот же день **преставление святого Довмонта-Тимофея**, князя **Псковского**, в 1299 году.





День двадцать первый

ЖИТИЕ святого равноапостольного царя КОНСТАНТИНА и святой матери его ЕЛЕНЫ

В то время как языческий мир, вооружаясь против христианства огнем и мечом, помышлял в конце III и начале IV столетия совсем стереть с лица земли самое имя христиан[1], промысл Божий уготовал для Церкви Христовой, среди самих кесарей-гонителей христианства, царственного покровителя ее в лице Константина — царя, еще при жизни своей получившего наименование, навсегда упрочившееся за ним в христианской истории, равноапостольного, во всемирной же истории — Великого.

Рожденный в 274 году у родителей, хотя и не христиан, но знакомых с христианством и ему покровительствовавших, Константин с

---

[1] Указом императора Диоклетиана — 23 февраля 303 года — приказывалось искоренить христианство со всеми его учреждениями и храмами. Жестокое гонение тогда началось с разграбления и разрушения военною силою христианского храма в Никомидии, столице Восточной Римской империи, где в один раз было сожжено до двадцати тысяч верующих; а затем ужасы гонений охватили Сирию, Палестину, Малую Азию и Египет с Италиею. О жестокости гонений Лактанций («О смерти гонителей», гл. XV и XVI) сообщает: «Если бы я имел сотню уст и железный язык, то и тогда я не мог бы исчислить всех мучений, какие переносили верующие: ...железо притуплялось и ломалось; убийцы утомлялись и работали посменно, по очереди...»

детства чуждался языческих суеверий и приближался ко Христу истинному Богу. Десница Господня сама постепенно приуготовляла его и многоразличными способами очищала его, как избранный сосуд славы Божией.

Отец Константина Констанций Хлор, цезарь в Западной половине империи[1], будучи по наружности — официально — идолопоклонником, в душе далек был от языческого суеверия; внутренно он отрекся от служения многим ложным богам и признавал Единого истинного Бога, — Ему одному поклонялся он и весь дом свой, вместе с детьми и домашними посвящал одному Царю-Богу[2]. Насколько Констанций далек был от суеверного служения идолам, об этом свидетельствует следующий замечательный случай из его жизни. Констанций, отказавшийся от служения идолам жертвами и курением, пожелал однажды испытать истинные расположения своих царедворцев; он сделал вид, что хочет исполнять суеверные языческие обряды, и сказал своим придворным:

— Кто хочет пользоваться моим расположением и любовью и оставаться при почестях, тот должен приносить жертвы идолам, а кто отказывается от этого, тот пусть удалится с глаз моих и не рассчитывает впредь на мое благоволение, ибо я не могу оставаться в общении с неединоверными.

---

[1] Император Диоклетиан для удобства управления громадной Римской империей разделил ее на две половины, из которых одной — восточной правил сам, живя в Никомидии и имея у себя соправителем цезаря Галерия, а в другой — западной поставил императором Максимиана, соправителем же его — цезаря Констанция Хлора, непосредственно управлявшего Галлиею и Британиею.

[2] Евсевий. Жизнь Константина, кн. I, гл. 17.

Приняв за истину слова цезаря, придворные тотчас же разделились на две партии: одни, люди лицемерные, без действительных религиозных убеждений, с гибкою совестью, могущею склоняться направо и налево, сейчас же изъявили согласие на предложение царя, хотя до этого времени по низменным расчетам и следовали его благому примеру в отрицании идолослужения; другие же, которые от искреннего сердца пренебрегли языческим суеверием и теперь остались верными своим убеждениям, как истинные рабы Христовы, отказываясь от земных и тленных почестей, начали выходить из состава царской свиты. Видя это, Констанций возвратил оставлявших царский дворец истинных христиан и сказал им:

— Так как вас вижу я верно служащими своему Богу, то вас я хочу иметь и своими слугами, — друзьями и советниками, ибо надеюсь, что вы верны будете и мне так же, как верны своему Богу.

Обращаясь же к тем, которые склонялись к отречению от христианства и поклонению идолам, царь сказал:

— Вас я не могу терпеть при своем дворе, — если вы не соблюдаете верности своему Богу, то как будете верны мне!

И так пристыдив их, он удалил этих лицемеров от своего лица; а верных рабов Божиих приблизил к себе и сделал их начальниками в своей области[1]. И таким образом в то время, когда во всех других пределах обширной Римской империи кипело гонение Диоклетианово, в области Констанциевой христиане жили в мире и благоденствии[2]. Впрочем, не имея возможности являться ослушником воли Диоклетиана, старшего из императоров, Констанций позволил одно — разрушить некоторые из христианских церквей[3].

Таков был отец равноапостольного Константина Констанций Хлор. Его расположенность к христианам и предпочтение их язычникам; обращение ко Христу его жены, святой Елены, матери Константина, и дочери Констанции[4], сестры Константина с малых лет вселяли в душе последнего истинную любовь к Богу и Его закону и

---

[1] Евсевий: Жизнь Константина, кн. I, гл. 16.

[2] Евсевий: Церковная История, кн. VIII, гл. 13; Жизнь Константина, кн. I, гл. 13.

[3] Лактанций: О смерти гонителей, гл. 15.

[4] Константин был единственным сыном Елены; Констанция была дочь другой жены Хлора — Феодоры, от которой Констанций имел и других детей. Современники, к сожалению, не говорят о влиянии святой Елены на Константина в детстве.

полагали твердое основание для воспитания и укрепления его нравственного характера. И это малое зерно, посеянное в детской душе, возросло впоследствии в великое древо.

Годы юности своей Константин должен был проводить не в среде родной своей семьи, а при дворе Диоклетиана в Никомидии, куда он взят был почти в качестве заложника, хотя и почетного, в обеспечение верности его отца Констанция старшему императору Диоклетиану. Придворная жизнь в столице представляла собою тогда в малом виде все то нравственное и религиозное растление, до какого только может доходить человечество, порабощаемое нечистыми, страстными сердечными похотями и впадающее в «превратный ум» (см.: Рим. 1, 28). Суетная пышность и роскошь, пьянство и объядение, необузданный разврат мысли и жизни, интриги и крамолы, озлобление против истинного богопочитания и лицемерное, лживое почтение к мнимым богам, — вот мрачная картина, в которой промысл представил Константину все ничтожество и бесславие язычества. Зато тут же, одновременно, а потому и тем более поразительно вырисовывалась пред взором Константина жизнь иного общества, — общины христианской, где старцы и старицы, юноши и девы, простецы и ученые мудрецы, даже дети доказывали истину своей веры, чистоту и высоту ее содержания не словами только, а и своими делами, исповеданием ее своею добродетельною жизнью, страданием за нее даже до смерти. Ибо в это время возгорелось ужаснейшее гонение на Церковь Христову, превосходившее все другие гонения и злостью гонителей, и разнообразием мучений, и числом мучеников, и — торжеством, победным торжеством веры Христовой над всеми языческими кознями. Константин, поставленный промыслом у самого очага языческой злобы не мог не видеть тщеты всех ее усилий одолеть неодолимое, непосредственно, своими очами созерцал он силу Божию, в немощах совершающуюся и все себе покоряющую. В каждом исповеднике-христианине, в каждом подвиге мученическом взору Константина являлся непререкаемый свидетель правоты веры Христовой, ее превосходства пред язычеством, ее Божественного происхождения. И Константин сохранил в душе своей залог добра, посеянного в детстве, — сохранил чистоту и невинность сердца и уважение к закону Бога, хотя и вращался в нравственно-испорченной среде. Но эта внутренняя отчужденность Константина

от растленной придворной жизни, его пытливый ум и духовная благоустроенность, покрываемая скромностью, естественно возбуждали против него злобу окружавших его царедворцев; а его величественная красивая осанка при высоком росте и выдающейся физической силе, привлекавшая к нему взоры народа и располагавшая в его пользу любовь всего войска, была причиною зависти многих и особенно цезаря Галерия. Последний замышлял погубить его и даже составил заговор, чтобы не допустить Константина до царского достоинства, на которое он имел право по своему рождению.

Жизнь Константина подвергалась опасности, но рука промысла спасла своего избранника и даровала ему то, что хотела отнять у него необузданная, коварная зависть. Константин удалился в Галлию к отцу своему, которого нашел уже на смертном одре и который вскоре скончался.

После смерти Констанция Хлора войско, бывшее при нем, провозгласило (в 306 году) императором Галлии и Британии Константина, которому тогда шел тридцать второй год от рождения, как любимого сына всеми уважаемого кесаря. Под живым впечатлением виденных ужасных гонений христиан на востоке Константин, унаследовав власть от своего отца, счел первым своим делом подтвердить все распоряжения его на пользу христиан, — объявил в своих областях свободу исповедания христианства. Приблизился таким образом час победы веры Христовой над языческим суеверием! Но наступлению лучших времен для Церкви предшествовало время суда Божия над ее гонителями. — Императоры Диоклетиан и Максимиан, утомленные собственною своею злобою против непоколебимых страдальцев за святую истину, решились искать покоя в устранении себя от царских престолов; но их отказ от власти, не давая мира самим свирепым гонителям, послужил еще поводом и к общественным неустройствам. Галерий, воцарившийся на Востоке вместо Диоклетиана и недовольный воцарением на северо-западе Константина, не признал его императором, а признал Севера, правившего Италией и Африкой; между тем в Италии императором провозглашен был Максенций, сын Максимиана. Поддерживая Севера, Галерий пошел войною против Максенция, который просил защиты у своего отца, — последний снова принял управление. Север сдался Максимиану и был умерщвлен. Тогда Галерий провозгласил императора-

тором своего полководца Ликиния, армия же — цезаря Максимина. Оказалось таким образом, что в Римской империи сразу царствовали шесть императоров и все они враждовали между собою. Миром и благоденствием наслаждались только подданные Константина, довольствовавшегося унаследованным от отца уделом и не желавшего принимать участия во взаимной борьбе иных соправителей, — всецело посвятившего себя управлению страною по влечению своего чистого сердца и здравого ума в покорности Божественному промыслу.

— Я отчуждился, — говорил о себе Константин, — от бывших доселе правителей, потому что видел дикость их нравов[1].

В отношении к христианам он держался, по примеру отца своего, политики мира, ибо ценил их как усердных и верных подданных. Константин понимал, что христианство есть великая сила, могущая пересоздать мир. Тем не менее он еще не был христианином; при всем глубоком уважении к рабам Христовым, он не мог с легкостью, без внутренней борьбы, отказаться от староязыческих заветов. И только наступившие грозные и трудные обстоятельства расположили его открыто преклониться пред величием «Распятого Бога», дивным образом изведшего его из колебательного состояния и утвердившего его в решении стать христианином.

После Галерия, умершего (в 311 году) от страшнолютой болезни, и Максимина — правителя Сирии — скончавшегося (в 313 году) позорной смертью — самоубийством, в восточной половине империи остался единым владетелем Ликиний, женившийся потом на сестре Константина. В западной же половине — в Италийской области, после повторного царствования Максимиана, воцарился снова Максенций, вопреки желанию римского народа. Константин признал его царем в Риме и даже отправил к нему мирное посольство. Но Максенций не только не пожелал иметь мирных отношений к Константину, но даже не захотел и называть его царем, желая сам единолично быть самодержцем всех земель и стран Римской области. Укрепившись же на престоле, он проявил во всей полноте присущую ему коварную жестокость и корыстолюбие не только в отношении к христианам, но и по отношению к своим единоверцам-язычникам. Обольстив, при своем воцарении, нужных ему людей

[1] Евсевий: Жизнь Константина, кн. II, гл. 49.

дарами и обещаниями, он начал преследовать и мучить почетных сенаторов, разграбляя их имущество, похищая их жен и дочерей для удовлетворения своих животных страстей, а также страстей и своих любимцев. И был он весьма тяжел и омерзителен для всего Рима по своей жестокости и скверному житию. Римляне, страдая под тяжким его игом, решились тайно искать себе защиты у Константина, прося его прийти и избавить от этого мучителя. Константин прежде всего послал по этому случаю письмо Максенцию, дружески убеждая его прекратить насильнические действия. Но Максенций не только не внял его доброму совету и не исправился, но еще более озлобился. Свое ожесточение он простер до того, что начал готовиться к войне против Константина.

Слыша об этом, Константин в 312 году решился предпринять военный поход против Римского императора: он хотел исхитить Рим из рук злого тирана. Но поход этот представлял трудности неодолимые. — Самому отважному полководцу, любимому войсками, не легко было заставить армию войти с мечом в сердце Италии, внести войну на почву великого Рима, священную для народов того времени: такое предприятие должно было производить потрясающее действие на имперское войско и глубокий ропот неудовольствия. И сам Константин не мог быть свободным от чувства невольного страха, предпринимая этот поход, тем более, что он никогда сам не видал Рима, который мог казаться ему грозным исполином. При том же Константину известно было, что войско его противника было многочисленнее его войска и что Максенций крепко надеется на помощь своих национальных богов, которых он старался умилостивить щедрыми жертвами, даже закланием отроков и отроковиц, — что Максенций ограждает себя и свои войска всяческими чарами и волхвованиями и имеет на своей стороне великую силу бесовскую. Надеяться на одни человеческие силы и средства было недостаточно для Константина, и у него явилось искреннее желание иметь помощь свыше. Размышляя о несчастном состоянии империи, тщетно ищущей защиты у бездушных идолов, о помощи Божией, неоднократно явленной отцу его и ему, о тех политических переворотах, которые совершились на его глазах, о постыдной погибели в короткое время трех лиц, которые разделяли с ним верховную власть в империи, он признал безумием попусту держаться богов не-

существующих и после стольких доказательств оставаться в заблуждении[1].

Среди таких тревожных размышлений Константин начал возносить молитву к Богу отца своего, начал просить Его, чтобы Он вразумил его о Себе, подал ему мужество и простер ему десницу в предлежащем деле[2]. И эта молитва его, как некогда молитва темничного стража (см.: Деян. 16), была услышана — Господь скоро непосредственным явлением утешил его и указал, чтó подобает ему творить. Евсевий, современник события, слышавший о нем лично от царя, повествует:

— Однажды после полудня, когда солнце начало уже склоняться к западу, — говорил царь, — я собственными глазами увидел составившееся из света и лежавшее на солнце знамение креста с надписью: «сим побеждай».

Это зрелище поразило ужасом как самого царя, так и войско, находившееся около него, ибо крест, как позорное орудие казни, у язычников считался дурным предзнаменованием. Константин находился в недоумении и говорил сам себе: что значит такое явление? Но между тем как он размышлял, наступила ночь. Тогда во сне явился ему Христос с виденным на небе знамением и повелел сделать знамя, подобное виденному на небе, и употреблять его для защиты при нападении врагов. Проснувшись, Константин рассказал своим друзьям тайну своего сонного видения, а потом позвал к себе опытных мастеров и, описав им образ чудного знамени, приказал устроить, по подобию этого, хоругвь из золота и драгоценных камней; воинам же своим он приказал изобразить крест на щитах и шлемах. Пораженный дивным видением Константин вместе с тем решился не чтить никакого другого Бога, кроме явившегося ему Христа; — пригласив к себе таинников Его слова — христианских священников, — он спрашивал их: кто тот Бог и какой смысл знамения, какое он видел? Выслушав же их ответ о едином Боге, о тайне воплощения Его Единородного Сына для спасения человеков, о крестной смерти Господа Иисуса, победившего смертную державу, о крестном знамении, явившемся ему, что оно есть знак победный, Константин вполне и созна-

---

[1] Евсевий: Жизнь Константина, кн. I, гл. 27.

[2] Евсевий: Жизнь Константина, кн. I, гл. 36; Лактанций: О смерти гонителей, гл. 44.

тельно в душе своей стал христианином. С того времени он начал усердно заниматься чтением Священного Писания и постоянно имел при себе иереев, хотя и не принял еще святого крещения[1].

«Призвав Бога всяческих и, как помощника и защитника, Христа Его, также поставив пред своими ратниками победную хоругвь с спасительным знамением, Константин выступил со всем своим войском из пределов Галлии в поход против Максенция в Италийскую область»[2].

Поход, предпринятый Константином для освобождения Рима от жестокого тирана, не вразумил последнего. — Злочестивый Максенций, принеся обильные жертвы богам с торжественными церемониями, выслушав предсказания гадателей по внутренностям беременных женщин, с многочисленным войском выступил против Константина; но он не отвратил достойного возмездия своему нечестью. Константин, покрываемый спасительным знамением Креста, после трех встречных столкновений с противником, подступил к самому вечному городу и здесь нанес ему решительное поражение. Максенций, спасаясь бегством через реку Тибр, при разрушении моста погиб, как древний фараон, с отборными своими всадниками в пучине водной. Победитель с торжеством вступил в Рим и встречен был народом с великою радостью. Сознавая, что эта победа дарована Божественною помощью, Константин водрузил на самом людном месте города священную хоругвь, а потом, когда благодарные римляне поставили статую в честь нового императора, велел утвердить в руке своего изображения высокое копье в виде креста и начертать такую надпись: «этим спасительным знамением я освободил ваш город от ига тирана и возвратил римскому народу и сенату прежний блеск и знаменитость»[3].

Став таким образом повелителем всей западной половины Римской империи, Константин первый из цезарей указом (в 313 году) объявил подвластным ему народам полную веротерпимость: язычникам он оставлял право совершать обряды своего богопочитания, а христианам разрешал свободно поклоняться Единому истинному

[1] Евсевий: Жизнь Константина, кн. I, гл. 28–32.

[2] Там же, гл. 37.

[3] Евсевий: Церковная История, кн. IX, гл. 9; Жизнь Константина, кн. I, гл. 40.

Богу. За этим указом последовал целый ряд указов[1], благоприятных Церкви Христовой: запрещена была крестная казнь, отменены были кровавые игрища в цирке; прекращены были языческие жертвоприношения и курения в торжественные дни, установлено празднование воскресного дня с запрещением производства в этот день судебных разбирательств и прекращением работ как свободных граждан, так и рабов; сироты и дети, брошенные родителями, бедные и убогие, которых язычество оставляло без помощи и призрения, приняты были под царское покровительство; по всем городам начались праздники обновления и освящения церквей; везде слышались хвалебные песни и благодарственные молитвы Богу; епископы свободно собирались, чтобы рассуждать о нуждах Церкви. Константин сам иногда присутствовал на этих собраниях, вникал в вопросы, касающиеся веры, и с готовностью делал все, что требовалось для пользы христианского общества. Он освободил священнослужителей от всяких посторонних должностей и от податей, — как свободны были от податей и языческие жрецы, — дабы они могли совершенно посвятить себя служению Богу; он не только возвратил Церкви усыпальницы и все места, отнятые гонителями, но еще даровал для богослужения несколько обширных зданий, называемых базиликами, в которых заседали судьи и которые, по их внутреннему устройству, было легко превратить в церкви; — предоставил право пастырям решать споры и взаимные несогласия между христианами. Нося на своем шлеме, как видимый для всех знак благоговейного почитания Христа Бога, монограмму «Христос»[2], Константин дал своим воинам молитву, которую они должны были читать в воскресные дни и которая, будучи исповеданием сердечной веры самого императора, располагала всех признавать Единого всемогущего Подателя благ и Его помощи искать во всех делах[3].

Благоволение императора вызвало восторг в среде христиан: великой духовной радости исполнились их сердца от вкушения сладости жизни под новым правительством. Современник Евсевий так изображает то время:

---

[1] Евсевий: Церковная История, кн. X, гл. 5 и 6.

[2] Эта монограмма состояла из двух букв — *X* и *P*, из которых первая покрывала вторую.

[3] Евсевий: Жизнь Константина, кн. IV, гл. 19.

— Теперь светлый и ясный день, не омраченный никаким облаком, озарил лучами небесного света Христову Церковь. Мы должны сознаться, что счастье наше выше наших заслуг; мы приведены в величайшее изумление благодатью Виновника столь великих даров: мы достойно дивимся Ему и говорим с пророком: *приидите и видите дела Божия, яже положи чудеса на земли* (слав. Пс. 45, 9). Люди всякого возраста, мужеского и женского пола, всею силою души радуясь, умом и сердцем воссылают молитвы и благодарения Богу[1].

Но между тем, как на Западе христиане таким образом благоденствовали под управлением Константина, совсем иное было на Востоке, где царствовал Ликиний: воспитанный при дворе Диоклетиана, полководец при Галерии, он, достигши цесарского достоинства, в душе ненавидел христиан. Породнившись с Константином, Ликиний в первое время не решался противодействовать своему могущественному шурину[2], — даже подписал изданный последним указ (Миланский) о веротерпимости; но вскоре же, сделавшись после смерти императора Максимина полновластным властелином всего Востока, начал теснить и унижать христиан. Опасаясь потерять свою царскую власть и слушаясь наветов со стороны представителей идолослужения, он закрывал и разрушал христианские храмы под предлогом, будто в них молятся по измене ему о Константине, и требовал от всех, а наипаче от своих войск, языческой присяги и принесения жертв идолам; ослушников же своей воли он подвергал заточению и ужасным истязаниям, доводя их до мученической кончины. В это время между прочим пострадала мужественная дружина — сорок мучеников. Ликиний, впрочем, был жесток не к одним только христианам: и все ему подвластные народы много терпели от его корыстолюбия и злобы. О его подозрительности и жестокости достаточно свидетельствует уже одно то, что он предал смерти жену и дочь своего бывшего покровителя — Диоклетиана и истребил всех детей императоров Максимина, Севера и Галерия. Римская империя, по изображению Евсевия, разделенная на две половины, представляла собою две противоположности дня и ночи: жители Востока объяты были мраком ночи, а жители Запада — озарены светом самого яркого дня.

---

[1] Евсевий: Церковная История, кн. X, гл. 1–3.

[2] Он женился на сестре Константина в 313 году.

Отношения Ликиния к Константину не могли быть и не были приязненными. Ликиний являл в них коварство и двоедушие; он уверял Константина в дружбе, а втайне ненавидел его, старался делать ему всякое зло; козни его не удавались, и не раз между ними начинались раздоры, оканчивавшиеся войнами. Константин оставался победителем, но, обманываемый лживыми уверениями зятя, заключал с ним мир. Однако с течением времени отношения между императорами принимали более и более обостренный характер. Угнетаемые подданные Ликиния и гонимые им христиане не видели конца своим страданиям. Ликиний наконец перестал скрывать свои замыслы против Константина и вступил в открытую борьбу. В 323 году возгорелась жестокая война между ними. Эта война должна была окончательно решить судьбу христианства в Римской империи, обнимавшей собою «всю вселенную».

Оба императора собрали значительные силы и готовились к решительной битве, каждый сообразно с своею верою: казалось, что одряхлевшее язычество ополчилось против христианства, явившегося в мир обновить человечество. — Накануне сражения Ликиний, окруженный жрецами и гадателями, собрал отборных воинов и лучших своих друзей в тенистую рощу, в которой стояли идолы, совершил торжественное жертвоприношение и, обращаясь ко всем тут бывшим, сказал:

— Друзья! Вот наши общественные боги, пред которыми нам надо благоговеть, как нас тому учили предки наши. Начальник же враждебного нам войска, отвергнув отеческие обычаи, принял лживые мнения и прославляет какого-то иностранного, неизвестного Бога. Постыдным знаменем его (Крестом) он срамит свое войско; доверившись ему, он поднимает оружие не столько против нас, сколько против богов. Само дело откроет, кто прав и кто заблуждается, — если мы победим, то ясно, что наши боги — боги истинные; если же одержит верх Бог Константина, нами осмеиваемый, чужестранный бог, то пусть чтут его. Но то несомненно, что наши боги победят, потому смело устремимся с оружием в своих руках на безбожников![1]

Напротив, Константин пред сражением удалялся в свою палатку и там молитвою и постом готовился к бою; в эти решительные ми-

[1] Евсевий: Жизнь Константина, кн. XI, гл. 9.

нуты своей жизни он обращался к своему прошлому, перебирал в памяти события своей жизни, опасности, которым подвергался и которые миновали благополучно для него, — вспоминал постыдную погибель гонителей христианства и мужественно-мирную кончину учеников Христа, и, во всем этом усматривая дивное устроение Всевышнего, поручал самого себя и все свое дело высшему небесному водительству и заступлению. Христиане усердно молились за императора, своего покровителя; священное знамя высилось среди полков Константина и одушевляло надеждою на небесную помощь. С благоговением смотрели войска его на это победное знамя, враги же смотрели на него со страхом; во многих городах Ликиниева царства среди дня видели призраки Константиновых войск, победоносно шествовавших с этим знаменем. Ликиний сам убеждал своих воинов не заглядываться на неприятельскую хоругвь, «ибо, — говорил он, — она страшна своею силою и враждебна нам».

Языческие жрецы и гадатели предвещали победу Ликинию, но Бог даровал ее Константину. Ликиний многократно делал нападения на приближающегося противника, но каждый раз терпел поражения и спасался бегством; притворяясь раскаивающимся, просил мира, втайне же собирал новые ополчения, искал себе помощи у варваров. Наконец морская победа Криспа, сына Константинова, близ Византии, и сражение при Адрианополе окончательно решили успех войны. Ликиний покорился, а через некоторое время был казнен в Фессалониках, так как, сдавшись победителю, составил заговор против Константина. В 323 году Константин сделался единодержавным государем всей Римской империи.

Эта победа над Ликинием еще раз и так осязательно наглядно убедила Константина, что земные блага и успехи даруются почитателям истинного Бога. И вот как он, представляя себя покорным орудием в руках Всевышнего, со смирением воздает славу одному Богу за свои успехи:

— Не будет, конечно, никакой гордости, — говорит он в одном из указов, — хвалиться тому, кто сознает, что благодеяния получил он от Существа Всевышнего. Мое служение Бог нашел и судил годным для исполнения Его воли. Начав от Британского моря, я при помощи какой-то высочайшей силы гнал пред собою все встречавшиеся ужасы, чтобы воспитываемый под моим влиянием род чело-

веческий призвать на служение священнейшему закону и под руководством высочайшего Существа возрастить блаженнейшую веру.

— Я твердо веровал, — прибавляет он, — что всю душу свою, все, чем дышу, все, что только существует в глубине моего ума, — все я обязан принести великому Богу.

Так настроенный в душе своей, Константин после победы поспешил распространить и на христиан Восточной империи те же права, какими пользовались они на западе. И на востоке он запретил приносить от имени императора жертвы идолам; в начальники областей избирал преимущественно христиан; заботился об обновлении и построении церквей; возвращал верным имущества, отнятые во время гонений.

— Кто потерял имущество, — говорилось в одном указе, — проходя неустрашимо и бестрепетно славное и Божественное поприще мученичества, или сделавшись исповедником и стяжав себе вечные надежды, кто утратил их, быв принужден к переселению, потому что не соглашался уступать гонителям, требовавшим предательства веры — имения всех таковых повелеваем отдать.

В случаях, когда не оказывалось близких родственников, отнятые у христиан имущества передавались местным церквам; частные же лица, у которых отбиралось мученическое достояние, получали вознаграждение от царской казны. Христианские чувства Константина особенно полно и характерно выражены были в его рескрипте к областным начальникам:

— Теперь, — так он обращается здесь к Богу, — молю Тебя, великий Боже! Будь милостив и благосклонен к восточным Твоим народам; и чрез меня, Твоего служителя, даруй исцеление всем областным правителям... Под Твоим руководством начал я и окончил дело спасения; предནося везде Твое знамя, я вел победоносное войско; и куда призывала меня какая-нибудь общественная необходимость, следовал за тем знамением Твоей силы и шел на врагов. Потому-то и предал я Тебе свою, хорошо испытанную в любви и страхе, душу, ибо искренно люблю Твое имя и благоговею пред силою, которую явил Ты многими опытами и которою укрепляешь мою веру... Хочу, чтобы народ Твой наслаждался спокойствием и безмятежностью; хочу, чтобы, подобно верующим, приятности мира и тишины вкушали и заблуждающиеся, ибо такое восстановление общения может

и оных вывести на путь истины. Пусть никто не беспокоит другого... Люди здравомыслящие должны знать, что только те будут жить свято и чисто, кого Ты Сам призовешь почить под святыми Твоими законами; а отвращающиеся пусть, если угодно им, владеют жребием своего лжеучения... Никто да не вредит другому; что один узнал и понял, то пусть употребит, если возможно, в пользу ближнего; а когда это невозможно, должен оставить его, ибо иное дело — добровольно принять борьбу за бессмертие, а иное — быть вынужденным к ней посредством казни... Удаляя совесть от всего противного, воспользуемся все жребием дарованного блага, то есть благом мира[1].

Став единодержавным властелином всей Римской империи и объявив веротерпимость «во всей вселенной» (см.: Лк. 2, 1), Константин, однако, не был «теплохладен» (см.: Откр. 3, 15) в своей царственной жизни. Отказавшись от язычества и став во главе христианского общества, он в христианстве видел важнейшую опору империи, основной залог могущества и преуспеяния государства, которое, по его мысли, должно пролагать путь к свободному, без насилий, водворению Царства Божия на земле, — указывать и давать средства для воспитания и усовершенствования человеческого рода в духе Христовом. Константин, как явный покровитель христиан, был мало любим в Риме, где оставалось еще много обычаев и нравов языческих. И сам он не любил Рима с его Пантеоном, куда, так сказать механически, были собраны языческие боги всех покоренных народов, и редко и неохотно посещал старую столицу. И римляне, благодарные освободителю за избавление от тирана (Максенция), не понимали и не могли по достоинству оценить деятельности императора; в нем они усматривали нарушителя старо-народных своих порядков, врага своей религии, тесно связанной с политическим величием Рима. Их неудовольствие и ропот, даже заговоры и — иногда явные возмущения были причиною того, что в уме Константина зародилась и созрела мысль создать себе новую столицу, город христианский, который бы ничем не был связан с язычеством. Константину полюбилось положение Византии, древнего небольшого городка на берегах Босфора, ознаменованного к тому же морской победой над Ликинием, и он избрал его и сделал новою столицей империи; он сам с торжественным ходом обозначил на дальнем про-

[1] История Православной Церкви, изд. 1892 г. Победоносцева, стр. 73–74.

тяжении границы нового города и начал обстраивать его великолепными зданиями. Обширные дворцы, водопроводы, бани, театры украсили столицу; она наполнилась сокровищами искусства, свезенными из Греции, Италии и Азии. Но уже не строились в ней храмы, посвященные языческим богам, и вместо Колизея, где происходили бои гладиаторов, был устроен цирк для конских состязаний. Главным украшением нового города были храмы, посвященные истинному Богу, в устроении которых принимал живое участие сам царственный покровитель христиан. Его попечительность простиралась на этот раз не только на великолепие домов молитвы, но даже, например, на такие незначительности — по его высокому сану: с построением новых церквей в столице ощутился недостаток богослужебных книг, и царь озаботился наискорейшим изготовлением их, — епископу кесарийскому Евсевию было снаряжено нарочитое посольство с наказом, чтобы «отличные писцы написали на обделанных пергаментах пятьдесят экземпляров книг» и чтобы свитки эти доставлены были ему, а «вознаграждение кого следует за труд он оставил за собою»[1]. По его же распоряжению в столичных церквах богослужебные книги должны были содержаться в пристойно-богатых переплетах.

Проникнутый глубоким религиозным чувством, Константин в новой столице устроил и свою обыденную жизнь сообразно с требованиями благочестия и святости. Самый дворец было явным отображением его христианского настроения. «В царских чертогах было устроено подобие церкви Божией, и император своим усердием к благочестивым упражнениям подавал пример для других; он ежедневно в определенные часы заключался в недоступных покоях и там наедине беседовал с Богом, в молитвах преклоняя колена, и испрашивал себе потребное, а иногда он приглашал к участию в молитвах и своих придворных. С особым благоговением он проводил день воскресный и пятницу — день крестной смерти Господа Иисуса; в эти дни прекращал обычные занятия и посвящал себя на служение Богу. Дворец Константина таким образом представлял совсем не то, что́ были дворцы прежних римских цезарей: здесь не слышалось празднословия и коварных интриг, не было шумных, суетных нередко кровавых увеселений; здесь слышались «гимны сла-

[1] Евсевий: Жизнь Константина, кн. III, 1.

вословия Богу». Собеседниками царя были «таинники Божия Слова» — епископы и священники — служителями его и стражами всего дома были мужи, украшенные чистотой жизни и добродетелью; самые копьеносцы, телохранители руководились примером благочестивого царя. Христианин — хозяин дворца налагал на все христианскую печать. В главном чертоге в золоченом углублении потолка устроено было изображение Креста из драгоценных камней в золотой оправе. Над дверью, ведшею в царские палаты, «на виду для всех» была утверждена раскрашенная картина, сделанная из воска. Картина эта представляла следующее: лик императора, над головой его — крест, а под ногами — дракон, низвергаемый в бездну; смысл же картины этой таков: *дракона* — врага рода человеческого, в лице гонителей христианства — языческих императоров *Константин низверг* в бездну погибели спасительной *силой Креста*. Картина эта каждому внушала, что хозяин его — почитатель истинного Бога, крестною смертью Своего Сына даровавшего новую жизнь человечеству.

Новая христианская столица, получившая название по имени своего устроителя, — «град царя Константина», Константинополь, занимавшая серединное место между прежних столиц империи — Рима и Никомидии, как некогда Иерусалим — «град царя Давида», не принадлежавший исключительно ни одному колену израильскому[1], по своему счастливому географическому положению, и врученная покровительству Божией Матери, быстро расцвела и затмила славу и величие не только пышной Никомидии, но и самого великого Рима. И подобно тому, как в древности Давид, водворившись в Сионе, смущался тем, что он «живет в доме кедровом», а «Кивот Завета остается под кожами» (см.: 2 Цар. 5, 9; 7, 2; 2 Пар. 17, 1 и дал.), так теперь Константин, поселившись в прекрасной Византии, не мог оставаться равнодушным к поруганной «колыбели[2] христианства» — месту земной жизни Господа Иисуса, Его страданий, смерти и воскресения. Благоговея пред знамением Креста, он пожелал прославить самое «живоносное Древо, на нем же распялся Царь и Господь».

---

[1] *Гора Сион* с крепостью *Иевусом (Иерусалимом)* высилась на границах колен Иудина и Вениаминова; отнятая Давидом у хананейского племени иевусеев, она стояла как бы вне пределов коленного разделения земли обетованной.

[2] «Вся религия наша имеет родину в этой стране (Палестине) и в этом городе (Иерусалиме)» — выражение блаженного Иеронима. Творения, т. II, стр. 5.

Но, как воин и, притом, проливший много крови, он почитал себя недостойным совершить тó самолично. Это благочестивое намерение императора привела в исполнение его равночестная мать, царица Елена, которую он отпустил в Иерусалим, снабдив ее полномочием и богатыми дарами.

Елена, как повествует Евсевий[1], эта стáрица с юношескою быстротою устремилась на Восток, чтобы совершить должное поклонение стопам Господа, — по слову пророка: *поклонимся подножию ног Его* (Пс. 131, 7). В стране священной, ознаменованной дивными событиями, где все напоминает о «великой Тайне благочестия — явлении Бога во плоти», наглядно проявилось величие смиренной души царственной старицы; там святая Елена не облачалась в свойственные ее сану одеяния, а в самой скромной одежде вращалась она среди народной толпы, стараясь быть неузнанной, раздавала щедрую милостыню; подражая Господу Иисусу, свое самоуничижение она простирала до того, что в своем доме собирала девственниц, угощала их и сама служила за столом в виде простой рабыни[2]. Пример искреннего благочестия царицы производил глубокое впечатление не только на верующих во Христа, но и на неверующих.

Пребывание царицы-матери в «колыбели христианства» ознаменовалось и исполнением предначертаний ее царственного сына. В Палестине все места, освященные евангельскими событиями, уже давно подверглись опустошению. Язычники, по ненависти к христианству, постарались изгладить самую память о них; самое дорогое место для верующего христианского сердца — пещера гроба Господня была засыпана мусором и сокрыта таким образом от благоговейных взоров; мало того, как бы в насмешку над «Распятым Богом» и Его почитателями, на холме, насыпанном поверх святой пещеры, построено было капище «сладострастному демону любви» (Венере). По указаниям Елены, идольские капища, поставленные на местах, священных для христиан, были разрушены и вместо них сооружены святые храмы. Так прекрасные церкви построены были по желанию и на средства царицы, в Вифлееме над пещерой Рождества Христова, на горе Елеонской — месте Вознесения Господня; храмами

[1] Евсевий: Жизнь Константина, кн. III, 42.

[2] Церковная история Руфина, кн. I, 8.

украшены были Гефсимания — место успения Пресвятой Богородицы, место явления Бога Аврааму у дуба Мамврийского.

Но главнейшею заботою царственной старицы было осуществить мысль ее великого сына, отыскать то самое Древо, на котором был распят Спаситель мира.

Место, где сокрыт был Крест Господень, было неизвестно; к отысканию его благочестивая Елена употребила с своей стороны все средства и свое царское влияние. И после долгих усиленных опросов и исканий место это указано было некиим Иудою, евреем, преклонных лет старцем, сыном иудейского учителя, — указано под языческим капищем, построенным на холме, покрывавшем пещеру гроба Господня. По приказанию царицы, мерзкая Венера была низвергнута, ее капище немедленно разрушено; святитель Иерусалимский Макарий совершил молитву на поруганном месте; приступили к расчистке возвышенности. И благочестивая ревность получила дивное подкрепление: трудившиеся, копавшие землю верные обоняли воню благоухания, исходившую из-под земли. Ревность о славе имени Христова побуждала работавших, согласно желанию блаженной Елены, относить материалы разрушенного языческого храма и весь мусор из-под него как можно дальше от места погребения Господа Иисуса, чтобы таким образом ничто оскверненное идолослужением не прикасалось великой христианской святыни. Пещера гроба Господня была найдена и очищена; близ нее, на восточной стороне, обретены были три креста и подле них доска с надписью и честны́е гвозди. — Но как было узнать, которой из трех крестов был крестом Спасителя? — Общее недоумение по этому делу разрешилось, по устроению промысла, чрез такое чудесное событие: случилось, что мимо этого места в то время проносили для погребения мертвеца; святитель Макарий велел остановиться проносившим покойника; стали полагать, по совету епископа, найденные кресты по одному на умершего; и, когда возложен был Крест Христов, мертвый воскрес. Все, видя это чудо, возрадовались и прославили дивную силу животворящего Креста Господня. Ста́рица-царица с благоговением поклонилась честному Древу и облобызала его. А так как при множестве народном невозможно было, по примеру царицы, каждому порознь воздать должное почтение обретенному кресту, то святитель Макарий, удовлетворяя общему желанию — хотя бы из-

дали видеть святыню, благочестно подъяв ее и став на возвышенном месте, сотворил воздвижение Креста Господня пред взором множества верных, которые в то время велегласно восклицали: «Господи, помилуй!» Это было первое Воздвижение честного и животворящего Креста; совершилось оно в 326 году. Православная Церковь празднует это событие ежегодно 14 сентября[1]. Многие из язычников и иудеев тогда обратились ко Христу; в числе обратившихся был и тот Иуда, который указал место, где хранился святой Крест[2]. Святой Крест потом положен был в серебряный ковчег для сохранения; в Великую пятницу он выносим был на Голгофу (в построенном вскоре храме, где он хранился) для поклонения. Но частицу живоносного Древа святая Елена, оставляя Иерусалим, взяла с собою в дар сыну своему Константину. Прожив после того недолгое время, блаженная царица-мать скончалась и была честно погребена.

Получив от матери, блаженной Елены бесценное сокровище — частицу святого Креста, Константин решил украсить пещеру гроба Господня и подле нее построить такой храм, который был бы «великолепнее всех храмов, где либо существующих»... «Пещеру как главу всего, — по словам Евсевия, — христолюбивая щедрота царя одела отличными колоннами и многочисленными украшениями. Из пещеры был выход на обширную площадь под открытым небом. Эта площадь выстлана блестящим камнем и с трех сторон ее охватывали непрерывные портики». А с какою поразительною внимательностью христианин-царь относился к построению храма на восточной стороне пещеры, об этом всего лучше дают понятие следующие строки из письма Константина к Иерусалимскому святителю Макарию: «Что касается до возведения и изящной отделки стен храма, то знай, что заботу об этом я возложил на правителей Палестины. Я озаботился,

---

[1] В праздник Воздвижения честного Креста — день постный — богослужение Православной Церкви посвящается прославлению Креста Господня, воспоминаниям крестной смерти Спасителя; на всенощном бдении после великого славословия совершается торжественно вынос Креста священнослужителями из алтаря на средину храма и здесь бывает поклонение ему. Особенною торжественностью отличается обряд воздвижения Креста в кафедральных храмах, совершаемый епископами при многократном возглашении клира: «Господи, помилуй».

[2] *Иуда*, по крещении — *Кириак*, был впоследствии патриархом Иерусалимским и претерпел мученическую кончину при Юлиане Отступнике. Память его — 28 октября.

чтобы их попечением немедленно доставляемы были тебе и художники, и мастера, и все необходимое для постройки. Что же касается до колонн и мраморов, то какие признаешь ты драгоценнейшими и полезнейшими, — рассмотри обстоятельно, и нимало не медля пиши мне, чтобы из твоего письма я видел, сколько каких требуется материалов, и отовсюду доставил их. Сверх того хочу знать, какой нравится тебе свод храма — мозаический или отделанный иначе. Если мозаический, то прочее в нем можно будет украсить золотом. Твое преподобие пусть в самом скором времени известит упомянутых правителей, сколько потребуется мастеров и художников и сколько издержек. Постарайся также немедленно донести мне не только о мраморах и колоннах, но и о мозаике, какую признаешь лучшей». Константин между прочим сам придумал, что храм хорошо будет украсить двенадцатью — по числу апостолов — колоннами, на верху которых находились бы вылитые из серебра вазы. Неудивительно поэтому, что храм этот представлял собою чудо красоты и видом своим приводил в восторг современников. Евсевий историк между прочим так описывает этот памятник благочестивой ревности первого христианского императора:

«Базилика (храм) — здание чрезвычайное, высоты неизмеримой, широты и длины необыкновенной. Внутренняя сторона его одета разноцветными мраморами, а наружный вид стен, блистающий полированными и один с другим сплоченными камнями, представляется делом чрезвычайно красивым и нисколько не уступает мрамору. Куполообразный потолок украшен дивною резьбою, которая, распространяясь подобно великому морю над всею базиликою взаимно связанными дугами и везде блистая золотом, озаряет весь храм будто лучами света. Главный предмет всего — полукруг, расположенный на самом краю базилики (на восточной стороне), по числу двенадцати апостолов увенчан двенадцатью колоннами, вершины которых украшены большими вылитыми из серебра вазами — прекрасным приношением Богу от самого царя».

Но благочестивый царь не ограничивался в своем отношении к христианству только попечительностью о внешнем его возвеличении; его озабочивала и внутренняя жизнь Христовой Церкви. Церковь, по мысли Константина, должна служить важнейшею опорою жизни государственной; религиозное единство должно быть могучим

залогом преуспеяния империи. Церковь, блистая величием и внешним благолепием, своим внутренним миром должна привлекать к себе языческое население, постепенно обращая все государство в один внутренно-сплоченный организм, оживотворяемый Единым Духом Христовым. Такое единство и благостояние Церкви «давали заботливому царю мирные дни и спокойные ночи», в том он видел счастье и свое, и всех подвластных ему народов мира.

Не всегда, однако, и не легко давались великому императору эти «мирные дни и спокойные ночи». В его время Церковь Христова, увенчанная уже победным венцом мученичества и получившая право гражданского существования даже с преимуществами пред язычеством, возмущаема была внутренними нестроениями, зародившимися и созревшими еще в тяжкую годину гонений. Едва воцарился Константин в Риме, как с удивлением и скорбью узнал он, что целая область его империи обуревается междоусобием чад Единого Отца. — Среди христиан в Африке возгорелась борьба из-за поставления епископом Карфагенским Цецилиана — «предателя»[1]; его противники избрали себе епископом Маиорина, а вскоре — по смерти Маиорина — возвели на его место главного зачинщика своего противления Доната[2]. Приверженцы последнего — «донатисты», сблизившись с «новацианами»[3], утверждали, что только они составляют Церковь Христову и в исступленном фанатизме не стеснялись возводить клеветы на своих противников, даже насильно отнимать у них храмы; дело доходило нередко до кровопролития между враждующими сторонами. Для примирения их и рассмотрения их взаимных жалоб Константин сначала посылал в Карфаген своего «любимого и уважаемого» епископа Осию[4], поручая ему в то же время раз-

---

[1] Такое наименование усвоялось христианами во время гонений тем, кто по страху выдавал язычникам предметы своего религиозного почтения: о Цецилиане говорили, будто он выдал гонителям священные книги, — оговор этот оказался ложным.

[2] *Донат* был пресвитером в Карфагене.

[3] *Новациане* учили, что падших во время гонений и вообще согрешающих тяжко — «смертно» нужно принимать в общение с Церковью не через покаяние, а через повторное крещение.

[4] *Осия*, родом из Испании, епископствовавший более пятидесяти лет, в Диоклетианово гонение прославился как исповедник за Христа. Он был епископом Кордубы. Император Константин призвал его к своему двору и окружил его лю-

дать денежную помощь тамошним бедствующим христианам[1]; потом по именному приказанию императора по делу донатистов собраны были два собора: малый — в Риме и «из многих епископов разных мест» — в Арелате[2]. Суд, произнесенный на непокойных раскольников этими соборами, подтвержден был наконец в Милане в 316 году под личным председательством Константина, и дело, по-видимому, уладилось.

Но чем более благочестивый царь знакомился с наличным положением христианства, тем менее оно оправдывало его идеальное представление о святом единстве чад Христовой Церкви. Дело донатистов, обеспокоившее Константина на первых шагах его царствования, имело значение не столько по существу, сколько по страстности борцов. В 323 году после победы над Ликинием, сделавшись единовластителем всей империи, Константин шел на Восток, проникнутый искренним желанием перестроить все государство заново, на лучших, более твердых началах. В своих планах он первое место отводил христианской церкви, которая, по его мысли, должна была духовно объединить политически сплоченную мировую империю. Но там, на Востоке, его постигло разочарование более жестокое, чем на Западе. Он прибыл сюда в такое время, когда споры, возбужденные ересью Ария[3], ничем не сдерживаемые, достигли крайнего сво-

---

бовью и доверием. В христианском обществе тогда широко было распространено мнение о сильном влиянии на Константина этого любимого им советника (Церк. Ист. Сократа 1, 7).

[1] Евсевий: Церковная История, кн. X, 6.

[2] Там же, кн. X, 5.

[3] *Арий* богохульно учил, что Иисус Христос не есть Бог вечный и безначальный, что Он не единосущен Отцу и есть Его творение, — было время, когда Его не было. Арий получил богословское образование в Антиохии в школе мученика Лукиана; став пресвитером в Александрии, он там обратил на себя общее внимание как умственными дарованиями, так и своею строго воздержною жизнью. Гордый умом и ученостью, Арий не внимал вразумлениям и увещаниям своего епископа Александра; не покорился он и собору, созванному епископом и осудившему его. Мало того, обольщая клир и народ своим красноречием, он постарался перебросить плевелы своего лжеучения и за пределы своей Поместной Церкви. Имея немалочисленных приверженцев, он отправил посольство с жалобой ко многим епископам восточных церквей. Там нашлись у него сторонники, во главе которых оказался Евсевий Никомидийский, ранее знакомый с Арием по школе Лукиана, — «муж ученый», притом же родственник царской фамилии и потому

его развития. Евсевий так изображает это время: «Не только предстоятели церквей вступали друг с другом в прения, но и народ разделился; ход событий дошел до такого неприличия, что Божественное учение подвергалось оскорбительным насмешкам даже в языческих театрах». Время это было благоприятно для деятельности хулителей Божества Господа Иисуса Христа. Ликиний — шурин Константина, отживавший тогда последние годы своего царствования, подписавший некогда с Константином миланский указ о веротерпимости, подозрительно относился к христианам вообще, как людям, в отношении к нему неблагонадежным, ненавидел и даже жестоко гнал их. Во взаимных же их раздорах, вызванных арианскою ересью, он мог усматривать явление желательное, полезное для себя. Споры эти, ослабляя силы Церкви, могли порождать у него надежду на поддержку ему в его замыслах против могущественного шурина. И такие расчеты Ликиния были не напрасны. О епископе Евсевии Никомидийском сам Константин, например, отзывался так: «Он даже подсылал ко мне соглядатаев и подавал тирану (Ликинию) чуть не вооруженную помощь»[1].

Прибыв в Никомидию, Константин глубоко поражен был раздорами, возбужденными арианством. Впрочем, он не сразу понял важность этих событий. И сам он и прибывшие с ним с Запада таинники Божественного учения получали здесь одностороннее освещение дела Ария от никомидийцев, которые в догматических вопросах видели не предмет благочестивой веры, имеющий жизненное значение, а область научного исследования, и даже пустого словопрения.

человек влиятельный. Евсевий, епископ столицы (это было еще тогда, когда жив был император Ликиний, резиденцией которого была Никомидия), не признал авторитета суда Александрийского епископа. В письме Арию он отвечал: «Прекрасно мудрствуя, желай, чтобы все так мудрствовали, потому что всякому ясно, что сотворенного не было, пока оно не приведено в бытие; приведенное же в бытие имеет начало». Епископ Александрийский оказался поэтому в печальном положении; около 318 года Александр решился на крайнюю меру: — созвал собор из ста епископов; отлучил Ария и его приверженцев от Церкви; изгнал богохульника из Александрии и в окружном послании объявил о том по всем церквам (см. Богосл. Вест. 1906 г. Декабрь: А. А. Спасского, стр. 584). Мера эта еще более распалила арианские споры и разнесла их пламя по всему Востоку. Дело Ария теперь утрачивало местный характер и получало общецерковное значение.

[1] Богословский Вестник. 1906 г. Дек., стр. 594.

Тем не менее Константин не оставил без внимания арианского дела; на первых порах он отправил обширное примирительное послание в Александрию с убедительною просьбою к епископу Александру и Арию прекратить взаимный раздор. По мнению царя, не прав был и епископ по своей неосторожности и резким вопрошениям, виноват и Арий, что расторг общение, не покоряясь епископу; он рекомендует обоим взять пример с философов, которые, хотя и спорят между собою, но уживаются мирно. Притом же оба они стоят на общей почве: оба признают Божественное провидение, а потому им легко примириться[1]...

Вместе с этим посланием Константин отправил в Александрию своего любимого епископа Осию, который должен был исследовать это дело на месте и содействовать умиротворению александрийцев. Осия исполнил поручение императора. — Правда, он не примирил противников, зато из расследования споров он вынес убеждение, что ересь Ария — не праздное пустословие, а угрожает потрясением основ христианской веры — ведет к отрицанию всего христианства. В 324 году Осия Кордубский возвратился к царю и разъяснил ему серьезную опасность арианского движения. Тогда Константин решился созвать Вселенский собор, который, по его мнению, оставался единственным средством к умиротворению Церкви. По мысли царя, собор этот, «выступая войною против главного врага», возмущавшего тогда мир Церкви, хульной арианской ереси, должен был рассмотреть и другие вопросы и дать ответы — определения по устроению внутренней жизни христиан[2].

Вселенскому собору властью Царя определено быть в городе Никее[3]. Константин сделал все, чтобы облегчить созываемым еписко-

---

[1] Евсевий: Жизнь Константина, кн. II, гл. 64–72.

[2] Там же, кн. III, гл. 17; кн. V, гл. 6.

[3] *Никея*, ныне *Исник* — бедное селение, тогда была обширным и богатым городом, — главным в вифинской приморской области; с морем она сообщалась посредством озера и была одинаково хорошо доступна с моря и суши; там был обширный императорский дворец и находилось много зданий, где свободно могли поместиться собравшиеся на собор епископы и клирики; Никея отстояла всего на двадцать миль от Никомидии, тогдашней резиденции императора, которому таким образом представлялось большое удобство для участия в соборе. На избрание Никеи местом собора, по намеку Евсевия, повлияло будто и самое ее имя — «победа» (в русском переводе). Евсевий: Жизнь Константина, кн. III, гл. 6.

пам путешествие к месту собрания, содержание же прибывших в Никею он принял на счет государства. В Никею прибыли святители из Египта и Палестины, из Сирии и Месопотамии, из Малой Азии, Греции, Персии и Армении и от Задунайских Готфов; из Рима, вместо престарелого епископа, прибыли два пресвитера. Среди собравшихся святителей были: престарелый Александр Александрийский, первый обличитель Ария, привезший с собою архидиакона Афанасия, мужественного и искусного борца с арианами (впоследствии великого архиепископа Александрийского), святитель ликийского города Мир Николай, святитель Спиридон чудотворец. Всего на собор прибыли (с епископами были пресвитеры и диаконы) более двух тысяч человек и одних святителей было триста восемнадцать).

Собор открылся в июне 325 года в обширной палате царского дворца. Скамьи стояли вокруг комнаты для епископов, а посреди — стол, на котором лежала книга Священного Писания, как верное свидетельствование истины. Когда все собрались, явился Константин во всем величии своего императорского сана, но без вооруженной стражи, в сопровождении придворных из христиан, облеченный в самые пышные царские одежды, блиставшие золотом и драгоценными камнями. Появление его поразило собрание и особенно тех из присутствовавших на нем, которые, прибыв из дальних стран, никогда не видали ни его царского лица, ни царственного величия; но и сам он смутился при виде такого собрания славных пастырей Церкви Христовой, среди которых находились строгие подвижники и чудотворцы, исповедники и мученики с обожженными руками и прободенными очами[1], пострадавшие за веру. Молча, с поникшим взором, подошел он к приготовленному для него золотому креслу и стоя ждал, пока святители не пригласили его сесть. Выслушав затем приветственно-благодарные речи Евстафия Антиохийского и историка Евсевия Кесарийского, Константин сам обратился к собранию с речью, в которой выражал свою радость, что видит такое великое

[1] Число отцов собора не одинаково показывается историками; Евсевий (Жизнь Константина, кн. III, 8), например, насчитывает их до двухсот пятидесяти; святой Афанасий Александрийский в своих сочинениях, и сам император говорит о трехстах. Цифра триста восемнадцать названа святым Афанасием в одном его послании к Африканской Церкви; в своем греческом начертании — ТІН — она напоминает крест Иисуса, потому и принята в общее употребление, так что и Никейский собор получил название — Собор трехсот восемнадцати Отцов.

собрание отцов, и умолял их разрешить миролюбиво спорные вопросы. «Бог помог мне, — говорил он, — низложить нечестивую власть гонителей, но несравненно прискорбнее для меня всякой войны, всякой кровопролитной битвы и несравненно пагубнее внутренняя междоусобная брань в Церкви Божией».

Ариане шли на собор и держали себя на нем смело и уверенно; они не предвидели, что их делу предстоит полный и всесторонний разгром; напротив, они ожидали в своих замыслах счастливого успеха: — они имели на своей стороне до семнадцати епископов; во главе их был столичный архиерей, имевший связи во дворце царском. Ариане надеялись, что собор, если и не согласится с их воззрениями, то и не придаст их строгому осуждению.

Арий упорно защищал свое учение, употребляя всю силу своего красноречия. Но непоколебимая, убежденная преданность истинному церковному учению отцов собора посрамила лживую премудрость богохульника. Защитники православия хорошо понимали, в чем состоит сущность арианской ереси, и достойно с глубоким религиозным чувством и истинно просвещенным разумением опровергали ее. Особенною силою слова и меткостью в изобличении еретического буесловия отличался при этом александрийский диакон Афанасий: его слово расторгало, как легкую паутину, хитрословесие еретика. Споры были жаркие и продолжительные; тщетно Константин употреблял свое влияние, чтобы согласить спорящих и привести к дружелюбному решению спора; чем далее продолжались прения, тем очевиднее становилось, как далеко уклонились ариане от истины. Предложенное собору Евсевием Никомидийским — главою ариан — изложение веры, где определенно выражалась мысль, что Сын Божий есть «произведение», «тварь», и «было время, когда Его не было», единодушно было отвергнуто отцами собора как лживое и нечестивое — самый свиток, на котором оно было написано, был разорван.

Бесповоротно осудив таким образом арианство, отцы собора решили дать верующим точное исповедание православного учения — Символ веры. Евсевий, епископ Кесарийский, представил их вниманию «крещальный символ», который с давнего времени употреблялся в его Церкви и был изложен почти исключительно выражениями, взятыми из Святого Писания. Отцы встретили этот символ с одобрением; но чтобы с решительностью устранить возможность

вкладывания в него еретической мысли, они признали нужным заменить некоторые общие выражения в нем такими, которые бы в совершенстве определяли церковную истину. Присутствовавший на соборе император присоединился к отцам в одобрении Кесарийского символа и исповедал свое полное согласие с ним; но с тем вместе Константин предложил внести в символ формулу, на которой останавливались вожди Церкви еще на предварительных совещаниях для выражения церковной мысли о Сыне Божием и Его отношении к Богу-Отцу, — наименование Его «единосущным» Отцу. Слово, сказанное царем, единодушно было принято собором и послужило определительною основою учения о Лице Господа Иисуса, центрального христианского догмата.

Символ «крещальный» был исправлен и собором изложен новый Никейский Символ веры, непререкаемый для всей Вселенской Церкви.

Заключительное торжественное собрание отцов в Никее состоялось в императорском дворце 25 августа 325 года; оно совпало с двадцатилетним юбилеем царствования Константина[1].

Отпуская отцов собора, Константин в прощальной речи к ним умолял их иметь мир между собою.

— Берегитесь, — говорил он, — горьких между вами споров. Пусть никто не имеет зависти к явившим особенную мудрость: достоинство каждого — считайте общим достоянием всей Церкви. Высшие и превосходные, не смотрите высокомерно на низших: Богу одному ведомо, кто превосходнее. Совершенство редко где бывает, и надо иметь снисхождение к слабейшим братиям; мирное согласие дороже всего. Спасая неверующих, помните, что не всякого можно обратить ученым рассуждением, — научения надобно сообразовать с различными расположениями каждого, подобно врачам, применяющим свои лекарства к различным болезням.

Исполнилось, таким образом, заветное желание благочестивого императора, которое он исповедал, однажды даже приводя Самого Бога во свидетели, — желание — «учение всех народов его державы о Божестве соединить в один общий строй». Великая мысль, подсказываемая царю его святым религиозным чувством, осуществление которой он ставил для себя жизненной задачей с задушевным

[1] Евсевий: Жизнь Константина, кн. III, гл. 15.

желанием[1], — эта, поразительная по возвышенности содержания и широте объема, мысль Великого Константина теперь введена была в общее сознание, стала достоянием всего христианского мира. Мало того — для осуществления этой мысли в христианской жизни благочестивый царь указал и вернейший путь — Вселенский собор, — шествуя по которому овцы пажити Христовой, как уже званные, так и иные — еще не званные, по благодати Божией, безошибочно входят во двор небесного Отца для истинной жизни (см.: Ин. 10, 9). И это истинно-победное торжество равноапостольного царя еще возглавилось тогда же отрадным для него получением бесценного сокровища, частицы животворящего Креста Господня, привезенной из Иерусалима ему в дар матерью царицей Еленой.

Константин жил после того еще более десяти лет и во все это время своего царствования с неизменною верностью держался Никейского исповедания веры[2], и ревностно старался утверждать дух христианского благочестия в своем царстве, в себе самом представляя пример, достойный подражания. Обладая основательным общим образованием и богословским в частности, он вел обширную переписку с предстоятелями церквей по предметам веры и благочестия и устроения христианской жизни, а нередко в своем дворце выступал перед собранием царедворцев и народа даже с «боголепным» учительством[3]. Трудолюбие его было необычайно, праздности он не терпел: уже и в преклонном возрасте он не почитал бременем для себя даже собственноручно писать обширные законодательные акты[4]. Правдиво-великодушный по природе своей и скромный, он не прельщался своим царским величием и шумными восторгами народной толпы, — эти восторги наводили на него даже скуку. Стоя на высоком уровне нравственного развития, Константин хотел поднять до того же уровня и всех, которые приходили в соприкосновение с ним. Так однажды некоего вельможу-лихоимца он вразумил таким способом: пригласив к себе, он взял его за руку и сказал:

---

[1] Евсевий: Жизнь Константина, кн. III, гл. 65.

[2] Арианская ересь и после собора не замерла окончательно. Ариане при своей лукавой изворотливости входили иногда в доверие царя и, злоупотребляя его великодушием и миролюбием, производили по временам непристойные нападки на православных; особенно святой Афанасий Великий много терпел от них.

[3] Евсевий: Жизнь Константина, кн. IV, гл. 55.

[4] Там же, гл. 47.

— До каких пределов мы будем простирать свою алчность?

Потом промолвил, очертив копьем пространство в рост человека:

— Если бы ты приобрел все богатства мира и овладел всеми стихиями земли, и тогда не воспользуешься ничем более такого куска земли, да и то — еще удостоишься ли получить и это![1]

Другой пример: выслушав льстивую речь одного почетного лица (из духовных), которое называло царя «блаженным» и выражало, что «он и в сей жизни удостоился самодержавного над всеми владычества и в будущей станет управлять вместе с Сыном Божиим», Константин ответил ласкателю:

— Ты лучше помолись о царе, чтобы и он в будущей жизни удостоился быть рабом Божиим[2].

Благотворительность царя лилась широким потоком по свидетельству современника, «с утра до вечера он изыскивал, кому бы оказать благодеяние»[3]; нищих и вообще людей, выброшенных на улицу, он снабжал и деньгами, и пищей, и приличной одеждой; о детях осиротевших он заботился вместо отца; дев, лишившихся родителей, устроял в замужество, снабжал их приданым из своей казны[4]. Особенно много делал он благотворений в день Пасхи. В новой своей столице Константин ввел обычай, чтобы в пасхальную ночь по всем ее улицам возжигались высокие восковые столбы — «как бы огненные лампады», так что таинственная ночь становилась светлее самого дня, а лишь только наступало утро, Константин ко всем неимущим простирал свою десницу, раздавал им подарки[5]. С такой же щедростью царь раздавал милостыню и по случаю своих семейных радостных событий, например — брака его сыновей; в последних случаях устроялись роскошные пиры и обеды для приглашенных гостей, веселье тогда из дворца выносилось даже на улицу, царь приветливо принимал хороводы женщин. Но при царе всегда и во всем соблюдалась полная благопристойность и не допускалось ничего нескромного и соблазнительного[6].

---

[1] Евсевий: Жизнь Константина, кн. IV, гл. 30.

[2] Там же, гл. 48

[3] Там же, гл. 27.

[4] Там же, кн. I, гл. 43.

[5] Там же, кн. IV, гл. 22.

[6] Там же, гл. 49.

Последние годы и особенно дни жизни царя Константина и его кончина были достойным завершением его христианской благочестивой настроенности. Еще задолго до смерти Константин начал готовиться к ней. В новой своей столице он построил храм во имя святых апостолов. Храм этот украшен был между прочим двенадцатью ковчегами во славу лика апостольского, а посреди этих ковчегов устроена была гробница. Сначала оставалось неясным, для чего здесь устроена была гробница, а потом это разъяснилось и оказалось, что эту гробницу благочестивый царь устроил для самого себя[1]. Мысль о смерти стала для Константина предметом напряженного размышления, как только он начал чувствовать упадок своих физических сил[2]. В 337 году Константин в последний раз торжественно отпраздновал в Константинополе Пасху и вскоре занемог. Предчувствуя близкую кончину, он всецело предался святым упражнениям: часто преклоняя колена, ревностно изливал горячие молитвы пред Богом[3]; по совету же врачей он переехал в это время в город Елеонополь[4], чтобы лечиться там теплыми ваннами.

Но Константин до этого еще времени не был крещен! Это в наше время и для нас может казаться явлением весьма странным, но в древние времена Церкви христианской многие принимали крещение в зрелых летах или даже в старости, одни — по чувству глубокого уважения к великому таинству, для восприятия которого считали необходимым долгое приготовление, — другие же не без лукавого похотения — пожить сначала в свое греховное удовольствие, а потом уже и возродиться для новой духовной жизни (Бог им Судия!). Константин, с юных лет носивший в сердце своем Христа, издавна сделавшись в душе христианином, отлагал свое крещение по смиренному сознанию своей греховности, желая подвигом целой жизни приготовить себя для этого. Притом же в душе его хранилось искреннее желание креститься в водах реки Иордана.

Не получая облегчения в Елеонополе и чувствуя крайний упадок телесных сил, Константин переправился в Никомидию и здесь, созвав епископов, просил их удостоить его святого крещения.

---

[1] Евсевий: Жизнь Константина, кн. IV, гл. 60.

[2] Там же, гл. 55.

[3] Там же, гл. 61.

[4] Город Елеонополь находилсянедалеко от Никомидии.

Пред крещением умирающий царь произнес такую речь:

— Пришло желанное время, которого я давно жажду и о котором молюсь, как о времени спасения. Пора и нам принять печать бессмертия, приобщиться спасительной благодати. Я думал сделать это в водах реки Иордана, где, в образ нам, принял крещение Сам Спаситель; но Бог, ведающий Полезное, удостаивает меня этого здесь.

Приняв святое крещение, Константин «ликовал духом, сердце его было полно живой радости. Облеченный при крещении в белую одежду, блиставшую подобно свету, он не снимал ее уже до смерти. Опочил он на ложе, покрытом белыми покрывалами, багряницы же — этого царского отличия — «раб Божий» уже не восхотел и касаться. Свою последнюю благодарственную молитву, «возвысив голос», царь заключил такими словами:

— Теперь я сознаю себя истинно блаженным, ибо имею несомненную веру, что я приобщился Божественного света и удостоился жизни бессмертной[1].

Великий и равноапостольный Константин скончался, завещав царство трем своим сыновьям, в самый день Пятидесятницы 337 года, на тридцать втором году своего царствования, имея шестьдесят пять лет от рождения. Тело его с великим торжеством перенесено было в созданный им град Константинополь и положено, согласно его завету, в церкви святых апостолов в гробнице, им самим уготованной. Ныне же он живет бесконечною жизнью в вечном Царстве Христа Бога нашего, Которому со Отцом и Святым Духом честь и слава во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ
КОНСТАНТИНА
и чад его: МИХАИЛА и ФЕОДОРА,
Муромских чудотворцев

Святой благоверный великий князь Константин Святославич происходил из рода великого князя Владимира, крестившего святым

[1] Евсевий: Жизнь Константина, кн. IV, гл..62, 63, 64.

крещением землю Русскую. В 1192 году[1] вместе с сыновьями своими князьями Михаилом и Феодором из славного города Киева он пришел в рязанскую землю к городу Мурому[2]. В этом городе жили в то время язычники, не просвещенные еще познанием истинного Бога. Задолго еще до святого князя Константина родственник его, сын великого князя Владимира благоверный князь Глеб, которому назначен был во владение город Муром, употребил много усилий, чтобы овладеть им и склонить его жителей к принятию святого крещения, но не смог этого сделать и два года жил вдали от него на расстоянии двух поприщ[3], а потом Святополк обманом вызвал его к отцу, и на пути он был убит[4]. И этот святой благоверный князь Константин с сыновьями и

---

[1] *Константин – Ярослав Святославич* был младший сын Святослава Ярославича, сперва князя Черниговского, а затем великого князя Киевского (1073–1077), внук Ярослава Великого и правнук Владимира святого. Приговором князей на Любечском княжеском съезде в 1097 году Муром был утвержден за Константином – Ярославом. Он после святого Глеба был первым князем Муромским и родоначальником последующего дома князей Муромских и Рязанских. Святой Константин княжил в Муроме с 1096 года до своей кончины, последовавшей в 1129 году. Указание в Прологе на 1192 год (1092?), как на год прибытия святого князя в Муром, следует считать ошибочным.

[2] *Муром* — центр северной Ростово-суздальской области, ныне незначительный уездный город Владимирской губернии, — в древнее время принадлежал к поселениям финских племен, каковы мурома, меря и мордва; несмотря на то, что город был населен инородцами язычниками, в нем был уже существующий до настоящего времени Спасский монастырь. В Лаврентьевской летописи о нем упоминается под 1096 годом. Есть основание думать, что он был основан трудами черниговских епископов, так как Муром принадлежал к уделу черниговских князей.

[3] *Поприще* — мера расстояния в шестьсот девяносто саженей. Думают, что, встретив сопротивление муромцев, святой Глеб поселился на реке Ишне, в двенадцати верстах от Мурома.

[4] Кончина святого князя Глеба последовала в 1015 году. Память его празднуется 6 сентября.

бывшим при нем войском вступил в битву с муромцами под самым городом, и произошло весьма большое сражение, в котором был убит благоверный князь Михаил. После этого он снова вступил в битву с жителями города и после одержанной над ними победы взял Муром во владение себе и стал в нем княжить.

Прежде всего он построил в городе, в старой горной части его, первую церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, и похоронил здесь убитого сына своего, благоверного князя Михаила, а потом обратил горожан язычников в христианскую веру и крестил их святым крещением. Возблагодарив Бога за успех в этом деле, святой князь построил впоследствии много других церквей[1] и учредил в своем городе епископскую кафедру. Проведя затем жизнь свою в истинной вере и непорочности во всем, являясь всегда защитником бедных и сирот, он вскоре отошел ко Господу. Его кончина причинила великую скорбь народу. Все оплакивали его, как отца, и похоронили у построенной им церкви Благовещения, вблизи сыновей его, благоверных князей Михаила и Феодора.

Впоследствии времени родственник святого князя Константина, благоверный князь Георгий Ярославич, возобновил первоначальную церковь Благовещения Пресвятой Богородицы[2], и с того времени прославил Господь святых князей, Константина и сыновей его, так как у гробов их стали совершаться чудеса.

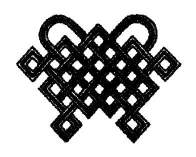
Спустя много лет после этого, в 1553 году, благоверный царь и великий князь всея России Иоанн Васильевич, идя в поход против нечестивых татар к городу Казани, зашел в город Муром и пробыл здесь две недели. Совершив молебствие у гробов святых чудотворцев, он дал обещание построить монастырь, если возвратится из похода с победою. С Божиею помощью он взял славный город Казань и, возвратившись в свой царственный город Москву, повелел у гробов святых чудотворцев построить каменную церковь. И когда стали копать рвы для этой церкви, то нашли мощи святых князей целыми и нисколько не поврежденными. По окончании постройки церкви в нише церковной стены было устроено особое место, где и положены были святые мощи их. Благоверный царь и великий

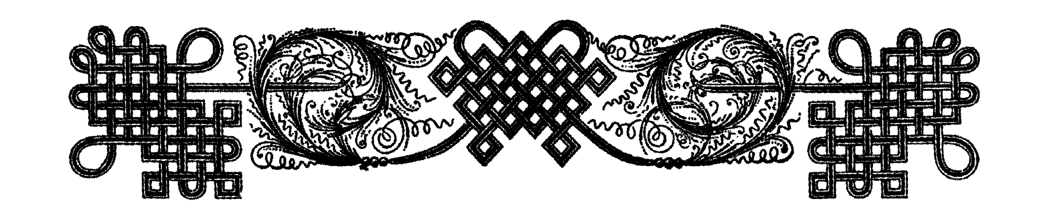
[1] Так, им построена церковь во имя святых Бориса и Глеба.

[2] Возобновление Благовещенского храма Юрием Ярославичем относится к 1351 году.

князь Иоанн Васильевич, всея России самодержец, повелел тогда рязанскому епископу Гурию освятить новопостроенный храм и прислал к освящению его различную церковную утварь. Храм был освящен, устроен при нем монастырь, и с торжеством было отпраздновано это событие. В то время у гробов святых князей совершилось много чудес, которые совершаются и доныне во славу Христа Бога.

В тот же день **память преподобного Кассиана грека**, Угличского чудотворца, скончавшегося 2 октября 1504 года.





День двадцать второй

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА ВАСИЛИСКА

После убиения святых мучеников Евтропия и Клеоника[1], вместе с которыми принял много страданий и святой Василиск (хотя этот последний и остался жив, но находился в темнице), а также и после гибели правителя Асклипиодота, прибыл в область Понта[2], присланный мучителями Максимианом и Максимином[3], другой правитель, именем Агриппа, с приказанием продолжать гонение и убивать верующих во Христа. Еще до прибытия его в город Амасию[4] святой Василиск, находившийся там в темнице, молился со слезами Богу в таких словах: «Господи Иисусе Христе, помяни меня и не забудь меня до последней минуты страданий, но помоги мне скорее получить венец мученический, дабы я не был отделен от тех святых мужей, которые вместе со мною были взяты, прежде меня пострадали и приняли венец мученический».

В полночь явился ему Господь в сонном видении и сказал: «Помню о тебе и не забуду тебя, а твое имя написано (в списке мучеников) впереди тех, которые с тобой взяты. Не скорби, что ты по-

[1] Кончина святых мучеников последовала около 308 года. — См. житие их 3 марта.

[2] *Понт* — страна, занимавшая в древности северо-восточную часть Малой Азии. Ныне на месте древнего Понта находятся два турецких вилайета (области): Трапезунт и Сивас.

[3] *Максимиан* был императором с 284 по 305 год и управлял западной половиной Римской империи, а *Максимин* царствовал с 305 по 311 год и управлял восточной половиной империи.

[4] *Амасия* — в древности главный город понтийского государства, служивший резиденцией (местопребыванием) понтийских царей.

страдаешь после них, ибо ты предупредишь многих; память же о тебе сделаю славной по всей вселенной. Теперь же иди, простись последний раз с твоей матерью, братьями и родственниками, а когда вернешься, тотчас примешь венец мученический и будешь погребен в Команах[1]. Не бойся мук, которым ты подвергнешься, потому что Я с тобою, и не может погубить души твоей злоба людская».

Пробудившись, святой Василиск преисполнился радости и возблагодарил Бога. Затем он увидел, что двери темницы открыты. Когда начало рассветать, он сказал стерегущим его воинам и главному стражу темницы:

— Дайте мне свободу на четыре дня, дабы я мог проститься с матерью моею и братьями моими, живущими в селении Кумиальском; вернувшись же, я отойду к истинному Отцу моему, Господу Иисусу Христу.

Воины же и темничный страж так ответили ему:

— Твой Бог, Которому ты служишь постоянно, пусть будет свидетелем того, что мы совершенно отпустили бы тебя из темницы, если бы не боялись правителя, прибытия которого ожидаем в скором времени.

Святой возразил ему:

— Совершенно отпущенным я не желаю быть, но, как и говорил, только пойду прощусь с матерью, братьями и родственниками своими, потому что так повелел сделать мне Господь мой.

— Боимся как бы, вскоре по отлучении твоему, — упорствовали воины, — не потребовали тебя у нас, потому что, вот, как мы слышали, сегодня должен прибыть в город правитель, а все заключенные записаны в судебную книгу.

Святой Василиск сказал на это так:

— Воля Бога моего такова, чтобы я шел в мое родное селение; поэтому, если вы согласны, пусть несколько человек из вас идут со мною и опять вместе со мною вернутся.

Тогда воины уступили его просьбе, и несколько человек из них собрались и пошли вместе с Василиском в его селение.

Встретили же святого его братья (он имел трех братьев) и мать с великою радостью, а воины были приняты в их дом с большой честью.

---

[1] Этот город отстоял от Амасии на расстоянии четырех дней пути.

На следующий день утром святой созвал всех сродников своих и много поучал их относительно того, что служит к душевной пользе, а также наставлял их в истинах христианского учения; он много поучал их и о том, что только путем скорбей возможно войти нам в Царство Христово.

Так утешая всех и в последний раз лобызаясь со своими родными, святой изрек:

— Братия, отцы и дети по Христу! Пребывайте в вере в Господа нашего Иисуса Христа и ни в каком случае от Него не отступайте, потому что мир и все, что он в себе содержит, есть только тень, быстро исчезающая; Господь же пребывает вовеки. Умоляю вас помолиться обо мне Владыке всех нас — Богу, да подаст Он мне силу совершить подвиг страдания, как совершили его и святой Феодор Тирон[1], и Евтропий, и Клеоник, которые были схвачены вместе со мною. Спасайтесь, мужи, жены, братья, сестры и дети, я же ухожу от вас, и больше вы не увидите меня в этой временной жизни.

Когда святой окончил эти слова, поднялся сильный плач и рыдание, и все стали просить святого:

— Когда окончишь святую жизнь свою, помолись о нас и о всех христианах Господу, да прекратится воздвигнутое мучителями гонение на православную веру и да уничтожится служение идолам; благодать же Христова да воссияет по всей земле.

После того святой Василиск отправился в путь с воинами, дабы возвратиться в темничные узы.

В это время прибыл в город Амасию правитель Агриппа и, созвав всех почетнейших граждан, вошел с ними в храм языческий, называвшийся Петасон[2], а потом в другой, называвшийся Серапион[3], и принес жертву своим нечистым богам. А на следующее утро прави-

---

[1] *Святой Феодор Тирон* — родной дядя святого Василиска, пострадал около 306 года. См. житие его 17 февраля.

[2] Очевидно, здесь разумеется храм в честь египто-эллинистического божества *Пта* (Ptah) — бога мертвых.

[3] *Серапион* — храм в честь Сераписа (Σέραπις) — египто-эллинистического божества, соответствовавшего древнегреческому Зевсу. Как Серапис, так и (упомянутый выше) бог Пта — были богами собственно египетской религии. Но в период увлечения восточными религиями (II век до Рождества Христова) греки оказывали большое уважение этим божествам и строили в честь их многочисленные храмы.

тель пришел на место судилища и справлялся здесь о заключенных в узы и прежде всего спрашивал о Василиске, потому что слышал о нем и хотел в самом начале привлечь его на свой суд.

Градоначальник отправился в темницу, желая привести к правителю Василиска, но, не найдя его там, схватил темничного стража и, связав, привел его перед судилище. Правитель же, подвергнув его истязаниям, спросил:

— Как ты осмелился выпустить из темницы заключенного в нее врага наших богов и ослушника царских повелений?

— Ныне второй день, — отвечал темничный страж, — с того времени, как Василиск с воинами ушел в свое селение.

— Я прикажу умертвить тебя, — исполнившись ярости, воскликнул правитель, — если ты не представишь мне того человека, хулившего наших богов!

— На четвертый день я представлю его пред тебя, — отвечал темничный страж.

И тотчас правитель послал с тем стражем магистриана[1], человека злого и свирепого нравом, и с ним воинов и дал ему поручение в таких словах:

— Только тогда я поверю, что ты человек, ревнующий о наших богах, когда ты схватишь того богохульника и приведешь его ко мне. Направь же его в Команы, потому что я сам отправляюсь туда.

Магистриан, выйдя от правителя, изготовил медные сапоги со множеством острых продолговатых железных гвоздей внутри и, взяв с собой темничного стража и воинов, отправился в родное селение Василиска, везя на осле тяжелые железные цепи, приготовленные для мученика.

---

[1] *Магистриан* — помощник правителя области, имевший в своем распоряжении известное количество воинов, с которыми он обыкновенно посылался правителем в провинцию с различными поручениями.

— Шел же и я, — говорит описатель дальнейших событий, святой Евсигний[1], — следуя за ними в надежде видеть страдания и кончину святого Василиска. Достигши до того селения, они схватили мученика, выходившего уже из дома по направлению к городу Амасии, чтобы вернуться в свою темницу, и связали его двойными цепями; также и шею его заковали в железную цепь, а на ноги надели медные сапоги с гвоздями внутри, так что гвозди проникли в ноги святого до самых костей, и кровь обильно текла из его израненных ног; при этом мучители сильно били Христова мученика, когда вели его к городу Коману. С плачем провожали его мать, братья и сродники его. На прощание мать сказала ему:

— Сын мой любезный! Христос, Которого возлюбил ты, да будет тебе помощником в этом мученическом подвиге. Недолговременно будет житие твое здесь, зато в будущем веке тебя ожидает вечная жизнь; тяжкие ныне принимаешь муки, зато получишь славный венец от Христа Бога; злые люди мучают тебя на земле, зато Ангелы мира примут тебя на небе; как разбойника судят тебя, но тот самый разбойник, что был распят со Христом, примет тебя в рай; цари смертные и подверженные тлению отнимают у тебя жизнь, но Бог Вечный возвратит тебе жизнь и сопричислит тебя к силам ангельским. И нас воспомяни, дорогой сын мой, на этом пути ко Господу, по которому ты шествуешь!

Произнесши это, мать возвратилась обратно в дом свой, молясь Господу о своем сыне, да укрепит Он его мужественно перенести мучения.

Святой же, оглянувшись назад и видя следующих за ним трех братьев своих, а также сродников и многих из народа, плакавших о нем, такими словами умолял их возвратиться к себе домой:

— Не плачьте обо мне, но лучше молитесь Господу, чтобы Он дал мне силу победить диавола и посрамить его служителей.

Потом он облобызал каждого и, увещевая всех вернуться, сказал им:

---

[1] *Святой мученик Евсигний*, описывавший житие и подвиги святого мученика Василиска, в течение шестидесяти лет был воином при трех римских императорах: Диоклетиане (284–305 гг.), Максимиане (305–311 гг.) и Константине Великом (311–337 гг.), и пострадал в царствование императора Юлиана Отступника (361–363 гг.). — См. житие его 5 августа.

— Опять увидимся друг с другом в день воскресения и жизни вечной.

Но провожавшие святого не хотели вернуться и с плачем следовали за ним.

И снова увещевал их святой такими словами:

— Для чего вы своим плачем и слезами смущаете мое сердце? О, если бы мне позволено было много раз умереть за Господа нашего Иисуса Христа! Умоляю вас, возвратитесь и молитесь за меня Богу!

Но так как они и после этого не хотели возвратиться, то магистриан сказал им:

— Клянусь здравием царей моих, что, если вы не вернетесь, то я свяжу вас всех и отведу к правителю.

Но когда они не послушали и его слов, тогда магистриан с воинами начал бить их и едва мог отогнать их от святого.

Будучи веден таким образом, святой мужественно переносил тяжесть железных вериг и доблестно терпел боль в ногах, пронзенных во многих местах острыми гвоздями, которыми усеяны были медные сапоги, и путь его обагрялся кровью. Сам же он с радостью воспевал:

— *Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое* (Пс. 26, 3), потому что Ты, Христос Господь, со мною.

Многое и другое вещал святой, обращаясь к Господу в пении и молитве. Магистриан же и бывшие с ним, видя мученика легко идущим, несмотря на то, что ноги его были обуты в сапоги с гвоздями, весьма удивлялись; но со святым мучеником был Господь, облегчавший его страдания.

Когда они достигли селения, называемого Дакозария, магистриан и воины захотели отдохнуть, потому что было жарко и наступил полдень. Владетельница того селения, вдова, по имени Трояна, увидав пришедшего с воинами магистриана, просила их войти в ее дом вкусить пищи; всего было их человек сорок. Когда они вошли, она все устроила для них. И так, они ели, пили и веселились, а святого мученика Василиска, со связанными назад руками, привязали к сухому дубу, росшему около ворот ее дома. К святому собралось множество народа, мужчин и женщин, а также детей. Видя его заключенным в тяжкие оковы и привязанным на припеке солнца, а также

видя кровь, текшую из его ног, они умилялись и выражали ему соболезнование. Святой же молился Богу, взывая: «Господи, посети меня, как ты посетил Иосифа в темнице (см.: Быт. 41), Даниила во рве львином (см.: Дан. 6), трех отроков в пещи вавилонской (см.: Дан. 3). И как Ты явил милость Сусанне (см.: Дан. 13), подвергшейся напасти от лукавых старцев, вывел Петра из темницы (см.: Деян. 5, 17–20), а Феклу защитил от поругания[1], так и на мне, смиренном и недостойном рабе Твоем, покажи дивную Твою милость и яви чудеса Твои во славу Твоего пресвятого имени!»

Когда святой окончил молитву свою, внезапно произошло землетрясение и был слышен голос свыше, говоривший: «Не бойся, Я с тобою!»

И вдруг медные сапоги, бывшие на ногах мученика, внезапно растаяли, как воск от огня; вериги же спали со святого, а сухой дуб зазеленел, распростирая над святым многочисленные густые ветви свои и покрывая его тенью на большое пространство кругом. А на том месте, где стоял святой и где земля обагрилась его кровью, потек источник воды.

После этого святой вознес в таких словах благодарение Богу: «Господь Иисус Христос, Предвечное Слово и Сын непостижимого и несказанного Отца, благоволивший сойти на землю и сделаться человеком, дабы искупить нас от древнего мучителя диавола и избавить от всех лукавых его козней, вознесший нас на небо, а его поправший и осудивший на пребывание в бездне, даровавший нам новую жизнь, — какими устами прославлю Тебя, какими словами перескажу Тебе свои чувства, как воспою Тебя и возвещу Твои великие дела и силу, которые Ты ныне явил на мне, рабе Твоем, как раньше на святых Твоих, Евтропии и Клеонике, когда они были замучены по приказанию правителя Асклипиодота! В самом деле, кто я, недостойный, что столь великую и удивительную милость Ты явил на мне; сама земля, видевшая силу Твою, потряслась».

Магистриан же и воины, испугавшись землетрясения, убежали из того дома и, увидев происшедшие чудеса, пришли в сильное недоумение. Одни из них говорили, что это только так кажется, другие же считали это волшебством, а народ, стоявший вокруг святого, в ужасе дивился этому и прославлял силу Христа Бога. И многие уве-

---

[1] См. житие ее 24 сентября.

ровали во Христа, говоря: «Вот, святой человек послан сюда Богом, чтобы освятить наше место».

Принесли к святому расслабленного, лежавшего на постели; когда мученик Христов коснулся его, тотчас расслабленный поднялся, как здоровый, и, взяв свою постель, пошел к себе в дом, прославляя Бога; привели еще и прокаженных, и он исцелил и их, прикоснувшись к ним; всех, страдавших водобоязнью и лихорадочными припадками, а также страдавших всякими другими болезнями или одержимых нечистыми духами — всех исцелял святой словом своим. Все, видевшие чудеса эти, прославили истинного Бога и уверовали в Него; жители же того селения преисполнились великой радости. Уверовала во Христа также и владетельница того селения Трояна, с сыном своим Трояном, и просила крестить ее. «Я, грешный Евсигний, — говорит повествователь, — видя все случившееся, от всего сердца прославлял Господа». В тот же день, вечером, стадо волов, шедшее с пастбища в селение и проходившее по тому пути, где стоял святой Христов мученик, как бы прославляя великие дела Божии, пало перед святым на колени.

Тогда магистриан и воины раскаялись в тех жестокостях, какие они причинили святому, потому что ужас охватил их, когда они увидели дивные чудеса, совершенные Господом по молитвам святого. На следующий день магистриан кротко сказал мученику:

— Если угодно тебе, господин Василиск, то отправимся в путь, чтобы ради тебя мы не подверглись наказанию отправителя.

— Хорошо, пойдем в путь, — отвечал святой, — потому что я хочу умереть за моего Господа.

Когда все они вышли из селения того, весь народ, с владетельницею Трояною, провожал святого. Святой же мученик умолял всех их возвратиться к себе обратно: одни вернулись, другие же продолжали следовать за ним. Когда же вступили на большой мост, положенный чрез реку Иреос, затрясся мост от присутствия Христа, Который шел невидимо с рабом Своим, святым Василиском, как после сам святой мученик Василиск поведал мне, недостойному Евсигнию, — говорит повествователь. — Когда мост потрясся, святой остановился и, воссылая хвалу Богу, умолял народ вернуться обратно и едва убедил его исполнить свою просьбу.

Во время шествия своего святой на каждом высоком и красивом месте преклонял колена свои и молился ко Господу такими словами: *Во всех местах владычества Его благослови, душа моя, Господа!* (Пс. 102, 22).

Когда же все достигли селения, называемого Саон, то воины и магистриан приготовились вкусить пищи и убеждали святого вкусить вместе с ними хлеба. Он же отказывался, говоря: «*Господь — пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться* (Пс. 22, 1); меня питает Владыка мой, Иисус Христос».

Они же снова уговаривали его, говоря:

— Вкуси, господин, чтобы ты не умер с голода и мы ради тебя не приняли наказания, если не приведем тебя ко правителю; ведь уже третий день, как ты вовсе не принимал пищи.

Святой сказал им на это:

— Я преисполнился пищи бессмертной, а потому не хочу вкушать пищи смертной. Вас питает хлеб земной, а меня питает небесное слово Божие; вас веселит вино, а меня — благодать Святого Духа; вас упитывает мясо, а меня — пост; вас укрепляет бодрость телесная, а меня — крест во имя Христово; вас делает богатыми золото, а меня — любовь к Иисусу Христу; вас украшают одежды, а меня — добродетели; вы находите веселье в смехе, а я утешаю дух мой молитвой; вы любите царя вашего временного, смертного и подверженного тлению, жаждете видеть его и исполняете его законы, а я — люблю Бога и Царя моего небесного, лобызаю законы Его и желаю питаться лицезрением Его; вы ожидаете славы на земле, а я — на небе; вы ищете известности между людьми, а я надеюсь получить славу на страшном суде при воскресении праведных, когда скажет Владыка мой: *Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира* (Мф. 25, 34).

Когда святой говорил так, магистриан велел оседлать животных и предложил мученику сесть на одного осла, сказав:

— Три дня идешь ты голодный; сядь хоть на животное, чтобы ты не изнемог окончательно.

Святой же не согласился сесть, сказав:

— Меня укрепляет Господь мой, Иисус Христос, а покой и отраду подает мне Святой Дух.

Затем все отправились в путь, а к вечеру пришли в одно селение, где и остановились ночевать. И когда воины сели за вечернюю трапезу, магистриан умолял святого Василиска вкусить с ними чего-нибудь, но он отказался и провел всю ночь в молитве и пении, причем сами святые Ангелы пели вместе с угодником Христовым.

Когда настал день, снова все отправились в путь и дошли до города Команы в четвертом часу дня. И когда приближались к городу, то услышали от многих, встречавшихся по дороге, что правитель предает казни всех, не соглашающихся кланяться идолам. Но Господь явился святому Василиску и сказал ему: «Мужайся, не бойся угроз идолопоклонников, потому что Я с тобою».

Когда они вступили в город, воины, сопровождавшие святого, спрашивали жителей города:

— Где сейчас находится правитель?

Им было сказано, что правитель находится в храме Аполлона[1] и приносит там жертву богам.

Магистриан, отправившись к правителю, сообщил ему, что он доставил Василиска. Правитель весьма обрадовался этому. Рассказал магистриан также и о чудесах, случившихся во время их пути, но правитель не поверил ему, заметив:

— Все это — волшебство христиан.

Затем он приказал привести к себе святого Василиска в храм Аполлона, думая принудить его здесь к принесению жертвы. Тотчас же к Василиску побежали воины правителя и насильственно повлекли святого в храм, сказав:

— Иди в храм к правителю и поклонись богам, если хочешь быть жив.

Магистриан же и воины, пришедшие с ним из путешествия, начали рассказывать воинам правителя о чудесах, которые они видели, и прибавляли:

— Поистине удивительные знамения и силу Божию видели мы, не в видении или волховании, но в действительности происходившие.

Потом, обратившись к святому, они сказали ему:

---

[1] *Аполлон* — по греческой мифологии — бог света, сын Зевса и Латоны.

— Прости нам те жестокости, господин Василиск, которые мы по нашему неведению причинили тебе и помолись за нас твоему Богу!

Пока они это говорили, новые воины, пришедшие от правителя, схватили мученика и повели в храм. Святой вошел в храм с светлым лицом, радуясь о Господе, Боге своем.

Увидав его, правитель спросил:

— Это ты Василиск?

— Да, это я, — отвечал святой.

— Так скажи, — продолжал правитель, — принесешь ты жертву богам или нет?

— Кто это сказал тебе обо мне, — возразил святой, — что я не приношу жертвы Богу? Я всякую минуту совершаю жертву хвалы в честь моего Бога.

Правитель же, не поняв сказанного, сказал святому:

— Хорошо; итак, принеси жертву какому хочешь из всех наших богов.

Святой Василиск, приблизившись к идолу, спросил окружающих:

— Как называется этот бог ваш?

Ему сказали:

— Аполлон.

— Справедливо вы сказали, что он называется Аполлоном, — подтвердил святой; — Аполлон — значит губитель[1] и поистине влечет в погибель верующих в него и поклоняющихся ему, как богу, так как он не есть бог.

— А как имя тому Богу, Которому ты хочешь принести жертву? — спросил правитель.

— Бог мой, — отвечал святой, — неизреченный, непостижимый, невидимый и необъяснимый по Своим свойствам.

— А не имеет ли имени Бог твой? — допытывался правитель.

— В святых книгах заключены имена Бога моего, — ответствовал святой, — и, если хочешь выслушать, я сообщу их тебе.

---

[1] *Аполлон* — в переводе с греческого значит «губитель» (Ἀπόλλων — от ἀπόλλυμι). У греков он изображался обыкновенно с луком, стрелами и колчаном, как враг и победитель сил, вредных свету, то есть нравственному порядку вещей.

— Назови их, — сказал ему правитель.

Тогда святой мученик сказал:

— Бог мой называется Отцом и Вседержителем, Господом Саваофом[1], Царем всех, Спасителем милостивым, милосердым и долготерпеливым. Ему одному приношу я жертву хвалы!

— Какому богу хочешь приносить жертву — это для меня все равно, — только принеси, — настаивал правитель, — ты призван ведь не рассуждать, а только принести жертву.

— Так внимай, — обратился святой к правителю, — какова моя жертва.

И, подняв руки к небу, он так помолился Богу:

— Боже вечный, Творец неба и земли, внимающий всем, истинно Тебе служащим, услышь ныне и меня, раба Твоего, и сокруши в эту минуту глухого и слепого этого бесчувственного идола, да поймут нечестивые народы, какому они поклоняются богу, и устыдятся и уверуют, что только Ты — единый всесильный Бог.

Только что святой окончил молитву свою, тотчас затряслась земля, идол упал на землю и разбился на куски. Правитель и народ, бывший в храме, от страха выбежали вон, и один только святой Василиск остался в храме и пел:

— *Да восстанет Бог, и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его. Как рассеивается дым, Ты рассей их; как тает воск от огня, так да погибнут* все поклоняющиеся идолам *от лица Божия* (Пс. 67, 2–3).

Спустя некоторое время правитель приказал вывести святого из храма и, скрежеща зубами в злобе против него, сказал:

— О враг богов наших! Зачем ты обещал одно, а сделал другое? Обещал принести жертву богу, а своим волшебством устроил так, что бог наш, Аполлон, упал и рассыпался.

Святой же ответил:

— Кто сокрушил вашего бога, Тот сожжет и храм его.

Едва только святой окончил эти слова, как упал с неба огонь на храм Аполлона и спалил его до основания. В страхе правитель и весь народ убежали оттуда. Потом, призвав святого Василиска, правитель обратился к нему с такими словами:

---

[1] *Господь Саваоф* — Господь воинств, Господь сил (1 Цар. 1, 3, 11).

— О, как велики твои волшебства! Бога сокрушил ты и храм его сжег!

Но святой возразил ему:

— Если бог твой поистине есть бог, как ты его называешь, то пусть он отмстит мне за себя.

— Боги наши добры, — возразил правитель, — и не причиняют никакого зла своим врагам.

— О неразумный человек! — воскликнул святой. — Как бесы могут делать добро, будучи злы по природе своей: они и вас, своих почитателей, вовлекут с собою в ад.

— Окаянный волшебник, — убеждал святого правитель, — принеси жертву богам; в противном случае я предам тебя лютой смерти.

На это святой ответил правителю:

— Зверь, живущий в лесу, пес, лижущий кровь, Агриппа блудный, образ диавола, мучитель беззаконный! Зачем ты еще меня удерживаешь? Я тороплюсь окончить жизнь свою!

Правитель сильно разгневался на святого и приказал усекнуть его мечом.

Воины, взяв святого, повели его вон из города на усекновение к месту, называемому Диоскория; при этом множество народа провожало святого. Отдано было повеление правителем, чтобы, по усекновении, бросить тело святого в реку.

«Когда усекновен был Христов мученик[1], увидели мы (повествует святой Евсигний), которым дано видеть, страшное чудо: явилось множество святых Ангелов, которые, приняв душу святого, возносили ее на небо. Господь наш Иисус Христос виден был стоящим на небе и говорящим: «Прииди, добрый и верный раб Мой, Василиск, войди в небесное Царствие в сонм праведных, где пребывают рабы Мои, взятые вместе с тобой на мучения за Меня».

Мы, все это видевшие и слышавшие, — продолжает повествователь, — упали ниц на землю и поклонились Господу, благодаря его за то, что Он сподобил нас такого видения.

Затем палач, по имени Приск, взяв тело мученика, повлек его к реке. Мы, приступив к нему (говорит Евсигний), просили, чтобы он

---

[1] Кончина святого мученика последовала в начале IV века.

немного подождал, пока не разойдется народ, и дали ему тридцать золотых монет в выкуп за тело мученика. Он предоставил нам тело мученика, сказав:

— Смотрите, чтобы кто не узнал и не рассказал правителю об этом; будет тогда неприятность вам и мне.

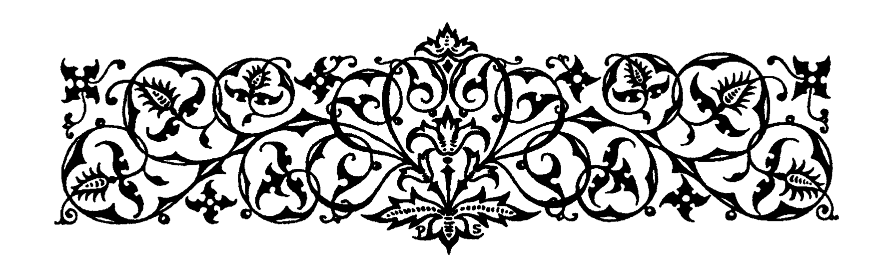
Мы же, взяв честное тело, — продолжает Евсигний, — скрыли его и ночью вынесли его на вспаханное поле, похоронили и на том месте посеяли семена. В ту же ночь семена дали росток, а в следующий день дали цвет и плод. Когда мы копали мученику могилу, то некоторые из нас захотели пить воды; по молитвам святого Василиска, которого мы призвали, тотчас близ могилы показался источник воды; напившись, мы прославили и возблагодарили Бога. Источник же тот существует и до нынешнего времени, и больные, которые с верою пьют воду из него, получают исцеление».

После всего этого напал нечистый дух на правителя Агриппу, и он стал искать тело мученика, помышляя в себе: «Если бы я прикоснулся к телу Василиска, наверно, я избавился бы от несчастия».

И никто не смел сказать ему, что тело мученика было погребено в земле. Некоторые сказали ему: «Ты велел бросить тело в реку; для чего же теперь ищешь его?»

Тогда Агриппа отправился на место, где был усечен Христов мученик, нашел там несколько капель его крови и, собрав ее своими руками вместе с земною пылью, завязал ее в пояс свой. Тотчас он освободился от нечистого духа и уверовал в Господа нашего Иисуса Христа.

Спустя некоторое время гражданин Комана, Марин, муж благочестивый, построил церковь во имя святого мученика Василиска и, вынув из земли святые его мощи, перенес их в эту церковь. От мощей святого совершалось множество чудесных исцелений от всяких болезней, по молитвам его и по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом воссылается честь и слава, ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.



День двадцать третий

ПАМЯТЬ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
МИХАИЛА ИСПОВЕДНИКА

Воспоминаемый ныне святой Михаил, епископ Синадский[1], носивший имя тезоименное (одинаковое) имени Архангела небесных сил, и житие проводил ангельское, украшенное девственною чистотою и всякими добродетелями. Еще в младенчестве он был посвящен Богу, а в юношеских летах принял монашество и явился достойным служителем Богу, подвизаясь вместе со святым Феофилактом[2], епископом Никомидийским[3] в патриаршество святейшего Тарасия[4], которым оба и были посланы в монастырь, находившийся на берегу Черного моря. Подвизаясь здесь в иноческих трудах, оба святые весьма преуспевали в добродетелях, и молитвы их имели великую силу у Бога.

Однажды во время жатвы, когда в воздухе стояла невыносимая жара, так что от недостатка воды в том месте многие изнемогли от жажды, святые помолились Богу и, по молитвам их, сделалось так, что пустой медный сосуд источал воду в достаточном количестве.

---

[1] *Синад* — один из древних черноморских городов.

[2] См. житие его 8 марта.

[3] *Никомидия* — город в северо-восточном углу залива, образуемого Мраморным морем. Он был построен в 264 году до Рождества Христова и свое имя получил от вифинского царя Никомеда I. На месте древней Никомидии находится теперь город Исмид.

[4] *Святой Тарасий*, патриарх Константинопольский, занимал патриаршую кафедру с 784 по 806 год. — См. житие его 25 февраля.

Так Господь исполняет прошения и молитвы почитающих Его и приклоняет слух Свой к их молитвам. Это чудо напоминало собою то, прежде бывшее в пустыне, чудо, когда для изнемогавшего от жажды Израиля Бог извел воду из камня (см.: Исх. 17, 6) и другое, — когда, ради Самсона (судии израильского), умиравшего от жажды, Бог источил родник живой воды из высохшей кости ослиной челюсти (см.: Суд. 15, 19).

После того святейший патриарх Тарасий, видя такую добродетельную жизнь этих преподобных отцов, сиявших как звезды на небе, признал их достойными высокого архиерейского сана. Блаженного Феофилакта он посвятил в сан митрополита Никомидии, а святого Михаила посвятил в епископы города Синад, и оба они пасли стадо Христово, своею жизнью подавая добрый пример своей пастве.

Когда же отошел от здешней жизни ко Господу святейший патриарх Тарасий, а после него принял престол Константинопольской церкви святой Никифор[1], снова поднялась буря ереси иконоборческой, которая уже была осуждена на VII Вселенском соборе святых отцов[2]. Нечестивый император Лев Армянин[3], заразившись той ересью, поднял гонение на Церковь Христову, отрицая почитание святых икон и называя их идолами, поклоняющихся же им подвергал мучениям и смерти. Прежде всего он изгнал святейшего патриарха Никифора, а также и прочих православных архиереев с их престолов, а вместо них назначил своих единомышленников-еретиков, — и водворилась на святых местах мерзость запустения (см.: Дан. 9, 27).

В это время святой Михаил явил себя ревностным защитником Православия и обличителем еретического нечестия. Укрепляемый и умудряемый благодатью Святого Духа, он противоборствовал еретикам и заграждал уста их, порицавших святые иконы. Нечестивый

[1] *Святой Никифор* патриаршествовал с 806 по 815 год. — Память его 2 июня.

[2] VII Вселенский собор происходил в 787 году в городе Никее.

[3] *Император Лев V Армянин* царствовал с 813 по 820 год.

царь Лев, не вынося обличений святого, дерзновенно порицавшего его еретическое заблуждение, предал святителя Христова на мучения. Святой же, не страшась мучений, мужественно отстаивал свои убеждения и сказал императору:

— Я почитаю святые иконы Спасителя моего Иисуса Христа и Пречистой Девы, Его Матери, и прочих святых и поклоняюсь им; твое же распоряжение не считаю возможным исполнить.

Посрамленный Лев, исполнившись гнева, осудил исповедника Христова на изгнание[1].

Гонимый из одного места в другое, много горьких скорбей и неприятностей перенес святой, пока не достиг обители небесной и не получил покоя вечного. Так кончил он праведную жизнь свою, украсившись двояким венцом, причисленный к архиереям, как архиерей, и к мученикам, как мученик, во славу Христа Бога нашего[2].

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА МИХАИЛА ЧЕРНОРИЗЦА

Святой мученик Михаил происходил из города Эдессы[3] и был сыном родителей-христиан. По смерти их он раздал нищим все доставшееся ему по наследству от родителей имение и отправился в Иерусалим посетить святые места. В то время Иерусалим принадлежал уже мусульманам.

Поклонившись святым местам, он удалился в обитель святого Саввы[4] и принял здесь монашество.

Спустя некоторое время он был послан своим наставником в Иерусалим продавать изделия иноков. Его встретил здесь евнух[5] мусульманской царицы Сеиды, который и взял его с собой, так как сосуды, продаваемые им, были очень красивы и хорошо сделаны, и

---

[1] Первоначально святой Михаил был сослан во фракийский город Евдокиаду.

[2] Кончина святого мученика последовала около 818 года.

[3] *Эдесса* — город, находившийся в древности в северной части Месопотамии.

[4] См. житие его 5 декабря.

[5] *Евнух* — оскопленный слуга, предназначавшийся обыкновенно к службе в гаремах Востока.

привел к своей царице. Царица, увидав юного инока, прекрасного лицом, но тощего от пощения, прельстилась им, начала соблазнять его на прелюбодеяние и сказала:

— Будь послушен мне, и, если ты болен, я тебя вылечу от болезни.

На эти слова царицы блаженный Михаил ответствовал так:

— Я болею о моих грехах; служу же Господу моему, Иисусу Христу и не хочу слушать тебя.

Царица всячески принуждала святого к беззаконию, подобно тому, как некогда в Египте жена Пентефрия — принуждала к беззаконию Иосифа Прекрасного (см.: Быт. 39); но целомудренный Михаил не соглашался на беззаконие, так убеждая царицу:

— Нельзя мне этого делать, потому что я монах и дал обет Богу до конца дней моих непорочно сохранить чистоту моего тела.

Нечестивая же женщина та, убедившись, что целомудренный инок ни за что не захочет согласиться на ее беззаконную просьбу, исполнившись стыда и гнева, приказала бить святого палками. Затем она отправила инока, как будто бы порицателя веры их, к царю, бывшему в то время недалеко от Иерусалима.

Царь, расспросив святого, приказал его развязать и убеждал его перейти в магометанскую веру.

Святой же сказал царю:

— Нельзя мне оставить Бога моего и стать последователем беса.

Царь снова стал соблазнять его:

— Проси у меня, чего хочешь, и будешь царствовать со мной.

— Прошу у тебя одного из трех, — сказал ему на это святой, — или отпусти меня к моему наставнику, или крестись во имя моего Бога, или усекновением меча отошли меня ко Христу, Богу моему.

Но царь приказал дать святому чашу с смертоносным ядом. Святой же, выпив яд, остался невредим, по слову Христа, сказанному во святом Евангелии Его: *Если что смертоносное выпьют, не повредит им* (Мк. 16, 18). Посрамленный царь приказал отсечь рабу Христову голову мечом посреди Иерусалима[1].

Монахи обители святого Саввы, взяв тело святого мученика, понесли его в свою лавру и с почестями положили мученика Христова

---

[1] Кончина святого мученика последовала в IX веке.

вместе со святыми отцами, прославляя Христа Бога, дивного во святых Своих. Аминь.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОЙ **ЕВФРОСИНИИ**, игумении Полоцкой

В городе Полоцке жил князь по имени Всеслав[1], имевший сына Георгия. От этого-то Георгия и родилась блаженная Евфросиния.

До принятия иночества святая Евфросиния носила имя Предиславы. Будучи с самых юных лет обучена грамоте, Евфросиния усердно изучала Священное Писание и прочие душеспасительные книги. Из Священного Писания она и научилась страху Божию и усердной любви к Богу, Создателю своему.

Преподобная была весьма красива лицом своим, так что, когда ей исполнилось двенадцать лет, многие славные князья просили отца Евфросинии отдать ее замуж за своих сыновей[2]. Но отроковица ни в каком случае не соглашалась отдать себя в супружество земному смертному мужу, так как уневестила себя бессмертному Жениху небесному, Господу Иисусу Христу, Сыну Божию. Все помышления преподобной были устремлены к Богу. Однако отец Евфросинии решил выдать ее в замужество за одного князя, хотя бы против воли ее. Когда Евфросиния узнала об этом, то тайно от всех ушла в женский монастырь к блаженной игумении княгине Романе и начала усердно просить постричь ее в образ иноческий. Блаженная же Романа долго не соглашалась на это, отчасти из-за юных лет Евфросинии, а отчасти из-за страха пред отцом ее; поэтому Романа советовала ей вступить в мирскую жизнь, говоря, что она еще столь юна и столь прекрасна лицом. Но увидав, что Евфросиния имела твердое намерение постричься для сохранения девства и приобретения Цар-

---

[1] *Всеслав Брячиславич*, сын Брячислава Изяславича, княжил в Полоцке с 1044-го по 1101 год.

[2] Ранний брачный возраст был обычным явлением в древней России.

ства небесного, увидав также, что Евфросиния питала великую сердечную любовь ко Господу Иисусу Христу, Романа приказала бывшему в ее обители священнику постричь Предиславу и облечь ее в ангельский образ; при этом юной княжне было наречено имя Евфросинии.

Когда родители блаженной отроковицы узнали обо всем происшедшем, то преисполнились великой скорби и тотчас направились в тот монастырь. Увидав здесь дочь свою в иноческом образе, они предались неудержимому плачу. Но блаженная Евфросиния, не смущаясь слезами родительскими, советовала им не плакать, а радоваться тому, что они имеют дочь свою обрученною Господу Иисусу Христу, Царю небесному.

В монастыре преподобная Евфросиния пребывала в постоянном посте и молитвах и вместе с прочими инокинями исполняла все монастырские труды, подчиняясь всем с великим смирением.

Спустя некоторое время преподобная Евфросиния начала упрашивать епископа Полоцкого Илию дозволить ей поселиться в небольшом помещении, устроенном при великой престольной церкви в честь святой Софии (поступая так, блаженная Евфросиния подражала древним девам иерусалимским, в числе которых была и Пресвятая Дева Богородица; девы те жили вблизи Соломоновой церкви, в особых, устроенных при стене церковной, помещениях)[1]. Епископ, видя ангельское житие и серафимскую любовь к Богу святой, не воспрепятствовал доброму желанию сердца ее. И пребывала святая, как Ангел Божий, в пристройке при церкви, постоянно, во все дни и ночи, молясь Богу и славословя Его. В свободное же от молитвы время она писала книги своими руками и продавала их; все деньги, вырученные таким образом, она раздавала нищим.

После того как святая подвизалась уже достаточное время при церкви святой Софии, однажды ночью, она увидела во сне Ангела Божия. Взяв ее за руку, Ангел повел ее за город, к месту, называвшемуся Сельцем; здесь находился Софийский дворец; была также и небольшая деревянная церковь в честь святого Спаса; при этом Ангел сказал блаженной:

---

[1] Более подробное повествование об этом можно читать в сказании о Введении во храм Пресвятой Богородицы, помещенном под двадцать первым числом ноября месяца.

— Подобает тебе здесь пребывать, потому что Бог через тебя на этом месте многих приведет ко спасению.

Это видение повторилось второй и третий раз. Преподобная удивлялась, недоумевая о виденном и благодаря Бога, удостоившего ее такового видения. Однако, повинуясь приказанию Божию, Евфросиния ответствовала:

— Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое!

И епископу тому явился Ангел в видении и сказал:

— Веди рабу Божию Евфросинию к церкви Спасителевой, находящейся при Сельце, и посели ее при той церкви, дабы там был монастырь из посвященных Богу девиц, которых Бог хочет спасти через блаженную Евфросинию. Молитва ее как миро благоуханное восходит к Богу, и на ней почиет Дух Святой, как на главе царевой; и как сияет солнце по вселенной, так просияет житие ее пред Ангелами Божиими.

Епископ, пробудившись от сна, отправился к преподобной Евфросинии, дабы возвестить ей волю Божию. Евфросиния же поведала епископу о своем видении, и оба возблагодарили Бога.

Затем епископ позвал князя Бориса, дядю Евфросинии, князя Георгия, отца ее, и многих бояр и прочих честных мужей и, передав им о видении, сказал:

— Вот, я в присутствии вас даю Евфросинии место при церкви святого Спаса на Сельце, дабы был там монастырь девический. Пусть никто не препятствует ей и не отнимает у ней то, что я дал ей.

Все согласились с епископом.

Затем святую Евфросинию поселили при церкви в честь Спаса и построили здесь монастырь для девиц, желавших в чистоте послужить Господу Иисусу Христу. Таким образом святая Евфросиния стала наставницей и руководительницей для многих девиц, отрекавшихся от мира и принимавших образ иноческий. Взирая на богоугодное житие блаженной Евфросинии, и все прочие девицы поощрялись к подвигам богоугодным.

Спустя некоторое время преподобная послала сказать отцу своему:

— Пусти ко мне сестру мою Градиславу, дабы я обучила ее святым книгам.

Отец отпустил Градиславу. Святал Евфросиния научила младшую сестру свою чтению книжному и, поучив ее многими душеспаси-

тельными беседами, уневестила ее Христу, так как побудила ее принять образ иноческий с именем Евдокии.

По прошествии некоторого времени отец Евфросинии послал сказать ей:

— Отпусти к нам сестру твою.

Евфросиния же отвечала:

— Пусть она побудет еще некоторое время со мною, так как не вполне изучила еще Писание.

Однако родители Евфросинии в скором времени узнали о пострижении и другой дочери своей. Преисполнившись гнева, они пришли в монастырь и с горечью сердечной сказали блаженной Евфросинии:

— О дочь наша! Что ты сделала с нами! Ты прибавила к старой печали нашей еще новую печаль, и к одной скорби еще новую скорбь! Разве не достаточно было тебе оставить нас? Вот ты и другое чадо наше, дорогое для нас, отняла у нас! Для этого ли мы родили вас, для этого ли мы воспитывали вас! Для того ли мы родили вас, чтобы вы ранее смерти своей заключились, как в гробе, в этих черных ризах, водворились в монастыре и лишили нас тех утех, которых мы ждали от вас?..

Преподобная же Евфросиния начала утешать родителей своих душеспасительными беседами. Немного утешившись, они возвратились в дом свой, облегчая естественную печаль своего родительского сердца духовною радостью.

В скором времени к преподобной Евфросинии пришла княжна Звенислава, ее родственница, дочь дяди ее Бориса. Звенислава принесла к преподобной все свои драгоценные одежды, приготовленные к бракосочетанию, и сказала блаженной:

— Госпожа и сестра моя! Я вменяю ни во что все драгоценности мира сего; эти брачные украшения я даю в церковь Спасителеву, а сама желаю уневестить себя браком духовным Господу и Богу моему и преклонить голову свою под благое и легкое иго Его.

Преподобная Евфросиния приняла ее с радостью и тотчас приказала постричь ее, нарекши ей имя Евпраксии. И пребывали обе подвижницы в пощениях и всенощных молитвах, единою душою служа Господу в преподобии и в правде.

Заметив, что число сестер в обители день ото дня увеличивается, преподобная Евфросиния возжелала построить каменную церковь во имя Спасителя. Усердие ее, при Божием споспешествовании, увенчалось успехом. Вскоре же, в том же году была выстроена красивая каменная церковь. Надсмотрщиком за работой был некий муж, по имени Иоанн. Однажды, когда он спал ночью еще до восхождения солнца, то много раз слышал голос, говоривший ему:

— Иоанн! Встань, иди и смотри за постройкой храма в честь Вседержителя.

Однажды он пришел к Евфросинии и спросил ее:

— Госпожа, это ты посылаешь меня будить и поскорее приниматься за дело?

Евфросиния же, поняв, что голос этот был не от людей, но от Бога, отвечала Иоанну:

— Хотя бы и не я посылала будить тебя, однако ты слушайся голоса, призывающего тебя к работе, и делай то, что он тебе приказывает, ибо это дело Божие.

Дело постройки храма близилось уже к концу. Недоставало только кирпичей, необходимых для постройки храма. Тогда преподобная помолилась к Богу, сказав так:

— Благодарю Тебя, Владыко Человеколюбец, всесильный Боже! Ты, даровавший нам большее, дай нам и меньшее, дабы могли мы довести до конца дело построения храма, созидаемого во славу пресвятого имени Твоего.

На следующее утро, по изволению Божию, строители нашли печь, наполненную обожженными кирпичами, и уже остывшими, притом весьма крепкими. Кирпичи эти были изготовлены невидимою рукою и в весьма непродолжительном времени, — в одну только ночь произошло это чудное дело. Все преисполнились радости и прославили Бога. Таким образом постройка храма была доведена до конца. Вслед за тем прибыл сюда для освящения храма епископ с клиром и с князьями и все горожане; все в веселии отпраздновали освящение храма. Преподобная же Евфросиния, пав ниц в храме, со слезами молилась к Богу в таких словах:

— Ты, Господи Сердцеведец, Вседержитель, призри на храм этот, построенный во имя Твое, как некогда призрел на храм Соломонов;

призри и на словесное стадо, при храме Твоем собранное. Будь милостив ко всем нам, служащим Тебе при этом святом храме. Подавай нам помощь во всяком деле благом, дабы мы благоуспешно понесли иго, возложенное на нас, и шли бы во след Тебя, Жениха нашего. Ты Сам охраняй двор этот словесных овец. Будь нам Пастырем, Придверником и Стражем, дабы ни одна из сестер не была похищена волком, губящим души людей, — диаволом. Ты, Господи, будь для нас оружием и крепкою защитой, дабы не коснулось нас *зло* и *рана* не приблизилась к телу нашему (см.: Пс. 90, 10), и не погуби нас за наши грехи. Все упование свое мы возлагаем на Тебя, потому что Ты — Бог милосердый и милостивый для всех, верующих в Тебя. Тебе будем непрестанно воссылать славу до конца жизни нашей.

Затем преподобная начала поучать сестер, говоря так:

— Вот, я собрала вас ради имени Господнего, подобно тому, как птица собирает птенцов под крылья свои; я собрала вас как овец Божиих на луг Божественный: паситесь же в заповедях Господних, преуспевайте добродетелями от силы в силу, дабы и я с радостью, а не с печалью заботилась о спасении вашем и учила вас и дабы я возвеселилась духом, видя духовные плоды трудов ваших. Вот вы видите сами, со сколь великими трудами я посеваю на сердцах ваших слова Божии: однако иногда ваши нивы сердечные остаются как бы несозревающими, не преуспевающими в добродетели, время же жатвы приближается. Вот уже лопата на гумне, она отделит плевелы от пшеницы. Весьма боюсь, сестры мои, как бы среди вас не нашлось плевелов, которые будут преданы огню неугасимому. Поспешите же, молю вас, соблюсти себя невредимыми от греховных плевел, дабы вы могли избежать огня гееннского. Приготовьте из себя чистую пшеницу Христову, совершенствуйтесь постническими трудами своими, подвизаясь во смирении, чистоте, любви и молитве, и тогда вы приготовите из себя хлеб, приятный Богу.

Так поучала преподобная Евфросиния сестер обители своей, внимательно заботившаяся о них как чадолюбивая матерь о детях своих духовных. Благодаря ее наставлениям и молитвам все инокини преуспевали в жизни добродетельной и приуготовляли из себя сосуды, достойные обитания Духа Святого.

Кроме упомянутой каменной церкви преподобная Евфросиния построила еще и другую каменную церковь в честь и славу Пресвя-

той Богородицы. Украсив ее иконами, она передала ее инокам, для которых выстроила и монастырь при церкви этой[1].

Преподобная Евфросиния пожелала иметь в обители своей икону Пресвятой Богородицы, именуемую «Одигитрия»[2], — именно одну из тех икон, которые написал еще святой евангелист Лука при жизни своей. Преподобная знала, что три иконы, написанные святым Лукою, находятся: одна — в Иерусалиме, другая — в Константинополе и третья — в Ефесе. Помолившись усердно Богу со слезами, прося Его даровать ей желаемое, она послала одного из слуг обители своей, по имени Михаила, в Константинополь к благочестивому царю Мануилу[3] и к святейшему патриарху Луке[4] со многими дарами и просила их прислать ей одну из икон Пресвятой Богородицы, написанных евангелистом Лукою, и именно ту, которая находится в городе Ефесе. Царь и патриарх, видя великое усердие блаженной Евфросинии к Богу и к Пречистой Матери Божией, решили исполнить просьбу ее и отправили посланного в Азию, который и принес в Константинополь из Ефеса чудесную икону Пресвятой Богородицы. Отдав икону слуге обители Евфросиниевой, царь и патриарх отпу-

---

[1] *Монастырь*, основанный святой Евфросинией, существует и в настоящее время с именем *Спасо-Евфросиниева*. Он находится в полутора верстах от города Полоцка. В 1579 году он был захвачен иезуитами, из-под власти которых освобожден в 1820 году. — В монастыре хранится сооруженный святой Евфросиниею напрестольной крест; богомольцам показываются две келлии, в которых подвизалась преподобная Евфросиния. При монастыре находится училище для девиц духовного звания.

[2] *Одигитрия* (ὁδηγήτρια, от ὁδός — путь и ἄγω — веду), с греческого — *путеводительница*. Такое наименование усвоялось некоторым иконам в честь Матери Божией, — как духовной Путеводительнице верующих. В частности, икона Божией Матери Одигитрия, находившаяся в Константинополе, во Влахернском храме, была названа так потому, что однажды Сама Матерь Божия, явившись двум слепцам, привела их во Влахернский храм к Своей иконе и перед ней даровала им прозрение. Название «Одигитрии» усвоялось также тем иконам Богоматери, которые мореплаватели помещали на носу или корме корабля. Поэтому во многих местах сохраняется благочестивый обычай — при отправлении в далекое путешествие, особенно морское, совершать молебное пение пред образом Богоматери — Одигитрии. Празднование иконе Божией Матери — Одигитрии совершается 21 января, 28 июля и в другие дни.

[3] *Император Мануил Комнен* царствовал с 1143-го по 1180 год.

[4] *Лука Хрисовер* патриаршествовал с 1156-го по 1169 год.

стили его и дали ему грамоту, в которой выражалась похвала рабе Христовой и давалось ей благословение патриаршее.

Получив честну́ю икону, преподобная Евфросиния преисполнилась великой радости и воздала благодарение Господу Иисусу Христу и Его Пречистой Матери. Икону эту Евфросиния поставила в храме Святого Спаса, украсив ее золотом и драгоценными камнями[1].

Между тем родители преподобной Евфросинии скончались. Проведя достаточное число лет в подвигах иноческих, блаженная Евфросиния пожелала видеть святые места города Иерусалима и поклониться живоносному гробу Христову. Блаженная думала там окончить и жизнь свою, о чем усердно молилась ко Господу. Когда все окружавшие ее узнали о ее намерении, то преисполнились великой скорби. Придя к ней, все со слезами начали упрашивать ее не оставлять их и самого отечества своего. Блаженная же утешала всех с любовью душеполезными беседами, подобно тому как мать утешает детей своих. Между прочим к Евфросинии пришел любимый брат ее Вячеслав вместе со своею супругою и детьми. Поклонившись ей, он сказал со слезами:

— Госпожа, сестра и мать моя! Для чего ты хочешь теперь оставить меня? Для чего оставляешь ты нас, свет очам моим и руководительница жизни моей?

Святая же отвечала:

— Не оставить я хочу вас, а хочу помолиться о себе и о вас на тех святых местах.

Когда блаженная Евфросиния окончила духовную беседу с братом своим, то приказала ему оставить двух дочерей его, Киринию и Ольгу, у сестры своей Евдокии; ибо блаженная Евфросиния имела такой дар духовный, что на кого взирала очами своими, тотчас узнавала, есть ли в нем дух добродетели и может ли он быть сосудом избранным для Господа. Таким-то образом она и знала наперед, что те две юные отроковицы, дочери брата ее, добродетельною жизнью своею угодят Христу.

Когда Вячеслав ушел от Евфросинии, святая сказала дочерям его:

---

[1] В 1239 году эта икона была перенесена в город Торопец супругою святого великого князя Александра Невского.

— Я хочу обручить вас Жениху бессмертному, дабы ввести в чертог Царствия небесного.

Отроковицы же те, усладившись ее богодухновенною беседою, умилились душою и, припав к ногам ее, сказали:

— Да будет воля Господня! Пусть твоя святая молитва устроит о нас, как тебе будет угодно.

Евфросиния, радуясь духом своим о добром намерении отроковиц тех, поучала их душеспасительными беседами и воспитывала в сердцах их любовь ко Христу.

Затем, спустя некоторое время, Евфросиния призвала брата своего Вячеслава и сказала ему:

— Я хочу постричь твоих дочерей, дабы они были невестами Христовыми.

Но Вячеслав возмутился духом от слов ее и сказал ей:

— Госпожа и мать моя! Что это ты замыслила сделать со мной? Ты хочешь присоединить к одной скорби моей еще и другую скорбь; ты хочешь, чтобы я плакал, прежде всего, ради твоего удаления от нас в страну далекую; затем, ты хочешь, чтобы я плакал ради детей моих, будучи лишаем их утехи!

Супруга же Вячеславова, мать тех отроковиц, сокрушалась еще более своего мужа и весьма много и долго рыдала. Однако Вячеслав и его супруга не осмелились противиться словам блаженной Евфросинии, так как принимали слова ее, как бы слова Самого Христа, и знали, что она была истинной рабой Христовой и достойным вместилищем Святого Духа.

Вслед за тем Евфросиния попросила бывшего тогда епископом Дионисия прийти в монастырь, ввести отроковиц в церковь и постричь их; при этом Киринии было наречено имя Агафия, а Ольге — Евфимия. Потом епископ благословил их благословением святых отцов и матерей века Богу угодивших.

Спустя некоторое время блаженная Евфросиния вручила обитель свою сестре своей Евдокии и, облобызав всех сестер, помолившись Богу и возложив все упование на Него, направилась в Иерусалим; при этом все провожали Евфросинию, проливая горькие слезы. Взяв с собою другого брата своего, по имени Давида, и родственницу Евпраксию, Евфросиния прибыла сначала в Константинополь. Здесь она была принята с великою честью царем и патриар-

хом. Затем, поклонившись здесь святым церквам и многим мощам святых, отправилась в Иерусалим. Придя в этот город, она поклонилась живоносному гробу Христову, потом поставила при гробе золотое кадило и принесла многие дары Церкви Иерусалимской и патриарху. Блаженная Евфросиния обошла и прочие достославные места в окрестностях Иерусалима; поклонившись святыням с великим умилением, Евфросиния поселилась в монастыре, называвшемся Русским и находившемся при церкви, выстроенной в честь и славу Пресвятой Богородицы. Затем снова пришла ко гробу Господню и начала молиться здесь со слезами и умилением сердечным в таких словах:

— Господи Иисусе Христе, Сын Божий, родившийся от Пречистой и Пресвятой Приснодевы Марии, ради спасения нашего, сказавший: *просите и дано будет вам* (Мф. 7, 7)! Благодарю благоутробие Твое за то, что я, грешная, получила от Тебя то, что просила, ибо я сподобилась видеть святые места, которые Ты освятил пречистыми ногами Твоими, и сподобилась лобызать святой гроб Твой, в котором Ты почил пречистою Твоею плотью, приняв смерть ради нас. О Преблагой Владыка! Прошу Тебя еще об одном: сподоби меня скончаться на месте этом святом. Не презри моей смиренной молитвы, Создатель мой! Приими дух мой во святом городе этом и посели меня вместе с прочими, угодившими Тебе, на лоне Авраамовом.

Помолившись так, святая пошла в упомянутую церковь, при которой поселилась. Здесь она впала в телесный недуг. Возлежа на одре болезни, она молилась так ко Господу:

— Слава Тебе, Владыка мой, Господи Иисусе Христе! Благодарю Тебя за то, что Ты послушал меня, недостойную рабу Твою, и поступил со мною так, как восхотел Ты Сам.

Желала блаженная Евфросиния быть и на Иордане, но уже не могла идти туда по причине недуга своего. Поэтому она послала на Иордан брата своего Давида и Евпраксию. Возвратившись оттуда, они принесли ей воды иорданской. Святая приняла воду ту с великою радостью и благодарением; она испила воды той и окропила ею все тело свое. Затем, возлегши на постель, сказала:

— Благословен Бог, просвещающий и освящающий всякого человека, грядущего в мир.

Во время той болезни имела преподобная видение ангельское, причем ей было возвещено от Бога и о блаженной кончине ее, и о уготованном для нее покое. И возвеселилась святая душою о Боге, Спасителе своем, хваля и прославляя Его за многие Его благодеяния.

Затем святая послала в лавру святого Саввы[1] спросить архимандрита и братию о том, нельзя ли дать ей там места для погребения.

Они же отвечали:

— Мы имеем заповедь от святого отца нашего Саввы, — никогда не погребать женщин в обители его. Есть общежительный монастырь Феодосиев, построенный во славу и честь Пресвятой Богородицы. Там почивают многие святые жены. Там почивает и мать святого Саввы, и мать святого Феодосия, и мать святых бессребреников Феодотия, и многие другие честные жены; там подобает быть похороненной и блаженной Евфросинии.

Преподобная, услыхав такой ответ, возблагодарила Бога за то, что тело ее будет положено вместе с мощами святых жен, и тотчас послала в обитель преподобного Феодосия с просьбою — приготовить место для погребения. Иноки монастыря того указали на место при церковном притворе и устроили гроб для погребения святой.

Преподобная Евфросиния пролежала на одре болезни еще двадцать четыре дня. Когда приблизилось время ее блаженной кончины, она позвала священника, причастилась от него Божественных Тайн Христовых и посреди молитвы предала святую душу свою в руки Божии 23 мая[2]. Честнóе тело ее было положено во обители преподобного Феодосия, при паперти церкви Пресвятой Богородицы[3].

Затем ее брат Давид и родственница Евпраксия, возвратившись в свою родную страну, в город Полоцк, принесли сюда весть о блаженной кончине и честном погребении преподобной Евфросинии.

---

[1] *Обитель святого Саввы* основана преподобным Саввою Освященным в VI веке. Обитель эта замечательна как колыбель Иерусалимского устава, принятого потом всеми палестинскими монастырями. Иерусалимский устав был также принят почти повсеместно и у нас, на Руси, с XIV века.

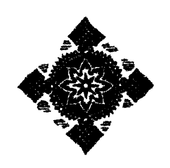
[2] Кончина преподобной Евфросинии последовала в 1173 году.

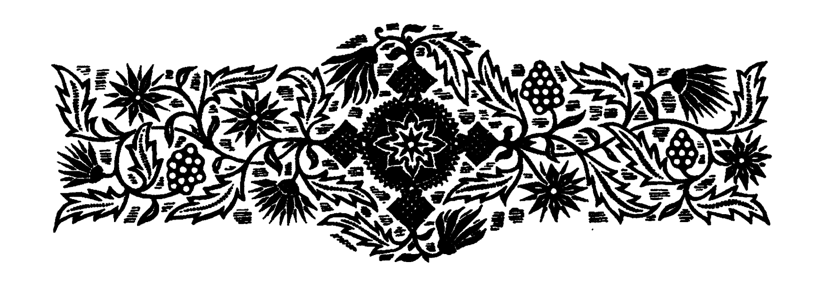
[3] Честные мощи святой Евфросинии впоследствии были перенесены (как полагают некоторые, в 1187 году) в Киев, где и почивают в пещерах преподобного Феодосия.

Оплакав кончину блаженной Евфросинии, все постановили каждогодно совершать память ее во славу Отца, и Сына, и Святого Духа, всею тварью хвалимого и прославляемого, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

В тот же день празднуется **обретение** (в 1164 году) **мощей святого Леонтия**, епископа **Ростовского**, чудотворца.

В тот же день **память преподобного Паисия Галичского**, бывшего архимандритом Успенского Николаевского монастыря (близ города Галича), скончавшегося в 1460 году.





День двадцать четвертый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
СИМЕОНА ДИВНОГОРЦА

Один юноша, по имени Иоанн, прибыл с родителями своими из Эдессы[1] в Антиохию[2]. Иоанн имел брачный возраст, и потому родители его, увидав здесь весьма красивую девицу, по имени Марфу, спросили отца и мать ее, не согласятся ли они отдать ее в замужество за сына их. Эти последние сказали об этом Марфе. Но девица не желала вступать в брачное сожительство, так как решила уневестить себя Христу, Богу и Господу своему, дабы соблюсти в чистоте девство свое. Но так как родители принуждали ее вступить в брак, то Марфа ушла от них и направилась с поспешностью в Предтечеву церковь, находившуюся близ города Антиохии. Придя сюда, она пала ниц и со слезами начала молиться ко Господу, прося Его устроить все так, как было бы полезнее и спасительнее для нее. И было в этой церкви видение Марфе, повелевавшее ей подчиниться родителям и вступить в брак. Исполняя волю Божию, девица сочеталась с Иоанном, причем была не только его помощницею во всех житейских делах, но и руководительницею, наставлявшею его ко всякому благому делу; Марфа украшала жизнь свою пощением, воздержанием и молитвою, стремясь угодить Богу. Честна́я Марфа часто приходила в церковь Предтечеву и молилась здесь с великим усердием к Иоанну Предтече, прося его исходатайствовать ей у Бога своими

---

[1] С именем *Эдессы* известно несколько городов. В данном случае, вероятно, разумеется Эдесса (ныне Урфа), находившаяся в северной части Месопотамии.

[2] Разумеется *Антиохия Сирийская*.

молитвами дар, — родить дитя мужеского пола; при этом Марфа обещала посвятить его, как некогда Анна Самуила (см.: 1 Цар. 1, 11), на служение Богу. Спустя год после этого в то время как Марфа, молясь здесь ночью, задремала, ей явился святой Иоанн Предтеча и сказал:

— Надейся, жена! Молитва твоя принята, и ты получишь то, о чем просишь. В знак же благоволения Божия приими вот это благоухание (при этом он дал ей кадило с благовонием); покади этим кадилом свой дом.

Пробудившись от сна, Марфа нашла в руке своей кадило, от которого исходило неизреченное благоухание.

Затем ей снова явился Предтеча Господень и сказал:

— Иди к мужу твоему, ибо ты зачнешь сына и назовешь его Симеоном. Он будет вкушать молоко лишь из правой груди твоей, левой же совершенно не прикоснется, ибо он будет сыном десницы; не будет вкушать ни мяса, ни вина, ни какой другой снеди, приготовленной с искусством рукою человеческою; пищею для него будет лишь хлеб, мед, соль и вода. Тебе следует с большим вниманием воспитывать его, как сосуд святой, предназначенный для служения Господу Богу нашему. Спустя два года после его рождения ты принесешь его в мою церковь, и здесь вы его крестите; когда младенец сподобится благодати крещения, тогда будет видно всем, что выйдет из него.

Марфа, преисполнившись и страха, и радости от такого видения, принесла великое благодарение Богу и святому Предтече Господню Иоанну. Затем, возвратившись в дом мужа своего, зачала от него, а когда исполнилось время, родила без болезни сына и назвала его Симеоном. Марфа кормила младенца правою грудью своею. Иногда же, испытывая слова святого Предтечи Иоанна, сказанные ей в видении, давала младенцу левую грудь; но младенец с плачем отворачивал лицо свое от левой груди и ни в каком случае не желал принимать из нее молока. Было дивным еще и то, что в какой день Марфа вкушала мясо или испивала вино, в тот день младенец совершенно не вкушал молока от груди матерней и пребывал голодным даже до следующего дня. Поняв причину невкушения младенцем пищи, Марфа начала воздерживаться от вкушения мяса и вина и так питала имевшего быть великим постником, сама пребывая в постоянном посте и молитве.

После того как младенцу исполнилось два года, родители принесли его в церковь Предтечеву и крестили здесь. По крещении же младенец тотчас заговорил, ясно сказав следующие слова:

— Имею отца, и не имею отца; имею матерь, и не имею матери!

Эти слова он повторял в течение семи дней. Родители весьма удивлялись этому и предвидели, что их младенец будет подражателем не земных дел, а небесных. Когда младенец был вскормлен материнским молоком, то его стали питать хлебом, медом и водою, так как мяса он ни в каком случае не хотел вкушать, точно так же как не вкушал и ничего вареного.

Когда младенцу пошел шестой год, случилось землетрясение в Антиохии (в царствование Юстиниана Великого)[1]. Во время этого землетрясения упал каменный дом, в котором жили родители Симеона, причем отец его умер, будучи убит упавшим домом, мать же осталась живою, так как, по усмотрению Божию, во время этого землетрясения вышла из дома и пребывала в храме; младенец Симеон точно так же находился тогда не в доме своем, но в церкви святого первомученика Стефана, где и был сохранен Богом целым и невредимым. Выйдя из церкви, Симеон не знал, какою дорогою идти ему к себе домой, так как всюду валялись обломки от разрушенных домов. Не найдя дома своего, он долго блуждал, ходя по развалинам Антиохии; наконец, одна благочестивая женщина, знавшая его родителей, взяла его на свои плечи и принесла на гору, находившуюся неподалеку от города, где она сама проживала.

Блаженная же Марфа, мать Симеонова, узнав, что дом ее обрушился, и подумав, что с мужем ее погиб и ее сын, будучи задавлен каменными стенами, предалась великому плачу. Спустя семь дней после этого ей явился святой Иоанн Предтеча и сказал, что отрок ее жив, указал также и место, где он находился. Марфа тотчас отправилась к горе той. Придя туда, она нашла Симеона у упомянутой женщины, причем эта последняя с удивлением сказала матери Симеоновой, что отрок в продолжение всех тех семи дней не вкушал ничего, кроме небольшого количества хлеба и воды. Взяв его, мать вместе с ним направилась к церкви Предтечевой и принесла здесь благодарение Богу и Его угоднику Иоанну Предтече за сохранение отрока живым; потом возвратилась к себе.

---

[1] *Юстиниан I (Великий)* царствовал с 527 по 565 год.

Однажды, когда Марфа размышляла сама в себе о видениях, бывших ей о отроке, и о многих удивительных делах, уже совершившихся относительно отрока, она недоумевала, что выйдет из ее сына; уснув, она имела такое видение: ей показалось, что она получила крылья и поднялась на высоту, держа в руках своих отрока; вознося его в дар Господу, она говорила:

— Я желала бы видеть, чадо мое, таковое твое восхождение. Да отпустит с миром Создатель мой меня, сподобившуюся быть благословенною многими женами, ибо я отдаю Всевышнему плод чрева моего!

После этого Марфа поселилась с сыном своим на некотором месте, находившемся в Антиохии и называвшемся «Херувим». Название это было усвоено месту тому по следующему поводу: Тит, сын Веспасиана, императора Римского[1], завоевав Иерусалим, взял из иерусалимского храма двух золотых Херувимов, стоявших над ковчегом Завета, и принес их в Антиохию. То самое место, где были поставлены эти Херувимы, и называлось Херувимом.

В то время как блаженная Марфа пребывала здесь вместе с отроком своим, Симеону было такое видение: он видел Господа Иисуса Христа, сидевшего на высоком престоле, причем к Нему со всех сторон стекалось много праведников; пред престолом была открыта книга жизни, по которой творился суд; на востоке виднелся рай сладости, на западе же — геенна огненная. Затем Дух Святой сказал Симеону:

— Слушай, отрок, и уразумевай все, что здесь видишь; постарайся угодить Богу, и тогда ты сподобишься одинаковой чести и славы с прочими святыми и получишь неизреченные блага, приготовленные для всех, любящих Господа.

После этого видения отрок преисполнился премудрости Божественной и получил откровение и видение многих неведомых и чудесных тайн.

Спустя некоторое время Симеон увидел некоторого мужа, дивного лицом, облеченного в белые одежды, сказавшего ему:

— Последуй за мною.

---

[1] *Веспасиан* управлял Римской империей с 70 по 79 год по Рождестве Христовом. Сын его, *Тит*, царствовал с 79 по 81 год.

Симеон последовал за ним. Муж, явившийся ему, привел его в страну тиверинскую, находившуюся рядом с Селевкиею. Муж привел отрока на место, называвшееся Пила. Здесь отрок пребывал в горе пустынной, живя со зверями, как с агнцами. Он имел своими сожителями только зверей, так что никто из людей не видал его. Ночью и днем его осиявал свет неизреченный. Принимал пищу Симеон из рук того светлого мужа, который привел его сюда. Муж тот часто являлся ему, поучал его во всем и подавал ему в свое время пищу.

Спустя некоторое время, по наставлению того же мужа, Симеон взошел на верх горы и нашел здесь небольшой монастырь, игуменом которого был блаженный Иоанн, стоявший на столпе. Этот игумен имел частые видения, предуказывавшие, что к нему придет блаженный отрок Симеон: так, например, он видел отрока в белой одежде, иногда направлявшимся в монастырь на колеснице, иногда летающим по воздуху и парящим над монастырем, иногда стоящим на светлом столпе и с столпом приближающимся к монастырю. Видел этот блаженный Иоанн и Ангела, показывавшего ему на отрока того и говорившего:

— Вот это тот, через которого ты получишь спасение.

Обо всех этих видениях игумен Иоанн говорил инокам, пребывавшим вместе с ним.

Когда же, по Божию усмотрению, в его монастырь пришел блаженный Симеон, то иноки весьма удивлялись тому, что столь малое дитя, не имевшее еще и шести лет, могло одно ходить по такой пустыне и найти монастырь. Игумен же Иоанн, увидав Симеона со столпа своего, понял, что это был именно тот отрок, какого он неоднократно созерцал в видениях своих. Весьма возрадовавшись всему происшедшему, Иоанн призвал Симеона к себе, взял на руки свои и облобызал его, со слезами благодаря Бога. Отрок же был лицом весьма красив, белокур волосами, взор его был чист и светел, являвший всем душевную доброту его; отрок был кроток, молчалив, скор на ответ, разумен в слове, преисполнен дарований небесных. Симеон пребывал в монастыре том отдельно от всех, содержа уста свои в молчании. Пощение его было таково: иногда через три дня, иногда через семь, а иногда через десять вкушал он горох, размочен-

ный в воде, и пил очень немного воды. Видя все это, игумен Симеон весьма дивился.

В монастыре том жил один простец, пасший стада. Увидав вышеестественное пощение отрока того, он разжегся диавольскою завистью к нему и замыслил убить его. Но когда он начал приводить в исполнение свой злой умысел, тотчас рука его засохла; он разболелся всем телом своим, так что был уже недалек от смерти; вследствие этого он исповедал грех свой игумену и блаженному Симеону и покаялся в нем. Отрок же, будучи незлобивым, не только простил ему грех его, но и помолился о его исцелении Богу, и тотчас, лишь только он коснулся иссохшей руки его, она исцелела, и все тело человека того стало здравым. С этого времени игумен и братия стали еще больше почитать этого блаженного отрока, так как видели в нем того, кого Бог предызбрал на служение Себе еще от чрева матери.

Спустя некоторое время блаженный Симеон начал усердно просить братию построить ему столп близ столпа аввы Иоанна; согласно его желанию, столп был выстроен при столпе Иоанновом. Отрок взошел на него, имея всего лишь семь лет от роду, будучи облеченным в образ иноческий блаженным Иоанном. И стоял он на столпе, подражая авве Иоанну.

При начале его подвига столпного, ему явился Господь наш Иисус Христос в виде Отрока, сиявшего неизреченною красотою. Увидав этого Отрока, святой Симеон воспламенился к Нему любовью от всего сердца своего. Познав же, что это был Бог и Господь его, он с дерзновением спросил Его:

— Господи, как Тебя распяли иудеи?

Господь же, распростерши Свои руки крестообразно, сказал ему:

— Вот так Меня распяли иудеи; впрочем, Я Сам благоизволил дать Себя на распятие. Ты же мужайся и крепись, сраспинаясь Мне во все дни жизни своей.

С этого времени святой Симеон как бы забыл совершенно свое тело и уподобился бесплотным тварям, проводя жизнь ангельскую и превосходя подвигами своими даже старца Иоанна. Иоанн пел каждую ночь по тридцати псалмов, а Симеон по пятидесяти, а иногда по восьмидесяти, часто же и всю Псалтирь пропевал в одну ночь, совершенно не предаваясь сну; и днем святой непрестанно славос-

ловил Господа. Старец же, щадя юность Симеона и опасаясь, как бы он не изнемог от столь великих трудов, увещевал его, говоря так:

— Чадо! Оставь свои, превосходящие силу человеческую, труды, так что ты даже нам не даешь уснуть; для тебя слишком достаточно, что ты от рождения своего сораспялся Христу; необходимо тебе иметь некоторое, хотя бы малое, попечение и о теле твоем; необходимо тебе предаваться хотя бы краткому сну и принимать пищу в меру, дабы ты мог до конца выдержать подвиг постнического жития; ведь пища и питие не оскверняют человека, как говорит Сам Господь в Своем Писании святом: *Все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам все* (Быт. 9, 3).

Отвечал старцу блаженный Симеон:

— Хотя пища и не оскверняет человека, но она рождает греховные помыслы, помрачает ум, укореняет страсть, претворяет духовного человека в плотского, устремляет мысли его к земным вожделениям; нам же, инокам, подобает днем и ночью поучаться в законе Господнем, дабы не подпасть под обольщение сонное, и не впасть в уныние, как говорит пророк: *воздремá душа моя от уныния* (слав. Пс. 118, 28). В особенности для славословия Божия должно отверзать уста с недремлющею бодростью, и тогда мы привлечем на себя благодать Духа Святого. Впрочем, что тебе, честной отец, до слов моих? Я для себя самого, но никак не для других, указываю закон, ибо мне необходимо удручать свое юное тело столь великими подвигами.

Удивился весьма старец такому благоразумному ответу юного отрока.

Однажды, когда Симеон был осиян светом от Духа Святого, ему было открыто все диавольское царство и все демонские мечтания, ибо он видел самого князя тьмы, сидевшего на престоле большом, имевшего венец, блестевший на голове его, причем полки демонов предстояли ему; пред лицом же князя тьмы виднелись все мирские обольщения, уготовляемые им: золото, серебро, камни драгоценные, маргариты; все это находилось как бы в некоем болоте; всюду слышались гласы труб, свирелей и прочих музыкальных инструментов. И виден был грех в образе красивой женщины, за которой следовали слуги-искусители, соблазняющие людей ко греху: виден был дух суеты, дух нечистоты, дух лености и дух сребролюбия; виден был змий,

никогда не насыщавшийся устами своими, готовый пожрать весь мир. Эти духи-искусители пытались склонить ко греху и Симеона; они призывали его ко греху различными лукавыми словами, но он, оградившись обычным оружием своим, — знамением честнóго Креста, — и призвав имя Христово, всегда отгонял от себя все те мечтания демонские, подобно тому как солнце прогоняет тьму. Посмотрев же на церковь, Симеон увидел престол Божий, от которого исходила слава Божия, осиявшая и Симеона; при этом к святому Симеону был послан из церкви один из патриархов, имевший в руке своей миро благоуханное; возлив его на голову Симеонову, он сказал:

— Силою помазания этого да прогонишь бесов! Препоясавшись Божественною силою свыше, да сечешь их тысячами и да победишь их десятками тысяч. Дерзай же, надеясь на Создателя твоего, ибо *враг не превозможет* тебя, *и сын беззакония не притеснит* тебя (Пс. 88, 23).

С этого времени блаженный Симеон принял власть над духами нечистыми и изгонял их из людей, которых исцелял и от всяких других болезней.

Однажды раб Божий Симеон столпник обратился с такими словами к блаженному старцу:

— Отче! Не так давно, всего несколько дней тому назад, Господь открыл мне власть сатаны и все его пагубные богатства; я видел всю лесть и коварство его, с каким он ведет борьбу с людьми добродетельными.

Иоанн же отвечал Симеону:

— Бог да соблюдет тебя, чадо, от всех козней его.

Симеон сказал:

— Хотя бы нечестивая сила демонская и замыслила причинить нам много зла, она нисколько не успеет в этом.

Старец же, видя, что отрок вменяет ни во что искушения демонов, и опасаясь, как бы он не впал в высокоумие, сказал ему:

— Во всяком случае, чадо, нам следует опасаться многоразличных козней демонских, и недостаточно уповать лишь на добродетель нашу; ибо враг наш обулся в железные сапоги[1], стараясь всегда вовлечь в искушение иноков; и всегда, как только он видит удобный случай, воздвигает тяжкую брань на иноков. Нам же необходимо

---

[1] Выражение образное, показывающее силу и коварство демонов.

всегда молиться к Богу и призывать на помощь Еммануила[1], дабы Он был всегда с нами и поразил всю силу вражию.

В то время как святые беседовали так, сатана, слышавший их разговор, преисполнился ярости и начал скрежетать зубами на юного подвижника; затем начал устрашать его различными мечтательными образами, превращаясь то в лютых змей, то в зверей, устремляясь на него каждый день и каждую ночь и как бы намереваясь его пожрать. Блаженный же Симеон, имея своим помощником Бога Всевышнего, ограждая себя знамением крестным, говорил:

— Не убоюсь *от страха нощна́го, от стрелы́, летящия во дни, от вещи, во тьме преходящия, от ср́яща и беса полуденнаго* (слав. Пс. 90, 5–6).

В декабре месяце ночью, именно во вторую стражу ночную, диавол, собрав все свои полчища, направился внезапно к святому Симеону и, сорвав крышу, устроенную над столпом, свергнул блаженного Симеона со столпа вниз. Но отрока охраняла рука Божия; поэтому святой стоял у столпа как невредимый, бодрый духом, ибо он нисколько не устрашился нападения вражеского. Затем диавол воздвиг с моря бурный и резкий ветер; поднялась буря, слышались удары грома, виднелась молния, ударявшая всю ночь по столпу Симеонову. Преподобный же Иоанн, думая, что Симеон был уже убит громом и молниею, начал плакать и просил иноков пойти и посмотреть, жив ли отрок и на столпе ли он. Иноки же не отвечали Иоанну, ибо, из страха пред наваждением тем бесовским, не выходили из келлий своих; были же среди иноков и такие, которые питали ненависть на отрока Симеона, поддаваясь искушению демонскому. Иноки говорили друг другу:

— Где же пощение отрока того, превосходящее силы человеческие? Где подвиги его? Где чудодействия? Пусть поможет теперь сам себе!

Блаженный же Симеон, услыхав, что старец Иоанн плачет о нем, громко воззвал к нему, говоря:

— Не скорби обо мне, отче, ибо я нисколько не пострадал ни в чем, будучи охраняем благодатью Христовою; диавол же посрамлен.

---

[1] *Еммануил* — наименование Мессии, или Иисуса Христа, в известном пророчестве Исаии о рождении Сына от Девы (Ис. 7, 14). Это наименование означает с еврейского: «с нами Бог».

Когда наступило утро, иноки отправились к столпу Симеонову, думая, что найдут отрока уже мертвым, но, увидав его живым и радостным, как Ангела Божия сиявшего лицом своим, постыдились. С укоризною от старца Иоанна ушли они, посрамленные, в келии свои.

О блаженном Симеоне услышал Ефрем, архиепископ Антиохийский. Узнав, в сколь великих подвигах проводил он жизнь свою, Ефрем пришел к нему и, увидав отрока, столь юного телом, но уже достаточно совершенного в добродетельной жизни, сораспявшего себя Христу, прославил Бога и со слезами возвратился в город свой, рассказывая всюду на пользу граждан строгое постническое житие раба Христова.

С этого времени к блаженному Симеону начали приходить многие как из иноков, так и из мирян, — одни для того, чтобы видеть его, другие для того, чтобы насладиться его боговдохновенною беседою и, наконец, третьи затем, чтобы исцелиться от телесных недугов своих, видя в Симеоне безмездного врача и целителя.

Однажды блаженный Симеон попросил себе у приходивших к нему крепкую и жесткую вервь и тайно от всех обвил ею тело свое, так что вервь проникла до костей его; тело его покрылось язвами, из которых изливалась кровь; власяница, будучи смочена кровью, прилипла к телу святого; начала уже гнить плоть его, но святой Симеон мужественно переносил подвиг свой; наконец начал исходить смрад от гнившей плоти его. Иноки, восходившие к нему на столп, не знали сначала, откуда исходит этот смрад; потом же, поняв великий подвиг святого, возвестили обо всем авве Иоанну. Иоанн, ужаснувшись столь великому подвигу, приказал мало-помалу вынуть веревку из тела Симеона и запретил ему предавать тело свое столь лютым мучениям.

Блаженный Симеон имел и благодать учения, исходившую как река из уст его. Созывая братию, старец Иоанн приказывал говорить Симеону поучение и сам с любовью слушал его. И был, таким образом, юный отрок мудрым и полезным учителем для старых, ибо уста его были преисполнены благодати Духа Святого.

Старец Иоанн называл Симеона за его дар учительства новым Давидом; говорил ему и о видении, которое он имел относительно него во сне, а именно, говорил, что видел как бы некую Божественную силу, имевшую в правой руке своей сот медовый, истекавший над главою отрока.

Другой старец спросил однажды братию, указывая на столп Симеонов:

— Водятся ли голуби в столпе этом?

Братия отвечали ему:

— Нет.

Тогда старец сказал:

— Я видел голубя, светлого видом, влетевшего к отроку через дверцу, затем через час вылетевшего от него и поднявшегося к небесам.

В то время как старец тот беседовал с братиею, блаженный Симеон имел видение: ему казалось, что он был восхищен на высоту и облетал всю вселенную, как бы имевший крылья; затем ему представлялось, что он был возведен семью лестницами на высокую гору, где, подобно святому апостолу Павлу, видел то, чего *не видел глаз*, слышал то, чего *не слышало ухо* (1 Кор. 2, 9). Святой Симеон, спускаясь оттуда, спросил водившего его:

— Что это я видел?

Тот же отвечал:

— Это семь небес, на которые ты был восхищен.

Затем святой увидел рай, и прекрасные сады, и пресветлые и пребольшие палаты, и источник мира, протекавший там. Здесь преподобный не видел никого, кроме Адама и благоразумного разбойника.

Когда Симеон пришел в чувство, то сказал о всем виденном старцу Иоанну. Тот же, выслушав, сказал:

— Чадо! Благословен Бог, даровавший тебе таковую благодать.

Между тем отрок преуспевал все более и более в трудах постнических. Если к нему приходил кто-либо, не имевший одежды, то он, сняв с себя одежду свою, отдавал пришедшему, сам же пребывал нагим; так поступал он не только летом, но и зимою. Старец же Иоанн не один раз облекал его в одежду, хотя он и не хотел этого, опасаясь, как бы отрок не умер от холода и стужи. Но отрок, ударяя себя в грудь, плакал, говоря:

— Горе мне, окаянному! Вот святые сорок мучеников ради имени Христова терпели и холод и стужу в озере[1], а я боюсь и немного по-

[1] Имеется в виду подвиг святых сорока мучеников, пострадавших в армянском городе Севастии в IV веке. Память их совершается святой Церковью 9 марта.

мерзнуть. Как же в таком случае я спасусь от вечного скрежета зубного? Каким образом я могу получить одну участь со святыми?

И рыдал Симеон такими и им подобными словами долгое время.

Старец же, огорчившись, сказал:

— Что еще хочешь сделать с собою, Симеон? Вот у тебя лишь недостает ножа, чтобы ты им умертвил себя!

Спустя некоторое время Симеон придумал такое мучение для плоти своей: он сел на ногах своих и не вставал в продолжение целого года; бедра и голени преподобного начали вследствие этого гнить, так что от гниения распространялся кругом смрад. Авва Иоанн, призвав врача, просил его уврачевать язвы Симеоновы, но Симеон, улыбаясь, сказал:

— Жив Господь мой! Да не прикоснется ко мне рука или помощь человеческая.

Господь же благодатью Своею подал ему здравие, и встал отрок, будучи здрав обеими ногами и бедрами, так что не имел на них совершенно никаких следов язв от ран. Став на колена, святой возносил долгое время благодарение Богу за свое исцеление.

Когда наступил праздник святой Пятидесятницы, утром праздничного дня блаженный Симеон спросил преподобного Иоанна:

— Отче, кто достоин приятия Духа Святого, подобно тому, как Его приняли святые апостолы в языках огненных? (см.: Деян. 2, 1–4).

Старец отвечал ему:

— Не ищи того, что выше тебя, и не расследуй того, что недоведомо тебе; размышляй же о том, что тебе повелено.

Отрок сказал на это:

— В Священном Писании сказано: *Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит и спасает их* (Пс. 144, 19).

Сказав так, отрок возвел очи свои к небу и из глубины сердечной помолился Богу в таких словах:

— Господи, пославший Дух Твой Святой на святых Твоих учеников и апостолов, пошли дар благодати Твоей и на меня; *вразуми меня, и научусь заповедям Твоим* (Пс. 118, 73), ибо Ты можешь *из уст младенцев* (Пс. 8, 3) совершить Тебе *хвалу*. Ниспошли мне Духа Твоего Святого, дабы я возвестил людям слова жизни вечной.

В то время как святой молился так, на него сошел Дух Святой с неба в виде свечи горящей и преисполнил сердце его премудростью и разумом, так что святой начал многое говорить, поучая всех от Божественного Писания; никто не мог противиться премудрости обитавшего в нем Духа. И не только устами, но и в письмени святой поведал много душеспасительных бесед об иночестве, покаянии, о воплощении Христовом, о будущем суде; кроме того, — он истолковал многие неудобовразумительные места Священного Писания.

Старец Иоанн весьма дивился таковому дару юного отрока и говорил:

— На этом отроке исполнилось то, что написал Давид: *Слово Господне разжжé его* (слав. Пс. 104, 19). Теперь я понял, что он совершит многие дивные дела, почти столь же славные, как и дела апостолов.

И все прочие иноки весьма дивились отроку, и начали даже его бояться, поражаясь не только учением его, но и чудесами, им совершаемыми.

Некоторые из иноков тех видели в сонном видении три чертога, три престола в них и три венца, лежавшие на престолах. Когда иноки те вопросили, кому приготовлена таковая слава, то слышали голос, говоривший:

— Симеону отроку!

Преподобный же Симеон, сияя своим ангельским житием как солнце, все более и более воспарял от всего земного к небесному. Он захотел подвизаться на еще более высоком столпе, почему для него и был построен столп, имевший в высоту сорок ступеней. Когда Симеон приготовился восходить на столп этот, то, узнав об этом, к нему пришел архиепископ Антиохийский, также и епископ Селевкийский, слышавшие ранее о подвигах юного отрока. Придя в монастырь с клиром своим, они, взяв с благоговением блаженного отрока, повели его с возжженными свечами сначала в церковь, — во святой алтарь, где посвятили его в сан диакона, а затем с пением псалмов возвели его на столп тот. И пребывал на этом столпе святой Симеон восемь лет. Старец Иоанн весьма сокрушался сердцем своим об отроке, ибо не видел лица его. Симеон же, подвизаясь на высоком столпе, всем являл свое ангельское житие, уподобляясь Херувимам, и постоянно славословил Бога.

Но дабы ни один человек не хвалился и не превозносился пред Богом, Бог попустил сатане воздвигнуть на Симеона тяжкую брань плотскую: сатана хотел осквернить его сонными мечтаниями, но отрок мужественно противился искушению; Симеон не давал сна очам своим и усердно молился ко Господу, прося Его быть помощником против восстающего на него врага. Потом Симеон увидал некоего честного мужа, светлого лицом, седого волосами, сходившего с неба, облеченного в ризы священнические и имевшего в руках чашу с Божественными тайнами Тела и Крови Христовых; при этом весь воздух наполнился несказанным благоуханием; когда тот светлый муж подошел к блаженному Симеону, то причастил его святыми и животворящими Тайнами и сказал:

— Мужайся, и да крепится сердце твое! С этого времени сонные мечтания не будут беспокоить тебя, только следи за мыслями своими со тщанием и уповай на Бога.

Святой же Симеон, преисполнившись по случаю видения премногой радости и несказанной сладости сердечной, восхвалил Бога.

Блаженный отрок охранял себя как от различных небогоугодных мыслей, так и от бесед с людьми: каждый день он заключал себя до часа девятого и ни с кем не желал беседовать, кроме одного Бога.

Между тем наступило время блаженной кончины аввы Иоанна столпника. Предвидя эту кончину, блаженный Симеон послал сказать Иоанну:

— Не печалься, честной отец, если услышишь о дне кончины своей, ибо смерть — общая участь всех людей. Я знаю, что ныне Христос Бог призывает тебя к упокоению, дабы ты после своих трудов почил вместе с прочими святыми. Дай же мне, честной отец, благословение Авраамово и помяни меня, когда придешь поклониться престолу славы Пресвятой и Единосущной Троицы; помолись о нас, дабы и мы, победив мир, получили бы Царство небесное и увидели бы в нем друг друга.

Иоанн, выслушав слова эти, не усомнился в истинности их; не испугался он и сердцем своим, потому что всегда был готов к смерти, хотя в это время он не страдал никаким недугом, будучи совершенно здрав телом своим. Иоанн отвечал Симеону через посланного:

— Да благословит тебя, чадо мое, Бог Отец, Которого ты взыскал, и Единородный Сын Бога Отца, Которого ты возлюбил, и жи-

вотворящий Дух Божий, Которого ты вожделел всем сердцем своим. Единое Божество Пресвятой Троицы да будет тебе крепостью и защитою и да наставит Оно тебя и утешит тебя. Да будут благословлены все те, кто тебя будет благословлять, проклинающие же тебя будут прокляты. Да даст тебе Господь честь и славу за то, что ты почитал меня, духовного отца твоего, как отца плотского. Да получит благодать и милость от Господа и мать твоя блаженная, много мне послужившая.

Братия, стоявшие около старца, услыхав таковые слова, преисполнились страха и спросили блаженного Иоанна:

— Что это ты, честно́й отец, завещаешь относительно отрока Симеона?

Старец же отвечал:

— Я весьма желаю, чтобы все вы были подражателями Симеона в его пламенносердечной молитве к Богу; да сподобитесь и вы молитвенной помощи этого отрока, ибо он — сосуд, избранный Самим Богом, великий и че́стный.

Затем авва Иоанн поучил братию душеспасительными беседами и помолился о них; потом возлег на постель как бы затем, чтобы почить некоторое время, и вскоре же уснул сладким сном навеки, нисколько не поболев телом, — и так отошел к прочим блаженным отцам.

По кончине блаженного старца Иоанна святой Симеон начал подвизаться еще большими трудами. Порядок жизни его был таков: с раннего утра до часа девятого он молился, после девятого часа упражнялся в чтении книг и их переписывании до захождения солнца, по захождении же солнца снова начинал молиться и всю ночь пребывал без сна в постоянной молитве до дневной зари. Когда же наступал день, Симеон позволял сну, как бы рабу некоему, приступить к нему на непродолжительное время. Подремав немного, он вскоре же вставал и начинал свое обычное правило молитвенное. Во время молитвы своей он держал в правой руке своей фимиам, который без горящих углей распространял кругом себя благоухание. Иногда слышался ему голос как бы большой толпы народной, находившейся в воздухе, подпевавшей ему и возглашавшей:

— Аллилуиа!

Это был глас святых Ангелов.

Часто святой проводил дни и ночи совершенно без сна. Однажды он совершенно не предавался сну в течение тридцати дней и тридцати ночей, моля Бога отогнать сон от очей его. И было сказано ему от Бога:

— Подобает тебе, хотя бы и на малое время, упокоить тело свое сном.

Диавол же, не вынося столь славного подвига блаженного Симеона, опять вооружился на него со всем полчищем своим, покушаясь устрашить его различными мечтательными образами; иногда он преображался в змей, иногда в различных зверей, устремлявшихся пастью своею на святого; иногда превращался в какую-то необычную птицу, имевшую лицо как у отрока и устремлявшуюся на преподобного; иногда же являлся ему в виде многих воинов, шедших на брань с великими криками, намереваясь согнать святого со столпа и повергнуть самый столп на землю. Однажды диавол ударил по столпу большим камнем; столп наклонился, как бы готовясь упасть, но невидимая сила Божия поддержала его и выпрямила. В другой раз демон явился в виде девицы, черной лицом, бесстыдной нравом, пытавшейся обнять руками своими шею святого и говорившей:

— Последний раз я борюсь с тобою, и если ты одолеешь меня, то отойду от тебя до времени.

Все эти и им подобные мечтания и привидения демонские святой прогонял молитвою и знамением честно́го Креста.

Имел святой и Божественное дивное видение: он видел небо отверстым и Господа нашего Иисуса Христа, окруженного неизреченным сиянием, как бы каким пламенем огненным; Господу предстояли святые Архангелы, Михаил и Гавриил, один — по правую сторону, а другой — по левую. Под ногами Господа находилось багряное облако. Увидав все это, святой Симеон поклонился Господу своему и простер руки свои к Нему, прося Его споспешествовать по милости Своей ему в принесении плодов благих. Христос же Господь благословил Симеона трижды Своими перстами. Затем, посмотрев вниз, Симеон увидел на земле весьма много бесов, имевших различные образы: одни из них имели образ диких кабанов, другие — козлов. И дал Господь власть Симеона над всеми теми бесами, дабы он мог прогонять их. В знак же власти этой был дан от Господа Симеону

жезл финиковый. Тотчас же все бесы бежали от лица Симеонова и пропали неизвестно где.

Блаженный Симеон прогонял и всех лукавых духов из людей, которых приводили к нему и которые были одержимы бесами; исцелял святой и многие другие болезни и даже воскрешал мертвых. Так, однажды ко святому пришел один человек, у которого умер сын. Припав со слезами к святому, человек тот просил угодника Божия спасти его от столь великой беды и помолиться Богу о умершем сыне его. Святой же, принеся молитву Богу, сказал тому человеку:

— Иди во имя Господне! Сын твой жив!

Человек тот поверил словам святого. Придя в дом свой, он действительно нашел сына своего воскресшим из мертвых. Взяв его, человек тот направился вместе с ним к святому с радостью неизреченною и принес благодарение Богу и угоднику Его, святому Симеону.

Потом Симеон опять увидел Господа и Бога нашего, Которому предстояли чины Ангелов; при этом первейшие из Ангелов держали в руках своих венец царский, украшенный драгоценными камнями; на верху венца находился крест, блиставший как молния. Этим венцом Ангелы хотели венчать Симеона на царство. Увидав все это, Симеон сказал Ангелам:

— Не отнимайте у меня власяницы, в которую я облекся ради имени Христова!

Ангелы же отвечали ему:

— За это ты и восприимешь уготованный тебе венец Царствия Христова, и облечешься как в багряницу в благодать Святого Духа, и воцаришься вместе с прочими святыми в бесконечном Царствии.

Блаженный же Симеон, воззрев на Господа, сказал:

— Господи и Творец всего! Если Ты благоволишь сподобить меня славы святых Твоих в Царствии Твоем, — то, молю Твою благость, сделай так, чтобы я не вкушал тленной пищи человеческой!

И услышал Симеон, что Господь соизволял прошению его. Вслед за тем к блаженному приступили Ангелы, возложили на постническую власяницу его пресветлую одежду царскую, увенчали венцом голову его и воспели велегласно, говоря так:

— Славен и препрославлен Христос Бог, Царь неба и земли; да будет похваляем и раб Его Симеон!

После этого видения святой Симеон уже совершенно не вкушал земной пищи до самого конца жизни своей, но питался лишь небесною пищею, приносимою ему Ангелом.

О том, сколь великие чудеса сотворил святой Симеон и сколь славны были подвиги его, — повествуется весьма многое; здесь же предлагается немногое из многих подвигов блаженного Симеона.

Однажды святому Симеону были открыты все те беды, которые в скором времени должны были постигнуть город Антиохию и все его окрестности: Симеон видел Ангела, парящего в воздухе над городом Антиохиею с мечом в руке. Тогда святой начал с усердием молиться ко Господу от всего сердца своего, ходатайствуя за город Антиохию пред Богом как новый Моисей и прося Господа отвратить гнев Свой от народа. И сказал ему Господь:

— Вот, до Меня дошел вопль грехов города сего; поэтому Я разгневался на этот город и погублю его, послав на него огонь, меч и смерть. За то, что город этот раздражил Меня грехами своими, Я отдам его в плен народу неразумному.

Святой Симеон говорил об этом видении всем, приходившим к нему городским жителям и увещевал их покаяться в грехах своих.

Спустя непродолжительное время действительно Господь воздвиг на Антиохию Хозроя, царя Персидского (деда юного Хозроя, взявшего в пленение животворящее древо Креста Господня в Иерусалиме)[1]. Хозрой пришел с большим воинством персидским и халдейским и начал жестокую брань с гражданами города Антиохии. Блаженный же Симеон, пребывая на столпе и будучи укрываем Богом от варваров, пришедших в страну ту, с усердием молился ко Господу, прося Его отвратить гнев Свой от города и не отдавать его в руки врагов; однако не мог умолить Бога и утолить праведного гнева Божия. Было святому Симеону новое видение: находясь в восторге, он увидел пред собою пресветлый крест, и при кресте двух Ангелов,

---

[1] *Хозрой* (или точнее *Хосров*) с персидского значит вообще *царь*. Это наименование обыкновенно прибавлялось к собственному имени того или другого царя. В данном случае разумеется *Хозрой I Ануширван*, правивший с 531 по 579 год. Внук его *Хозрой II Парвез* (правил с 590 по 628 год) взял в Иерусалиме животворящее древо Креста Господня в 614 году, во время войны с Греческим императором Фокой. Древо крестное было возвращено в 628 году преемником Хозроя II Сироэсом по заключении мира с греческим императором Ираклием.

имевших в руках напряженные луки с приготовленными стрелами. И сказали ему Ангелы:

— Этот крест послал тебе Господь для твоей защиты в знамения мира, ибо тебя не коснется гнев Божий, направленный на страну эту; стрелы же эти приготовлены для отогнания врагов, если они восхотят приблизиться к этому месту, где подвизаешься ты. Мы поставлены для твоей защиты.

Потом Симеон увидел в видении, что город был взят; посреди его проходили враги; всюду слышался вопль и плач великий; при этом одни из граждан были усекаемы мечом, другие уводились в плен, иные же прыгали со стен городских и предавались бегству; в числе этих последних он видел и двух иноков его монастыря, которые, испугавшись варварского нашествия, оставили монастырь и гору и убежали в город; но в то время, когда эти иноки бежали из города, их настигли варвары, причем один из них был убит мечом, а другой уводился в плен.

Все то, что видел святой, в скором времени действительно сбылось спустя всего лишь несколько дней после видения. Город Антиохия был взят неприятелями, предан мечу и огню, причем многие граждане были отведены в плен. Но по молитве святого Симеона некоторые граждане избегли руки варваров. Так когда варвары вошли в город, то многие граждане успели выбежать из него другими воротами, еще не занятыми неприятелем; много граждан также бежали, перескочив через стены городские. Беглецы укрывались в горах и пустынях, охраняемые милосердием Божиим, за исключением упомянутых ранее двух иноков.

Приходили варвары и к той горе, на которой находился монастырь и столп Симеонов, но возвращались ни с чем; ибо гора была покрываема от них, как некогда гора Синайская, мраком и облаком (см.: Исх. 19, 16), так что варвары не видели ни монастыря, ни столпа. Многие из неприятелей были устрашаемы и обращаемы в бегство какой-то невидимой силой; они бежали в столь великом страхе, будто за ними гнались полчища вооруженных воинов; ибо молитва святого Симеона была страшным и непобедимым оружием на сопротивников. Ни один инок, из числа всех, подвизавшихся в монастыре, не пострадал от варваров, за исключением двух, упомянутых выше, иноков, бежавших из монастыря в город из страха пред неприятелем.

Когда варвары покинули страну ту, ко святому приходили многие раненые; всем им блаженный Симеон подавал исцеление. Кроме того, святой избавил от уз и пленения и многих граждан, уже отведенных в плен; ибо все те, кто только воспоминал имя Симеоново, находясь в узах, сейчас же освобождался от них: узы спадали с ног и рук их, и они ходили посреди варваров, будучи ими не замечены, а затем приходили в страну свою без всякой помехи со стороны неприятеля. Упомянутый выше инок (спутник которого пал от меча неприятельского) был спасен от плена таким именно образом. Спасшись от неприятелей вместе с одним воином антиохийским, инок тот поведал о себе следующее:

— Лишь только мы вспомнили о блаженном Симеоне и со слезами умиления призвали его себе на помощь, тотчас узы, бывшие на нас, разрешились и отпали сами собою; затем мы прошли посреди варвар тех, ибо никто из них не спросил нас ни о чем и не воспрепятствовал нам.

Близ города Антиохии у горы сидел один старец, слепец; он жил подаянием милостыни, которую испрашивал у всех, проходивших тою дорогою. Когда варвары с поспешностью подбежали к городу, то один из них ударил старца мечом по шее, однако не отсек ему голову, а только причинил смертельную рану; старец валялся в луже крови, истекавшей из него, будучи едва жив. Святой же Симеон, видя все это своим прозорливым оком, послал некоторых братий взять и принести к нему того старца. Иноки положили старца на рогожу и принесли к столпу Симеонову. Святой же, взяв в руки землю и покропив ее освященной водой, приложил ее к ране, сказав:

— Во имя Еммануила, глава присоединись к месту своему и укрепись на нем.

И тотчас же голова старца стала на место свое, срослась с жилами и стала совершенно здоровой. Когда старец исцелился от такой страшной раны, то святой Симеон сказал:

— Вот, и очи его отверзлись!

Все, видевшие чудо то, прославили Бога.

Спустя некоторое время блаженный Симеон пришел в огорчение от постоянного беспокойства, причиняемого ему бесчисленным множеством народа, приходившего из разных стран и приносившего многих больных и немощных. Так как все это препятствовало его

безмолвному жительству, то он решил оставить этот столп, на котором подвизался уже восемь лет для того, чтобы удалиться в какое-либо другое, более безмолвное место. В небольшом расстоянии оттуда находилась одна гора, высокая и очень пустынная, ибо в ней совершенно не было воды. Никто из людей не восходил на нее, по причине ее безводия; на ней обитали только дикие звери, змеи и прочие ядовитые гады. Вот на эту-то гору и замыслил переселиться блаженный Симеон. Когда он подумал об этом, ему явился Господь в сопровождении многих Ангелов, сошедший с неба в облаке светлом на гору ту. Господь сказал ему:

— Потрудись, Симеон, взойти на эту Дивную гору[1], ибо с этого времени гора эта назовется этим именем; на ней Я явлю на удивление всем благодать Мою тебе.

И тотчас же святому был указан на горе один высокий холм и камень, на котором стояли ноги Господни; и просветилось подножие то от славы Господней как солнце; на этом камне повелел Господь встать Симеону и подвизаться.

По окончании этого видения Симеон призвал к себе братию и поведал им о соизволении Господнем на переселение его на ту гору. Поставив инокам игуменом одного старого и опытного мужа, Симеон сошел со столпа своего и направился к Дивной горе в сопровождении братии, плакавшей об удалении его.

Когда святой приблизился к указанному ему Богом холму, то остановился и долгое время молился Богу. По окончании молитвы послышался голос множества Ангелов, возгласивших: «Аминь!»

Потом блаженный Симеон приказал ученикам своим поставить на том месте крест каменный для постоянного напоминания о слышанном на том месте гласе ангельском. Посмотрев же на холм, находившийся на Дивной горе, святой увидел славу Божию, осиявавшую его; затем, с радостью взойдя на него, он стал на том самом камне, на котором видел Господа. В это время блаженному Симеону было от рождения девятнадцать лет.

Однако святой Симеон не нашел и здесь покоя от приходящих к нему посетителей. Так уже утром следующего дня народ, пришед-

---

[1] *Дивная гора* находилась в треугольнике, образуемом городами: Антиохиею на реке Оронте, Селевкиею-Пиериею и Росом.

ший к монастырю Симеонову, не найдя здесь угодника Божия, поднял великий плач. Узнав же, что святой переселился отсюда на другую гору, весь народ пошел туда с поспешностью, неся с собою многих больных и немощных. Увидав пришедших, святой опечалился, ибо ему и здесь не давали побыть лишь с одним Богом. Однако, сочувствуя новопришедшим, преклонился на милость и, возлагая на недужных руки свои с призыванием имени Христова, исцелял их и отпускал домой совершенно здоровыми.

Случилось однажды, что лев, обитавший в горе той, устремился на одного человека, шедшего к преподобному; лев уже совсем приготовился растерзать того человека; человек же, не надеясь бегством спастись от зверя, возопил:

— Не делай мне зла, ради Симеона, угодника Божия!

И тотчас лев, услыхав имя Симеоново, смирился и не причинил никакого зла человеку тому.

Человек же этот, придя к святому, поведал ему о происшедшем. Прочие пришельцы, убоявшись зверя, просили преподобного прогнать его из той горы, дабы все могли без страха приходить к преподобному. Преподобный же, призвав к себе своего ученика Анастасия, из которого изгнал, как и Христос некогда, семь бесов[1], сказал ему:

— Иди в пещеру ко льву и скажи ему: «Тебе говорит Симеон, раб Христов: именем Божиим, уйди с горы этой; да не будет здесь тебе логовища, чтобы ты не устрашал братий, приходящих сюда».

Анастасий пошел к пещере львовой и, найдя в ней зверя, сказал ему слова преподобного, беседуя с ним как с существом разумным. Лев, исполняя слова преподобного, с поспешностью пошел оттуда в другие пустынные места, не вредя никому в пути.

В то время в стране той весьма умножились различные болезни, причем умирало очень много людей. Святой же, уразумев духом своим, что это случилось по причине гнева Божия за грехи людские, начал усердно молиться Господу со слезами, прося помиловать людей Своих и отвратить от них праведный гнев Свой. И слышал святой глас от Господа, говоривший:

— Зачем ты болеешь сердцем за людей этих? Неужели ты любишь их более, чем Я? Так как умножились грехи и беззакония их, то они

---

[1] Иисус Христос изгнал семь бесов из Марии Магдалины (см.: Мк. 16, 9).

заслуживают наказания. Однако для того, чтобы не опечалить тебя, даю тебе власть исцелять различные их недуги и болезни.

Это говорил Господь рабу Своему Симеону.

Люди, жившие близ места того, лишь только впадали в болезнь, сейчас же призывали себе на помощь угодника Божия святого Симеона и видели его (в сонных видениях) посещающим домы их, осеняющим их крестом и подающим всем исцеления. Когда оканчивались их сонные видения, они, пробудившись, ощущали здравие. Призывали же они имя Симеоново таким образом: они зажигали в домах своих лампады, наполненные елеем, и воскуряли фимиам, говоря:

— Христе Боже наш, молитвами раба Твоего Симеона, подвизающегося на Дивной горе, помилуй нас!

И получали милость от Господа.

Те же из них, которые не имели достаточно елея, вливали малое количество в лампаду и зажигали; при этом лампада не угасала до третьего и четвертого дня, как будто в нее постоянно подливался новый елей; так, чудесным образом, в их лампадах не оскудевал елей, по причине призывания имени Симеонова.

Однажды святому Симеону было открыто Господом о приближающейся кончине святейшего архиепископа Антиохийского Ефрема. Призвав к себе братию, святой Симеон возвестил им об этом; потом Симеон попросил братию помолиться усерднее ко Господу, ибо, — говорил он, — великий столп церковный готов упасть. Но братия отвечали:

— Мы слышали, что архиепископ пребывает в добром здравии.

На другой день после утреннего пения (день же тот был пятницею) святой Симеон снова призвал к себе братию и сказал им с умилением сердечным:

— Святитель Божий Ефрем преставился этою ночью, ибо я видел душу его, возносимую на небо святыми Ангелами. Проходя близ меня, Ефрем облобызал меня и сказал:

— Прошу тебя, вспоминай меня в молитвах твоих ко Господу.

Затем преподобный Симеон со слезами начал говорить так:

— Горе Антиохии, потому что она теперь не имеет Ефрема! Горе городу, ибо от него взят ныне Ефрем![1]

---

[1] *Ефрем* патриаршествовал с 527 по 545 год.

По кончине блаженного Ефрема престол архиепископский принял Домн[1], пришедший в Антиохию из Константинополя. Этот Домн был немилостив к нищим. Узнав об этом, преподобный Симеон предсказал о наказании Божием Домну за его немилосердие. И действительно, в скором времени Домн впал в тяжелую болезнь: руки и ноги его скорчились, так что он не мог ни ходить, ни двигать руками, а лежал как кусок дерева.

Потом святому Симеону было открыто о землетрясении, имеющем быть в Антиохии, еще более страшном, чем первое. Возвестив об этом всем пришедшим, Симеон начал плакать и молить Бога — отвратить гнев Свой. В тот же день вечером затряслась земля столь сильно, что падали стены городские и различные городские здания сравнивались с землею; все люди пришли в великий страх и ужас. Многие из числа граждан были убиты стенами городскими; все же остальные с поспешностью устремились к Дивной горе к угоднику Божию и упрашивали его со слезами умолить Господа о прекращении бедствия. Когда святой помолился с великим усердием, землетрясение окончилось; затем святой увидел небо отверстым с восточной стороны; отсюда исходил свет неизреченный, означавший благоволение Божие к покаявшимся людям. Потом, по повелению Божию преподобный Симеон построил монастырь на Дивной горе, построил также и храм руками людей, исцеленных им (ибо людей этих, получивших уврачевание болезням своим по молитве святого Симеона, было очень много); затем преподобный молитвою своею испросил у Бога достаточное количество воды для монастыря; по его молитве умножилась также и пшеница в житнице монастырской, настолько, что почти совершенно не уменьшалась в количестве своем до трех лет, несмотря на то, что из житниц брали ее в большом количестве для пропитания множества пришельцев.

Впоследствии святой Симеон построил и новый столп, на который (как это явственно видел преподобный) пришел Сам Господь Иисус Христос со Своими святыми Ангелами и освятил столп тот. Блаженный Симеон взошел на столп с великою радостью и подвизался на нем до самого конца жизни своей.

Когда блаженному Симеону исполнилось тридцать три года от рождения, по повелению Божию (явленному святому в откровении)

---

[1] *Домн II* патриаршествовал с 546 по 560 год.

Симеон решил принять посвящение в сан иерея, хотя ранее не хотел принимать этого высокого сана. По устроению Божию к блаженному Симеону пришел Дионисий, епископ Селевкийский, который и рукоположил Симеона во пресвитера.

После посвящения в сан иерейский блаженный Симеон с великим благоговением совершал Божественную бескровную Жертву Тела и Крови Христовых, служа Богу в непорочности, как Ангел. Святой часто имел многоразличные дивные видения и откровения от Бога. Он предсказывал будущие события, предвидя далеко отстоящее, как настоящее; прозирал святой и в тайные мысли людские. Совершил он весьма много чудес, и на земле, и на море, являясь в видениях; он просвещал слепых, очищал прокаженных, исправлял хромых, изгонял бесов из людей, заграждал уста зверей, врачевал всякую язву и всякий недуг, воскрешал мертвых, так что на нем исполнялось слово Христово: *Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит* (Ин. 14, 12). Поистине был дивен Бог, явленный в рабе Его, дивном Симеоне!

Когда исполнилось семьдесят пять лет жизни преподобного Симеона, он, предузнав о своем скором отшествии ко Господу, призвал к себе братию, поучил ее достаточное время, затем, воздав всем последнее целование в час вечерний, предал душу свою в руки Божии в двадцать четвертый день месяца мая[1], в тот час, в который он обычно принимал пищу от Ангела. Вместе со святыми Ангелами он наслаждается ныне в бесконечном Царстве созерцанием лица Божия, прославляя Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога в Троице, Которому воссылается слава ныне и в бесконечные веки. Аминь.

---

[1] Важнейшие моменты в жизни преподобного Симеона Дивногорца распределяются по годам так: родился святой Симеон в 521 году; в 527 году, шести лет от рождения, взошел на столп; спустя восемь лет, в 535 году, перешел на другой столп; на двадцать втором году жизни перешел на Дивную гору, следовательно, в 543 году; в 560 году, на тридцать девятом году жизни, рукоположен во пресвитера. Скончался в 596 году, семидесяти пяти лет от роду. — Воспоминаемого ныне преподобного Симеона столпника следует отличать от другого Симеона, также столпника, память которого празднуется 1 сентября. Этот последний Симеон подвизался также в пределах Антиохии Сирийской, но жил значительно ранее (скончался в 459 году).

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
МЕЛЕТИЯ СТРАТИЛАТА
и с ним 1218 воинов

Святой мученик Мелетий жил в царствование римского императора Антонина[1], занимал должность стратилата[2] и происходил из южных стран Галатийской области[3]. Будучи христианином, он молился Богу о том, чтобы совершенно исчезло языческое заблуждение. Тогда бесы, видя свое уничтожение, вошли в собак и стали оплакивать свою погибель. Они ходили повсюду, выли и этим наводили на людей страх, но святой Мелетий с подвластными ему воинами избил их и разрушил языческие храмы. За это Максимиан[4], правитель того города, где находился святой мученик[5], велел схватить его и стал принуждать принести жертву идолам, но святой и слышать о том не хотел. Мучитель приказал тогда бить его железными молотками и подвергнуть другим мучениям. После этого святого Мелетия повесили на сосновое дерево и прибили его к нему гвоздями, от чего он и скончался. Комитам[6] же Стефану и Иоанну, а также всем бывшим под их властью воинам вместе с женами и детьми их отсекли мечом головы. Так и скончались за Христа святые мученики[7].

---

[1] Никодим в Синаксаре и другие под именем Антонина разумеют римского императора Антонина Гелиогабала, царствовавшего с 218-го по 222 год.

[2] *Стратилат* — значит воевода, военачальник.

[3] *Галатия* расположена была почти в центре Малоазийского полуострова. На севере она граничила с Пафлагонией, на западе — с Вифинией и Фригией, на юге — с Ликаонией и Каппадокией, а на востоке — с Понтом.

[4] *Игемон Максимиан*, или *Максим*, был сперва правителем Египта, а потом Антонин послал его в Галатию для мучения христиан.

[5] Город этот носил название *Тавии*. Он находился в восточной Галатии близ границ ее с Понтом.

[6] *Комит* — царский телохранитель, сборщик податей в царскую казну, градоначальник, но здесь под словом «комиты» разумеются военные трибуны, то есть градоначальники.

[7] Страдание святого Мелетия и других, с ним пострадавших, святых мучеников относят к 218 году.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА **СЕРАПИОНА** и с ним **КАЛЛИНИ́КА, ФЕОДОРА И ФАВСТА**

Святой мученик Христов Серапион был родом из Египта. В то время, когда совершал свой мученический подвиг святой Мелетий, он пришел из Египта и, видя тех, которые вместе с ним подвергнуты были мучениям, уверовал во Христа. За это он был схвачен и брошен в темницу, где Ангел Божий поставил его епископом для наставления тех, кто имел желание пострадать за Христа. В этот день близкие святого Мелетия, комиты и воины, собравшись вместе, громким голосом говорили, что и они — христиане, чем и возбудили гнев правителя. Епископу Серапиону и волхву Каллинику, уверовавшему во Христа, мечом отсекли головы, Феодор и Фавст со многими другими были сожжены, а женщин и детей палачи изрубили деревянными мечами. Таким образом святые мученики и предали души свои в руки Господа.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО **НИКИТЫ СТОЛПНИКА**, Переяславльского чудотворца

Этот преподобный отец наш родился и получил воспитание в городе Переяславле-Залесском[1]. С молодых лет он отличался жестоким и обидчивым характером, устраивал возмущения и причинял людям много зла, привлекая их к суду и производя грабежи. Таких же, подобных себе, он имел и друзей. Однажды, окончив свои занятия, он во время вечернего богослужения пришел в церковь и услы-

[1] *Переяславль-Залесский*, ныне уездный город Владимирской губернии, находился сперва на озере Клещино, близ верховьев притока реки Клязьмы, Перми, а потом около 1152 года Суздальским князем Юрием Долгоруким был перенесен на новое место, на пять верст южнее. Назван Залесским потому, что находился в дремучих лесах, отделявших его от других городов.

шал следующие прочтенные там слова пророка Исаии: *Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло* (Ис. 1, 16), и прочее. От этих слов он тотчас же пришел в ужас и, возвратившись домой, всю ночь провел без сна, размышляя об этих словах. На другой день по своей привычке он отправился к друзьям своим, развеселился в их обществе и просил их обедать у него в этот день. После этого он пошел на рынок купить провизии и, принесши ее домой, велел жене, чтобы она приготовила обед. И когда жена стала мыть мясо, то заметила, что из него необычно течет кровь, а потом, когда она положила его в горшок и стала варить, то увидела, что в горшке пенится кровь и выплывает на поверхность то человечья голова, то рука, то ступни ног. От этого она пришла в ужас и рассказала мужу. Когда же он пришел и сам увидел то, о чем рассказала ему жена, то на долгое время его объял ужас, а потом, придя в себя, он с глубоким сердечным вздохом сказал:

— Увы мне! Много я согрешил.

После этих слов, молясь и заливаясь слезами, он вышел из дома и, отойдя на одно поприще от города, пришел в монастырь святого великомученика Никиты[1]. Здесь он упал к ногам игумена этого монастыря и сказал:

— Спаси погибающую душу.

Изумленный такою необыкновенною переменою Никиты, игумен сказал ему на это:

---

[1] Никитский монастырь находился на поле в трех верстах от города с северной его стороны. Он становится известным из жития преподобного Никиты. Время основания его неизвестно.

— Испытай себя: пробудь три дня у монастырских ворот, плачь и исповедуй грехи свои пред всеми, кто будет входит в монастырь и выходить из него.

Никита так и сделал. Три дня он плакал и молился, исповедуя пред всеми грехи свои. После этого он увидел вблизи монастыря болотистое место, поросшее тростником, и множество летающих над ним мошек и комаров. Он пришел к этому месту, снял с себя одежду и, войдя совершенно нагим в болото, сел в тростник и стал молиться Богу. По прошествии трех дней игумен послал инока посмотреть, что делает Никита. Инок пришел и, не найдя его у монастырских ворот, после недолгих поисков нашел его лежащим в тростнике. Мошки и комары огромным облаком кружились над ним. Вернувшись в монастырь, инок рассказал об этом игумену. Тогда игумен вместе с братиею монастыря пришел к Никите и, увидев его в таком положении, что и тела его нельзя было разглядеть (так обильно текла из него кровь), сказал ему:

— Сын мой! Что это ты делаешь с собой?

Никита же ничего другого не отвечал, а только говорил игумену:

— Отец! Спаси погибающую душу.

После этого игумен ввел его в монастырь, постриг в иночество и поместил в тесную келлию, где он стал пребывать в постоянных молитвах и посте, проводя без сна дни и ночи. В это время злокозненный враг стал наводить на него страх различными видениями, но он ограждал себя от этих видений крестным знамением, призывая на помощь святого великомученика Никиту, и никому об этом не говорил. Вскоре Никита устроил себе близ церкви столп[1] и выкопал узкую тропинку под церковную стену, которою и приходил в церковь на молитву. За такие подвиги он получил от Бога дар чудотворений, так как многие, одержимые различными недугами, приходя к нему, получали от него исцеление.

В это время благоверный князь Черниговский Михаил[2] заболел недугом расслабления. Услышав о святом Никите, он велел боярам

---

[1] Столп, который устроил преподобный для своих подвигов, находился не поверх, а внутри земли. Это была столпообразная круглая яма или просто пещера, так что столпничество святого Никиты было в сущности затворничеством.

[2] *Князь Михаил* был сын Всеволода, князя Черниговского. Исцеление его относят к 1186 году.

своим свезти себя в город Переяславль к преподобному для исцеления. Когда он был уже в пути, то встретил его демон в образе монаха и сказал о себе, что он из того же монастыря, где подвизался и святой Никита. Князь спросил его о преподобном, и демон сказал, что он — обманщик. Это сильно опечалило князя. Через некоторое время тот же демон уже в другом образе снова встретил князя на пути и сказал ему:

— Напрасно ты, князь, утруждаешь себя, совершая такой длинный путь.

Когда же князь подошел на расстояние одного поприща к монастырю, где пребывал преподобный, то повелел поставить себе шатер, чтобы отдохнуть от пути, и послал в монастырь одного из своих бояр известить преподобного о своем прибытии. Тогда тот же демон встретил посланного в образе слепого на один глаз монаха с лопатою в руках и сообщил ему, что преподобный умер и что он уже похоронил его. Поняв обман, боярин возбранил демону молитвой святого, и демон остался совершенно недвижимым на том месте, где стоял. Боярин тогда пришел к столпу святого Никиты и сообщил ему о прибытии князя и о тяжком недуге его, после чего святой послал князю жезл свой. Благоверный князь Михаил взял этот жезл в руку свою и стал на ноги совершенно здоровым, так что пришел пешком к столпу преподобного, принял от него благословение и рассказал ему все о демонском искушении, случившемся с ним во время путешествия. Тогда преподобный возбранил демону именем Божиим и повелел ему явно пред всеми в течение трех часов стоять неподвижно у своего столпа, после чего демон дал святому клятву никогда более не делать зла людям и немедленно исчез. Получив исцеление, благоверный князь Михаил усердно возблагодарил Бога и святого старца и, дав богатый дар монастырю, возвратился в свой город.

Так святой отец наш Никита, пребывая в столпе своем и вознося постоянные молитвы Богу, подавал исцеление всем, кто приходил к нему для получения врачевства от недугов.

В одну ночь пришли к преподобному некоторые из его родственников, с просьбою помолиться за них и, увидев на нем тяжелые вериги, которые от долгого трения о тело вычистились и блестели, по-

думали, что они серебряные. Омраченные диавольским наущением, они задумали убить святого и, придя к столпу, разобрали бывший на нем покров, вошли в него и насильственно разлучили душу святого от тела его[1]. Взяв затем вериги, они завернули их в грубую холстину и убежали. Перед утренним богослужением параэкклесиарх[2] по обычаю пришел к столпу святого, чтобы получить от него благословение, и, увидев, что покров столпа разобран, пошел к игумену и сообщил ему об этом. Тогда пришли к столпу и нашли тело преподобного еще теплым, причем от него исходило благоухание. Благоговейно взяв его из столпа, с каждением и пением псалмов торжественно похоронили его у церкви святого мученика Никиты с правой стороны вблизи алтаря. При этом все недужные, какие случились в то время, получили исцеление.

Нечестивые же убийцы преподобного, думая, что они приобрели драгоценное сокровище, продолжали бежать и скоро достигли реки Волги. Тут они развернули холстину и, увидев, что три честны́е креста и тяжелые вериги — железные, что от долгого трения они вычистились и от того блестели, бросили их в реку у города Ярославля близ монастыря святого апостола Петра[3]. В первую же ночь после этого один инок этого монастыря, по имени Симеон, увидел на том месте недалеко от берега три ярко светящиеся столпа. Они поднимались от земли к небу и испускали лучи света. Инок рассказал об этом архимандриту своего монастыря, а тот сообщил начальнику города и, сопровождаемые множеством народа, они отправились на это место и нашли честны́е вериги преподобного, которые подобно сухому дереву чудесно плавали поверх воды. Благоговейно взяв их, с пением псалмов понесли в город и, встретив на пути хромого, который ползал на ногах по земле, осенили его крестами, бывшими на веригах, после чего укрепились ступни ног и колени его, и он стал на ноги, совершенно здоровый. Кроме этого, много других больных, страдавших различными недугами, получили исцеление от вериг

---

[1] Преподобный Никита скончался в 1186 году, 24 мая.

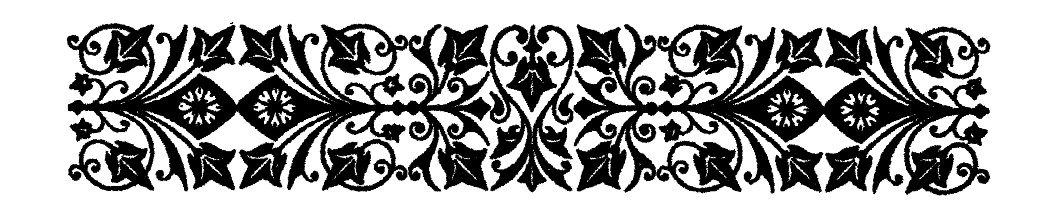
[2] *Параэкклесиарх* — зажигающий пред образами лампады в монастырях, пономарь.

[3] *Петропавловский Ярославский монастырь* стоял на берегу реки Волги на том месте, где ныне Петровская церковь.

преподобного. Спустя некоторое время преподобный Никита явился вышеупомянутому иноку Симеону и сказал ему:

— Пусть этот честной знак моих подвигов в скором времени перенесен будет отсюда и положен на гробе моем.

После этого вериги преподобного с почестями были перенесены из города Ярославля в город Переяславль и положены на честно́м гробе его. Всем, приходящим с верою, они подают многие исцеления во славу Христа Бога.



День двадцать пятый

ПАМЯТЬ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ФЕРАПОНТА,
епископа Кипрского

Святой Ферапонт был монахом и в сане епископа проходил служение на острове Кипре[1]. Во время гонения, поднятого язычниками на христиан[2], он мужественно исповедал имя Господа Иисуса Христа и принял венец мученический[3]. Честны́е мощи его первоначально почивали в Кипре, где и источали всем чудодеяния; но впоследствии были перенесены в Константинополь и по следующему поводу: когда агаряне, по попущению Божию, опустошали за грехи наши все восточные страны, пленяя жителей их, то приблизились и к острову Кипру, намереваясь и с ним сделать то же, что они сделали с прочими странами восточными. В это время святой Ферапонт явился пономарю своей церкви и сказал ему:

— Иди скорее, возьми мои мощи и неси их в Константинополь, так как враги Креста Христова хотят прийти на этот остров и опустошить его; скажи об этом и прочим христианам, дабы они могли уйти отсюда ранее нашествия агарянского.

---

[1] *Остров Кипр* находился в северо-восточной части Средиземного моря, близ берегов древней Финикии. Христианство было насаждено здесь святым апостолом Павлом в его первое благовестническое путешествие.

[2] Следует разуметь гонение Диоклетиана (царствовал с 284 по 305 год).

[3] Время кончины святого Ферапонта определяется гонением Диоклетиана. День кончины его неизвестен. 25 мая есть, по всей вероятности, день перенесения мощей его в Константинополь.

Тотчас же пономарь передал всем христианам о явлении святого и о его приказании; в скором времени христиане приготовились к путешествию на корабле; приготовив новую раку, они положили в нее честные мощи святого Ферапонта и, взяв их с собою на корабль, отправились в путешествие.

Когда путешественники проплыли бóльшую часть моря и уже приближались к Константинополю, внезапно поднялась великая буря на море; все пришли в великий страх и смущение; но в это время от раки с мощами начало исходить (как бы некий тонкий пар) великое благоухание; благоухание это не только наполнило весь корабль, но разлилось и по морю на три стадии кругом корабля: и тотчас буря утихла, как бы усмиряемая тем дивным и неизреченным благоуханием. Пономарь же, с любовью охранявший честны́е мощи святого священномученика, услышал голос, исходивший из раки и призывавший его к ней. Наконец все окружающие услышали этот голос, которым святой Ферапонт призывал к себе блюстителя мощей своих; тогда все с ужасом и благоговением подступили к раке, дабы видеть мощи святого священномученика. Подойдя к раке, все увидали миро благовонное, исходившее от мощей священномученика и наполнившее всю раку. Христиане, находившиеся на корабле, почерпали то миро в стеклянные сосуды и помазывались им с верой для исцеления душ и тел своих.

Доехав до Константинополя, христиане положили честны́е мощи священномученика Ферапонта в храме, построенном в честь и славу Пресвятой Богородицы[1]. Все это произошло в царствование Никифора[2]. Спустя же некоторое время, по причине многих чудес бывших от тех честных мощей, был выстроен христианами другой храм — во имя святого священномученика Ферапонта; в этот храм и были перенесены честные мощи угодника Божия.

Из числа многих чудес, сотворенных угодником Божиим Ферапонтом, лишь немногие записаны. Приведем сказания о некоторых из них.

---

[1] Этот храм был построен в честь и славу иконы Божией Матери Елейной, или Милостивой. Празднование в честь этой иконы Богоматери совершается в Православной Церкви 12 ноября.

[2] *Император Никифор I* царствовал с 802 по 811 год. Перенесение честны́х мощей священномученика Ферапонта последовало в 806 году.

Некий муж, родом италиец, по имени Флорин, будучи мучим легионом нечистых духов, получил исцеление у мощей святого Ферапонта и возвратился к себе домой совершенно здоровым. Он говорил, что видел как бы некий тонкий пар, весьма благоуханный, исходивший от раки честны́х мощей; благоухания этого не мог вынести легион бесовский, почему и бежал от него, как бы кем гонимый.

Анастасий, гражданин города Виксиния, долгое время имел иссохшую руку, которая висела на плече его как мертвая. Но когда он пришел в храм святого священномученика Ферапонта в навечерие Богоявления Господня, то получил полное исцеление: рука его окрепла и стала здоровой, как и другая: в присутствии всех Анастасий взял сосуд исцеленною рукою и наполнил его крещенскою водою. Все, видя это, возблагодарили Бога, прославляемого во святом угоднике Своем Ферапонте.

Был еще один муж, по имени Георгий, саном десятник[1], воин; по коварству диавола, лицо его было обращено назад, и он был слеп на один глаз. Этот Георгий, помолившись у гроба мученика, получил скорое исцеление: лицо его повернулось на старое место, и око прозрело, за что Георгий и воздал благодарение своему безмездному врачу.

Один расслабленный, по имени Феодор, был принесен в храм, построенный в честь святого мученика. Ему в сонном видении явился святой и подал хлеб и чашу с вином. Он же, взяв это во сне из рук святого, тотчас проснулся и почувствовал в себе силу; встав с постели, он прославил Господа Иисуса Христа и Его святого мученика, сказав:

— О, как легко и скоро ты, святой Ферапонт, исцеляешь всякие недуги и болезни!

---

[1] То есть начальник над десятью воинами.

В храм святого мученика была принесена одна девочка, у которой еще со времени рождения срослись ноги, загнулись назад и приросли к ее спине; но после того как родители ее принесли святому Ферапонту усердную молитву, тотчас ноги приняли у девочки свое обычное положение; они вытянулись и разделились, так что отроковица, придя в возраст совершенный, ходила, славя и благодаря Бога.

У одной женщины, по имени Марии, случилась на теле неисцелимая болезнь, называвшаяся раком; тяжко страдая и уже отчаиваясь в выздоровлении, Мария поспешила с усердною молитвою ко гробу святого священномученика и получила здесь скорое и совершенное исцеление от своей болезни.

Другая женщина, семь лет страдавшая кровотечением, прибегла с горячею молитвою и верою к святому Ферапонту и лишь только прикоснулась ко гробу его, тотчас остановилась кровь ее, и она в полном здоровье возвратилась к себе домой.

Еще одна женщина, страдавшая водянкою, придя к мощам святого Ферапонта, увидела в сонном видении святого мученика, помазывавшего какою-то мазью больное место на теле ее. Проснувшись, она увидела, что из больного места ее истекло много гноя, после чего она почувствовала себя совершенно здоровой.

Стефан воин, из полков армянских, весьма страдал телом; он был скорчен и пригнут к земле; точно так же и другой воин, по имени Феодор, страдал тем же недугом. Когда оба прибегли к помощи угодника Божия и принесли ему теплые молитвы, то получили полное исцеление.

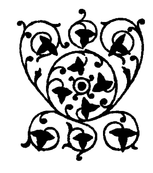
Один прокаженный, придя ко гробу святого, очистился по молитвам его от проказы и воздал благодарение Богу.

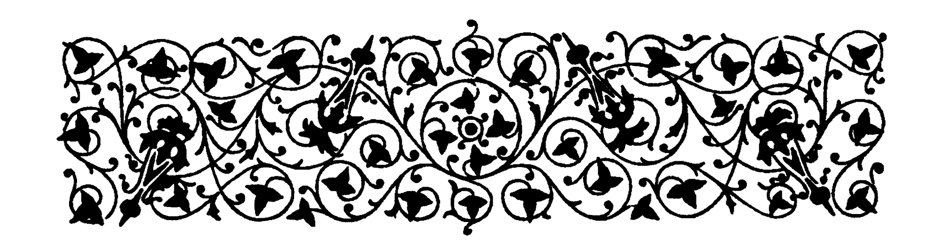
Некий философ, имевший у себя на груди опасный и весьма большой нарыв, когда пришел ко гробу святого и задремал здесь, то увидел, что святой приложил пластырь к больному месту на его груди. Проснувшись от сна, он почувствовал значительное облегчение от своей болезни, а через день и совершенно исцелился от нее, за что и возблагодарил Бога.

Многие и другие недуги и болезни исцелялись помазанием мира, исходившего от честны́х мощей угодника Божия Ферапонта; тем же миром бесы изгонялись из людей, умиравшие возвращались от

смерти к жизни; и все это творилось молитвами святого священномученика Ферапонта, по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается слава вечно. Аминь.

В тот же день празднуется **третье обретение честнóй главы святого Иоанна Крестителя** (об этом событии см. 24 февраля).





День двадцать шестой

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ГЕОРГИЯ НОВОГО[1]

Святой Георгий был сыном благочестивых родителей; он имел отца, по имени Иоанн, принадлежавшего к числу знатнейших вельмож города Средца[2], и мать, по имени Мария. Георгий был дарован родителям своим по их усердной молитве, ибо они достигли уже преклонного возраста и не имели детей, подобно древним Аврааму и Сарре; по этой причине Иоанн и Мария усердно молились ко Господу, Его Пречистой Матери и святому великомученику Георгию Каппадокийскому[3]; в церковь этого угодника Божия они приходили ежедневно, творили здесь милостыню и усердно молили Господа, да разрешится неплодство их. И Господь не презрел их молитвы, но дал им в старости плод чрева мужеского пола. Иоанн и Мария принесли младенца в храм святого великомученика Георгия,

---

[1] Наименование «Нового» усвояется святому Георгию в отличие от других святых с именем Георгия, подвизавшихся значительно ранее его, как, например, Георгия великомученика (память его празднуется 23 апреля), Георгия исповедника (память его празднуется 19 апреля) и других.

[2] *Средец*, или *София*, — столица Болгарского княжества. Еще в древности София была важным торговым пунктом и составляла главный город римской провинции Дакии. В 441 году София была опустошена гуннами, в 809 году была завоевана болгарами, в 1382 году попала в руки турок. 22 декабря 1877 года была взята русскими, под начальством Гурко, причем большая часть мусульманского населения бежала.

[3] Имеется в виду святой великомученик Георгий Победоносец (память его празднуется 23 апреля).

крестили его во имя Отца, и Сына, и Святого Духа и дали ему во святом крещении имя Георгия.

Отрок воспитывался в страхе Божием и был обучен чтению книжному; Георгий скоро настолько хорошо изучил Священное Писание, что превосходил своими знаниями всех своих сверстников. Когда Георгий достиг юношеского возраста, то был весьма похож красотою лица своего и целомудрием своим на древнего Иосифа.

В то время Болгариею владели сарацины; когда блаженному Георгию исполнилось двадцать пять лет со времени его рождения (родители его в это время уже отошли ко Господу), то сарацины начали склонять его к своему нечестию, говоря ему:

— Георгий, оставь христианство и прими нашу веру. Послушай посланника Божия Магомета[1]; прими наш закон.

При этих словах сарацины начали возлагать на честну́ю главу святого Георгия тафию (шапку), которую по своему обычаю носили на головах своих и в которой входили в свои молитвенные дома. Но святой отвечал им, говоря так:

— Не подобает нам, христианам, подражать нечестивым обычаям вашим и носить на головах своих тафии; не подобает нам отрекаться от Христа, Бога истинного, Творца неба и земли, и лишать себя плодов крещения святого. Скажите мне: могу ли я веровать Магомету, который не был послан ни Богом, но Божиими пророками, ни апостолами, но был простым военачальником полка сатанинского, нося с собою хоругви диавола? Вот вы и сами не знаете, во что вы веруете; вы сами отступили от пути истинного.

Обличив так сарацин, святой Георгий начал громогласно исповедовать Христа истинным Богом, Создателем и Творцом всего существующего, видимого и невидимого, земного и небесного.

Затем, плюнув в лица нечестивым и назвав их людьми безбожными, святой бросил на землю тафию и начал попирать ее ногами, говоря сам себе: «О Георгий! Чего ты медлишь? Христос призывает тебя!»

Нечестивые сарацины, исполнившись гнева, взяли святого и с великими побоями и руганью представили его своему правителю, донося на него и говоря:

---

[1] *Магомет*, или *Мохаммед*, — основатель мусульманской религии (жил в конце VI — начале VII века).

— Вот, этот хулит и поносит нашу веру.

Игемон же, будучи поражен красотою лица святого и его мужественным взглядом, начал с лестью говорить ему:

— Если отречешься от Иисуса Христа, Которого вы называете Сыном Божиим, и если подчинишься приказанию самодержца Селима[1] и исполнишь его волю (этому Селиму многие царства повинуются), то получишь многие дары и всевозможные почести от царя нашего и будешь поставлен начальником всех воевод великого города Средца.

Но мученик Христов снова исповедал Господа Иисуса Христа в присутствии многочисленной толпы, сарацинскую же веру обличил и укорил. Тогда мучитель, придя в ярость, приказал бить палками святого без милосердия. И мучим был святой Георгий жестоко, так что его плоть прилипала к палкам, кровь же его текла каплями из язв. Но несмотря на это, святой не показывал намерения подчиниться нечестивому повелению царскому.

Тогда правитель приказал резать его по всему телу ножами, с головы до ног, и опалять его раны горящими свечами; все тело святого было опаляемо свечами, так что не было видно и лица его, и начала таять плоть его, как тает воск от огня. Но мученик Христов доблестно переносил страдания, призывая и исповедуя имя Господа Иисуса Христа.

После этого мучитель приказал воинам водить мученика по городу, ударять в тимпаны и кричать: «Не ругай посланника Божия Магомета и не поноси его преданий о вере сарацинской».

Святой же молился ко Христу Господу и увещевал сарацин веровать во Христа.

Потом нечестивые разложили большой костер посредине города, намереваясь сжечь святого. И веден был мученик Христов Георгий на приготовленное место для сожжения.

Но изнемогши от ран, он упал на землю безгласным, только уста его двигались, призывая на помощь Господа. Сарацины же, взяв святого еще живым, бросили его на костер. Так окончил свой страдальческий подвиг мученик Христов Георгий. Нечестивые сарацины бросили в костер и много псов для того, чтобы христиане не могли

---

[1] *Селим I*, султан турецкий, царствовал с 1512-го по 1520 год; отличался необыкновенным фанатизмом (религиозною нетерпимостью).

распознать мощей мученика. Но Бог прославил угодника Своего: внезапно на место то нашло облако с громом и молниею и поднялся великий дождь, который и погасил огонь, так что от костра не было даже и дыма. Сарацины же, испугавшись столь великого чуда, разбежались от того места. Между тем дождь шел до самой ночи.

Когда наступила ночь, то над тем местом, где было сожжено честно́е тело мученика, явился свет, весьма великий, который и озарил все то место. Тогда протоиерей соборной церкви в честь святого великомученика Георгия Каппадокийского отправился вместе с прочими христианами к судьями и, дав им деньги, испросил у них позволение взять честны́е мощи святого мученика и предать их обычному погребению. Когда судии выразили свое согласие на эту просьбу, то протоиерей тот пошел к митрополиту Иеремии и возвестил ему все о святом мученике. Митрополит же отправился к мощам святого мученика с большою поспешностью и верою, в сопровождении всего священного собора и многих христолюбивых людей, с пением псалмов и песнопений, со свечами и кадилами. Разгребши пепел на том месте, где виднелся свет, христиане обрели честные мощи святого мученика Георгия Нового, невредимыми от огня. Кости же псов обратились в прах и пепел.

В тех же местах, где святой мученик Христов был водим ночью по городу и где капала кровь его, ночью являлся свет, как бы от свечи горящей; это видели все христиане.

Взяв честны́е мощи святого мученика, митрополит положил их в раке в храме святого великомученика Георгия Каппадокийского. Здесь почивают честны́е мощи святого мученика и доныне и, по благодати Божией, подают исцеления всем, с верою приступающим к ним.

Пострадал же святой мученик Христов Георгий в болгарском городе Средце, где и был воспитан; свой мученический подвиг он принял в 7022 году от сотворения мира, от рождества же во плоти Бога Слова в 1514 году, в двадцать шестой день месяца мая[1], в царствование над всеми Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается слава со Отцом, и Святым Духом, вечно. Аминь.

---

[1] По мнению некоторых, святой Георгий пострадал 11 февраля. 26 мая принимается в таком случае за день перенесения его мощей.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ИОАННА ПСИХАИТА

Святой отец наш Иоанн, с юных лет возлюбив Христа, по характеру своему стал подобен святым пророкам Илии и Иоанну. Оставив мир, он отправился в Психаитскую лавру[1] и принял там иночество, после чего получил от Бога дар изгонять бесов и исцелять болезни. Он подвизался во время иконоборческих волнений, укрепляя православных в вере своими наставлениями. На него сделан был донос императору, гонителю на иконы[2], и последний, призвав его к себе, стал принуждать отказаться от поклонения честным иконам, присоединиться к его ереси и подписаться на нечестивом свитке, но преподобный не согласился исполнить это и даже обличил императора, назвав его еретиком. За это он сослан был в ссылку, где претерпел от беззаконных и несправедливых иконоборцев множество бедствий и здесь окончил жизнь свою.

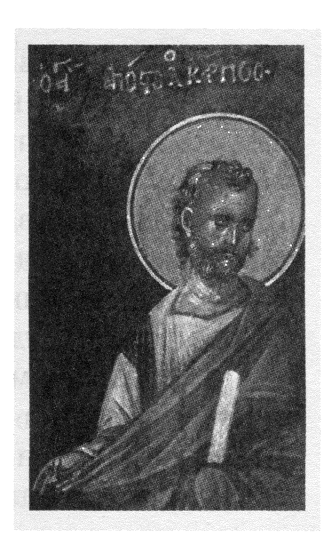
ПАМЯТЬ СВЯТОГО
КАРПА,
апостола из семидесяти

Святой апостол из семидесяти Карп был последователем и слугою святого апостола Павла; он разносил его послания в те места, куда они назначались. Достаточное время Карп потрудился вме-

---

[1] *Психаитская лавра*, по указанию болландистов (это ученое общество иезуитов, издающее собрание житий святых), находилась в Константинополе.

[2] Особенно жестоким гонителем на иконы был греческий император Константин Копроним (743–775 гг.), намеревавшийся торжественно, с соблюдением законности, уничтожить иконопочитание, как ересь, для чего в 754 году созвал собор и назвал его Вселенским. Так же жестоко преследовал иконопочитание и император Лев Армянин (813–820 гг.). — Он издал указ, которым запрещал монахам проповедовать об иконопочитании, и на этом указе должны были подписаться все монахи. Вероятно, под «императором», гонителем на иконы, здесь разумеется последний император.



сте с апостолом Павлом, благовествуя всюду слово Христово[1], немало претерпел он за это бед и напастей. Затем святой Карп был поставлен апостолом Павлом епископом города Берии во Фракии[2].

Святой апостол Карп потрудился, проповедуя Евангелие Христово и на острове Крите[3]; здесь он, между прочим, принял в дом свой святого Дионисия Ареопагита[4] и видел Господа, явившегося ему в видении в то время, когда Карп просил Его предать казни двух грешников, и слышал голос Его, возгласивший: «Мучь Меня еще, ибо Я готов еще раз пострадать и быть распятым ради спасения людей»[5].

---

[1] Между прочим у него в Троаде были оставлены апостолом Павлом фелонь и разные книги, между коими апостол особенно упоминает о пергаментных (2 Тим. 4, 13).

[2] *Фракией* называлась та часть Балканского полуострова, которая лежала к северу от Македонии, Эгейского и Мраморного моря. В настоящее время на месте древней Фракии находятся следующие земли: восточная часть Венгрии, Трансильвания, Бессарабия, Молдавия, Валахия, Болгария, Сербия и восточная часть Румелии. Город Берия в настоящее время называется *Веррия*, или *Кара-Веррия*; в нем около двенадцати тысяч жителей. — Апостол Павел был в Берии во время своего второго апостольского путешествия.

[3] *Остров Крит* (иначе Кандия — от главного города того же имени) находится в средней части Средиземного моря, к югу от Эгейского моря. Начало христианству было положено здесь событием Сошествия Святого Духа на апостолов, ибо при этом событии были и критяне (Деян. 2, 11). Затем христианство было утверждено здесь апостолом Павлом, который поставил здесь епископом Тита для того, чтобы он *довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров* (Тит. 1, 5). — В XVII веке Крит перешел во власть турок.

[4] *Дионисий Ареопагит* — член Ареопага — верховного судилища афинского. Обращен в христианство апостолом Павлом во время его второго апостольского путешествия (около 54 года). Причислен святой Церковью к лику святых. — Память его празднуется 8 октября.

[5] Для того чтобы понять эти слова, необходимо припомнить следующий случай из жизни святого апостола Карпа. Некто из неверующих совратил к злочестью своему одного из христиан. Карп был весьма опечален этим. Никогда не обнаруживав ранее нетерпения, Карп на этот раз был весьма огорчен в душе своей. Он помыслил про себя, что нечестивцы, развращающие и губящие людей, не должны жить на земле; и начал он молить Бога, дабы ниспал огонь с неба и попалил тех

Святой Дионисий Ареопагит свидетельствует об этом святом Карпе и то, что он никогда не начинал совершать пречистых и животворящих Тайн прежде, чем не сподоблялся являвшегося ему с неба Божественного видения[1].

Святительствуя в Берии, Карп обратил ко Христу многих эллинов-язычников; обличая иудеев, он говорил им, что распятый ими Христос есть Бог истинный и Творец всего. Впоследствии он был с жестокостью убиен иудеями и таким образом предал душу свою в руки Господа[2]. Честны́е мощи его были положены верными и богобоязненными людьми в том же городе, где он и святительствовал, причем этими мощами подавались многоразличные исцеления болящим во славу Христа, Бога нашего.

двух нечестивцев — и совратившего, и совращенного. Когда он молился об этом, вдруг горница, в которой он стоял, потряслась и расступилась надвое. Подняв свои очи вверх, он увидел небо отверстым и в нем сидящего Господа Иисуса Христа в образе человеческом. Опустив же взоры вниз, он увидел глубокую пропасть, на краю которой стояли те два грешника, которым Карп испрашивал погибель. Карп, видя, что опечалившие его уже готовы упасть в пропасть и быть съеденными змием, пресмыкавшимся внизу, исполнился радости; но так как они все еще не падали в пропасть, то Карп снова стал досадовать и скорбеть и опять начал молить Бога о их погибели. Когда же он возвел очи свои на небо, то увидел, что Господь приблизился к тем грешникам и подал им руку помощи. Потом Господь и сказал Карпу: «Мучь Меня еще, ибо Я готов еще раз пострадать и быть распятым ради спасения людей». Сказание об этом сообщает святой Дионисий Ареопагит в своем послании к монаху Демофилу. Послание это можно читать 3 октября (день памяти святого Дионисия Ареопагита).

[1] *Дионисий Ареопагит* с великой похвалой отзывается об апостоле Карпе. Так, например, в послании к монаху Демофилу он говорит о Карпе: «Муж этот был велик по своим добродетелям и отличался такою возвышенной чистотой ума, что обладал большой способностью к боговидениям».

[2] Кончина святого апостола Карпа последовала в конце I века.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО АПОСТОЛА **АЛФЕЯ**

Святой апостол Алфей был отцом апостолов Иакова Алфеева и Левия. Левий был мытарем[1] и его-то призвал Господь, сказав: «По Мне гряди!» (см.: Мк. 2, 14).

Оставив все, Левий последовал за Христом и был все время Его неизменным спутником.

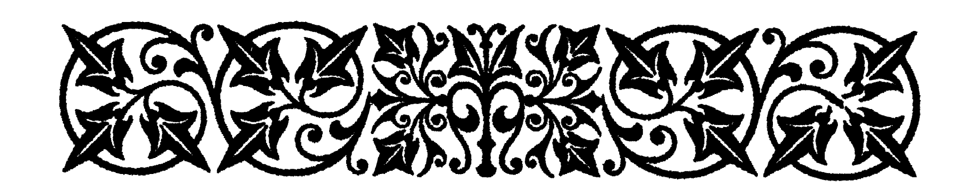
Апостол Левий называется еще Матфеем, и он именно написал первое Евангелие.

Святой апостол Алфей происходил из галилейского города Капернаума, но где он проповедовал Евангелие — неизвестно.

В тот же день **память святых мучеников Аверкия и Елены**, по некоторым памятникам, детей апостола Алфея. Святой Аверкий пострадал за Христа, быв привязан нагой среди пчел и изъязвленный их жалами; сестра же его Елена убита камнями.

В тот же день празднуется **обретение мощей преподобного Макария Калязинского**. Смотри житие его 17 марта.

[1] *Мытарь* — сборщик податей.



День двадцать седьмой

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ФЕОДОРЫ И ДИДИМА

В царствование императоров Диоклетиана[1] и Максимиана[2], во время управления городом Александриею[3] князем Евстратием, было издано приказание царское, повелевавшее христианам или принести жертвы богам, или принять мучения.

Евстратий князь, сев на судилище в Александрии, приказал привести к себе на суд Феодору, христианскую девицу, недавно взятую и заключенную в темницу. Когда она была приведена, судья спросил ее:

— Какой ты веры, девица?

Отвечала святая:

— Я — христианка.

Судья сказал:

— Свободная ли ты или рабыня?

— Я сказала тебе, — отвечала Феодора, — что я — христианка; Христос же, придя в мир, освободил меня от греха; рождена же я родителями славными в суетном мире сем.

---

[1] *Диоклетиан* управлял восточной половиной Римской империи с 284-го по 305 год.

[2] *Максимиан* управлял западной половиной Римской империи с 284-го по 305 год.

[3] *Александрия* — знаменитый город, основанный Александром Великим около 333 года в Египте на берегу Средиземного моря; славился до Рождества Христова как центр науки и торговли; с начала IV века стал одним из важнейших центров христианской жизни и резиденцией патриарха.

Князь, посмотрев на градоначальника, по имени Лукий, спросил его:

— Знаешь ли ты эту девицу?

Лукий отвечал:

— Да, я знаю, что она происходит из благородного и честного рода.

Тогда князь сказал, обратившись к Феодоре:

— Если ты, девица, происходишь из благородного и честного рода, то почему ты до сих пор еще не вышла замуж?

Девица отвечала:

— Я отреклась от брака ради Христа, ибо Господь наш Иисус Христос, придя в мир и родившись от Пречистой Приснодевы Марии, освободил нас от тления и обещал даровать нам жизнь вечную. И вот я, веруя в Него, решила ради любви к Нему сохранить в чистоте девство мое до самой моей смерти.

Судия сказал на это:

— Цари приказали нам всех девиц, желающих сохранить свою чистоту, принуждать к поклонению богам нашим; если же вы не захотите поклониться богам, то будете отданы в блудилище.

Отвечала девица:

— Вероятно, ты понимаешь, что Бог смотрит прежде всего на изволение сердечное. Будучи Сердцеведцем, Он знает все помышления наши и самые намерения наши принимает как дело. Мой Бог знает намерение мое — сохранить в чистоте девство свое; поэтому, если ты и прикажешь, как ты хвалишься, отдать меня блудникам, то это не будет прелюбодеянием для тела моего, а будет насилием и страданием мне; и если ты отсечешь мне голову, или руку, или ногу, или насильно лишишь меня девства, ты через это сделаешь меня не блудницей, а мученицей. Но знай, что Владыка и Бог мой силен сохранить в чистоте девство мое, если пожелает.

Судия сказал:

— Не соглашайся бесчестить свое благородство, не предавай себя поруганию и смеху, будучи дочерью честных и славных родителей, как о тебе здесь свидетельствуют.

Отвечала девица:

— Я прославляю Христа и Бога моего, давшего мне благородство и чистоту, и я надеюсь, что Он сохранит в целости голубицу Свою.

Сказал судия:

— Для чего ты прельщаешься, веруя в человека распятого, как в Бога. Неужели Он избавит тебя от рук, которые возьмут тебя на осквернение? Не думай, что, войдя в блудилище, ты войдешь из него чистой.

Отвечала Феодора:

— Я верую, что Христос и Бог мой, пострадавший при Понтийском Пилате, избавит меня от нечистых рук блудников и соблюдет в чистоте рабу Свою.

После этого судья дал Феодоре три дня на размышление. Но она выражала готовность пострадать, говоря, что и через три дня, точно так же, как и через большее количество дней, у ней не будет иного намерения и желания, как умереть за Христа, Бога своего.

После того святая была отведена в темницу и спустя три дня снова представлена на допрос. Когда игемон понял, что она неизменно пребудет в святой вере христианской, то приказал отвести ее в блудилище. Будучи ведена сюда, святая молилась ко Господу, говоря так:

— Христе Боже, укротивший бессловесных зверей пред лицом святой мученицы Твоей Феклы[1], укроти и свирепейших словесных зверей, блудников, намеревающихся повредить чистоте тела моего. Ты, Боже, избавивший Сусанну из рук старцев-прелюбодеев (см.: Дан. 13), спаси и меня, рабу Твою, от таковых же блудников; не допусти быть оскверненной храму, который посвящен лишь Тебе Единому. Ты, отогнавший от меня невидимых врагов, покушавшихся тайно похитить мое девственное сокровище, отгони и этих явных насильников, намеревающихся разбойнически отнять от меня мое богатство. Приди на защиту меня, Господи Боже мой, и всемогущею силою Твоею сделай так, чтобы я вышла отсюда чистой, чтобы меня не коснулись эти нечестивые руки, дабы я прославила святое имя Твое.

В то время как святая молилась так, скверные блудники стояли около дома того и спорили между собою, кто должен войти первой к девице. В это время некий юноша, крепкий телом, одетый как воин, подойдя к ним и отогнав их от дома того, вошел к девице, причем никто не воспрепятствовал ему пройти к ней. Это был один

---

[1] Здесь разумеется святая первомученица Фекла (см. житие ее 24 сентября).

из христиан, по имени Дидим, который, по Божию устроению, нарочито в образе воина вошел в дом тот как бы для греха, на самом же деле пришел сюда для защищения девицы. Увидав его, святая Феодора весьма удивилась. Но блаженный Дидим сказал ей:

— Не бойся, сестра! Тот, кто снаружи кажется тебе волком, на самом деле агнец и брат твой по святой вере. Я пришел спасти тебя, рабу и голубицу Бога моего. Переменим одежды: ты — оденься в мои, а я — в твои, дабы ты могла унести отсюда в целости девство свое, прикрытое моими одеждами. Я же в твоих одеждах пойду на подвиг мученический и покажу себя действительным воином Христа Бога.

Святая девица соизволила на такой поступок, поняв, что Дидим был послан к ней от Бога. Переменив одежды, они облеклись: девица — в мужскую воинскую, а юноша — в девическую. Потом юноша сказал девице:

— Выходя отсюда, закрой лицо свое, как будто ты стыдишься, потому что все уходят отсюда со стыдом; тогда тебя никто не узнает.

Девица так и сделала, вышла в воинском одеянии с закрытым лицом; она быстро направилась к дому своему, славя Бога за Его промышление о ней, ибо Он избавил ее таким образом от блудников, как птицу от сети или как овцу от волков.

Когда Феодора вышла из блудилища, в него вошел некоторый юноша, одержимый блудною страстью; увидав вместо девицы мужчину, он весьма удивился и воскликнул:

— Что это такое? Каким образом девица превратилась в мужчину? Я слышал, что некогда Христос, как говорят христиане, обратил воду в вино (см.: Ин. 2, 1–11), но вот теперь я вижу, что Он обратил женский пол в мужеский.

И войдя из блудилища, он говорил друзьям своим:

— Бежим отсюда скорее, бежим, чтобы Христос не обратил нас в женщин!

И побежав, возвестили обо всем судье Евстратию. Евстратий же приказал привести Дидима к судилищу и спросил его:

— Кто ты?

Отвечал Дидим:

— Я — раб Иисуса Христа; имя же мое — Дидим.

Сказал судия:

— Почему мы видим на тебе не мужские, а женские одежды?

Отвечал Дидим:

— Я взял их у Феодоры, свои же отдал ей, дабы она не была узнана блудниками и избежала рук их.

Судия спросил:

— Кто тебе приказал сделать так?

Дидим отвечал:

— Бог мой, Иисус Христос, научил меня поступить так; Он послал спасти овцу Его от зубов звериных в целости и неповрежденности.

Сказал судия:

— Где же Феодора? Скажи нам, где она, если не желаешь, чтобы мы мучили тебя.

Отвечал Дидим:

— Поистине не знаю, где она находится сейчас; я знаю о ней только то, что она честная и верная раба Христова, что она исповедует пресвятое имя Христа, Бога нашего; поэтому и Христос возлюбил ее и сохранил ее в чистоте, как Свою невесту.

Князь же, преисполнившись гнева, приказал отсечь мечом главу Дидима, тело же его приказал бросить в огонь.

Святой Дидим, узнав о смертном приговоре своем, преисполнился радости и воззвал к Богу, говоря так:

— Благословен Ты, Боже, Отец Господа нашего Иисуса Христа, не презревший молитвы моей и исполнивший желание мое, ибо Ты и рабу Свою, Феодору, сохранил в чистоте и неповрежденности, и меня сподобляешь венца мученического!

И веден был святой за город на усекновение.

Когда святая Феодора узнала об этом, то пошла за святым мучеником Дидимом и, придя к месту усекновения, начала препираться с ним о венце мученическом, говоря:

— Хотя ты и спас меня от осквернения, но я не просила тебя спасти меня от смерти. Я была первая взята, первая истязаема и судима; уступи мне кончину мученическую; пусть буду усечена я, ты же иди, куда хочешь; для тебя будет великая награда от Господа за то уже одно, что ты сохранил в чистоте мое девство; я не желаю, чтобы ты умер за меня и предвосхитил мой венец; не желаю я быть виновницей твоей смерти; я сама умру, я сама отдам долг свой, ибо я имею голову; пусть она будет усечена за имя Христово; я имею кровь;

пусть она будет пролита за Господа нашего. Я не хотела и не хочу быть оскверненной, но желала и теперь желаю быть замученной. Не отнимай же от меня венца, который я начала плести ранее тебя. Но если ты завидуешь моему мученичеству, то позволь мне пойти под меч первой, ты же можешь быть мучеником Христовым после меня; я хочу, чтобы ты остался после меня, а не я после тебя, потому что от тебя не могут отнять чистоты, меня же могут лишить невинности. Если ты извел меня чистой из блудилища, то позволь мне и Христу предстать чистой.

Святой же Дидим сказал ей:

— Возлюбленная сестра! Господь наш, один раз уже сохранивший тебя неоскверненной, может всегда сохранить чистоту твою; мне же, на смерть осужденному, не препятствуй умереть; я умру за Христа и кровью своею омою грехи свои.

В то время как они с любовью препирались между собою, было приказано усечь мечом их обоих; святая мученица Феодора первая преклонила под меч голову свою, а затем преклонил под меч свою главу и святой мученик Дидим[1]. Тела же их были брошены в огонь. Таким образом они приняли победные венцы от Христа, Бога нашего, Которому воссылается слава, честь и поклонение со Отцом и Святым Духом вечно. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **ФЕРАПОНТА**

Этот святой Ферапонт был святителем Сардийской[2] Церкви; здесь он обратил ко Христу своим учением многих еллинов-идолопоклонников и просветил их святым крещением. Святой Ферапонт был взят игемоном Юлианом и в узах заключен в темницу;

[1] Кончина святых мучеников Феодоры и Дидима последовала в 303 году или 304 году.

[2] Город *Сардис*, или *Сард*, находился в малоазийской области Лидии; в древности был столицей Лидийского царства и славился своим богатством. Здесь было много христиан уже во времена апостолов. О Сардийской Церкви упоминается в Апокалипсисе (Откр. 1, 11; 3, 1–4).

был томим голодом и жаждою долгое время; будучи выведен из темницы, предан различным мукам; затем веден связанный в Синаон, город фригийский[1], и в Анкир, город галатийский[1], причем всюду был многоразлично мучим. Когда же святой был приведен к реке, называвшейся Асталой, то был растянут на земле нагой и привязан к четырем кольям, вбитым в землю; затем мучители били святого столь сильно, что даже кожа спала с тела его и земля напиталась его кровью. Колья же те пустили ростки и произрастили ветви и листья; затем выросли в большие деревья и своими листьями исцеляли различные недуги и болезни людей. Наконец святой Ферапонт был приведен в область, находившуюся в Лидии, вблизи реки Гермуса (протекающей по Лидии) в епископии Саталийской (подчиненной митрополии сардийской), и здесь после многих мук был умерщвлен за исповедание имени Христова и таким образом принял от Господа венец нетленный[2].

[1] Малоазийская область.

[2] Время кончины святого Ферапонта неизвестно.

ПЕРЕНЕСЕНИЕ ЧЕСТНЫ́Х МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЕЙ **КИПРИАНА, ФОТИЯ и ИОНЫ**, Киевских, Московских и всея России чудотворцев

В апреле месяце 1472 года во время княжения христолюбивого великого князя всея России Иоанна Васильевича[1] при преосвященном митрополите Филиппе[2] в славном городе Москве положено было начало основания святого и великого соборного храма — Успения Пресвятой Богородицы. И когда начали разбирать первый храм, который был построен святым Петром чудотворцем[3], и разобрали его до полов, то в то время обнаружились гробы прежде бывших святителей русских, преосвященных митрополитов Киприана, Фотия и Ионы. 28 мая в начале второго часа дня гробы их окопали, и тогда пришел преосвященный митрополит всея России Филипп с архиепископами и с ним все московское духовенство, пришел также благоверный великий князь Иоанн Васильевич с сыном своим, мать великого князя, братья его, князья Георгий, Андрей, Борис и Андрей, все сановники великокняжеского двора, князья и бояре, и множество православных христиан, жителей славного города Москвы, мужей и жен. Воспев подобающие такому случаю псалмы, взяли сперва гроб митрополита всея России Киприана и поставили его на приготовленное место в новооснованном храме в особый ковчег на правой стороне, а потом взяли гроб митрополита Фотия и поставили на том же месте. Священные одежды и омофоры, бывшие на святителях, оказались нетленными, несмотря на много лет со дня их кончины, ибо после кончины митрополита Киприана прошло без восемнадцати дней шестьдесят пять лет, а после кончины митрополита Фотия без тридцати четырех дней сорок один год. По перенесении мощей святых Киприана и Фотия пришли ко гробу святителя мит-

---

[1] Здесь разумеется *великий князь Иоанн Васильевич III*, княживший в Москве с 1462-го по 1505 год.

[2] Это был *митрополит Филипп I*, занимавший Московскую кафедру при великом князе Иоанне III с 1465-го по 1473 год.

[3] Разумеется святой *митрополит Петр*, который в 1325 году из Владимира переселился в Москву и по настоянию которого был построен первый каменный храм Успения Божией Матери.

рополита Ионы, и когда немедленно после этого снята была с него крышка, то распространилось такое сильное благоухание, что все, стоявшие вокруг этого места, слышали его. При этом все увидели, что святые мощи святителя совершенно целы, только тело присохло к костям, и одежды, в которые он был облачен, также целы и нетронуты тлением, а между тем после кончины его исполнилось тогда одиннадцать лет и два месяца. Взяв гроб святителя, поставили его наверху земли с левой стороны храма.

Благоверный князь Иоанн и преосвященный митрополит со множеством православного народа возблагодарили после этого за это Бога и повелели праздновать память обретения честны́х мощей святителей в двадцать седьмой день месяца мая.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО **ФЕРАПОНТА**, Белозерского чудотворца

Преподобный отец наш Ферапонт происходил из пределов Московской области, из города Волока Ламского[1]. Он был сыном благочестивых родителей по фамилии Поскочиных и в миру носил имя Феодора. Достигши совершеннолетнего возраста, он исполнился страха Божия и пожелал удалиться из мира. Оставив дом свой и родителей, он пришел в славный город Москву и в Симоновом монастыре Пресвятой Богородицы[2] принял иночество, причем ему дано было имя Ферапонта. После этого, пребывая в послушании,

---

[1] *Волок Ламский*, иначе называвшийся просто Волоком, нынешний уездный город Московской губернии Волоколамск, основан был новгородскими колонистами на реке Городенке, притоке Ламы, и существовал еще в 1135 году. В древности этот город был очень обширным и многолюдным, а теперь это — незначительной городок с 1000 человек населения.

[2] *Симонов монастырь*, названный от местности близ реки Москвы, по имени Симоново, основан был около 1370 года учеником и родным племянником преподобного Сергия Радонежского, преподобным Феодором, впоследствии архиепископом Ростовским, который и построил в нем первый храм во имя Пресвятой Богородицы, в честь Ее славного Рождества. Память его празднуется 28 ноября.

молитвах и посте, он много лет подвизался в этой обители. Однажды по каким-то монастырским нуждам он послан был архимандритом в области Белого озера[1], рассмотрел находившиеся там места, весьма полюбил их и возвратился в свой монастырь.

По устроению Божественного промысла случилось, что в этом монастыре, пребывая в безмолвии, находился преподобный Кирилл, впоследствии Белозерский чудотворец, и он в это время удостоился видения Пресвятой Богородицы, Которая повелела ему идти в страны Белого озера, как о том подробнее рассказывается в житии его[2]. Преподобные Кирилл и Ферапонт, сговорившись, вышли вместе из Симонова монастыря и пришли в страны Белого озера. Обойдя все находившиеся там пустынные места, они пришли на то место, где расположен теперь Кириллов монастырь[3]. Здесь преподобный Кирилл рассказал Ферапонту о бывшем ему явлении Пресвятой Богородицы, и они на этом месте стали строить себе келлию. Но преподобный Ферапонт недолго прожил с преподобным Кириллом. Вскоре он ушел от

---

[1] *Белое озеро*, или *Бело-озеро*, находится в нынешней Новгородской губернии.

[2] *Преподобный Кирилл* был постриженником преподобного Феодора, основателя Симонова Московского монастыря. По удалении Феодора на кафедру Ростовского архиепископа, в 1390 году он был избран архимандритом обители, но пробыл в этой должности недолго. Смущаемый тем, что его часто посещали богатые и знатные люди, он затворился в прежней келлии своей и старался пребывать в безмолвии, но и тут душа его рвалась к полному уединению и безмолвию в пустынном месте. Память его празднуется 9 июня.

[3] Место это находится у горы Мяуры, недалеко от реки Шексны. Монастырь был основан в 1397 году на северном берегу Сиверского озера.

него и нашел между двумя озерами место, которое ему понравилось. Он стал расчищать его и построил себе келлию. После этого стали собираться к нему иноки, выстроили монастырь и построили в нем храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы[1]. Преподобный Ферапонт часто ходил к преподобному Кириллу для духовных бесед и для устроения монастырской жизни, так как жил недалеко от его обители, на расстоянии только двенадцати поприщ, и получал от него великую пользу. Так и проводили в Боге жизнь свою преподобные.

Вследствие такой добродетельной жизни их слава о них дошла до слуха правителей той страны и даже до самого великого князя Андрея Димитриевича, в удел которого входили и области Белого озера. Услышав о святых подвижниках, князь пришел в великую радость от того, что в его владениях явились такие преподобные, прославил Бога и дал из своей казны богатые дары на построение монастырей. Случилось, что княжеским наместником в Белозерской стране был ближний боярин князя. Он посетил обитель Пресвятой Богородицы, виделся с преподобным старцем Ферапонтом, беседовал с ним и очень полюбил его. Возвратившись затем в Можайск, он рассказал о преподобном князю, и последний от этого рассказа пришел в большое умиление, так как был весьма благочестив и боголюбив.

Спустя какое-то время после этого у князя явилось сильное желание устроить монастырь в своем городе Можайске, где он имел свою княжескую резиденцию. Он обратился к своим боярам за советом, где бы найти такого мужа, который бы устроил обитель, и бояре напомнили ему о блаженном Ферапонте, сказав, что для этого святого дела он не найдет другого, более опытного человека. Тогда князь послал одного из своих вельмож с письмом к святому старцу и подарками для него, прося его не отказать ему в его просьбе. Святой, выслушав просьбу князя, серьезно обдумал ее и сообщил о ней братии, и братия дали совет ему исполнить просьбу князя. Преподобный подчинился воле братии и, взяв с собою одного из иноков, пришел к князю Андрею. Князь принял святого старца и спутника его с великим почетом и стал просить его присмотреть место для по-

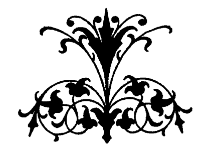
---

[1] Этот монастырь, носящий ныне название Белозерского Ферапонтова, основан был в 1398 году на возвышенном берегу Бородавского озера в четырнадцати верстах от нынешнего города Кириллова.

строения монастыря. Преподобный долго отказывался от этого, умоляя князя отпустить его в его монастырь, но никак не мог отказаться и, подчинившись воле князя, пошел, и нашел близ реки Москвы на расстоянии одного поприща от города Можайска удобное и красивое место[1]. Взяв затем вместе с князем от епископа благословение, они построили храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы, соименный храму первой обители преподобного, соорудили при нем по обычаю монастырскому все постройки, благолепно украсили их и собрали иноков[2]. Князь весьма чтил этот монастырь, более, чем другие находившиеся вблизи монастыри. Настоятелю его он выхлопотал сан архимандрита, преподобного Ферапонта поставил первым настоятелем и заботливо покоил его старость.

После этого преподобный, богоугодно прожив остаток жизни своей, в глубокой старости отошел ко Господу[3], Которого возлюбил с юности своей, и с почестями погребен был в этом монастыре. Богу нашему слава ныне, всегда и вечно.

В тот же день празднуется **обретение** (в 1667 году) **мощей преподобного Нила Столобенского**, скончавшегося 7 декабря 1554 года.



[1] Место это называлось Лужками, отчего и монастырь стал называться Лужецким.

[2] Это было в 1408 году.

[3] Преподобный Ферапонт скончался около девяноста лет от рождения, 27 мая 1426 года, прожив в Лужецком монастыре восемнадцать лет. Прославление его началось еще с конца XV века, а к лику святых он причислен на Московском соборе 1547 года. Мощи его почивают в соборном храме Лужецкого монастыря под спудом, а в Белозерской обители посвящен его имени храм.

День двадцать восьмой

СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ ЕЛИКОНИДЫ

Святая мученица Еликонида жила в царствование Гордиана[1] и Филиппа[2]; родилась она и была воспитана в Фессалонике[3]. Когда началось гонение на христиан, она пришла в город Коринф[4]. Увидав здесь людей, приносивших жертвы идолам, она стала на высоком месте и громогласно воззвала:

— О несмысленные и жестокосердые мужи коринфские! Я вижу, что вы весьма нечестивы, ибо вы оставили вечного и нетленного Бога и обратились к служению душепагубным идолам. Посмотрите, прошу вас, на высоту небесную и на широту земную; подумайте о Том, Кто распростер небо как кожу над головами вашими? Кто основал землю над бездною? Кто может укротить страшным и славным именем Своим неукротимые волны морские? Кто сотворил человека

---

[1] *Император Гордиан* царствовал с 238 по 244 год.

[2] *Император Филипп* царствовал с 244 по 249 год.

[3] *Фессалоника*, или *Солунь*, — весьма значительный в древности город Македонии, лежавший на берегу Фермейского залива при Эгейском море. В истории Русской Церкви город этот замечателен как место родины святых первоучителей славян Кирилла и Мефодия (см. житие их 11 мая). В настоящее время город этот называется Салоники и может быть отнесен к числу первых (после Константинополя) торговых городов Европейской Турции.

[4] *Коринф* — знаменитый в древности город, лежавший в юго-восточном углу Коринфского залива между Ионическим и Эгейским морем. В настоящее время на месте древнего Коринфа существует местечко Куронто с пятью тысячами жителей.

из земли и вдунул в лицо его дыхание жизни? Лишь Тот, Кто содержит дланью Своею всю тварь, есть Единый истинный Бог, пребывающий на небесах. *Все* же *боги народов — идолы* (Пс. 95, 5) суть, немые и бездушные; да будут подобны им и все те, кто им кланяется!

В то время как святая говорила это свободно и громко, нечестивые язычники схватили ее и повлекли на суд к игемону своему Периннию.

Игемон, посмотрев на нее и увидав, что она была весьма благообразна и честна лицом, начал с кротостью беседовать с нею, говоря так:

— Да ниспошлется тебе всякое благо, дочь моя прекрасная, так как я думаю, что ты веруешь, что боги наши вечно пребывают; я радуюсь о тебе.

Отвечала святая:

— Какая радость может быть у нечестивых? Радость твоя, игемон, обратится в плач, и гордость твоя обратится в немощь. Я верую в Бога, царствующего над всем, и радуюсь, что сподобилась ради Бога моего войти в подвиг этот, в котором с несомненностью надеюсь получить венец победный.

Сказал игемон:

— Не уподобляйся своим многословием безумным женщинам, но кротко и вкратце скажи нам, какое имя твое?

Отвечала святая:

— Я не безумна, но мудра о Христе Иисусе, Господе моем; если же ты желаешь узнать имя мое, то я называюсь Еликонидой.

Сказал игемон:

— Тебе дано имя Еликониды не по заслугам, ибо ты по причине великого безумия своего уготовляешь тело свое на мучения и раны.

Отвечала святая:

— Нет, я по справедливости называюсь Еликонидой, потому что милосердие Бога моего всегда со мной и я метаю стрелы на отца твоего диавола[1]. Точно так же и тебе вполне справедливо дано имя Перинния, потому что твое нечестивое и окаянное тело вместе с скверной душой твоей огненными трезубцами будет повлечено в погибель.

---

[1] Имя «Еликонида» происходит от греческих слов ἔλεος — милость и ἀκονάω — бросаю, то есть метающая стрелы на диавола по милости Божией.

Сказал игемон:

— Скажи нам вкратце: принесешь ли ты жертву богам или нет? Клянусь богом моим Асклепием-врачом[1], что не пощажу тебя, если ты не послушаешь повеления царского и не поклонишься богам нашим.

— Ты слышишь, — отвечала святая, — что я свободно говорю: я раба Христова; кто же твой Асклепий, — я этого не знаю. Делай со мною, что хочешь.

Тогда игемон, преисполнившись гнева, начал мучить святую. Первоначально он приказал ее нагую, распростерши по земле, бить, резать ноги ее, затем велел бросить мученицу в котел, наполненный кипящею смолою. Но внезапно явился Ангел Господень, который и остудил котел, превратив кипящую смолу в холодную росу, так что из котла исходило благоухание. Увидав это, игемон воскликнул:

— О сколь велик чародей Христос, Который может обратить огонь в воду!

Святая же сказала, обратившись к игемону:

— Считаешь ли ты теперь великими богов своих Дия[2] и Асклепия, после того как их пристыдила женщина, раба Христова?

От этих слов игемон преисполнился еще большей ярости и, назвав святую волшебницей, приказал содрать с головы ее волоса с кожею и опалять свечами голову и грудь ее. Все эти муки святая переносила мужественно, как бы не ощущая никакой боли.

Потом игемон, переменив гнев на кротость, начал с лестью говорить святой:

— Дочь любезная! Приступи и принеси жертву нашим непобедимым богам, в особенности Венере[3] и Минерве[4], и я сделаю тебя жрицей великой Дианы[5] и уравняю тебя с женами сенаторов. В честь тебя я выстрою золотой столп посреди города, донесу о тебе царям письменно, и ты будешь как бы матерью всему этому городу.

Святая же Еликонида отвечала:

— Веди меня в храм богов твоих, дабы я принесла им жертвы.

---

[1] *Асклепий* считался древними греками богом врачевания.

[2] *Дий*, или *Зевс*, — верховный бог древнегреческой религии.

[3] *Венера*, или *Афродита*, — богиня любви и красоты.

[4] *Минерва*, или *Афина*, — богиня мудрости.

[5] *Диана*, или *Артемида*, — богиня охоты и покровительница лесов.

Услыхав это, игемон преисполнился великой радости и тотчас приказал проповедникам и трубачам возгласить об этом по всему городу; затем с великим торжеством повел святую в храм идольский. Святая же, входя в храм, сказала жрецам:

— Я желаю одна наедине сама с собою принести чистые жертвы; поэтому прикажите всем выйти из храма; выйдите также и сами и закройте двери за собою.

Жрецы исполнили ее приказание и оставили ее одну в капище, сами же, стоя вне капища, ликовали и возглашали трубами и тимпанами.

Между тем невеста Христова, войдя внутрь капища, взяв идол Венеры, разбила его на три части; точно так же свергла и идол Минервы, который, упав на землю, совершенно разбился. Потом низвергла с алтаря Асклепия и отсекла ему руки, ноги и голову; то же самое сделала и с Дием. Но люди, находившиеся вне капища, не слышали того, что происходило внутри его, так как звук труб и тимпанов заглушал все, и стояли все вне капища, ожидая, пока девица совершит свои молитвы и жертвы.

Спустя достаточное время жрецы, наскучив ожиданием, проникли в капище и, увидав, что боги их были повержены на землю, увидав также и святую, восседавшею в алтаре и восхвалявшею Христа, Бога своего, тотчас вскочили, разодрали одежды свои, с великим гневом схватили девицу и повлекли ее к игемону. Придя к игемону, они сказали:

— Погуби волшебницу эту!

И был шум и вопль среди всего народа того, разгневавшегося на сокрушение идолов; все кричали, взывая:

— О игемон! Поскорее погуби эту волшебницу!

Игемон приказал отрезать святой мученице сосцы и заключить ее в темницу, дабы иметь время размыслить, какой лютой смерти предать ее. И пребыла в темнице святая пять дней.

В это время прибыл в Коринф на место Перинния другой игемон, по имени Иустин. Ему было возвещено о мученице Еликониде, о страдании ее и о сокрушении ею идолов. Иустин же, весьма ревновавший о богах своих, преисполнился великой ярости на Еликониду за сокрушение ею идолов и приказал как можно сильнее разжечь печь. И разжигаема была печь та в продолжение трех дней; затем

Иустин приказал бросить в печь эту святую Еликониду. Святая же, подобно древним отрокам в Вавилоне, ликовала посреди печи, прославляя и благословляя Господа, ибо огонь был для нее как бы росою и пламень огненный как бы прохладным ветром. Затем из печи вышло большое пламя и устремилось на стоявших кругом язычников; при этом было сожжено до семидесяти мужчин; святая же спустя довольно продолжительное время вышла из огня невредимой.

Игемон сказал, обратившись к ней:

— Скажи нам, скверная женщина, какими волхвованиями ты возмогла преодолеть силу огненную?

Отвечала святая:

— Христос, Господь мой, Которого ты не видел и Которого ты видеть не можешь, придя ко мне, остудил пламень печи.

Не веря этому, игемон приказал принести пред судилище постель медную; велел разжечь ее и положить на нее святую пред глазами своими. Приказав разжигать постель снизу углями, игемон сказал:

— Теперь посмотрим, придет ли Христос спасти ее.

В то время как святая была мучима так, из нее изошло столь много крови, что она погасила огонь; постель же ее остыла.

Тогда мученица была снята с постели и отведена в темницу, где она, припав на землю, молилась так:

— Иисусе, сила и крепость наша! Иисусе, слава наша! Христе, надежда наша! Будь мне помощником и уврачуй язвы мои, Врач добрый, спасающий по благости Своей всех уповающих на Тебя.

Когда она молилась в таких словах, ей явился Христос, Спаситель мира, окруженный весьма светлым сиянием, вместе со святым архистратигом Михаилом и архангелом Гавриилом. Подойдя к ней, Он подал ей руку Свою, сказав:

— Встань, поднимись на ноги и укрепись! Я всегда с тобою! Я смотрю за подвигом твоим, Я Своею Божественною силою облегчаю страдания твои и врачую твои раны.

Встав на ноги, мученица пала ниц пред Господа, поклонилась Ему и сказала:

— Иисусе Христе Боже мой! Исцели меня, рабу Твою! Помоги мне победить врага моего, дабы я, преодолев силу его, могла войти в храм Твой с пением и гласом радости.

Господь же сказал ей:

— Дерзай, дочь Моя! Вот Я исцелю тебя и приготовлю тебе венец бессмертный в Царстве Моем вечном.

Сказав это, Господь отошел на небо, святые же Ангелы дали Еликониде чистый хлеб, светившийся, как солнце. Вкусив этого хлеба, Еликонида почувствовала себя совершенно здоровой; лицо ее просветилось как солнце, и тело ее стало белым как снег. И возблагодарила святая Бога, славословя Его до самого рассвета.

Когда наступило утро, святая была выведена из темницы, потом отведена на судилище, а затем была отдана на съедение зверям. На нее были выпущены два голодных льва, ничего не евших в продолжение трех дней. Но львы, подойдя к святой, поклонились ей и начали лизать ее ноги. Народ же, видя это, поднял крик, возглашая:

— Воистину женщина эта волшебница, потому что она очаровала даже зверей, так что они не осмеливаются приблизиться к ней. О игемон! Погуби эту женщину! Погуби ее поскорее!

В то время как народ говорил так, двери здания силой Божией сокрушились и раскрылись; те самые львы выскочили и бросились на народ с великой яростью, громко рыча; народ обратился в бегство; сам игемон от страха побежал в преторию[1]. Львы же, преследуя бежавших, умертвили из народа сто двадцать человек. Тогда игемон, не зная, что еще сделать с мученицей, приказал усечь ей голову мечом.

Когда святую повели за город для усекновения, она подняла руки свои к небу и начала молиться, говоря так:

— О Христе, Боже мой! Приди ныне ко мне! Предстань рабе Твоей в час этот! Исполни Свое обещание и введи меня во святую ограду Твою, сопричисли меня к Твоим благословенным овцам. Сопричти меня к женам, Тебе угодившим: Сарре, Ревекке, Рахили, Лии, Сусанне и ко Твоей Пренепорочной Матери, Пречистой Приснодеве Марии, также и к Марфе и Марии, сестрам Лазаревым, и к пророчице Анне, свидетельствовавшей о Тебе вместе со святым Симеоном Богоприимцем при Твоем сретении; сопричисли меня и к Елисавете, матери Предтечи Твоего Иоанна, и к первомученице Фекле; присоедини меня к их числу и сподоби меня почить с ними навеки.

В то время как святая молилась так, слышен был голос с неба, возгласивший:

---

[1] *Претория* — общественное место в городе, где обыкновенно производился суд.

— Гряди, дочь Моя! Для тебя приготовлен уже венец и престол. Вот и Ангелы начинают воспевать торжественные песнопения для твоего восхода на небо.

Услышав такой голос, святая Еликонида преисполнилась великой радости и с веселием преклонила под меч главу свою. Когда она была усечена, то из раны вместо крови истекло молоко, что было знамением чистоты ее[1]. Тело же ее честнóе христиане похоронили с благоговением, прославляя Отца, и Сына, и Святого Духа — Единого Бога в Троице, Которому воссылается слава, честь и поклонение, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО **НИКИТЫ**, епископа Халкидонского[2]

Преподобный отец наш Никита с юных лет возлюбил Христа; отрекшись от мира и всех мирских привязанностей, он угождал Богу своею добродетельною жизнью и возведен был на престол халкидонского святительства, на котором, подобно свече, стоящей на подсвечнике, светил миру и украшал Церковь Христову.

Святой Никита был весьма милостив к нищим; он питал алчущих, нагих одевал, странников принимал в дом свой и упокоевал их; он был отцом сиротам, заступником вдовицам и спасителем для всех обидимых.

---

[1] Кончина святой мученицы Еликониды последовала в 244 году.

[2] *Халкидон*, или, правильнее, *Калхедон*, первоначально мегарская колония на берегу Мраморного моря. При христианских императорах Халкидон был столицею малоазийской области Вифинии. — В истории христианской Церкви Халкидон замечателен как место IV Вселенского собора, созванного в 451 году императором Маркианом (с 450 по 457 год) для осуждения монофизитской ереси (эта ересь была основана Евтихием, архимандритом Константинопольским, учившим, что человеческое естество в Иисусе Христе было совершенно поглощено Божественным естеством и потому в Нем следует признавать лишь одну природу — Божественную).

Когда наступили тяжелые времена ереси иконоборческой[1], в царствование Льва Армянина[2], святой Никита показал себя мужественным исповедником имени Христова, ибо много подвизался в борьбе с нечестивым учением, обличая неправославные догматы, увещевая всех с благоговением поклоняться иконе Христа Господа и Его Пречистой Богоматери, а также иконам и всех прочих святых; доблестный исповедник Христов перенес много мучений от нечестивого царя и его единомышленников; перенес он и изгнания, и уничижения, и прочие беды за свое правоверие.

Спустя достаточное время, после многих исповеднических трудов, святой Никита перешел от земли в обители небесные[3]; Бог прославил его на небесах пред Ангелами Своими, на земле же — пред людьми, ибо от честных мощей его творились многие чудеса, подавались исцеления всяких болезней во славу Бога, прославляемого во святых Своих.

Прп. Никита Халкидонский

ПАМЯТЬ СВЯТОГО **ИГНАТИЯ**, епископа Ростовского

Святой Игнатий родился от благочестивых родителей и был воспитан ими во всякой христианской добродетели. Убедившись в суете мира сего, он отрекся от мира и принял пострижение в мона-

---

[1] Иконоборческая ересь появилась в VIII веке. Иконоборцы неразумно смешивали иконопочитание с идолопоклонством. Основателем этой ереси считается Константин, епископ Наколийский (во Фригии — малоазийской области). Самыми рьяными поборниками иконоборчества были императоры Лев III Исаврянин (717–741 гг.) и Константин V Копроним (741–775 гг.). Эта ересь была осуждена на VII Вселенском соборе (происходившем в 787 году в городе Никее).

[2] *Лев V Армянин* царствовал с 813 по 820 год.

[3] Кончина преподобного Никиты последовала в начале IX века.

Свтт. Исаия, Игнатий и прп. Авраамий Ростовские

шество. Так как он проводил жизнь весьма добродетельную, то был назначен первоначально архимандритом, а потом епископом города Ростова[1]. Приняв под свое попечение епархию Ростовскую, он с великим вниманием пас стадо свое. Пробыв во святительстве двадцать шесть лет, преставился ко Господу в 6796-е лето от сотворения мира, от рождества же во плоти Бога Слова в 1288 году, 28 мая, в пятницу, после вечерни[2].

Узнав о кончине святого, весь город Ростов собрался к телу его; все горько плакали и рыдали, сожалея о кончине общего пастыря и учителя всех, помощника и заступника в бедах и скорбях, ходатая вдовицам и сиротам, питателя нищих и убогих, наставника и учителя иерейского и монашеского чина и советника князей и вельмож. Взяв честное тело святителя Игнатия, все понесли его в церковь, но по причине множества народа, собравшегося в нее, не могли внести его внутрь церкви, а поставили пред церковью; после этого начали петь погребальные песнопения.

В это время проходили мимо церкви две благочестивые монахини, одна из них называлась Феодосиею; она была супругою про-

---

[1] *Святой Игнатий* был рукоположен во епископа 19 сентября 1262 года.

[2] Существует известие, что святой Игнатий в 1269 году основал обитель при устье реки Шексны, на берегу Белого озера во имя Святой Троицы. Иноки этой обители много потрудились над обращением в христианство чуди и корелов. В 1274 году святой Игнатий присутствовал на Поместном Владимирском соборе. Два раза святителю приходилось предпринимать тяжелое путешествие в орду с ходатайством за свою епархию. Святой Игнатий известен как примиритель князей Димитрия и Константина Борисовичей. В память примирения ими основана в Ростове Борисоглебская церковь. Скончался святой Игнатий в 1288 году. Честны́е мощи его доселе почивают в ростовском Успенском соборе.

тодиакона святителева Павла, но тотчас же, по вступлении в законный брак, они посвятили себя девственной и чистой жизни. Всю жизнь свою они подвизались в посте и молитвах. Многие могли засвидетельствовать чистоту жизни их. Когда блаженный Павел отошел ко Господу, то супруга его приняла пострижение в иночество. Узнав о кончине святителя Игнатия, она пришла поклониться мощам его; вместе с нею пришла и другая инокиня, по имени Ксения, проводившая столь же добродетельную и богоугодную жизнь. Эти две инокини и еще некоторые благочестивые люди, которые сподобились откровения Божественного, видели такое чудо: когда честные мощи святителя Игнатия были несены к церкви, то святитель Божий встал из гроба в своем архиерейском облачении, пошел по воздуху и стал высоко в воздухе над церковью; затем благословил весь народ и весь город; потом вошел в пещеру, ископанную в земле около жертвенника, где был ему приготовлен и гроб. Это открыл Бог инокиням тем, а также и еще некоторым благочестивым людям для прославления угодника Своего и в показание всем святости его; этим Господь показал людям, что святитель Игнатий заслужил милость от Господа и сподобился одинаковой части со святыми.

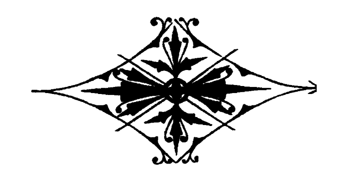
Около того же времени случилось и другое чудо: некий архимандрит Стефан имел со дня рождения своего один палец пригнутым к ладони; когда он прикоснулся к честному телу святителя Игнатия, тотчас скорченный палец его выпрямился, стал здравым, как и прочие пальцы.

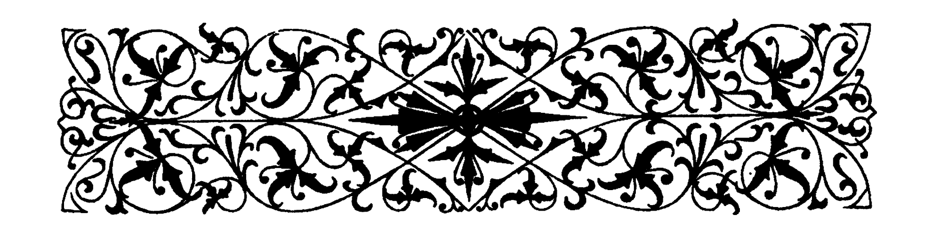
Потом честнóе тело святителя Игнатия было внесено в церковь. Утром следующего дня все снова собрались к мощам угодника Божия, дабы сотворить обычное служение и воспеть погребальные песнопения. Когда положили тело святителя Божия во гроб и дали в руку ему свитки, в которых написаны были имена всех тех, кого святитель Игнатий посвятил в сан пресвитерский и диаконский, то угодник Божий, как живой, простер руку свою и принял свитки. Все, видевшие чудо это, преисполнились великого страха и радости и прославили Бога. Молитвами этого угодника Божия, святителя Игнатия, да сподобимся и мы быть вместе с ним участником благ вечных, уготованных о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому воссылается слава вечно. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **ЕЛЛАДИЯ**

Святой Елладий, после разных мук брошенный в огонь и оставшийся невредимым, скончался от побоев. В службе ему сказано, что в темнице посетил его Христос и уврачевал от ран и что узы спали с него. Полагают, что он пострадал от персов во время нашествия их на восточные провинции Римской империи.

В тот же день **память священномученика Евтихия**, епископа и сотрудника апостолов, пострадавшего в Мелитине в I веке.





День двадцать девятый

ПАМЯТЬ
СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ФЕОДОСИИ

О святой Феодосии Тирской[1] Евсевий[2], епископ Кесарии Палестинской[3], свидетель-очевидец, сообщает следующее: «В то время как в стране нашей вот уже пять лет продолжалось гонение, поднятое на христиан нечестивыми идолопоклонниками, в семнадцатый день месяца апреля, в самый день праздника Воскресения Христова, одна благочестивая и богобоязненная девица из нашего города, — говорит Евсевий, — родом из Тира, не имевшая еще и во-

---

[1] Родиной *святой мученицы Феодосии* был город Тир. Тир расположен у северо-восточных берегов Мертвого моря на юго-западном склоне Галаадской горной цепи.

[2] *Евсевий*, епископ Кесарийский (жил с 268 по 340 год), — известный церковной историк, положивший начало церковной истории; отличался большою ученостью. Ему принадлежат следующие сочинения: 1) «Церковная история», доведена от времен апостольских до 324 года; делится на десять книг; 2) «Жизнь Константина»; состоит из 4-х книг и представляет прямое продолжение «Церковной истории», 3) «Хронография». Кроме того, Евсевию принадлежат многие мелкие сочинения апологетического, полемического и экзегетического характера.

[3] *Кесария Палестинская* находилась на восточном берегу Средиземного моря. В древние времена Кесария была резиденцией римских прокураторов и центром общественно-политической жизни страны. — В истории христианской Церкви Кесария Палестинская замечательна тем, что здесь впервые был открыт язычникам доступ в Церковь Христову апостолом Петром, крестившим сотника Корнилия (Деян. 10). Здесь же происходил последний суд над апостолом Павлом, после которого он был отправлен в Рим (Деян. 25–27). — В Палестине была еще другая Кесария, в отличие от настоящей называвшаяся Филипповой. Она находилась у истоков Иордана.

семнадцати лет, подошла к христианам-узникам, находившимся в претории; в это время христиане с дерзновением рассуждали между собою о Царствии Божием; подойдя к ним, Феодосия начала просить их помянуть ее пред Господом, когда они, окончив свой страдальческий подвиг, предстанут Богу. Воины же, увидав девицу, поклонившуюся узникам-христианам, схватили ее и, как бы сделавшую какой дурной поступок, повлекли к игемону Урвану на допрос. Игемон, исполнившись великой ярости и гнева, приказал мучить ее лютыми муками. Ее ребра и сосцы были истерзаны железными ногтями, так что мясо сошло с нее до костей; потом мученицу Христову, еще живую, с радостным лицом терпевшую мучения, игемон приказал утопить в море».

Так говорит Евсевий, видевший все своими глазами.

Кроме того, прибавляют, что эта святая мученица Христова Феодосия, после потопления в море, была извлечена Ангелами из воды на сушу совершенно живою. И ходила святая, нося на руках своих камень, привязанный к шее ее. Потом святая была снова взята язычниками, которые и привели ее в судилище. Святая Феодосия была отдана на съедение зверей, но она пребыла совершенно невредимой от них. Наконец мучитель приказал усечь (обезглавить) ее мечом. Во время усекновения святой видели голубицу, вылетевшую из уст ее, сиявшую как золото и возносившуюся к небесам[1].

Когда наступила ночь, святая мученица явилась родителям своим вместе со многими другими святыми девами; облечена была святая в одежду более белую чем снег; в руке у нее был золотой крест, а на голове венок; при этом святая сказала родителям своим:

— Вот видите, сколь велика слава и благодать Христа моего! Вот видите, как велика слава, которой вы меня хотели лишить!

Эти слова сказала святая потому, что родители ее, заметив в ней желание пострадать за Христа, всячески препятствовали ей в этом; но она тайно от них поспешила к узникам Христовым, и, как мы сказали, была взята на мучение и увенчана от Подвигоположника своего Господа Иисуса Христа, Бога нашего.

---

[1] Кончина святой мученицы последовала в 307 году или в 308 году, 6 апреля. 29 мая есть день перенесения ее мощей. Мощи святой мученицы были перенесены первоначально в Константинополь, а потом в Венецию.

СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ **ФЕОДОСИИ**

Святая невеста Христова Феодосия родилась в Константинополе от богатых, честных, благочестивых и добродетельных родителей. Первоначально они были неплодны в продолжение многих лет. Сокрушаясь об этом, они молились и много постились, прибегая и днем, и ночью к храмам Божиим и щедро раздавая милостыню бедным.

Однажды, когда они были на всенощном бдении в храме, построенном в честь святой мученицы Анастасии[1], мать святой Феодосии усерднее, чем раньше, молилась о разрешении своего неплодства; когда она немного задремала, ей явилась святая Анастасия мученица и сказала:

— Не печалься, женщина, ибо ты зачнешь и родишь.

Проснувшись, она пришла в великую радость и сказала о видении своему мужу. Тогда муж сказал ей:

— Жив Господь! Если Он разрешит неплодство наше и если мы родим сына ли, дочь ли, принесем то в дар нашему Владыке, Христу Богу.

Спустя некоторое время его жена действительно зачала и родила святую отроковицу, которую и назвали Феодосиею, то есть «данною от Бога», ибо она была дарована Богом. Затем просветили младенца святым крещением.

По истечении сорока дней после рождения мать взяла свою дочь на руки и понесла ее в храм святой Анастасии, с радостными слезами воздавая благодарение Богу и святой мученице, обещая посвятить свою дочь в чин иноческий, дабы она была сопричислена к лику девственниц и невест Христовых (следует заметить, что при том храме был и монастырь для девиц, посвятивших себя на служение Богу).

Приняв благословение Божие, мать возвратилась к себе домой и начала воспитывать обещанное Богу дитя с великим вниманием, научая Феодосию чтению Божественных книг и страху Божию и возжигая в сердце ее огонь любви Божественной.

---

[1] Здесь, вероятно, разумеется святая мученица Анастасия, память которой празднуется 29 октября.

Когда Феодосии исполнилось семь лет со времени рождения, отец ее умер; тогда мать, взяв отроковицу, повела ее в монастырь святой Анастасии и отдала ее для пострижения во святой чин ангельский.

Спустя три года умерла и мать Феодосии, оставив все имение свое дочери-инокине. Но Феодосия, достигнув совершенного возраста, будучи преисполнена разума и любви к Богу, не восхотела принять имение, оставшееся ей от матери, но отдала его Богу, Которому принесла в жертву и саму себя: призвав к себе золотых дел мастера, она дала ему достаточное количество золота и серебра для скования трех икон: Христа Спасителя, Пресвятой Богородицы и святой мученицы Анастасии. Иконы эти имели величину в три локтя[1]. Блаженная Феодосия поставила их в храме, все же остальное имение свое раздала нищим, убогим, сиротам и вдовам, а сама в иноческой нищете продолжала служить Господу день и ночь, обогащаясь от Бога богатством духовным. Вооружаясь молитвенною броней на невидимого супостата, она умерщвляла постническими подвигами плоть, воевавшую на дух, побеждала врага бесплотного, попирала главу адского змия и низлагала гордого Велиара[2] смирением, кротостью, богоугодною любовью, чистотою, благоговением, послушанием и прочими иноческими добродетелями.

Однажды, когда святая молилась ночью, к ней подступил диавол и сказал:

— Вот, ты ополчаешься на меня: в таком случае и я ополчусь на тебя, и не только на тебя, но и на всех христиан, ибо я нашел такого человека, посредством которого я сумею воздвигнуть брань на Церковь; я многих отвращу от поклонения иконе Христовой; многие пойдут во след меня и будут исполнять волю мою.

Святая же Феодосия, осенив себя знамением крестным, сказала:

— Да будешь проклят ты, диавол, противник христиан! Да уничтожатся и да погибнут все козни твои силой Христа, Бога моего!

И исчез диавол. Преподобная же Феодосия, осенив себя честны́м знамением креста, начала воспевать псалом Давидов: *Да восстанет*

---

[1] *Локоть* равнялся восьми–десяти вершкам.

[2] *Велиар*, или, правильнее, *Велиал*, — по переводу с еврейского значит: *негодный, нечестивый, злой*. Это наименование апостол Павел усвояет диаволу, источнику всякого зла (2 Кор. 6, 15).

Бог, и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его (Пс. 67, 2).

Об этом страшном видении и обо всех горделивых словах диавола святая Феодосия передала игумении своей и спросила ее:

— Откуда же может прийти на христиан та беда, которую враг обещает навести?

Игумения ответствовала ей:

— Дочь моя! апостол свидетельствует: *желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы. Злые же люди и обманщики будут преуспевать на злое, вводя в заблуждение и заблуждаясь* (2 Тим. 3, 12, 13). Ибо стадо Христово всегда было смущаемо лукавыми людьми, мудрствующими неправо, прельщающими всех и самих прельщаемых; эти лукавые люди и суть орудия диавола. Подобным образом и в настоящее время будет диаволом наведено на Церковь Божию смущение и гонение. *А ты пребывай в том, чему* научена (говорю тебе вместо святым апостолом Павлом). *Притом же ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса* (2 Тим. 3, 14–15).

Спустя некоторое время на правоверного царя Феодосия, прозывавшегося Адрамитином[1], восстал воевода его, по имени Лев, называвшийся Кононом, родом исаврянин[2]. Отняв у Феодосия власть царскую, Лев воцарился сам[3].

В первое время царствования своего он показывал себя благочестивым, но в скором же времени обратился в нового Валтаса-

---

[1] *Феодосий III Адрамитин* царствовал с 715 по 716 год.

[2] *Исаврия* — малоазийская область, граничившая на востоке — с Ликаонией, на севере — с Фригиею, на западе — с Писидией и на юге — с Киликией.

[3] *Лев III Исавр* царствовал с 716 по 741 год.

ра[1], оскверняющего святыню церковную и не поклоняющегося Христу Богу Всевышнему и честно́й Его иконе. И вдохнул он в Церковь яд аспидов душевредной ереси манихейской; кроме того, этот зверообразный человек, рыкая как бы львиным гласом, произносил хульные слова еретические на святые иконы, называя их идолами, поклоняющихся же им называл идолопоклонниками. Нечестивый царь этот издал приказ, которым повелевал уничтожить поклонение иконам по всему своему царству.

В это время престол константинопольский занимал святой Герман[2]. Он вместе с прочими православными епископами весьма противился царю и не принимал его еретического приказания, повелевавшего отречься от почитания икон. Герман говорил этому хулителю:

— После того как Владыка и Спас наш воплотился от честны́х кровей Пресвятой Богородицы и исполнил все Божественные предначертания о спасении нашем, — уничтожена всякая служба идолам и все идольские изображения преданы огню. Прошло уже более семисот лет после того, как подвизались апостолы и возвестили миру спасительное учение Христово. За эти семьсот лет было весьма много праведных и преподобных отцов, и ни один из них не похулил святых икон, тем более ни один из них не слыхал о том нечестивом мудровании, какое вы вносите в Церковь, отвергая почитание святых икон, по долгу воздаваемое святыням от древности. Ибо святая Церковь приняла обычай почитать честны́е иконы от самой древности, начиная с того нерукотворенного образа, который Сам Спаситель послал на полотенце Авгарю, князю Эдесскому. Затем кровоточивая женщина, исцелившаяся от прикосновения к краю одежды Христовой, после вознесения Господня на небо, сделала из камня подобие Иисуса Христа. Потом святой евангелист Лука написал икону Пречистой Девы Богородицы; с этого времени начался благочестивый обычай писания святых икон и украшения ими храмов Божиих и домов христианских. Вот и бывшие ранее нас шесть

---

[1] *Валтасар* — один из потомков Навуходоносора, царь вавилонский, — известен как нечестивый и развратный человек (Дан. 5, 1–4, 22–23). Он осквернил священные сосуды иудеев, захваченные Навуходоносором из Иерусалима (Дан. 5, 3).

[2] *Герман I* патриаршествовал с 715 по 730 год. Он причислен Православной Церковью к лику Святых. См. житие его 12 мая.

Вселенских соборов[1] не похулили этого обычая, но, наоборот, повелели поклоняться изображениям святых, а не отвергать их. Знай же, царь, что я ради святых икон готов не только потерпеть какое угодно зло, но готов принять и самую смерть, ибо икона Христова носит имя Того Самого Христа, Которой воплотился от Пренепорочной Девы Марии и пожил на земле с людьми. Каждый благочестивый христианин должен быть готов умереть как за имя Христово, так и за Его честны́е иконы, потому что тот, кто бесчестит икону, бесчестит и того самого, кто изображен на этой иконе.

Услыхав это, царь преисполнился гнева и ярости; зарычав, как лев, он начал свирепствовать с большою жестокостью, преследуя верующих и предавая различным смертям всех, противившихся ему. Прежде всего он послал воинов своих с оружием и повелел им прогнать с патриаршества святого Германа с бесчестием и побоями; вместо Германа Лев поставил лжепатриарха Анастасия[2], еретика и единомышленника своего. Затем Лев приказал предать огню все Божественные книги и писания богомудрых учителей. Следует заметить, что при храме Святой Софии была библиотека, имевшая около трехсот тысяч книг; при библиотеке этой было двенадцать училищ и столько же мудрых учителей; начальником же над этими учителями был мудрый гимназиарх, принявший честь эту от царя и от патриарха. Все эти учители воспротивились безбожному приказанию нечестивого императора; поэтому беззаконный мучитель, окружив вместе со своими воинами библиотеку ту и все училища с учителями и учениками, подпалил ее со всех сторон и сжег, так что никто из бывших там не спасся от огня, не уцелела от огня и ни одна книга.

В это время весь город Константинополь повергся в великую скорбь и печаль; все плакали и воздыхали; одни сожалели о несправедливом изгнании святейшего патриарха Германа, другие — о сожжении столь большего числа книг и гибели мудрых учителей, иные о великом бесчестии, наносимом иконам, ибо иконы повсюду сокрушались, бросались в болота и сожигались на кострах.

Новопоставленный же патриарх-еретик, Анастасий, стоявший на святом месте как мерзость запустения (см.: Мф. 24, 15), был весьма

---

[1] VII Вселенский собор еще не был созван в это время.

[2] *Анастасий* патриаршествовал с 730 по 753 год.

угоден царю, так как всячески споспешествовал ему в его иконоборном еретичестве. Этот лжепатриарх вскоре же выбросил честны́е иконы из великой церкви и приказал сделать то же и по всем прочим церквам.

В Константинополе были ворота, называвшиеся «медными»; они были построены еще во времена великого Константина и вели к царским палатам. Над этими воротами находился медный образ Спасителев, висевший здесь в продолжение четырехсот и даже более лет. Тот злочестивый патриарх вознамерился снять и предать огню этот честной образ, для чего и послал воинов с топорами на нечестивое дело. Когда начальник воинов тех, саном спафарий, приставив к воротам лестницу, начал подниматься по ней с топором в руках и уже готовился приступить к своему богопротивному делу, — его увидели некоторые благочестивые женщины, случайно проходившие там; увидали его также и инокини, в числе которых была и преподобная Феодосия; разжегшись ревностью по иконе Христовой и побуждаемые блаженной Феодосией, более всех их ревновавшей о честны́х иконах и преисполненною Божественного мужества и дерзновения, — инокини те побежали к лестнице и опрокинули ее на землю; вместе с тем они низвергли и воина того, который, упав с высоты, весьма расшибся. Они же, влача его по земле, били до тех пор, пока он не умер; затем с поспешностью пошли к патриарху Анастасию и начали поносить нечестие его; они укоряли его, как волка, хищника, еретика и врага Церкви Христовой; потом начали метать в него камнями. Анастасий же, преисполнившись стыда и опасаясь, как бы не поднялся против него общенародный мятеж, поспешил к царю и возвестил ему о нанесенном ему женщинами теми бесчестии, возвестил также и о убиении спафария при вратах медных. Царь, преисполнившись гнева и ярости, тотчас же, послав воинов своих с обнаженными мечами, приказал им отомстить за бесчестие патриарха и смерть спафария. И посечены были те святые жены за ревность, явленную ими по благочестью; блаженную же инокиню Феодосию, как более благородную по происхождению своему и с большим дерзновением исповедовавшую благочестие и как виновницу всего происшедшего, царь приказал взять и заключить в темницу, нанося ей ежедневно по сто ударов. Так мучима была святая в продолжение семи дней.

На восьмой день мучитель приказал водить святую по всему городу и бить ее без милосердия. Когда святая была приведена на место, называвшееся «Воловьим торгом» (здесь продавались и закалались животные)[1], случилось, что один воин, сопровождавший святую, нечаянно наступил на большой козий рог и поранил им свою ногу. Разгневавшись, он взял рог тот и начал бить им без милосердия святую мученицу по голове, затем ударил святую тем рогом в горло и проткнул его; и тотчас святая преподобномученица девица Феодосия, священная невеста Христова, предала свою честну́ю душу в руки бессмертного Жениха своего и отошла в небесный чертог Его, будучи увенчана двойным венцом и девства, и мученичества[2]. Многострадальное же тело ее, брошенное на землю, было взято христианами с благоговением и похоронено в особом месте. От честны́х мощей святой Феодосии подавались исцеления болящим во славу Христа, Бога нашего, прославляемого со Отцом и Святым Духом, ныне и в бесконечные веки. Аминь[3].

---

[1] По объяснению некоторых место это называлось «Воловьим» потому, что здесь была печь, в виде вола, в которой сожигались преступники.

[2] Кончина святой мученицы Феодосии последовала в 730 году.

[3] Сохранились сведения о чудесах от мощей святой мученицы, записанные великим логофетом (хранителем патриаршей печати) Константином, жившим в XIII веке. Один юноша из Фригии, лишившийся употребления ног, получил совершенное исцеление после того, как был принесен ко гробу святой мученицы; другой юноша, упавший с коня и лишившийся рассудка, мгновенно исцелел, после того как был принесен ко гробу святой Феодосии и помазан здесь елеем от лампады; сам Константин логофет говорит о себе, что он сильно страдал болезнью в ногах, которой не могли вылечить лучшие врачи; но, прибегнув к святой мученице, получил полное исцеление. Константин логофет в своем сказании замечает, что чудеса, сотворенные святою Феодосиею, неисчислимы. Честные мощи святой мученицы были положены в монастыре *Диократис*, или *Дексиократис* (имя патриция, построившего монастырскую церковь), неподалеку от Золотого рога в Константинополе.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ЮРОДИВОГО

ИОАННА,

Устюжского чудотворца

Блаженный Иоанн родился от благочестивых родителей — от отца, по имени Саввы, и матери Наталии, — в окрестностях великого города Устюга[1], в селе, носившем название Пухово и расположенном по ту сторону реки, называемой Сухоною, где находился древний город Устюг. С юных лет он обнаружил необыкновенное воздержание. По средам и пятницам он ничего не ел, а в прочие дни питался только хлебом и водою, причем ночи всегда проводил без сна в молитве и всегда ходил с грустным и жалостным лицом, так что те, кто видел его, думали, что он не в полном уме. Так блаженный отрок поступал всегда, и мать его много раз убеждала его изменить такой образ жизни, говоря:

— Дитя мое, не изнуряй тела своего неупотреблением пищи; такое суровое воздержание может причинить тебе болезнь.

— Не принуждай меня к этому, мать моя, — отвечал на это отрок, — воздержание избавит меня от грехов.

— Какие же грехи, дитя мое, — спрашивала мать, — имеешь ты, будучи в таких юных годах? Одна благодать Божия в тебе, и никаких грехов мы не видим у тебя.

На это отрок отвечал матери:

— Мать моя! Перестань говорить такие слова, послушай, что говорит Писание: пусть никто из людей не хвалится тем, что он безгрешен; без греха — Один только Бог (см.: Рим. 3, 10, 23; 1 Ин. 1, 8, 9). И еще: пища и питие не приблизят нас к Богу (см.: 1 Кор. 8, 8). Поэтому не будем питать тела своего, чтобы оно не стало врагом нашим.

Такими словами уговаривал блаженный Иоанн мать свою. Хотя сам он был и неграмотен, но научен был данною ему благодатию Святого Духа, как сказал пророк: *яко не позна́х книжная; вни́ду в силе Господни* (слав. Пс. 70, 15–16).

---

[1] *Великий Устюг*, ныне уездный город Вологодской губернии, находится на левом берегу реки Сухоны при впадении в нее реки Юга.

После этого отец блаженного из села Пухова переселился в находившийся тоже в окрестностях Устюга город, по имени Орлец[1], на реку Юг и здесь скончался. Тогда мать его отправилась в бывший там монастырь Живоначальной Троицы, приняла иноческое пострижение и вскоре избрана была игумениею этого монастыря. Все время она имела сына при себе, но блаженный отрок, познав суету мира сего, принял на себя вид юродивого[2], и мать, видя, что он так ведет себя, предоставила его воле Божией.

После этого преподобный Иоанн ушел из монастыря и, придя в город Устюг, поселился вблизи соборной церкви Пресвятой Богородицы, честного Ее Успения в церковной сторожке. Бодрствуя по ночам, он возносил непрестанные молитвы Господу, а днем старался казаться людям юродивым и бегал по улицам, чтобы не узнали его притворства. Отдыхал он обыкновенно на навозе и ходил совершенно нагим, только на пояснице носил одно разорванное рубище. Но когда случалось ему надевать на себя рубашку, то и она всегда была ветха и никогда он не мыл ее. Много терпел преподобный от легкомысленных людей оскорблений, насмешек и побоев, постоянно терпел голод и жажду и при этом ни от кого ничего не брал. Однажды вследствие зимнего холода он влез в сильно раскаленную печь, лег в ней на горящие угли, как на постель, и нисколько от этого не пострадал. Кроме этого, он исцелил от горячки жену одного князя, по имени Феодора, прозванного Красным[3], княгиню, по имени Марию.

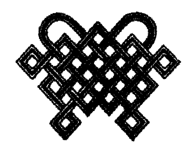
---

[1] Город *Орлец* находился в сорока верстах от Устюга на притоке Сухоны Юге.

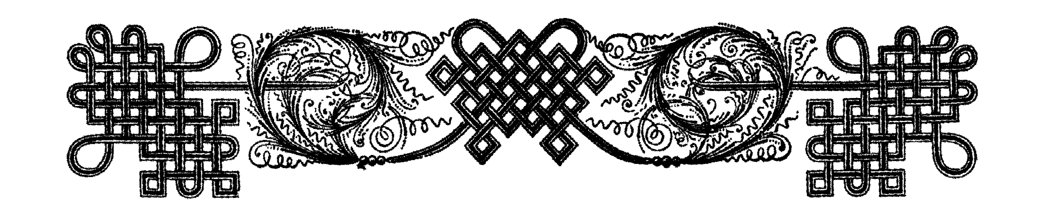
[2] *Юродивый* — значит *глупый, безумный*. Так называются христианские подвижники, представлявшиеся глупыми или странными из смирения и ради вечного своего спасения.

[3] Это был устюжский наместник, князь Феодор Красный.

Проведя так жизнь свою, блаженный Иоанн, узнав о своем отшествии ко Господу, помолился о всем мире, оградил себя крестным знамением и, легши на землю, предал святую душу свою в руки Божии. Это произошло в 1494 году, 29 мая. Преподобный погребен был вблизи соборной церкви и творит чудеса тем, кто с верою обращается к нему[1].



[1] Жители города Устюга обращались с молитвою к блаженному Иоанну во время бедствий междуцарствия и ему предписывали победу царского войска над Сапегою в 1610 году, а в 1613 году молитвами устюжских чудотворцев (Прокопия и Иоанна) не только защитили свой город от поляков, но и разбили их. В Устюге построена церковь во имя блаженного Иоанна.



День тридцатый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ИСААКИЯ ИСПОВЕДНИКА

Вскоре же после обретения пречестного и животворящего Креста Господа нашего Иисуса Христа в царствование великого Константина[1] многопестрый змий и многоглавый враг и ненавистник рода христианского и в особенности Самого Христа, Спасителя нашего, противник святой веры, по своему коварству внес смущение в Церковь Божию, а именно: он внушил злочестивому и беззаконному императору Валенту[2] защищать ересь Ариеву[3] и способствовать ее распространению. Этот нечестивый император поднял гонение на правоверных христиан; повелел запереть святые храмы, дабы в них не совершались обычные Божественные жертвы, другие же обратил в хлевы для лошадей, иные разрушил до самого основания. Гонение это продолжалось долгое время. И был в это время великий плач и великая скорбь среди христиан, которые все дни и ночи молились ко Господу, прося Его умилосердиться над Своею Церковью святою и сотворить праведный суд и отмщение нечестивому царю. В то время было так, как во времена апостольские, когда царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви, чтобы сделать им зло (см.: Деян. 12, 1).

Спустя некоторое время на защиту Церкви Бог воздвиг раба Своего монаха Исаакия, подобно тому как древле воздвиг пророка Да-

---

[1] См. житие его 21 мая.

[2] *Валент* царствовал с 364 по 378 год.

[3] Об ереси ариевой смотри ниже в дополнительной статье о I Вселенском соборе.

ниила на защиту неповинной Сусанны[1]. Блаженный Исаакий первоначально подвизался в восточной пустыне, подражая святому Илии пророку[2] и проводя жизнь ангелоподобную. Узнав о гонении, поднятом арианами на Церковь Божию, узнав также и о том, что и царь споспешествовал распространению ереси, он весьма опечалился; оставив пустыню, он пришел в Константинополь для того, чтобы утверждать верующих во благочестии; слово его было подобно свече горящей; Дух Божий почивал на нем и благодать небесная осиявала его. Увидав своими очами великие беды, какие терпели верующие от зловерного царя и его единомышленников, он молил Бога, прося Его призреть с высоты престола Своего на гонимых неповинно и явить им милосердие Свое, гордость же гонителей смирить. Бог, услышавший некогда угодника Своего Моисея, молившегося о людях своих, находившихся в беде (см.: Исх. 14), услышал и раба Своего Исаакия, и воздвиг на нечестивого царя Валента варваров, именно: варвары, жившие в то время по реке Дунаю, собрав все полки свои, начали войну с греками; они уже захватили в свою власть Фракию и приближались к Константинополю. Необходимо было собрать воинов и царю Валенту, дабы войти на брань с врагами; но здесь случилось с царем то самое, что случилось некогда с Саулом, царем израильским, врагом Давида; ибо Саул не возвратился с поля битвы, согласно пророчеству святого Самуила, так как прогневал Бога (см.: 1 Цар. 28, 17–22).

В то время как Валент выходил из Константинополя с полками своими, блаженный Исаакий зашел вперед его и громогласно воскликнул:

— Царь! Отопри храмы для правоверных, и тогда Господь благопоспешит пути твоему.

Но царь не отвечал ему, презирал его, как простеца и безумца; не придав значения словам его, он продолжал путь свой.

На другое утро блаженный старец, подойдя к царю, опять сказал:

— Открой, царь, храмы для правоверных, и тогда война окончится для тебя благополучно: ты победишь врагов своих и возвратишься домой с миром в добром здравии.

---

[1] История Сусанны изложена в Дан. 13.

[2] Память его празднуется святой Церковью 20 июля.

Царь, внимая словам его: «возвратишься домой с миром в добром здравии», хотел открыть двери церковные и отдать храмы правоверным, и уже начал советоваться об этом с вельможами своими. Но один военачальник, придерживавшийся злочестия арианского, посоветовал царю не слушать монаха, но с бесчестием прогнать его от себя. Побранив старца, царь с бесчестием и побоями прогнал его от себя, и отправился в дальнейший путь.

И на третий день блаженный старец снова подошел к царю; взяв за узду коня, на котором он сидел, Исаакий начал еще усерднее просить и увещевать царя открыть храмы; в противном случае грозил ему судом Божиим.

Случилась на том месте глубокая пропасть, на дне которой росло терние и было болото; когда в это болото попадал какой-либо зверь, то он уже не мог выйти оттуда, но засасывался болотом и погибал. В это болото царь приказал бросить Исаакия, дабы он погиб здесь; потом отправился в дальнейший путь.

Святой же Исаакий, будучи брошен в болото это, был охраняем десницею Божиею и не потерпел здесь никакого вреда: его не уязвило терние и не затянуло болото; он лежал среди терния как бы на мягкой постели среди цветов, хваля и благодаря Бога до тех пор, пока не явились ему три светлых мужа, которые извлекли его из болота здравым и невредимым и поставили на сухом месте; сами же стали невидимы.

Тогда преподобный Исаакий понял, что это Сам Господь послал Ангелов Своих извлечь его из той пропасти; пав на колена, он воздал благодарение Спасителю своему за то, что Он заботился о рабах Своих и не оставлял всех, боявшихся Его и уповающих на Него.

Помолившись достаточное время и укрепившись Духом Святым, Исаакий встал; затем пошел поспешно окружным путем и, обогнав царя, остановился на пути его. Увидав святого, царь весьма испугался и от страха и удивления молчал. Святой же с дерзновением сказал ему:

— Вот, ты хотел погубить меня в тернии и болоте; но Господь сохранил меня живым и послал мне Ангелов Своих, которые вывели меня из той пропасти. Послушай же меня, царь! Открой храмы для правоверных; тогда ты победишь врагов и возвратишься обратно с

славою; но если не послушаешь меня, то не возвратишься с поля битвы, а погибнешь на нем.

Царь весьма удивился дерзновению монаха и светлости лица его, но несмотря на это не послушал его, так как сердце его было ожесточено и удалено от Бога. Потом царь отдал блаженного двум сановникам своим — Сатурнину и Виктору и приказал им содержать его в узах. При этом он сказал им:

— Держите у себя этого надоедливого старца, до тех пор, пока я возвращусь и воздам ему возмездие за его бесстыдство и дерзновение.

Преподобный же Исаакий, будучи преисполнен благодати Духа Святого, воспылал еще большею ревностью (как некогда пророк Михей против Ахава, царя израильского — 3 Цар. 22) и громогласно воззвал к Валенту:

— *Если возвратишься в мире*, то знай, что *не Господь говорил чрез меня.* (3 Цар. 22, 28). Говорю же тебе, что ты, выведя войска свои на брань, не одолеешь варваров, но побежишь от них, будешь взят ими и живой сгоришь на огне.

Когда святой сказал это, царь с гневом отправился в дальнейший путь, святой же был отведен в узы.

Между тем греки сошлись с варварами; битва была весьма жестокая; по попущению Божию победили варвары, согласно пророчеству святого Исаакия; многие из греков пали от меча; сам царь Валент был ранен и, не будучи в силах противиться врагам, обратился в бегство. Варвары же преследовали греков и посекали воинов греческих как траву; они настигали уже и самого царя, который бежал лишь с одним советником своим, военачальником, арианином, посоветовавшим ему не слушать Исаакия. Подъехав к некоему селению, он увидал сарай, в котором лежала солома; так как конь его был уже утомлен, он слез с него и скрылся в том сарае вместе с советником своим. Но не укрылся он от карающей руки Божией, потому что варвары, преследовавшие его, доехав до того селения и узнав, что в том сарае скрывались греки, подожгли его со всех сторон и сожгли до основания. Так погиб окаянный царь тот и его злой советник.

После того сражения оставшееся в целости войско греческое направилось навстречу римскому императору Грациану[1], который шел

[1] *Император Грациан* царствовал с 375 по 383 год.

на помощь грекам. Придя в области греческие, Грациан избрал в цари грекам Феодосия, называемого Великим[1]. Феодосий, собрав воинов, отправился на варваров, победил и прогнал их и с торжеством возвратился в Константинополь.

Между тем некоторые из воинов греческих, не знавшие еще о погибели Валента, в скором времени после его смерти пришли к преподобному Исаакию, содержавшемуся в узах, и сказали ему:

— Приготовься к ответу, ибо в скором времени возвратится царь с поля битвы и будет тебя допрашивать и мучить.

Но святой отвечал им:

— Прошло уже семь дней, как я обонял смрад от сожженных костей его; ибо, как я сказал, он сожжен.

Слышавшие это, пришли в великий страх; и действительно в скором времени пришло известие о погибели Валента. После этого святой Исаакий был освобожден от уз, и все начали почитать его как пророка Божия.

Когда в город вошел с торжеством Феодосий, упомянутые выше вельможи, Сатурнин и Виктор, возвестили ему все о преподобном Исаакии, — сказали о его дерзновении и о его пророчестве. Царь, уважая таковового мужа, приказал с великою честью привести его к себе и поклонился ему, почитая его великим угодником Божиим и прося его помолиться Богу о нем и о всем его царстве. Преподобный же увещевал царя пребывать во благочестии, возвратить Церкви мир и утешить гонимых. Царь послушал святого и сделал так, как говорил он: прогнал ариан из Константинополя, чему верующие весьма радовались.

Блаженный же Исаакий, возблагодарив Бога за все, намеревался идти в пустыню, дабы подвизаться там; но Сатурнин и Виктор упросили преподобного не уходить из царственного града, но пребывать около них и споспешествовать молитвами своими и учением мирному жительству христиан; святой соизволил исполнить просьбу их.

В это время между Сатурнином и Виктором произошел спор, так как каждый из них хотел, чтобы преподобный поселился в его доме. Узнав о причине спора их, святой сказал, обратившись к ним:

---

[1] *Феодосий Великий* управлял восточной половиной Римской империи с 379 по 395 год; западною — с 393 по 395 год.

— Чада! Я вижу любовь вашу ко мне. Но так как вы имеете желание упокоить смирение мое, то, говорю вам, — я у того пребуду все дни жизни моей, кто первый построит дом мне.

И начали оба заботиться о скорейшем построении дома для угодника Божия.

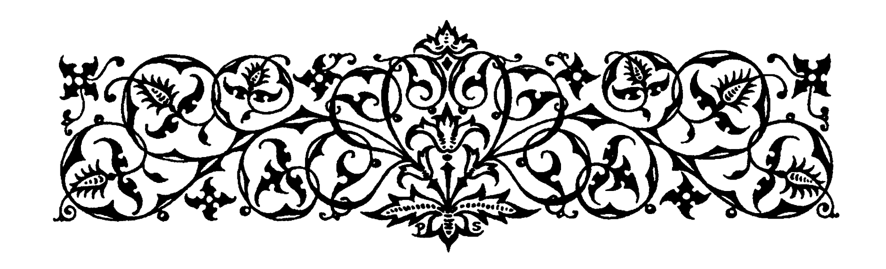
Сатурнин имел за городом очень красивое место, весьма удобное для жития иноков; на этом месте он и поспешил построить обитель угоднику Божию; здесь и поселился преподобный Исаакий. Точно так же и Виктор выстроил красивое жилище для святого и весьма сожалел, что Сатурнин опередил его. Придя к святому, он начал усердно просить его переселиться в келлию, построенную для него. Но преподобный продолжал подвизаться в обители Сатурнина, хотя иногда приходил и к Виктору и жил у него по нескольку дней, не желая огорчать его отказом.

Между тем к преподобному начали собираться многие, желавшие подвизаться вместе с ним в трудах иноческих. Таким образом был построен большой монастырь на средства боголюбивых мужей Сатурнина и Виктора. И был преподобный наставником и игуменом многих иноков, полезным учителем и мирянам, ибо руководил всех на путь спасения и словом и примером добродетельной жизни своей. Преподобный был весьма милостив к бедным, так что, если иногда не имел ничего, чтобы мог дать просившему, то снимал с себя одежду и отдавал ее; творил святой и многие другие богоугодные дела. Наконец, достигнув старости, приблизился к смерти. Созвав всю братию и преподав всем душеполезное наставление, святой Исаакий поставил игуменом вместо себя некоего честного мужа, проводившего жизнь святую, блаженного Далмата, по имени которого и обитель та впоследствии начала называться Далматскою.

Потрудившись во многих богоугодных делах, преподобный Исаакий отошел ко Господу на вечный покой[1]; на погребение его собрался весь город; честное тело его было положено в храме святого первомученика Стефана; святая же душа его предстоит престолу Пресвятой Троицы в лике святых и преподобных отцов и молит вместе с ними за нас Отца, и Сына, и Святого Духа, единого Бога в Троице, Которому воссылается слава вечно. Аминь.

---

[1] Кончина святого Исаакия последовала в конце V века. Мощи его были положены первоначально в храме святого Стефана, находившемся по соседству с монастырем Далматским; потом перенесены в храм всех святых.



День тридцать первый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ЕРМИЯ

Во время гонения, воздвигнутого на христиан в царствование нечестивого императора римского Антонина[1], для мучения христиан был назначен императором некий вельможа, по имени Севастиан. Прибыв из Киликии в Каппадокию[2], он встретил в Команах[3] некоего воина, по имени Ермия, — старца, убеленного сединою, христианина, веровавшего во Единого истинного Бога и проводившего жизнь добродетельную. Князь тот сказал Ермию:

— Ко мне прислан указ императора римского Антонина, приказывающий всем христианам приносить жертвы богам римским; если же христиане не захотят приносить жертв, то будут преданы многим лютым мукам. Поэтому и ты, Ермий, принеси жертву богам: тогда ты будешь другом царя; ты будешь награжден великими почестями. Послушайся меня, в противном случае я предам мукам и душу, и тело твое.

Христов подвижник Ермий отвечал на это:

— Я — воин небесного и бессмертного Царя Христа, Его же Царствию не будет конца; поэтому я не буду исполнять приказания смертного и нечестивого царя, царствование которого маловре-

---

[1] *Император Антонин I* царствовал с 138 по 161 год.

[2] *Киликия и Каппадокия* — области в Малой Азии.

[3] Город *Команы* находился в северо-восточной части Малой Азии, в провинции Понте. — В истории христианской Церкви этот город известен как место ссылки святого Иоанна Златоустого (см. житие его 13 ноября). Впрочем, некоторые разумеют здесь город Команы, находившийся в Каппадокии.

менно, в то время как царствование Господа нашего Иисуса Христа пребудет неизменным вовеки; всякий, верующий в Него, наследует жизнь вечную. Вот и я верую в Него. Раньше я служил Ему тайно, но ныне служу явно; диавол не победит меня; ты же имеешь власть лишь над телом моим, и то по попущению Божию; над душою же моею никто не имеет власти, кроме одного Бога, Который подаст мне терпение и сохранит меня невредимым вовеки.

После того как Севастиан выслушал святого Ермия, обратившись к нему, сказал:

— Принеси жертву богам, если хочешь насладиться радостями жизни этой.

Но святой отвечал:

— Какая может быть для меня радость, какое наслаждение и какая жизнь, если я, отступив от Создателя моего, поклонюсь бесам? Поистине, это не радость, а печаль; это не наслаждение, а горе; это не жизнь, а смерть вечная.

Сказал князь:

— Я вижу, что ты очень мудр.

Отвечал святой:

— Я мудр о Господе, Боге моем, в Которого я верую и Которому я служу со всем усердием; за Него я готов пострадать и согласен с радостью умереть.

— Уважая седины твои и ум твой, — сказал князь, — я готов пощадить и помиловать тебя.

Отвечал святой:

— Я не ищу милости у тебя, но ищу милости у Бога, Который умудряет рабов Своих Духом Святым.

На это князь сказал:

— Итак, ты предпочитаешь жизнь смерти?

— Эта смерть, — отвечал святой, — не есть смерть, но жизнь вечная, если я с терпением перенесу назначенные тобою муки.

Тогда князь приказал сокрушать лицо святого камнями, бить его в уста и сдирать кожу с лица его. И сказал святой:

— Благодарю Бога моего, ибо благодать Его пребывает со мною.

Потом князь спросил воина:

— Почему ты не берешь своего оброка, как берут его все прочие воины?

— Так как вы несправедливо обираете убогих, — отвечал мученик, — то я по этой причине не беру оброков ваших и не питаюсь ими, ибо я имею духовную пищу, подаваемую мне Духом Святым, от которой и никогда не взалкаю.

Тогда князь приказал разжечь печь и бросить в нее мученика Христова. Спустя три дня раскрыли печь, но нашли святого живым и невредимым, прославляющим Бога, ибо огонь не прикоснулся телу его.

После этого князь, призвав волхва, приказал ему дать отраву Ермию.

Святой же, помолившись Богу, выпил отравленное питье и нисколько не пострадал, согласно слову Христа Господа, сказавшего: *Если что смертоносное выпьют, не повредит им* (Мк. 16, 18).

Волхв приготовил еще более опасную отраву и дал мученику, сказав:

— Если ты нисколько не потерпишь от этого яда, то я оставлю свое волшебство и уверую в распятого Бога, Которому ты служишь.

Святой же Ермий, вкусив эту отраву и испив ее до дна, нисколько не пострадал, но продолжал пребывать здравым и невредимым. Тогда волхв воззвал:

— Ты победил меня, Ермий! Ты одолел и превозмог меня, раб Христов! Ты спас от ада погибшую душу мою и побудил меня служить Богу. Подобно тому как старое изваяние, сделанное из железа, будучи перековано, обновляется; так обновляюсь душою и я, состарившийся во грехах и нечестии; обновляюсь я, обращаясь к Богу живому, пребывающему вечно. О Боже небесный, Единый истинный, избавивший меня от обольщения бесовского и от скверны идолослужения посредством раба Твоего Ермия! Прими меня, грешного, обращающегося к Тебе, и помилуй меня, исповедующего Тебя!

Когда он взывал так, князь преисполнился ярости и приказал обезглавить его. И усечен был волхв тот, крестившись кровью своей;

и отошел новый христианин и мученик ко Христу Богу, ради Которого он положил жизнь свою.

Святого же Ермия князь приказал мучить без милосердия, вытаскивая жилы по всему телу его. Будучи так жестоко мучим, святой сказал:

— Я совершенно не чувствую никакой боли от мучения; ибо, подобно тому как нож, разрезая жилу, выпускает негодную кровь и дает здоровье телу; так и я, принимая исторгание жил из тела моего, делаюсь все более и более здравым в вере Христовой.

Потом мучитель приказал бросить святого в котел, наполненный кипящим маслом. Но котел тотчас остыл, и масло кипящее обратилось в прохладную росу. Мученик же Христов громогласно воскликнул:

— Я не чувствую боли и не исполню твоего приказания, мучитель! Я лишь буду исполнять волю Отца небесного, Которому и приношу себя самого в жертву непорочную, ибо Он — Владыка душ и тел наших.

В то время как святой говорил так, мучитель приказал лить в гортань его горький уксус, смешанный с желчью. Мученик же говорил:

— Эта горечь для меня все равно что сот медовый ради Бога моего, во имя Которого я и терплю все это.

Затем мучитель приказал выколоть глаза святому Ермию. Услышав об этом, святой сказал мучителю:

— Если тебе нужны очи мои телесные, видящие суету мира этого, — то возьми их; я имею очи сердечные, которыми ясно созерцаю свет истинный.

И выколоты были очи у святого мученика.

Потом святой был повешен вниз головою и висел в таком положении три дня, так что много крови вышло через ноздри его. По прошествии же трех дней, пришли некоторые посмотреть на святого, думая, что он уже скончался, но нашли его живым и славящим Бога, чему весьма удивились. Но за неверие их, очи их покрылись мраком; они ослепли и начали взывать:

— Помилуй нас, раб Бога истинного, ибо мы поражены слепотою!

Святой же сказал им:

— Подойдите ко мне!

Когда они подошли к нему, то он, возложив на них свои руки, сказал:

— Во имя Господа моего Иисуса Христа прозрите.

И тотчас все прозрели и, возвратившись, рассказали обо всем происшедшем.

Князь же, придя в еще больший гнев, приказал содрать кожу со всего тела мученика. Когда слуги исполняли приказание мучителя, святой поносил князя и укорял его мерзких богов, чем вызвал князя на еще больший гнев. Зарычав как лев, он ножом отрезал честну́ю главу святого мученика.

Так окончил подвиг свой мученик Христов Ермий[1].

Христиане, придя тайно на место то, взяли честно́е тело его и похоронили в Каппадокии на месте, называвшемся Комана. Здесь совершались многие чудеса от честных мощей мученика и подавались многоразличные исцеления во славу Христа, Бога нашего, Которому вместе со Отцом и Святым Духом, воссылается слава, честь и поклонение, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ФИЛОСОФА

Этот святой мученик Христов Философ[2] происходил из окрестностей города Александрии[3]. О нем, а равно и о том, как он совершил свой мученический подвиг, сообщил великий в иноках Антоний[4].

Был прекраснейший сад, полный всяких многоцветных и благоуханных растений. В этом саду поставлена была для мучения ро-

---

[1] Кончина святого мученика Ермия последовала около 166 года.

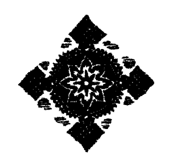
[2] *Философ* — несобственное имя, равно и другие имена, которыми называют этого святого. 31 мая помещен он ради имени Иустина Философа, память которого празднуется 1 июня.

[3] *Александрия* — город в Египте, основанный Александром Македонским при устьях реки Нила на берегу Средиземного моря.

[4] Здесь разумеется *преподобный Антоний Великий*, основатель отшельнического иночества в Египте. Память его празднуется 17 января.

скошно украшенная постель и на нее положен был спать связанный по рукам и по ногам этот святой мученик Философ. Слыша от пришедшей к нему блудной жены соблазнительные и бесстыдные слова, доблестный мученик смежил свои глаза, чтобы не смотреть на нее, но вежд и ушей он не мог закрыть, он был связан, а потому и не мог ничего для этого сделать. Тогда он поступил так. Кусая зубами язык свой и нанося себе этим сильную боль, он от боли не слышал того, что внушала ему бесстыдная жена, а так как не имел возможности закрыть себе ноздри, то мочил своим окровавленным языком нечистую постель, сильно окровавил свою одежду и остался, таким образом, невредимым от искушения. Такой подвиг совершил доблестный мученик, но не покорился мучителю. После этого ему отсекли голову[1], и он вечно веселится на небесах[2].

В тот же день **память святого Ерма**, апостола из семидесяти (см. 5 ноября).



[1] Святой мученик Философ пострадал при императоре Декии около 252 года.

[2] Сказание о подвиге святого мученика Философа более подробно и вразумительно рассказывается в житии преподобного Павла Фивейского. Память его празднуется 15 января. Под этим числом и житие его.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ

В прощальной беседе с учениками, ввиду приближающихся крестных страданий и искупительной смерти, Господь говорил Своим, повергнутым в печаль, собеседникам: *Я исшел от Отца и пришел в мир, и опять оставляю мир и иду ко Отцу* (Ин. 16, 28). И потом, уже по воскресении Своем, расторгнув узы ада и смерти, Он снова повторил Марии Магдалине: *Восхожу ко Отцу Моему и Отцу вашему и к Богу Моему и Богу вашему* (Ин. 20, 17). Таким образом, по Своем воскресении, Господь принадлежал уже не столько земле, сколько небу. И это вполне понятно. Подвиг земного служения Сына Божия окончился: Он уже совершил дело, которое небесный Отец Его поручил Ему исполнить (см.: Ин. 17, 4), и теперь Ему надлежало войти в славу Свою, которую Он имел прежде бытия мира (см.: Ин. 17, 5). Этого требовало достоинство самой природы Богочеловека, так как прославленному воскресением и обожествленному телу Его было уже несвойственно оставаться на земле, в естественных условиях человеческого бытия. Этого требовало также и благо искупленного человечества. Ибо как ветхозаветный первосвященник однажды в год входил во святая святых с очистительною кровью за грехи народа, так и Христос, будучи архиереем *будущих благ* (Евр. 9, 11), должен был, по принесении искупительной жертвы, тоже войти со Своею кровью, но *не в рукотворенное святилище*, а в самое небо, *чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие* (Евр. 9, 24). Потому-то Господь уже в первое явление по воскресении Своем возвестил Марии Магдалине, а чрез нее и всем последователям, о Своем близком отшествии на небо.

Однако любовь к ученикам — этому *малому стаду*, которое *до конца возлюбил* Спаситель мира (Ин. 13, 1), еще удерживала Его на

земле. Вот почему, хотя «пречистое человечество Его, онебесенное крестом, стремилось уже в выспрь, в мир пренебесный — к Отцу» (Иннокентий, архиеп. Херсон., соч. т. I, стр. 354), — Господь все-таки не тотчас вознесся на небо. Он уже не пребывал с учениками Своими постоянно, не делил с ними дня и ночи, отдыха и трапезы, как это было раньше; но время от времени Он являлся среди них, то во время домашней беседы, когда двери их дома были заперты (см.: Ин. 20, 19), то на пути (см.: Мк. 16, 12; Лк. 24, 13–32), то во время рыбной ловли (см.: Ин. 21, 1–14). Дивную усладу проливали в отягченные печалью сердца учеников эти чудодейственные явления. Бесславная смерть Господа Иисуса в Иерусалиме, во время праздника Пасхи, разрушила все их надежды на Своего Учителя, как на Мессию — Избавителя: «Мы надеялись было, что Он избавит Израиля, — конечно, многие повторяли с Еммаусскими спутниками, — но Он умер на кресте — Этот Пророк в деле и слове, сильный пред Богом и пред народом» (см.: Лк. 24, 20–21). И вот теперь поколебленная вера учеников снова оживилась, повергнутая в печаль любовь опять восторжествовала: Господь воскрес и Своими явлениями неоднократно засвидетельствовал пред учениками истину воскресения Своего; для уверения их Он ел и пил с ними (см.: Лк. 24, 42), давал осязать руки и ноги Свои (см.: Лк. 24, 39), показывал язвы на руках, ногах и ребрах Своих с тем, чтобы они осязали их перстами своими (см.: Ин. 20, 27).

Но не для уверения только в истине воскресения Своего являлся Господь Своим ученикам по восстании из мертвых. Во время этих явлений Он продолжал наставлять их в истинах Евангелия, досказывая им о царствии Божием (см.: Деян. 1, 3) то, чего нельзя было открыть им до креста и о чем однако же им нужно было услышать от Учителя своего еще до сошествия к ним нового Наставника — Духа Святого. В это время Господь отверз ум учеников к уразумению Писаний (см.: Лк. 24, 45); говорил им о Своей Божественной власти на небе и на земле, о Божественном избрании их проповедовать Евангелие всем народам, крестить их во имя Отца и Сына и Святого Духа, и учить соблюдать все, что Господь повелел им; при этом Он обещался быть со Своею Церковью во все дни до скончания века (см.: Мф. 28, 18–20).

Так постепенно Господь подготовлял Своих учеников к тому великому служению, на которое они были призваны, — к проповеди

Евангелия Царствия Божия. Среди такого подготовления прошло сорок дней. В это время ученики Божественного Учителя постепенно привыкали к мысли о разлуке с Ним. Видя Его не пребывающим с ними постоянно, а только время от времени являющимся, они научались признавать в Нем Существо премирное, принадлежащее не нашему миру, но высшему. Думая о Нем, они уже говорили: Господь, а не Учитель, как прежде, — и чувство любви к Человеку сливалось у них с трепетным благоговением к Господу. Мало-помалу они, конечно, приходили к мысли, что пребывание Господа на земле — это временное состояние, не свойственное Его природе, и что разлука с Ним неизбежна. Теперь они время от времени видят Его телесными очами: это их праздник, но праздник не может продолжаться долго. Так от радости о воскресшем Господе апостолы постепенно переходили к мысли о неизбежной разлуке с Ним. И вот в сороковой день по воскресении Господнем настало время этой разлуки.

Число сорок по всей священной истории было отличным, как время окончания великих подвигов. В сороковой день по рождении первенцы Израиля, по закону Моисееву, должны были являться в храм пред лицо Иеговы (см.: Лев. 16, 19–20); в сороковой же день по воскресении, как бы новом рождении, должен был войти в небесную скинию и *первенец из мертвых* (Кол. 1, 18) — Господь наш Иисус Христос.

Не видно, чтобы ученики Господа предварительно были извещены о том, что этот день должен положить конец их видимому общению с Божественным Учителем. Однако же они, по явному повелению, которое могло быть дано в одном из предшествующих явлений, собрались к этому дню в Иерусалим. Как ни полон был святой град врагами Господа Иисуса, но все же нашлись люди, у которых ученики Его могли иметь и убежище, и место для своих собраний. И весьма возможно, что таким местом была та самая горница, в которой совершена была Тайная вечеря, а по прошествии нескольких дней по вознесении сошел на апостолов Дух Святой.

Среди собравшихся учеников явился и Господь, — без сомнения, также таинственно и внезапно, как являлся и раньше по Своем воскресении. Беседа Господа с учениками при этом последнем явлении не передается евангелистами во всех подробностях. Но у евангели-

Вознесение Господне

ста Луки дано несколько указаний, из которых можно видеть, о чем велась эта беседа.

Прежде всего Господь еще раз раскрывает ученикам необходимость крестного пути для Мессии-Избавителя. *Так написано*, то есть от века определено и предсказано еще пророками, *и так надлежало*, — говорил Он, — *пострадать Христу и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима* (Лк. 24, 46–47). На подвиг этой проповеди и призывает теперь Своих учеников Божественный Учитель, вверяя им окончание Своего благовестнического дела. «Вы свидетели всего происшедшего, вы видели, как Искупитель умер за грехи мира, видели Его и воскресшим; потому Я и посылаю вас на проповедь Евангелия всем народам», — как бы так говорил Господь.

Но прежде исшествия на всемирную проповедь, апостолы должны были восприять благодатные дары Духа Святого, имевшего явиться им. В явлении этого Божественного Наставника они могли найти для себя замену своего Учителя (см.: Ин. 14, 26), утешение в разлуке с Ним (см.: Ин. 16, 7), освящение на великое служение Церкви (см.: Еф. 4, 11—13), окончательное просвещение богооткровенною истиною (см.: Ин. 15, 26) и, наконец, ту силу свыше (см.: Лк. 24, 49), которая была необходима для преодоления трудностей и препятствий, предстоящих им в деле проповеди. Потому Господь в дальнейших словах дает апостолам повеление «не отлучаться от Иерусалима, но ждать исполнения обетования Отча», которое они слышали чрез Него (см.: Деян. 1, 4), когда Он прощался с ними пред страданиями Своими. *И Я*, — продолжает Спаситель, — *пошлю обетование Отца Моего на вас*; *вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше* (Лк. 24, 49). Некогда *Иоанн крестил вас водою*, а теперь *вы чрез несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым* (Деян. 1, 5).

Преподав эти наставления, Господь вывел учеников Своих из Иерусалима и пошел с ними по направлению к Вифании. Это был путь, который неоднократно проходил Он с учениками Своими и который совершил с ними в последний раз пред самыми страданиями. Дорога лежала мимо Гефсиманского сада, куда Господь не раз удалялся по ночам для молитвы, где Он, накануне Своих страданий,

в присутствии избранных учеников Своих — бывших свидетелями Его славного преображения (см.: Мф. 17, 1; Мк. 9, 2; Лк. 9, 28; Мф. 26, 37; Мк. 14, 33), боролся с немощью плоти, всем существом своим возмутившейся пред трудностью поднятого Им на Себя подвига (см.: Мф. 26, 38– 45; Мк. 14, 34–36; Лк. 22, 42–44), и откуда Он был взят архиерейскою стражею для суда и крестной смерти (см.: Мф. 26, 47–57; Мк. 14, 43–53; Лк. 22, 47–54). Мысль учеников сама собою обратилась к недавно пережитому тягостному прошлому и, невольно сопоставляя его с настоящею радостною минутою, они подумали, что Божественный Учитель не напрасно ведет их по этим местам, исполненным грустных воспоминаний, что, может быть, там же, откуда начался путь бесславных крестных страданий Его, должна открыться пред всем миром слава Его. Недавно услышанные ими слова, что близится время, когда они будут крещены Духом Святым, укрепляли их в этой мысли. Они слышали, как еще Иоанн Креститель говорил о Мессии, что Он будет крестить не водой, а Духом Святым (см.: Мк. 1, 8): значит, если настало время для такого крещения, то, очевидно, их Господь скоро откроет Себя миру славным Царем — Мессиею. И вот они в радостном возбуждении подступают к Учителю и обращаются к Нему с вопросом: *Господи, не в сие ли время восстановляешь Ты царство Израилю?* (Деян. 1, 6).

Не пред Гефсиманиею быть бы такому вопросу, который явно показывал, что прежний предрассудок о земном воцарении Господа Иисуса над Израилем еще не был разрушен в уме учеников. Но вопрошавшие еще не были «крещены Духом Святым», который имел навсегда поднять их от земли к небу, возвысить их ум и очистить его от всего грубого, земного; потому-то они рассуждали теперь по-человечески, разумели Учителя, даже воскресшего, еще по плоти.

Божественный Наставник кротко выслушал этот вопрос и не отвечал на него упреком и даже прямым отрицанием. Он только с любовью заметил: *Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти; но вы примите силу, когда сойдет на вас Дух Святой, и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли* (Деян. 1, 7–8). То есть, как бы так говорил Спаситель мира: «Не о царстве и о наградах вам дóлжно думать теперь, а о подвигах и терпении даже до смерти; предоставьте будущее

Тому, в Деснице Коего оно находится, и сосредоточьте все внимание свое на том, что́ предстоит вам и над чем вы должны потрудиться».

Среди такой беседы они достигли вершины Елеона, отстоявшей от Иерусалима на расстоянии субботнего пути[1] (см.: Деян. 1, 12). Здесь Господь остановился, воззрел на учеников Своих, потом воздвиг руки Свои и благословил их тем благословением, которое простирает свою силу навеки и передается от одного поколения к другому, почивая на всех верующих. И благословляя, Он поднялся в глазах учеников и стал отдаляться от них и возноситься на небо «не при помощи кого-нибудь ведшего Его», но, по замечанию святого Иоанна Златоуста, «Сам шел этим путем» (Беседа на Псалмы, СПб., 1860 г., т. 1, стр. 381). Восхождение это совершалось столь неспешно, что ученики могли вполне насладиться величественным зрелищем. Когда же Возносящийся был уже на такой высоте, что зрению было трудно следовать за Ним, явился светлый облак и сокрыл Его от лица земли.

Так, пред глазами апостолов совершилось явление, подобное виданному Елисеем при отшествии на небо пророка Илии, но только в несравненно славнейшем виде. «Илия, — рассуждает по этому поводу святой Григорий Двоеслов, — вознесся на небо на колеснице, в доказательство того, что он, как человек, не мог обойтись без внешних пособий. Это пособие и сделали ему Ангелы, когда он восходил на небо, ибо он сам собою не мог вознестись туда, потому что естественная слабость не позволяла ему отделиться от земли. Между тем Спасителю не нужна была колесница, не нужны были Ангелы, ибо Творец Своею Божественною силою вознесся на небо; Он возвратился туда, откуда сошел, вошел туда, где от века имел пребывание; ибо хотя по человечеству Он возносился, но по Божеству обладал и небом и землею» (беседа на праздник Вознесения).

---

[1] *Субботний путь* — это пространство, которое дозволено было иудеям проходить в субботу вне жилища. На основании кн. Исход, гл. 16, ст. 29, где сказано: «оставайтесь каждый у себя в доме своем... в седьмой день»; раввины, простиравшие строгость субботнего покоя до мелочей, требовали, чтобы в субботу никто не делал более двух тысяч шагов или около версты. Это расстояние и называлось субботним путем. Автор «Иудейских древностей», Иосиф Флавий, расстояние Масличной горы от Иерусалима определяет в шесть стадий, то есть немногим менее версты; а у Ефрема Сирина субботний путь и считается именно шесть стадий.

С необъяснимым чувством смотрели апостолы на последнее, совершавшееся пред ними чудо Его, следя за тем, как все дальше и дальше скрывался от них Божественный Учитель, и, конечно, не могли отвести очей своих от сладчайшего зрелища. Уже Господь совершенно скрылся от них, но их взор все еще стремился за Ним, все еще искал Его... Среди такого напряженного внимания апостолов к совершавшемуся последнему таинству Евангелия, вдруг их поражает голос, который выводит их из оцепенения. Это говорили два светлых небожителя, неожиданно представшие пред ними в белых ризах. Пробудив учеников от бездейственного изумления, небесные вестники разъяснили им, что отшествие Господа есть видимое сокрытие Его до времени второго пришествия: *Мужи галилейские,* — говорили они, — *что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, приидет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо* (Деян. 1, 11), — приидет так же «нечаянно и непредвиденно», так же «явно и торжественно» (объясн. Филарета, митр. Моск., соч. 1874 г., т. 2, стр. 165, 167), так же «на облаке и с телом» (св. Иоанна Злат. беседа на Деян. Апост., 1856 г., ч. 1, стр. 42).

После этих слов апостолам уже нечего было ждать на Елеоне, и они, с благоговением поклонившись Вознесшемуся, возвратились в Иерусалим; возвратились не с печалью от разлуки, но, как замечает евангелист, *с радостью великою* (Лк. 24, 52). Они радовались славе своего Учителя, вознесение Коего свидетельствовало, что Он есть истинный Бог, Владыка неба и земли; радовались и собственному предназначению, так как видели, что призваны на дело Божие, великое и святое; радовались самому явлению ангелов и вести от них принятой, которая показывала, что отшедший Учитель не прервал с ними общения любви, что в нужных случаях они будут получать наставления свыше.

В числе свидетелей вознесения Господня, вместе с апостолами, была и Пречистая Матерь Господня, Которую церковные песнопения представляют также свидетельницею этого дивного события: как Мать, Она во время страданий Сына Своего болезновала сердцем более всех, а теперь Ей более всех «подобало, при виде славы плоти Его, насладиться преимущественною радостью» (служба на Вознес., вечерн. стих. на лит., слава). Взирая вместе с апостолами на восходящего на небо Сына и Господа Своего и постигая совершение всего

чудесного, что хранилось в сердце Ее о Сыне Ее (см.: Лк. 2, 19, 51), Она «возвеличила» Его не только любовью, но и верою в Божество Его (служба на Вознесен., утр. кан., песнь 9, слава веч. ст. на стиховне).

Так совершилось вознесение Господа на небо. Как тихий дождь на руно, сошел Он в утробу Приснодевы, как фимиам утренний, вознесся теперь горé, ко Отцу. Но среди такой тишины и безмолвия совершилось лишь отшествие Богочеловека с земли — с места Его подвигов и конечного истощения. Вступление Его в мир горний происходило при другой, в высшей степени торжественной, обстановке. По изображению небесных тайнозрителей, Победитель ада и смерти взошел на небо не Один, а в сопровождении сонма Ангелов небесных, которые и во время земного странствования служили Ему (см.: Мф. 4, 11). Когда Возносящийся на небо приблизился к пределам небесным, лик сопровождавших Его ангельских сил, предупреждая горние силы, восклицал: «Поднимите верхи (князи) врат небесных, пусть они как можно шире растворяются, ибо входит Царь славы».

— Кто есть Сей Царь славы? — вопрошает на это лик Ангелов на небесах. — Кто Сей, восходящий от земли с такою славою и величием?

Это чрезвычайное и беспримерное восшествие изумило мир небесный. Он видел два восшествия на небо — Эноха и Илии, но те вхождения совершались не собственною силою, не с таким величием и не на такую высоту: они были взяты *яко на небо*, — а не на самое небо. Потому-то необычайное шествие Господа, возносящегося с плотью, в рабьем образе, вызывает среди встречавших Его такое недоумение. Но сопровождавшие Господа Ангелы поясняют, что Входящий в образе человека есть не кто иной, как Единородный Сын Божий.

— Господь сил, Он Царь Славы — восклицают они (см.: Пс. 23, 10).

Однако и после того недоумение сил небесных не прекращается: Господь, как по воскресении являлся апостолам с язвами от поранений на кресте, так и на небо вознесся с такими же знаками Своих крестных страданий, со следами Своей Пречистой Крови на обожествленном теле. Такой вид Его поражает небесные силы новым недоумением и они вопрошают:

— Кто этот, пришедший от Эдома? От чего червлены (красны) ризы Его?

— Это — Истоптавший точило ярости Божией (см.: Ис. 63, 1–3) и обагривший ризы Свои, Это — Проливший Кровь Свою за человеческий род, — от того червлены ризы Его, — отвечает лик, сопровождающий Господа.

Когда все недоумения относительно Лица, восходящего на небо, окончились, небесные силы разрешаются пением и воскликновением. На это указывает псалмопевец, восклицая: *восшел Бог при восклицаниях, Господь при звуке трубном* (Пс. 46, 6). В это время, по свидетельству неботаинника Павла, мир Ангелов торжественно покорился вознесшемуся Господу и признал в Нем Своего главу и правителя.

Так Божественный Искупитель, совершив наше искупление в состоянии крайнего самоуничижения (см.: Флп. 2, 7, 8), восшел в предвечную славу Свою с прославленным человечеством (см.: Ин. 17, 5; Лк. 24, 26), восшел превыше всех небес (см.: Еф. 4, 10), превыше всякого начальства, и власти, и силы, и господства (см.: Еф. 1, 21). Святой евангелист Марк, как бы проникая взором в самую глубину неба, вслед за восходящим Господом, говорит, что Он, по вознесении *воссел одесную Бога* (Мк. 16, 19). Это седение одесную Бога Отца, по согласному толкованию святых отцов, означает «равночестность с Отцом», которую «Сын Божий, как Бог и единосущный Отцу, имеет прежде веков, и в которой, воплотившись в последние времена, восседит и телесно, по прославлении плоти Его» (Толкован. св. Иоанна Дамаск. Точн. изл. прав. веры. М. 1844 г., стр. 223).

Таково славное, недомыслимое для самых небесных сил (см.: 1 Пет. 1, 12), завершение спасительной жизни на земле Господа нашего Иисуса Христа. Великие блага для искупленного человечества принесло с собою это событие. Господь вознесся, как Победитель греха, смерти и ада, как Первенец нашей славы и блаженства, как всенощный предстатель о нас у престола Вседержителя.

Небо и земля от начала времен разделялись великою непроходимою бездною. За пятьсот лет только два человека вознеслись от земли с плотью — Энох и Илия, но вознеслись не своей силой, не зная, как и куда, вознеслись, как сказано в Писании об Илии, яко на небо; поэтому они не могли обозначать нам стези своей на небо, тем менее сделать ее проходимою для нас. Но Христос вознесся Сам, Своею Божественною силою, и Своим восхождением открыл быв-

ший для всех заключенным вход в небесное святилище (см.: Евр. 9, 24–28). В самом деле, Божество в Иисусе Христе никогда не оставляло неба. Он и тогда был на престоле с Отцом и Духом, когда находился «во гробе плотски, во аде с душою, в раи с разбойником» (песнь Пасхальн. часов). Следовательно, во Христе восходит на небо наше человеческое естество, то, которое в Нем страдало, погребено и воскресло, — естество прославленное и обóженное. Оно-то и воссело *одесную Бога Отца*, как выражается евангелист Марк. Таким образом седение Господа одесную Бога Отца в конечном своем результате знаменует собою обóжение и прославление человеческого естества во Христе. «Обожение, — говорит митрополит Макарий, — не в том смысле будто человечество во Христе превратилось в Божество, потеряло свою ограниченность и получило вместо свойств человеческих свойства Божеские, а в том, что, быв воспринято Сыном Божиим в единство Его ипостаси, оно приобщилось Божеству Его, стало едино с Богом Словом, и чрез это приобщение Божеству Его возвысилось в своих совершенствах до высшей, возможной для человечества, степени, не переставая однако же быть человечеством». («Православн. догмат. богословие», изд. 4-е, т. II, стр. 95). Так прославлен был во Христе «начаток естества нашего», по выражению святого Иоанна Златоустого.

Но если «начаток нашего естества» прославился во Христе и обóжен, то чрез это и всем нам приобретено освящение; где глава, там должны быть и члены; глава на небе, в славе, — не останутся на земле, в унижении, и члены ее. *И когда Я вознесен Буду от земли*, — говорит Господь, — *всех привлеку к себе* (Ин. 12, 32). Но Господь не только вознес на небо естество наше; Он вместе с ним воссел также одесную Бога Отца и «почтил его, — по выражению церковных песнопений, — соседением» с Отцом (служба на праздн. Вознесен. Господня, вел. веч. Стих. на Господи воззвах, слава, на лит. стих. 5). Ибо «какой природе Бог сказал: сиди одесно Мне? Той самой, — говорит Златоуст, — которая некогда слышала: возвратишься в землю, из которой ты взят (см.: Быт. 3, 19). Не довольно было ей возвыситься над небесами, не довольно было стать наряду с Ангелами, — не была бы и эта честь чрезвычайна — но она превзошла Ангелов, превысила Архангелов, оставила за собою Херувимов, вознеслась выше Серафимов, миновала Начальства, и не прежде остановилась, чем достигши

престола Господня. Превыше всей той высоты Христос вознес нашу природу» (Иоанн Златоуст. беседа на праздн. Вознесен. изд. СПб. Дух. Ак., т. VII, стр. 2). «Удивишася, — по изображению Церкви, — чины Ангельскии, зряще на престоле Отчем посажденное отпадшее естество человеческое, затворенное в преисподних земли» (Окт., гл. 8, нед. утр. кан. 2, п. 1, троп. 2).

Итак, господство над врагами (см.: Пс. 9, 3), повержение их к подножию ног Своих (см.: Пс. 109, 1), священство по чину Мелхиседекову (см.: Евр. 3, 10), суд над непокорными, — все это свойства седящего одесную Бога человечества. Христос, сидя одесную Бога, ходатайствует о нас и ходатайствует так, как приличествует в состоянии прославления. «Чего нельзя ожидать от этого ходатайства? — Он восприял на Себя наше естество, пожил на земле — все наши нужды так Ему известны: о чем же Он не умолит Отца, чего не пошлет, чего не сделает для нас? Он умолил Отца послать нам Утешителя, излил от Духа Святого на всяку плоть. Как глава есть начало всех движений в теле, так и Христос — глава верных Своих — эти таинственные члены оживляет, одушевляет, сообщает им чувства и движения духовные; Церковь — тело Свое — защищает от нападения противной власти, врагов ее сокрушает, как сосуды скудельничи. Как прах пред лицом ветра, так враги Иисусовы — нечестивые, еретики, богохульники, князи поднебесные — разодеваются и исчезают» (Воскр. чт., гл. V, стр. 41).

Таковы блага, которые принесло с собою для нас событие Вознесения Господня. Но чтобы эти блага действительно возымели для нас силу, мы должны постоянно помнить, что со времени вознесения Христова наше жительство на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего, Иисуса Христа (см.: Флп. 3, 20). Вышних мы должны искать, где Христос сидит одесную Бога (см.: Кол. 3, 1). К Вознесшемуся на небо должны мы постоянно возносить Свои мысли, сердца и взоры, в надежде и самим потом достигнуть неба — этого вечного жилища, уготованного для истинных христиан.

ПЯТИДЕСЯТНИЦА

(СОШЕСТВИЕ СВЯТОГО ДУХА)

Со времен Моисея ветхозаветная Церковь ежегодно праздновала день *Пятидесятницы* (то есть 50-й), наступавший по истечении семи недель (седмиц) после иудейской Пасхи и потому называвшийся *праздником седмиц* (см.: Втор. 16, 9–10; Исх. 34, 22). Торжество это, сопровождавшееся знаменательными обрядами, установлено было в память Синайского законодательства, данного Богом великому вождю древнего Израиля — Моисею[1].

Этот праздник ветхозаветной Пятидесятницы был прообразованием и новозаветной Пятидесятницы и Сионского законоположения. Еще пророк Исаия предсказал, что *от Сиона изыдет закон, и слово Господне из Иерусалима* (Ис. 2, 3) и пророк Иоиль предвозвестил: *излию от Духа Моего на всякую плоть, и будет в горе Сионе, и в Иерусалиме спасаемый* (Иол. 2, 28, 32).

Пред Своими страданиями и смертью Господь Сам обещал апостолам, скорбевшим об Его отшествии, послать вместо Себя Иного Утешителя, Духа Истины, Который наставит их на всякую истину (см.: Ин. 16, 13). По воскресении Своем, Господь, предызображая окончательное излияние Святого Духа, дунул на учеников Своих и глаголя им: приимите Дух Свят (см.: Ин. 20, 22). Пред вознесением на небо Спаситель снова предвозвестил апостолам, что они не по мнозех сих днех имеют креститься Духом Святым (см.: Деян. 1, 5).

---

[1] На горе Синае в 50-й день по исшествии евреев из Египта (Исх. 3, 7–9; 5, 6–23; 20 и след.).

По вознесении Господа, ученики Его и апостолы, возвратясь с горы Елеонской в Иерусалим (см.: Лк. 24, 52; Деян. 1, 4, 12–13), вошли, — как говорит предание, — в тот самый дом в Сионе, где совершена была Тайная Вечеря Христова. Пребывая там в единодушии и молитвах, с некоторыми женами и Материю Божией (см.: Деян. 1, 14), они ожидали сошествия на них, по обещанию Господа, Святого Духа и приготовлялись к принятию благодатных даров Его.

В десятый день по вознесении Господа, прилучившийся в день иудейской Пятидесятницы, в то время, когда по улицам и стогнам города народ стремился во храм с весельем торжествовать свой ветхозаветный праздник — в третий час дня[1], внезапно произошел в воздухе необычайный шум, какой бывает во время бури[2] от сильного порыва ветра. Шум происходил с неба — с верхних частей воздуха, но вскоре проник и наполнил чистейшим веянием всю храмину, в коей находились верующие[3]. В то же мгновение среди храмины, в воздухе, явились разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили на Богоматери и на каждом из учеников[4].

«Бурное дыхание было ближайшим предвестием, а явление огнецветных языков — видимым знамением пришествия Святого Духа. Будучи Дух чистейший, бестелесный, Он избрал чувственное знамение это, дабы тем ощутительнее явить Свое присутствие». «„Ибо, — рассуждает святой Григорий Богослов, — как Сын Божий явился на землю видимо, то и Духу Святому надлежало явиться видимо“

---

[1] То есть в 9-й час утра (за 3 часа до полудня). Ср.: Лк. 24, 53; Деян. 2, 46.

[2] Как бы от несущегося сильного ветра (Деян. 2, 2).

[3] Это был не ветер, а только шум ветра в его бурном стремлении; это был не огонь, а нечто подобное колеблющимся языкам пламени, которые светились, но не жгли, — символ Святого Духа, веющего как ветер, там, где восхощет, хотя неизвестно, откуда приходит и куда уходит (Ин. 3, 8).

[4] И внезапно сделался шум с небес, как бы от сильного ветра (Деян. 2, 2). Шум должен был возбудить внимание учеников Господних к предстоящему событию и выражал самое присутствие и величие сходящего Бога — Духа Святого. Шум сходит с неба в напоминание того, что Дух Святой нисходит по ходатайству Господа, вознесшегося на небо. Как бы от сильного ветра — в ознаменование величия ниспосылаемого дара. Шум этот наполняет весь дом и обнимает всех, находящихся в нем, чтобы сотрясением внешних чувств их более раскрыть для приятия дара чувства их духовные. В эти минуты над апостолами совершалось таинство духовного возрождения их по обетованию Господа: вы же чрез несколько дней будете крещены Духом Святым (Деян. 1, 5).

(беседа 41). Так и прежде, когда Он сходил на Иисуса Христа во Иордане, то избрал знамением Своего явления вид голубицы[1]».

За первым чудом последовало другое, большее. Умея до этого времени говорить только на одном природном языке — еврейском, и притом на самом простом наречии его — галилейском, апостолы и прочие верующие вдруг начали говорить теперь на всех, тогда известных, языках. «И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещавать»[2] (см.: Деян. 2, 4). Апостолы вещали величия Божии, то есть беспримерные совершенства Божии, чудные дела Промысла, кои открылись теперь для них во всей полноте и силе.

Народ еврейский и множество пришельцев из других стран, собравшихся в Иерусалим на праздник Пятидесятницы[3], пораженные необычным шумом с неба, пришли в смятение и массами устремились к Сионскому дому, где шум этот сосредоточивался и куда, видимо, направлялся. Как же удивились и ужаснулись все, когда услыхали, что апостолы начали говорить с ними на всех языках. Подошедшие спрашивали друг друга: *Сии говорящие не все ли галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором — родились? Мы — парфяне и мидяне и еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и стран Ливийских, прилежащих к Киринее и пришедшие из Рима иудеи и прозелиты[4] из критян и аравитян — слышим их говорящими на наших языках о великих делах Божиих?* (Деян. 2, 6–11).

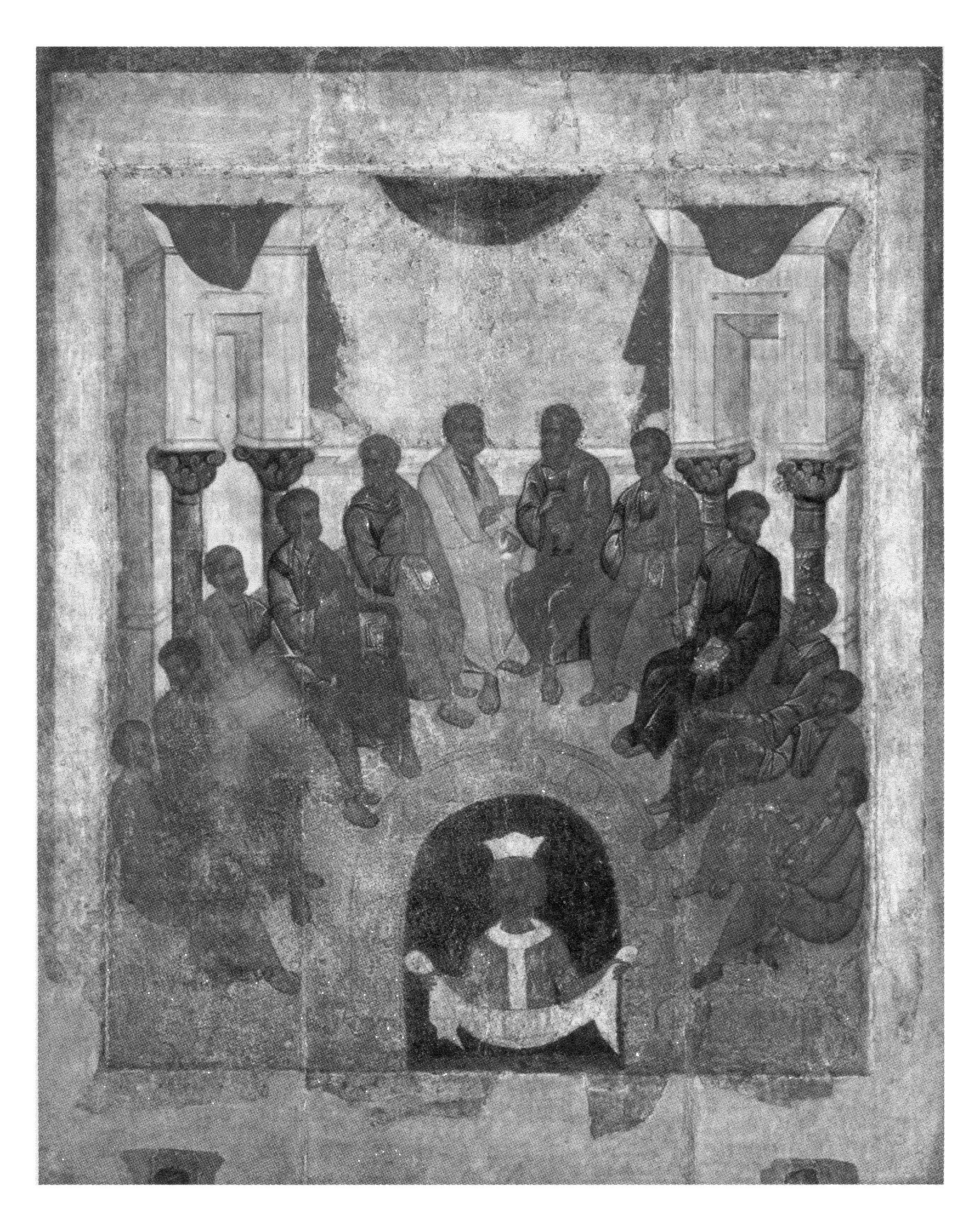
---

[1] Беседа Иннокентия, архиепископа Херсонского, на Пятидесятницу (Соч., т. I. Изд. 1872 г., стр. 386).

[2] То есть произносили то, что влагал им в душу и уста Дух Святой.

[3] По закону Моисееву, во время праздников Пасхи, Пятидесятницы и Кущей, иудеи обязаны были, для празднования их, собираться в Иерусалим, ко храму Господню (Исх. 34, 23; Втор. 16, 16). Для иудеев Палестины это было легко, но для иудеев рассеяния, живших в разных странах света, равно и для пришельцев *(прозелитов)* из разных стран, далеких от Иерусалима, исполнение этого требования было делом большой трудности; только по любви к Иерусалиму и храму и по ревности законной они презирают все трудности далекого путешествия и собираются теперь в Иерусалим на праздник Пятидесятницы. Поэтому они справедливо называются людьми *благоговейными — набожными* (Деян. 2, 5).

[4] *Пришельцы* или *прозелиты*, то есть обращенные из язычников.



Сошествие Святого Духа

Все изумлялись: во-первых, тому, что слышали апостолов, славословящих Бога на языках иноземных, между тем как молитвы обыкновенно совершались на священном языке еврейском; во-вторых, тому, что никогда прежде не слыхали о столь высоких и святых истинах, но всего более изумлялись от того, что каждый римлянин, грек, африканец, индиянин — слышал свой природный язык, тогда как каждому было известно, что говорившие были все галилеяне — люди, совсем незнакомые с иностранными языками. От удивления переходили к ужасу: ибо все видели необыкновенное, слышали чудесное, а никто не мог изъяснить того, что видел и слышал. *И изумлялись все и, недоумевая, говорили друг другу: что это значит?* (Деян. 2, 12). Но скоро нашлись люди, желавшие объяснить другим то, чего сами не понимали. Насмехаясь, эти люди говорили: *Они напились сладкого вина!* (Деян. 2, 13).

Слыша хулу иудеев, апостол Петр, став вместе с прочими апостолами, возвысил голос свой и начал так говорить им:

— *Мужи иудейские и все живущие в Иерусалиме! Сие да будет вам известно и внимайте словам моим: они непьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня*[1]*, но это есть предреченное пророком Иоилем: и будет в последние дни,* говорит Господь, *излию от Духа Моего на всякую плоть; и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут; и на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа Моею, и будут пророчествовать. И покажу чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу, кровь и огонь, и курение дыма. Солнце превратится во тьму, и луна в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и славный. И будет всякий, кто призовет имя Господне, спасется* (Деян. 2, 14–21; ср.: Иол. 2, 27–32).

Таким образом, апостол Петр, отвергнув сначала ложный взгляд некоторых на явление дара языков (*напились сладкого вина*) отвечает затем на вопрос: что же это значит? Ответ свой на этот вопрос он выражает словами выше приведенного ветхозаветного пророчества и таким образом одновременно дает и собственное свидетельство и подтверждает его словом Божиим.

---

[1] То есть девятый час утра по нашему счислению — первый молитвенный час и время утренней жертвы, до которого, особенно в праздничный день, израильтянин не дозволял себе принимать никакой пищи.

В своем пророчестве Иоиль боговдохновенным взором созерцает время, когда не только отдельные люди временно, для особенных целей спасающего людей промысла Божия, будут удостаиваться наития Духа Божия, как это было в Ветхом Завете, но когда благодать Святого Духа, как обильный дождь на землю, изольется на всякую плоть, то есть на всех спасаемых людей, без различия пола, возраста и состояния, так что по отношению к спасению все будут равны, мужи и жены, взрослые и дети, свободные и рабы, — все удостоятся благодати Божией.

Апостол Петр из многих ветхозаветных пророчеств об излиянии Духа Божия на верующих с пришествием Мессии (см.: Ис. 32, 15; 14, 3; Иез. 36, 25–26; 39, 29) останавливается именно на этом пророчестве потому, что в нем, кроме общей мысли о сообщении людям благодати Духа Святого, обозначены различные проявления откровений Духа Божия, какие были в Ветхом Завете и исчисление которых дает указание и на другие проявления, в каких только благоугодно будет сообщить откровение Духу Божию.

Но апостол не останавливается на этом в приведении пророчества Иоиля, но указывает и дальнейшие слова его, в которых предуказываются великие карающие суды Божии, долженствующие предшествовать тому великому и славному дню Господню (см.: Деян. 2, 19–20), которым закончится настоящий мир. Эти суды Божии откроются в великих и страшных знамениях на небе и на земле: на земле откроется обильное пролитие крови, извержение огня и дыма, на небе — затмения солнца и луны и другие страшные явления[1]. Апостол Петр *днем великим и славным* называет здесь последний день мира, когда последует второе славное пришествие Иисуса Христа на землю для решительного суда над миром. Что касается цели, с которою апостол Петр приводит эти слова пророчества Иоиля, то она ясно открывается из последующего, где он, словами того же пророчества, высказывает обетование благодати Божией для благочестивых, что они милосердием Бога спасутся во время этого великого и

---

[1] Очевидно, что во всей полноте исполнение этого пророчества еще предстоит в будущем, именно при кончине мира. Но в некоторой мере оно пришло уже в исполнение — именно в тех великих наказаниях, какие испытал народ иудейский за свое неверие.

страшного суда Божия (см.: Деян. 2, 21). Этим апостол хочет возбудить слушателей к покаянию и смирению.

Призвав снова ко вниманию мужей израильских, апостол Петр начинает затем свою проповедь о Христе. Назвав Его мужем всем известным, засвидетельствованным от Бога силами и чудесами и знамениями, сотворенными среди народа, апостол припоминает, что Его, по определенному совету и предвидению Божию, они убили, пригвоздив беззаконными руками; и свидетельствует о Его воскресении, вознесении на небо и излиянии Им от Отца Святого Духа, произведшего ныне виденное и слышанное.

Особенное же внимание слушателей апостол останавливает на событии воскресения. Поэтому, благовествуя о Его воскресении, апостол не только дает об этом свое собственное свидетельство, но и доказывает его словом Божиим (см.: Деян. 2, 24–32; ср.: Пс. 15, 8–11), показывая, что воскресение Иисуса Христа необходимо должно было быть, что хотя он и умер по определению Божию, однако же смерти невозможно было удержать Его в своих узах. Событие воскресения показывало в воскресшем Иисусе Назорее не простого смертного человека, а Господа и Христа, давно обетованного Мессию.

Чтобы утвердить веру в необычайное посланничество Иисуса Христа, апостол Петр сопоставляет с Ним перед иудеями чтимого ими пророка Давида и говорит при этом, что Давид и умер и погребен, и гроб его у нас до сегодня, но и не взошел на небеса, но, будучи пророком, знал, что, по обетованию Божию, «от чресл его» воздвигнется Христос по плоти, Которого душа не останется во аде и плоть Которого не будет видеть нетления, и Который будет сидеть одесную Бога (см.: Деян. 2, 29–36; ср.: Пс. 131, 11; 15, 10).

Первая проповедь Евангельского благовестия имела сильное действие на его слушателей. Боговдохновенное слово апостола Петра, воочию подтверждаемое чудесным событием излияния на учеников Христовых Духа Святого и основанное на свидетельствах Священного Писания, решительно убедило слушателей в Божественном достоинстве Господа, и они спрашивают апостолов: *Что нам делать, мужи братия?* (Деян. 2, 37).

Тогда апостол Петр, обращаясь со словом увещания к своим слушателям, призывает их всех к покаянию и крещению во имя Иисуса Христа для прощения грехов и к принятию дара Святого Духа.

Покайтесь, — говорит апостол, — *и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа во оставление грехов; и получите дар Святого Духа* (Деян. 2, 38), то есть сподобитесь того же Святого Духа, чудесные действия Которого только что проявились в апостолах.

В конце своей речи, желая еще и сильнее расположить к вере во Христа умиленные сердца израильтян, апостол Петр напоминает им об особенных обетованиях Божиих, им данных, о том, что они и дети их представляют богоизбранный народ (см.: Деян. 2, 39), долженствующий предупреждать других на путях Царствия Божия[1].

— *Итак охотно принявшие слово его,* — прибавляет дееписатель, — *крестились, и присоединилось в тот день душ около трех тысяч* (Деян. 2, 41).

Так окончилось событие Сошествия Святого Духа на апостолов — полным торжеством Святого Духа над неверовавшими! И исполнились здесь впервые слова Господа, что Его ученики вследствие и в силу Его отшествия к Отцу, совершат большие дела, чем какие совершил Он Сам во дни Своего уничижения[2] (см.: Ин. 14, 12).

Сошествие Святого Духа на апостолов есть окончательное установление нового вечного завета с людьми, о котором предсказал пророк Иеремия: *Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет... Вот завет, который Я заключу с домом Израилевым... вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его* (Иер. 31, 31–34; Евр. 8, 8–12). Дух Святой — *Дух истины* (Ин. 16, 13), *Дух премудрости и откровения* (Еф. 1, 17), сшедший на апостолов, начертал вместо синайского, новый сионский закон, о котором предсказал пророк Исаия

---

[1] Помня заповедь Иисуса Христа — идти по всему миру и проповедовать Евангелие всей твари даже до края земли (Мф. 28, 19; Мк. 16, 15; Деян. 1, 8), апостол, впрочем, прибавляет здесь же, что спасение Божие во Христе не простирается только на иудеев, но на всех, «кого ни призовет Господь Бог наш» (Деян. 2, 39).

[2] То, что сохранил нам писатель кн. Деяний из благовестия апостола Петра, есть только небольшая часть его наставлений. Равно Деяписатель ничего не передает нам из евангельских речей других апостолов, хотя из того, что, убежденные словом апостола Петра, слушатели обратились не к Петру только, но и к прочим апостолам за советом о средствах спасения (Деян. 2, 37), можно видеть, что и прочие апостолы вместе с Петром участвовали в научении и убеждении собравшегося около них народа. Впрочем, это и без особых указаний должно быть для нас понятно, когда мы там же читаем, что искавших научения Апостольского — которые потом и крестились — было около трех тысяч (Деян. 2, 41).

(см.: Ис. 2, 3), *не на скрижалях каменных, но на скрижалях сердца плотяных* (2 Кор. 3, 3). Место гласа синайского заступила благодать Святого Духа, законополагающего[1], подающего силы к исполнению закона и верующим изрекающего оправдание не по делам, а по благодати (см.: Рим. 5, 16).

«Святую Пятидесятницу прияхом от еврейских книг, — говорит Синаксарь на этот праздник, — яко же бо евреи Пятидесятницу празднуют, почитающе седьмое число и зане по Пасце пятьдесят дний прешедше закон прияша, тако и мы по Пасце пятьдесят дний празднующе, Всесвятаго Духа приемлем, законополагающаго и наставляющаго на всякую истину, и угодная Богу повелевающаго»[2].

«Иже древле, — поет Церковь, — закон начертав Моисею, Нового Завета величия и Закон благодати излагает ясно, в апостольских сердцах написав»[3].

Блаженный Иероним пишет: «Законоположение синайское и сионское было в пятидесятый день по Пасхе. На Синае от землетрясения колебалась гора: на Сионе сотрясся дом апостолов. Там посреди пламени и сверкающих молний раздавались громы и глас бурный: здесь с огненным видом языков *бысть шум с небесе, яко носиму дыханию* бурну. Там звук трубный возгремел слова закона: здесь труба Евангельская возгласила устами апостолов»[4].

Таким образом, день Пятидесятницы, бывший древле ежегодным воспоминанием дарования закона Божия на горе Синае, и для христиан сделался ежегодным праздником торжественного открытия данной святым апостолам власти учить, священнодействовать и управлять. В пятидесятый день по Воскресении Христа Господа, апостолы приняли Божественную силу Святого Духа, и для всей вселенной сделались проповедниками и свидетелями Иисуса Христа (см.: Деян. 1, 8).

Приняв Святого Духа, апостолы ежегодно начали праздновать день Пятидесятницы и заповедали святить его всем христианам ради сошествия Святого Духа.

---

[1] Синаксарь в неделю Пятидесятницы.

[2] Синаксарь на праздник Пятидесятницы.

[3] Канон Святому Духу, песнь 5.

[4] *Блаженный Иероним*, знаменитый отец Западной Церкви конца IV и первой четверти V века, известный своими учеными трудами по истолкованию Священного Писания. Скончался в 420 году.

В апостольской истории действительно находим указания на празднование дня Пятидесятницы, собственно христианское. Апостол Павел, намереваясь посетить Церковь Коринфскую, писал в послании к ней об этом намерении своем; но прибавлял, что он пробудет еще в Ефесе до Пятидесятницы (см.: 1 Кор. 16, 8), а выше, говоря об исправлении некоторых беспорядков в этой Церкви, сделал ясный намек на празднование Пасхи, но не иудейской, а христианской (см.: 1 Кор. 5, 6–8). Если Пасха здесь разумеется христианская, и Пасха эта есть праздник: то, конечно, таков же и день Пятидесятницы. Ибо для чего же было апостолу, столько ревновавшему о свободе христиан от закона иудейского, дожидаться в Ефесе праздника иудейского?

Вскоре после этого мы видим того же апостола поспешающим на праздник Пятидесятницы в Иерусалим (см.: Деян. 20, 16). По толкованию святого Епифания и блаженного Августина, нельзя думать, что апостол имел в виду при этом исполнить только требование закона Моисеева, который повелевал каждому израильтянину являться в этот день к месту общественного богослужения, а надо полагать, что в том и другом случае разумеется день Пятидесятницы, который апостол, и в Ефесе и Иерусалиме, желал провести, как праздник христианский.

В Постановлениях апостольских есть прямая заповедь праздновать Пятидесятницу: «Спустя десять дней по Вознесении бывает пятидесятый день от первого дня Господня (Пасхи); этот день да будет великим праздником. Ибо в третий час этого дня Господь Иисус послал дар Святого Духа» (Апост. Постан. 5, 20).

В другом месте апостольских постановлений в числе дней, в которые рабы должны быть свободны от работ после Пасхи и Вознесения, упоминается и Пятидесятница: «В Пятидесятницу рабы должны быть свободны от работ ради пришествия Святого Духа, данного уверовавшим во Христа» (Апост. Постан. 8, 38).

Тертуллиан[1], употребляя слово «Пятидесятница» и в значении всего пятидесятидневного времени, в другом месте выражается так: «В день Господень мы считаем неприличным поститься или преклонять колена: тою же свободою пользуемся от дня Пасхи до Пятидесятницы». Здесь под именем Пятидесятницы, очевидно, разумеется

[1] *Тертуллиан* — знаменитый писатель Церкви III века.

один определенный день, именно — день Сошествия Святого Духа, заключение всего пятидесятидневного времени, начинающегося Пасхой.

В IV веке у Евсевия Кесарийского, у святых Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, Епифания и Златоуста, также у блаженного Августина и других часто встречается упоминание о празднике Сошествия Святого Духа под именем *Пятидесятницы*.

Святой Иоанн Златоустый о времени празднования Пятидесятницы говорил в своей беседе: «Еще не прошло десяти дней, как вознесся Христос, и уже ниспослал нам духовные дарования, дары примирения» (в 1-й беседе на Пятидесятницу, гл. 2).

Как у древних израильтян, так и в Церкви Христовой праздник Пятидесятницы есть великий *дванадесятый*, вселенский. В постановлениях апостольских он называется великим.

Святой Григорий Богослов в неделю Пятидесятницы говорил: «Мы празднуем Пятидесятницу — пришествие Духа, окончательное совершение обетования, исполнение надежды, таинство великое и досточтимое»[1].

Святой Амвросий Медиоланский[2] в слове своем в день Пятидесятницы говорил: «Возвеселимся в сей святой день, как в Пасху мы возвеселились. В Пасху крестятся оглашенные, в Пятидесятницу крещены апостолы, по слову Господа, Который, восходя на небо, сказал ученикам Своим: *Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым* (Деян. 1, 5)».

Святой Иоанн Златоустый[3], беседуя в день Пятидесятницы, на-

---

[1] В 41-м слове на Пятидесятницу.

[2] *Святой Амвросий, епископ Медиоланский*, прославился как ревностный поборник и защитник Православия против арианства в западной половине Вселенской Церкви. Много оставил писаний, в которых частью объясняет слово Божие, частью излагает учение веры, частью поучает христианским добродетелям. Скончался в 397 году. Память празднуется его 7 декабря.

[3] *Святой Иоанн Златоуст*, архиепископ Константинопольский, знаменитый отец Церкви конца IV и начала V века, прославившийся особенно своими многочисленными проповедническими трудами. За свое необыкновенное красноречие он и получил имя Златоуста. Сначала он был пресвитером в Антиохии, а в самом

звал этот день торжеством многочадным. «Опять праздник, — беседовал святитель, — опять торжество и опять многочадная и чадолюбивая Церковь украшается множеством чад. Велики и выше всякого слова человеческого дары ниспосланы нам сегодня от человеколюбивого Бога. Поэтому все мы вкупе возрадуемся и с восторгом будем прославлять Господа нашего. Подлинно ныне великий для нас день и торжество. Как в преемстве дней и времен года одна перемена следует за другою, так точно и в Церкви праздник идет за праздником, а один отсылает нас к другому. Недавно праздновали мы кресту, страданию, воскресению, потом вознесению Господа на небо, — а сегодня, наконец, дошли до самого края благ, вступили в самую митрополию праздников, достигли до самого плода обетования Господня. Много благ нисходило с неба на землю для рода человеческого, но таких, какие ныне, никогда не было прежде этого. Одождил Бог манну на землю и хлеб небесный давал людям: ибо *хлеб Ангельский ел человек* (см.: Пс. 77, 25). Поистине велико это и достойно человеколюбия Божия. После этого ниспослан был огнь, который обличил заблуждающийся народ иудейский и пожрал жертву от алтаря (см.: 3 Цар. 18, 38). Ниспослан был дождь, когда все изнемогали от голода, и произвел великое плодоносие. Велико это и дивно, но настоящее — гораздо более. Не манна, не огонь, не дождь ниспослан ныне, но изливаются дарования Духа. Принеслись свыше облака не для того, чтобы дать плодоносие земле, но чтобы возбудить естество человеческое, воспроизвести плод добродетели Божественному Делателю. И тотчас, принявшие хотя каплю от этого дождя, изменили свою природу, и вся земля внезапно исполнилась Ангелами — Ангелами не небесными, но являющими в человеческом теле добродетель бесплотных сил» (в 1-й беседе на Пятидесятницу).

Величие праздника Пятидесятницы видно и из обычая древних христиан принимать святое крещение в этот праздник, как и в другие великие праздники. Святой Григорий Богослов[1], упоминая о

конце IV века занял кафедру Константинопольского архиепископа. Кончил жизнь в ссылке, в Армении (в 407 году). Память его празднуется 13 ноября и 30 января. Ему принадлежит литургия, совершающаяся в Православной Церкви большую часть года.

[1] *Святой Григорий Богослов* (Назианзин) был недолго патриархом Константинопольским и известен своими высокими творениями, за которые получил прозвание *Богослова*. Он был близким другом другого знаменитого отца Церкви

различных извинениях, по которым в его время отлагали крещение, замечает, что иной из оглашенных говорил: «Жду дня светов; другой: более уважаю Пасху; третий: дожидаюсь Пятидесятницы. Первый говорил: лучше со Христом просветиться; другой: со Христом восстать в день воскресения; третий: почтить явление Духа».

Святые Иоанн Златоуст и Прокл в своих беседах на день Пятидесятницы также упоминают о новокрещеных. Благочестивый обычай креститься в день Пятидесятницы, по всей вероятности, получил начало еще при апостолах (см.: Деян. 2, 38). В воспоминание этого и доселе на литургии пред чтением Апостола, вместо обыкновенного песнопения: «Святый Боже, Святый крепкий, Святый безсмертный», поются слова Апостола: «Елицы во Христа крести́стеся, во Христа облеко́стеся, аллилуиа».

В Православной Церкви существует благочестивый обычай украшать в праздник Пятидесятницы храмы Божии и жилища древесными зелеными ветвями, травами и цветами. Это обыкновение, вероятно, произошло из примеров Церкви ветхозаветной.

На обыкновение украшать дома́ и храмы зелеными растениями в день Святой Троицы имела влияние мысль о явлении Бога в виде трех странников Аврааму у дуба Мамврийского, где стояла куща этого патриарха (см.: Быт. 18, 1–15). Празднование Святой Троицы, Которой некогда поклонился Авраам в Мамврийской дубраве, располагало древних христиан в день Святой Троицы вносить в храмах древесные ветви и цветы, дабы таким образом украшенный храм Божий очевиднее изображал собою ту мамврийскую дубраву и Авраамову кущу, где некогда благоволил явиться Триединый Бог.

Иудеи в праздник Пятидесятницы украшали синагоги и дома древесными ветвями, травою и цветами — в память того, что закон был дан в то время, когда близ горы все зеленело и цвело, и притом, во время странствования их по пустыне, когда и сами они должны были жить в кущах из древесных ветвей. Сионская горница, где Дух Святой сошел на апостолов в день Пятидесятницы, по обычаю ветхозаветному, также украшена была в этот день древесными ветвями и цветами.

(IV век) — святого Василия Великого, с которым познакомился еще во дни своей молодости в Афинских философских школах. Память святого Григория празднуется 25 января.

Кроме того, в Церкви ветхозаветной был также священный обычай приносить в праздник Пятидесятницы первые плоды жатвы, которая в Палестине оканчивалась к тому времени (см.: Лев. 23, 16–20; Числ. 28, 26). И в праздник христианской Пятидесятницы ветви и цветы приносятся, как начатки Богу — от весны, обновляющейся силою Духа Зиждителя (см.: Пс. 103, 30), и указывают на духовное плодоносие Церкви Христовой.

«Иудеи, украшая кущи листьями и плодами, — говорит святой Григорий Нисский, — этим самым изображали новозаветную Церковь, произрастшую после закона»[1].

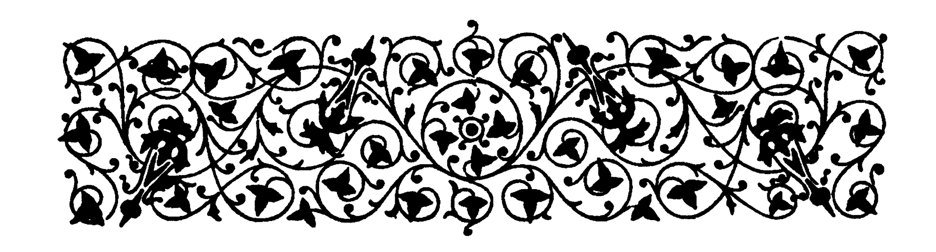
Святая Церковь, прославляя милосердие Божие, ниспосланием Святого Духа на апостолов и силою Сего Духа просветившее всю вселенную, благодарно воспевает[2]: «Славим Тебя, Христос, и почитаем Всесвятого Духа Твоего, который от отца послал всех Божественных учеников Твоих?»[3]

---

[1] (В слове при вступлении в Святую Четыредесятницу.) *Святой Григорий Нисский* — брат святого Василия Великого, епископ города Ниссы в Каппадокии; один из знаменитейших отцов Церкви IV века, известный своею ревностной борьбой с арианством, а также и многими сочинениями — богословскими, философскими и проповедническими; немало также у него бесед на Священное Писание и проповедей. Святой Григорий скончался в 394 году. Память его совершается Церковью 10 января.

[2] Величание празднику.

[3] Особенность Церковного Богослужения в день Святой Троицы составляет то, что литургия, совершаемая в этот день, оканчивается вечернею, во время которой Церковь коленопреклонно читает три особые молитвы, составленные на этот день святым Василием Великим. *Первой* из них она взывает к Богу-Отцу: простить все грехи юности и неведения нашего, не отринуть нас во время старости нашей и, посетив сердца наши благодатью и утверждением в святых законах Его, собрать нас в Царствии небесном. *Второй* молит Господа-Сына: подать нам Духа премудрости, разума и страха Божия, для достойных молитв Ему и полезного наставления в жизни. И *третьей* просит Сына Божия успокоить всех умерших в надежде воскресения и ослабить меру осуждения их; нас же, живущих, благословить.

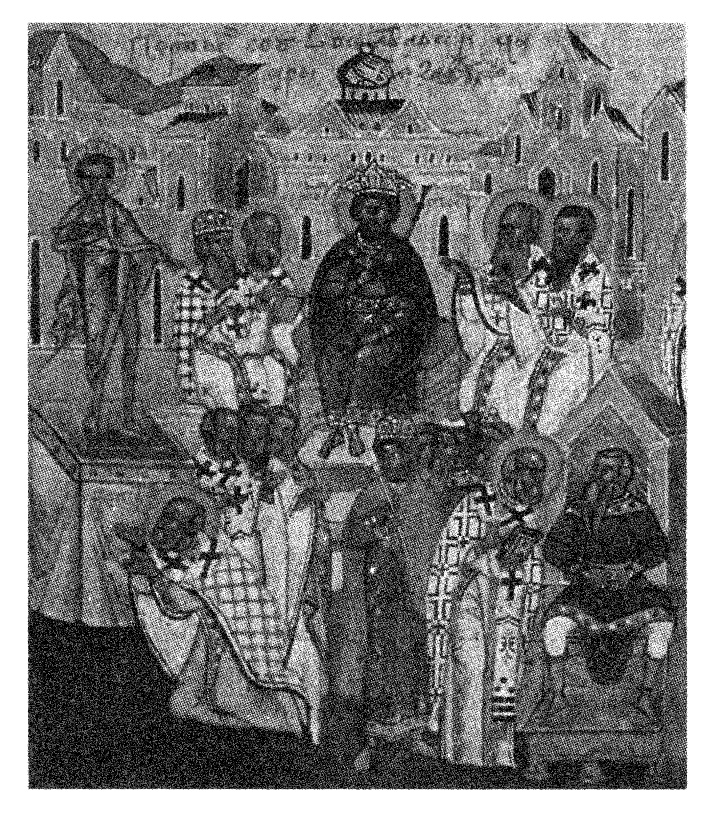


ВОСПОМИНАНИЕ

ПЕРВОГО И ВТОРОГО ВСЕЛЕНСКИХ СОБОРОВ

Господь Иисус оставил Церкви воинствующей, как Глава и Основатель Ее, великое обетование, вселяющее мужество в сердца Его верных последователей: *создам*, — изрек Он, — *церковь Мою, и врата ада не одолеют ее* (Мф. 16, 18). Но в этом радостном обетовании находится пророческое указание и на то печальное явление, что жизнь Церкви Христовой здесь, на земле, должна проходить в борьбе с темными силами ада, которые неустанно, тем или иным образом, пытаются рушить непоколебимую твердыню, воздвигнутую Господом среди бушующих волн мирового зла. Первые три века в жизни Церкви сопровождались гонениями Ее, сначала со стороны иудеев, а затем со стороны язычников в особенности; лучшие сыны Церкви за исповедание имени Христова претерпели мучения и даже самую смерть; по временам в некоторых местах Греко-римской империи лились потоки христианской крови, но сила внешнего оружия не могла победить внутренней силы духа, — и меч языческий принужден был, наконец, склониться пред смиренным знамением Креста Христова, когда в начале IV века над Греко-римским миром впервые воцарился христианский император, святой и равноапостольный Константин Великий[1]. С его воцарением прекратилась самая возможность гонений, но не прекратилась деятельность врага Церкви, диавола. Не победив Церкви совне, он пытался поразить Ее изну-

[1] Память 21 мая/3 июня.



Первый Вселенский собор

три, возбудив арианскую ересь, уничижавшую Лицо Основателя Церкви Христа Иисуса.

Основные положения арианской ереси сводятся к следующему. «Было время, когда существовал один только Бог-Отец, не рожденный, первопричина сущего. Восхотев создать мир и зная, что мир, бесконечно удаленный от Бога, не может вынести непосредственного действия Его творческой силы, Бог-Отец творит из несущего посредствующее Существо между Ним и миром — Сына Божия, дабы чрез Него создать мир. Как сотворенный из несущего, Сын также изменяем по природе, как и все творения». Словом, ересь признавала Христа, Сына Божия, не Богом, Отцу единосущным, а Существом сотворенным, хотя и совершеннейшим из всех созданных существ. От своего родоначальника эта ересь известна в истории христианской Церкви под именем арианской.

Арий родился в 256 году в Ливии[1]. Ученик Лукиана, пресвитера Антиохийского, Арий был человек строгой, безупречной жизни, соединявший с суровой внушительной наружностью приятное обращение; скромный с виду, он в действительности был очень честолюбив. Посвященный в диакона Петром, епископом Александрийским, Арий этим же епископом был отлучен от Церкви за деятельное сочувствие одной местной церковной партии, проникнутой раскольническими стремлениями. Преемник епископа Петра, Ахилл, приняв отлученного Ария в общение с Церковью, посвятил его во пресвитера и вручил его попечению один приход в Александрии. По смерти Ахилла, Арий — как свидетельствуют некоторые церковные писатели — рассчитывал быть его заместителем, но в действительности на епископский престол Александрии был избран Александр. На одном из собраний Александрийских пресвитеров (в 318 году), когда епископ Александр вел беседу о единстве Пресвятой Троицы, Арий обвинил его в савеллианстве, высказав свои еретические убеждения по вопросу о Лице Сына Божия[2]. Епископ пытался было заблуждавшегося пресвитера вразумить сначала дружескими увещаниями, но последний оставался непреклонным; между тем, снисходительное отношение к Арию со стороны епископа некоторые ревнители правой веры порицали столь сильно, что Церкви Александрийской грозил из-за этого раскол. Тогда епископ Александр, признав неправославными мысли Ария, отлучил его от церковного общения. После этого сторону Ария приняли некоторые епископы, из которых наиболее известны: Феона Мармарикский и Секунд Птолемаидский. Присоединилось к нему также около двадцати пресвитеров, столько же диаконов и множество девственниц. Видя, что зло разрастается, Александр созвал (в 320 или 321 году) собор из подведомственных ему епископов, который тоже отлучил Ария от Церкви. Невозможность оставаться более в Александрии заставила Ария искать себе убежища сначала в Палестине; отсюда он старался расширить круг своих сторонников, в то время как епископ Алек-

[1] *Ливия* — область Северной Африки. По другим известиям, местом родины Ария была Александрия.

[2] *Савеллий*, еретик III века, утверждал, искажая учение о Святой Троице, что Бог есть Одно Лицо: как Отец — Он на небе, как Сын — на земле и как Дух Святой — в творениях.

сандр распространял послания, предостерегающие от увлечения еретическим учением, отказываясь решительно примириться с Арием, за которого пред ним ходатайствовали некоторые, во главе с Евсевием, епископом Кесарийским. Удаленный из Палестины по настоянию александрийского епископа Арий перешел в Никомидию, где епископом был Евсевий, подобно Арию ученик и почитатель Лукиана. Один Вифинийский местный собор, руководимый Евсевием Никомидийским, признал Ария православным, и Евсевий принял его в церковное общение. Во время пребывания в Никомидии Арий составил книгу «Фалия»[1], назначенную для распространения между простолюдинами, расположение которых он умел приобретать: здесь в общедоступной, полустихотворной форме Арий излагал свое еретическое учение о Сыне Божием; с этою же целью (распространить свое учение) Арий сочинял песни для мельников, матросов и путешественников.

Смута церковная, поднятая ересью, распространялась все более и более, так что сам император Константин, наконец, обратил на нее свое внимание. Чтобы уладить споры, раздиравшие Церковь, он, по совету некоторых епископов, главным образом Евсевия Кесарийского, имевшего на него особенное влияние, обратился с письмом, адресованным совместно епископу Александру и Арию, где увещевал обоих к миру и единению[2]. С этим письмом императора в Александрию был отправлен Осия Кордубский, один из старейших и наиболее уважаемых епископов[3]. В Александрии, на месте возникновения споров, Осия убедился в необходимости решительных мер для уничтожения зла, так как раздоры в Церкви до того усилились, что осмеивались уже в языческих театрах, а в некоторых местах при смутах, вызванных ими, даже наносились оскорбления статуям им-

---

[1] *Фалия* — греч. «счастье»; во множественном числе — *пир*. Название свое книга получила оттого, что в ней находились стихотворения, которые можно было петь во время обеда.

[2] Из содержания этого письма видно, что император мало представлял себе, насколько важен был по существу предмет церковного раздора.

[3] Выдающийся защитник Православия, святой Афанасий Александрийский говорит об Осии Кордубском: «Он далеко знаменитее всех других. На каком соборе он не председательствовал? На каком, рассуждая здраво, не склонял всех к одному убеждению? Какая церковь не имеет прекраснейших доказательств его заступничества?»

ператора. Когда Осия, возвратившись, разъяснил императору Константину действительное положение и истинную сущность дела, последний с подобающей серьезностью взглянул на раздоры, возникшие, благодаря Арию, в Церкви. Решено было созвать Вселенский собор, чтобы восстановить нарушенный мир, церковный и общественный, а также — решить недавно возобновившийся спор о времени празднования Пасхи[1]. Впервые, с объединением Востока и За-

[1] *Пасха* — главный праздник Церкви христианской, установленный во дни святых апостолов, первоначально посвящен был воспоминанию *смерти* Господа Иисуса и потому совершался на всем Востоке 14 нисана, в день приготовления евреями пасхального агнца, когда, по указанию Евангелия от Иоанна и по мнению древних отцов Церкви (Иринея, Тертуллина, Оригена), и последовала крестная смерть Христа Спасителя; поэтому и самое название Пасхи древнейшие отцы Церкви (Иустин, Ириней, Тертуллиан) производят не от «проходить мимо», а от греческого — «страдать». По указаниям же святых евангелистов Матфея, Марка и Луки смерть Господа Иисуса совершилась не 14, а 15 нисана; но христиане, примыкавшие к их указанию, все-таки справляли Пасху 14 нисана в воспоминание, однако, уже Тайной вечери Господа с учениками. Впрочем, ближайшие по времени к апостолам отцы Церкви не говорят о празднике Пасхи, как празднике *годичном*, то есть совершавшемся в нарочито избранный день или период. В «Пастыре», произведении мужа апостольского Ерма, находим упоминание о пятнице, как дне *еженедельного* поста и скорби, в воспоминание страданий и смерти Иисуса Христа; Тертуллиан же указывает на *день воскресный* как день радости, когда в память воскресения Христова отменялись посты и коленопреклонения. Уже во II веке чествование страданий и смерти Христа и Его Воскресения выделились в особые праздники, называвшиеся Пасхой: 1) pascha crucifieatonis — Пасха крестная, то есть в честь смерти Спасителя; эта Пасха проводилась в строгом посте, продолжавшемся с пятницы до утра воскресенья и заканчивавшемся воскресного Евхаристией. Этой евхаристией начиналась; 2) pascha resurrectionis — Пасха Воскресная. Некоторые свидетельства дают указание на то, что Пасха воскресная продолжалась пятьдесят дней, являясь таким образом, кроме того, праздником Вознесения и Сошествия Святого Духа; почему эти дни и назывались иногда Пятидесятницей. Чем более, с течением времени, Церковь христианская освобождалась от иудейства, тем более и более становился несообразным обычай, особенно упорно державшийся в церквах малоазийских, праздновать Пасху 14 нисана, одновременно с иудеями. В церквах, образовавшихся из язычников, празднующих Пасху в этот день, называли иудействующими, притом на Западе празднование Пасхи *никогда* не связывалось с Пасхой иудейской, здесь она совершалась, не в пятницу, а в первый воскресный день после полнолуния. Благодаря этому между Востоком и Западом, точнее между азийскими епископами и Римом, возник «пасхальный спор», продолжавшийся с конца II века на протяжении всего III и чуть, было, не приведший к разрыву общения между спорившими церквами.

пада, под властью одного христианского императора явилась возможность созыва Вселенского собора.

Собор определенно было собрать в Никее[1], причем император издал особые распоряжения, которыми облегчалось путешествие созываемых епископов к месту собрания; содержание их на время соборных собраний он приказал отнести на счет государства. Большая часть епископов съехалась из восточной империи; был один епископ из Скифии и один из Персии; с западной половины, куда еще не проникли вызванные арианством раздоры, на соборе присутствовали только Осия Кордубский, Цецилиан Карфагенский и заместители Римского престарелого епископа Сильвестра, пресвитеры Витон и Вицентий. Всех епископов было триста восемнадцать[2], а прибывших с ними пресвитеров и диаконов более двух тысяч человек. Даже некоторые языческие философы являлись на собор и вели беседы по спорным вопросам с епископами[3].

На соборе выступили три партии, сложившиеся уже в предшествовавшее ему время: две из них держались противоположных воззрений на Лицо Сына Божия, а третья занимала среднее примиряющее положение между двумя крайними партиями. *Православную* партию составляли по преимуществу исповедники, претерпевшие мучения за имя Христово во время гонений. Члены этой партии

---

[1] *Никея*, ныне бедное селение Исник, в описываемое время была главным приморским городом Вифинской области, богатым и обширным; здесь находился обширный дворец императора и другие здания, в которых с удобством могли расположиться участники собора; она отстояла всего на 20 миль от Никомидии, тогдашнего местопребывания императора, и была одинаково хорошо доступна как с моря, так и суши.

[2] Историки указывают неодинаковое число членов собора. Евсевий говорит о двухсот пятидесяти, Афанасий Великий и Сократ насчитывают более трехсот. По Созомену, их было всего триста двадцать. Число триста восемнадцать, даваемое святым Афанасием в одном послании Африканской Церкви, а также Епифанием и Феодоритом, принято, *по преданию*, по таинственному соотношению с числом слуг Авраама (Быт. 14, 14) и потому еще, что греческое начертание его ТIН напоминает Крест Иисуса Христа.

[3] У церковного историка (V в.) Созомена находится рассказ, как один малокнижный епископ обратил философа одним прочтением ему своего Символа веры; он же передает о Византийском епископе Александре, что последний лишил способности речи препиравшегося с ним философа, сказав ему: «Во имя Иисуса Христа повелеваю тебе не говорить!»

«чуждались, — по словам Созомена, — нововведений в вере, преданной издревле», особенно по отношению к учению о Святой Троице; они считали необходимым подчинять разум святой вере, ибо «таинство Святой поклоняемой Троицы превышает всякий ум и слово совершенно непостижимо и усвояется только верою». Поэтому на вопрос о сущности Сына Божия, подлежавший разрешению собора, православные смотрели как на тайну, непосильную для ума человеческого, высказывая в то же время строго определенное догматическое учение, что Сын Божий есть столь же совершенный Бог, как и Отец: «Христос сказал: *Я и Отец едины* (Ин. 10, 30). Этими словами Господь выражает не то, что два естества составляют одну ипостась[1], но то, что Сын Отчий точно и совершенно удерживает и сохраняет одно естество со Отцом, имеет в Себе отпечатленное самым естеством подобие Его и ни в чем от Него не отличный образ Его». Наиболее важными представителями православной партии на соборе были: Александр, епископ Александрийский; Осия, епископ Кордубский; Евстафий, епископ Антиохийский; Макарий, епископ Иерусалимский; Иаков, епископ Низибийский; Спиридон, епископ с острова Кипра; Пафнутий, епископ верхней Фиваиды, и Николай, епископ Мир ликийских. Первые из них, Александр Александрийский[2] и Осия Кордубский[3], были руководителями партии православных.

Совершенно противоположную православной партии на соборе представляла собой партия *строго арианская*, которую составляли люди «искусные в совопросничестве и отвращавшиеся простоты веры», подвергавшие вопросы веры, как и всякие другие, рассудочному исследованию и хотевшие подчинить веру знанию. Во главе

---

[1] В истории развития учения о Лице Иисуса Христа термин «ипостась» употреблялся то в значении сущности, то в значении лица; с IV века, согласно словоупотреблению, принятому вслед за Василием Великим и Григорием Богословом, а также Вселенском соборе, слово «ипостась» всей Церковью употребляется в значении лица.

[2] Собор Никейский, или I Вселенский, называет его в послании к Александрийской Церкви «главным деятелем и участником во всем, что происходило на соборе».

[3] Сами ариане впоследствии говорили об Осии Кордубском: «Осия председательствует на соборах, писаниям его везде внимают, он и в Никее (то есть на I Вселенском соборе) изложил веру».

этой партии, своим еретическим учением колебавшей самые основы христианства, стояли: опора арианства и «первостепенный епископ времени» Евсевий Никомидийский, а также епископы: Минофан Ефесский, Патрофил Скифопольский, Феогнис Никейский, Феона Мармарикский и Секунд Птолемаидский. Число членов партии в строгом смысле арианской, было не велико, не более семнадцати человек. В среднюю партию, довольно значительную по числу членов, колебавшихся между православными и арианами, входили лица, получившие впоследствии название полуариане; они хотя и почитали Сына Божия Богом, но Божество Его признавали неравным Божеству Отца, находившимся в соподчиненном к Нему отношении. Главою этой партии был известный историк Церкви Евсевий, епископ Кесарийский.

Собор начался в июне 325 года; первые заседания его, как можно с вероятностью думать, происходили в храме. Спустя около двух недель после открытия собора, в Никею прибыл сам император Константин, и заседания собора были перенесены в обширную палату царского дворца, куда являлся на них и император, державший себя не как руководитель, но как наблюдатель. Во время своего первого появления на соборе, выслушав приветственные речи Евстафия Антиохийского и Евсевия Кесарийского[1], Константин Великий обратился к отцам собора с ответною речью, умоляя их прекратить «междоусобную брань в Церкви Христовой». Собор прежде всего и сосредоточил свое усиленное внимание на вопросе, вызвавшем эти междоусобные раздоры, то есть на учении Ария: обличив последнего как еретика, отцы собора утвердили православное учение о Лице Сына Божия, точнее — о Его сущности. Предварительные рассуждения по этому главному вопросу велись на соборе с соблюдением полной терпимости: на одних правах с православными епископами высказывались и арианские и полуарианские. Словом, — как замечает греческий церковный историк V века Сократ, — «определение

---

[1] Некоторые историки предполагают, что Евстафий Антиохийский и был председателем на соборе; другие считают им Евсевия Кесарийского. Существует, кроме того, мнение, что на соборе председательствовали по очереди епископы Антиохийский и Александрийский (Александр); большинство, впрочем, более склонно признавать председателем собора Осию, епископа Кордубского, который первый подписался под соборными определениями.

относительно веры производилось не просто и как случилось, но объявлено после долгого исследования и испытания — и не так, что одно показано, а другое умолчано, но взято во внимание все, относящееся к утверждению догмата, и что вера не просто определена, но наперед тщательно рассмотрена, так что устранено всякое мнение, представлявшее повод к обоюдности, либо к раздвоению мыслей. Дух Божий установил согласие епископов».

Первой на соборе была выслушана строго арианская партия, так как ее именно учение, нарушившее церковный мир, было главною причиною созвания собора. Евсевий Никомидийский, главный представитель этой партии, внес от лица ее на рассмотрение отцов собора символ, заключавший в себе следующие выражения, исчерпывавшие сущность учения строгих ариан о Лице Сына Божия: «Сын Божий — произведение и тварь»; «было время, когда Сына не было»; «Сын изменяем по существу». Тотчас за прочтением этого символа отцы собора единодушно[1] и решительно отвергли его, признав исполненным лжи и безобразным; причем даже самый свиток, содержавший в себе символ, был разорван, как того и заслуживал, на клочки. Главным основанием осуждения символа Евсевия Никомидийского для отцов собора служило то важное обстоятельство, что в еретическом символе не находилось ни одного выражения о Сыне Божием из тех, какие находятся о Нем в Священном Писании. Вместе с тем отцы собора «кротко», — по свидетельству древних церковных историков, — потребовали от Евсевия Никомидийского и от Ария, чтобы они изложили доводы, подтверждающие справедливость их умствований; выслушав эти доводы, собор тоже отверг их, как совершенно лживые и неубедительные. Среди этих прений с ересеучителями из среды православных выдвинулись как ревностные защитники истинной веры и умелые обличители ереси: диакон Александрийский, прислуживавший своему епископу, Афанасий и Маркелл, епископ Анкирский. К этому же времени соборных заседаний, очевидно, нужно приурочить и следующее предание об участнике собора, святом епископе Николае Мирликийском, сохраненное иноком Студийского монастыря Иоанном. Когда Арий излагал пред от-

[1] Без сомнения, и полуариане осуждали символ Евсевия Никомидийского, потому что они никогда не употребляли о Сыне Божием выражения «Сын тварь» и подобных.

цами собора свое еретическое учение, то многие затыкали уши, чтобы его не слышать; присутствовавший при этом святитель Николай, одушевленный ревностью по Боге, подобною ревности пророка Илии, не вынес хулений ересеучителя и ударил его по щеке. Отцы собора, негодуя на подобный поступок святителя, решили лишить его архиерейского сана. Но это решение они должны были отменить после одного чудесного видения, бывшего некоторым из них: они видели, что с одной стороны святителя Николая стоит Господь Иисус Христос с Евангелием, а с другой — Пресвятая Богородица с омофором[1] и вручают ему знаки епископского сана, которых он был лишен. Вразумленные свыше отцы собора перестали упрекать святителя Николая и воздали ему честь, как великому угоднику Божию[2].

После осуждения символа строгих ариан, содержавшего в себе еретическое учение о Лице Сына Божия, отцам собора надлежало выразить о Нем истинное, православное учение. В противоположность еретикам, чуждавшимся при изложении своего лжеучения изречений Священного Писания, отцы собора, наоборот, обращаются к Священному Писанию, чтобы его выражения о Сыне Божием внести в вероопределение, которое собору предстояло издать по спорному вопросу. Но попытка, предпринятая в этом направлении ревнителями правой веры, потерпела полнейшую неудачу вследствие того, что буквально каждое выражение относительно Божества Христа Спасителя, приводимое отцами собора из Священного Писания, ариане и полуариане истолковывали в смысле своих неправославных воззрений. Так, когда православные епископы, основываясь на свидетельстве Евангелия от Иоанна (см.: 1, 1, 14, 18), хотели включить в соборное вероопределение слова Сын от Бога, то арианствующие ничего не имели против этого выражения, толкуя его в том смысле, что, по учению апостола Павла, все от Бога (см.: 2 Кор 5, 18), един

[1] *Омофор* — с греческого *нарамник*, одно из семи архиерейских облачений, представляющее собою длинный узкий плат с четырьмя крестами; омофор возлагается на плечи епископа так, что концы его спускаются спереди и сзади. Омофор знаменует заблудшую овцу, то есть человечество, взятое Христом на рамена (плечи) Свои.

[2] Примечательно, что — как свидетельствует А. Н. Муравьев — в Никее доселе сохранилось предание об этом даже среди турок: в одной из бойниц этого города показывают темницу святителя Николая, где он, по преданию, был заключен после осуждения за поступок с Арием.

Бог, из него же все[1] (см.: 1 Кор. 8, 6). Тогда отцами предложено было назвать Сына Богом истинным, как именуется Он в 5-й главе (ст. 20) 1-го послания евангелиста Иоанна; арианствующие принимали и это выражение, утверждая, что «если Сын сделался Богом, то, конечно, Он истинный Бог»[2]. То же самое произошло и со следующим выражением православных епископов: «в Нем (то есть Отце) Сын пребывает»; по мысли отцов выражением этим, покоившимся на первых словах евангелия Иоанна[3], вполне определенно высказывалось то учение, что Сын со Отцом и в Отце всегда нераздельно пребывает; но арианствующие и здесь нашли возможным указать, что последнего рода свойство вполне приложимо и к людям, так как Писание говорит: *им* (то есть Богом) *живем и движимся и существуем* (Деян. 17, 28). После этого отцы собора выставили новое выражение, применяя к Сыну Божию наименование силы, взятое у апостола Павла: Слово[4] есть *сила Божия* (1 Кор. 1, 24); однако арианствующие и тут нашли выход, доказывая, что в Священном Писании не только люди, а даже гусеница и саранча называются силою и притом силою великою (см.: Исх. 12, 41; Иол. 2, 25). Наконец, отцы, чтобы отразить арианство, решили внести в вероопределение изречение из послания к Евреям: Сын *сияние славы и образ Ипостаси Его* (Евр. 1, 3)

---

[1] Ссылаясь на указанные изречения ап. Павла, арианствующие хотели сказать, что они признают происхождение Сына от Бога в смысле творения, как и все существующее в мире в этом же именно смысле происходит от Бога.

[2] По православному же учению, Сын не *сделался* Богом, а от века пребывает Богом.

[3] Вначале было Слово, и слово было у Бога, и Слово было Бог (Ин. 1, 1).

[4] Так называется Второе Лицо Святой Троицы, Сын Божий. Наименование это взято из Евангелия Иоанна (1, 1—14). — Почему же Сын Божий именуется Словом? 1) По сравнению Его рождения с происхождением нашего человеческого слова; как наше слово бесстрастно, духовно рождается от нашего ума или мысли, так и Сын Божий бесстрастно и духовно рождается от Отца. 2) Как в нашем слове открывается или выражается наша мысль, так и Сын Божий по существу и совершенствам Своим есть точнейшее отображение Бога и потому называется сиянием славы Его и образом (отпечатлением) Ипостаси Его (Евр. 1, 3). 3) Как мы через слово сообщаем другим свои мысли, так и Бог, многократно глаголавший людям чрез пророков, наконец глаголал чрез Сына (Евр. 1, 2), Который для этого воплотился и так полно открыл волю Отца Своего, что видевший Сына видел Отца (Ин. 14, 3). 4) Как наше слово бывает причиной известных действий, так и Бог-Отец все сотворил чрез Слово-Сына Своего (Ин. 1, 3).

(то есть Отца), тогда арианствующие указывали на то, что Священное Писание то же самое говорит и о каждом человеке, называя его образом и славою Божиею (см.: 1 Кор. 11, 7). Таким образом стремление отцов собора выразить православное учение о Сыне Божием путем внесения в вероопределение соответствующих библейских изречений не имело никакого успеха. Возникло затруднение, устранить которое попытался представитель полуарианской партии Евсевий, епископ Кесарийский.

Он внес на обсуждение собора готовый символ, предлагая его утвердить общим согласием членов собора, причем символ был составлен таким образом, что, казалось, мог быть принят как православными, так и строгими арианами: имея в виду первых, Евсевий Кесарийский излагает вероопределение, предложенное собору, словами Священного Писания; чтобы угодить вторым, то есть крайним арианам, он внес в свой символ слишком общие выражения, которые, поэтому, еретики могли истолковывать в нужном им смысле. Кроме того, в тех же видах расположить членов собора к утверждению символа и чтобы устранить всякого рода подозрения, Евсевий в начале его сделал следующее заявление: «Мы содержим и исповедуем веру так, как приняли от предшествующих наших епископов, как научились ей от Божественного Писания, как соблюдали и исповедовали в пресвитерстве, а потом в епископстве». На главный вопрос в спорах о Сыне Божием — какова именно была степень близости Сына к Отцу — символ Евсевия Кесарийского давал следующий ответ, который в силу своей неопределенности мог быть принят строгими арианами и который, по той же причине, не мог удовлетворить защитников правой веры на соборе. «Веруем, — говорит символ Евсевия, пользуясь изречениями Священного Писания, — во единого Господа Иисуса Христа, Божие Слово, Бога от Бога, Света от Света, Жизнь от Жизни, Сына единородного, перворожденного всей твари, прежде век от Отца рожденного». После прочтения символа наступило молчание, истолкованное Евсевием Кесарийским в смысле одобрения. Молчание это первый нарушил император Константин, своими словами вместе с тем уничтоживший и преждевременные надежды Евсевия на победу. Константин Великий одобрил символ, сказав, что он сам также мыслит, как учит символ, желает, чтобы и другие держались такого же вероисповедания; затем он предложил для определения отношения Сына Божия

к Богу-Отцу внести в символ слово, — *единосущный*[1]. Это слово с желанною для православных членов собора силою и определенностью, не допускающею перетолкований, выражало нужную мысль о равенстве Божества Сына Божия с Божеством Отца. Внесением его в символ разбивались в прах надежды Евсевия Кесарийского, потому что оно с очевидностью, какой нельзя было более и желать, обличало еретические умствования полуариан и крайних ариан, обеспечивая в то же время торжество Православия на все последующие века. Сдерживаемые авторитетом императора, арианствующие могли против внесения в символ *единосущный* указать только на то обстоятельство, что этим понятием в учение о сущности Божества привносятся представления слишком вещественного характера: «Единосущным, — говорили они, — называется то, что есть из чего-либо другого, как, например, два или три золотых сосуда из одного слитка». Во всяком случае прения по поводу слова *единосущный* были мирны: арианствующие принуждены были, следуя за императором, согласиться на принятие, разрушавшего их ересеучение, слова. Представители православной партии, учитывая вынужденную уступчивость еретичествующих членов собора, внесли в символ и другие поправки и изменения, благодаря которым символ принял следующий чуждый всякой двусмысленности вид: «Веруем во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого; — и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, единородного, рожденного от Отца, то есть из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, единосущного Отцу, чрез Которого (Сына)

[1] Слово «единосущный» указывает не только на единство существа Отца и Сына, но и на одинаковость, так что в одном слове заключается указание и на единство Божие и на различие лиц Сына Божия и Бога Отца, ибо единосущны могут быть только два лица: единосущен и значит именно: не слит по существу, но и не разделен. По свидетельству других древних историков христианской Церкви, освященное церковным преданием слово «единосущный» провозгласили епископы собора и значит не император, как говорит Евсевий Кесарийский. Кажущуюся противоречивость этих двух свидетельств можно согласить тем весьма вероятным соображением, что император Константин в данном случае действовал по внушению православных епископов, которые находили более удобным провозгласить его именно устами нужное слово, так как авторитет императора уничтожал возможность продолжительных споров, кои непременно бы возникли, если бы термин *единосущный* предложило собору не столь решительное для всех партий лицо.

все произошло как на небе, так и на земле; — ради нас человеков и ради нашего спасения снисшедшего и воплотившегося, вочеловечившегося, страдавшего и воскресшего в третий день, вошедшего на небеса, и грядущего судить живых и мертвых; — и в Духа Святого».

Чтобы устранить всякую возможность каких бы то ни было перетолкований символа, отцы собора присоединили к нему такое анафематствование арианской ереси: «Говорящих же, что было (время), когда не было (Сына), что Он не существовал до рождения и произошел из не сущего, или утверждающих, что Сын Божий имеет бытие от иного существа или сущности, или что Он создан, или преложим, или изменяем, предает анафеме Кафолическая Церковь».

За исключением двух египетских епископов, Секунда и Феоны, все остальные подписали символ Никейский, выражая этим свое согласие с его содержанием; впрочем, Евсевий Никомидийский и Феогнис Никейский отказались дать свои подписи на анафематствование, присоединенное к символу. Таким образом вселенское определение веры было, по-видимому, почти всеми принято единодушно. Но последующая история арианских движений показала, что многие и очень многие епископы «подписались под символом только рукой, а не душою». Чтобы избежать отлучения и не потерять кафедр, подписали символ строгие ариане, в душе оставаясь такими же, как и прежде, еретиками. По соображениям, далеким от искренности, подписали символ и представители полуарианской партии. Глава их, Евсевий Кесарийский, в послании, написанном к пастве вслед за окончанием собора, объясняет, что он и его приверженцы «не отвергли слова „единосущный“, имея в виду сохранить мир, которого всей душой желаем», то есть из внешних соображений, а не из убеждения в истинности заключавшегося в нем смысла; что же касается приложенного к символу анафематствования, то Евсевий объясняет его не как проклятие самого смысла арианского учения, а только как осуждение внешних выражений последнего за то, что они не встречаются в Священном Писании.

Собором, по решении главного догматического вопроса, установлено было двадцать канонов по вопросам церковного управления и дисциплины; улажен был и пасхальный вопрос: собор постановил, чтобы Пасха праздновалась христианами непременно отдельно от иудеев и непременно в первый воскресный день, прилучившийся в

день весеннего равноденствия или непосредственно после него. Собор окончен был празднованием виценалий императора Константина, во время которых он устроил в честь епископов великолепное пиршество. Расстался император с отцами собора очень милостиво, увещевая их поддерживать мир между собою и прося молиться за него.

Воспоминание святого Великого Вселенского собора, бывшего в Никее, совершается Церковью 29 мая.

Ария[1] и двух открытых приверженцев его, Секунда и Феону, император, сразу по окончании собора, отправил в ссылку в Иллирию[2], провозгласив суровые наказания последователям ересеучителя, причем даже одно обладание его сочинениями вменялось как уголовное преступление.

Никейский символ, раскрывший православное учение о Божестве Второго Лица Пресвятой Троицы — Господа Иисуса Христа, и

---

[1] Партия Евсевия, пользуясь после собора все более и более возраставшим влиянием при дворе, добилась, чрез сестру императора Констанцию, что Арий вскоре после осуждения был позван из ссылки ко двору. В 336 году собор в Константинополе постановил, как можно думать, принять Ария в церковное общение; накануне (воскресного) дня, назначенного для осуществления этого решения собора, император, обманутый Арием, лицемерно подписавшим православный символ, нарочно вызвал к себе престарелого Византийского епископа Александра, внушая ему не препятствовать принятию Ария в Церковь. Выйдя от императора, Александр пошел в храм Мира (Ирини) и молил Бога о том, чтобы он сам или ересиарх были взяты из мира, так как епископ не хотел быть свидетелем такого святотатства, как приятие еретика в общение с Церковью. И промысл Божий явил над Арием справедливый суд Свой, в день торжества послав ему нежданную кончину. «Выходя из императорского дворца, — говорит о смерти Ария историк Сократ, — сопровождаемый толпой евсевианских приверженцев, как телохранителями, Арий гордо проходил посреди города, обращая на себя внимание всего народа. По приближении к месту, называемому Константиновой площадью, где воздвигнута колонна из порфира, ужас, происходящий от сознания своего нечестия, охватил его и сопровождался сильною болью в животе. Поэтому, он спросил, нет ли тут где по близости удобного места, и, когда ему указали заднюю часть Константиновой площади, он поспешил туда. Вскоре затем с ним сделался обморок, и вместе с испражнениями вышли его внутренности, сопровождаемые обильным геморроидальным истечением и выпадением малых кишок. Затем, вместе с излиянием крови вышли части его печени и селезенки, так что он почти немедленно умер».

[2] *Иллирия* — общее название в древности всего восточного прибрежья Адриатического моря с лежащими за ним местностями (теперешние Далмация, Босния и Албания).

осудивший, как ересь, хульные арианские умствования, не положил конца церковной смуте: арианствующие епископы, скрепившие соборное вероопределение своими подписями единственно из-за страха пред государственной властью, вскоре сумели привлечь последнюю на свою сторону и, поддерживаемые ею, вступили в ожесточенную борьбу с защитниками правой веры; в половине IV веке они одержали почти полную внешнюю победу над своими противниками, объединившимися под священной хоругвью Никейского символа. Хоругвь эту твердо и самоотверженно держал вначале святой Афанасий Великий[1], а потом, со смертью престарелого Александрийского епископа, она перешла в не менее мужественные и самоотверженные руки Великого Кесарийского епископа, святого Василия[2]; около этих двух выдающихся святителей Православной

[1] *Святой Афанасий Великий*, архиепископ Александрийский, приобретший имя «Отца Православия» за ревностную защиту последнего во время арианских смут, родился в Александрии в 293 году; в 319 году Александрийский епископ Александр посвятил его во диакона. Около этого времени святым Афанасием написаны были два первых его сочинения: 1) «Слово против Еллинов», где выясняется, что вера во Христа Спасителя имеет разумные основания и есть действительное познание истины, 2) о «Воплощении Бога-Слова», где раскрывается, что воплощение Сына Божия было необходимо и достойно Бога. Эти сочинения обратили внимание на святого Афанасия, который затем — как уже было замечено — на I Вселенском соборе, будучи еще молодым диаконом, выдвинулся как неустрашимый и искусный обличитель арианской ереси. Неудивительно, поэтому, что по смерти епископа Александра святой Афанасий, имевший только 33 года, избран был (8 июня 326 г.) на Александрийскую кафедру. В годы епископства святой Афанасий много претерпел скорбей от преследовавших его ариан: достаточно сказать, что из сорока лет своего епископского служения он, благодаря арианам, провел семнадцать лет лет шесть месяцев и десять дней в изгнании. Скончался он 2 мая 373 года, занимая, по возвращении из изгнания, кафедру. После святого Афанасия остались многочисленные сочинения, распадающиеся по содержанию на 1) апологетические, 2) догматико-полемические, 3) догматико-исторические, 4) труды по истолкованию Священного Писания, 5) нравоучительные, 6) и пасхальные послания, где, по древнему обычаю, святой Афанасий оповещал остальные церкви о времени празднования Пасхи, присоединяя к этим оповещениям наставления относительно веры и жизни христианской. О сочинениях этих преподобный Косма замечает, что если найдешь любое из изречений святого Афанасия и не имеешь бумаги, чтобы записать его, то должно «записать его хотя бы на одежде». Память святого Афанасия Православной Церковью совершается дважды: 2 мая и 18 января, где и положено его жизнеописание.

[2] *Василий Великий* родился в 329 году в Кесарии Каппадокийской. Отец и мать его принадлежали к родовитым семьям Каппадокии и Понта и имели возмож-

Церкви описываемого времени объединялись и прочие, остававшиеся Ей верными, епископы.

Борьба между православными и арианами, возобновившаяся вслед за окончанием I Вселенского собора и сосредоточившаяся первоначально на решенном отцами его вопросе о Божестве Христа-Спасителя, с течением времени вызвала появление новых ересей, из

ность дать своим многочисленным детям наилучшее по тому времени воспитание. На восемнадцатом году Василий слушал в Константинополе знаменитого софиста Ливания, затем пробыл несколько лет в Афинах, бывших центром высшего философского образования. Здесь в это время у него завязались тесные дружеские отношения с Григорием Назианзином (Богословом); здесь же он познакомился и с будущим императором Юлианом Отступником. Вернувшись на родину, Василий крестился, а затем был посвящен в чтеца. Желая ближе ознакомиться с монашеской жизнью, к которой стремилась его душа, Василий через Сирию и Палестину отправился в Египет, где монашество особенно процветало. Возвратившись отсюда в Кесарию, Василий приступил здесь к организации монашеской жизни, представители которой в Египте поразили его своими подвигами. Василий Великий основал несколько монастырей в Понтийской области, написав для них устав. В 364 году святой Василий был посвящен во пресвитера. В сане пресвитера он успешно боролся с арианами, которые, пользуясь покровительством императора Валента, хотели овладеть Кесарийскою Церковью. Заступник угнетенных и обездоленных, Василий, кроме того, основал множество убежищ для бедных; все это, в соединении с безупречною личною жизнью, приобрело ему народную любовь. В 370 году Василий был избран архиепископом родного города и, будучи святителем, выступил на поприще общецерковной деятельности; чрез послов он вступил в деятельные отношения со святым Афанасием Великим, которые поддерживал и путем письменного общения; завязал отношения и с папою Римским Дамасом, имея в виду объединить православных для победы над арианами и умиротворения Церкви. В 372 году император Валент, пытаясь водворить арианство в Кесарийской Церкви, хотел было путем угроз поколебать стойкость в Православии святого Василия. Для этого он отправил в Кесарию сначала префекта Эвиппия с другим своим царедворцем, а потом явился и сам. Святой Василий отлучил вельмож-еретиков от Церкви, а самого императора допустил в храм лишь для принесения даров. Император не решился привести в исполнение своих угроз по отношению к мужественному епископу. Святой Василий Великий скончался в 378 году сорока девяти лет. Память его Православная Церковь празднует 1 и 30 января. — После него остались следующие сочинения, представляющие собою богатый вклад в святоотеческую литературу: девять бесед на *шестоднев*; шестнадцать бесед на разные псалмы; пять книг в защиту православного учения о Святой Троице против Евномия; двадцать четыре беседы о разных предметах; краткие и пространные монашеские правила; устав подвижнический; две книги о крещении; книга о Святом Духе; несколько проповедей и триста шестьдесят шесть писем к разным лицам.

которых наиболее примечательны ереси, связанные с именами Аполлинария и Македония.

Епископ Лаодикийский Аполлинарий вышел из рядов православной партии. Не ограничиваясь отрицанием арианских положений в учении о Сыне Божием, Аполлинарий стремился утвердить положения им противоположные; это стремление и привело его к ереси. Так, в противоположность особенному ударению ариан, какое они, в зависимости от своего учения о Сыне Божием, как тварном существе, делали на признании во Христе всецело человеческой природы, Аполлинарий уничтожал человеческую личность в Господе Иисусе. С психологической точки зрения ему казалось невероятным учение Никейского символа, что во Христе соединились совершенное Божество и совершенное человечество: он рассуждал, что две сущности, с сохранением всех своих свойств, никогда не могут соединиться в одну. Немыслимым представлялась ему идея Богочеловечества и со стороны догматической: с полным человечеством связан грех; если же мыслить грех в естестве Христа, хотя бы как и возможность, то дело искупления для Него уже становится невыполнимым. Поэтому Аполлинарий полагал, что, восприняв при воплощении тело и душу человеческую, Христос не воспринял отличительной части человеческого существа — человеческого духа, так как последний необходимо предполагает свободу воли, а с нею и наклонность ко греху[1]; духа человеческого, по мысли Аполлинария, во Христе заменил Божественный Логос, господствовавший над злыми влечениями животной души[2].

Вскоре после I Вселенского собора (с 341 года) ариане вносят в свои символы и учение о Третьем Лице Пресвятой Троицы, Святом Духе, причем заметно выступает стремление, в полном соответствии с развитием арианского учения о Сыне Божием, «описать Святого Духа, как Ипостась раздельную, отчужденную, разобщенную от Отца и Сына». С течением времени по вопросу о Лице Святого Духа из

---

[1] Аполлинарий следовал греческому философу Платону при своем делении природы человека на тело, животную, или жизненную, душу и духовную, или разумную, Душу.

[2] Аполлинарий умер в 390 году. Ересь Аполлинария осуждена собором Александрийским 362 года, хотя без упоминания имени самого ересеучителя. В 375 году, когда Аполлинарий, отделившись от Церкви, начал образовывать свою секту, он был осужден собором в Риме; последнее осуждение было повторено II Вселенским собором.

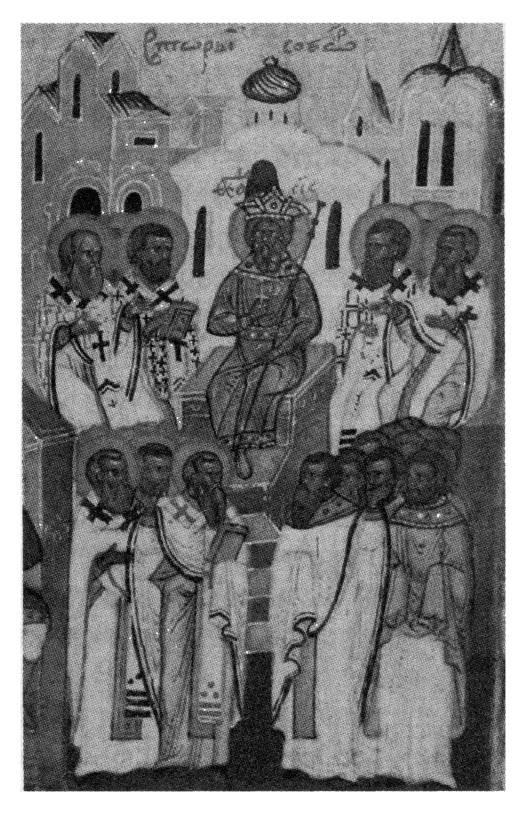
среды полуариан выделилась особая партия македониан, получившая свое наименование от Константинопольского епископа (с 355 по 359 год) Македония: партия эта, почитая Святого Духа Третьим Лицом Пресвятой Троицы только из чести, отличала Его по существу от Первых Двух Лиц, признавая творением, а не Богом[1]. Вообще в учении о Святом Духе существовала в IV веке, как среди православных, так и ариан, крайняя разобщенность мнений, которую святой Григорий Богослов изображает следующим образом: «Что касается до мудрецов нашего века, то одни почитают Его (то есть Святого Духа) действованием, другие тварью, иные Богом, а иные не решались сказать о Нем ни того, ни другого, из уважения, как говорят они, к Писанию, которое будто бы ничего не выразило об этом ясного, почему они не чтут и не лишают чести Духа, оставаясь к Нему в каком-то среднем, вернее же сказать, весьма жалком расположении. Даже из признающих его Богом одни благочестивы только в сердце, а другие осмеливаются выражать свое благочестие и устами. Но слышал я о других еще более мудрых измерителях Божества, которые хотя согласно с нами исповедуют Троицу, однако ж столько разделяют Лица Ее между Собою, что Одно почитают беспредельным по сущности и по силе (то есть Отца), Другое беспредельным по силе, но не по сущности (то есть Сына), а Третье — ограниченным и в том и другом» (то есть Духа).

Таким образом, пред созванием Вселенской Церкви опять был поставлен вопрос о Божестве Второго Лица Пресвятой Троицы и, кроме того, ересь Аполлинария и ересь Македония возбудила новые вопросы догматического свойства: первая о Богочеловечестве Христа Спасителя, а вторая о Святом Духе, Третьей Ипостаси Пресвятой Троицы.

Ответом на указанные вопросы и послужила деятельность II Вселенского собора. Собор этот созван был императором Феодосием Великим[2] в 381 году в Константинополе с целью «утверждения во

[1] Нужно заметить, что впоследствии, и именно ко времени II Вселенского собора, эта партия отказалась от своего еретического учения о Святом Духе, оставшись, однако, верной осужденному I Вселенским собором утверждению полуариан, что Сын *подобосущен*, а не *единосущен* Отцу. Поэтому обычное выражение, что II Вселенский собор созван «на Македония Духоборца», не находится в строгом соответствии с исторической действительностью.

[2] В это время Феодосий Великий был только императором Востока, сделавшись в 392 году единодержавным, обладателем как Востока, так и Запада, он на-



Второй Вселенский собор

всей империи Никейского учения против всех ересей». На этом соборе присутствовали одни только восточные епископы, их было сто пятьдесят[1] человек. Среди отцов собора находились великие святители того времени: Мелетий Антиохийский, Григорий Нисский, Кирилл Иерусалимский и Григорий Богослов. Первые заседания собора происходили под председательством Мелетия Антиохийского. В это время, по желанию императора и народа, на праздную Константинопольскую кафедру собором был избран святой Григорий Богослов. Вскоре Мелетий скончался и председателем собора, естественно, сделался вновь избранный епископ столицы, то есть Григорий Богослов. Первым делом нового председателя было внесение собору предложения уладить давно уже волновавший Антиохийскую Церковь раскол[2]. Он предложил отцам собора не выбирать преемника умершему Мелетию: выбор этот, по его мысли, нужно было отложить до кончины второго епископа Антиохии Павлина, когда обе

нес окончательный удар язычеству, издав закон, по которому служение богам признавалось таким же преступлением, как и оскорбление величества.

[1] Поэтому лишь позже (а на Западе только в VI в.), когда догматические определения собора по причине их особенной важности и достоинства были приняты всеми Поместными Церквами, за собором было признано всею Церковью значение вселенского.

[2] Раскол этот возник в Антиохии в начале 60-х годов IV века, когда в ней одновременно появились два епископа — Мелетий и Павлин; оба они разделяли управление над православною паствою Антиохийской Церкви и у каждого были свои сторонники, находившиеся в непремиримой вражде со сторонниками противной стороны.

враждующие партии Антиохийской Церкви уже с взаимного согласия могли бы выбрать себе епископа. Но собор отверг предложение председателя, благодаря чему между ним и отцами собора возникло охлаждение, окончившееся тем, что святой Григорий добровольно отказался от Константинопольской кафедры; тем более, что епископы Египта и Македонии, запоздавшие на собор и потому не дававшие согласия на избрание Григория Богослова епископом столицы, возбудили вопрос о правильности этого избрания в виду существования пятнадцатого правила I Вселенского собора, запрещавшего епископам переход с одной кафедры на другую[1]. В июне 381 года, после прощальной речи отцам собора, святой Григорий удалился в Назианз. Его место, по избранию собора, занял сенатор Нектарий, бывший еще только оглашенным; Нектарий немедленно крестился и потом в течение нескольких дней был рукоположен во все священные степени по епископскую включительно, так что даже святительские одежды он носил поверх белой одежды новокрещеного.

Догматическая деятельность II Вселенского собора нашла свое выражение в составлении символа, известного в истории Церкви под именем Никеоцареградского. Символ этот принят без изменений всею Православною Церковью и содержится каждым православным христианином, верным учению своей Матери — Церкви. До восьмого члена, то есть изложения учения о Святом Духе, символ II Вселенского собора представляет собою Никейский символ, измененный и дополненный отцами в виду тех ересей, которыми была вызвана необходимость созвания II Вселенского собора. В учении о Боге Отце Никейского символа отцы собора после слова «Творца» присоединили слова «неба и земли»[2]. В учении о Сыне Божием они заменили выражение («рожденного от Отца») «из сущности Отца,

---

[1] Святой Григорий Богослов был пред возведением на престол Константинопольской Церкви, будучи епископом местечка Сасим.

[2] Таким образом отцы собора в учении о Боге Отце, изложенном в Никейском символе, «не сделали никаких существенных пояснений» по причине отсутствия споров в Церкви о Первом Лице Святой Троицы; «нужно ли говорить об Отце, — замечает святой Григорий Богослов, — Которого не касаются по общему согласию (то есть в виду отсутствия разногласий) все водящиеся естественным смыслом» (то есть еретики).

Бога от Бога»[1] словами: «прежде всех веков»[2], вычеркнув изречение «на небе и на земле», идущее за словами: «чрез Которого все произошло». В последующее учение о Сыне Божием, содержащееся в Никейском символе, отцами собора вставлены некоторые слова, имеющие целью яснее выразить православное учение о плотском естестве Богочеловека ввиду некоторых ересей; слова эти здесь означены курсивом: «нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с *небес* и воплотившегося *от Духа Святого и Девы Марии*, и вочеловечившегося, *распятого за нас при Понтии Пилате* и страдавшего, *и погребенного*, и воскресшего в третий день *по писаниям*, и вошедшего на небеса и *седящего одесную Отца* и снова имеющего *приити со славою* судить живых и мертвых, *Которого царству не будет конца*»[3]. Никейский символ оканчивался словами (верую) «и в Духа Святого». II Вселенский собор дополнил его, присоединив к нему учение о Святом Духе, о Церкви, о крещении, о воскресении мертвых и жизни будущего века; изложение учения об этих истинах веры и составляет содержание VIII, IX, X, XI и XII членов Никеоцареградского символа.

II Вселенским собором составлено *четыре*[4] канонических правила, из коих особенно важное значение имеют два постановления:

---

[1] При существовании в символе слов «Бога истинного от Бога истинного» выражение «Бога от Бога» являлось некоторого рода повторением, которого и старались избежать отцы II Вселенского собора, когда опустили последнее изречение.

[2] Слова «прежде всех веков», заменившие изречение Никейского символа «из сущности Отца», с исчерпывающей определенностью указуют на предвечное рождение Сына Божия, тогда как выражение Никейского символа: «рожденный от Отца, то есть из сущности Отца» и «единосущный Отцу» «могли приводить к мысли, что сначала последовало рождение Сына от Отца, и потом бытие Его с известными свойствами».

[3] Таким образом деятельность отцов II Вселенского собора, как видно, не была отменой или изменением по существу Никейского символа, но лишь более полным и определенным раскрытием содержавшегося в нем учения, и сами отцы правилом постановили: «да не отменяется символ веры трехсот осминадесяти отцов, бывших на соборе в Никее, что в Вифинии, но да пребывает оный непреложен».

[4] Хотя в греческих, славянских и русских изданиях II Вселенскому собору приписывается 7 правил, но в действительности ему принадлежат только первые четыре, о которых упоминают и церковные историки V века. Правила же 5 и 6 составлены на Константинопольском соборе 382 года, 7-е представляет собою сокращение послания, сделанного Трулльским собором (692 г.) от лица Константинопольской Церкви к Антиохийскому епископу Мартирию.

1) запрещение епископам одних поместных Церквей вмешиваться в дела других Церквей и 2) предоставление епископам Константинополя, как Нового Рима, первого места в смысле чести вслед за Римскими епископами. Воспоминание II Вселенского собора Православною Церковью совершается 22 мая.

АЛФАВИТ СВЯТЫХ,

жития и память которых помещены в этой книге

* Звездочка, поставленная около имени святого, означает, что в книге помещено его изображение.

ПРАЗДНИКИ И ПАМЯТИ

Старинные меры длины и денежные единицы

Аршин — мера длины. В XVI–XVII вв. в России делился на 4 четверти и был равен 72 см; при Петре I был установлен = 16 вершкам = 71,120 см = 0,7112 м. Размер аршина в различных странах от 65,2 см до 112 см.

Верста — русская путевая мера длины. В древней русской литературе применяли поприще в том же смысле, что и верста (750 сажень). В XVIII — нач. XX вв. 1 Верста = 500 сажень = 1500 аршин = 1,06680 км.

Вершок — старая русская мера длины. В XVI – нач. XX вв. 1 вершок = 4,4450 см.

Драхма — древнегреческая весовая и денежная единица. В Древней Греции драхма являлась денежной единицей равнялась 1/100 мины, делилась на 6 оболов, 600 драхм составляли 1 талант. Вес драхмы в разных частях Греции был разным. Наиболее распространенной была аттическая драхма равная 4,25 г.

Златник — первая русская золотая монета, обращавшаяся в Киевской Руси в конце X века, масса около 4,2 г.

Золотник — старая русская мера веса (массы). В XVIII в. принято деление на 96 долей, размер остался тем же, 4,26575 г. Золотник применяли при определении пробы драгоценных металлов.

Литра — 1) Древ. сицилийская весовая ед., первонач. равна 1/240 таланта (109,15 г), позднее 1/120 таланта (218,3 г), а с IV в. до н.э. — монета. 2) Византийский фунт — 327,45 г.

Локоть — древняя единица длины. Первоначально локоть определяли как расстояние по прямой от локтевого сгиба до конца среднего (или большого) пальца вытянутой руки (либо сжатого кулака). В древние времена в Вавилоне и Египте царский локоть был равен 0,555 м, народный локоть — 0,45 м, в Сирии локоть был равен 0,370 м, в Риме — 0,4434 м. В России локоть был равен около 51 см, в XVI–XVII вв. — 48 см. В XVIII в. локоть выходит из употребления.

Миля — единица длины. В Древнем Риме милю определяли как «тысячу двойных шагов вооруженного римского воина (легионера)». Она равнялась 1481 м. В России применяли милю, равную 7 верстам или 7467,60 м.

Поприще — мера расстояния. Состояло из тысячи больших шагов, а в каждом таком шаге считается пять стоп. Локтей в поприще 2000; оно равно приблизительно 690 сажень.

Сажень — старая русская мера длины. В XI–XIII вв. сажень содержала 3 локтя и равнялось около 152 см. Это была так называемая прямая сажень, определявшаяся размахом рук человека от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой. В XIV в. эта сажень постепенно заменяется мерной (маховой) саженью, которая равнялась 2,5 аршина или 180 см. Применяли также сажень косую (великую), равную 248 см (определялась расстоянием от пальцев ноги до конца пальцев руки, вытянутой по диагонали), и сажень без чети, равную 197 см. В XVIII в. в качестве основной выделяется казенная (косая) сажень, равная 3 аршинам или 216 см. В XVIII — нач. XX вв. 1 сажень = 3 аршинам = 2 полусажени = 48 вершков = 12 четвертям = 100 соткам = 2,13360 м.

Стадий, стадия — древнегреческая мера длины, равная приблизительно 150–190 м.

Фут (буквально — ступня) — единица длины. В России фут начали применять в XVIII в., он равнялся 1/7 сажени или 0,30480 м.